

РУССКАЯ
ПРОЗА
XVIII
ВЕКА

РУССКАЯ
ПРОЗА
XVIII
ВЕКА

ГОСЛИТГИЗДАТ

1

РУССКАЯ ПРОЗА

XVIII
ВЕКА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ◆ 1950 ◆ ЛЕНИНГРАД

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
«РУССКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА»
Г. П. МАКОГОНЕНКО**

**ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И ПРИМЕЧАНИЯ
А. В. ЗАНАДОВА И Г. П. МАКОГОНЕНКО**

РУССКАЯ ПРОЗА XVIII ВЕКА

«Русская литература была очень сильна демократизмом, своим страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа», — писал Горький. Советская литература, занявшая самое передовое место в мире, прочно опирается на богатейшее наследие многих поколений русских писателей. Классическая русская литература XIX века, литература Пушкина и Гоголя, Белинского и Герцена, Чернышевского и Толстого, Чехова и Горького, давно получила всемирное признание. Эпохе такого небывалого расцвета предшествовал долгий и славный путь. В преддверии этой эпохи стоит литература XVIII века.

Передовая русская литература XVIII—XX веков складывалась в ожесточенной классовой борьбе. Строя советскую культуру, воспитывая советский патриотизм, мы используем богатые и замечательные традиции нашего народа, которые вдохновляют советских людей на отважную борьбу за полное торжество коммунизма. При этом «...мы из *каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации».¹ В литературе XVIII века демократические элементы с наибольшей последовательностью и силой проявились в творческой практике русских дворянских просветителей. Вот почему наследие Новикова, Фонвизина, Радищева и Крылова привлекает наше внимание прежде всего.

Для России XVIII век — славный период в истории «подымающейся нации».² Творческий гений русского народа нашел в эту эпоху свое замечательное воплощение в различных сферах культурной, общественной и государственной жизни. Начало века ознаменовано великой войной со Швецией, угрожавшей национальному существованию России. Битвы, которые вела русская армия, были битвами за существование народа, за будущее русского государства. «С этим периодом, — писал Герцен, — связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста, нашей славы и наших бедствий».³ Именно в эту пору с небывалой силой утверждались в новых исторических

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 8.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 227.

³ «Полярная звезда», кн. III, Лондон, 1856, стр. 238.

условиях славные патриотические традиции. Эти традиции нашли свое воплощение прежде всего у писателей начала века — Феофана Прокоповича и Михаила Ломоносова.

Мощное развитие русской литературы в XVIII веке выразилось не только в становлении и расцвете поэзии и драматургии, но и прозы. Однако издавна утвердилось представление, что русский литературный XVIII век — век прежде всего поэтический. Изучение сосредоточивалось в большинстве случаев на поэтах.

В начале века внимание привлекают имена Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова. Вторая половина века принесла торжество целой поэтической школы дворянского классицизма. Ее вожди — Сумароков и Херасков, ее наиболее крупные представители — Капнист и Майков, Николев и Петров, Богданович и Княжнин — поэты. 80-е годы ознаменовались появлением крупнейшего поэтического таланта — Державина. Следом за ним выступила новая поэтическая школа сентиментализма — Карамзин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий. Поэзия торжествовала не только в лирических и эпических жанрах, но и в театре — драматические сочинения Сумарокова, Княжнина, Капниста, Николаева писались стихами.

В то же время бурно развивалась русская проза. Начав свое новое историческое существование с петровской поры, она достигла замечательных успехов в последней трети века. Но до сегодняшнего дня эти успехи прозы XVIII века в должной мере не оценены. Настоящее издание — первая попытка собрать лучшие образцы русской прозы XVIII века. Идейное и жанровое разнообразие прозы XVIII века, представленное в данном собрании избранных сочинений, свидетельство ее богатства.

Современный читатель, привыкший к роману и повести, рассказу и очерку, созданным литературой XIX века, не найдет в настоящем издании знакомых ему жанров. Даже романы Чулкова и Крылова, рассказы и повести Карамзина еще не приняли знакомую нам по XIX веку форму. Русская проза XVIII века началась с газеты, с ораторского «слова», с делового документа, с петровских указов и «предисловий» к различным книгам, объяснявших, например, причины и значение для России войны с Швецией и просветительских преобразований, с ломоносовских писем, проникнутых страстным патриотическим желанием обновления отечества. Вот почему для прозы XVIII века характерна публицистичность.

Распространенным в XVIII веке был жанр писем. У Ломоносова письма — образец научной прозы. «Письма из Франции» Фонвизина — это увлекательные путевые очерки в нашем современном понимании. Письма в «Живописце» у Новикова и в «Почте духов» у Крылова — условный литературно-сатирический жанр, первый предвестник рассказов. «Письма русского путешественника» Карамзина — сочинение сентименталиста, использующего возможности эпистолярной формы для придания своему повествованию характера исповеди, для осуществления желания поделиться с читателем своими душевными переживаниями.

Сочинения Радищева в жанровом отношении более всего подготавливают творчество прозаиков XIX века. «Житие Ф. В. Ушакова» прямо ведет

нас к повести. «Путешествие из Петербурга в Москву» — первый подступ к социальному русскому роману.

Вне достижений всей русской литературы XVIII века, как поэзии, так и прозы, не может быть понята и раскрыта литература XIX века, и прежде всего литература русского реализма, основоположником которой явился Пушкин. Поэзия дворянского классицизма, сыграв свою историческую роль, исчерпала себя уже к концу века. Иной оказалась судьба поэтического наследия Ломоносова, Державина и Радищева — оно явилось прочным фундаментом для поэзии декабристов и Пушкина.

Проза XVIII века — богатое явление не только историко-литературного, но и общественно-политического развития: она была носителем демократических традиций. Проза, прежде всего, противостояла дворянской поэтической культуре. В ту пору жанровое деление обозначало и резкую социальную дифференциацию. Господствовавшая тогда поэзия дворянского классицизма была преимущественно ориентирована на изысканного дворянского читателя. Дворянская поэзия защищала интересы своего класса, воспитывала «благородное сословие» в духе кодекса дворянской чести. Правда, иногда она критиковала те или иные явления общественной и социальной жизни, но критиковала всегда со своих кастовых позиций, вынужденно считаясь с настроениями крепостных, проявлявших в ту пору с небывалой энергией желание сбросить с себя ярмо рабства. Дворянская поэзия рекомендовала некоторые уступки мужикам, чтобы не развязать, не обострить предельно их ненависть к помещикам.

Проза в XVIII веке обращалась к «среднему роду людей», к разночинной и передовой дворянской интеллигенции, и даже к грамотному мужику. Поэтому в 70—80-е годы писатели-прозаики создали довольно широкий круг читателей, русскую читающую публику. Белинский, высоко оценивая этот факт, прямо указывал, что честь создания читающей публики принадлежит просветителю Новикову, ибо именно он «распространил в обществе страсть к чтению».¹

В прозе XVIII века были подняты большие и острые политические и социальные вопросы. Еще Феофан Прокопович, воплощая требования Петра, приступил к созданию боевой гражданской публицистики. Но особенно велико значение Ломоносова — «Петра Великого» русской литературы в развитии прозы. Прежде всего он своим учением о гражданской роли литературы и писателя определил ее идейность, ее обязанность служить благу отечества и народа. Патриотизм Ломоносова в эту пору оказал огромное плодотворное влияние на передовую литературу. Сумароков и его школа боролись с Ломоносовым, а Новиков, Фонвизин, Радищев опирались на его достижения. Ломоносову же принадлежит честь создания первых образцов научной прозы.²

В 60-е годы XVIII века в литературу пришли писатели-разночинцы. Отражая начальный процесс развития капиталистического уклада в России, они

¹ В. Белинский. Сочинения, т. X, стр. 310.

² Подробнее о творчестве писателей, чьи сочинения включены в настоящее издание, см. во вступительных статьях.

выступали против классицизма, создавая иную, антидворянскую литературу. Талантливейший из них Чулков писал прозаические сочинения, демократические по своему духу. Ведущей темой прозы стала «низкая», с точки зрения дворянских писателей, действительность. Появился новый, не дворянский герой. Зазвучала сатира на социальные порядки, появились обличения злоупотреблений крепостников. Но сочинения эти лишены высокой идейности, ибо они были ограничены буржуазным мировоззрением их авторов.

Перелом в политической жизни страны в 60-е годы создали крестьянские волнения; по новейшим данным, в этих волнениях принимало участие до 250 тысяч крестьян. Это заставило правительство пойти на некоторые уступки. Боясь мужика, Екатерина стала щедрой на либеральные обещания и фарисейские декларации. Следствием такой политики явился созыв Комиссии для сочинения нового Уложения. В Комиссии выступили крестьянские депутаты с изложением жалоб, с рассказами об отягощениях крепостного мужика. Речи крестьянских депутатов, а через несколько лет манифесты Пугачева — эти образцы подлинно народной публицистики — оказали немаловажное идейное влияние на передовую литературу.

Прямым следствием выступлений крестьянских депутатов в Комиссии явилась крестьянская тема в литературе. Новиков первым пишет обличительные сочинения против крепостников в своих журналах «Трутень» и «Живописец». Проза приобретает новое идейное качество: она заговорила о самом главном — о крепостном праве, о положении народа.

70—80-е годы XVIII века — расцвет русской прозы. Общественно-литературную жизнь начинает определять журналистика (в журналах господствует проза). В авангарде передовой литературы этой поры идут дворянские просветители-прозаики — Новиков и Фонвизин со своими резко обличительными сочинениями. В конце 80-х годов в ряды передовых писателей войдет Крылов — талантливейший ученик русских просветителей.

Общественная позиция независимости от правительства определяет характер творчества этих писателей. Они создали литературу, враждебную культуре крепостников и самодержавной политике. Это о них, отстаивавших свою независимость, сказал Пушкин: «Словесность отказывается за нею (Екатериную. — Г. М.) следовать точно так же, как народ (члены Комиссии — депутаты)».

В прозе 70—80-х годов XVIII века прочно утвердилась антикрепостническая тема. Писатели-просветители показали пример мужественного обличения политического режима екатерининского самовластия. В своих сочинениях Новиков, Фонвизин и Крылов смело пошли на сближение языка литературы с разговорной речью широких разночинных слоев. Более того, они сделали попытку демократизации прозы, органически включив в нее пословицы и поговорки «низкого состояния людей».

Именно в прозе XVIII века стала сказываться эстетика «действительной живописи», поэзия реальности, поэзия действительности, приурочивающая реализм. При этом реализм в прозе вырастал из сатирического отношения к действительности. Сатира мощно вела русскую литературу к критическому

реализму. Творчество Новикова, Фонвизина и Крылова явилось поэтому этапом в развитии русской прозы.

В битвах с иноземными захватчиками русский народ развивал патристические традиции. В непрерывной борьбе крепостных крестьян со своими поработителями-помещиками создавались революционные традиции. Во второй половине XVIII века глухая и часто скрытая борьба крепостных вылилась в открытую войну вооруженного крестьянства под руководством Пугачева. Социальная проблема стала главной в жизни русского общества. Вопрос о крепостничестве, о правах крестьянина, о судьбе закабаленного хлебопашца становится центральным. Русские просветители не могли не прислушиваться к голосу народа. Но и стать открыто на его сторону им мешала дворянская ограниченность. Только Радищев оправдал крестьянское восстание, поняв его закономерность и справедливость.

Радищев — первый русский революционер. Его деятельность, вдохновленная самоотверженной борьбой русских крепостных, ознаменовала начало нового исторического этапа — появления в России дворянской революционности. Мыслитель огромного масштаба, он поднялся выше передовой политической теории эпохи буржуазной революции, теории французского Просвещения. Радищев — идеолог крестьянской революции, и с этих позиций он как художник подверг беспощадному суду российскую действительность. Опираясь на достижения своих предшественников, он уже не *критиковал* крепостное право и екатерининское самодержавие, как это делали Новиков и Фонвизин, а *отрицал* крепостное право и самодержавие в принципе. Радищев отверг утопические представления своих предшественников о возможности мирного решения социально-политических вопросов. Он указал на народную революцию как на единственный путь уничтожения рабства и самодержавия, установления истинной свободы человека, на народ — как великую творческую силу исторического процесса. Тем самым Радищев вывел русскую литературу на широкий и ясный путь народности.

Радищев совершил литературный переворот, изобразив народ в своем «Путешествии из Петербурга в Москву». Он первым выступил с критикой буржуазных свобод, философии буржуазного индивидуализма, оградив русскую литературу от растленного влияния собственнической идеологии буржуазии Запада.

Сочинения русских просветителей были высшим достижением русской культуры XVIII века. В XVIII веке был заложен прочный фундамент для расцвета самобытной и демократической в своем существе литературы.

Великую силу сочинений русских просветителей понимали не только их «сочувственники», но также враги, и прежде всего русское самодержавие. Вот почему Екатерина II учинила расправу над неугодными ей деятелями. Это она первая начала яростно истреблять совесть народа — русских писателей: Радищев был посажен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в глухой край Сибири; Новикова заточили в Шлиссельбургскую крепость; больного Фонвизина подвергли травле, изъязив из общественной жизни. Когда юный Крылов попытался продолжить дело своих учителей, он немедленно был настигнут тяжелой десницей власти. Произведения просветителей

были запрещены. Даже упоминание имени гонимого писателя считалось преступлением.

В эпоху реакции — в 90-е годы — господствующее место заняла дворянская литература. В новых исторических условиях защита дворянских привилегий, сословных интересов, отстаивание крепостничества и самодержавия проходили под знаменем приспособленного для этих нужд литературного направления — сентиментализма. Во главе новой школы стал Карамзин, окруженный многочисленной толпой своих мало талантливых последователей и эпигонов. Первое десятилетие XIX века — период расцвета школы дворянского сентиментализма. Сентименталисты объявляют себя высшим достижением русской литературы. Карамзин — центральная фигура этого литературного периода. Он действовал на грани двух эпох и был объявлен своими последователями вершиной литературного развития XVIII столетия. Спешно создавалась ими своя родословная, и из славного прошлого русской литературы решительно выбрасывалось все сатирическое, обличительное направление. С еще большей решительностью исключалось наследие просветителей. В русском XVIII веке карамзинисты опирались на монархическую публицистику и литературные произведения писателей типа Хераскова и Богдановича, умевших прославлять русских царей и защищать крепостное право языком «сердца», с позиций «чувствительности». Главными же учителями были объявлены западные сентименталисты: Стерн, Ричардсон, Мармонтель, м-м Жанлис и даже враждебный им своею демократичностью Руссо, специально приглаженный для этого и по-своему истолкованный.

В 800-е годы карамзинизм встретил оппозицию в рядах реакционного русского дворянства. Его идеолог Шишков обвинил Карамзина и карамзинистов в недостаточном отстаивании режима крепостничества и самодержавия. Но Карамзин был умнее и дальновиднее Шишкова, он знал: после пугачевского восстания, после французской революции надо изменить тактику и пойти на уступки, чтобы сохранить крепостное право и укрепить монархию. Уступки делались лишь в моральной сфере, но они были необходимы, так как позволяли сеять либеральные иллюзии. Знаменитый спор между Шишковым и карамзинистами по вопросу о языке был политическим спором внутри дворянства — о мере уступок крепостному мужику. И Шишков и карамзинисты были опорой официальной политики в течение всего александровского царствования. Они спорили о языке, но равно отстаивали незыблемость самодержавно-крепостнических устоев. Но, несомненно, карамзинизм в ту эпоху был явлением прогрессивным в сравнении с Шишковым и его последователями.

Нет нужды доказывать, что Карамзин занимал особое место в сентиментализме, будучи бесконечно выше своих учеников типа Подшивалова и Милонова, Шаликова и Измайлова. Поэтому его творчество часто приобретало объективно более широкое и общественно-важное значение, чем субъективные намерения консервативного писателя. Так, в годы екатерининско-павловской реакции нельзя не приветствовать хотя бы и робкий и непоследовательный гуманизм писателя, плодотворную работу над русской повестью, карамзинское внимание к внутреннему миру человека и попытку

раскрыть психологию индивидуальной личности. Именно эти черты и были усвоены его единственно талантливыми учениками в 10-е годы XIX века Жуковским и Батюшковым. Еще больше историческая заслуга Карамзина в развитии русского литературного языка.

Но при всем этом совершенно ясно, что в общественно-политической борьбе конца XVIII и начала XIX века Карамзин-писатель, как защитник дворянских привилегий, и прежде всего дворянского «права» владения крепостными, выступал идейным противником не только революционера Радищева, но и просветителей — Новикова, Фонвизина и Крылова. Его ученики и последователи занимали еще более консервативную, а порой и реакционную позицию в классовых битвах, развернувшихся в 10—20-х годах.

Но, несмотря на очевидность этого положения, Карамзин и его школа до сих пор считаются единственными носителями прогрессивной идеологии до декабризма.

Пресловутый спор карамзинистов с Шишковым о языке в начале XIX века принес сентименталистам неожиданные для них лавры борцов за прогрессивные идеи. Либерально-буржуазная наука решила объявить основным содержанием общественно-литературной жизни первых пятнадцати лет XIX столетия борьбу Шишкова и карамзинистов. Так Карамзин превращен был в оруженосца передовых идей. Следующим за спором о языке между двумя лагерями дворянской литературы крупнейшим политическим и литературным событием был декабризм. Получалась некая насквозь фальшивая, мнимая преемственность: в начале века носителями передовых идей оказываются Карамзин и его школа, а вслед за ними — в 10—20-е годы — декабристы. С особой полнотой эта антиисторическая и вредная концепция проявляется в объяснении творчества Пушкина. Он объявляется наследником Карамзина, воспитанником и учеником Жуковского и Батюшкова, этих единственно талантливых продолжателей карамзинских традиций в 10-х годах. Несомненно, творчество этих поэтов имело значение для Пушкина, особенно в юношеский период, на что в свое время и указывал Белинский. Но идейными учителями Пушкина ни Жуковский, ни Батюшков никогда не были.

Развенчание легенды о карамзинской школе — носительнице передовых идей до декабризма поможет установить историческую истину и восстановить действительное положение вещей. Факты свидетельствуют, что основным содержанием общественно-политической и литературной жизни первой четверти XIX века является становление и торжество дворянской революционности, литературы декабризма. К середине 10-х годов, с момента появления вольнолюбивых стихов Пушкина, эта литература уже выступила как мощное явление. 800-е годы — годы формирования передовой политической идеологии. Эта идеология складывалась в борьбе с враждебными ей течениями и направлениями (карамзинизм, шишковисты), развивалась на прочном фундаменте завоеваний русской просветительской и революционной мысли. Декабристы воспитывались по книгам Радищева, сочинениям Фонвизина и Новикова. В 800-е годы в Московском университете десятки юношей, будущие декабристы, формировались в атмосфере новиковских просветительских традиций, учась ненавидеть крепостничество и самодержавие.

В Петербурге новому поколению эстафету передавали сами просветители: Радищев и Крылов.

В 1801 году в столицу вернулся Радищев. Он объединил вокруг себя своих последователей и учеников. Сочинения, написанные им в этот период, и особенно его стихи не только продолжали прежнюю линию, но были заострены против Карамзина и его школы. Последователи Радищева с 1806 года начнут издание сочинений русского революционера. За исключением запрещенных «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность», были изданы почти все его произведения. Издание сочинений Радищева в конце 800-х годов — важнейшее событие этого десятилетия. Юноши Грибоедов и Пушкин читали эти книги и воспитывались по ним. Вот почему в начале 20-х годов Пушкин, выражая общую мысль декабристов, составивших свою родословную, прямо указывает на Фонвизина, Новикова и Радищева как на их предшественников. О последнем он пишет Бестужеву по поводу его сочинения о русской литературе: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»

После Радищева Крылов в течение многих лет был живым носителем традиций русского просвещения XVIII века. Ученик Новикова и Радищева, он в своем гениальном басенном творчестве показал, как плодотворны достижения передовой литературы XVIII века.

Историческое значение русской прозы XVIII века определяется, между прочим, и тем, что она, несмотря на запрещение, вопреки действиям самодержавия, была взята на вооружение новыми носителями передовых демократических и революционных идей — Пушкиным, Грибоедовым, декабристами. Вот почему начинать историю русской литературы XIX века необходимо с Радищева. Его творчество — высшее достижение культуры XVIII века. Он осуществил связь двух веков и передал наследие ушедшего века новому поколению.

Советский читатель с гордостью за русскую литературу, за русскую общественную мысль примет сочинения, в которых высказана глубокая вера в творческие силы народа, в его разум, в его труд, в его будущее. Чувство благодарности и восхищения вызывает у нас страстный патриотизм Ломоносова и Новикова, Крылова и Фонвизина, патриотизм первого русского революционера Радищева, понявшего, что любить родину — значит способствовать освобождению народа из оков рабства. Нас не может не волновать оптимизм «пророческого вольности», его великая любовь к России и русскому народу, его пророческие слова о будущей победе русской революции, о процветании свободного отечества.

Г. Макогоненко

П Р О З А
ПЕТРОВСКОЙ
Э П О Х И

ПРОЗА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Всем историческим путем развития России были подготовлены крупнейшие преобразования, происшедшие в стране в начале XVIII столетия и связанные с деятельностью царя Петра I.

«Петр Великий сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев, — указывает И. В. Сталин. — ...возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».¹

С первых лет своего царствования Петр I стремился обеспечить России свободные выходы к морям, чего настоятельно требовали государственные интересы. Он начинает войну с Турцией за Черное море. В 1696 г. была взята турецкая крепость Азов. В боевых действиях принимал участие русский военный флот, построенный Петром и спущенный в воды Дона. Для дальнейших операций против крепости Керчь и для утверждения владычества России на Черном море понадобилось значительное усиление флота, и строительство кораблей было развернуто в большом масштабе. Однако, чтобы успешно вести войну с Турцией, необходимо было обеспечить союз с европейскими государствами. Дипломатические переговоры с Австрией, Польшей, Голландией, Англией Петр вел сам во время своей заграничной поездки 1697—1698 гг. Они не привели к желаемым результатам, да это и не имело уже особо важного значения, так как Петр понял, что Балтийское море является большей необходимостью, чем Черное, и принялся готовить выступление против Швеции. С Турцией в 1700 г. был заключен мир, и русские войска двинулись в поход против шведов. Началась Северная война, тянувшаяся 21 год. В результате войны было навсегда сломлено могущество Швеции, она заняла положение второстепенной державы, и Россия прочно утвердилась на Балтийском побережье, став одним из сильнейших государств мира.

В ходе войны Петр вернул России испокон веков принадлежавшие ей земли, расположенные по реке Неве, и вышел к Балтийскому морю. «Все его жизненное дело видится на завоевании Балтийского побережья, — говорит Маркс. — Самый факт преобразования Московии в Россию был возможен благодаря ее превращению из полуазиатского континентального

¹ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1932, стр. 3.

государства в наиболее могущественную морскую державу на Балтике». ¹ В этой борьбе Петр испытал горечь поражения — шведы разбили в 1700 г. русскую армию, подступившую к Нарве, — но, справившись с временной неудачей, Петр скоро добился блестящих побед. Русская армия благодаря быстрому развитию промышленности получила хорошее оружие, все потребности войск удовлетворялись полностью. Петр реорганизовал артиллерию, на многие годы опередив своими реформами практику европейских государств, усилил русский флот, организовал подготовку офицерского состава, создал «прямое регулярное войско», введя рекрутские наборы для постоянной службы в армии взамен ополчения, созывавшегося ранее только во время войны.

В войне со Швецией Россия одержала ряд славных побед. В 1702 г. была взята шведская крепость у истока Невы — Нотебург — Орешек (ныне Петрокрепость), в следующем, 1703 г., русская армия очистила устье Невы, и началась постройка новой столицы империи — Петербурга. В 1704 г. была взята Нарва. Полтавская битва (1709 г.) положила конец военному могуществу шведов. Победа была полной и решающей. Шведская армия перестала существовать. «...Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России», — замечает К. Маркс. ²

Внутри страны шли лихорадочные работы. Возникали заводы, строился флот, открывались школы, создавались новые государственные учреждения. Петр заботливо охранял интересы дворянства и купечества, но жестоко эксплуатировал крестьян. Налоговые сборы были увеличены почти в три раза. Народ, несший тяжелое бремя помещичьего владычества, поставлявший рекрутов в армию и рабочих на заводы и строительство, волновался и восставал. В 1705 г. в Астрахани произошло восстание, вскоре охватившее юго-восток России. Оно было подавлено со всей жестокостью. В 1707—1708 гг. на огромной территории Дона и Поволжья разгорелось восстание под руководством атамана Кондратия Булавина. Восстанием были охвачены многие уезды центральной России, оно приобрело поистине грандиозный размах и тем не менее окончилось разгромом. Стихийный характер восстания, его царистская окраска (Булавин вначале выступал против помещиков от имени Петра I), типичные черты крестьянских движений, помешали его успеху. Булавинское восстание не могло победить, потому что в то время не было еще рабочего класса, который мог возглавить движение и привести к уничтожению царизма.

Петровские реформы имели многочисленных врагов и в среде правящих классов. Петр властной рукой разрушал устоявшийся быт боярских семей, насаждал новые обычаи, что вызывало недовольство бояр и попытки отпора царю.

В. И. Ленин, говоря о «европеизации» России, указал, что «...Петр ускориł переизменение западничества варварской Русью, не останавливаясь перед

¹ К. Маркс. История секретной дипломатии.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 9.

варварскими средствами борьбы против варварства». ¹ Зараза низкопоклонства перед Западом пустила корни в дворянском, а затем и в буржуазном классе.

Петр ожесточенно боролся с «глупостью и недознанием певежд». Он содействовал просвещению в России, развивая издательскую деятельность, которая первоначально носила главным образом практический характер, — печатались наставления и руководства по фортификации, кораблестроению, навигации, артиллерии, архитектуре, разнообразные учебные пособия. Большое внимание уделялось научной литературе — политическим рассуждениям, юридическим трактатам, сочинениям по истории, мифологии, географии.

Петр создал газету «Ведомости», официальный правительственный орган.

До появления «Ведомостей» Московское государство газет не знало. При дворе царя Алексея Михайловича существовал обычай переписывать заграничные известия для прочтения царем и ближайшими боярами, но рукописи эти были окружены строгой тайной и изготовлялись только в одном экземпляре.

Теперь понадобилось обратиться к более широкому слою читателей. Петр хотел извещать Россию о военных успехах в борьбе со шведами, о росте промышленности и торговли, о взаимоотношениях с иностранными державами. 15/26 декабря 1702 г. Петр подписал указ о создании печатной газеты «Ведомости о военных и иных делах», а на следующий день вышел и первый номер. «Ведомости» совсем не походили на современные периодические издания. Формат газеты маленький, меньше половины страницы школьной тетради. Газета набиралась церковным шрифтом и только с 1710 г. начинает переходить на гражданский шрифт, незадолго до этого введенный Петром. Сроки выхода были различны: в иной год появлялся лишь один номер, в другой — двадцать, в третий — семьдесят. Количество экземпляров каждого номера колебалось от нескольких десятков до нескольких тысяч, когда в газете печатались особо важные известия.

Постоянными сотрудниками газеты в 1719—1720 гг. были назначены Борис Волков и Яков Синявич — первые русские журналисты.

Материал для газеты подбирался из указов Петра, писем к царю генералов и заграничных дипломатов. Внутренние известия поступали из различных ведомств, коллегий, которые весьма лениво выполняли эту обязанность и неоднократно подталкивались Петром, принимавшим ближайшее участие в издании «Ведомостей». Характер заметок говорит о том, что газета была органом правительства «государства помещиков и торговцев», для развития которого трудился Петр.

Первая русская газета уделяет много места описаниям военных действий. Она связано и толково передает военные происшествия, в изобилии сообщая боевые подробности.

Появляющиеся в русском языке специальные военные и дипломатические термины находят разъяснение в скобках: «пардон (милость) получить»,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 27, стр. 307.

«неприятелю такой трактament (потчевание) учинили». С 1728 г. предпринимается специальное издание «Примечаний» к «Ведомостям», перед которыми ставится задача разъяснения непонятных слов и выражений в тексте газеты. Однако составители «Примечаний» превратили издание в своеобразный журнал с широкой научной программой, в котором печатались и литературные произведения, например оды Ломоносова.

В публицистике начала XVIII столетия утверждается идея преобразования русского государства, происходившего на глазах современников. Книга П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Первый... к начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел», изданная в 1717 г., содержит характеристику петровского царствования и рисует величественную картину проведенных в стране преобразований. Думой о судьбах России, о том, как смягчить общественное неустройство, проникнута книга замечательного демократически настроенного русского мыслителя из крестьян И. Т. Посошкова (1652—1726), написанная им в 1724 г. Посошков говорит о тяжелой пужде русского крестьянина, о его несправии, требует просвещения для народа. Он резко критически отзываясь о дворилском сословии, не радеющем о нуждах государства. Здоровое чувство национального достоинства подсказывает Посошкову высокую оценку творческих сил русских людей и осторожное отношение к иностранцам. «Надобно от них опасаться, — пишет он, — потому что свой своему поневоле друг, и никогда иноземец не сверстает собою русского человека... не надежно им во всем вероватися: всегда он своеплеменному лучше порадеет, и того ради надобно за ними гораздо смотреть».

Книга Посошкова, представляющая собой солидный политико-экономический труд, написана русским народным языком, насыщена поговорками, пословицами, меткими и остроумными сравнениями. Многие страницы ее имеют обличительный, сатирический характер. Книга свидетельствует об острой наблюдательности автора и о его огромном жизненном опыте.

Выдающимся публицистом и ученым эпохи был В. Н. Татищев (1686—1750). Он горячо ратовал за просвещение и в своем «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733) развернул обширную просветительскую программу. Много лет Татищев работал над большим трудом «История российская с самых древнейших времен», основанным на кропотливом изучении летописных сводов и разнообразных первоисточников.

Становление художественной прозы — рассказа, повести, романа — шло в русской литературе XVIII века различными и разнообразными путями. Предшествовавшая эпоха передала читателям и авторам XVIII столетия обширное наследство. Произведения средневековой русской литературы, отмеченные чертами любви и уважения к родной земле и ее независимости, явились благодарной питательной почвой, на которой вырастали затем плоды нового искусства. В XVII столетии особо развивается сатирическая литература, выражающая отрицательное отношение представителей народных масс к порокам государственной и духовной власти, к царскому суду, к богатым и власть имущим представителям правящих сословий. Однако в древнерусской литературе были сильны элементы христианского мировоз-

зрения, церковной идеологии, во многом определявшие отношение авторов к вещам и событиям. Понадобилась коренная ломка всего уклада жизни, произошедшая в результате петровских реформ, для того чтобы новые герои, лишенные оков религиозного сознания, заявили о себе в литературных произведениях.

Потребность в беллетристике была исключительно велика. Повести и романы сообщали читателю новые сведения, давали образцы поведения, говорили о смелых, волевых, удачливых людях. Им уже нечего было делать в монастыре, где спасал душу и молодец из повести о «Горе-злочастии» и Савва Грудцын, за свою карьеру заплативший продажей души дьяволу. Быстрый успех и продвижение не нуждаются в таком объяснении в петровское время, когда личные способности, удача, ловкость могли открыть даже незнатному и небогатому человеку дорогу в жизни.

Неизвестные авторы повестей начала XVIII века сохранили немало верных исторических черт в своих рассказах. Поездки молодых людей за границу, организованные Петром I, нашли отражение в каждой повести. Василий Кориотской, например, служит матросом в русском флоте и проходит учебу в Кронштадте. Смелый и удачливый русский матрос выдерживает много тяжелых испытаний и благополучно преодолевает их. Он сводит дружбу с иноземными владыками, женится на прекрасной королевне «флоренской земли» Ираклии, сам становится правителем государства, и в его судьбе нельзя не видеть свидетельства роста русского национального самосознания в годы успешной борьбы страны с опаснейшим противником — Швецией.

Вместе с тем Василий — учтивый кавалер, производящий впечатление на свою избранницу отличными манерами и знанием тонкостей ухода за собой. Чувство его к Ираклии проходит через ряд испытаний и остается непоколебимым. Любовь Ираклии к своему спасителю такая же постоянная и горячая.

Несомненное воздействие испытывает повесть о Василии Кориотском со стороны фольклора, что особенно ясно сказывается в эпизоде пребывания героя на разбойничьем острове. Василий здесь — «удалой добрый молодец», о нем и говорится этими самыми словами.

В языке повестей петровского времени встречаются слова из народного устного творчества (удалой молодец, темный лес и др.), славянизмы (живяше, рече, имяше), кое-где вкраплены варваризмы, приобретенные языком в современную эпоху (фрунт, шлюпка, драбант, ария, кирка и т. п.). Это сочетание хорошо передает характер языка, разнородность его составных частей, из которых в длительной борьбе будут складываться нормы русского литературного языка позднейшего времени.

Ораторское красноречие как вид литературного творчества в конце XVII века находилось не в блестящем положении. Проповедники сочиняли обширные рассуждения в схоластическом вкусе, уснащали их обильными риторическими украшениями, символами и аллегориями, проповеди выглядели весьма учеными сочинениями, но никакой связи с окружающей жизнью они не имели.

Отсутствие у слушателей интереса к схоластическим рассуждениям на религиозные темы проповедники пытались преодолеть, привлекая внимание вставными эпизодами, анекдотами, острословием. Именно так строил свои проповеди киевский ученый монах Стефан Яворский. Он нагромождал в речи бесчисленные сравнения, уподобления, параллели, прилоги, притчи и всякого рода «изобретения», искусственность которых порой производит комическое впечатление.

Иной характер носило ораторское искусство Феофана Прокоповича (1681—1736). Царь Петр I получил в лице Феофана энергичного и надежного помощника в делах церковного управления, тем более ценного для него, что Феофан опровергал претензии духовной власти руководить светской и фактически подчинял деятельность церкви требованиям общегосударственной политики. Эта позиция Феофана восстановила против него влиятельные слои духовенства, и борьба с ними занимает видное место в жизни Феофана.

До своего приближения к Петру и переезда в Петербург в 1716 г. Феофан Прокопович был известен как ученый и поэт. В качестве преподавателя Киевской духовной академии Феофан составлял руководства по риторике и пиитике. Они отличались самостоятельностью мысли, четкостью изложения, отсутствием обычных для эпохи схоластических рассуждений и пренебрежением к школьным авторитетам. Убежденный защитник дела просвещения, Феофан в своих богословских трактатах и рассуждениях сатирически обличает недостатки духовенства, воюет с суевериями и пропагандирует идеи петровских преобразований. Феофан вносит живую струю в церковную проповедь, строя ее на простых и доступных слушателям примерах, почерпнутых из русской жизни и истории. Он изменяет тематику проповеди, покидая отвлеченные религиозно-моралистические рассуждения и заполняя свои проповеди разъяснением основных политических вопросов, развитием идей новой государственности, новых форм общественного быта.

Почти все важнейшие события эпохи нашли свое отражение в проповедях Феофана: с церковного амвона он доказывал необходимость создания мощного морского флота в России, разъяснял губительность измены, затеянной царевичем Алексеем, оправдывал Петра, осудившего сына на казнь, громил ханжество и пустосвятство духовенства, убеждал в пользу образования. Незаурядной силой мысли и чувства отмечено «Слово» Феофана на кончину Петра I: «Что се есть? до чего мы дожили, о россияне? что видим? что делаем? Петра Великого погрбаем...»

Феофан пытался популярно излагать основы православного учения на живом русском языке, в форме диалогов, разговоров. Таков, например, «Разговор гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным», написанный Феофаном еще в Киеве, но оставшийся в свое время не напечатанным. Действующие лица по пути в питейный дом затевают сначала брагивый спор, не скупясь на обидные выражения, а потом углубляются в теоретические рассуждения. Реплики их написаны весьма живо, грубоватым разговорным языком.

Элементы рассказа, бытового описания иногда встречаются в сочинениях Феофана Прокоповича на религиозные темы. Так, в «Рассуждении о книге

Соломоповой, нарипаемой Песнь Песней» (написанном в 1730 г. и напечатанном в 1774 г.) Феофан так рассказывает о возражении, сделанном неким оппонентом автора: «Некто от слышащих, по внешнему виду (как казалось) человек не грубый, поворотя лицо свое в сторону, ругательно усмехнулся, а когда и далее еще, поникнув очи в землю с молчанием и перстами в стол долбя, презорный вид на себя показывал, спросили мы его с почтением, что ему на мысль пришло? И тотчас от него нечаянный ответ получили: «Давно, рече, удивлялся я, чем понужденные не токмо простые невежи, но и сильно ученые мужие возмечтали, что Песнь Песней есть те книги священного писания и слово божие. А по всему видно, что Соломон, раздизаяся похотию к невесте своей, царевне египетской, сие писал, как то и у прочих, любовью жжемых, обычай есть».

Описанный в этой сцене скептик — упомянутый выше В. Н. Татищев, «тайный советник и астраханский губернатор», как указывает Феофан в примечании. Обстановка разговора, поза Татищева («поворотя лицо... усмехнулся... перстами в стол долбя...») и реплика его, видимо, схвачены и зафиксированы точно с натуры. Способы художественного изображения вырабатывались и накапливались постепенно, и Феофан внес свою долю в их развитие.

Младшим современником Ф. Прокоповича был выдающийся ученый-филолог и поэт, разночинец в русской литературе XVIII века, В. К. Тредиаковский (1703—1769). Это был замечательный труженик на поприще культуры, не оцененный по достоинству ученый, который имел право сказать о себе перед смертью: «Исповедую чистосердечно, что после истины ничего другого не ценю дороже в жизни моей, как услужение, на честности и пользе основанное, досточтимым по гроб мною соотечественникам».

Значительное место в литературной деятельности Тредиаковского занимают переводы. В 1730 г. он перевел с французского языка роман Поля Таллемана «Езда в остров любви», в аллегорической форме изображавший галантное ухаживание за дамой. Роман был с интересом принят читателем, но вызвал возмущение в церковных кругах и навлек на Тредиаковского обвинения в ереси и атеизме. Важно отметить языковое новаторство Тредиаковского. Он отказывается от существовавшего литературного языка с его избытком славянских речений, потому что этот язык церковный, не пригодный для сугубо светской книги. Он уже непонятен многим читателям и, кроме того, не удовлетворяет и переводчика — «язык славенский ныне жесток моим ушам слышится». Так мотивирует Тредиаковский свой подход к переводу, прося «доброжелательного читателя» не погневаться за то, что он свою книгу «не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Понимая трудности задачи и ограниченность своих средств, Тредиаковский спешит сказать в извинение, что «все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому не допустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию».

Необходимость оберегать родной язык от засорения варваризмами осознавалась передовыми людьми эпохи. Например, вот что писал В. Н. Татищев

в 1736 г. Тредиаковскому: «Чужестранных слов наиболее самохвалыные и никакого языка не знающие секретари и подьячие мешают, которые глупость крайнюю за великий себе разум почитают и, чем стыдиться надобно, тем хвастают. И сие, мнится мне, хотя не вскоре, но исправить удобно в капцелярских указах, а в употреблении народном общим представлением и пристойными сатиры, или сложными комедиями и вымышленными разговоры».

Ломоносов видел другой путь к исправлению зла. Он считал, что укрепление национальной основы русского языка должно происходить в связи с утверждением в нем корпуса старославянских слов и выражений, что позволит преодолевать и игнорировать чужеземные заимствования. «Старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским, — писал Ломоносов, — отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков... Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пересечется, и российский язык в полпой силе, красоте и богатстве переменам по подвержен утвердится».

Но развивая эту мысль, Ломоносов всегда помнит о значении народного «русского» языка и говорит о включении в русский язык лишь элементов языка «славянского». Наоборот, пужно освободиться от «старых и неупотребительных славянских речений, которых народ не разумеет, но притом не оставлять оные, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменованье их пароду известно». Этот вопрос подробно разбирается в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1757), где сформулировано учение о трех «штилях», различающихся по степени наличия элементов старославянского языка. Но утверждая включение их, Ломоносов вместе с тем одобрял внесение в литературный язык выражений просторечия, бытовых речений, слов крестьянского языка, расширяя тем самым языковую базу, усиливая изобразительные средства русского литературного языка, демократизируя его.

Задачу создания русского литературного языка Ломоносов ставил перед собой совершенно отчетливо, его «Риторика» и «Грамматика» были посвящены этой высокой цели, обобщая языковые нормы, традиции, раскрывая присущие русскому языку закономерности. Успехи, достигнутые им, носили важнейший принципиальный характер и оказали глубокое воздействие на русскую литературу.

«Ведомости»

ИЗ № 1 ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ»

На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. Гоубицы бомбом пудовые и полупудовые. Мартиры бомбом девяти-, трех- и двупудовые и меньше. И еще много форм готовых, великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству.

Из Сибири пишут. В Китайском государстве езуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены.

Из Олонца пишут. Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег. И Соловскую мызу сжег и около Соловской многие мызы и деревни, дворов с тысячу, пожег же. А на вышеписанных заставах, по сказке языков, которых взял, конницы шведской убито 50 человек, пехоты 400 человек;

ушло их конницы 50, пехоты 100 человек, а из попова войска только ранено солдат два человека.

Изо Львова пишут, декабря в 14 день.

Силы казацкие под полковником Самусем ежедневно умножаются. Вырубя в Немирове коменданта, с своими ратными людьми город овладели, и уже намерен есть Белую Церковь добывать, и чают, что и тем городком овладеет, как Палей с ним соединится с своими войски, и уже сказывают, что соединился, и будет их всего войска 12 000 человек. Литовский польный гетман едет к своему войску под Литовскую Бресть. Войско шведское, по сказке секретаря Орухо, частию в Казимере, частию в Сандомире стоит, и сказывают, что чрез великую Польшу в прусскую землю пойдет. Подъезд наш вновь от шведов собранных волохов большую часть снесли и несколько в их платье в польском обозе повесили.

Из Ниена во ингерманландской земле, октября в 16 день.

Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле zelo не добро поступает, и для того многие люди от страха отселе в Выйбурк и в финляндскую землю уходят, взяв лучшие пожитки с собою.

Крепость Орешек высокая, кругом глубокою водою обьятая, в 40 верстах отселе, крепко от московских войск осажена, и уже больше 4 выстрелов из пушек вдруг по 20 выстрелов было, и уже больше 1500 бомб выбросано, но по се время невеликий убыток учинили, а еще много трудов имети будут, покамест ту крепость овладают.

Из Нарвы, октября в 13 день.

Сентября в 27 день московские войска 10 000 человек на сей стороне реки Невы при Нотенбурхе между русскими и ингерманландским рубежи пришли и стали тамо и учили шанцы делать, за 500 шагов от крепости на сей стороне реки. Войска наше с генералом Крониортом стоит на той стороне реки между Нотенбурхом, и не всю имеет пехоту, и конницу, и пушечный снаряд, и возбраняет русским войскам переправы на Неве реке, которые наудачу туда пройдут ли. Намерены крепости той Нотенбурху пушками досажать, но что вся из камени построена, и войска добрые в ней во осаде суть, и вновь 400 человек в ту введено, и тако ныне нечего опасаться.

Из Амстердама ноября в 10 день, от Архангельского города пишут сентября в 20 день, что как его царское величество войска в различных кораблях на Белое море запровадил. Оттоле далее пошел и корабли паки назад к Архангельскому городу прислал, и обретаются тамо 15 000 человек солдат, и на новой крепости на Двинке нареченной ежедневно 600 человек работают.

На Москве 1703 генваря в 2 день.

ИЗ № 23 ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ МОСКОВСКИЕ»

Из новья крепости Питербурга пишут, что нынешнего июля в 7 день господин генерал Чамберс с четырьмя полками конных да с двома пеших ходили на генерала Крониорта, который со многими людьми и с тринадцатью пушки стоял на жестокой переправе. И по жестоком с обеих стран огне божиею помощью наше войско мост и переправу овладели, и неприятель, узким и трудным путем версты с две бегучи, ушел на гору, откуда наша конница прогнала его в лес, и порубили неприятелей с тысящу человек, в которых многие были вельми знатные офицеры, а больше того раненые от тяжких ран по лесам померли, а наших побито 32 человека да несколько ранено.

В прежних ведомостях объявлено о сыскании железа в Сибири, и ныне июля в 17 день привезли к Москве из Сибири, в сороке дву стругах, триста двадцать три пушки великих, двадцать мартиров, 14 гоубиц, из того железа сделанных, да с теми же пушками привезено железа, стали, укладу немалое число, и еще ожидаем другого каравана вскоре, а в Сибири вельми умножается железный завод, а такого доброго железа в свейской земле нет.

На Москве лета господня 1703
июля в 18 день.

ИЗ № 22 ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ МОСКОВСКИЕ»

Из Нарвы пишут августа в 21 день. Нынешнего августа в 9 день славный и крепкий город Нарва (Ругодев) с божиею помощью воинством благочестивейшего нашего государя взят в три четверти часа приступом, хотя неприятель подкопом наших пекую часть и подорвал, однакож солдатом тем утратить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить, но солдаты наши того и слышать не хотели и в тот час и в оную крепость ворвались, а потом и в самый замок, где неприятелю такой трактант (потчевание) учинили, что и младенцев немного на сей свет пустили. Сей штурм милостию вышнего дивно окончился, потому что наших на всем штурме меньше трехсот человек упало. А чего колько в сем городе завоевано и колько неприятельских людей побито, и о том будет впредь ведомость.

На Москве лета господня 1704
августа в 22 день.

ПОДЛИННОЕ ДОНОШЕНИЕ

преждебывшим над неприятелем шведом в Ингерманландии как на море, так и на сухом пути учиненным победам, в нынешнем 1705 году. От июня до септември месяца.

Первое:

Июния в 6 день неприятельский шведский близ Кроншлота на море будущий флот, в 24 кораблях состоящий (на котором был адмирал Анкарштар, вице-адмирал Детроу, шеубенахт Шпар), приближася к острову Рычарду (к Котлину) и став в линию, как по Кроншлоту, так и на наш при Кроншлоте состоящий флот и на остров жестоко стрелял и метанием бомб наших утеснял, от чего в нашем флоте у одного корабля все мачты перебиты, а на галеру одна бомба попала, однакож ничего не учинила, понеже не разродилася. Потом, отделя от себя из флота знатную часть людей в шлюпках и в плоскодонных судах, высадил на остров, что видя наш полковник Толбугин, который на том острове пост свой имел, так тех неприятелей встретил, что тотчас они в конфузию приведены и с острова сбиты, с потерием довольноного числа своих людей, купно с осмью вооруженными ботами. А именно, по отступлении на неприятельском на том острове перечтено их, шведов, телами 556 человек, кроме тех, которые в море потоплены и ранены. Да в полон взято 2 капитана, Розон и Фос.

Наших на том бою убито из рядовых 6 человек, да ранено 35 человек, в том числе один поручик.

Второе:

Июния в 19 день шведский генерал-лейтенант Мейдел, как уведал о вышепомянутой славной над своими виктории и о их несчастьи, с войском своим в 15000 (о чем подлинно сказали их шведские взятые языки и переметчики) перешед от Выбурка к Санктпитебурху и переправяся через реку Неву на Каменный остров, который расстоянием от Санктпитебурха в дву верстах, и как оного увидели наши, тот час против его сделали на другом острове линию, что видя неприятель, и сделал 20000 фашин и несколько туров, послал к той линии на плотах довольноное число людей, которых увидя наши не токмо до оной линии их не допустили, но и с Каменного острова всех с великим уроном сбили, который принужден был бежать на свою сторону, оставя все свои приготовления. На том острове, по прогнании их неприятельском, шведов телами перечтено 142 человека. Да на вышепомянутом сражении живьем взято солдат 2 человека, которые сказали, что убито из начальных их осмь человек капитанов. Наших в то время убито капитан да пятьдесят человек солдат, которые посланы были прежде приходу неприятельского к нему навстречу для осмотру войск его, которые оный наш капитан осмотра и себя оказав шел

от них отводом до самой реки Невы, где по тот час с их партиєю бился, как ни одного заряду у наших пороху не осталось, и тут их, неприятелей, от наших убито больше дву сот человек.

Потом помянутый генерал, видя свое тут несчастье, отшел вверх по Неве и став на берегу выше старой разоренной крепости, Нейншанцов. Отделя от войска своего людей половину, переправил на реку Неву, на ингерманландскую сторону с обозом и с другими принадлежными вещьми, о чем уведав наш генерал-майор и санктпитебургский обор-комендант Брюс, отделя из гварнизона, послал вслед того неприятеля 3000 человек конницы и тысящу пехоты во ингерманландской стороне да тысящу человек в мелких судах вверх по Неве, также некоторую часть переправил на шведскую сторону, и как уведал неприятель наших на ингерманландской стороне, также и в судах к себе о приближении. В тот час попрежнему с нашей стороны людей своих (оставя на нашей стороне обоз свой, в 3000 телегах состоящий) к себе переправить велел, на которой переправе довольно число их, шведов, потонуло. Потом той же генерал-поручик Мейдел, видя везде свое бессчастье и раззяясь, пошел со всем войском к пильной нашей мельнице, от Шлотельбурха в полумиле обретающейся, которая не имела безопасной круг себя крепости, кроме полисаду и небольшого брудствора, где сидело наших 2 капитана и двести человек солдат. К которой тот неприятель пришел и, привел в три дни шанцы, посылал к нашим капитанам барабанщика с тем, чтобы они без бою сдались, понеже не имеют надежной крепости и довольно числа людей. Но они тех слов и слышать не хотели и сказали, чтоб и впредь с такою страстию к ним не присылали. Что услыша неприятель вскоре сделав батареи и начал оный транжамент жестоко кононировать и, разоря оный во многих местах, штурмовал. Но как наши два их жестокие приступы вытерпели, то в третие с великою жестокою так штурмовали, что чрез полисад на брудствор вошли и почали к нашим гранаты бросать, от которых в тот час наш порох взорвало, и то видя наши отовсюду себя беспомощных так против их жестоко пошли, что из третьего штурму оных сбили и чрез малую (под помянутою мельницею) речку Черную с такою честию их проводили, что довольно часть из них у той мельницы и в речке вечным сном уснули. И потом наши попрежнему в полисад вошли. После тех трех штурмов побитых шведов у мельницы телами перечтено (с которых и платбе собрано) 552 человека, кроме тех, которые в речке потонули. Да в самый последний штурм живьем взято рядовых 5 человек, которые в убитых своих опознали майора и трех человек капитанов. Наших в те три штурма только ранено 18 человек. И видя оный неприятель, что нигде ничего полезного себе не получил и желания своего не исполнил, не токмо от наших везде довольно утрактован, паки с достальным своим войском к Выборку путь свой восприял.

Третье:

Июлия 14 дня после преждебывшей на Котлипе острове виктории той же вышепомянутый шведский в 24 кораблях состоящий флот, приблизяся к тому же Котлину острову и став в линию, так жестоко пушечною стрельбою на остров напал, что все на том острове наши батареи разбил (котою стрельбою многие деревья с корнем вырывало), что видя преждепомянутый наш полковник Толбугин, на том острове командующий, людей своих падением утаил, и как увидел вышепомянутый с кораблей неприятель, что наши люди вдруг стали невидимы, тогда обнадежа себя, будто наши пушечною их стрельбою с острова сбиты; уделя из флота знатную часть людей на 400 мелких судах, послал к острову, которые, приблизяся к берегу и вышед из судов, пошли внутрь острова, что увидя наш вышепомянутый полковник своим людям встать приказал, которые так онго неприятеля тут встретили, что в тот час принужден он конфузию на суды с острова бежать с потеряннем довольно числа своих людей. А именно, на той виктории их, шведов, живьем взято 2 капитана, 1 поручик, 1 прапорщик, 1 сержант, 1 боцман да 36 человек солдат, которые в расспросе сказали, что на берег выходило их 3000 человек, из которых убито и по отступлении их от Котлина острова на викториальном месте телами перечтено и погребено 905 человек...

На Москве лета господня 1705
сентября в 14 день.

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

Из «Слова похвального о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими июля 27 дня [1720 года] полученной»

Продолжает бог радости твоя, о Россие! и данная тебе благополучия новыми и новыми благополучии дополняет. Тот год прошел без виктории твоея, в который не понудил тебе неприятель обнажити оружия. Аки бы рещи: тогда нам жатва не была, когда они не сеяли. Не вспоминая прежних, в прошлом году, когда крыемое долго сосед наших немирлобие яве откровенно стало, кия плоды пожал меч российский, видели мы с радостию, видели они с великим своим плачем и стенанием. Лето нынешнее было, повидимому, в нечаянии новых славы прибылей, понеже корабельный флот, смотрением политическим удержан, из гавани не выходил: и се над чаяние прилетает к нам, 6 дня июня, весть радостная счастливого наших воев действия, с немалою неприятеля утратою. Еще же ведомость тая, почитай, говорити не перестала, и се летит другая и гласит нам викторию, в 26 день июля полученную. Се уже пред очима нашими и плоды ее довольнии, взятые фрегаты, и воинство, и амуниция, честный и богатый плен...

Как же умолкнем, тако обрадованнии? как умолчим о сем?..

...Когда воспламенися цареве сердце к водным судам, таже и ко устроению флота великого, яве показуется отсюду, яко охота тая в сердце его родилась от малого случая, от обретения некоего ботика обветшалого, о чем пространнее любопытный увидит в предисловии морского регламента. Не слышал монарх в младости своей пространных о морском плавании повестей, не наводил его ко охоте сей никто учением, советом, предложением многих нужд... О том стал первее легкий вопрос, а с полученного ответа возгорелась охота, да еще только к водному гулянию; скоро же больше и больше разгораяся сердце пролилось, аки пламень, ко устроению

великого флота... Кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно противу древа? а от того зерна возросли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная дресеса. О ботик, позлащения достойный! Тщалися нещии искати на горах Аратских доски ковчега Ноева; мой бы совет был ботик сей блюсти и хранити в сокровищах на незабвенную память последнему роду...

Но се паче всего дивнейшее есть: возбужденный к делу сему монарх недоволен прилежным своим попечением и тщанием, недоволен учением подданных своих, сам корабельной архитектуре, еще и то мало, сам архитектуры тоея древоделию учиться потщался, отложив весь покой, восприяв трудную и не безбедную перегринацию. Образ, в свете еще неслышанный! А где уже оные римские Квинтии и Фабрикии, которым удивляются историки, что, бывше на время диктаторы, не возгнушались паки трудитися в земледелии? помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и меч, и древодельная орудия носит, не урод телом, дивен делом, многоручный нарещися достоин...

Суесловие есть, если не безумие неких стихотворцев, которые так плавания водного ненавидят, что и первых того изобретателей проклинаят. Обычно господа оные вымыслы своя нарицают некими восхищением или восторгом, да часто им в восторгах своих недоброе снитися. Оуждают навигацию, да плодов ее не отмечают. Подобие они же страхов воинских, правительских попечений и судебных трудов не любят и вельми похваляют покой жития сельского, а не рассуждают того, что покой сей без воинских, правительских и судебных непокоев быти не может.

Противное нам показывает самый здравый разум, создания божия рассуждающий. Да рассудит бо всяк, к чему толь пространная поля, водная моря и безмерный океан создал бог, к питию ли? довлели бы на сие реки и источники, а не толикое вод множество, большую часть земноводного сего круга объемшее, еще же и питию человеческому весьма неугодное. Сия того вина есть, что... разделил убо творец земляная своя благая различным странам по части, дабы так, едина от другой требуя взаимного пособия, лучше в любовный союз сопрягаться могли. Но понеже невозможно было людем имети коммуникацию земным путем от конец до конецмира сего, того ради великий промысл божий пролиял промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран сообществу послужити могущее. А от сего видим, какая и коликая флота морской нужда, видим, что всяк, его не любящий, не любит добра своего...

Но обще о пользе флота много бы глаголати, но не нужно, яко всякому благорассудному известно есть. Мы точию вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот. А в-первых, понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не бесчестно ей не имети флота? Не сыщем ли единой в свете деревни,

которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок: а толь славною и сильною монархии, полуденная и полунощная моря обдержажшей, не имети бы кораблей, хотя бы ни единою к тому не было нужды, однакоже было бы то бесчестно и укорительно. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах некий Тантал стоит в воде да жаждет. И потому и наше море не наше. Да смотрим, как то и поморие наше? Разве было бы наше по милости заморских сосед, до их соизволения.

Что бо, когда благословил бог России сия свои поморские страны возвратити себе и другие вновь завладети, что было бы, аще бы не было готового флота? как бы места сия удержати? как жити и от нападения неприятельского опасатися, не токмо что оборонитися?

Земной неприятельский приход издали слышен и нескор, есть время приготовитися и предварити его, не так морской: не летают пред ним голосные вести, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: в который час увидиши его, в тот же и надеяся пришествия его. Если бы к нам добрые гости, не предвозвестя о себе, морем ехали, узревше их, не мощно бы уготовати трактament для них, как же на так нечаянно и скоро нападающего неприятеля мощно устроить подобающую оборону? Едина конфузия, един ужас, трепет и мятеж. А хотя бы кто и предвозвестил о походе его, то как же еще знать, на который он берег выдет? на который город нападет? Как многие поморские города, не весьма флота не имевшие, но не имевшие флота довольного, погибли разоренни не от сильного супостата, но от пиратов, то есть морских разбойников, полны суть истории. А если же иногда морской неприятель и не получит своего желания, однакож, настрашав и поругався, отступает без урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящего его не начашься, отходящего нельзя догоняти. Кратко рещи: поморию, флотом не вооруженному, так трудное дело с морским неприятелем, как трудно связанному человеку драться с свободным или как трудно земным при реке Ниле животным обходитися с крокодилами.

Также то трудное было бы тебе, о Россие, на помории твоим с неприятелем обхождение, аще не бы милостивый промысл... не возбудил бы в тебе тщаливого духа ко устроению флота и ко обучению морского плаваная; не был бы укромлен на лучшее, но только раздражен на горшее супостат твой. Объяла и завладела рука твоя сие толь славное и великое поморие, яко возмездие и обильный плод всех войны сея трудов и иждивений. Но возмогла ли бы и удержати надолго единою земною силою? великое сумнительство; если же бы не могла, что следовало? испразднилася бы слава толиких викторий; не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевати, давная есть пословица. Отродилася

бы неприятелю сила: паки бы было ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии множество и воинства, и пмения, и хлеба: паки бы походы его и нападения на твоя внутренняя; ныне же что? наготовствует: скудеет и глад терпит. И вместо того, чтобы на пределы наши напал, своих видит разорение; и вместо того, чтобы имел нам страшен быти, чуждее себе заступление купует, хотя и не вельми счастливым торгом. Видиши, о Россие, пользу флота твоего, не только бо готова и сильна тебе от нападения неприятельского оборона, которой бы не имела еси, не имущи флота, по вышепредложенному рассуждению, но и наступательная на оного сила велика, и виктории не трудны; и что вельми дивно, сами неприятели тесноту свою, истиною понужденны, засвидетельствовали, когда на монетах, недавно в память падшего короля своего изданных, льва, вервнем обвязанного, напечатали.

И уже посмотрим на прекрасное лицо нынешния виктории; она бо вся доселе описанные к флоту морскому нужды и вся тожде флота пользы явно показывает.

Чему бы Россия не могла и верити, аще бы в корабельной войне не была искусна, то ныне сама сделала славна всегда водная виктория, хотя равные обеих сторон силы. Аще бо где, тут наипаче военное действие Марсовым жребием нарицати подобает. Не как коня, так и корабль удобно управити; а ветр и море, яко непостоянные элементы, тако ненадежные помощники: кому помогут и кому сопротивятся, неизвестно. В таковом убо неизвестии, сумнительстве, бедствии получитьи викторию необычная воистину слава есть.

Но прочие морские виктории против нынешней российской мощно нареши общие и обычные. В прочих равные сражаются силы, а тут галеры с кораблями; прочим помогает, а тут мешаает ветр. Сии две трудности толикую победы важность показывают, что и сказати трудно.

Галерам наступати на корабли, которые оных не стрельбою огненною, но единым нашествием не победити, но в щепы разбити могут, обычное ли дело? В таковом сил перавенстве дерзнути на бой дивно, вступить в бой предивно, а победити и удивление побещдает. Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть эллипская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечом и, три дни утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории пашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы сплетенная. Есть повесть в книгах Маккавейских, что Елиазар под военного неприятельского воинство на себе носящего слона подскокчил со оружием и убил его. Было бы и се победе нынешней подобное, да Елиазар тот и сам падением зверя угнетен умре, победив и побещден. Мощно бы уподобити сие человеческому над зверьми превосходству; понеже человек, которому естество не дало великой силы, да скудость тую умом наградило, земных и водных зверей, величиною и силою без меры его превосходящих,

побеждает, да и се не подобно; ибо воинству российскому дело было не со зверьми, но с людьми, с людьми, умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило. Ничто же прочее остается, точию удивлятися, никоего же подобия не видя, не обретая.

Но придает удивления то еще, что великую акции трудность ветер делал. На тишине водной галерам единым нападати на корабли стоящие, и то не легко; есть бо подобное атакованию крепких фортец; а галерам с кораблями сражаться в погоду кажется и чаянию противное. Тот же ветер, который кораблю ко обращению его служит, галерам мешает... Помогли тучи Марку Антонину на немец; пособили ветры Феодосию на Евгения; послужила буря Елисавете Британской на ишпанов; но оным (и аще иные нецы подобные суть) побобствовало смотрение ко отражению токмо неприятеля, а не ко умножению славы. Ибо когда слышим помянутые и им подобные победы, нарицаем счастливые, благополучные, угодные и аще кая иная имена обрящем, но славными нареци не можем. Аще бо не всю викторию, то великую виктории часть ветрам восписать подобает; понеже бо ветры помогли, то в сумнигельстве осталось мужество победивших: кто весть, что бы было, аще бы не помогли ветры?

Инако и лучше ныне российское на море воинство благословил бог. Не хотел, дабы воздух делился с нами славою виктории; но и вопреки умножил ветром трудность к морскому бою, дабы умножилася слава, победителем послужил и нам ветер, да противством своим: послужил к славе, а не к победе; и понеже противился победе нашей, того ради явственно показал славу нашу, так что виктория нынешняя может таковым надписанием украшена быти: неприятель и ветер побежден есть...

Прославим убо прославившего нас, благодарим обрадовавшему нас: его дело есть флот российский, его благословение есть толика сила и толикие плоды флота российского. Он смотрением своим навел очи монаршие на презренный ботик: он царское сердце зажег ко архитектуре корабельной; он, предопределяя России возвращение своих и получение новых поморских стран, предварил ю благословением своим, сильну же и действенну на море сотворил, вооружив флотом и толикими ущедрив победами...

А вам, о мужественнии военачальницы и воины, котории на сей толь трудной и страшной акции труждатися не устрашили есте и толь славную получили викторию; вам, о вернии монарха вашего служителие и истиннии его же подражателие, что речем? кий венец соплетем? кая победительная пения сочиним? Не краткого слова, но вечного прославления достойни есте. Должны блажити вас старии, должны на образ ваш смотрети юнии, должен нынешний век величати, должен будет славити и последний род.

*Гистория о российском матросе
Василии Кориотском
и о прекрасной королевне Иракли
флоренской земли*

В Российских Европях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотской. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна. А оный дворянин в великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи. Во едино же время оный его сын рече отцу своему:

— Государь мой батюшко! прошу у тебе родительского благословления, изволь меня отпустить в службу, — то мне будет в службе даваться жалованья, от которого и вам буду присылать на нужду и на прокормления.

Выслушав же отец его и даде ему благословление, отпустя от себя. Василий же, взяв от отца своего благословление, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И отослали его на корабль по определению; на корабле призываше его по обыкновению матросскому зело неместно и прочих всех матросов; в науках пребываше и у всех персон знатных в услужении полюбился, которого все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских вельми остро, по морям, где острова, и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздуха. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младших матросов за моря в Галандию, для наук арихметических и разных языков; токмо оного Василия в старшие не командировали с младшими матросами, но оставлен бысть в Кранштате; но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матросами послать за моря в Галандию для лучшего познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Галандию с младшими матросами.

По отбытии из Кранштата, по некоторых днях прошедших, прибыли в Галандию матросы на кораблях и с ними Василий

Кориотской. В Галандии учинили им квартиры, и поставлены были все младшие матросы по домам купецким, а ему, Васлию, за его услуги и за старшинство — к знатному и богатому гостю в дом поставили равно со штатами. И оный матрос Василий у гостя стоял вельми смирно и слушал его во всем. И оный галандский гость усмотрел его в послушании и в науках zelo остра и zelo возлюбил и послал его на своих кораблях с товарами в Англию, которому лучше всех своих приказчиков стал верить и во всем ему приказывал и деньги и товары ему вручил.

И как в Англию с кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объяви все и спровад и принадлежащих в Галандию товаров на корабль взял и поехал обратно, — в которой он, Василий, посылке великий прибыток гостю галандскому присовокупил, також и накупи всякие восприил и знатен был в Англии и в Галандии. К отцу своему в Россию чрез вексель послал четыре тысячи ефимков золотых двурублевых, которые отец его и получил и писал к нему, чтоб он к нему приехал повидаться ко отцу своему и благословление принять.

А как урочный термин пришел, чтоб ученикам матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали, а Василия Кориотского оный гость нача просити, чтоб в Россию не ездил, понеже он, гость, его, Василия, возлюбил, яко сына родного. Но токмо он, Василий Кориотской, нача от гостя проситися в дом ко отцу для свидания и объявил ему, что отец его в великой находится в древности; то он, гость, его приятно увещевал, дабы от него не отлучился, и обещался во всем, яко родного сына, наследником учинить. И рече оный гость:

— Любезнейший мой российский матрос, нареченный мой сын, изволь хотя еще чрез вексель послать ко отцу своему от имени моего, токмо ты, мой дражайший, не отлучался от меня.

Слышав же он, Василий, от него zelo прослезился и любезно просился, чтоб его ко отцу в Россию отпустил взять благословление, и обещался к нему обратно быть. Видев же гость непреклонную его просьбу и просил его, чтоб он во Францию с товарами и когда возвратится, то обещал его в дом отпустить, — по которому прошению он, Василий, не ослушался одного гостя, взяв корабль и убрався с товары, и отыде во Францию, и во Франции был два года, и, спровад товар, возвратился в Галандию, и учинил оному гостю великий прибыток в хождении своем, что оный гость никогда такого прибытка не видал и сердечно его возлюбил.

Но токмо он, Василий, нача еже с прилежашцем в Россию к отцу своему проситися, и видев гость его несклонную просьбу и по желанию его уволил ему ехать в Россию, и даде ему оный гость три корабля с разными товарами и суммы своей денежной казны довольно и просил его, чтоб, быв у отца своего, к нему возвратился, и отпустил его с великою печалью. И оный матрос Василий

Кориотской, приняв корабли и работников-матросов и подняв парусы, побежали к Российской Европии. И по отбытии на кораблях оный Васплий взял тысячу червонцев и зашил в кафтан свой в клинья тайно, чтоб никто не знал, для всякой приключоающейся между...¹ И мигнувших семи днех, как корабли из Галандии поплыли, восста время и неукротимая буря, яко всему морю возлягтися, с песком смутитися; и корабли все врознь разбишася. И на котором кораблю был Василий, и оный корабль волнами разбит, и люди все утопоша. Токмо божиею помощью единого Василия на доске корабельной прибило к некоему великому острову. И от великого ужаса пав на землю, яко мертв; а как волпы утишились, два корабля, видевше, что корабль, на котором был Василий, разбиен был весь, и чайли, что и Василий утопоша в волнах морских, возвратишася назад в Галандию и поведаша гостю о приключившемся несчастьи. Слышав же, гость велими нача плакати и тужить не о кораблях и не о товаре, по о Василии Кориотском.

И как он, Василий, от великого ужаса, лежа на острове, очнулся и възде на остров и велие благодарение воздав богу, что его бог вышес на сухое место живого: «Слава тебе, господи боже, небесный царю и человеколюбче, яко не остави мя грешного за грехи моя погубити, в водах морских погрызнутися!»

Потом стоящу ему на острове, много мысляще и осмотряюще семо и овамо, в которые страны принесло и какой остров; токмо хоти и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великий непроходимый лес и великие трясины и болота, что от моря никуды и проходу нет; а уже ему есть зело хотелось, и хотя у него червонцы были зашиты в клиньях в кафтане, токмо пегде и не у кого было купить, и помощи ему в них никакой не было. И ходи по берегу на многие часы, усмотрел, как бы ему куда пройтить к жилищу, и, ходи, нашел маленькую тропку в лес, яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та стежка: ежели пойти, то зайти неведомо куда; и потом размышлял на долг час и, положась на волю божию, пошел тою стежкою в темный лес, тридцать верст, к великому буераку. Виде великий, огромный двор, поприща на три, весь кругом стоящим тышом огорожен. И подошел ко двору близко к воротам, — те ворота крепко заперты; и хотел посмотреть на двор, токмо скважины не нашел, и страхом обдержим, и убоялся. Помышлял потом, что конечно зашел к разбойникам, и думал, как сказаться: ежели добрым человеком, то убьют; ежели сказаться разбойником, то в разбоях не бывал. А в том дворе великий шум и крик, и в разные игры играют. И вздумал сказаться разбойником и нача у ворот крепко толкаться; то оные услышали, вскорости ворота отворяли и спроща его: что за человек и откуда. Видев же Василий, что

¹ В рукописи пропуск.

разбойники и множество их народа стояще и играюще в разные игры и музыки пьяных, то ответственвал им Василий:

— Аз есмь сего острова разбойник, един разбивал плавающих по морю.

И оные разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаман же, видев его молодца удалого и остра умом и зрачна, лицом прекрасна и осанкою добра зело, нача его вопрошати:

— Чего ради пришел к нам?

Василий же рече, яко:

— Единому мне жити скушно, и слышав вас, в сем острове живущих и весело играющих, того ради к вам приидох. И прошу, чтоб вы меня в товарищи приняли.

И атаман приняв его и определил к разбойникам в товарищи.

Минувшу же дни поутру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил:

— Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкие с товары.

Слышав то, атаман закричал:

— Во фронт!

То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фронт. Токмо российский матрос Василий един стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша атаману:

— Что наш новоприменный товарищ стоит без ружья и не в нашем фронте; извольте приказать оружия выдать.

И атаман вскоре повеле ему оружия выдать и во фронт встать. И оный матрос хотя того не желал, но токмо чрез боязнь взял оружия и стал во фронт. И при командировании стал Василий просить атамана:

— Господин атаман и вы все, молодцы товарищи, прошу вас, пожалуйте увольте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль пришесть.

То слышав, атаман и все разбойники реша:

— Отпустим его одного и посмотрим прибыли от него.

И по командировке разбойники поехали на три партии, а Василия единого отпустили. Тогда матрос Василий пошел на морскую пристань и не желаше разбивать, по токмо смотрел того, как бы ему путь сыскать; и пришел на берег моря, зриаше семо и овамо, не идут ли паки суда, чтоб ему уехать. И смотрев, ходя по берегу весь день, токмо никого не видал и в великую печаль впаде, нача горько плакати и рыдати, господа бога на помощь призывати, чтоб его господь вынес из рук разбойнических; и в том размышлении и великой печали уснул крепким сном на берегу моря. И сном крепким спал, что уже ночь; и пача думати — с чем ему показаться, что добычи никакой не получил. И вспомнив, что у него в кафтане в клиньях защиты червоицы, и распоров, вынул сто червоицев и завязал в платок шелковый; и пришел ко ата-

ману и предложил пред него червонцы и сказал, что «некоторые люди в малом судне плыли и только у них было, которые вам предъявляю». Видев же атаман и все разбойники зело тому начаша дивитися и все же его хвалили. И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которые его добычи как атаман и вси разбойники зело дивились, что счастлив.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о российском матросе, чтоб его поставить во атаманы, понеже видев его молодца удалого и остра умом. И приидоша вси ко атаману к старому и начаша ему говорить:

— Господин наш атаман, изволь свое старшинство сдать ново-приемному нашему товарищу, понеже твое управление к нам худо; изволь с нами быть в рядовых, и которая наша казна, извольте с рук сдать.

Тогда атаман им отвещал:

— Братцы молодцы, буди по воле вашей.

И вси единогласно российскому матросу Василию реша:

— Буди нам ты атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать.

Тогда отвеща им Василий:

— Братцы молодцы, пожалуйте оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал; рад бы с вами в товарищах быть, а атаманского управления не знаю.

И нача пред ними горько плакати, разбойники же, его зело видя плачущего, вси, яко звери, единогласно российскому матросу Василию реша:

— Буди ты нам атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать.

Отвеща к ним Василий:

— Братцы молодцы, пожалуйте оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал, рад бы с вами в товарищах быть, атаманского управления не знаю.

И пача пред ними горько плакати; разбойники же, видевши его зело плачуща, вси, яко люты звери, единогласно закричали:

— Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебя изрубим в пирожные части.

Видев же Василий зело убояшася, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им:

— Буди по воле вашей; токмо прошу вас: будете во всем мне послушны.

Тогда вси единогласно реша:

— Господин наш атаман, во всем слушать будем.

И старый атаман отдаде ему ключи и поведе его по погребам. Видев же Василий казны многое множество, злата, и серебра, и драгих каменьев, и всяких драгих парчей, яко умом человеческим

невозможно описать все суммы; и оную всю сумму принял, и ключи Василию разбойники отдали и стали его поздравлять:

— Здравствуй, наш господин атаман, на многие лета!

И нача пити и веселиться про его здравие и во всякие игры играть. Потом реша ему:

— Господин атаман, изволь с нами итти до некоторого чулана.

И как к тому чулану приидоша и ключи ему даша от него, точно реша ему:

— Господин атаман, изволь ключи принять, а без нас во оный чулан не ходить; а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быть.

Видев же Василий оный чулан устроен зело изрядными красками и золотом украшен, и окна сделаны вверху оногo чулана, и рече им:

— Братцы молодцы, извольте верить, что без вас ходить не буду, и в том даю свой пороль.

И в то время прибежал от моря есаул, и разбойники сказали ему, что «у нас атаман новый». И он, подошед к нему, отдал поклон и стал его поздравлять и говорить ему:

— Господин атаман, изволь сего часу отправлять всех молодцов на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкие из Ландона плывут.

Тогда новый атаман Василий крикнул великим гласом:

— Молодцы удалые, во фронт!

И вси разбойники — единым оком мгнуть — все во фронт стали, и Василий нарочно пред ними, якобы что знает волшебное, взяв два замка большие, привязал к ногам своим и около всех разбойников обежал, заговаривая им оружие, нога об ногу замками постукал и, обшед их, поклонился и выставил бочку вина, всем по ковшу поднес. Тогда вси разбойники между собою реша:

— Хорош, братцы, наш атаман новый, лучше старого; мы сами видим и знаем, что замками крепко заговаривает, и для бодрости по чарке вина поднес; а старый атаман был дурак; как и был в атаманах, заговоров не знал и во отпусках нам никогда вина пить не давал.

И весьма во отпуске им полюбился. И поехали на добычу в смелости и в надежде его заговору замками страсти никакой не во-звели.

И как спустя их на добычу, думал сам: что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели, хотя ключ у него. И на долг час размыслил и осмелился отпереть чулан и дверь отворить и виде девицу зело прекрасну, в золотом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно. И как увиде Василий, паде от ее лепоты на землю, яко Лодвик королевич рахлинский, токмо не так, как Лодвик,

себя отягчил любовью сильной и в болезнь впаде. Сей Василий, встав на колени, рече:

— Государыня, прекрасная девица, королева, ты роду какого и како сими разбойниками взята?

И отвеща девица:

— Изволь, милостивый государь, слушать, я тебе донесу. Аз есмь роду королевского, дочь великого короля флоренского, а ими мое Ираклия; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли морем в наше государство из Европы кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шлюпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлюпках от кораблей поплыли, то оные разбойники набежали в буерах и всех гребцов у нас побили и девиц в море побросали, меня едину в сей остров уведоша и держат по сие время, — что между ими великая распря: тот хочет взять себе, а другой не дает; и за тем спором хотят меня изрубить. И я пред ними горько плакати... — И стала его вопрошать: — Молю ты, мой государь, ваша фамилия како, сюда зайде из которого государства, понеже я у них, разбойников, до сего часу вас не видала и вижу вас, что не их команды, но признаю вас быть некоторого кавалера.

Тогда Василий нача ей о себе сказывать, исповедать:

— Государыня королева, что я Российской Европеи, послан для наук в Галандию и так был почтен от галандского купца, от которого ходил с товарами в Англию и Францию на кораблях, и оттуда возвратился и великие ему учинил прибитки, почтен был вместо сына родного; потом просился я у одного гостя в дом к отцу своему, по некоторому прощению был уволен, и дано мне было три корабля с товарами, и чтоб быв у отца, возвратился назад в Галандию. И по отбытии из Галандии семь дней на море были благополучно, а потом заста великая буря и корабли все разбила, меня единого в сей остров на доске корабельной принесло, в котором разбойников обрел и поставлен от них атаманом, чего не желал. Доношу вам, изволь верить: ежели меня бог вынесет от них, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться им, что я у вас был.

Королева же, слышав от него, паде на колени и нача его целовать любезно и просить, чтоб ее он не оставил, как сам пойдет. Василий же клятвою обещался не оставить и запер чулан и отыде в великой печали.

Потом разбойники приехавши с добычи, и он их встретил по обычаю атаманскому, и вси ему веселым образом отдали поклон и объявили, что его счастием три корабля и семь галер талианских разбили и великую сумму казны получили и товаров. И начаша ясти и пити в великом веселии, что его крепким заговором великие получили прибыли. Потом реша ему:

— Господин наш атаман, изволь приказать на блюда хороших яств положить и ключи возьми от заповедного чулана.

Пришли, и отпер, и видел королевну, и введе к разбойникам, и кушанья велел поставить на уборный стол, а сам плюнул и вон пошел в свой покой. Видев же разбойники, что он на королевну нимало не стал смотреть, и реша в себе:

— Зрите ли, братцы молодцы, каков наш атаман, что женский пол не хочет смотреть: не как наш прежний атаман — все глаза растерял; и можно верить во всем господину новому нашему атаману.

И с того времени наипаче стали верить, и как он их на добычу пи отпускал, и во отпусках его великие прибитки были. И отпускал их на городки португальские и других земель, и его счастьем везде без урону и с великим прибитком приезжали. А как их ни отпустят, то всегда к королевне хаживал, и думали, как бы от них уйти.

В единое же время нача говорить Василий всем разбойникам, чтоб великие суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгие каменья сыпать в сумы, и по его приказу множество сум пошили и начаша разбирать все порознь и в сумы сыпать. И как все разобраша, то атаман рече им:

— Братцы молодцы, приведите мне коня, и я поеду по острову, погуляю.

Они же тотчас приведоша коня к нему и оседлаша драгим убором. Василий же ездил весь день по острову сему, но токмо кругом моря, а сухого пути следу нет. И узрев на одной стороне — пристают рыболовы; он же их спрашивает — что из которого государства,

— А приезжаем сюда для продажи в сем острове живущим разбойникам рыбы.

А того они не ведали, что их атаман. Он же рече им.

— Братцы молодцы, пребудьте здесь два дня, и я вам дам великую плату; вывезите меня до цесарских почтовых буеров.

Они же обещались подождать.

Потом приехал атаман Василий к разбойникам в великом веселии; они же тотчас у него коня приняли и с честью его приведоша до горницы и начаша вси пити и веселиться. И как ночь прошла, то Василий тотчас велел всем собраться во фрунт. Как скоро все во фрунт собрались, то он нача к ним говорить:

— Братцы молодцы, вчерашнего числа я видел, на море корабли плывут, семь кораблей с Португалии: извольте за ними гнать, а я признаю, что купецкие.

И они тотчас вси поехали на буерах. Матрос Василий тотчас взял двух коней и собрав роспуски и наклав сум с златом и серебром и драгими каменьями, елико можно было двум коням везти, и пришел к королевне и ее взял с собою. Тотчас поехали к морю,

где рыбаки цесарские. И убрався, взяв судно и с королевною, и золото и серебро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребках поплыша морем к пристани, от которой пристани к Цесарии почтовые буеры бегают. И в то время разбойники вскоре возвратишася ко двору своему и не обретоша атамана, также и королевны. Тотчас бросишася на море к той пристани, где рыбаки пристають, и увидевше коней и роспуски; тотчас в малых суднах в погоню погнаша, а рыболовы уже морем далеко гребут, что на силу можно в трубку человеку видеть. Разбойники же начаша догонять и великим гласом кричать:

— Стойте, сдайте нам сих людей, а не отдадите, то мы вас живых не пустим.

Рыболовы убояшася и хотели возвратиться к ним. Василий же вынес свою шпагу и пихнул одного в море:

— Аще возвратитесь, то вас всех побью и в море побросаю.

Они же убояшася и начаша елико мочно вдоль морем угреть, и по их счастью восста покосный ветер, и они подняли маленькие парусы и поплыша, из виду ушли. А у разбойников парусов нет, и тако возвратишася разбойники в великой печали. Потом приплыша рыболовы с российским матросом и с королевною на почтовую пристань. Тогда Василий вышел из судна и все имение выбрав и тем рыболовам дал едину суму золота, и они, рыболовы, той казне вельми были рады и обещахлись рыбы по морю не ловить и к тому острову разбойническому не ездить. А Василий нанял почтовое судно до Цесарии, в которое убравшись и с королевною Ираклией, и поехали морем до Цесарии. И приехали в Цесарию благополучно, и за наем по договору деньги заплатил.

Приплыша же в Цесарию, нанял некоторый министерский дом зело украшен, за который платил на каждый месяц по пятидесяти червонцев, и в том доме стоял и с королевной в великой славе. И нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым поделал ливреи вельми с богатым убором, что при дворе цесарском таких ливрей нет чистотою; а королевне нанял девиц самых лепообразных тридцать, которых зело украсил. Случися некоторый праздник, то российский матрос, убравшись в драгоценное платье, — великие лучи от него сияют, — также приказал и людям убраться, а карету приказал заложить златокованную и коней добрых, с богатым конским убором, яко во всей Цесарии такового сбора нет ни у кого, и поехал к церкви, в которой будет цесарь сам, и стал в церкви у правого крылоса.

Потом приехал и цесарь к церкви и, вшед в церковь и увидев Василия в богатом убранстве и чая, каков приезжий царевич или король, тотчас призвал к себе каморгера, которому спросить приказал его: что за человек? И он, каморгер, с почтением приступил к российскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человек и которого государства.

— Матрос, а фамилия моя небольшая — Василий Иванов сын Кориотской, а сюда привела меня некоторая нужда быть, — которой выслушал каморгер и цесарю объявил.

И как отслушал церковное пение, то цесарь просил к себе российского матроса. И обещал быть, его величеству поклон отдать. И цесарь поехал во дворец, а Василий остался в церкви для некоторой своей богу должности.

Потом поехал к цесарю во дворец; приехал и принят был от цесаря с великою славою, подобно яко некоего царевича. И как вошли внутрь царских палат, в палату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал российского матроса сажать за стол кушать, Василий же нача с почтением отговариваться:

— Пожалуй, государь великий царь, меня недостойного остави, понеже я ваш раб и недостойно мне с вашею персоною сидеть, а достойно мне пред вашим величеством стоять.

Тогда цесарь рече:

— Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу вас достойна разума, то вас жалую своим сердцем искренним; хотя бы мой который и подданный раб, а я его жалую, велю садиться с собою, и тот меня слушает; а ты, приезжий ко мне гость, извольте садиться.

Тогда российский матрос, поклонясь, рече:

— Буди воля вашего величества. — И сел за стол с цесарем кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и российского матроса спрашивать о его службе и походе. И он, Василий, его цесарскому величеству от начала своего похождения и службы подробно объявил: как на кораблях разбило бурю, и как пришел к разбойникам и был атаманом, и как от них увез прекрасную королевну Ираклию флоренскую, даже до прибытия его в Цесарию все по ряду. Слышав же, цесарь зело дивися российскому матросу:

— Государь мой братец, Василий Иванович, воистину всякой чести достойный! Я вам донесу, что сию королевну флоренского короля за себя сватал, токмо такое несчастье учинилось, что безвременно пропала; от флоренского короля адмирал старший послан ее искать по всей Европии, и где сыщут, то за него король обещал отдать оную королевну Ираклию и после себе наследником хочет учинить. И оный адмирал собою не млад. И я вас, мой государь Василий Иванович, иметь буду вместо брата родного, — которого велел во всей Цесарии за родного брата почитать.

И по откушании много было разговоров, и поехал цесарь с российским матросом, названным братом своим, гулять. И российский матрос послал своего раба к прекрасной королевне Ираклии, чтоб убралась хорошенько, понеже цесарь с ним будет. И как

тот посланный приехал и объявил ей о приезде цесаревом, и королевна убралась хорошенько и с девицами. И как цесарь с Василием гуляли, то российский матрос Василий нача просить цесаря, чтоб к нему пожаловать на квартиру, и цесарь поехал с ним; и как приехали, и королевна их встретила, и цесарь в палатах долго беседовал и спрашивал королевну, как она увезена от флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самого вечера и поехал во дворец, а ему, матросу Василию, и с королевною велел переехать в свой особый дворец и от своего дворца все напитки и кушанья приказал отпускать и драбантам своим на карауле быть, и министрам, и пажам, и каморгерам неотступно быть; а королевне девиц фрейлин определил быть. И поутру российский матрос перебрался во дворец, данный от цесаря, и стал у цесаря в великой славе пребывать; а министрам, и пажам, и каморгерам, и драбантам всем давал великое жалованье; и все его министры возлюбили, паче цесаря почитали, а королевна Ираклия — всем вельми сердцем и говорила, что до законного брака сохранять во всякой девической чистоте, а кроме его в супружество ни за кого иного не посягать; а ежели кто один из них какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей клятвенно обещался, что хранить девичество ее. Прекрасная же королевна Ираклия вельми была горазда играть на арфии и Василия Кориотского также выучила, как и сама играет, и говорила ему, что:

— В нашем Флоренском государстве, кроме меня, никто на арфии не играет и не умеет.

И всегда тем цесаря забавляла. И к цесарю во дворец беспрестанно езжали.

Во едино же время российский матрос Василий был у цесаря; в то время из Флоренского государства адмирал к пристани цесарской приехал и великую пальбу учинил из пушек. Тогда цесарь послал каморгера осведомиться, кто прибыл. И каморгер, осведомився, объявил, что адмирал Флоренского государства. Потом цесарь послал его просить к себе и, как адмирал флоренский во дворец к цесарю прибыл и будучи в палатах, объявил, что: «ваша королевна у меня в Цесарии», — и показал, что: «у брата моего Василия, понеже он ее избавил от разбойников, и ежели вам он ее покажет или отдаст, в том воля его». Адмирал раболепно российского матроса просил, чтоб его государыне показал, и он велел быть на другой день поутру во дворец его. Адмирал поехал на пристань, а российский матрос в свой дворец. Приехавши, объявил прекрасной королевне Ираклии о приезде от отца ее адмирала. То королевна слышав зело опечалилась всем сердцем; и просила королевна у Василия, чтобы приказал сделать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сделано.

И поутру рано королева убралась в черное платье, и в то время с пристани адмирал приехал во дворец к нему и вшел в палату к российскому матросу и раболепно поклон отдал, яко своему королю флоренскому. А прекрасная королева была с девицами в особой палате. Потом адмирал просил российского матроса, чтоб его государыне показал, и Василий взяв его за руку и введе его в ту палату, где сидела прекрасная королева Ираклия. Вшел адмирал к королевне в палату, и королева против его не встала, сидела в великой печали. Адмирал же королевне, как должно своей государыне, поклонился до земли и, подшед, целовал ее руку:

— Государыня наша, великая и прекрасная королева Ираклия, многолетно и благополучно, государыня, здравствуй! О сем вам, государыня, представляю, что ваш батюшка, король флоренский Эвгер, здравствует и матушка такожде благополучно пребывает, токмо уже о вас, государыня, в великих печалех по вся дни сокрушается, а ныне им великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу вас, извольте со мною отправляться.

Слышав же это, королева воздохнув и слезы из очей испусти и рече:

— Благородный адмирал, я вам доношу, что к родителям моим рада ехать, токмо не моя воля, но того, который меня избавил от разбойников.

Тогда рече Василий адмиралу:

— Извольте вы ехать возвратно во Флоренское государство и донести королю своему, что его дочь, прекрасная королева Ираклия, благополучно в Цесарии обретается; и прошу вас все подробно представить, что как мною избавлена она от разбойников; и с вами ее не отпускаю, дондеже сам ваш король, а ее родитель, будет в Цесарию.

Понеже слышав же адмирал поехал на пристань в великом сумлении и приказал убраться в поход совсем, а сам к цесарю поехал поклон отдать и объявил, что Василий не отдал ему королевну. И цесарю зело о том весело было, что российский Василий велел флоренскому королю быть самому в Цесарию. И адмирал отдав цесарю поклон и объявил, что скоро в марш во Флоренцию плыть имеет, и поехал на корабли свои, в великую печаль впаде и думал, как бы ему королевну увезти. И вздумал к себе звать российского матроса на корабль и с королевною и увезти. И поехал во дворец, нача просить:

— Государь мой, Василий Иванович, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрашнего числа ко мне, рабу вашему, со всеми министрами и пажками, такожде, ежели возможно, и с прекрасною королевною Ираклиею на корабли погулять и наших кораблей посмотреть и убранства флоренского.

И Василий рече ему:

— За вашу просьбу быть готов.

И которые были при адмирале флоренском, всем Василий давал дары и напитки на корабли посылал. И на другой день поутру рано адмирал вторично просил Василия, и он обещал к нему быть. И нача просить Василий по просьбе адмиральской, звал с собою королевну на корабль. Тогда королевна рече ему:

— Государь мой, я опасна того, что сей адмирал вороват, не сделал бы чего над нами; того ради весьма опасуюсь.

И рече Василий:

— Государыня, с нами много будет генералов, и министров, и пажей, и драбантов наших; что нам может сделать?

Королевна же рече:

— Будь, государь мой, по воле вашей; я готова с вами хоть и смерть принять, а волю вашу исполнять.

И поехали Василий и королевна во дворец к цесарю и о всем ему том объявили. И цесарь рече:

— Братец, изволь ехать и с собою изволь взять моих генералов и министров, также чтоб и драбанты были при вас.

И от цесаря Василий с королевной, с генералы и министры и множество драбантов как к адмиралу на корабли поехали и как на пристань приехали, тогда адмирал с великою радостью встретил, и приняв Василия и королевну, пошли в корабль. А королевна в черном платье была и в великой печали. И как в корабль пришли, тогда адмирал нача всякими напитками почти жестоко всех генералов, и министров, и пажей, и драбантов; великие бочки вина выставил и во всякие игры играть приказал. А как все пьяны стали, тогда адмирал вышел из корабля и велел своим офицерам и солдатам, чтоб цесарских генералов и министров с кораблей бросать, и драбантов бить, и подымать паруса, чтоб из Цесарии уйти. И оный его офицеры приказ приняли и начаша всех с кораблей в море бросать и в цесарские суда пьяных метать. И поднявши парусы, побежали к Российской Европии. И оный адмирал шшел в корабль, нача Василия Кориотского бить по щекам и за волосы терзать, и рече адмирал:

— Тебе ли, каналия непотребный, бестия, сею прекрасною королевною Ираклиею владеть?

И бивши его, едва жива оставил и велел своим офицерам, навязавши ядро пушечное, бросить в морскую глубину. Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю его к себе милость, взяв, положили в малую лодку и спустили на море, шляцу его с ядром пушечным с корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили и он в глубину морскую с ядром уйде, только шляпа его наверху плавает. Королевна же, видя сие приключившееся над ним несчастье, паде, обмерла от великой ужести, пала на землю. Адмирал же, приступив к королевне и подняв, дул в уши и лил на перси ее воду, дондеже могла прийти в чувство; и как прииде

в память, нача горько плакати. Тогда адмирал вынев из ножен свою шпагу и с пристрастием рече:

— Ежели станешь плакать, сейчас главу твою отсеку.

И приведе ее к присяге, что отцу ее и матери о том своем несчастии не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взял. И она страху ради дала присягу, что по воле его сделать, и от той печали прииде в великую болезнь.

И как пesarю сказали, что такое несчастье учинилось и брата его Василия в море бросили, и весьма печалился о брате своем и распалился сердцем, скоро велел собрать войско четырех тысяч и с войсками послал своего генерала и кавалера Флегонта, с которым писал королю флоренскому все подробно об его адмирале, как увез прекрасную королевну Ираклию и брата его Василия кинул в море, за которое непотребство при посланном его генерале и кавалере Флегонте велел бы с живого кожу снять и жилы все вытянуть. «А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю».

Василия же в том малом судне принесло к некоему малому острову, на который остров вышел, нача горько плакати о своем несчастии, и призвал господа бога на помощь, и с той печали на том острове уснул крепким сном. И в то время приста некий муж, старый рыболов, и виде человека спяща в драгом одеянии и пришел, возбудил его. И виде Василий, паде на ноги его, плача и рыдая. Оный же муж его вопроси о приключившемся, како на сей остров заиде и которого государства. Василий же все ему подробно сказал. Слышав же, оный муж рече:

— Не плачь, брате, молися господу богу, бог все помогает, может тя и помиловать, и будешь в прежней своей славе. Аще хочеши в Цесарию или во Францию, аз тя имам отвезти.

Василий же нача просити, чтоб во Флоренское государство его отвезти, и старый муж, посадив его в свое судно, в три дни во Флоренское государство его поставил. Василий же велие ему воздаде благодарение и вниде во Флоренское государство. И выпросился у некоторой старухи в богадельню, на которую дрова сек, и воду носил, и плетнем ее хижину оплел. А оная богадельня была на пути близ кирки, в которую король хаживал. И виде король и королеву весьма печальных и спрашивал у старухи, чего ради король и королева в великой печали; она же ему говорит:

— Уже три года и слуху нет — пропала королевна, и послан для искания ее адмирал по разным государствам, который еще и поныне не бывал.

Тогда уразуме Василий, что еще его прекрасной королевны Ираклии нет.

По прошествии же трех месяцев, как Василий во Флоренцию приде, прибыл флоренский адмирал и с прекрасною королевною

Ираклисю на пристань и начаша из пушек палить и в барабаны бить и во всякие игры играть. Тогда узнал король флоренский, что адмирал его дочь, прекрасную королевну Ираклию, привез; тотчас и с королевою своею на пристань поехал и, увидевши дочь свою, от радости нача горько плакати; а королевна с печали насилу вышла и ни о чем не говорит, лицом помрачена. Видевше отец ее и мать и начаша горько плакати и говорить:

— Государыня наша, любезная дочь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видом очень печальна?

Она же воздохнув жалостно и нача плакати и рекла:

— Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне я вижу вас, токмо мало порадовалась сердцем своим от печали своей, которая в сердце мое вселилась, не могу отбыть.

И поехавши во дворец король, и королевна весьма была печальна и в черном платье.

Потом адмирал объявил королю:

— Я королевну взял приступом.

И просил адмирал королевского величества, что она обещана отдать в жены, в чем и король свое королевское слово не преминет. И как утро и день наста, к законному браку совсем уготовился и пришел к кирке; а прекрасную королевну повеле убирати в драгоценное платье королевское. И адмирал поехал со всем убранством к кирке.

И король прииде к королевне Ираклии и рече:

— Возлюбленная моя дочь, прекрасная королевна Ираклия! Изволь убираться, время к законному браку.

Слышав же королевна от отца своего горько стала плакати и паде на ноги его и рече:

— Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родительской милости, пожалуй не отдавай меня в жену сему адмиралу.

— Чтоб тебя не отдать, я не хочу пороль свой оставить; изволь убираться и ехать до кирки.

И видев королевна, что уже никак у отца не отговориться, залилась слезами и, воздохнувши, рече:

— На что мне убираться, когда у меня единого нет: ежели б у меня едино было, то бы я веселилась.

Слышав же отец ее и мать начаша дивиться и ее вопрошати:

— Повеждь нам, милейшая наша дочь, прекрасная королевна Ираклия.

Королевна же в великой своей печали не отвеща, и поиде во уготованную палату, и вышла, и пала в карету в черном платье. И поехали к кирке и как стали подъезжать близ той богадельни, идеже российский матрос, Василий, взяв арфу, нача жалобную играть и петь арию:

Ах, дражайшая, всего света милейшая, как ты пребываешь,
А своего милейшего друга в свете жива зрети не чаешь!
Вспомни, драгая, како возмог тебя от морских

разбойнических рук свободити,

А сей злы губители повеле во глубину морскую меня утопити!

Ах, прекрасный цвет, из очей моих нынче угасаешь,

Меня единого в сей печали во гроб вселяешь.

Или ты прежнюю любовь забываешь,

А сему злому губителю супругою быть желаешь.

Точию сей мой пороль объявляю

И моей дражайшей воспеваю:

Аще и во отечестве своем у матери пребыти,

Прошу верные мои к вам услуги не забыти!

Слышав же королевна играюща на арфе и поюща к пей арию тотчас повеле карете стати и разумела, что ее верный друг Василий жив, повеле спросити: кто играет? Паж прииде и поведа, яко некий кавалер играет. Королевна же из кареты тотчас сама встала и желала видеть, кто играет. И как увидела, что милый ее друг Василий Иванович, и пришед ухвати его, нача горько плакати и во уста целовати. И взяла его за руку и посадила в карету и повеле поворотить и ехать во дворец. Видев же сие мипистры и начаша зело дивитися, что такое несчастье, всем превеликое подивление. И как приехали во дворец, тогда королевна Василия взяла за руку, повела российского матроса Василия ко отцу своему и матери и рече:

— Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видеть, сие во очию мою ныне явилось!

И нача им подробно о всем предъявлять, како он ее избавил от разбойников, и как сам в Цесарии был назван от цесаря братом родным, и как ее адмирал увез из Цесарии и его бил, в море повеле бросити, и цесарских министров и драбантов били, — «за которое извольте ожидать от цесаря вскоре силы за продерзость оногo нашего адмирала». Слышав то король и королева и приидоша в великий ужас; и вси кавалеры стали говорить, чтоб Флоренны быть не разоренной. Тотчас посла каморгера и велел арестовать адмирала; каморгер арестовал. Королевна же тогда просия красотою, яко солнце неодоенное; черное сняла и в драгоценное платье убралась и бысть в великом веселии.

По прошествии трех дней прибыл из Цесарии генерал пesarский Флегонт с войском пesarским к Флоренскому государству и приказал беспрестанно бить из пушек и в барабаны; а сам генерал Флегонт взяв присланный лист от цесаря и поехал к королю флоренскому; и как приехал, то объявил королю, чтоб приказал адмирала своего, который был в Цесарии и, брата пesarева Василия зазвав к себе на корабли с генералами и министры пesarскими,

великое учинил непотребство, повеле в море побросать и прекрасную королеву увез, которая была избавлена от разбойников оным цесарским братом Василием, — и за оные его адмираловы непотребства чтоб пред войском цесарским учинить тиранственное мучение, с живого кожу снять. Король же флоренский рече генералу цесарскому Флегонту, что Василий Иванович жив и в его королевстве, и взем его за руку. Видев же Флегонт Василия и королеву, яко своему цесарю, поклон отдал и вельми тому порадовался. Василий же повеле адмирала пред войском цесарским вывезти и с живого кожу снять, а генералу цесарскому король флоренский и Василий даша великие дары и всему войску цесарскому жалованье.

И после той казни король флоренский дочь свою, прекрасную королеву Ираклию, отпусти с Василием к законному браку к кирке. И венчались в той кирке, на котором их законном браке был генерал цесарский Флегонт и все генералы и министры флоренские. И было великое веселие во всей Флоренцы три недели. И по прошествии трех недель генерала цесарского и с войсками Василий отпустил в Цесарию, писал с великим благодарением и обещался быть сам к цесарю.

И как к цесарю генерал Флегонт приехал и объявил, что Василий Иванович жив и в добром здравьи обретается и совокупился законным браком и прекрасную королеву Ираклию взял, и подал от него присланный лист, который принял цесарь, в великой радости был, что его брат Василий Иванович жив, в добром здравии обретается. Василий спустя время сам ездил к цесарю, и благодарение цесаря за его прежнюю к себе милость получил, и возвратился во Флоренцию, и поживе в великой славе, и после короля флоренского был королем флоренским; и поживе многие лета и с прекрасною королевою Ираклиею и потом скончался.

М. В. ЛОМОНОСОВ

1711 - 1765

М. В. ЛОМОНОСОВ

«С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим», — говорит Белинский в статье «Литературные мечтания». Многообразнейшая кипучая творческая деятельность великого сына русского народа Михаила Ломоносова поражает своей широтой и размахом.

Сын холмогорского рыбака, северянина-промышленника, Ломоносов рано научился читать, познакомился с книжным «славянским» языком, имея «природное знание» живого языка народа. Вскоре Ломоносов поднялся к вершинам науки и знания, стал гениальным родоначальником русской науки и «Петром Великим» русской литературы, но отличное чувство народной речи никогда не покидало его. Письма к И. И. Шувалову, приводимые в настоящем сборнике, совершенно убедительно показывают несравненное владение Ломоносовым русским языком и интерес его к сокровищам устной народной речи. Народная поэзия — фольклор — была постоянной спутницей его поэтического творчества, сквозь условные формулы поэтического словаря и жанрового деления литературы классицизма в поэзии Ломоносова всегда пробиваются чистая струя народного языка, освежающий ветер народного творчества.

Глубоко волнует и вдохновляет читателей патриотический пафос поэзии Ломоносова. Он ясно определил задачи поэта, в котором прежде всего видел гражданина, верного сына своего отечества: произведение Ломоносова «Беседа с Анакреонтом» отлично раскрывает эту сторону его мировоззрения. В противовес рассуждениям древнегреческого лирика Ломоносов выдвигает в искусстве гражданские идеалы, просит живописца изобразить ему не красивую девушку, а Россию, родину. Он признается:

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Вся многообразная напряженнейшая деятельность великого Ломоносова была посвящена служению отчизне. Он стремился к тому, «чтобы выучились россияне, чтобы показать свое достоинство». Трудами Ломоносова в 1755 г. создан Московский университет, организованы географические экспедиции, выполнен ряд ценнейших физико-химических исследований, навсегда утвердивших приоритет русской науки во многих отраслях знания.

Русская наука и ее успех были жизненной целью Ломоносова, для торжества науки он не щадил своих великодушных сил. Он могучей рукой распространял в России просвещение и с полной искренностью мог признаться в од-

ном из писем 1761 г.: «Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет: стоял за них смолоду, на старость не покину».

Ломоносову принадлежит честь реформы русского стихосложения, начатой Тредиаковским. Он убедительно показал, что русские стихи должны быть основаны на чередовании ударных и неударных слогов, что возможны пропуски ударяемости в стихотворной строке. Ломоносов ввел в русскую поэзию размер ямба и трехсложные размеры, разные виды рифм, словом, явился подлинным реформатором русской поэзии. Поэтическое творчество Ломоносова, исполненное высоких гражданских мыслей, горевшее любовью к России, указывало путь русской поэзии, и этим путем вслед за Ломоносовым пошли передовые русские поэты.

Писатель-гражданин, превыше всего ставивший интересы народа и общества, Ломоносов все силы отдавал на служение отечеству и в этом видел задачу каждого литератора. Подвиг жизни его захватил Радищева. В заключительной главе «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищев воссоздает монументальный образ Ломоносова, заканчивая им свою гениальную книгу. Радищев подчеркивает огромное влияние мысли писателя на современников и потомков. Ломоносов, «действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразно отверзал общему уму стези на познания» — и в этом его величайшая заслуга. «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу». Радищев отмечает благотворное влияние Ломоносова на русскую литературу: «Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно».

Ломоносов не делал различия между предметами поэзии и деловой прозы. «Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, т. е. все известные вещи на свете... Слово двояко изображено быть может, прозою или поэмою», — указывает он в «Риторике» (1748). Не придает значения он и проблеме жанров, столь тщательно разработанной поэтикой классицизма. Резко отрицательно относится он лишь к сказкам и романам, считая чтение их пустой тратой времени, потому что они «никакого учения правов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют».

Сочинения самого Ломоносова всегда содержали «учение нравов и политику». Читатель обратит внимание на отрывки из «Слова о пользе химии» и «Краткого описания разных путешествий по Северным морям», приведенные в настоящем сборнике. С какою силой и выразительностью излагает Ломоносов свои мысли, как точна его речь, как разносторонни интересы! Творчество Ломоносова было подлинной школой русской прозы. Письма его поражают ясностью мысли, живостью и простотой изложения, скульптурной четкостью деталей. И везде он остается самим собой — великим Ломоносовым, о котором Пушкин сказал: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения... он все испытал и все проник».

Из «Слова о пользе химии»

Учением приобретенные познания разделяются на науки и искусства. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действий и свойств причины; искусства к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; искусства снисканием прибытка увеселяют. Науки искусствам путь показывают; искусства происхождение наук ускоряют. Обои общею пользою согласно служат. В обоих сих коль велико и коль необходимо есть употребление химии, ясно показывает исследование природы и многие в жизни человеческой преползные искусства.

Натуральные вещи рассматривая, двоякого рода свойства в них находим. Одни ясно и подробно понимаем; другие хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем. Первого рода суть величина, вид, движение и положение целой вещи; второго цвет, вкус, запах, лекарственные силы и прочие. Первые чрез геометрию точно измерить и чрез механику определить можно; при других такой подробности просто употребить нельзя: для того что первые в телах видимых и осязаемых, другие в тончайших и от чувств наших удаленных частицах свое основание имеют. Но к точному и подробному познанию какой-нибудь вещи должно знать части, которые оную составляют. Ибо как можем рассуждать о теле человеческом, не зная ни сложения костей и составов для его укрепления, ни союза, ни положения мышц для движения, ни распростертия нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приготовления питательных соков, ни протяжения жил для обращения крови, ни прочих органов сего чудного строения? Равным образом и вышепоказанных второго рода качеств подробного понятия иметь невозможно, не исследовав самых малейших и неразделимых частиц, от коих они происходят и которых познание толь нужно есть испытателям природы, как сами оные частицы к составлению тел необходимо потребны. И хотя в нынешние веки изобретенные микроскопы силу зрения нашего так увеличили, что в едва видимой пылинке весьма многие части ясно распознать можно; однако сии полезные инструменты служат только к исследованию органических частей, каковы суть весьма тонкие и невидимые простым глазом пузырьки и трубочки,

составляющие твердые части животных и растущих вещей; а тех частиц, из которых состоят смешанные материи, особливо зрению представить не могут. Например через химию известно, что в киновари есть ртуть и в квасцах земля белая, однако ни в киновари ртуть, ни в квасцах земли белой ни сквозь самые лучшие микроскопы видеть нельзя; но всегда в них тот же вид кажется. И посему познания оных только через химию доходить должно. Здесь вижу я, скажете, что химия показывает только материи, из которых состоят смешанные тела, а не каждую их частицу особливо. На сие отвечаю, что подлинно по сие время острое исследователей око толь далече во внутренности тел не могло проникнуть. Но ежели когда-нибудь сие таинство откроется, то подлинно химия тому первая проводительница будет; первая откроет завесу внутреннейшего сего святилища природы. Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные с неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и наконец искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих. Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок; наблюдает ее дружба, обходительства и увеселения, выспрашивает рабынь, которые ей при возбуждении, при нарядах, при выездах и при домашних упражнениях служат; и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца ее состоянии. Равным образом прекрасная природы рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая химия: и когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает разные в них фигуры; выспрашивать у осторожной и догадливой геометрии: когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет; советовать с точною и замысловатую механикою; и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит выведывать чрез проницательную оптику. Таким образом, когда химия пребогатая госпожи своей потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный природы рачитель оные чрез геометрию вымеривать, через механику развешивать и через оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет. Здесь, уповаю, еще спросить же-

лаете: чего ради по сие время исследователи естественных вещей в сем деле столько не успели? На сие отвечаю, что к сему требуется весьма искусный химик и глубокий математик в одном человеке. Химик требуется не такой, который только из одного чтения книг понял сию науку; но который собственным искусством в ней прилежно упражнялся; и не такой, напротив того, который хотя великое множество опытов делал, однако, больше желанием великого и скоро приобретаемого богатства поощряясь, спешил к одному только исполнению своего желания и ради того, последуя своим мечтаниям, презирал случившиеся в трудах своих явления и перемены, служащие к истолкованию естественных тайн. Не такой требуется математик, который только в трудных выкладках искусен; но который, в изобретениях и в доказательствах привыкнув к математической строгости, в натуре сокровенную правду точным и непоползновенным порядком вывести умеет. Беспользны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Беспользны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет. Химия руками, математика очами физическими по справедливости назваться может. Но как обе в исследовании внутренних свойств телесных одна от другой необходимо помощи требуют, так, напротив того, умы человеческие нередко в разные пути отвлекают. Химик, видя при всяком опыте разные и часто нечаянные явления и произведения и примагниваясь тем к снисканию скорой пользы, математику, как бы только в некоторых тщетных размышлениях о точках и линиях упражняющемуся, смеется. Математик, напротив того, уверен о своих положениях ясными доказательствами, и, чрез неспоряемые и непрерывные следствия выводя неизвестные количеств свойства, химика, как бы одною только практикою отягощенного и между многими беспорядочными опытами заблуждающего, презирает, и, привыкнув к чистой бумаге и к светлым геометрическим инструментам, химическим дымом и пепелом гнушается. И для того по сие время сии две общею пользою так соединенные сестры только разномысленных сынов по большей части рождали. Сие есть причиною, что совершенное учение химии с глубоким познанием математики еще соединено не бывало. И хотя в нынешнем веку некоторые в обеих науках изрядные успехи показали, однако сие предприятия выше сил своих почитают и для того не хотят в испытании помянутых частиц с твердым намерением и постоянным рачением потрудиться; а особливо когда приметили, что некоторые, с немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами и в одной голове родившимися привидениями натуральную науку больше помрачили, нежели свету ей придали.

*Из «Краткого описания
разных путешествий по Северным
морям и показания возможного
проходу Сибирским океаном
в восточную Индию»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое, от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных; второе, от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира; третье, от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами чрез купечество. Российская империя внутренним изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими статами равняется, многие превосходит. Внешнее купечество на востоке и на западе хотя в нынешнем веку приросло чувствительно, однако, рассудив некоторых европейских держав пространное и сильное сообщение разными торгами со всеми частями света и малость оных против российского владения, не можем отрещись, что мы весьма далече от них остались; но в сем Россию до нынешних времен извинить должно. Ибо западные европейские державы по положению своих пределов везде имеют открытый путь по морям великим; и для того издревле мореплаванью навыкли и строению судов, к дальнему морскому пути удобных, долговременным искусством научились. Россия, простираясь по великой обширности матерой земли и только почти одну пристань у города Архангельского, и ту из недавних времен, имея, больше внутренним плаванием по великим рекам домашние свои достатки обращала между собственными своими членами; но ныне, по открытии Петровую рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплаваньи и строении корабельном, бывшие неудобности исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает, который со временем не токмо другим морским державам сравниться, но и превзойти может, ежели все то употребится в пользу, что всевышний промысл дал в участие нашему простран-

ному отечеству. Не упоминаю во всем том довольствия, что к строению кораблей потребно. Ибо избыток оных, расширяясь во внешние государства и снабдевая другие державы, ясно разглашает по всему свету российское богатство, которым как в европейских купеческих пристанях утвердился, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть в состоянии, чем наше купечество не токмо приобрести новые преимущества, великое богатство и громкую славу, но и на всех завистников своего благополучия страх навести может. Внешние сего примеры, токмо представляясь пред очами всего света, в восхищение всех приводят. Малые владательства, которых с российским могуществом и внутренними достатками в сравнение положить невозможно, распростерли свои силы от берегов европейских и оными окружили все прочие части света. Россия не меньше счастием, как силою и общим рачением простерла свою власть до берегов Восточного океана и в пространстве оного открыла неведомые земли. Но как за безмерною дальностью, для долговременных и трудных путей, сила ее на востоке весьма укоснительно и едва чувствительно умножается, так и в изыскании и овладении оных земель и в предприятии купеческого сообщения с восточными народами нет почти больше никаких успехов. Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом, о которого возможности найдутся в сем моем рассуждении довольные доказательства. Правда, что представление многих трудностей, которым сие предприятие может быть подвержено, в состоянии возбудить сомнения; но оные, уповаю, исчезнут, когда положим к ним в сравнение в подобных случаях труды, препятствия и успехи западных народов, а особливо португальцев и испанцев. Португальцы от своих берегов имели ходу в Ост-Индию до Малабарских семнадцать тысяч верст; у нас от Кильдина острова (ежели оттуда главное предприятие впоследствии) до Чукотского носу, до которого из Камчатки доходил открытым морем Беринг, не больше пяти тысяч верст. Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи; однако, положим оные в сравнение с путешествием в восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и больше неудобства найдем. 1) На толь долгом пути, под разными климатами, на разных морях, каких не представляли себе опасностей португальцы; один сей страх от неведомых приключений мог бы, кажется, уничтожить их надежду. 2) Преходя экватор, в первые походы коль страшные ощутили неудобности! Долговременная тишина с нестерпимым зноем не токмо члены человеческие приводела в слабость и к понесению трудов чинила неудобными, но сожитием воды и съестных припасов и рождением в них червей голод и жажду, сверх того моровые язвы и бешенство в людях производили. 3) Внезапно на ослабленных устремлялись неслыханные в наших морях свирепые вихри и туч густых удары, от которых

корабли нечаянно в великой пучине погружались. 4) Перешед на южную половину за экватор, не имели больше северной Полярной звезды для предводительства, и в прочем на южном полукружии редкие и не определенные астрономическим прилежанием звезды мало в плавании служили. 5) На берегах, к которым приставали для отдохновения и для сыскания свежей воды и пищи, беспокоены и обижены были от непостоянных варварских народов. 6) В толь великом отдалении пресекали им путь на море и к поселению предприятия воспящали сильные турецкие и аравитские флоты из Чермного моря, которые, боясь себе помешательства в купечестве, противились в успехах европейцам. 7) Простершись от берегов в ужасное отдаление по неизмеримой глубине и видя плавающую траву и червей, корабли прогрызающих, сверх того необыкновенные и ужасные на воздухе огненные явления, суеверные и незнающие люди всегда к отчаянию приближались и кровопролитие междусобное предприятие и руки на своих начальников поднять готовились: великим воспящением было негодование при отправлении. 8) И опасное роптание всего народа, что-де на явную погибель головы христианские, однородцы и свойственники, слепым желанием богатства или принуждением отдаются, дабы сыскать песчаную, зноем солнечным иссушенную и бесплодную землю или, дошед до края света, погрузиться в преисподние адские пропасти. Все сии обстоятельства и приключения в трудных и опасных мореплаваниях, славными морскими героями предприятий, примером и поощрением служить нам должны. Все опасности и страхи ни сих отважных сердец погибелью, ни самих государей истощением великого иждивения не отвратили; не жалели флотов, многочисленного народа, казны несчетной и знатных фамилий для снискания пользы и славы отечеству в неведомых и половиною света удаленных государствах. Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужею не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдет. Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предприятие долговременный морской путь россиянам нужно; но между 80-м и 65-м северной широты обращаться. Нет страху ни от крутых, море похищающих, вихрей, ни от ударов туч, корабли от воды отрывающих, которые в северных морях нигде не примечены. Не опасна долговременная тишина с великими жарами, от чего бы члены человеческие пришли в неудобную к понесению трудов слабость, ни согниение воды и съестных припасов и рождение в них червей, ниже моровая язва и бешенство в людях. Все сие стужею, которой так опасаемся, отвращено будет. Самое сие больше страшное, нежели вредное пре-

М. В. ЛОМОНОСОВ

пятствие, которое нашим северным россиянам не так пагубно, превратится в помощь.

Сии преимущества довольно быть кажутся, чтобы побудить к новым предприятиям в сыскании северного ходу Сибирским океаном; особливо же видя пример великия Британии, которая главное свое внимание простирает к западно-северному ходу Гудсонским заливом, не можно, кажется, не иметь благородного и похвального ревнования в том, чтобы не дать предупредить себя от других успехами толь великого и преславного дела.

§ 31. По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше приватными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибири, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие; построены уже были по великим рекам сей северныя части Азии некоторые города, остроги и зимовья, в том числе и Якутск, к нижним странам уже склоняющиеся великия Лены. Из которых устьев ведомы стали далее к востоку еще другие, ее меньшие, по собою великие реки, Яня, Индигерка, Ковыми. Около устьев их и по берегам, между ними лежащим, старались российские промышленники большие поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости.

§ 32. Холмогорец Федот Алексеев с позволения государева приказчика, что был тогда на Колыме, с казаком Иваном Дежневым предприяли путешествие из реки Ковыми на восток в июле месяце 1647 года в том мнении, чтобы дойти до реки Анадира, о которой думали, что впала в то же Ледовитое море; однако по льдами поход их был без успеху. Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости; и потому следующего, 1648 года июня 20-го дня те же Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Акундинов пошли на семи кочах с немалым числом народа, на каждом судне около тридцати человек. О четырех судах нет известия, где девались. Служивого Акундинова коч разбило у Чукотского носу, где он на прочие два к товарищам перебрался. Сентября 20-го дня Алексеев и Дежнев, будучи на берегу, дали с чукчами бой, на коем Дежнев ранен; потом носило их долго по морю; и наконец Дежнев выкинут за устья реки Анадира далее к полудню, к северным камчатским пределам, около реки Олюторки. Федот Алексеев и Герасим Акундинов в коряцких жилищах пристали к берегу, на коем несколько пожив померли цынгою. Многие из товарищей их побиты; достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку; и первые из россиян в сей земле поселились задолго до приходу пятисотника Володимера Атласова. И хотя они там от камчадалов убиты, кои уведали, что русские

люди, а не боги, затем что кровь их увидели, когда они подрались между собою, однако имя их и остатки жилища были свидетелями. О смерти Алексеева и Акундинова сказывала после Дежневу якутская баба, коя жила у Алексеева. Дежнев, возвращаясь с двадцатью пятью человеками, нашел Анадир реку и по ней ходя основал Анадирский острог; наконец, с великим трудом от вершин перешед горы, достиг на устье реки Колымы; откуда пошел сперва на судах по сибирскому берегу к востоку.

§ 33. Сею поездкою несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий, к чему наше главное намерение здесь простирается. При сем Дежнев слышал, что море около Чукотского носу не повсягдно бывает ото льду чисто; о картах и о прочем, что до промыслов надлежит, не упоминаю. Остается объявить о прочих берегах Сибирского океана, от Вайгача до Ленского устья, кои хотя по большей части промышленниками обойдены издавна; однако полное доказательство представить должно из нарочных отправлений морских офицеров, кои по высочайшим монаршеским повелениям посланы для описания северных берегов сибирских.

§ 34. Об оных посылках обстоятельные известия хранятся в государственной Адмиралтейской коллегии. Сколько же мне ведомо, то от города Архангельского сквозь Вайгач исследован хотя трудный ход для многих льдов морскими офицерами Малыгиным, Скуратовым, Мининым далее Обской губы, даже до устьев реки Пясиги. От устья Пясиги до устья Тамуры реки хотя для множества льдов судовой ход почитается невозможным, и штурман Минин, идучи с запада от устьев енисейских, остановился на ширине $73\frac{1}{2}$ градусов, а с востока от устья реки Лены поручик Харитон Лаптев мог дойти до 77 градусов, а всего мысу водяным ходом не окружили; однако по краям стоячего льду прошел. При оном мысу мичман Челюскин и везде видел стоячий лед окружен торосом, то есть ходячим льдом, который тогда зимним временем примерз к стоячему. Что ж оным в летнюю пору ходил, то показывали взломанные трением бугры ледяные. От реки Тамуры до устьев новыских судовой ход изведен флота поручиком Дмитрием Лаптевым, достальной берег, от Ковыми до устья реки Анадира около Чукотского носу, исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого; чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается.

§ 35. От Чукотского носу на Камчатку морской свободный ход отнюдь не сомнителен и доказан путешествием Беринговым, который 1728 года июля 20-го дня вышел из устья реки Камчатки и пустился в север к востоку при камчатских берегах, делая оным по возможной точности описание. На $64\frac{1}{2}$ и 67 градусах 18 минут приезжали к нему на байдарах чукчи, у коих он спрашивал через

толмача корячанина о положении земли далее к северу; на что ответствовали, что она после того простирается к западу. Губу ли они, после носу следующую, или главный поворот разумели, сомнительно; только в самом деле правда, и Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил. Одного жаль, что, идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно, бы мог приметить берега северо-западной Америки.

§ 36. Уже довольно показано, что Северный сибирский океан с Атлантическим и с Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами, кои коль широки, то есть коль далече отстоят самые северные берега Северной Америки от сибирских, о том еще мало или почти ничего не известно за невозможности понине свободного мореплавания; однако сколько есть известий, здесь пропустить не должно. Что против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известия геодезиста Гвоздева и объявления тамошних жителей; и неспоримо, что все оное принадлежит к Америке; ибо по сказкам чукчей и людей, на оной земле пойманных, известно, что земля она велика, в которой множество народу, лесов и зверей, и втекают в море великие реки, и многие притом обстоятельства. С западного конца Ледовитого океана простирается Гренландия, которая по крайней вероятности из нижепоказанного в § 64-м соединена сухим путем с землями, от Калифорнии к северу лежащими, где полагаются моря и реки, открытые де Фукою и де Фонтом и куда ходили из Камчатки Чириков и Беринг; ибо восточные, южные и западные берега Северной Америки суть довольно известны; следовательно, надлежит быть и четвертому на севере, который хотя для великих заливов и островов идет чайтельно излучинами, как везде почти бывает, однако одним краем непрерывным. Итак, остается только знать его положение, которое, сколько по физическим рассуждениям определить можно, показано будет в следующей главе; по мореплаванию ничего не известно, кроме некоторого чаемого острова против лепских и других устьев, в действии не довольно доказанного.

§ 37. О сем острове сибирские известия свидетельствуют положительно и отрицательно; положительные суть следующие: 1) Кочевщик Родион Михайлов, будучи отнесен от берегу льдами в пути от Святого носу на Колыму реку, показывал Никифору Малыгину и другим, с ним бывшим, остров на море, который всяк из них видел. 2) Оному ж Малыгину сказывал торговый человек Яков Вятка, что, проезжая из Лены в Колыму, отнесен был на кочах к показанному острову, где видели они зверские следы. 3) Из якутской воеводской канцелярии 1710 года, с устья реки Яны объявлено сказкою казака Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья Ковыми

реки (может быть, были сие мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись). 4) Казак Меркурий Вагин в 1712 году, вышед из устья реки Яны в море с Яковом Пермяковым, как со своим вожем, ходил в море по льду на нартах в мае месяце; приехал к пустому острову, на коем нет лесу; с того острова виден был другой, или земля матерая. 5) По объявлению якутского сына боярского Федота Амосова оный остров простирается от устья Яны до устья Индигерки реки и далее. 6) Промышленный человек Иван Велигин ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать за сильным ветром и туманом, остров ли то или земля матерая и есть ли на ней лес и жители или нет; однако приметил там старые юрты и их остатки, каменные горы нарочитой вышины и зверские следы. Сие же он слышал и прежде от чукотского жителя Колая. 7) Казачий голова Афанасий Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров, назвав его Копаевым, и за ним назначил матерую землю.

§ 38. Отрицательных известий большую часть должно почестъ рассуждениями или догадками, по коим вышеписанные объявления представляются сомнительными: 1) что бывшие с Меркурьем Вагиным казаки, не хотя больше терпеть впредь будущей нужды, его и других некоторых убили, и после при следствии некто объявлял, что то был пар, а не остров; и в прочем о помянутом изыскании казаки объявляли несогласно. 2) Василий Стадухин нарочно ходил для изыскания оного острова, но только видел далее ковымского устья большой мыс, протянувшийся от сибирского берега в море, а не видал никакого острова. 3) В 1714 году посланы были проводить оного острова два отправления, под командою Алексея Маркова да Григорья Кузякова. Марков ездил на собаках по льду в море прямо к северу в марте месяце, по его отписке около семисот верст, из янского устья и объявил, что по Святому морю судам ходить нельзя, кое летом и зимою стоит замерзло; а видел-де он стоячие льдины, как высокие холмы, с коих смотря вдаль никакой земли не приметил. О поездке Кузякова подобно известное. 4) Афанасья Шестакова карта должна казаться сомнительна, затем что он не умел грамоте; а сочиняли по его сказкам люди, кои только писать умели.

§ 39. Сии прекословные известия сличив одно против другого, ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных; ибо, несмотря на то, 1) что вообще не следует из незнания небытие вещей и нельзя заключить, чтобы того не было на свете, чего кто не видал или не пашел, — сами обстоятельства показывают слабость или, лучше, ничтожность отрицательных; ибо: 2) что убивцы Меркурия Вагина виденный им остров за пар почитали, то учинить они могли для его обвинения, якобы он, за пустыми мечтаниями гоняясь, хотел их уморить холодом и голодом, и для того они, имея причину, его убили. Прочие несогласные их

сказки самим тем лишают их всякой вероятности, и кто может в сем деле положиться на злодеев, кои, избывая смерти, ложь с правдою сплетали для своей выгородки? Что же до бытия первого острова надлежит, все сказали согласно, и для того вероятность не потеряна. 3) Стадухин, Марков и Кузяков объявили, что они, будучи нарочно посланы и ходив по морю далече, помянутого острова не видали, что противно известиям вышеписанных Родиона Михайлова, Якова Вятки, Якова Пермькова и прочих; но кто рассудит, что неволя принудит больше терпеть, нежели охота, что противные бури далее отнести могут, нежели добрая воля, и что на парусах скорее можно ездить было сим, нежели оным на собаках, с довольным провиантом на судах, нежели со скудным на нартах, и зимнею порою, нежели летнею, — тот не усумнится заключить, что Стадухин и прочие могли предпочесть свою безопасность такому изысканию, кое и впредь соединено будет с великими тягостями, и для того: или, не отважась вдаль, ничего не видали, или, быв и видеви, ничего не объявили для своего будущего покоя. 4) Что ж Шестаков был человек безграмотный и что сочинившие по его словам карту только писать умели, то все не мешает самой истине: довольно, что они на оной положили Кюпаев остров и за ним матерую землю, что довольно служит к подтверждению оного изыскания. Ибо здесь требуется только о бытии оных известие, а не точная их фигура и положение; следовательно, и геодезисты для сочинения такой карты не нужны. Она сделана так, как поступают самые лучшие географы, когда ставят на картах подлинно найденные, но неописанные земли.

§ 40. Для таковых причин и при толь многих свидетельствах, которым прекословные известия отнюдь не отнимают вероятности, не сомневаюсь помянутый Кюпаев остров и за ним матерую землю положить на своей полярной карте и господ славных географов, Делиля и Бюаша, отнюдь в том не порицаю, что они сие внесли в свои издания. Сверх сего, следующие в 3-й главе физические рассуждения могут больше уверить о сей правде, хотя она несколько противна показаться может нашему главному намерению: то есть якобы некоторым оплотом и препоною корабельному ходу по Сибирскому океану.

§ 41. Путешествие морское с российской стороны из Камчатки на восток хотя и не надлежит до мореплаваний для поиску проходу в Индию нордостом, однако в рассуждении островов, между Америкю и Камчаткою и чукотскими берегами лежащих, также и самых дальних мест, к полюсу склоняющихся, Северной Америки служит к нашему главному делу. Оным ходом под Беринговою и Чирикова командою изведено: 1) что западные берега Северной Америки лежат далее к полюсу, нежели как прежде думали; а из того следует по взятым наблюдениям, что оные от земли, против Чукотского носу лежащей, отстоят не весьма далече, например

Далматов остров от ней около осьмисот верст. 2) Что Америка, против Камчатки лежащая, начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные; и потому не без основания утверждать можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют архипелаг. Ибо они иногда шли действительно между островами, хотя их и не видали, из коих один пресечением волн знать себя дал ночью во время сильного ветра от полудни, что он не был из числа малых, какие там многие примечены. 3) А посему явствует, что против северной части Камчатки и против анадирских устьев может быть довольно пространное море, а особливо потому, что от нордоста приносит зимою лед даже до Курильского мыса. 4) Что в оных местах есть множество жителей, и потому весьма вероятно, что они, по не весьма дальному расстоянию от обитателей земли, кои лежит против Чукотского носу, с ними сродны и одного языка или немного отменного; либо конечно по соседству есть у них такие люди, кои между ними служат вместо переводчиков, так что если бы достать жителя земли, что лежит против Чукотского носу, то бы весьма уповательно было получить известие о тех россиянах, кои на западном американском берегу Чириковым потеряны.

§ 42. В заключение сего не могу преминуть, чтобы не присокупить здесь известия, которое о возможности корабельного ходу Сибирским океаном совершенно бы уверило, если бы о достоверности оного не оставалось никакого сомнения. Господин Бюаш, королевский парижский географ, на изданной от себя полярной карте показывает, что некто португальский мореплаватель именован Мельгер с клятвою объявил, что он, 1660 года марта 14-го дня вступив в путь из Японии, прошел в Португалию Сибирским океаном. Дорога его назначена точками мимо Чукотского носу, позади полюса, между Шпицбергенем и Гренландиею и наконец между Исландиею и Англиею; окончан в пристане при городе, Порто называемом, что на устье реки Дуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще остается мне отвратить мнения, противные сему славному и полезному предприятию: 1) Нерадостные примеры неудачных прежде бывших походов. 2) Великие убытки. 3) Трата людям. 4) Тщетная работа, коею впредь могут больше пользоваться другие народы, хотя бы и удача воспоследовала.

На первое отвечаю, что неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и англичане и голландцы довольно знания натуры, ниже ясного воображения предлежащей дороги; 2) что приготовления были беспорядочны, следовательно, и сами предприя-

тия неудачны и бедственны; 3) особливо же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы. Суда употреблялись шитые ремнями, снасти ременные, парусы кожаные. Каковы сии орудия против мокроты и стужи? Сверх сего, был ли кто хотя человек грамотный, не токмо знающий мореплавание?

Отправленные потом флота офицеры тем, во-первых, совершенного не принесли удовольствия, что Чукотского носу не достигли; да и статья тому трудно, что не тою отправлены были дорогою, как показано. Сверх же того, повидимому, не все, как надлежит, усердствовали: затем что жен своих в толь трудный поход брали. Между тем принесли много пользы, изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно; и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и порядком может воспоследовать желаемого исполнения.

Но положим, что того никогда не учинится; однако несомненно найдутся чрез то места, к разным рыбным и звериным промыслам удобные, каковы найдены западными мореплавателями в Гудсонском и Дависовом заливе. Скажет кто, что ход для промыслов далек будет? Ответствую примером англичан, что их рыбные и звериные промыслы в Гудсонском заливе не ближе от Лондона, как Чукотский нос от Архангельского города, и путь их лежит ледястыми и опасными морями.

Что ж надлежит до убытков, то они не токмо казне, но и купцам достаточным сносны будут; особливо когда соединятся компаниею к сему прибыточному поиску. По моему мнению, за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход на первый случай.

Жаление о людях много чувствительнее, нежели о иждивении. Однако поставим в сравнение пользу и славу отечества: для приобретения малого лоскута земли или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армии, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государской славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду. Если же толика слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нарекание от всей Европы, что имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне; не пользуемся божеским благословением, которое лежит в глазах и в руках наших тщетно; и содержа флоты на великом иждивении, всему государству чувствительном, не употребляем в пользу, ниже во время мира оставляем корабли и снаряд в жертву тлению и людей, к трудам опре-

деленных, предаем унынию, ослаблению и забвению их искусства и должности.

Последнее из противных мнений, чтобы сие открытие не досталось в чужие руки, обращается в ничто следующими: 1) помянутое мореплавание к нам ближе, нежели к прочим европейским державам; 2) россиянам тамошний климат сноснее; 3) что на нужных и тесных местах построются зимовья с предосторожностями для наших людей, коими чужестранные пользоваться не могут; 4) на Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов; против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом; но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадёжные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистоимо; таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке.

И. И. Шувалову

Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающиеся от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санктпетербург и послан за море и жалованье получал против прежнего в сорок раз. Оно меня от наук не отвратило; но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все силы употребляю, чтобы те, которые мне от усердия велют быть предосторожну, были обо мне беспечальны; а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны; и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать можно. Они кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы; Вол[ь]фа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство; Слоана в Англии,

который после себя такую библиотеку оставил, что никто privately не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов. По приказанию вашему все исполнить не премину с глубоким высокопочитанием пребывания вашего превосходительства
всепокорнейший слуга

Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
мая 10 дня
1753 года.

И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почи-
тайте, для того что мертвые не пишут. Я не знаю еще или по по-
следней мере сомневаюсь, жив я или мертв. Я вижу, что господина
профессора Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах,
в которых я был в то же самое время. Сего июля в 26 число в пер-
вом часу пополудни поднялась громовая туча от норда. Гром был
нарочито силен, дождя ни капли. Выставленную громовую машину
посмотрев, не видел я ни малого признаку электрической силы.
Однако, пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых
электрических из проволоки искр, и к тому пришла моя жена и
другие; и как я, так и они беспрестанно до проволоки и до приве-
шенного прута дотыкались, затем что я хотел иметь свидетелей
разных цветов огня, против которых покойный профессор Рихман
со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое
то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от
меня прочь побежали. И жена просила, чтобы я прочь шел. Любо-
пытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали,
что щи простынут, а притом и электрическая сила почти перестала.
Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь отво-
рил человек покойного Рихмана весь в слезах и в страхе запыхав-
шись. Я думал, что его кто-нибудь на дороге бил, когда он ко мне
был послан; он чуть выговорил: *Профессора громом зашибло.*
В самой возможной страсти, как сил было много, приехав, увидел,
что он лежит бездыханен. Бедная вдова и ее мать таковы же, как
он, бледны. Мне и минувшая в близости моя смерть, и его бледное
тело, и бывшее с ним наше согласие и дружба, и плач его жены,
детей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству
соседейшего народа не мог ни на что дать слова или ответа, смотря
на того лицо, с которым я за час сидел в Конференции и рассуждал
о нашем будущем публичном акте. Первый удар от привешенной
линии с ниткою пришел ему в голову, где красновिशневое пятно
видно на лбу; а вышла из него громовая электрическая сила из
ног в доски. Нога и пальцы сини, и башмак разодран, а не про-
жжен. Мы старались движение крови в нем возобновить, затем что

он еще был тепл, однако голова его повреждена, и больше нет надежды. И так он плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отворатить можно, однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет, но бедная его вдова, теща, сын пяти лет, который добрую показывал надежду, и две дочери, одна двух лет, другая около полугода, как об нем, так и о своем крайнем несчастьи плачут. Того ради ваше превосходительство, как истинный наук любитель и покровитель, будьте им милостивый помощник, чтобы бедная вдова лучшего профессора до смерти своей пропитание имела и сына своего, маленького Рихмана, могла воспитать, чтобы он такой же был наук любитель, как его отец. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! Исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тем, чтобы сей случай не был протолкован противу приращения наук, всепокорнейше прошу миловать науки и

вашего превосходительства
всепокорнейшего слугу в слезах

Михайла Ломоносова.

Санктпетербург
26 июля
1753 года.

А. П. СУМАРКОВ

1718 - 1777

А. П. СУМАРКОВ

Александр Петрович Сумароков принадлежал к старинному дворянскому роду. Образование он получил в сухопутном шляхетном кадетском корпусе, куда поступил при его открытии в 1732 г. В корпусе, где были сильны литературные интересы, Сумароков начал писать и в год окончания курса — 1740 — напечатал две оды императрице Анне Ивановне. После корпуса Сумароков служил адъютантом при Головкине и А. Г. Разумовском. В 1747—1748 гг. он написал свои первые трагедии «Хорев» и «Гамлет», в следующем году поставленные на сцене кадетами и офицерами шляхетного корпуса. Когда из Ярославля прибыла в Петербург труппа Ф. Д. Волкова и в 1756 г. был основан театр, Сумароков получил назначение на пост директора. Правительство не отпускало средств, развитию театра чинились препятствия, что вызвало гнев Сумарокова и обостряло его отношения с придворными и чиновниками.

Сумароков деятельно участвовал в 1755—1758 гг. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения», а в 1759 г. выступил в качестве издателя и редактора журнала «Трудолюбивая пчела», явившегося первым журналом в России, который издавался частным лицом, а не правительственным учреждением. К этому времени Сумароков был признанным главою русской дворянской литературы, создателем стиля русского классицизма. Его пьесы составили основу репертуара русского театра 1760—1770-х годов. Обширна и равнообразна была деятельность Сумарокова-поэта, велико было его сатирическое дарование.

В 1761 г. Сумароков получил в театре отставку и больше не вступал в службу, занимаясь литературной деятельностью. Один из виднейших идеологов русского дворянства XVIII века, убежденный монархист и крепостник, Сумароков, однако, не пользовался симпатиями правительства ни при Елизавете, ни при Екатерине. Его идеальные представления о том, каким должно быть дворянство в качестве правящего класса, резкая критика эксплуатации крестьян и злоупотреблений крепостным правом, обличение представителей государственного аппарата, чиновников и откупщиков, делали Сумарокова неприемлемым для правительства литератором, несмотря на его искреннее желание служить монархии так, как он это понимал.

Защищая свой идеал дворянской монархии, Сумароков и в прозе и в стихах ратует за просвещение и воспитание дворянства, руководящегословия в стране. Дело вовсе не в правах рода и происхождения, важно,

чтобы дворянин своими личными достоинствами получил право на управление страной и народом.

Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот — земли одушевленный ком;
И если не ясный ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого, —

писал Сумароков в «Сатире о благородстве».

«Ясный ум», благородство и культуру дает, по мысли Сумарокова, дворянину прежде всего воспитание, указывающее ему пути служения отечеству. При отсутствии этих качеств дворянин недостоин управлять крестьянами и должен быть отстранен от участия в руководстве страной. Идеальная схема Сумарокова не находила подтверждения в действительности, ибо вокруг царили самодуры-крепостники, Скотинины и Простаковы. Сумароков обличал их, и сатира его получила гораздо более широкое звучание, потому что оказывалась обращенной против дворянского класса в целом.

Признавая законной крепостную зависимость крестьян от помещиков, Сумароков протестовал против рабства, против практики бесстыдной торговли «крещеной собственностью», борясь, таким образом, только за смягчение крепостного права.

Помещика, который обогащается непомерными трудами своих подданных, Сумароков называет «извергом природы», «тварью безграмотной». «Я с такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенная слезами, не вкушаю, — гневно заявляет писатель. — В таком обеде пища мясо человеческое, а питье слезы и кровь их», то есть крестьян («О домостроительстве»). Неоднократно эта тема затрагивалась Сумароковым в притчах.

Отъявленным врагом государства Сумароков считал чиновничество, «подьячих», по его выражению, потому что эти люди управляют другими не на основании своих высоких личных достоинств, а пользуясь положением, захваченным ими в бюрократическом аппарате монархии.

Приводимые ниже сатирические письма и заметки Сумарокова, печатавшиеся им в журналах, хорошо иллюстрируют эти стороны его мировоззрения. Сумароков выразительно набрасывает портрет крупного чиновника, «думного дьяка», и обстановку его дома, комически изображает, как возникла «некоторая заразительная болезнь» — взяточничество. Не ставя перед собой далеко идущих художественных задач, как он делал это в поэзии и драматургии, Сумароков развивает жанр сатирического очерка и фельетона, обнаруживая смелость мысли и тонкую наблюдательность. Его журнальные статьи сыграли свою роль в развитии русской прозы, хотя автор их и предпочитал в своем творчестве поэзию, «язык богов», и спорил с авторами романов.

«Каков бы ни был талант Сумарокова, но его сатирические нападки на «крапивное семя» всегда будут заслуживать почетного упоминания историка русской литературы», — указал Белинский.

Письмо о некоторой заразной болезни

Была ли сия заразная болезнь, о которой я писать хочу, известна во времена Иппократовы, о том я не могу сказать, а по многому видно, что она в его время не весьма сильна была, ибо ей и греческого названия нет. Во время Галеново, может быть, она была уже, что я заключаю из латинского ее названия, а может быть, она и после времен Галеновых проявилась. Сие латинское название и у нас ныне, когда начали возрастать науки, к украшению нашего языка воспринято. У дедов наших было имя сей болезни взятки, а мы, просветившись учением, даем ей имя латинское Акциденция. Некоторые называют скорбь сию естественною, а некоторые преестественною, доказывая, что Иуда взял уже тогда тридцать сребренников, когда в него вселился диавол. А я сие двойное мнение в едино совокупаю и вероятно утверждаю, что тело сею скорбью естественно заражается, и что диавол берет душу такового человека по заражении естественном, и что ежели бы сребролюбивый Иуда не заразился сею язвою, так бы в него диавол не вселился. В здешних областях началась скорбь сия подъячими. Когда была столица в Новеграде, в Киеве и во Владимире, скорбь сия уже была, однако была весьма слаба. Усилилася она тогда, как на Каменном мосту в Москве зачалася винная продажа. Вышел некогда чорт из-под Каменного моста, и, опознавшись с подъячим корчемной конторы, прохаживаяся по городу, шел мимо Петровского кружала, и услышал огромную музыку и пение: известно, что черти до музыки охотники, а особливо до гудков, и зашел туда по зову подъячего, который ему объявлял, что в том доме продают разные напитки, а притом на всякий день представляют оперу, в которой самая лучшая инструментальная музыка, гудки, волынки, рыле, балалайки и прочее, и что самые тут лучшие певцы и танцовщики, а иногда и баталии представляют: черти до пляски великие охотники, а до драки еще и больше; зашли на кружало и, забавляясь до полуночи оперою, нахлоусталися, а сверх того и на дорогу сткляницу водки и чарку взяли, с совершенным пошед удовольствием, повторяя те арии, которые они слышали, крича по улицам, как и ныне, ходя по улицам, пьяницы, не страшась полиции, распевают. Шед по Пречистенке и позабыв поворотить налево к мосту, куда им дорога лежала, прошли прямо, и к самым Пречистенским воротам,

а рассмотрев, что Каменного моста тут нет, и вспомня, что влесе, поворотились от ворот налево и вместо Каменного моста попали на Алексеевскую башню. «Куда меня занес чорт», — говорил подьячий. «Куда меня завел подьячий», — говорил чорт. Что они пьяные вскарабкались на башню, это им чудно казалось, а как оттоле сойти, это им было непонятно. «Чорт ведает, как отселе сойти», — говорил подьячий, а чорт говорил ему, что он этого не ведает. «Выпьем мы, друг мой сердечный, с грусти хотя по чарке водки», — говорил чорту подьячий. Чорт, налив чарку, говорил: «За здоровье вашей инклинации», — и выпил. Подьячий, тоже налив себе водки, молвить хотел, да, не зная по-французски, этого не умел выговорить и сказал только: «Преждереченному последствую», — и, позабывшись, перед чаркою перекрестился. Чорт исчез, а подьячий повис на зубцах и кричал: «Караул, возьми его и меня!» Что подьячий, пив водку, повис на зубцах Алексеевской башни, сия история в Москве не только старым бабам, но и малым ребятам известна. Сняли и взяли чортова наперсника под караул, отвели на съезжую, отослали в приказ и посадили на цепь. Проспавшись, хватился подьячий шапки, которую сняв он на башне при чарке водки чорту кланялся, и как скоро он сорвался с цепи, пошел за шапкою. О, ежели бы он позабыл там свою подьяческую голову или бы на зубцах повешен остался! Но рок того не учинил. Пошел подьячий за шапкою и, нашед шапку, нашел чоровы крючки, которые он, провалившись, схватить не успел. Подьячий сей болезни, которая ныне под именем Акциденции распростерлася, имел уже некоторые припадки, а скорбь сия слыла еще тогда шильничеством. Шильничество так мало перед Акциденциею, как мошенничество перед грабительством. Как скоро подьячий крючок этот получил, тотчас шильничество стало жестокою заразительною болезнью, которая ныне Акциденциею называется, а бредни в болезни сей по происхождению своему названы крючками. Теми крючками вытаскивают черти у худых людей души, а сими вытаскивают подьячие у добрых людей деньги. По происхождению крючков сих из-под Каменного моста, в память того, называются выведывальщики винной продажи крючками. По сей же причине подьячие литер никогда равно не ставят, но всегда крючками. От сего литера Р с большим ставится крючком и в подьяческих названиях так употребляется; да и названия их без сея литеры не бывает; ибо это их герб. Подьячие одним пишут почерком литеры, связывая для того, чтобы и в том больше крючков было, и для умножения оных крючков часто литеры вверх кидают. Точек и запятых не ставят они для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить. Язва Акциденции день от дня преужасно размножается, и число больных неописанно велико, а ежели не употребятся к тому способы, чтоб оную болезнь истребить, так последует неизлечимое разоренье.

О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей

Известно, что в древние времена обер-секретарей еще не было, а вместо их были думные дьяки, из которых некто с меня считил пятьдесят рублей, а я в том извиняюсь следующими причинами: я был двенадцати лет тогда, и что за взятки приказано вешать, я этого еще не знал; вторая причина была мое любопытство узнать, каким образом Акциденция берется; третья причина, что ежели бы я не дал ему денег, так бы дело то не было сделано. Вот как берутся взятки: приехал я ко двору его высокородия думного дьяка зимою в санях и, подъехав ко двору, радовался, что я скоро буду в тепле, а этого я не знал, что челобитчики к думным дьякам на двор не въезжают и выходят у ворот. Ворота у дьяков всегда запираются замками изнутри, понеже-де то от воров имеет быть безопаснее; больше получаса стучался я у ворот: отперли калитку, выглянул приворотник и спрашивал, как ему назвать мое здорье; я не знал, как ему отвечать, и промолчал, ибо такой вопрос и не ребенку странен покажется: он спрашивал, как назвать вашу милость, это я знал, потому что оно несколько употребительно, а по-нашему: как тебя зовут. Я ему сказался; а он калиткой хлопнул и ее запер. Слуга мой был поискуснее меня и говорил: надобно дать деньги. Я опять постучался, он опять выглянул, я давал деньги, чтоб он отнес их к думному дьяку, а меня бы впустил, однако он их не взял, извиняясь, что господин его может подумать, будто он не все сполна ему отдаст, а мне чаялося, что везде деньги берутся в тех местах, куда безденежно не впускают у дверей; ибо я бывал на комедиях, смотрел Александра и Людвига, Париж и Вену и другие комедии, на что я и ссылался, а он отвечал, то-де враки, а здесь дела. Очень досадно мне это стало, что дьяков он писателям драм предпочитает, как будто сердце слышало, что я по времени буду иметь несчастье быть драматическим стихотворцем. Однако служителю знатного человека должен я был уступить, а мой слуга сунул ему в руку пять копеек, которые он с меньшей принял учтивостию, нежели подлекарь и дьячок. «Дома ли, — спрашивал я, — его благоутробие?» — «Этого я еще не знаю, — отвечал он, — я пойду, о том, дома ли он или нет, доложу его милосердию и вашей

чести донесу». Еще с полчаса прошло того времени, в которое мне ябнуть предписано было, возвратился дворник и объявил, что боярин его дома: не дьяком назвал он его, боярином, а в этом было в древности различие. На дворах приказных служителей стоят на часах собаки, и кто из них больше чином, у того больше собака и толще лаает. Подворотни у дьяков превысокие и для челобитчиков из-под калитки не вынимаются, а ворота и не отворяются; калитка была очень узка, и человек мой пролез боком на двор, а я, будучи мал, через подворотню насилу перелез. Как только собака нас увидела, преужасно залаяла. Цербер не испугал Геркулеса в аде, а меня дьячий Цербер гораздо испугал, потому что я ребенок был, да я ж и не Геркулес, хотя и в ад вошел. Слуга мне говорил, чтоб я поклонился Церберу. «Как, — спрашивал я, — чтобы я собаке поклонился?» — «Хотя это и собака, однако дьячья», — говорил он. Но когда я уже дошел до такой подлости, чтобы кланяться дьяку, великое ли это уже унижение, чтобы и собаке не поклониться: поклонился, да еще и пристойные были, чтоб я собаке поклонился, нежели ее помещику; она денег не возьмет у меня, а бессовестный ее помещик с меня счистит. Я редко вспоминаю, что я дворянин, а в то время вспомнил я это и размышлял, идучи по двору: дьяк богаче меня, а я несую ему деньги; дьяк хуже меня, а я иду ему кланяться; и ежели бы я философ был, конечно бы закричал: О времена! о нравы! Вшел я в боярские покои: подошла ко мне боярская боярыня. Не чудно ли это, что дьячью служанку называли боярынею? Сия боярыня была охвата в два, в подкапке, в телогрее и босиком. «Боярин, — говорила она, — в мыльне и уже выпарился, скоро изволит выйти». Подьяческое племя с самого младенчества привыкает, и терпят они легко, как их по спине секут, а намерение то, чтобы не тако трудно было телесное наказание, ежели по силе уложения и указов нужда того потребует, и заставляют подьячие холопьям своим сечь себя в бане и велят себя до тех сечь пор, покамест побагровет спина, как они под патогами ни кричат, однако когда то окончится, так они становятся еще бодрее того, нежели были, и ради того патог их обыкновенная забава, и чтобы воскресенья как праздничный день проводить им повеселенье, так они по всякую субботу себя сечь приказывают, хотя иные говорят, будто они терпят это добровольно за соделанные во всю неделю плутни, и что перед праздником полагают на себя сию епитимью, подобием христиан Западной церкви, и что подьячие, не дав себя ввечеру в субботу высечь, не ходят к обедне в воскресенье, а когда и придут, так стоят только в трапезе, будучи оскверненны. Я бы к нему в субботу ввечеру, конечно, не поехал, ведая, что все приказные служители секутся в это время в банях патожьями; да что делать? я был кадет; в прочие дни надлежало учиться и быть у себя, а воскресенье для кадетов день отдохновения, а для подьячих день пьянства, и так один только вечер субботы мне к тому

остался. Вышел боярин из застенка; я ему подал письмо, а того, что я с деньгами пришел, он не ведал и принял меня спесиво. Я ему подал грамотку, он надел очки, грамотку распечатал и почал читать. Суровый его вид переменялся, когда он дочел до того места, где о пятидесяти рублях помянуто было. Прочет письмо, обозрел меня очень жадно, со мною ли те деньги, и когда я ему стал их подавать, говорил он: «На что это? это, право, напрасно». О приказная душа! на что было такое лицемерие? — говорит, «на что это?» — и берет. А что это напрасно, это подлинно: я это знал, хотя бы ты и не сказал. Взял пятьдесят рублей и поднес мне стакан меду, и как я больше половины стакана выпить не хотел, так он меня гораздо потчевал и уверял меня, что это мед ставленный и хмелю в нем нет. «Я этому верю, — отвечал я, — да я и без меду иззяб». — «Нет, ничего, выкушай, — говорил он, — это питье хорошо». А я думал то, что в тепле быть и брать за ничто чужие деньги это хорошо, а в холоде быть и отдавать за ничто свои деньги это не гораздо хорошо. Отдал ему свои деньги и поехал домой, всем тем, которые, нарушая честность и присягу, корыстуются взятками, желая висельницы.

Сон «Счастливое общество»

Взаснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какого несовершенство естества достигнуть может. Был я в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние. Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных его помощников, подало подвластному ему народу благоденствие. Желая объявить о порядке его владения, начну я собственною его особою. Сей государь во многоделии своем смещенных мыслей и, следственно, мрачного вида не имеет. Он имеет обыкновение не всегда в делах, но иногда и в забавах упражняться, однако и в них не погубляет он драгоценного времени; бои они на всенародной основаны пользе. Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Достоинство не остается без воздаяния, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость нет иной дороги, кроме достоинства. Раздражить его, кроме беззакония и нерадения, ничем невозможно. Слабости прощает он милосердо, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во звании своем искусных. Отроки по склонности в обучение отдаются, люди совершенного возраста по способности распределяются, а в начальники производятся по достоинству, и оттого им подчиненные исполняют их повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает. Благодетельство, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране, есть основание всего народного благополучия. Духовные содержатся в великом почтении, которого они и достойны. Они во многом подобны стоическим философам, ибо страсти самую малую искру благоденствия над ними имеют, а они равны и во благополучии и во злополучии. К пище привыкли они необходимой. Кроме необходимости, ни в чем ничего не требуют и довольствуются содержанием без малейшего излишества, не имея притом и ни малейшего вредного человеческому естеству недостатка. Все они люди великого учения и беспорочныя жизни. Первое служит ко наставлению

А. И. СУМАРОКОВ

добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни. Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие. Во светские дела они ни под каким видом не вмешиваются, а науки благочестия просвещением почитают. О домостроительстве они не пекутся; ибо содержат их общество, и получают они определенное, а больше того им никто участно дать не дерзает; ибо то наказанию подвержено, да они и сами в сие преступление не впадают, сие нарушает правила их и опровергает почтение, заслуженное ими по справедливости. Они к светским, а светские к ним имеют любовь, и оттого между духовными и светскими согласие, что на свете бывает редко. Суеверия и лицемерия они неприятели, первое язвою благочестия почитая, а второе лукавством, затмевающим сияние благочестия под ложным видом умножения лучей его и маскою злодеяния; ибо-де истинное благочестие притворства не требует. Главное светское правление называется там Государственный совет. В него никаких частных дел не вносится. Там распорядки, исправления, узаконения и прочие государственные основания или по повелению монарха, или ко предложению оному. Узаконения в области сей делаются очень редко, а отменяются еще реже. Книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают. Сия книга начинается тако: **ЧЕГО СЕБЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОГО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ.** А окончивается: **ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДАЯНИЕ, А ЗА БЕЗЗАКОНИЕ КАЗНЬ.** Права их оттого в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны. Преступить закон тамо народ весьма опасается, ибо, заслужив приличное вине своей наказание, уменьшения оного иметь не уповает, а живучи честно, ничего не опасается. Дражайшая безопасность, упование на невинность и неизбежное наказание твердо содержат людей сего народа в границах честности; в Государственном совете и во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений, отчего ни споров, ни неправды не бывает. Те, которые неправильно бьют челом, сверх потеряния тяжбы и убытка, у всех в презрение приходят, а те, которые не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих; и для того узаконения, ясно изображенные, свято и ненарушимо наблюдаются. Дела окончивают очень скоро, для того что очень мало спорят, а еще меньше пишут и ни челобитчиков, ни ответчиков лишнего говорить не допускают, а главная причина скорости их — беспристрастие. За малейшие взятки лишается судья и чина своего и всего имения; однако дети виновных людей ничего не теряют; ибо все им возвращается. Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имеют тамо людя ни

благородства, ни подлородства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи. А сие подает охоту ко снисканию достоинства, ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло, по размеру своя доброты и по размеру успеха труждающегося, тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово тунеядец жестокая тамо брань, которая гнушаяся, к работе люди с самого младенчества привыкают. Пьянство, мгла благоразумия и источник наглых и вредительных поведений, также в великом тамо презрении, и благоразумным обыкновением вкореняется от него в людях отвращение при воспитании. Денежные игры, приличные тунеядцам, и добывателям бесполезного обществу труда денег, и погубителям времени, могущего употребленным быть на что-нибудь надобное, у них, почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно как и пьянство, однако часто упражняющиеся в них люди презираются. Больше месяца в судебных тамо местах никакое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самые завящивые дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение. Всякое челобитье у них законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и ответчики от своих должностей увольются, а ежели должность просящих суда или оправдающихся по важности увольнения не терпит, тогда определенные на то стряпчие, все собрав доказательства и оправдания, с принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о деле стараются под смотрением начальника стряпчих, что у них чин великий. Дела из города в город и из приказа в приказ не переносятся, а ежели судящие неправильно осудят, тогда оное дело рассматривается в Государственном совете, что бывает очень редко, а по сему рассмотрению следует судьям наказание; а когда проситель судей обнесет неправильно, он еще большему наказанию подвергается, что еще реже бывает. Судьи для подозрения от дел не отрешаются; ибо никто против узаконений голоса подать не дерзает, подобно как законодавцы не должны дерзать делать узаконений против истины, и тако не судьи тамо страшны, но суд, который основан на узаконениях, а узаконения на истине. Войски их состоят под воинственным советом, а сей совет под Государственным. Главные люди в воинской службе называются военачальниками, а под ними полководцы и так ниже. Всякий военачальник и все воинские начальники прежде быть рядовыми, все нижние степени пройти и все оных исполнения познать и в них совершенно углубиться одолжены. Но не только едина привычка, ниже притом и мужество еще не довольно тамо для военачальника. Остроумие и великое знание сверх того ему необходимы: первое для скорого проникания, а второе для благоразумного расположения

его предприятий. Воины по степеням исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением и делают им великое почтение, а начальники ни малейшего к подчиненным не имеют уничижения. В мирное время войски их непрестанно воинским обрядам обучаются и снабденны всем, во всякое время ко бранному походу готовы. К суровой жизни военные люди всеми мерами стараются привыкнуть и как защитники отечества народом почитаемы и любимы. Они имеют похвалу, что коль велико во время сражения их мужество, толики после победы их человеколюбие и великодушие. Сим приносят они сугубую славу своему отечеству и сугубое почтение от самих неприятелей. Подчиненные так обыкли повиноваться своим начальникам, что во время жесточайшего распаления единым словом обуздываются. Добычь воинская им неизвестна; то у них заказано, а что получится, то после порядочно и рассматрительно разделяется, отчего воины думают о победе, а не о добыче. Побежденных и непротивящихся убивать запрещено, под лишением жизни. Больше бы мне еще грезилось; но я живу под самую колокольню: стали звонить, и меня разбудили, и лишили меня сего приятнейшего привидения. Дай боже, чтобы сны, подобные сну сему, многим виделись, а особливо наперсникам фортуны.

О домостроительстве

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем Домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибитки; на второе: дабы тем обогатилось государство. Чьи прибитки? ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и елей, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная, умножение изобилия всем, а не единому; почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение золота и серебра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих мануфактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического, единственно ради своего излишнего изобилия, раздражая и божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну воду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьянин то же: вкус помещика потоне; так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крестьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жить мещанину пышнее поселянина, дворянину мещанина, государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное

мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество, или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быти должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быти не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той же привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий постыдиться крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вреднее разбойника отечеству. Увеселяюсь ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенные слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища мясо человеческое, а питье слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткани, по мнению отличных рассматривателей Франции, меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином изобилии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою своих подданных, так сохраняя голову, сохранит и мизинец; ибо голова тела и мизинцу состраждет. Но таковые гнусные Домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей: на лошади такой человек езда питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве, но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу, экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают, так кажется мне, что люди гнусные, похва-

лою ободряемы, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отечества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняяся и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О, если бы мнимые Домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я против беззаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

М. Д. ЧУЛКОВ

1734 - 1792

М. Д. ЧУЛКОВ

Русское крепостное крестьянство с воцарением в 1762 г. Екатерины II испытало новые тяготы и обиды. Дворянская императрица еще сильнее закабалила народ. Помещики получили право творить суд в своих имениях, ссылать крестьян в Сибирь, заключать в тюрьмы. «Закон запрещает отъяти у него жизнь, — говорит Радищев, — но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно». Пять-шесть дней в неделю крестьяне должны были работать на помещичьих полях, некоторые владельцы заставляли их выходить на барщину и по воскресеньям. У крестьян не оставалось времени для того, чтобы обеспечить себя хлебом, народ голодал и нищал. Судьба крепостного была целиком в руках господина. Просить помощи и заступничества было негде: указом 1765 г. императрица под страхом жестоких наказаний запретила крестьянам жаловаться ей на помещика.

Народ волновался и восставал. Случаи убийства помещиков учащались, горели барские амбары и усадьбы. Недовольство принимало все более активный характер, что, наконец, весьма озаботило правительство. Екатерина в 1767 г. созвала Комиссию по составлению нового Уложения и заставила депутатов читать написанный ею «Наказ», собранный по кусочкам из сочинений либеральных западно-европейских авторов. Депутаты не имели права что-либо утверждать или решать, но они могли выступать со своими мнениями, — и неожиданно на заседаниях Комиссии раздался голоса «о собственном рабов имуществе», о жестокостях крепостного права, о том, почему крестьяне бегут от помещиков. Создать видимость благополучия не удалось, часть депутатов явно не захотела идти на поводу у Екатерины, и заседания под приличным предлогом были прекращены. Царица столкнулась не только с дворянской оппозицией, она услышала голоса в защиту крепостного крестьянства и «третьего чина людей» — рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии. Вскоре Екатерина предприняла еще одну попытку воздействовать на общественное мнение, затеяв издание журнала «Всякая всячина». Другие журналисты оказались далеко не во всем согласны с державным редактором. Журнал Н. И. Новикова «Трутень» (1769—1770 гг.) ставил вопросы крепостного права, требовал сатиры «на лица» и обличал злоупотребления представителей государственной власти. Однако сатирические издания конца 1760-х годов были скоро ликвидированы.

Между тем беспокойство в стране возрастало. Отдаленные раскаты грома крестьянской войны слышались все отчетливей. В одном из немногих сохранившихся рукописных произведений крестьянской литературы предугачев-

ских лет «Плач холопов» с суровой простотой и обстоятельностью перечисляются обиды, чинимые крестьянам помещиками.

О горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить! —

воскликает неизвестный автор «Плача». Он выступает против засилья в дворянской России «набродов» — иностранцев, захвативших крупные должности и власть в стране:

Когда в Россию набродов сих пушали,
Тогда нам лучшее правление обещали,
А они российских дворян со однодворцами определили,
А нас, несчастных, по себе разделили.

Невыносимо тяжелое положение крепостного крестьянства вызывает у автора, мечтающего о воле, отчетливое стремление уничтожить власть помещиков, намерение «злых господ корень переводить». Исполнение этого желания было не за горами — через несколько лет, в 1773 г., крестьяне выступили против дворянства и его правительства под знаменами Пугачева.

В печатной литературе 1760-х годов голос угнетенного крестьянства не мог звучать открыто, но настроения его оказывали давление на различные стороны общественно-литературной жизни. В эту пору происходит оформление антидворянских течений в публицистике и художественной литературе. Утверждают демократическое по своей природе самосознание разночинцы XVIII века, — как условно можно обозначить социальную группу, в состав которой входили представители крестьянского сословия, однодворцы, беднейшие дворяне, мелкое чиновничество, сельское духовенство, городские мещане и ремесленники. Из этого слоя во второй половине XVIII века выходили ученые и писатели, излагавшие свои демократические взгляды, которые шли вразрез со взглядами официальной дворянской литературы и правительственной публицистики.

Замечательный публицист, ученый и общественный деятель Я. П. Козельский в Комиссии нового Уложения требовал ограничения крепостного права, он был врагом социального неравенства, выступал против тирании в защиту демократии и республики. Козельский пытался обосновать право угнетенного народа на восстание и морально оправдывал его. В Московском университете преподавала группа профессоров, развивавших перед студенческой аудиторией и на страницах своих книг прогрессивные демократические взгляды. Дмитрий Аничков пропагандировал атеизм. Семен Зыбелин в рассуждениях на медицинские темы затрагивал вопрос о недостаточном росте народонаселения в России и объяснял его социально-экономическими причинами и бедственным состоянием крепостного крестьянства. Семен Десницкий, автор многих юридических сочинений, связывал правовые нормы с социальными условиями общества, требовал введения в России гласного суда с прениями сторон.

В художественной литературе также появляются разночинцы, вступающие в борьбу с эстетикой дворянского классицизма и затрагивающие новые темы, почерпнутые из конкретного быта, из горьких жизненных наблюдений писателей. Они не пишут героических поэм или трагедий. Роман, повесть, рассказ, журнальная статья занимают в их творчестве первое место. Проза, а не стихи, привлекает их главное внимание.

Формирование недворянского круга читателей во второй половине XVIII века представляет уже заметное явление. Этим новым читателям было чуждо искусство классицизма, писатели и издатели должны были с этим считаться. Требования на массовую книгу росли, спрос расширялся, и печатные издания могли удовлетворить его только отчасти. Переписка книг от руки продолжается и во второй половине XVIII века. Подписи и заметки на рукописях показывают, что в числе их владельцев были гвардейские и армейские офицеры, чиновники, купцы, посадские люди и, наконец, крестьяне.

В журнале Чулкова «И то и се» (1769 г.) есть упоминание о приказном, который кормился переписыванием популярных романов — «Бова королевич», «Петр Златые ключи», «Еруслап Лазаревич», «Фрол Скобеев» и т. д.; некоторые из них, как, например, «Бову», он переписывал до 40 раз, удовлетворяя требования своих заказчиков. Такое свидетельство не единично. Владельцы типографий, между тем, ведут переиздание отдельных ходких книг. Н. И. Новиков внимательно следил за читательским спросом, и в общей сумме миллионных оборотов типографической компании немалая доля приходится на переиздания романов и повестей, в занимательной форме даввших массовому читателю известные дозы поучения и различных сведений. В журнале Новикова «Живописец» указывалось, что «у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, кои сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся... Напротив того, на вкус мещан наших не попавшие весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечно для них темницею назначенных».

Линия старорусской повести XVII века продолжается и в следующем веке, и с нею во многом связаны некоторые явления письменной литературы XVIII столетия. Рукописная литература отличалась большой живучестью и не только сохраняла свой прежний фонд, но и пополнилась в XVIII веке новыми произведениями, в частности переводными, которые появлялись иногда задолго до печатных изданий. Продолжают переписываться оригинальные русские «истории» начала XVIII века — о Василии Кориотском, Александре — российском дворянине, королевиче Архилабоне. В рукописный фонд входят и популярные в XVIII веке романы типа «Азватской Банизы» и правоучительно-сентиментальные романы вроде «Истории Жанетты», «Истории Карла Орлеанского», «Ипполита и Жулии». Часть из них впоследствии была напечатана; даже печатные романы переписывались любителями чтения, так как тиражи их все-таки были ограничены.

Однако в 60-е годы роман еще не получил общего признания; против него возражали, например, видные представители господствовавшего в литературе направления классицизма. А. П. Сумароков в своем журнале «Трудолюбивая пчела» (1759 г.) с обидою замечал:

«Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много... Чтение романов не может назваться препровождением времени: оно погубление времени... Хорошие романы хотя и содержат нечто достойное в себе; однако из романов в пуд весом спирту, однако, фунта не выйдет, и чтением оного больше употребится времени на бесполезное, нежели на полезное. Я исключаю «Телемака», «Дон-Кихота» и еще самое малое число достойных романов».

Но роман уже получил в 60-е годы и своих принципиальных защитников. О нем с уважением и сочувствием говорят Чулков и Эмиц, а самое главное — роман находит верную дорогу к читателю, с чем, разумеется, нельзя было не считаться.

Михаил Чулков хорошо знал своего низового читателя, потому что сам вышел из этой среды. Он переменял несколько профессий, служил придворным лакеем, был актером, стал профессиональным литератором, а потом вступил на государственную службу. Он не учился в корпусе или в университете и тем, что знал, был обязан самообразованию. Таким образом среди писателей господствовавшего в стране дворянского класса Чулков представляется не совсем обычной фигурой. «Я не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами и поднимают летом большую пыль на улицах... Сколько мало я имею понятия, столько низко мое достоинство, и почти совсем не видать меня между великодушными гражданами», — сообщает он в предисловии к «Пересмешнику». Жалобы на бедность у Чулкова вовсе не носят отвлеченного характера, это вынужденные признания бедняка-литератора, озабоченного хлопотами о насущном хлебе... «Дому я не имею, хозяином не слывал от рождения и, может быть, до самой смерти не буду иметь сего названия», — с горечью замечает он. То, что представителям дворянского сословия давалось по праву рождения и состояния, Чулков и люди его социального круга должны были зарабатывать сами, ибо за ними не стояли ни богатство, ни сословные привилегии. Понимая жизнь при крепостническом строе как борьбу за существование, убедившись в этом на собственном опыте, Чулков приходит к мысли о праве сильного, побеждающего в этой борьбе в мире собственников, и безошибочно нащупывает пружину, помогающую человеку из низов подняться на верх феодальной лестницы. Эта пружина — деньги. Мир собственности раскрывается перед нами в высказываниях Чулкова с большой конкретностью.

Первое значительное произведение Чулкова, «Пересмешник или славенские сказки» (тт. I—IV, 1766—1768 гг.), является крайне своеобразным и сложным собранием повестей и сказок. Чулков, надевая на себя маску веселого рассказчика, балагура, забавляет читателя созданиями своей прихотливой фантазии. Но сквозь причудливый колорит сказки просвечивает трагизм русской действительности XVIII века; так, в повести «Горькая участь» рассказана биография крепостного крестьянина. Чулков вначале определяет значение крестьянина в государстве вообще: «Крестьянин, пахарь, земледелец, все сии три названия по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают главного отечеству питателя во время мирное, а в военное крепкого защитника и утверждают, что государство без зем-

ледельца обойтись, так, как человек без головы жить, не может». Вслед за этим принципиальным определением он показывает, как живет «штателю» и защитнику отечества — крепостному крестьянину. Голод, стужа, тяжкий труд — вот неизбежные спутники жизни народа. Чулков зоркий наблюдатель; от его взгляда не ускользает социальное расслоение крестьянства, и едва ли не впервые в литературе он дает характеристику «сѣдуги» — кулака-мироода. Сѣдуги, имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им займы деньги, а потом запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таких два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ими богатый: для того что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда своим севом опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечего, а затем и остаются в вечном долгу у сѣдуги, который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит».

Героя повести Сысой Дурногопова «сѣдуги» не в очередь отдают в солдаты. На медицинском осмотре он был забракован, но кулаки подкупили лекаря, и Сысою забрили лоб и погнали в полк. Из партии в пятьсот рекрутов «дошло до армии не с большим питедсит, а прочие разбежались и померли», — замечает Чулков, и слова его лишней раз убеждают в правдивости рассказов о рекрутских наборах, оставленных современниками. Сысой стал «изрядным солдатом»; после потери правой руки его уволили в отставку, он вернулся домой и застал всю семью свою зверски убитой. Чулков сатирически изображает картину следствия, проведенного городскими чиновниками и не давшего никаких результатов, и заключает повесть указанием на подлинно горькую участь «несчастливого воина», нищего и одинокого человека, у которого уже нет надежды улучшить свое состояние.

В повестях «Пересмешника» Чулков сатирически изображает быт и нравы русского дворянства, его невежество и низкий моральный уровень. Часто он касается темы духовенства, обличая его распущенность и корыстолюбие. Чулков разоблачает козни и хитрости «жрецов», то есть тех же служителей церкви, показывает неблагоприятные способы, с помощью которых они укрепляют свою власть. Он любит посмеяться над монахом, попавшим в смешное и неприличное положение, и без обиняков говорит о праздности и распутности монастырской жизни. Неустойчивость дворянской семьи, легкомысленное поведение жен и мужей также часто служит предметом его сатирических зарисовок.

Чулков остается чуждым рационалистическим схемам поэтики классицизма, он высмеивает их в своих полемических поэмках и пропагандирует жанры, отрицавшие господствовавшей литературной школой. Писатели-классики презирали «увлекательность» романов: фабульная занимательность интриги, бытовой колорит не должны были затемнять высокой борьбы идей, поединка страстей в их произведениях, предназначенных для слушателя и читателя, признающего господство законов разума.

Перо Чулкова пишет легко и занимательно. Герои сказок «Пересмешника» — Силослав, Алим, Аскалон, Прелепа, Аскилада — на пути к своему

соединению претерпевают множество приключений, попадают в волшебные замки, на очарованные острова, воюют с чудовищами, превращаются в животных, в камни, в деревья, погибают и воскресают по воле своих волшебных покровителей. Начав повествование о главном герое, Чулков перебивает его вставными рассказами второстепенных персонажей, в которые, в свою очередь, влетают новые вставные эпизоды.

География в «Пересмешнике» фантастическая, но Чулков предпочитает держаться пределов славянских земель и в качестве места действия называет Новгород, Старую Руссу, «Винету», город, якобы стоявший на месте Петербурга, и др. По времени действие происходит в языческой древности, и Чулков развешивает славянскую мифологию, используя вместе с тем персонажей мифологии античной. Чулков превозносит доблести своих героев-славян, заявляя, например, об одном из них: «Если б он был не славянин, то, конечно, отчаялся бы при случае сем жизни и умер бы от ужаса на сем пустом берегу», — по герой счастливо побеждает все опасности.

Чувство национального достоинства вообще характерно для Чулкова.

Так, предуведомление к «Пересмешнику» Чулков подписал псевдонимом «Россиянин». Он извинился перед читателем, что в его слоге есть «несколько чужих слов», добавив, что чужестранные слова совсем не годятся, а ежели сказать правду, то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием». Чулков при этом не упустил случая пародировать «недавно пролившегося сочинителя», который без нужды употребляет французские слова и под которыми, видимо, следует подразумевать драматурга В. Лукина.

Этого рода замечания у Чулкова не случайны. Он хотел выступать в своей прозе «Россиянином», и в наименовании этом был для него и утвердительный и полемический смысл. Ниже он замечает, например, что в компании «были тут немцы и французы, те, которые не только русские слова, но и нас самих певавидят, несмотря на то, что питаются нашим хлебом».

Чулков явился одним из первых собирателей и пропагандистов фольклора. В журнале «И то и се» он печатает подробные описания святочных гаданий, свадебных обрядов, со всем их песенным репертуаром, публикует пословицы и загадки, причем берет их в неисправленной народной редакции. В 1770—1774 гг. Чулков издал три тома «Собрания разных песен», в которых было много произведений народного творчества. Песенник Чулкова положил начало длинному ряду русских песенников и широко использовался последующими составителями.

В 1770 г. Чулков издает роман «Пригожая повариха или похождение развратной женщнны», часть первую. Вторая часть либо не была написана, либо не увидела света по цензурным соображениям. «Повариха» книга редкая, зачитанная, дошедшая до нас едва в нескольких экземплярах. Повествует она о судьбе одинокой молодой женщины, волею обстоятельств ставшей на скользкий путь авантюристки. Героиня романа Маргона, вдова убитого в Полтавской баталии сержанта, оставшись в нищете, вынуждена обратиться к своему единственному достоянию — красоте и молодости. Стремясь к успеху, к обогащению, она неразборчива в средствах — плутует, жлет, обкра-

дывает своих любовников, твердо помня, что покой и почет обеспечивают только деньги. Мартоу не занимает морально-этическая сторона ее поведения, она не различает, что хорошо, что дурно с нравственной точки зрения.

По-деловому просто рассказывает Мартона о своих отношениях с любовниками — это отношения продавца и покупателя: «Первое мое свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт, он торговал мои прелести, а я уступала ему опые за приличную цену, и обзались мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя свидетелем».

И в то же время Мартона способна на живое и бескорыстное чувство. Она полюбила офицера Свидаля без всякого «торгу», и весть о его смерти доставляет ей истинное горе. «В сем-то случае узнала я прямо, что то есть действительная страсть любовная», — признается Мартона, и эта черта делает личность ее более привлекательной для читателя, не допуская превращения в некую схему порока.

Чулков часто прибегает к мифологическим сравнениям, применяя их иронически и пародийно. Эту особенность «Пригожей поварихи» следует понимать как полемический выпад против писателей классицистов, которые постоянно сравнивали своих персонажей с мифологическими героями. «Поистине сказать, вы русская Елена, — говорит Мартоне один из ее любовников, — а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю. Все молоко-сосы собираются быть Парисами и продают глаза свои на вас. Избавь меня судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною». Когда другой любовник обкрадывает и бросает Мартоу, она сравнивает свою участь с несчастной участью Филлиды, покинутой Демофонтон, и повторяет это сравнение при другом похожем случае.

Заметной особенностью стиля «Пригожей поварихи» является включение в текст народных пословиц и поговорок, употребляемых для подкрепления авторской мысли, в качестве резюме к рассуждениям Мартопы, разъяснения некоторых ее поступков.

Роман построен как цепь эпизодов, объединенных личностью героини; звенья этой цепи можно сокращать или увеличивать, и, в сущности, второй части «Пригожей поварихи» для развития романа не требовалось: все было выяснено в первой, и дальше вглубь, видимо, роман не пошел бы. Чулков широко пользуется косвенной речью, обращая преимущественно внимание на смысл сказанного, на передачу содержания, а не на форму выражений, порой даже в ущерб языковой характеристике действующих лиц.

Необходимость внимания к художественной детали еще не осознана нашим автором, но тем не менее Чулков воспроизводит бытовой фон эпохи, рассказывает о многочисленных житейских фактах и случаях. Несмотря на крайне эмпиричный, местами протокольный характер этих зарисовок быта, — появление их в русской прозе было принципиально важно. Чулков не поднимается над действительностью, не обобщает ее разрозненных явлений, он заносит подряд разнообразные свои наблюдения, не заботясь о внутренней

связи целой картины. Эта черта отражается и в стиле Чулкова, лишенном литературных украшений, в простом, обыденном, разговорном языке, временами даже близком к языку канцелярскому.

Автором многочисленных романов, выходявших в 1760-е годы, был Федор Эмин, писатель плодовитый, но мало оригинальный. Однако книги его, рассчитанные «на всякого чина и звания людей», имели читательский успех и выходили повторными изданиями. Об Эмине иронически вспоминает Пушкин, характеризуя дочь старушки из «Домика в Коломне»:

В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина,
Играть умела также на гитаре
И пела: «Стонет сизый голубок»
И «Выду ль я» и то, что уж постарей...

Эмин пользуется всеми элементами авантюрных романов — бури, кораблекрушения, нападения пиратов, путешествия по восточным странам, любовные сцены, разлуки, неожиданные встречи чередуются на страницах его произведений в быстром темпе, одобренные порциями нравоучительных рассуждений.

Мировоззрение Эмина, носившее буржуазный характер, в то же время было ограничено уступками дворянской идеологии. Он соглашается с системой феодального неравенства и признает, что судьбу каждого человека определяют права, доставшиеся ему при рождении. Но вместе с тем Эмин выражает сочувствие угнетенному положению крестьянства и критикует жестоких помещиков.

Роман Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (4 части, 1766 г.) представляет собой одно из наиболее ранних проявлений сентиментализма в русской литературе. Новинкой в России был самый вид романа в письмах, позволявший изображать переживания и мысли человека, раскрывать его внутренний мир. В центре повествования Эмина находятся «обыкновенные», рядовые люди с их чувствами и думами, взятые автором в моменты сложных психологических коллизий. Жизнь этих людей и хочет изобразить Эмин, заявляя в предисловии, что он не смел придать своему роману благополучный конец и соединить Эрнеста с Дораврой, потому что «такой конец судьбе не понравится», и он был «принужден написать книгу по ее вкусу».

След за Чулковым и Эминим в 70 и 80-е годы XVIII века появляются новые авторы, работавшие для третьего сословия, недворянской аудитории и встречавшие у нее сочувственный прием.

В непосредственной связи с традицией старорусской повести находится сборник Ивана Новикова «Похождения Ивана Гостиного сына» (1785—1786 гг.), как по характеру включенных в него рассказов, так и по выразившемуся в них мировоззрению. Одна из повестей сборника, «Новгородских девушек святочный вечер», представляет собой обработку рукописной старорусской «Повести о Фроле Скобееве»; Новиков лишь расширил повествование, ввел необходи-

мые пояснения, углубил психологические характеристики действующих лиц, шире очертил бытовой фон.

По манере литературного изложения и по трактовке некоторых сюжетов Ив. Новиков близок к Чулкову. Так, тема «Пригожей поварихи» в сродных тонах разработана им в повести «О несчастных приключениях купецкой дочери Аннушки».

Хорошо знал своего читателя Матвей Комаров, «житель города Москвы», как он именовал себя на титульных листах своих книг. Комаров был крепостным человеком, домовым служителем, но выкупился на волю или получил отпускную. Ему принадлежит несколько книг, пользовавшихся в свое время большой популярностью; некоторые, как, например, повесть о приключении «английского милорда Георга», прожили долгую жизнь, спустившись в лубок. Последнее издание этой книги появилось в 1917 г.

Среди многочисленных романов, рассчитанных на низового читателя, особняком стоит роман неизвестного автора «Несчастный Никанор или приключения российского дворянина Г.» (1775 г.). Автор, тесно связанный со своими читателями, уловил новые вкусы, которые пытался удовлетворить десятилетием раньше Эмин в «Письмах Эрнеста и Доравры», и придал своему роману сентиментальный оттенок. С другой стороны, «Несчастный Никанор» интересен своим бытовым колоритом, в точности воспроизводящим некоторые стороны общественного быта второй половины XVIII века.

По своей сложной композиции «Несчастный Никанор» тяготеет к романам авантюрного жанра: герой претерпевает всевозможные приключения, выносит неожиданные удары судьбы, попадает в самые различные положения. Однако он совсем лишен «героических» качеств — Никанор обыкновенный, рядовой, ничем не замечательный человек, неудачник в жизни, и симпатии читателей к нему вызваны были не столько его личными достоинствами, сколько сочувствием к пережитым им несчастьям. Действие романа происходит в бытовой обстановке, среди людей бедных, необеспеченных, поступки которых лишены романтической красоты и обусловлены прежде всего материальными заботами. Автор свел героя романа в низкую социальную среду, приблизил его к уровню своих «мелкотравчатых» читателей и явно бил на их чувствительность.

Задолго до «Бедной Лизы» неизвестный автор показал, как умеют любить крестьянки; не случайно в жизни Никанора наиболее светлыми чертами отмечены отношения с любившими его крепостными подругами — он счастлив с ними, а не с суровой и враждебной дворянкой-женой, к ним обращено сочувствие читателя. С известной социальной смелостью автор уравнивает перед лицом чувства крепостную девушку, крепостного лакея и дворянина Никанора, заставляя читателя умиляться искренностью и силой их пережитых.

Развивается в романе и другая типичная для сентиментальных повестей ситуация — любовь учителя и ученицы. Автор подробно описывает дом помещика, у которого поселился Никанор, его времяпрепровождение, деревенские забавы, грубые нравы и всedневное пьянство. Однако автор не сумел

показать своего героя как сильно чувствующую личность, которой тесно в скованном предрассудками и условностями быте. Его Никанор вовсе не такой герой — он приживается в доме, угождая хозяину, сочиняет стихи и куплеты «на случай» и далек от трагического конца после того, как его выгоняют из дома, когда обнаружилось его отношения с ученицей — дочерью помещика.

«Несчастный Никанор» является свидетельством образования в 70-х годах XVIII века новых литературных вкусов: элементы сентиментальности, прикрывающие авантюрную основу романа, представляют собой пример усвоения писателями-разночинцами второй половины века ведущих тенденций дворянской литературы эпохи, с которыми они знакомили массового, «низового» читателя.

Из сборника «Пересмешник или славенские сказки»

Предупреждение

Господин читатель! Кто ты таков ни есть, для меня все равно, лишь только будь человек добродетельный, это больше всего: ты не можешь отгадать, с каким намерением выдаю я сие собрание слов и речей, ежели я не скажу тебе сам; только не подумай, что я намерен солгать и, впервые свидевшись с тобою, тебя обмануть. При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу; а разве уже довольно опознавшись, то дело сбыточное.

Ежели можно мне поверить, как человеку, умеющему очень хорошо лгать и в случае нужды говорить поневоле правду,¹ то я скажу, что выпускаю сию книгу на волю не с тем, чтоб ею прославиться, потому что нечем, в сером кафтане с знатною госпожою амуриться не пристало, равномерно и с сею безделицею целому свстугу показаться невозможно; а единственно для того, чтоб научиться. Я прежде представляю, сколько будут о ней переговаривать, пересужать и исчислять все погрешности, тогда я, как человек посторонний, буду слушать их разговоры и впредь воздерживаться от моих слабостей; другое, что ежели бы я не выдал ее и покусился бы сочинить что-нибудь важное, то, не зная моих ошибок, положил бы их равно и в хорошем сочинении.

В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна, как мне кажется, исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; и так, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитывать.

Мнение древних писателей: если кто презирает малые вещи, тот никогда много разуметь не может. Я стараюсь быть писателем, если только когда-нибудь мне это удастся, и все мое желание основано на этом; и как сие еще первый мой труд, то не осмелился я приняться за важную материю, потому что вдруг не можно мне быть обо всем сведущу, а со временем, может быть, и получу сие

¹ А это можно почти счесть обыкновением нынешнего света,

счастье, что назовут меня сочинителем; и когда я снишу сие имя, то надобно, чтоб разум мой уже просветился и сделался я побольше сведущ: чего желаю сердечно и прошу моих знакомцев, чтоб и они также мне оного желали, ежели не позавидуют; а в доказательство своей дружбы, прочитай сию книгу, открывали бы приятельство мои в ней погрешности, что будет служить к моему поправлению.

Должен я извиниться в том, что в таком простом слоге моего сочинения есть несколько чужих слов. Оные клал я иногда для лучшего приятства слуху,¹ иногда для того, что мне они надобны были, или для того, чтоб над другими посмеяться, или для той причины, чтоб посмеялись тем надо мною. Человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмехающее и пересмежающееся: ибо все мы подвержены смеху и все смеемся над другими.

Сверх же всего есть такие у нас сочинители, которые русскими буквами изображают французские слова; а малознающие люди, которые учатся только одной грамоте, да и то на медные деньги, увидев их напечатанными, думают, что это красота нашему языку; и так вписывают их в записные книжки и после затверживают; и я слышал часто сам, как они говорят: вместо «пора мне итти домой» — «время мне интересоваться² на квартиру»; вместо «он, будучи так молод, упражняется в волокитстве» — «он, будучи так мал, упражняется в амурных капитуляциях»; и весь почитай гостиный двор говорит устами недавно проивившегося сочинителя. Я желал бы, чтоб господа, мало знающие язык, не следовали такому наставнику, для того что чужестранные слова совсем им не годятся и не всякий русский человек поймет их знаменование, да и зачем без нужды употреблять неужное, и ежели сказать правду, то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием.

Господин читатель! Прошу, чтобы вы не старались узнать меня, потому что я не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами и поднимают летом большую пыль на улицах; следовательно, тебе во мне нужды нет. Сколько мало я имею понятия, столько низко мое достоинство, и почти совсем не видать меня между великолепными гражданами; а если ты меня узнаешь, то непременно должен будешь по просьбе моей помогать моему состоянию, что будет для тебя, может быть, лишний труд; а есть много таких людей, которые совсем не охотники делать вспомошествования; так если ты из сего числа, то не старайся, пожалуй, и тогда смотреть на меня, когда будешь находить во мне некоторые признаки. Я бываю одет так, как все люди, и ношу кафтан с французскими борами; а что еще больше служит к примечанию, то от роду

¹ Многие уже наши граждане привыкли к щеголеватому французскому наречию и тем произвели во многих и веряхх к тому привычку.

² Вместо ретироваться; однако и это нехорошо, да нужда не в том, чтобы был смысл, а нужда только во французском слове.

мне двадцать один год, и я человек совсем без всякого недостатка. Что касается до человечества, то есть во всем его образе, только крайне беден, что всем почти мелкотравчатым, таким как я, сочинителям общая участь.

Мое мнение такое, но не знаю, как примет его общество: лучше писать худо, нежели совсем ничего не делать. Когда кто может что-нибудь, хотя не важное, расположить порядочно, то тот, мне кажется, легче приняться может и за хорошее, а когда же кто не располагал безделиц, тот важного никогда расположить не может. Кто плавал по реке, тот смелее пускается в море. Привычка и частое упражнение в делах, слышал я, приводят в совершенство. Когда желаем мы чему-нибудь научиться, то приступаем к нему весьма тупо, и от этого-то произошла пословица: «первую песенку зардевшись спеть».

Итак, великодушный и добродетельный человек извинит меня и пожелает, чтобы я научился; а если вооружатся на меня насмешники, которые из зависти больше стараются испортить человека, нежели исправить, потому что они не умеют и вместо разума имеют этот дар ст природы, чтоб и худое и доброе пересмежать, не зная в обоих толку, то я скажу им сон, который я в прошедшую ночь видел.

Снилось мне, будто бы я гулял на Венериной горе и, поймав двух ее нимф, целовал столько, сколько мне заблагорассудилось, потому что целоваться с девушками превеликий я охотник. Вдруг услышал я голос умирающего ребенка: я и наяву жалостлив, а не только во сне; итак, бросился на избавление оному. Прибывши на голос, увидел я сидящую злобную Ату, которая давила в своих коленях молодого сатира. Он уже почтай умирал, я вырвал его с превеликим трудом из ее рук и стараньем моим спас его жизнь, которую уже было он готовился потерять. Вдруг предстал перед меня Меркурий и объявил, что прислан он от собрания богов, которые требуют меня к себе. Потом в один миг перенес меня на Олимп. Тут увидел я премного заседающих богов. Пан, подошед к Юпитеру, просил его, чтобы он за избавление мною его сына, которого хотела умертвить Ата, сделал мне награждение. Юпитер приказал подавать всем свои советы, чем бы наградить такого смертного, который возвратил жизнь Панову сыну. Момово мнение принято было лучше всех; он с позволения Зевесова подарил мне перо и сказал, что до окончания моей жизни могу я им писать, никогда не очиняя, и чем больше стану его употреблять, тем больше будет оно искуснее черкать. И так писал я им сию книгу, и как в первый раз его употребил, то можно видеть, что оно еще не описалось, а по обещанию Момову, может быть, оно придет со временем в совершенство и будет порядочнее чертить по бумаге.

Итак, выдавая сию книгу, припомнил я слова некоторого говоруна: кто желает отдаться морю, тот не должен на реке страшиться слабого волнения.

И под именем реки разумею я насмешников, против которых и мой рот также свободно раствориться может, только думаю, что им мало будет выигрыша шутить с таким маловажным человеком, который бывает иногда легче бездушного пуху и который в случае нужды также отшучиваться умеет.

Нижайший и учтивый слуга общества и читателя

Россиянин.

ПЕРЕСМЕШНИК
или
СЛАВЕНСКИЕ СКАЗКИ

ГЛАВА I

СОДЕРЖАНИЕ ЕЕ ПРИПОМИНАЕТ ЧИТАТЕЛЮ, ЧТОБЫ ОН ПРОСМОТРЕЛ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ; А ЕЖЕЛИ ВЗДУМАЕТ ПРОЧЕСТЬ МОЙ ВЗДОР ЖЕНЩИНА, ТО ОНОЙ ДОКЛАДЫВАЕТ, ЧТОБ ОНА СОВЗВОЛИЛА НАЧАЛО СДЕЛАТЬ ЧТЕНИЮ С 11 ГЛАВЫ, ПОТОМУ ЧТО В ПЕРВЫХ 10 ГЛАВАХ НЕТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО ВЫ МОГЛО СЛУЖИТЬ К ЕЕ УВЕСЕЛЕНИЮ

Господин Адударон, которого называли моим отцом, а право или нет, о том сомневаться всякому позволено, — ибо достоверный сему свидетель была бы мать моя родная, которая в то самое время умерла, в которое меня родила; она была тому причиною, что в нашем доме родины и похороны были вместе, что людям, желающим часто ходить по гостям, подало великую надежду подоле попить. Ну, сударь! и так этот господин Адударон воспитал меня как родного своего сына; а может быть, и подлинно я был ему не чужой, хотя на постоянство покойной матери моей и не совсем должно было полагаться. Она была женщина нынешнего века, в котором многие из них возвышаются любовниками, и у которой их больше числом, та прочих и чином поважнее, для того что в полках они не служат, следственно, и достоинства у них по-своему назначаются.

Я произошел от знатного и проворного поколения: знатно оно потому, что все соседи знали моего отца, покойную мать мою и меня; проворным же назвал я его по причине: отец мой был жид, а мать была цыганка, такие люди всегда бывают искуснее прочих в проводах и обманах. Читатель, без сомнения, дожидается сбытия сей пословицы: «от доброго дерева добрые и отрасли». Вы не обманетесь ¹ и будете свидетель, что я истинный их сын и достоин сего имени, что произошел на свет из цыганския утробы.

Благодаря больше природе за рождение мое, нежели жалуясь на судьбину за похищение жены, родитель мой меня окрестил на

¹ Это я говорю одному, а не многим. Читатель сам догадаться может, для чего тут стоит не то число; а дале от разума и от природы.

шестой неделе после явления моего на свет. Как в ту пору я был ни мал, однако имел столько смысла, как сказывают, чтоб ударить бабку в щеку, которая, готовясь нести меня в церкву, напилась дохьяна, и когда священник, рассердясь за сие, кричал на нее, то я, как будто бы смысла его слова, в самое то время ударил ее правою рукою в левую щеку, от чего все люди пришли в удивление и смеялись столько, сколько можно в церкви.¹ С того времени все наши прихожане ожидали из меня по возрасту моему чего-нибудь важного; и сам родитель мой был такого же мнения, для того что редко случается с ребенком, который бы, будучи так мал, наказывал свою повитуху за проступки.

О шестинедельном моем рыцарстве слава моя возрастала вместе с моими летами; и как такие дела обыкновенно с прибавкою ходят в свете, то некоторые сказывали, будто бы я говорил у матери моей во чреве и, вышедши из одного, в ту ж минуту просил есть, и много подобных сему невозможностей набредили. А ежели кто и теперь этому поверить захочет, препятствовать ему не могу, всякого понятия всякому толкует розно.

Во время моего возраста делал я такие дела, которых не можно никому ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать и ни в сказках сказать. Об них в то время довольно говорили: а ныне, думаю, у многих вышли уже они из памяти. Однако я извиняю тех, которые об них забыли; причину может быть тому природная здешнему свету тленность. Когда уже забываются славные дела великих государей, то как можно уцелеть памяти о таком маловажном человеке, каков есмь аз многогрешный.

На осьмнадцатом году моего возраста как будто бы я вознамерился подтвердить носящуюся о мне славу; а если кто хочет узнать, каким поводом, тот пускай подалее прочесть изволит. В соседстве с нами жил отставной полковник, которого дом подвержен был великой опасности: все жители в оном трепетали от страха, хозяин не знал, что делать и как избавиться: всякую ночь посещал его дом мертвец. Домашние его, вместо того чтоб стараться его выгнать, прятались все в доме как возможно далее, запирались в горницах крепче и находились полумертвыми и неподвижными. Вкорененное в них о мертвецах от прадедов мнение не позволяло приняться им ни за какое оружие; ибо думали, что вредить ему ничто не может, а страх не позволял им и помыслить о драке с покойником.

В одно время полковника; которой имени я здесь не выговорю из почтения к женскому полу, потому что не очень приятно смотреть на свой образ, написанный худыми красками, а особливо женщине, которая чресчур влюблена в свою красоту, оставила меня

¹ В церкви смеяться несколько не можно, однако есть такие у нас разумники, которые не только потихоньку, да и вслух хохочут, забыв благопристойность или, важнее, страх божий.

ночевать у себя в доме. Я от природы был велеречив: часто рассказывал им истории о древних чертях, сказки о вымышленных королях и, словом, всякие веселости, какие только выдумать мог. Юпитер употреблял Меркурия, чтоб веселую для него ночь продолжить; а она меня, чтоб скучную для нее укоротовать. До одиннадцатого часу сидел я подле ее кровати и рассказывал сказку о двенадцати ляхах, которую не дослушав, она уснула. Уже приходило то время, в которое должно было появиться мертвецу; ибо он обыкновенно жаловал к ним в полночь. Все в доме спали, и грелились им страшные сны, а которые пробуждались, те прикрывали головы свои подушками. Я никогда не видал еще мертвецов, как они ходят; загасил свечу, которая тут горела; любопытство мое вывело меня из покоев в сени и отперло мне в оных двери; а что то есть страх, я о том и не думал, может быть, и природное во мне было бесстрашие, об этом оставлю я рассуждать испытателям естества. Я ничего не боялся и сошел с крыльца на двор: ночь была так темна, что ежели бы спрятать где-нибудь в углу слона, то бы не увидел его и сам сатана, хотя бы он смотрел сквозь самый лучший французский лорнет. Стал я к стенке подле погребца и, немного подождав, услышал стук, так, как бы надобно лезть человеку через забор. Сперва подумал было я, что это лезет вор, и так непосредственно испужался. Эти ненадобные художники не только ребятам, да и старикам кажутся страшны. Однако скоро одумался и рассуждал, какой человек может осмелиться притти вместе с мертвецом, и в одно время, когда его полкоеник трусит, то уже простой солдат умрет от страха. Желание мое увидеть мертвеца тотчас прогнало такое воображение; слышал я, что он пошел к крыльцу, и после начали подходить ко мне двое, что мог я понять из речей. «Тише», — один говорил, а другой отвечивал: «Слышу». Стали потом отпирать двери и вошли в погреб; дверь была растворена по входе их: и так, прокравшись потихоньку, вошел и я туда же. Что ж я там услышал? Началось целование, и стали говорить любовное изъяснение. Легко отгадать можно, сколько я издивился. Потом застучали стаканы, и начало переливаться, как думаю, вино, пили добольно, и после сделалось молчание и продолжалось с четверть часа; а как стали говорить, то заметил я, что они несколько запыхались. По учинении с обеих сторон учтивостей стали они прощаться; а я выскочил тотчас из погреба, бояся, чтоб меня не заперли, и стал подле самых дверей. Мертвец шел оттуда наперед. Сколько ни было темно, однако рассмотрел я, что он был в долгом белом саване, росту высокого, с окладистою черною бородою и с орлиным носом. Он полез так же чрез забор; а другая пошла обратно на крыльцо. Я принужден был бежать попроворнее ее, чтоб не остаться до утра на дворе. Пришедши в сени, стал за дверьми; женщина также вошла, заперла двери и пошла в горницу, где жила набожная и целомудренная ключница.

Я отправился опять в спальню, где приготовлена была для меня постель; лег на нее, однако заснуть не мог. Думал я сам в себе, надобно ли мне сказать завтра об этом приключении полковнице или нет: сомневался я, чтоб мне в оном поверили; и так положил разведать сие хорошенько, чтоб достовернее показались мои слова. На ключницу не имел я никакого подозрения и так опасался ее обидеть.

Я бы и долее еще рассуждал, однако свет прекратил мои мысли. Не рассуждения мои разбудили солнце, а, может быть, уже действительно была пора ему вставать. Сон, оставив других, пришел ко мне и успокоил меня; ибо он не принимает никаких отговорок.¹

Не дожидаясь, чтобы я пробудился, домашние все встали. Мы с полковницею опочивали до двенадцати часов, по обыкновенности знатных господ тех, которые не имеют никакого дела, в числе коих и мы с ней находились. Весь город столько довольно дел не наделал, сколько довольно мы двое с нею гуляли. В то время как и мы расстались с постелями, нашло в спальню к нам премоножество народу обоего пола, как молодых, так и старых, выключая женщин, которых я не мог разобрать, коя из них молодая и которая старая; лицо у всякой покрыто было белою, а губы и щеки красною мазью. Они мне все казались шестнадцатилетними девушками, хотя после проведая я, что самая молодая из них была на сорок пятом году или близко того. Надобно было время два часа полковнице одеться; она была хотя обветшала, однако щеголиха. Лицо ее было самой древней печати и худого тиснения: нос ее представлял кривую ижицу, борода и губы казались как будто бы старинный юс в драгунской шляпе; на лбу и на щеках расставлены были кавыки и запятые весьма беспорядочно. Такую приманчивую красоту прикрывала она масляными красками, белою и красною, а брови сурмила типографскими чернилами; и так лицо ее весьма было гладко и казалось как будто бы лошеное свиным зубом или цыганским камнем, которым они на шершавой лошади наводят глянec. Когда она совсем оделась, тогда начали разговор о несчастьи и беспокойстве, которое причиняет всему их дому мертвец. А как известно, что начало речи выводит за собою и конец, который проводил всех, что тут ни был, в столовую горницу.

Господин читатель! Нам лучше будет слушать их за столом, когда они понаберутся довольно вина, тогда язык их будет проворнее и мысль поснободнее. Они уж сели; как вы думаете, кто из них больше съест? Вы, конечно, скажете, что тот толстый и одутловатый дворянин, который очень много походит на квадратную черепаху. В этом вы обманулись; по левую руку госпожи полков-

¹ Многие говорят, что от дьявола отговориться можно молитвою, от обидчика судом, от подьячего деньгами, от буяна дубиною, а о сие ничего не упоминают.

нишы, видите вы, сидит офицер? Он по прямой линии происходит от Голиафа; а по мнению других, от Визина, сына Нептунова, который такую великую смелость и дерзость имел в речах, что сделали из него пословицу и говорили про смелого болтуна, что он дерзновеннее на словах и самого Визина. Сколь род его тянется далеко, столько он велик ростом, тонок и нескладен, голова у него очень малой руки, и притом деревянная, с висков, и что назади висит коса, походит на подъячего; и в самом деле крючоктворец превеликий. Он для того родился на свет, чтоб пить, есть и заводить ссоры, а больше ни к чему не способен. Видите! Он уже расстегнул камзол и хочет переменить девятую тарелку; он ни одного не оставит целого кушанья и всех отведаёт до половины. Эта ржаная тварь везде так ест, как будто бы предчувствует десятилетний голод. А тот, которого вы хотели почесть прожорою, потерял совсем вкус и ест очень мало, потому что французский желудок не варит ржаного хлеба. Здешнее кушанье ему не нравится; ибо готовил его не француз. Он теперь в глубоких мыслях: думает сделать новую географию и перепечатать по-своему ландкарты, на которых в середине у него будет стоять город Москва. Сие место казалось бы ему негодным, так, как и тем, которые ненавидят свое отечество; да в нем живет его любовница; она сидит против его. Итак, по одной стороне сего города хочет поставить он Пекин, по другой Константинополь, по третьей Париж, а по четвертой Рим; и так близко, чтоб, вставши с постели, ходил он поутру пить чай в Пекин, после обеда в Константинополь пить кофе, в полдень в Рим пожирать тамошние плоды, а к ночи в Париж пить шоколад и кстати уже там прокляжаться с податными французскими щеголихами. Роскошнее его вы не сыщете во всей вселенной. Мы еще не слышим их разговоров; конечно, не довольно они еще накушались? Оставим все, что ни есть на столе, их голоду на жертву: пускай они будут довольны. Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы.

ГЛАВА 2

ЕЖЕЛИ ОНА БУДЕТ НЕ СКЛАДНА, ТО В ТОМ Я НЕ ВИНОВАТ, ПОТОМУ ЧТО ВУДУТ ГОВОРИТЬ В НЕЙ ПЬЯНЫЕ

— Мне удивительно, — сказал объедало, наполнив брюхо свое с излишком, голос его походил тогда на разноголосную надутую волынку, — что этот мертвец отваживается беспокоивать штапа и не обсервует¹ чести полковника. Знает ли он, что и на

¹ Обсервует слово не русское; оно, потеряв свое подобие, въехало в наш язык. Латинское *observo* значит по-русски наблюдаю, почитаю, а что что значит, того я не ведаю, может быть, *observo* испорчено с одного конца каким-нибудь краснобаем и так шатается в России. Если бы теперь,

М. Д. ЧУЛКОВ

том свете не сыщется места, ежели я приведу мою роту и велю выстрелить по нем залпом, то и сквозь дьявольское его тело светиться станет.

Он был весьма храбрый офицер и на двадцатом еще году своего возраста мать свою родную высек розгами. Ключница в сем случае оробела: храбрость сего рыцаря произвела в ней немалую тревогу; она стояла за стулом у хозяина и имела позволение вмешиваться в разговоры. В сем доме почитали ее Сивиллою, и когда она говорила, то слушали ее все и подтверждали с почтением ее слова. Смущение ее и ответ сытому гостю возбудили во мне подозрение; и я уже начал думать, что погребное свидание ей не безызвестно. После ее слов началась татарская музыка, всяк заговорил своєю погудкою, и кто был довольнее, тот и кричал громче. У всякого в бутылке ничего уже не осталось, и так их отодвинули, как ненадобную и скучную глазам посуду. Мне всех вдруг слушать было невозможно; я сидел подле хозяйки, может быть, иной тому не поверит и скажет, что это невозможно, чтоб такая мелкая тварь замешалась в благородную компанию.¹ Я на это отвечаю таким образом: наперсник благополучия бывает иногда не меньше китайского кутухты. Счастье в сем случае оказало надо мною свое могущество: и я был за этим столом немаловажная особа. Сверх же того за научение меня писать дьячку нашего прихода платил я собственные мои деньги, следственно, пишу я по моей воле. Однако возвратимся опять к нашему столу. Я принялся слушать разговор между полковницею и расстегнутым офицером.

— В моей деревне, сударыня, — говорил он, которой у него совсем не бывало; ибо он гораздо из мелкотравчатой фамилии² и воспитан мякиною. Я бы рассказал, для чего он и другие ему подобные очень много хвастают, только совесть меня от того удерживает, потому что я и сам нередко хватаюсь за сие ремесло, и оно, мне кажется, сродно всем нашим щеголям; другое же то, что не

был здесь какой-нибудь римлянин, то бы он подарил хорошую пару оплеушии одному моему знакомцу за то, что он это слово всегда в разговорах помыкает; а особливо ежели на кого рассердится, то и кричит уж: «Для чего ты не обсервуешь моей чести?» И сверх того пишет и в приказных делах.

¹ Компания по-русски беседа, товарищество. Я для того не поставил оного на русском языке, что были тут немцы и французы, те, которые не только русские слова, но и нас самих ненавидят, несмотря на то, что пытаются нашим хлебом. К чему примолвлю пословицу: «неблагодарного довольствоваться равно как греть змею за пазухой».

² Фамилия по-русски род, порода, колено, семья. Здесь не поставлено для того по-русски, что я говорю не о простом гражданине. Я человек не храбрый, следственно, до драки не охотник. Семья слово не знатное, а фамилия слово благородное, так надобно его непременно оставлять для таких знатных господ, каков есть мой благоизбранный разгильдяй.

хочу перебивать его речей: — имелся ¹ один крестьянин, — продолжал словесный богач, — который был столько достаточен, что всегда превосходил имением своего господина. Но при всем своем богатстве был он чрезмерно скуп и копил деньги с великим расчетом; сверх того он был чернокнижник, ² пришедши очень в глупую старость, умер. Жена и дети, которые остались после него наследниками, получа его все богатство, не очень ему радовались; ибо он, умирая, сказал, что будет приходить к ним каждую ночь, что действительно и сбылось. В самую первую полночь доказал обещание свое покойник очевидным делом; купили они гроб ему с дырою, потому что в деревне найти было другого невозможно, а был у продавца этот один. Положа в него мертвеца, поставили на стол с телом посередине избы. Когда пришла глухая полночь, то высунул усопший в дырку палец и шевелил им очень проворно. Собака, которая лежала тогда под столом, подумала, что покойник ее дразнит, рассердилась и заворчала. Читатель псалтири и кто тут ни сидел закричали ей со угрозами, чтоб она перестала. Собака успокоилась; однако смотрела на то место, откуда высовывался мертвый перст. Немного спустя мертвец непосредственно тихо начал произносить языком и голосом сии выражения: рр! рр! так, как обыкновенно собак дразнят. Выжилица вскочила и, приступая к гробу, начала лаять, несмотря на то, что лежит в нем усопший; она вознамерилась перещупать у него ляжки. Когда началось у пса с мертвецом гортанное сражение, то все домашние обмерли и были неподвижны. Страх и отчаяние подкосили им ноги. Псалтирщик опаматовался прежде всех и побежал домой к жене. Бедная крестьянка и дети ее вскарабкались кое-как на верх строения, что называется подволокою, подымали руки к небу и просили помощи; однако просьба их была напрасна. Луна, вытаращивши глаза, только на них смотрела и нимало им не помогла; звезды только что бесились на дне бездны, перескакивая с места на место, и не хотели их слушать. В деревне крестьяне все спали, и ни один не пошевелинулся; в избе не знаю, кто больше кого рассердил, мертвец ли собаку или собака мертвеца, только знаю то, что он из гроба выскочил, и началось у них сражение силами и проворством. Борзой пес с налету прежде всего бросился к нему на шею и откусил ему нос так плотно, что он начал походить на калмыка или на москву. Долго противились друг другу сии ратники; однако наконец покойник преодолел, к несчастью жены своей и детей, спа-

¹ Слово сие с кречкотворной фабрики, оно всегда таскается между сутягами.

² Чернокнижники или колдуны прежде всего были люди случайные, а ныне совсем уже потеряли к ним почтение; и ежели какой появится, то и за чернокнижние потаскают его так же, как и за всякие враки.

сателя их жизни и полез по лестнице к ним навсрх и показался им уже до половины, в которой было мерою аршина полтора. Представьте себе, — примолвил тогда краснобай, — в каком они были страхе и, может быть, уже себя не помнили. В самое то время вспел у них на дворе петух: мертвец обрушился с лестницы на низ и сделал превеличайший стук. Тогда меньшей покойников сын упал без памяти, лишился всех чувств и перестал бояться своего родителя, испустил дух, сделался неподвижен, а попросту умер. Душа его зацепилась за косу смертоносного духа, по мнению некоторого философа, или ханжи лобазненной дружины. — Вы видите, сударыня, — продолжал Бахусов племянник, — что я начинаю уже шутить; а чтоб лучше и веселее продолжать мне мою повесть, то прикажите пустую мою бутылку переменить на полную; тогда вы увидите, что покойный Цицерон гроша передо мною не судил.

Просьба его тотчас была исполнена, и он полную бутылку довольно учтиво встретил, так что за один раз появилось у нее и дно открыто. Опорожнив флягу, начал говорить опять таким образом:

— Когда уже, сударыня, довольно рассвело и так сделалось видно, что можно было разобрать, простая ли бутылка стоит передо мною или с вином, тогда устрешенная крестьянка и с детьми своими спустилась в окошко и, пришед к попу, рассказала ему сие приключение. Поп заклился ей всем на свете, что никогда не похоронит его у церкви и не пойдет к ней в дом отпевать такого еретика, который имеет в себе дьявола. Многие сказывают, что этот поп говорил это по приличию своего чина, а другие на него клепят, что будто он струсил и не хотел от робости повидаться с таким беспокойным мертвецом, который, как он думал, за безделицу поставит выщипать у него бороду. Однако как бы то ни было, когда вмешались в разговор их деньги, то священник согласился похоронить его и в церкви. На правой стороне, в трапезе, изготовили покойнику спальню, или, попросту, могилу, в которой его тщательно и с великим попечением закупурили. Но он опочивал в ней только днем, а ночью всегда прохаживался по деревне. С полгода крестьяне сносили этот страх терпеливо; наконец выбрались все и оставили дома свои пустыми; ибо усопший весьма их не любил и всех без выбору задевал иногда по затылку, выбрасывал в окошко и таскал по улице за бороды весьма неосторожно. Деревня вся была пуста и церква разорена, дома перепорчены, и все в великом беспорядке; чему причиною был мертвец.

«В некоторое время невдалеке от этой деревни заблудился в лесу охотник; он ездил по нем часов шесть и не мог сыскать дороги, которую он потерял, и, искав оную, потерял с нею и день. Настала ночь, которая наградила его немалым страхом. Ловец,

приняв сей подарок, положил к себе за пазуху и начал дрожать. И когда б не надел от холоду епанчи, то бы сердце у него от страха, конечно, выскочило; а в такой темноте гораздо бы было трудно его найти. Он от роду своего не имел никакого знакомства с лешими и так опасался их довольно по-молодечки. Наконец выехал он из этой шумящей страхом пустыни и забрел в сию растрепанную деревню. Вошел в первый дом и скоро разглядел, что нет в нем хозяина, равномерно как и во всей деревне; и когда увидел, что он полномочный в ней повелитель, то выбрал себе самое лучшее строение для препровождения ночи. Это был дом того священника, который счистил с крестьянки десять рублей, чтоб похоронить мужа ее в церкви. Расположившись в нем, рыцарь лег опочивать в переднем углу, запершись кругом накрепко; хотя он и не ужинал, однакож уснул довольно сладко. Шутливый покойник, или, лучше, несправедливый сонных людей, подошед под окно, открыл его очень искусно и, протянув руку, ущипнул моего богатыря, который спал на лавке подле окошка, легохонько за нос. Пугало зайцев вскочил благим матом, ухватил себя за нос, у которого, по собственному его счету, недоставало правой ноздри и кровь текла весьма обильно; потом высунулся в окошко, желая знать, кто б так приятельски с ним подшутил. Как скоро он высунул голову, то стоящий у окна мертвец погладил его в самое темя так искусно, что он перевалился опять в избу без памяти, отдыхал с полчаса на полу и, лежа на оном, имел довольно времени позабыть страх и рассердиться непосредственно геройски. Потом, опаматовавшись, выскочил на улицу, и первая была ему встреча его приятель, который так искусно его погладил. Вцепились они друг в друга: охотник начал щекотать мертвеца своим тесаком, который весьма не под парю был мертвому телу. Боец мой выдерживал им из него довольно полновесные кусочки и в первый раз лишил полуночного бродягу левой руки. Покойник, рассердившись, хотел лизнуть тесак и лишился половины головы и наконец раздробленный повалился на землю».

В сем месте восхищенная полковница возгласила:

— Счастлив этот охотник, что был столько силен! Что ж, перестал ли мертвец по деревне ходить? — примолвила она.

— Всеконечно, сударыня, — отвечал правнук Голиафов. — Крестьяне, уведомившись о сем, заплатили довольно таровато звероловителью, и перебрались опять в деревню, и жили уже покойно.

Выслушавши повесть, полковница велела подносить всем гостям по превеликому кубку вина, а особливо рассказчику, радуясь победе над деревенским мертвецом так, как будто бы и она своего победила.

ГЛАВА 3

ОБЪЯВЛЯЕТ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОГЛОТИЛ Я КУПИДОНА

Насандалив довольно носы, встали мы из-за стола по обыкновению пьяниц, только благородных, а не подлых. Всяк, желая показать свою бодрость, поднимал голову кверху, как будто бы хотел учиться астрономии, только ноги редкому из нас служили и принуждали скорей опять садиться на стулья. Госпожа Аленона, которая не имела с нами сообщения опоражнивать рюмки и стаканы, как я заметил, довольно смеялась, когда матушка ее храбовалась наподобие старого индейского петуха; и после, в придерживании двух девок за оба крыла, отправилась в свою спальню, где при рассветании другого дня с похмелья скончалась. Горячее вино со старостью во время ее сна поссорились, и наконец дошло у них до драки; раздавая друг другу плотные тузы и оплеушины, проломил полковнице голову, а по мнению других, упала она с кровати и раскроила себе лоб так исправно, что, стиснувши зубы, отправилась на тот свет, не заплатя ни одному лекарю за рецепты ни копейки, а аптекарю и того меньше.

Потом, кто мог еще иметь движение и встать не шатаясь со стула, те все пошли в сад, куда просила нас Аленона. Пришедши в оный, с общего согласия приказали подать горячей воды с сахаром и с китайской травой; а сии три вещи вообще называются чаем. Когда мы начали этот чай прихлебывать: ибо он был очень горяч, так пить его невозможно, тогда господин рассказчик, заговорившись, позабыл, что это горячая вода, и думая, что вино, которое он тянул за столом, хлебнул так неосторожно, что высунул язык, вытаращил глаза и повалился на землю. Сперва не попалось нам сожаление, а превеличайший смех, от которого и я было выронил мою чашку и разбил бы ее так же, как и он. Посмеявшись довольно, принялись мы помогать обожженному богатырю, подняли и стали рассматривать язык его и губы. Сколько ни старались мы удержать стремление опухоли, однако она нам противилась; вскоре потеряли мы образ нашего витязя и увидели в нем раздутую волынку, которая иногда поднималась, а иногда опускалась и представляла нам точно, как будто бы находились на ней написаны шесть литер, мечущие в глаза слово «дурак». Сколько тут ни было людей, все понесли его из саду в покои. Госпожа Аленона не хотела им последовать и просила меня, чтобы я ей сделал товарищество, на что я охотно согласился; и так остались мы с нею двое.

Читатель, может быть, приревнует ко мне в сем случае и скажет, что не надобно бы девушке оставаться одной с мужчиною. Однако добродетель моя в том порукою, что я не прежде исполнил... например: вот то..., о чем иногда и изъясниться не можно,

как по позволении мне одного от прельстившей меня особы. Прохаживаясь по саду, вздохнул я по примеру русских селадонов;¹ и начал шутить по правилам Вулкановой супруги, что было не неприятно моей спутнице. Она утешалась, когда я делался нежным любовником: острые выдумки, затейливые рассказы и кудрявые слова утешали ее по моему желанию; и все, что я ни говорил, казалось ей приятно. Красноречия для женщин и шуток, им приятных, могу признаться, что было и есть во мне довольно; кто ж меня ими наградил, того я и сам не знаю; а хотя и ведаю, только про себя, для того что иные пересмешники заворчат на меня, ежели я скажу. Разум материя весьма тяжелая, и ежели кто захочет говорить об оном, то надобно, чтобы он без шуток изъяснял свои мысли, а я не могу утерпеть и в самой важности слога захожочу, а особливо тут, где мне будет непонятно.

Поэтому вижу я, что скоро потеряю имя горячего любовника, что оставляю одну мою любовницу в саду и не опасуюсь соперника, который легко подкрасться может и подцепить то сердце, которое уже начинает мне сдаваться. Подступим опять к нашей снисходительной Лукреции.

— Скажи мне, Ладон (это мое высокопочтенное название), — сказала она мне, — был ли ты в кого-нибудь влюблен?

От этого вопроса так я струсил, как неискусный на кафедре проповедник: красноречие мое притупилось, язык окостенел, стыд меня ударил так сильно в лоб, что я весь покраснел и вместо всего велеречия отвечал ей:

— Нет, сударыня.

— Что с тобою сделалось? — говорила она мне, приметив необычайную во мне перемену, — ты, мне кажется, чего-нибудь стыдишься, и робость твоя довольно доказывает, что ты в великом смущении?

Это и подлинно было чрезвычайно, что из такого остряка сделалась самая деревенская тупица. Однако скоро возвратил я опять свежие мои мысли и зачал смотреть на нее пристальнее. Глаза ее были наполнены снисходительным приятством, на щеках летал стыд, смешанный с благопристойностию, который путался с румянами; губы ее находились в превеликом движении, и показывалось на них нестерпимое желание; а что еще больше овладело ею, то я один только знаю; а ежели и читатель изволит о том проведать, так разве скажу я ему на ухо. Я тотчас догадался, что надобно мне делать: ибо я довольно читывал романов, которые глупых людей исправляют и делают дураками. Ухватив ее за руку, бросился пред нею на колени и, приняв на себя вид отчаянного любовника, начал говорить таким образом:

¹ Селадон имя некоторого романического витязя и преславного волонтеры.

— Собрание приятств! источник красоты! владычица прискорбного моего сердца! оставь мою вину, что жаркая любовь принуждает меня выступить из границ несносного терпения. Господствующая душою моею! не могу я описать, какую сладости наслаждаются мои чувства, когда прелестный образ твой в глазах моих: образ, который приятнее моей жизни; тогда я сам себя позабываю, изумление овладевает мною, и сделаюсь недвижим; на открытом лице моем ежеминутно летает стыд, который борется с моим рассудком, а пламенная страсть противится обоим: разделяет мое понятие, смятает мои мысли и делает бессловесным, гортань мой иссохнет, и только единые вздохи приводят меня в движение. Знаю, что безрассудно сие предприятие и бесполезная надежда; судьба не дала мне той части, которою ты наслаждаешься в твоей жизни; но могу ли я воздержать себя? Могу ли хотя на один час истребить из памяти живущую в разуме моем обладательницу? Прекрасный образ твой до самой вечности в мысль мою погрузился. От тебя зависит возвратить потерянный мой покой: подай надежду мне, отчаянному жизни, которая хоть мало бы польстила унывающей душе моей. Благорастворенный аромат! напитай жаждущие мои члены: уйми смятение! и отврати взнесенную руку к приобретению другого покоя. Забуду я тебя, когда скончаю жизнь мою; но с каким же терзанием расстанусь я с душою моею? Жалей меня, прекрасная, хотя для сохранения добродетели, неотступно обитающей в душе твоей. Сколько нежно сердце в прекрасном твоем теле, имей только нежный дух: окончай мою напасть! смягчись, дражайшая!

При сем слове любовница моя сделала трагическое движение и подняла меня с приманчивою улыбкою, которая приказывала мне надеяться всякой от нее благосклонности. Однако надобно знать, что сколько женщина ни была бы беспорядочна, только великие находит трудности открывать свою страсть. Потом целовались мы столько, сколько нам обоим заблагорассудилось. В самое это время я поперхнулся и тут узнал, что проглотил Купидона, который сидел у нее на губах.

Признаюсь, что любовным моим изъяснением, которое присутствовал я ни к селу, ни к городу, читателю более наскучил, нежели всю мою книгу; я хотел было в середине этой проповеди и сам встать, потому что попался мне под колено камушек, который щекотал меня довольно исправно, и болезнь, произведенная от него, подавала мне больше жару; и так любовница моя подумала, что я пренежнейший любовник в свете. Впрочем, читатель должен быть уведомлен, что я вперед таким нежным изъяснением скучать ему не буду, а это должен он мне простить как человеку, подверженному мирским слабостям, который для изъяснения своей страсти нахватал несколько разных слов из трагедий и из романов и сплел сие нелепое изъяснение, в котором нет ни складу, ни ладу, а это оттого, что любовь и наяву бредит.

ГЛАВА 4

НОВОВЫПЕЧЕННЫЙ СКОМОРОХ

Из сада шел я как восхищенный Адонид и вел мою Венеру за руку, которая иногда перескакивала с ноги на ногу и тем показывала, что она в любви торжествует. Недоставало только Купидонов, которые бы подтвердили наше совокупление. Пришед в горницу, думали мы найти сожаление во всех домашних о обожженном красноглаголатель; но он уж был отвезен в свой дом. А вместо сожаления нашли мы превеличайший смех, только не прежде начали смеяться, как уведали о причине оного. Мы спросили у ключницы, которая, сидя на стуле, умирала со смеху, что бы было тому причиной? Она принялась охотно нам рассказывать, чтоб тем больше насладиться ей желанным хохотом. Мне кажется, это уже многим довольно известно, что иные женщины без всякого смешного приключения такие охотницы хохотать, что наутро получают от того колотье. Читатель должен быть здесь предуведомлен, что за неделю времени перед этим привезли к полковнику племянника, которого называли Балабаном. Он обитал в местах просвещенных, где люди с великим прилежанием копят деньги и не знают, сколько в рубле копеек. Соседи его были волки, медведи и зайцы, лучшее его товарищество борзые и гончие собаки, с которыми он вместе в одной академии учился лаять, пил и ел и спал также с ними вместе. И так человек от толикого сообщения должен быть весьма разумен. Разум его и знание увидим мы из того описания, которое ключница изговорила уже рассказывать.

— Балабан, — говорила она, — зашел в спальню к своему дяде, в которой никого тогда не было, он сел против кровати на стуле и размышлял о прежнем своем жилище. Все оного приятности вдруг представились перед его понятие; и так, сидя тут, восхищался он сладким своим воображением. Когда же необычайная радость и восхищение овладели им, тогда представилась ему музыка к совершению его восторга. Он великий был мастер играть на волынке, учился у своего пастуха и до горлодрания охотник превеликий. Вдруг захотелось ему возобновить свое искусство; и так начал он озираться всюду, не сыщет ли где какого инструмента. Наконец увидел он на окне кожаный мешок, у которого сделано было горло наподобие бутылочного, и затыкали его пробкою: в нем находился испанский табак. Глядя на него, он подумал, что это надутая волынка, а что она мала, то представлялось ему, что она городская и сделана поискуснее деревенской. Подхватя мешок, с великою радостью начал его надувать, однако волынка голоса не давала. Музыкант не порочил инструмента, а порочил свое искусство; и так очасу более силится ее надувать. Чем больше старался в него дуть, тем больше мешок ста-

рался молчать. Наконец рассердился надуватель и тиснул его обеими руками: все, что ни было в оном, вскочило ему в рот.

Аленопа и ключница в сем месте захохотали, и надобно им время, чтоб они пересмеялись; а мы, господин читатель, еще долго не услышим ключницыных слов и окончания комедии; и так согласимся и мы посмеяться хотя не для себя, а в угодность женщинам, чтоб не назвали нас за это угрюмыми и не знающими обхождения.

— Он поперхнулся, — продолжала ключница, — сверх того, сухой табак проскочил ему в горло и остановил дыхание, от чего Балабан так струсил, что ткнулся головою в зеркало, против которого он стоял и смотрел, пристало ли быть ему музыкантом; и так оным изрезал себе лоб, под зеркалом стоял столик, на котором лежали письма и полная раковина чернил, в которую он врютился носом, и после как угорелый повалился на пол и, в прибавок к тому, задел затылком за стул. Тогда услышали мы дикий голос, который точно походил на крик умирающего человека, и так никто не смел войти в спальню: ибо мы думали, что уже и днем мертвец ходить начал.

Слово «мертвец» вселило в лицо ее несколько краски; я и тут без примечания не оставил.

— Потом осмелилась я, — продолжала она, — войти прежде всех и признаюсь, что такого смешного позорища еще от роду моего не видывала, человек катался по полу в поповском полукафтаны, которое не знаю, где он подцепил, лицо его замазано было кровью, табаком и чернилами наподобие серого лаку; по правой стороне лежал мешок с просыпанным табаком, по левой раковина с пролитыми чернилами и поваленный стул. Трудно было нам разобрать, кто это таков, лица его не видно было, и голосу мы не слышали, наконец разобрали мы, что это господина нашего племянник; и так немного трудности стоило решить это дело. Послали тотчас за лекарем, который и теперь в спальне. Извольте туда войти, так вы увидите все сами.

Мы, нимало не мешкая, вошли в спальню и увидели нововыпеченного музыканта, сидящего на стуле: на голове не было уже ни единого волоса, и были они подчесаны бритвою. Яснеющийся затылок, лоб и темя представились мне земным шаром, племянник полковников Атлантом, который небо на плечах держит, продолговатые от стекол рапы показались мне земными поясами; а глаз, носа и губ увидеть я не мог, потому что лекарь обмывал их водою. Надобно сказать правду, когда полковник сожалел о Балабане и извинял дурачество его ребячеством: ибо он был еще ребенок и имел от роду только двадцать три года, тогда я внутренно смеялся и действительно бы вслух захохотал, ежели бы не вышел вон,

Солнце уже начинало дремать, кони его гораздо выбились из сил и захотели кушать, тогда и у нас в доме приказали накрывать на стол. Когда поставили кушанье, то привели также за стол плешивого скомороха и, чтоб почтить больного, дали ему первое место. Голова у него была ничем не покрыта и не обвязана, потому что лекарь сказал, что без всяких пластырей скорей ее заволочет. И так ели мы все по обыкновению голодных людей и утоляли в желудках наших легонький голод. В середине нашей ужины не преминуло сделаться маленькое приключение. Ученая сорока, которая сидела тогда на поставе и летала всегда по воле, смотрела на нас, как мы сидели: все наши головы не показались ей инаковыми, как головами человеческими, а плешивая голова представилась ей кочкою или таким местом, на которое она может сесть, чтоб быть ей к нам поближе. Нимало не думая, взлетела она к плешивому на голову и, покамест не успели ее согнать, долбнула его раза два, три очень исправно в глупую столицу плешивого его разума. Страдалец закричал, и крик его сделал то, что смеху моего не слышали, только было я расхохотался довольно по-деревенски. Потом израненную чучелу повели на постелю, и мы кончили наш ужин сожалением об оном.

После стола госпожа Аленона пошла в свою спальню и с позволения отца своего просила и меня туда же. Чтоб согласиться на ее просьбу, совсем не было во мне никакого упорства. Пришед в опочивальню, выдумала она неподозрительные способы выслать девок вон, которые тотчас нас и оставили. Мы подарили друг другу несколько поцелуев, кои уже давно изготовили от пламенных наших сердец. Потом, к неопisanному моему удовольствию и к превеликой радости, приказала она мне раздевать себя. Расшнуровывая верхнее ее платье, коснулся я трепещущею и грешною моею рукою до услаждения нашей жизни, что у женщины обе вообще называются грудью; и тут узнал действительно, что женщины для мужчин электрическая машина. Я вздрогнул, и бросился мороз по всему моему телу, и когда бы не столько крепка была на мне кожа, то кровь бы моя выскочила вся на волю, подобно как в редкое решето. Аленона ударила меня по руке. Удар сей не произвел во мне никакой боли, а пуще волнение в клокочущей моей крови. Признаюсь, что ежели бы завидливый соперник застал нас в таком случае, то, думаю, не преминул бы пощекотать меня своею шпагою. Я был наверху моего благополучия и, будучи на оном, не мог почти вместить в себя этой радости: млея, лишался всех чувств, и наконец ослабели мои члены, и сделался я недвижим. Тут вспомнил я слова нововышеченного сочинителя: любовь вкусна, и всегда в ней новые присмаки, которые производятся от электризации и от капитуляции.

После чего Аленоне не хотелось со мною расстаться до тех пор, покамест она уснет, и так просила меня, чтобы я сказал

ей сказку. Она была такая до них охотница, что другой подобной ей я не знаю. Я хотел ей оною служить с охотою, только извинялся, что вдруг хорошей повести вздумать не могу; однако она, зная действительно, что я в них искусен, просила меня не отступно. А я, как будто бы предвидев плачевную судьбину, не стал ей рассказывать хорошей и длинной истории, желая употребить оную в свое время, что действительно и сделал. И так начал рассказывать ей сие приключение, которое означает пятая глава моей книги.

ГЛАВА 5

ПОВЕСТЬ «В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ»

Попал и Милозор не убогие нашей империи дворяне, великие между собою друзья и довольно по городу знатные люди. Милозор был холост, а друг его женат; хотя и сомнительно, чтоб между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старались умножать его и почитали за удовольствие быть верными друзьями. Ревность к жене Попала не запрещала Милозору быть всякий день в его доме и обходиться свободно с его супругою, которая называлась Прекраса. Попал, положась на дружество своего приятеля, нимало не сомневался в его честности. Напротив того, и Милозор хранил ее столько, сколько добродетельный и разумный человек сохранить ее может. Он не только сделать, но и подумать не хотел, чтоб опорочить брачное ложе своего друга и приставить ему рога, хотя и имел в себе довольно достоинства, чтоб поколебать верность его супруги, для того что в нынешние времена всякой постоянной жены добродетель и верность и без ветра шатаются. Однако Милозор не хотел этого и слышать.

А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и непосредственные нахалы, то некто из оных для разгулки замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо, что покажет и последование.

У Попала в доме жила крепостная его девка, она была весьма знакома Ладе, которая дарила ее всякий день новыми прелестями для влюбившегося Милозора, которого сердце раздроблено было стрелами сея красавицы. Впрочем, не обижая Прекрасу, имела она с ней равную красоту. Милозор всякий день старался подцепить сию красотку, склонял ее деньгами, обещал выпросить ей свободу и, словом, поднимался на всякие мудрости; однако ничто ему не удавалось. Наконец, когда увидел он, что все его происки и хитрости напрасны, тогда предпринял объявить об этом Попалу, которого дружество, надеялся он, учинит ему помощь. В этом он и не обманулся. Попал обещал ему сделать сию услугу; а что она порочна, то они оба знали, да, думаю, и сочинитель об этом

ведает, только не знает, как примет ее читатель; ежели он великодушен, то, конечно, простит слабость сию двум молодым друзьям. Начали они советовать таким образом. Попал говорил своему другу:

— Слушай, Милозор! Я притворюсь в нее влюбленным и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю в сем случае господскую власть и принужу ее силою. Сегодня ночью в двенадцатом часу прикажу ей прийти в сад, в ту темную беседку, в которой, как ты знаешь, и днем никого почти не видать, не только ночью, и так ты вместо меня можешь пользоваться этим случаем.

Выдумка была похвалена с обеих сторон, и Милозор высypал благодарности своему приятелю с излишком.

— Я столько обрадован, — говорил он ему, будучи в восхищении, — как будто бы уже все действительно получили.

— Поезжай домой, — отвечал ему Попал, — чтоб лучше избежать подозрения, и в назначенное время явись к одержанию победы.

Потом они расстались. Попал, нимало не мешкая, начал предприятие свое производить в действо; в чем ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обещала ему все по его воле исполнить.

Когда начала приближаться ночь к нашему Зениту, тогда расплаканная девушка пришла к госпоже Прекрасе и объявила ей происхождение свое подробно. Сколько ни велик был страх, однако сожаление было в ней больше, чтоб потерять свою честь. А правда или нет, что она так много сожалела о своем целомудрии, того я и сам не знаю. Кажется мне, что всякая взрослая девушка охотно согласится поамуриться в темной беседке, где никакого стыда на лице приметить не можно; впрочем, я того не утверждаю и оставляю толковать тем людям, которые меня гораздо попостояннее. Прекраса, услышав сие, пришла в превеликое огорчение: бешенство овладело ее сердцем и наполнило ее ненавистью к мужу, вот ему поверить должно без всяких отговорок, потому что ревность все в состоянии сделать из женщины. Пришед опять в прежнее чувство, благодарила она свою девку от искреннего сердца и обещала ей награждение, а мужу заперилась мстить за его неверность. И так приказала она мнимой своей совместнице куда-нибудь на время спрятаться, а сама пошла на назначенное свидание, нимало не сомневаясь, чтоб кто-нибудь другой туда пришел, выключая ее мужа. И таким образом, будучи в сих мыслях, пришла туда и, дожидая малое время, услышала, что подходит к ней человек, который не хотел ей сказать ни одного слова, затем чтобы его не узнали, а Прекраса также. И таким побытом Милозор, не мешкая нимало, исполнил то, за чем пришел. После, взявшись оба за руки, пошли вон из их сборища, в которое завел их сонный Купидон. В превеликой шли оба радости: один

думал открыть свою страсть своей красавице, а другая хотела укорить своего мужа неверностью. Ночь была довольно светла, и без всякой остановки можно было им себя разглядеть. Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели; стыд замешался между ними и сделал их неподвижными. Потом Прекраса вскоре увидела своего мужа, а Милозор своего друга, который, проведая все от девки, бежал предупредить нечаянное свое несчастье. Как скоро он к ним подбежал, то оба они стали перед ним на колени и как возможно лучше извинялись в своем погрешении. Выслушав их, бедный рогоносец бросился и сам перед ними на колени и просил у жены своей прощения. Все были правы и все виноваты; Прекраса и Милозор остались в выигрыше, а Попал, желая услужить другу, проиграл свое собственное и сказал: «Быть так, грех да беда на кого не живет». Впрочем, дружба их сею свалкою не кончилось; хотя они сделались своими, однако друзьями умерли.

ГЛАВА 6

ОБЪЯВЛЯЕТ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПОПАДАЮТСЯ МЕРТВЕЦЫ В ЗАПАДНЮ

Окончив мою повесть, усмотрел я, что красавица моя уже уснула и была в самом сладком сне; прекрасный ее стан в весьма прекрасном был положении: правая рука лежала у меня на коленях, а левая соизволила окружить ее голову. Приятель мой Морфей в угодность мою раскрыл ее груди, которые с великою приятностью подымались и опускались и привлекли к себе мои глаза; тонкое покрывало и проницательный мой взор все части ее тела представили мне открытыми; восторг мой, ее прелести, горячая моя кровь и естественное побуждение что во мне произвели, того описать я не в силах и прошу извинения у читателя: ибо я не столько в тайнах сих искусен, как человек женатый, и притом должен опасаться, чтоб женщины не назвали меня нескромным и не лишили бы той милости, которою я ныне имею честь пользоваться.

Признаюсь, что я еще не довольно насытил мое зрение, как необходимость принудила меня оставить мою прелестницу. Вынул часы, и так двенадцатый час докладывал мне, что время отсюда убираться. Вставши, поцеловал мою Афродиту, а сколько раз, того я и сам не помню, для того что не было со мной записной книжки, да сверх того не было мне нужды и записывать их. И так вышел я из той спальни, которая была услаждением всех моих чувств и членов.

Сколько любовь моя ни была велика, однако не меньше ее было и любопытство. Как скоро я оставил мою любовницу, так

и вздумал о ночном волоките. Прежде я мало боялся мертвецов, а в это время и не думал их опасаться, только струсил маленько, чтоб не потревожил он меня каким-нибудь острым железом или свинцовым шариком; однако ничто не удержало моей отваги. В сем случае сделался я воин и плотию и духом. Мом, который мне не в дальнем колене родня, присоедился в сие время ко мне и науцал меня осмеять людские пороки; и так вознамерился я оказать мое проворство и после посмеяться господину мертвецу, его любовнице, да и всем тем, которые мертвецов боятся. Бросился тотчас к погребу и увидел отверстие двери Ладина храма в котором приносили прежде жертву Усладу¹ так, как они всегда обыкновение имели. Усердие к пьянственному болвану и сласть полковника вина сделали мертвеца пьяным, и он начал колобродить, так, как обыкновенно колобродят пьяницы во плоти. Тогда посыпались у него веселые шутки, замысловатые выдумки, которые производит хмель: оный поднял белого щеголя и начал водить по погребу. Я прижался в самый угол и стоял очень тихо; потом слышно мне стало, что он полез в ларь, который тут стоял и который в то время был пуст, куда пригласил и свою спутницу, которая с помощью его также в оный влезла. Они скоро замолчали, а что делали, то читатель и без меня угадать может. Я подкрался к ним на цыпочках и опустил у ларя крышку, положил цепь на пробой и засунул железным гвоздиком, который висел на веревочке у пробоя. Мне показалось удивительно, что они не испужались, и думаю, что им представилось, будто бы крышка сама упала, и были они, как думаю, в той надежде, что опять отворить ее могут. Я погреб запер замком и ключ взял с собою и, отходя, промолвил:

— Опочивай до утра, любезная чета, и наслаждайся всякими увеселениями, какие ты можешь сыскать в крепком ларе, и сверх того в окованном железом.

Тогда уже был второй час пополуночи: богиня мрака спустилась уже к горизонту, а я опускался на мою постелю и, ложась на оную, размышлял, как легко можно препроводить ночь без сна, и хвалил бдящих наших сограждан, которых я насчитал четыре рода. Первый из них несмысленные рифмотворцы, второй глупые любовники, третий искусные картежники, четвертый проворные вору. Первые не спят для того, что подают Мусам уринальники и, стоя подле их кроватей, слушают, как они во сне бредят, и оттого сочинения их называются бредни. Вторые сидят в передних у кокеток,² и всякий старается из них, чтоб прежде всех войти в ее

¹ Услад или Ослад. Божество киевское, славяне признавали сего бога богом пирований и всяких роскошей.

² Кокетка. Многие сказывают, что имя сие родилось в Париже и оттуда имеет свое начало; однако прежние семь чуд родились не в Европе, то и сие осьмое, мне кажется, от их же начала должно произойти. Сие нежное живот-

спальню, когда она проснется, и этот употребляется на целый день вместо скорохода. Третьи всегда в это время в классах,¹ где слушают науку быть счастливым, хотя после остаются и без кафтанов. Четвертые во время ночи принимают на себя должность переводчиков и переводят чужие пожитки в свои дома и после без переплету продают их на рынке за сходную цену. И ежели бы я был в числе последних, то, конечно, пойманную мною пару птиц отнес бы поутру в охотный ряд.

Признание погрешения половина исправления. Я был в превеличайшем восторге, так что мне и спать не хотелось. Несчастье ключницы и мертвеца не приводило меня в жалость, и я хохотал, когда воображал, что есть у меня два чудные животные, которые вместо клетки заперты в ларе, две одушевленные твари сидят в таком месте, где прежде всыпан был неодушевленный овес; словом, я столько был рад, как некоторый сочинитель, который объелся и опился с радости, когда сыграли на театре прешпетную его комедию.

Однако радость моя не столько сильна, сколько силен сон, который уже начинает прикрывать меня своими крыльями. И так, господин читатель, ты уж не услышишь моих слов до седьмой главы моей книги, потому что я во сне ни с кем не говорю. Желая тебе покойной ночи... Прощай, я уж уснул.

ГЛАВА 7

ПРЕВРАЩЕНИЕ МЕРТВЕЦА В МОНАХА

...Как скоро я открыл мои глаза, то тотчас хватился ключа, которым вчерашнего дня запер погреб, за которым хранилось усопшее и живое тело в ларе, нашел его в добром здравьи. Потом, одевшись очень поспешно, побежал к Аленоне и рассказал ей сие приключение подробно, чему она не верила и верить не хотела; однако уверилась действительно, когда я повел хозяина и всех домашних, чтоб показать им оное чудо. Я был не робкий полководец в трусливом моем воинстве; всякий с трепетом мне последовал, и думали все, что я хочу над ними подшутить. Когда

ное подобно ругти; сердце ее уподобляется иногда термометру, оно в миг загорается и простывает, смотря по погоде или по величине пожитков. В ней никакие не рождаются страсти, а воспламеняются прихоти. Она себе ничего не желает; но думает, что весь свет сделан для нее; желания ее по земле не ходят, а бродят по головам глухих воздыхателей. Они ее подножие и слуги ее причудам. И так свет имеет уже теперь в себе восемь чуд. Должно, чтобы он уведомлен был и еще о двух; однако это показано будет в своем месте.

¹ Класс слово не русское, а по-нашему училище, порядок, строй. Я не толкую здесь о нем, боясь, чтоб не позвали меня в диспут; я человек не запальчивый, и так опасны мне строгие спорщики, которые за безделицу поставят подурмянить мне левую щеку.

я отпер погреб, тогда хозяин сделал со мною уговор, чтоб прежде их не отпирать, покамест не услышим их голоса: я на это охотно согласился. Подошед к ларю, закричал полковник мужественным, однако дрожащим от страха голосом:

— Кто сидит в моем ларе?

— Я, милостивый государь! — отвечала ключница: — я попала по грехам моим в сие заточение.

— А кто еще с тобою? — спрашивал он же.

— Тот мертвец, — ответствовала заключенная, — который всю ночь беспокоил ваш дом: мы виноваты и просим нас помиловать.

Тут все узнали, что это не шутка. Полковник побледнел весь от страха и закричал своим людям:

— Бегите поскорее в полицию, и тотчас приведите сюда роту солдат, и велите у нашего прихода бить в набат.

Я принялся говорить и представлял полковнику, что это напрасно, и что мы можем все окончить келейно, и после, разобрав все дело, ежели надобно будет, можем и обнародовать. Хозяин на сие согласился и велел слугам своим стать кругом, а сам стал в середине их, приговаривая почасту: «Не робейте, ребята!» Потом приказано было мне отпереть ларь, что я тотчас и учинил. Когда я поднял крышку, увидели мы наших пленников стоящих. Я зачал помогать вылезть ключнице, а мертвец выскочил и сам. Оба виноватые хотели броситься к ногам полковника, который подумал, что мертвец задавить его хочет, закричал изо всей силы. Я подбежал к нему и представлял, что опасаться ему нечего и мертвец хочет просить у него прощения.

— Пускай же он оденется в другое платье, — отвечивал заслуженный воин, — так и я дозволю ему ко мне приблизиться.

По храброму столь приказу тотчас перерядили покойника в живого человека и пошли все в комнаты. Тут мы узнали о кончине нашей хозяйки: она уже не сердилась и не кричала, когда смывали с нее белилы и румяны, и нимало не ворчала на то, что одели ее не по моде.

В скором времени изготовили красный гроб и назвали множество попов. Погребение было самое плачевное. Когда повезли усопшую в церкву, тогда два служителя вели полковника под руки, для того чтоб не повалился он в грязь; жалость и попытка им поутру для утolenия печали водка обременили его гораздо, и он совсем забыл, что надобно было плакать. Госпожа Аленона не в таких уже летах, чтоб плакать ей о своей матери, и опять не такого поколения, чтоб выть ей голосом, это одной подлости прилично; и так ехала со мной в карете и пересмекала всех, кто нам ни попадался. В церкви с разным усердием и разными голосами завывали старухи, и которая надеялась получить великую от полковника милость, та приходила к гробу и колоти-

лась головою об оный, поглядывая на него почасту, примечает ли то ее благодетель. Другая рвалась в углу и посылала свою внучку сказать полковнику, что бабушка ее умирает с печали. Иная натирала глаза свои луком и подходила к нему просить милости. Щеголи, которые хотели пообедать на похоронах, бросали в глаза табак и плакали довольно исправно, потому что от табаку не только плакать, да и ослепнуть скоро можно. Когда поставили гроб в землю и ею же засыпали, тогда с большим усердием поспешили все к столу. До половины обеда слышны были речи о полковнице, а после вино помрачило ее у всякого в памяти, и всякий начал колобродить. Сверх всего этого тот, который носил на себе такое имя, которое совсем не позволяло пить ему вина, затыгивал уже и песни. Вскоре перестали сожалеть о ней, для чего было я на другой день изготовился сказать надгробную речь или нравоучительную проповедь. Однако или для того я ее не сказал, что не умел,¹ или для той причины, что полковник кликнул меня к себе в спальню и приказал привести с собою и нового гостя. Когда мы с ним пришли, то приказал он спальню запереть; и так были мы тут трое. Виноватый валялся до тех пор у него в ногах, покамест полковник простил ему вину его великодушно. Тогда я приметил, что радость овладела нашим невольником, и он уже больше не опасался своей участи. Язык его был очень поворотлив, и разум довольно вертлявый. Начал он извинять поступок свой такими доказательствами, которых опорочить было невозможно, и вина словами его так умалялась, что начали мы находить в страшном смертном прислужника Момова. Все, что он ни говорил, было замысловато и остро. Когда мы с четверть часа с ним поговорили, тогда уже начал он и шутить, хотя совесть представляла ему, что сделал он дурное дело, но прощение его вины заставляло оную молчать.²

— Скажи мне, — говорил полковник, смотря на него снисходительным и веселым видом, — кто ты таков?

— Я монах, — отвечивал он, — обители святого Вавилы. Я подвержен мирским слабостям и достоин всякого наказания; однако если вы примете труд выслушать мое похождение, то, может быть, извините меня в оных. Принуждение принять сей чин производит во мне отчаяние и делает меня неспособным последовать моей должности. Я иногда забываю сам себя и в оном забвении предпринимаю дела, противные чести и мне самому. Что же касается до почитания истинного моего бога, то я во грехах моих

¹ Я признаюсь в моем незнании, по чему видно, что я человек чисто-сердечный. Кто пьет не бледнеет, а лжет не краснеет, тот прямо человек светский, а я не из числа тех.

² Много есть и таких людей, которые, сняв с земли тягости пуд пять или с лишком, то есть погубив человека, нимало не беспокоятся, а называются еще удальцами.

имею всегда к нему прибежище и прошу от сокрушенного сердца, чтоб избавиться мне от сего чина, которого сносить, по совести сказать, сил моих недостает, и всякая погрешность укоряет мою совесть и увеличивает себя к моей прискорбности. Никто извинять меня не хочет, и представляют, что я монах; молодые мои лета и несозревший еще разум не желают посвятить себя уединению. Я со всею бы моею охотою искал небесного венца монашеским чином, но мирские прелести удаляют меня от оногo; я человек и, следственно, подвержен всем человеческим слабостям, которые иногда и против воли нашей владеют нами.

Выслушав его слова, вселилось в нас желание услышать и его повесть, в которой мы надеялись довольно чудес найти, ободрили его, сколько нам возможно было, и просили, чтоб начал он свое повествование; и когда он увидел, что мы больше ему не неприятели, тогда довольно ласковыми словами попросил теплого чаю с горячей водкой, чтоб нагреть свое сердце, которое от стыда и от страха находилось в великом холоде. Когда удовольствован был он по его просьбе, то не только разогрел им все сердце, но, как нам казалось, разогрел и свой разум и начал говорить таким образом.

ГЛАВА 8

НАЧАЛО МОНАХОВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Я родился так, как все люди посредственного состояния, и воспитан рачительно моими родителями. На пятнадцатом году смерть отняла у меня отца и мать, о которых я довольно исправно плакал, только оживить уже их не мог. Брат отца моего, а мой родной дядя, взял меня к себе в дом и все после родителей моих оставшееся мне имение. Он позволял мне называться своим племянником месяца с четыре и сажал с собою за стол; наконец определил меня в должность легонького кофишенка, и я нагревал поутру и после обеда чайник, а во время стола стоял за стулом с тарелкою и не слышал уж никогда, чтоб назвал он меня племянником, а всегда кликал уменьшительным именем: ибо он богател сколько от моего имения, столько и от доходов жениных. Она была великая мастерица держать прибыточное домостроительство и мужа во своей власти. По несчастью моему, не показался я моей тетке, и она меня возненавидела. Вскоре потом оставлен я был и от этой должности за негодностью и определен на поварню, где за неискусство мое случалось иногда, что меня и тузили. И так в таком черном чине и в замаранной одежде препроводил я целые полгода, в которое время мучился и плакал довольно, ходил к родителям моим на могилы и обмывал поверхности их слезами; однако они уж были нечувствительны, и бедность моя их не тро-

гала. Наконец горестное мое состояние принудило меня убежать от такого бесчеловечного со мною поступка. Отдался я во власть моего несчастья и оставил дом моего дяди. Замешкаться в городе совсем мне было не надобно; и так, выступив я на чистое и просторное поле сделался гражданином мира и обитателем земного круга. Одежда моя представляла меня или исправным неряхою, или беспечным философом; ноги мои выступали попроворнее обыкновенного, и я до обеда отмерил ими тридцать пять верст, также и после одного немного меньше. Застигла меня в большом лесу ночь и принудила лечь между деревьями на траве, где я так хорошо уснул, как будто бы на мягкой перине. В полночь или далее наехали человек двадцать верхами: шум их разбудил меня прежде, нежели я их увидел. Подъехав ко мне, стали они у меня спрашивать, кто я таков? Смущенный мой ответ и робость моя произвели в них подозрение, и они, как будто бы знали, тотчас и угадали, что я беглец. Потом приказали одному воротиться и взять меня с собою. Провожатый мой повез меня не по дороге, а горами и буераками; наконец вобрались мы в дремучий лес, где пас окликали двое часовых в смурых кафтанах, в триповых малиновых шапках, с сумами и с ружьями. Первую заставу мы проехали без всякой размовки, таким образом и другую. Напоследок въехали в самую средину одного лесу; тут увидел я расчищенную площадку, на которой построены были презрительные хоромы и все принадлежащее к хорошему дому. Перед крыльцом стояла стража; и если бы часовые были не в смурых кафтанах, то, конечно, показался бы мне этот дом домом фельдмаршала, или, по-русски, военачальника. Привели меня в караульню и оставили до утра. Тут некоторые играли в карты, а другие на них смотрели, и как я заметил, то всем им не должно было спать целую ночь. Разумные их разговоры и учтивые обхождения, в которых подлости никакой не видно было, сделали во мне то, что я перестал опасаться этих людей, хотя и знал действительно, что они называются разбойниками. Поутру, как скоро рассвело, то должно было обо мне их начальнику, которого называли они атаманом: он приказал меня представить перед себя. Вошед в его горницу, немало дивился я убранству оной: она была убита цветным штофом в золотых рамах; большие зеркала и картины знатных мастеров делала в ней большое великолепие, и она представлялась мне некоторым родом знатных домов, которых и в городе бывает очень мало.

Атаман лежал тогда на постеле и курил табак, взглянув на меня видом, разбойникам неизвестным, усмехнулся, видя меня в моем приборе, и спрашивал: «Что ты за чудо?» Я рассказал ему все мои обстоятельства и после просил о призрении: ибо я уже видел, что я в его руках. Красноречие, которое употребил я в сем случае, послужило мне немало к поправлению моего состояния. Выслушав все, атаман говорил мне:

— Не учился ли ты в какой-нибудь семинарии или в университете?

Отвечал я ему, что отец мой наимал для меня учителя, который учил меня латинскому языку, истории и географии и у которого слушал я философию.

— Можю ли статьса, — вскричал тогда атаман, — чтоб такая замаранная тварь слушала так великолепно одетую науку?

Потом, усматривая во мне не знаю что-то ученое, вступил со мною в диспут, или, по-русски, в спор. И так до обеда препроводили мы время, рассуждая о важных материях,¹ а после одного перерядили меня в богатое платье, и в собрании всей его артели получил я имя его друга. Сей титул² произвел во мне немалую радость: ибо почтение, которое мне делали его подданные, привело меня в восхищение. С этих самых пор препроводил я целые пять месяцев в великом удовольствии и жил по-боярски. Любовница сего атамана, которая была не выданная и не последней руки красавица, обходилась со мною не так, как моя тетка; она мне делала всякие благосклонности и полюбила меня так, как родного своего брата; ибо препоручили меня ей незлобивый и тихий мой нрав и ее любовник, она почитала за удовольствие быть всегда со мною.

В одно время, когда сидели мы под тенью украшенного природою дерева все трое, тогда пришед один из его подданных с великим подобострастием докладывал своему повелителю, что привез извозчик человека, который называет себя учителем. Атаман тотчас пошел в свою горницу, куда пригласил и нас. Я радовался, идучи, что увижу ученого человека, который, думал я, равно страшится своей участи, как и человек, ничего не знающий. Когда мы пришли в покои, то представлен был перед нас учитель. Как скоро атаман увидел, что он человек разумный, то тотчас приказал растворить чашу с теплым напитком, который англичане именуют пуншем, чтоб тем прогнать страх, который потрепывал нашего мудреца, как тридневная лихорадка. Присоседившись к нему, начал он тянуть прямо по-ученому, и нам казалось, как будто бы стакан стакана догоняет. Когда в чаше ничего не осталось пуншу, тогда ничего не осталось в учителе страха; он заговорил о воздушных явлениях, потому что разум его полетел тогда к небесам³ и, летая немало под оными, спустился на Парнас: пересчитал там всех ученых людей, описал Аполлона и Мус, по соседству не миновал Олимпа; и так представил нам всех богов, как будто бы на картине; потом сошел на землю и проповедывал нам о чело-

¹ Материя. По-русски вещь, вещество, смысл, содержание.

² Титул. По-нашему надпись, знак, название.

³ Такой силе пунша должеп удивляться тот, кто не отвеждал сего напитка, а те, которые грузят им часто свой желудок, знают действие его довольно: и так напрасно потеряно будет время на истолкование такого дела, которое уже давно многим известно.

веческих обращениях, подземных происхождениях и, словом, обо всем том, до чего разумный и ученый хмельной человек своим понятием достигнуть может. В таком достохвальном упражнении препроводили мы три дня. В четвертый день атаман определил разобрать его дело и спросить извозчика, для чего он привез к разбойникам такого человека, который ему ничего не сделал. По собрании суда и по представлении челобитчика и истца извозчик объявил, что вез его из Малороссии и всегда пил его водку, а наконец это ему было отказано. Учитель, в сем месте перехватив, сказал, что водка у него начала оскудевать, а купить было ее негде, и так он берег ее про себя. Тогда извозчик, желая чем-нибудь оправдаться, говорил атаману, что у учителя есть много денег, и для того он привез его к нему, как такую добычу, которой разбойники имеют привычку всегда искать, за что и сам желает награждения. Тогда, выслушав его, атаман начал говорить ему весьма большое нравоучение,¹ в котором представлял, что ближнему своему надобно желать столько добра, сколько самому себе. А как извозчик преступил сию заповедь и из безделицы привез человека на смерть, то заслуживает за это жестокое наказание, которое и учинено было немедленно. Взварили его столь искусно батогами, как говорят у нас: инде небу стало жарко, встолочили ему спину и брюхо довольно снисходительно.

Потом спрашивал атаман у учителя, сколько у него денег; на что другой объявил, что имеет их полтораста рублей, тогда атаман, купив все у него книги, которые с ним находились, весьма дорогою ценою, подарил ему сверх того тысячу рублей и, отпуская от себя, велел ему объявить полиции² непременно, что был он у разбойников, и все то, что с ним ни происходило. Как скоро его отправили, то приказал он класть все на возы и готовить к походу, думая, что непременно посетит его сыщик; что действительно и сбылось потом. После чего зажгли весь дом, и огонь столько рассердился, что не оставил ни одного живого бревна; и мы отправились в путь.

ГЛАВА 9

Конец монахова похождения

Солнцевы кони перебежали уже восточные ветры, которые вышли с ними в одно время и из одного места, а наши вывезли нас из лесу. Мы следовали совсем по незнакомой мне дороге и наконец достигли до другого поселения, которое также находи-

¹ Я его затем здесь не положил, что уже все забыл или не умею, которое-нибудь, однако, правда.

² Полиция. Градонадзирательство.

лось в лесу. Тут жили мы месяца с два; и не было с нами никакого приключения. В одно время, призвав меня к себе, атаман говорил следующее:

— Друг мой! ты, живучи со мной, может быть и скучишь, сверх же того заслуживаешь порочное имя, и когда узнают в городе, что ты живешь со мною, то будут почитать тебя бесчестным человеком, и для того намерен я отпустить тебя, чтоб не был ты причтен в число разбойников.

Я принялся его благодарить и радовался уже, что буду скоро в городе; потому что жилище сие хотя мне было и покойно и я был всем доволен, однакож жил с разбойниками. Атаман награждал меня довольно добродетельно и великодушно: он подарил мне тысячу рублей, что не всякий богатый и честный гражданин делает, к тому ж дана была мне лошадь, и я, простившись со всеми, поехал в путь.

Два дня я рассуждал о сем разбойнике и не знал, как бы мне его наименовать: ибо мне казалось, что добродетель превышала его пороки. Он отнимал у богатых половину их имущества и сию часть делил на двое: одну оставлял себе, а другую отдавал бедным людям. Обиженные им не столько на него негодовали, сколько награжденные им его благодарили. Мне показался он новым философом. У кого много, у того он отнимал; а у кого ничего не было, тому давал. И таким образом положил я так, рассуждая долго: пускай дадут ему имя наши жадные к деньгам богатые граждане. Впрочем, чтоб не оставить в неизвестности такого подлинника, объявлю о нем в другом месте попространнее.

В третий день моего путешествия, когда просыпалася Зимперла,¹ спускался я с превысокой горы и увидел недалеко не весьма узкое владение, которое состояло из деревянного строения и называлось село. Я вздумал посетить его; приехавши в оное, нашел всех крестьян в великой печали. И когда спросил я о причине, тогда уведомили меня, что будут похоронять их господина; а как настало время, то и я пошел в церкву. Вскоре принесли усопшего, и весьма много было о нем плачущих. Женщина весьма молодая рвалась больше всех и казалась быть отчаянною жизни; слезы ее сделали то, что я насилу мог удержаться и сам от жалости: она выла столь отчаянно, как будто бы любовница похороняла своего любовника, и по чему я узнал, что была она жена покойного. Во время обедни очень часто падала она в обморок; однако опять скоро воздерживалась, чтоб не сделать дурного положения; и притом же заметил я, что она очень часто на меня поглядывала. Когда начали отпевать новопреставленного, то я печально взглянул на нее и увидел в руках ее маленькое зеркало. В сем

¹ Зимперла — славенская богиня, она была то же, что и Аврора; имела храм в Киеве.

случае сделался я маленьким философом и растолковал проступок сей великодушно. Когда опустили в могилу ее мужа, то казалась она, как будто бы хочет последовать ему, и едва успела выговорить, чтоб просили меня к ней отобедать, повалилась без памяти. Люди ее понесли ее нечувствительную домой, куда и меня пригласить не позабыли.

Обед начался печалию, а кончился весельем. По большей части заседали за ним отставные офицеры, те, которые были великие охотники потягивать сивуху и рассказывать о сражениях; насуетились они за ним довольно исправно, приговаривая почасту: «Покойник был до вина охотник». А как обед кончился, того я не знаю: ибо отвело меня от одного сие приключение.

В середине нашего обеда, когда уже начинали краснеть у всех гостей носы, тогда вывели отягченную болезнью, или печалью, или не знаю чем хозяйку. Она в превеликом беспамятстве приказала подать себе стул и села подле меня: рвалась, охала и рыдала, однако уже не текли по лицу ее слезы, как думаю, для того, чтоб не смыть румян, которых она, пришед из церкви, положила несколько на щеки. Священник уговаривал ее и подавал здравые советы; а я, как человек совсем посторонний, не сказал ничего, выключая слов десятков девяти. Вскоре печальная наша Лада упала в обморок и бросилась ко мне на шею. Я должен был с помощью других отнести ее на постелю, чтоб там собрала она расточенный или растерянный свой разум. Когда я нес ее в спальню, то получил поцелуя два, три весьма от горячего сердца и тут узнал, что обморок ее пройдет вскоре и что она женщина светская, которая в случае нужды может три раза умереть и после, когда уже не надобно будет мертвых, воскреснет сама. Кладя ее на постелю, не мог я отнять моей руки от трепещущего ее сердца; для того что она в беспамятстве придерживала ее очень крепко; чего ради подали мне стул, и я сел подле ее кровати. Всякий со своим усердием подходил уговаривать ее и воздерживать от сокрушения; и кто был пьянее других, тот усерднее и старался. А я сидел подле ее, как будто бы осужденный; никто не думал, что приковала меня безрассудная Венера, а всякий помышлял, что причиною тому ее отчаяние и болезнь о покойном ее муже. Все уже наконец разъехались, и легли домашние спать, тогда образумилась боярыня и начала со мною амуриться. Если бы я не был холостой и не скучал о том, что имеют женатые, то, конечно бы, начал рассуждать очень строго и обвинил бы дерзость ее стоическим образом; но всегдашний мой недостаток принудил замолчать мою совесть, и я так же легко презрел благопристойность, как и плененная мною красавица. Что происходило у нас в сию ночь, того рассказывать я не стану, а если кто захочет уведомиться об этом, тот и без меня догадаться может.

На другой день поутру подступил под спусходительную сию крепость не знаю какой-то щеголь и начал подпускать любовные ужимки; я же, не рассудя того, что красавица сия не великая была охотница влюбляться, а ссужала нашу братью по переменкам, влюбился в нее, как в путную. Досадно мне жестоко было, когда он пощупывал ее очень вольно, а она после извинялась передо мною, что позабыла ему в том противиться, и сердилась на меня, для чего я ей об этом не припомнил. В следующий опять день несносный мой соперник, позабыв то, что я тут сижу, бросился с французскою вольностью целовать ее груди. Я не мог более терпеть огорчения и треснул его по лбу, от чего полились у него и кровь и слезы; и когда он образумился, то задел меня по щеке, а я до драки прежде бывал превеличайший охотник; и так, расправив мои руки, начал его потаскивать взад и вперед по комнате и до тех пор его отбояривал, пока служители нас не розняли, рассовал я ему побольше сотни тумачков под пазухи и во все те места, где улеглись мои оплеушины, пишки и поботухи. В сем случае со мною не так, как с победителем, поступили, вместо триумфа,¹ приличного победоносцу, обобрали меня кругом и проводили дубьем со двора.

Появился я вскоре легок на чистом поле, неся за плечами палочные удары, которые мне дали на дорогу. Они не столь были мягки, чтоб мог я их употребить в обеде, и так до ужины претерпевал маленький голод. Ужина же моя состояла в том, чтоб поскорее заснуть: я думал где-нибудь во сне покушать, что была и действительно правда. Во всю ночь я был у великого довольства съестных припасов и жрал их столько, что превзошел всякого рода объедал; однако со всем тем проснулся голоден. Это уже известно давно, что у голодного хлеб на уме, и никакие гражданские дела не приходят тогда в голову, когда желудок пуст. Я не ел ничего, однако глотал очень часто и в сем упражнении путешествовал еще до обеда.

Встретилась со мною расчесанная деревня: я узнал тотчас по ее платью, что не могу тут выпросить ни одного куска хлеба. Сколько ж я тогда сделал восклицаний о моей тысяче! Когда же голод пронимал меня порядком, а достать хлеба не было надежды, тогда вздумал я подняться на мудрости и с сею надеждою вступил тотчас в деревню и вошел в тот дом, который покудрявее казался прочим; в нем я нашел старуху о трех или с половиною зубах, притворясь гораздо набожным, объявил ей, что я выходец с того света, что тощий мой желудок и бледное лицо ей подтвердили. Как скоро она услышала, что я выезжий небесный гражданин, то тотчас собрала на стол и меня накормила. Потом спрашивала, не видал ли я на том свете ее сына? Я отвечивал, что имел с ним

¹ Триумф — торжество в честь победоносцу.

там знакомство и что он гораздо обнищал и возит теперь на себе воду. Услышавши это, старуха бросилась благим матом в свою коробью и, выняв из нее последние деньжонки, просила меня отнестись их для разводу к своему сыну. Потом приехал с поля поп, который не перешеголял разумом беззубую свою сестрицу, дал мне свою лошадь, чтоб брат его возил на ней там воду и больше бы уж сам не трудился. Таким образом с немалого числа и крестьян обман мой получил пошрины довольно. Начинив мои карманы разною ходячею монетою, оставил я эту деревню и посмеялся мужицкой глупости.

Идучи дорогою, считал я деньги, чтобы из разных карманов привести их в одно число. Искусство показалось мне довольно хлебно, и я определил называться везде, что путешествую с того света. Ни один лекар, думаю, своим искусством не мог бы со всего купечества в городе получить столько денег, сколько я получил с одной деревни; а что с дворянства, о том я уже и спорить не буду, для того что дворяне великие охотники лечиться и без всякой нужды принимают лекарства, лишь бы кто им присоветовал; а купцы почитай совсем не имеют с аптеками знакомства, и оттого, как сказывают, бывают они здоревее.

В этом пути я был повеселее прежнего и совсем не видал, как спотыкнулся было на богатое и великое село. Когда я начал вступать в него, то принял на себя важный и смиренный вид: ибо когда я сыт, тогда шучу до тех пор, покамест довольно; и так как скоро увидел я мужиков, то закричал им, чтобы они снимали шапки. Они схватили их с великою поспешностью, может быть, для меня, а может, подумали, что идет их господин, перед которым они еще за три версты открывают свои головы. Я спрашивал, где их помещик и кто он таков? Они сказали мне, что нет его дома, а поехал на время не очень в дальнюю деревню, а тут, сказали, его жена и мать. Я тотчас велел сказать им о себе и был принят старухою весьма радостно. Тут надеялся я получить больше денег, для того больше и врал. По счастью моему, свекрови понадобился я под именем выходца с того света, а снохе под именем любовника; и так жил тут во всяком удовольствии, старухе рассказывал днем, а молодой рассказывал ночью. Беспokoил меня несколько приезд хозяйский, и я думал, что непременно мне надобно прежде его убраться: ибо я проведаль от служителей его, что он великий забияка и ужасный охотник поправлять свои руки над чужою спиною. Я не очень надеялся на кожу, которая покрывала мою спину, и так вознамерился было отступать от сего места. Как скоро узнали о моем отъезде госпожи, то с превеликим прилежанием начали меня просить, чтобы я остался еще у них. Новая моя любовница удобнее всех отвратила мое намерение: она сказала мне, что муж ее должен делать то, что она прикажет, и что

она давно уже имеет это счастье, что сожителю ее пляшет по ее дудке.

Наконец он приехал, я увидел, что несомненная была то правда: она им повелевала, а он боялся и подумать, чтоб чем-нибудь ее прогневать. По приезде его находился я в таком же довольстве, как и прежде, и как скоро он на двор, то жена его занемогла и не пускала его в спальню целые два месяца, а я в то время занимал его место. Подражая Юпитеру, который этак же потчевал Амфитрона, мне кажется, потребна была мужу ее ревность, однако он не позабыл употребить ее в сем случае, и, может быть, употребил ее слишком.

Вот как человеческое благополучие недолговечно и вот как мое перервалось. Заехал в сие село проезжающий архиерей; рогосец мой принял его с превеликою радостью, и первое его слово было то, что есть у него выходец с того света, потом рассказал ему все, что я ни наболтал им во все мое у них пребывание, прибавляя к тому, что будто бы все его мужики от того взбаламутились и начали отставать от церкви. По сему препоручению видно, что он желал меня сбить поскорее с рук. Когда кликнули меня к архиерею, то я как будто бы виноватый задрожал и не знал, что отвечать. Тотчас зашнуровали меня цепью, и сколько ни просила за меня моя любовница, однакож, несмотря ни на что, отослали меня под начал, где, продержав не меньше года, наконец постригли. Я ушел несколько спустя из нашей обители и опять в том же селе пойман. И так с тех пор содержат меня в монастыре весьма рачительно. Мне не приказано никуда выходить вон из кельи, и, словом, я так, как будто бы на цепи привязан, иного способа нет мне выйти из оною, как в таком наряде, в каком вы меня нашли. Я перед вами виноват, — промолвил он, — что приключал вам беспокойство, и в том прошу прощения.

Таким образом кончил монах свое похождение, которое, однако, было еще не все, смешные с ним приключения услышим мы после.

В полковнике человеколюбие, или не знаю что другое, произвело о нем сожаление. Он обещал ему исходатайствовать свободу и просьбою сложить с него чин монаха. После сего вошла к нам ключница и, облившись слезами, просила прощения у своего господина. Она еще не совсем испорчена была летами и носила имя любовницы правильнее, нежели некоторые из моих знакомок, которые под белилы и румяны прячут свою старость. Полковник, сделав ей пристойный к тому выговор, простил потом ее погрешность, за что с великою благодарностью поклонилась она ему в ноги и после этого была опять в своем достоинстве с меньшим почтением от всех домашних.

ГЛАВА 10

ЕЖЕЛИ КТО ПРОЧТЕТ, ТОТ И БЕЗ ПОДПИСИ УЗНАЕТ ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

Когда солнце переезжало через экватор¹ и прибыло почтай уже в тропик Козерога, у нас в доме немного важного приключилось. Полковник старанием своим переименовал монаха и сделал из него бельца, и так сделались мы с ним великими друзьями и были равного достоинства: он не уступал мне в красноречии, а я в острых ему выдумках; и так такая двойка, как мы, довольно благополучно могли препроводить свою жизнь.

В начале осени Венера определила представить в нашем доме походную комедию, или попросту игрище, чего ради послала к нам своего сына. Он вселился к Балабану в сердце и делал там чудные распоряжения. Начало действия было таким образом: закипела кровь в моржовых жилах, и дуралей наш начал щеголять: сшил себе набойчатый халат и таскался в нем по улице мимо окна своей возлюбленной, надевал нередко крестьянское платье и расхаживал в нем по морскому рынку. Ходил также в харчевни, где заводил непосредственно малые драки и таскал нарочито своего брата, для того что храбрость его над одним только им оказывалась. Прежде же всего ходил он всегда неряхою, в замаранном овчинном тулупе, и, шатаясь по двору, часто играл с ребятами в бабки, кричал ночью филином и пужал старух, которые летали от него часто с высокой нашей лестницы. Возглашал петухом, которым искусством разбуживал соседних кур, перенимал, как кричат утки, и, словом, делал всякие шалости, какие только король дураков выдумать может. Начал закупать гражданские книги и переплетать в церковный переплет. Он иногда принимался их читать, но они казались ему столько же понятны, как слепому живопись, и чем которая книга была важнее, тем для него хуже. И так, рассердясь на их темноту, определил сослать их в ссылку, то есть продать барышникам. И так вначале променял на деньги «Телемаха» и купил на место его черный тафтяной мантилет;² потом «Троянскую историю», «Маркиза», Кантемировы сатиры и купил асалоп; а после них пустился и на все достальные, между которыми находились римская и древняя истории, и купил стеганую исподницу и пуху для двойной постели; причем вознамерился просить у дяди своего горниц для будущих своих детей и приготовил почти уже все к своей свадьбе, только позабыл открыть

¹ Равноденственная черта.

² Этому удивляться не должно, что Балабан за те деньги, которые взял за «Телемаха», мог купить мантилет, потому что такие книги у нас очень дороги, а другие, как, например, грады, вертограды, стансы, мадригалы, идиллии, билеты, то оными намостить можно московскую дорогу. Старинных книг у нас очень мало, а особливо таких, каков есть в своем роде «Телемах», а для чего их нет, то на это примечания я здесь не поставлю.

любовь свою той девушке, которая уволокла посконное его сердце. А это была та особа, которая жила у полковника; она была отдана ему после отца ее и матери на пропитание и чтобы потом выдать ее за хорошего жениха с ее приданым. Девушка пригожа и статна собою, только несколько простенька по нынешнему обыкновению. Фаля наш начал делать ей изъяснение свое стихами, для того что прозы ненавидел он смертельно и не умел совсем ею изъясняться, а стихами говорить не мог, хотя и был до них превеликий охотник; но не зная совсем в них толку, отослал к любовнице своей вместо любовного изъяснения сатиру. Мне удалось ее списать; а чтоб не одному ею пользоваться, сообщаю и читателю.

Без жару никогда на службе воск не тает,
 Подобно девушка без денег не вздыхает.
 Металл сей не огонь, однак сердца варит:
 На денежки смотря, у всякой зуб свистит.
 Бессилен Купидон старинный в свете ныне,
 Он только властвует пастушками в долине,
 А в город никогда не смеет заглянуть,
 У щеголей в смеху бояся утонуть.
 Уж новый Купидон у нас теперь владеет:
 Любовь червонцами, а не стрелами сеет;
 А ум, достоинство, любовь и красота,
 По правилам его, мирская суета.
 С червошцами карман — вот только тут, и дела!
 Красавица к тебе тотчас и подлетела
 И так влюбилася, что хочет умереть,
 Целует, хвалит, льстит и хочет ввек гореть;
 А пламеннее всех тогда она бывает,
 Когда любовник ей карман свой открывает.
 Таская из него, вздыхая, говорит:
 «Люблю тебя, мой свет! вся кровь моя горит;
 От страсти сей совсем уже изнемогаю
 И сердце и живот во власть тебе вручаю».
 А после, как тебя совсем уж оголит,
 Тогда погудкою другой заговорит.
 Таскать из твоего уж нечего кармапа.
 «Прощай, дружок! я ввек не делала обмана:
 И так тебе скажу, что не привыкла я
 Безденежного брать мужнину в кумовья».

Написавши, или, лучше, списавши сии стихи, запечатал их и послал к своей любовнице с слугою. Нововыдуманное сие изъяснение ей не понравилось: она приказала сказать слуге его господину, чтобы он не осмеливался вперед писать таких бредней и не отваживался бы присылать к ней, ежели не хочет быть таскан; но простофиля мой от того не умудрился и написал еще за то на

нее сатиру, за что дядя посадил его на хлеб да на воду, чему он был рад: ибо случалось, что не едал дни по три сряду, затем что деньги употребит на амуры, а после сидит голодом, действительно бы так должно было сказать, это бы было ближе к природе и к самому моему дурню; однако в рассуждении повести попротиворечу я сам себе. И так он радовался тому, для того что будет кушать аржаной хлеб, к которому он привык в деревне; а дядино кушанье ему не казалось, потому что он не знал в нем вкусу и всегда говорил, что сделано оно по-немецки и казалось ему приторно. Годится тут эта пословица: «свинья на небеса не смотрит»... Сатира же его следующего содержания:

Цыганы, говорят, проворны на обманы;
 Искусней их жиды, втираются в карманы,
 Шишиморы везде, где спрятано, пайдут:
 Но воры больше всех убытка наведут.
 Огонь в свирепости не сделает измены;
 Поест и попалит богатства все и стены.
 Кому у них в руках случится побывать,
 Немедля должец тот котомку падевать.
 Но тем хоть он еще останется доволен,
 Что будет он в своем уме и сердце волен;
 А я у них в когтях хотя и не бывал,
 Однако нивкогда скуднее не жывал:
 Доколе кровь моя в груди не хлопотала,
 Пока с любовью мысль моя не хлопотала;
 Она, меня ольстя, плутовка, провела
 И в сеть к обманщице лукавой завела,
 Которая ворах хотя не подражала,
 Но все к себе мои пожитченки прижала,
 Теперь подципан стал как быстрый я сокол!
 Легохонек и чист и не разденшись гол,
 Не знаю, где она пронырствы выучает,
 Что самых швльнянков в обманах превышает;
 От вора завсегда печемся мы прибрать:
 А к ней, плутовке, сам старался я таскать,
 Она передо мной ласканьи рассевала,
 Моя же от часу мошна ослабевала.
 Но я ее лукавств тогда не примечал
 И только, хоробрясь, червоцнами стучал,
 В том меньшей будучи: хоть деньги не мякина,
 Да девкой не они владеют, а детина.
 Но как я был прельщен и как я изумился,
 Когда любовницы и денег вдруг лишился;
 Знать, деньги, а не мы, владеют пад сердцами
 И что мы с ними лишь бываем молодцами.

Без них страмцы, глупцы, сквернавцы, шалуны,
 Да девки лих всегда над нами колдуны.
 Хоть ими иссушен, обманут и обруган
 И ото всех сторон чистешенько обструган,
 Всегда валишься к ним в любовны кандалы
 И вшищешься у них в глупцы и шебалы.
 Вот так-то и меня одна из них вздуздала
 И, обобрав кругом, в безумцы записала.
 Совсем не человек, что падает в их сеть,
 Он, века не дожив, плетется умереть.

Все сии стихи, которые вы прочитали, хотя они и не хорошего мастера, однако Балабану никогда и во сне не снились, а не только чтобы он их сочинял. Все его искусство состояло в том, что покупал он рифмы весьма за великие деньги и подписывал под ними свое имя. Позвольте мне, благосклонный читатель (а до неблагосклонного мне и нужды нет), положить здесь пословицу на латинском языке, я бы, конечно, и на своем ее поставил; однако что не наше, того присвоивать я не хочу, для того что мы предовольны и без чужого:¹ *aliquando fus Minervam docet*, иногда свинья Минерву учит. Балабан, будучи такою скотиною, какого вы из описания видите, вздумал писать комедии и сочинил одну в четырех действиях по своему расположению. В ней он вознамерился обругать одного сочинителя, который ему не подал никакой причины к посмеянию, а ныне, будучи принужден, загадывает ему загадки. Правду сказать, Балабан осмеливал его очень искусно, то есть прямо по-дурацки; говорит он в некотором вступлении, что сочинитель тот исписал чернил семь чанов, измарал несколько тысяч стоп бумаги и только написал одну маленькую комедию. По этому его искусству должен я сказать, что просыпается здесь в России Боало; и ежели господин Балабан захочет удостоить нас своими сочинениями и выпустить их в свет, то многие усердные люди поколотят... ах! я проговорился, а надобно сказать, поблагодарят его за это. Писал сатиру на покойного Ломоносова, и не зная в оной толку, хотя дурацкими изъяснениями, однако больше хвалил его, нежели ругал; хотя такому великому человеку похвала от площадного сочинителя и совсем не надобна была. Такие наперсники расхожего Аполлона носят на себе сию пословицу: «собака и на владыку лает». По не которому в нашем доме случаяю вознамерился он учить свою любовницу и некоторых домашних такому искусству, о котором не толь-

¹ Хотя некоторые и говорят, что язык наш дурен; о таких людях я так заключаю, что они нахлебались где-нибудь безумия, подобно как белены, и для них всякий в году день каникулы, и ежели бы брали у нас за это пошлину, то бы, может быть, меньше было беснующихся. А ныне уже видим мы и сочинения их в печати.

ко что не имеет никакого понятия, но ниже знает, что значит его имя; однако случай тот перервался, к великому неудовольствию господина Балабана.

Стихотропающий Балабан, внук новопреставленного Скарронова комедианта Злобина, имел на себе вид ненадобного свету человека и требовал от всех сего имени. Некоторые часто забывали его требование и называли скотиною. Он был весьма тихого нрава и мог бы, конечно, ужиться с чертями. Достоинство было его сие: обругать честных людей, опорочить их добродетель, понести имя и сделать такими же плутами, каков он и сам. Всегда выдумывал способы, каким бы новым образом обидеть человека, чтоб с ним навеки поссориться и иметь удовольствие его ругать. Злость его столь была велика, что всем своим знакомцам за излишеством не мог ее раздарить, и так пересмежал и ругал из окошка мимоидущих по улице. Часто доставалось также от него дяде его и тетке: ибо он втайне не оставлял поносить и своих родителей. Обманывал купцов и разносчиков, не платил денег своим слугам и при отпуске клепал на них, будто бы они его обокрали, и так сбивал их со двора, наградя пощечинами и пинками. За извозчиками гонялся с обнаженною шпагою, когда они просили у него за провоз. Забирая ж в долг, клал на себя обещание, чтоб никогда не платить. Завладеть чужим втайне или въяве почитал он добродетелью; и еще вдобавок описание дедушки его, знаменитого комедианта Злобина, может служить здесь к дополнению Балабанова титула. При всем этом ослопина сей был собою доволен: он не смыслил, что он глуп, и для того нимало не беспокоился.

Остатки совести его пропали тогда, когда начал он ревновать к своей любовнице: она обходилась ласково со многими мужчинами, которых карманы находились в добром здорювьи, что его весьма тревожило. Он стаивал часто подле ее дверей и считал, сколько пройдет от нее любовников. Имел в запасе дубину и хотел сражаться с ними по-воровски. Однако ни одного не залучил; по чему можно догадаться, что опасался от них полновесных оплеушин и исправной поволочки. Когда понеслося эхо, что вознамерился кто-то проучить его палкою, тогда он в сей досаде сочинял мерзкие песни и ходил ввечеру под окошками, кричал во весь голос, за что соседние слуги собрались было некогда потаскать его; и действительно бы дали ему хорошую щипачиху, ежели бы не ускользнул он от них в окошко.

Случаи в нашем доме совсем были не по театральному обыкновению; после комедии последовала трагедия. В один день поступалася смерть у ворот полковниковых и прекратила его жизнь: он умер так, как все умирают люди такого состояния, в каком он находился. Хотя он был не великий охотник до могилы, однако из усердия положили его в оную. Плачущих по нем не весьма было много. Слуги его и все домашние не знали, что делать, невесь

плакать, певесь смеяться: он был человек молчаливый и ходил всегда нахохлившись, доброго никому не делал, да никого же и не обидел; и так осталася по нем память, а полковника не стало.

Госпожа Аленона хотя и не желала печалиться о своих родителях, однако нечто природное побуждало ее к тому. Она несколько задумывалась и иногда грустила порядочно. Дом ее находился в превеликой расстройке, а она, не привыкши управлять людьми, болезновала пуще; и для сей причины желала, чтоб отец ее проснулся.

Надобно выговорить мне хотя один раз во всю мою жизнь правду. Весь дом находился в превеликой печали, и мы с моим другом не знали, чем оному пособить; наконец вздумали сие средство, чтоб сказывать по вечерам сказки, которыми мы надеялись отогнать несколько печали или совсем оную истребить. И так, спустя довольно времени после похорон, предложили о сем госпоже Аленоне: она с превеликою радостью подтвердила наше предприятие и просила нас неотступно, чтоб мы начали продолжать предпрятые нами намерения. Мы согласились на сие охотно, и только я просил того, что ежели я буду сказывать, тогда бы не пускать Балабана к нам, для того что этот адский житель не может пробыть ни одной минуты, чтобы не сделать какой-нибудь подлости. У нас в доме почитают его некоторые для того, что дядя его в нем был хозяин; а когда бы не так, то и на конюшне не дали бы ему места. Аленона обещалась мне, что он не будет присутствовать со мною; и так сделались мы с моим приятелем ночными рассказчиками: я положил, чтоб рассказывать мне о древних наших богатырях и рыцарях, а товарищ мой обещал шуточные и смешные приключения по окончании каждой моей повести рассказывать. И таким образом в самый первый вечер начал я... Слушайте.

ГЛАВА 16

ВЕЧЕР 26. УГАДЧИКИ

Турки так же умирают, как и все люди, только хоронят их с некоторыми отменными по закону их обрядами, да дело теперь о смерти, а не о законе; и так скажем, что скончался близко Константинополя не последнего звания турок, осталось после него довольно имения и также три сына, которые после смерти его получили титул наследников. В то время когда похороняли они своего отца, какой-то довольно проворный вор похитил все оставшееся им имение; и когда наследники усмотрели, что делить им было нечего, то предприяли разбирать дело это судом, большой брат имел подозрение на среднего, средний на меньшого, меньшой на большого; и так должно было всем просить друг друга. Все равно желали иметь наследство, и для того все равно об оном и старались; и так отправилися в Константинополь к кади.

Встретился им на дороге человек запыхавшись, который спрашивал:

— Не видали ли, братцы?

— Не верблюда ли? — спрашивал большой брат.

— Он левым глазом был кос, — сказал середний.

— А на нем был укус, — говорил меньшой.

— Так точно, государи мои, это мой верблюд; да где же он? — продолжал встретившийся.

— Мы его не видали, — отвечали ему все три брата вместе.

— Возможно ли, — говорил прохожий, — отгадав, что я спрашиваю верблюда, описав его с ног и до головы, и говорить, что вы его не видали. Так конечно вы, господа мои, 'воры; однако у кади, я думаю, что заговорите вы другим голосом. Я желаю переговорить с вами у этого судьи.

— Очень изрядно, — отвечали они ему, — а мы и сами великое имеем до него дело.

Мужик, идучи, радовался, что нашел своего верблюда, и думал, что уже он в его руках.

Пришедши к судье, мужик начал тотчас просить о своей покраже и уведомил кади, как отвечали они ему, когда он спрашивал об оной. Кади, услышав все, нимало не сомневался, чтоб верблюд не был в руках у этих трех братьев; и так сказал им, чтобы они немедленно отдали его мужику. Большой брат сказал судье, что они верблюда никакого не видали и у себя его не имеют. Кади, рассердясь, закричал:

— Почему же ты узнал, что мужик спрашивал верблюда?

— Потому, — отвечал большой брат, — что было это еще утро, и роса покрыла поле, и следов не видно было никаких, выключая верблюжьих; я узнал, что пробежал тут верблюд, и так спрашивал, не верблюда ли он ищет.

— Изрядно, — отвечал судья, — а ты почему узнал, что верблюд был левым глазом кос?

— Потому, — говорил середний брат, — что на правой стороне дороги трава самая худая, то он ее всю смял и ел, а на левой самая преизрядная, которой он нимало не повредил, так надобно, чтобы он левым глазом был кос.

— Хорошо; а ты как это мог узнать, — спрашивал кади у меньшого брата, — что он навьючен был укусом?

— Очень нетрудно, — отвечал он, — в следах его оставалось несколько жидкой материи, в которую я омокнув перст положил на язык и узнал, что это укус; и так надобно, чтоб был на верблюде в мехах укус.

— Теперь я вижу, что это правда, — отвечал кади, — и так ты, мужик, напрасно имел на них подозрение; поди и ищи твоего верблюда, куда он побежал.

Безнадежный мужик променял великую радость на печаль и пошел догонять свою скотину.

Большой брат потом начал просить на среднего в покраже их имения; середний просил на меньшого, а меньшей на большого, и никто из них не имеет никакого подозрения друг на друга. Судья хотя и гораздо был разумен, однако такая задача несколько его потревожила; а у них такое обыкновение, ежели кади не разберет какого дела, то должен лишиться места. Он не знал, как начать их судить, и для того приказал прийти на другой день к себе отобедать, а сам тем временем хотел подумать, как бы приступить ему к делу. Он предпринял так, чтоб оставить их одних за столом, а самому слушать из другого покоя, не найдет ли он какого подозрения в их разговорах, и притом положил в маленький ящичек айву,¹ запечатал его султановой печатью и залер очень крепко, чтоб они угадали. И так, когда настало утро и они пришли к кади, то просил он их сесть с собою обедать. Как только что начали было они есть, то вошел судейский раб по его научению и сказал, что спрашивают его к султану. Кади вскочил поспешно, просил их, чтобы они обедали без него, и, извиняясь, вышел.

Когда он был в другом покое и слушал сквозь замочную щелку, большой брат отломил хлеба и, его отведав, сказал, что он мертвечиною пахнет; потом середний, отрезав баранины и понюхав, говорил, что баранина эта собачиною пахнет. Наконец меньшей, налив стакан домашнего питья и понюхав, молвил, что хозяин дома незаконный сын. Кади, услышав все это, желал тотчас уведомиться обо всем, призвал хлебника и спрашивал его, с которого поля та мука, из коей пекли хлебы, и не было ль на нем какого приключения. Хлебник его уведомил, что некогда на том поле подняли мертвого жида, так же и пастух уведомил его об овце; он пошел к матери и просил ее неотступно, чтоб объявила она ему точное его происхождение. Старуха хотя и долго колебалась в своем рассудке, однако призналась ему, что в молодых своих летах торговала своими прелестями, как и прочие женщины. Ежели бы это был не судья, то бы, конечно, начал жалеть о своей чести, а этот и не подумал; и так, взяв с собою тот ящичек, вошел к гадалеям в комнату и, поставив его на стол, говорил им, что дал ему его султан, не сказав, что в нем положено, и приказал сберечь. Большой брат взял его в руку и, потряс несколько, сказал:

— Что то ни есть в нем, да мохнато.

Потом середний таким же образом потряс и говорил:

— Да несколько и желтовато.

Меньшой, взяв его в руку, сказал так:

— Это айва.

¹ Айва — плод, который растет в Турции, величиною он с лимон и так же желт и несколько мохнат.

Судья думал, что он обедаст с дьяволами или, по крайней мере, с подобными им, гораздо испугался их сведения и не знал, как начать их судить; однако, думая очень долго, нашел он некоторый способ к своему благополучию. Он предпринял рассказать им некоторое приключение, чтоб тем вывесть их пристрастия, и так с позволения их начал он его таким образом:

— Полюбился один прекрасный юноша дочери некоторого знаменитого визиря; она сыскала способ видаться с ним и умпожить любовь свою к нему, также и он почувствовал к ней не меньшую горячность. Года с два ничто не препятствовало их пламени, и они располагали свои удовольствия по своим желаниям. Наконец судьба их переменилась, отец предпринял выдать дочь свою замуж также за знатного человека, каков он был и сам. Любовник был низкого рода и так долженствовал уступить ее тому, кому она отцом будет назначена. Жених был сыскап, и свадьба сыграна. Когда долженствовала невеста итти после венца на постелю, тогда став она перед новобрачным на колени, который уже лежал, просила его, чтобы он сделал с нею снисхождение и отпустил бы ее к любовнику отнести ему в дар девство, что она ему обещала, и притом говорила ему, что ежели не склонится он на ее просьбу, то она лучше прекратит свою жизнь, нежели пожертвует другому. Жених хотя и долго колебался, однако, сжалившись, сделал с нею такое снисхождение и отпустил ее к любовнику, рассуждая, что она навсегда после сего его останется. С превеликою радостью бросилась она к любовнику; но лишь только вышла на улицу в ночное время, то и попалась разбойникам. Атаман немедленно приказал собрать с нее жемчуг и дорогие каменя. Она бросилась на колени и просила его со слезами, чтобы он отпустил ее к любовнику в таком наряде, а после обещалась притти к ним сама и все отдать своими руками, сказала ему и то, что муж ее отпустил. Атаман, удивляясь великодушью ее мужа, отпустил также ее, ничем не оскорбляя. Пришла она к любовнику и говорила ему, что она сохранила свое слово и принесла в дар ему обещанное, рассказала, как склонился на это муж ее и ее отпустил. Обрадованный любовник, услыша столь необыкновенное великодушие, почти задавлен был к нему благодарностью и сказал ей так: «Теперь я имею полную власть над тобою и могу подарить его тем, что уже в моих руках, и так, в знак моей к нему благодарности, отнеси ты ему, что мне обещала». Хотя она его и просила, чтоб он согласился присвоить его себе, однако благодарности его просьбою не убедила и, идучи к своему мужу, зашла по обещанию к разбойникам и хотела отдать им свое имение. Атаман спросил ее, что сделал с нею ее любовник; и как уведомился о его великодушии, то отпустил ее со всем ее имением к мужу, говоря: «Когда есть такие люди, которые не принимают неопытного из благодарности, то я хочу последовать им и так же быть

великодушен». И так повобрачная невеста пришла вся в целости к своему мужу. Какого вы об этом мнения? — спрашивал у них судья.

Большой брат, поморщившись несколько, говорил:

— Тароват ее муж.

Середний также:

— Великодушен любовник.

Меньшой сказал:

— А разбойник глуп, имея множество богатства в руках, потерял все ни для чего.

— Вот, государи мои, тот человек, — указывая на меньшого брата, говорил кади, — который украл у вас наследство.

— Почему же ты узнаешь? — спрашивал он у судьи.

— Потому, — отвечал кади, — что ты превеликий охотник до денег.

— Это правда, братцы, — сказал меньшой брат, — и я желаю разделить его теперь вместе, пойдемте домой.

Таким образом кончил товарищ мой первый вечер.

ГЛАВА 17

ВЕЧЕР 27. СТАВЛЕННИК

У некоторого дворянина в селе отошел священник к братии где лежащим и повсюду православным, а простее умер, остался господин, крестьяне и, словом, все словесные овцы без пастыря. В будни могли они обойтись без попа, а в воскресные дни никоим образом было невозможно, потому что они не знали, в которые дни долженствовали быть праздники. Господин имел у себя дьячка, который очешь скуден был разумом, однакож он умел читать и писать по-деревенски, так думали, что для сельского попа таланта этого и довольно. Помещик написал письмо к близкоживущему от них архиерею, чтоб он, проэкзаменовав его дьячка, посвятил бы в попы; и так отправил с письмом дьячка к оному.

Архиерей, прочитав письмо, хотел исполнить просьбу господина и так желал узнать разум дьячка, к нему присланного.

— Должно, — говорил ему, — увериться мне в том, довольно ли ты читал духовных и светских книг и сколько ты об оных имеешь понятия; выпиши мне вкратце, что говорят в своих сочинениях Лукьян, Федр и Плутарх, — и так отпустил его от себя.

Спустя целые три дни пришел дьячок к архиерею, который спросил его о задаче, приказал читать при всех, кто тут ни был. Дьячок перекрестился и начал:

— Лукьян говорил, чтоб чужие мужики монастырского лесу не рубили, а коли не так, то высекут их плетью; Федр говорит,

что он мясом больше торговать не хочет; а Плут кричит громче всех: «Не шуми, мати зеленая дубрава».

Архиерей, услышав это, ужаснулся и не знал, что и говорить такому великому проповеднику; однако, собравшись с силами, спросил его, откуда он это выписал?

— Это я от них от самих слышал, ваше преосвященство, — отвечал дьячок. — Третьего дня, как я от вас пошел, увидел мужика, сидящего на дереве, который кричал, чтоб не рубили монастырского лесу. Я спросил его имя, и он мне сказал, что зовут его Лукьяном. Прошед еще несколько, встретились со мною два прохожих, из которых один говорил, что он мясом больше торговать не хочет; также спросил я и этого об имени, и он мне сказал, что называют его Федором. Подходя к нашей деревне, увидел я нашего охотника, который, сидя под деревом, пел песню «Не шуми, мати зеленая дубрава»; этого я об имени не спрашивал, для того что я знаю, он изо всей нашей деревни первый плут; и так, пришедши домой, записал я всех их слова, которые и читал теперь перед вашим преподобием.

Архиерей тотчас отгадал весь его разум и сведение и, желал еще уведомиться у его премудрости, говорил ему:

— Слушай! У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Пожалуйте на три дни сроку, — отвечал ставленник, — для того что эта задача весьма трудная.

Архиерей позволил ему три дни о том подумать.

Дьячок, пришедши домой, выгнал жену свою и детей всех воп из избы и, запершись кругом, начал ходить взад и вперед и твердить:

— У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец.

Препроводил в сем упражнении день и на другой твердит все то же. Жена, пришедши к дверям, послушала и узнала еще в первый раз, что муж ее глуп через край, и так начала стучаться. Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на гигантов, тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом.

— Куда ты идешь, — говорил он, — безмозглая тварь, и мешаешь мне думать о таком важном деле?

— Не то ли велико, — спрашивала жена, — что ты твердишь целые уже два дни?

— Да, двуножная скотина, — отвечал муж, — на что ты мешаешься в такую премудрость, к которой природа произвела меня и мне подобных мужей?

— Да, я вижу, — отвечала жена, — что ты со всею своею премудростью не можешь растолковать безделицы.

— Что ж ты называешь безделицею, говори, — закричал дьячок, рассердившись.

— Ты твердишь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, и не знаешь, кто им отец?

— Да, — отвечал дьячок.

— Глупый! глупый! — говорила жена, — да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иван, Алексей; ну, так Василий кузнец им и отец.

Разумный муж усмехнулся и благодарил ее от всего дьячковского сердца, что она растолковала ему столь трудную задачу; и так поутру, не успело еще рассветать, то он и отправился к архиерею в превеликой радости.

Архиерей как скоро его увидел, то и спросил:

— Ну, решил ли ты свою задачу?

— С превеликим успехом, ваше преосвященство, — отвечал он архиерею. — Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Да, — отвечал ему архиерей.

Дьячок ему говорил:

— Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец.

Преострая эта голова сделала то, что архиерей захотел из всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха. Пересмеявшись, спросили у него, в каком он летописце сыскал такую правильную родословную.

— Жена моя мне сказывала, — отвечал он, — а она действительно знает этого кузнеца и всех его домашних.

Потом спрашивал архиерей у стоящего тут священника, как должно поступить в таком случае, ежели упадет в дары муха?

Священник говорил:

— Сложив два перста, изъяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

— Ну, а у тебя ежели случится, что упадет бык в святую воду, — спрашивал архиерей у ставленника, — как ты с ним поступишь?

— Сложив два перста, — отвечал дьячок, — изъяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

Архиерей сказал ему на это, что он опасен будет для общества, ежели станет глотать по целому быку в один раз.

— Нет, друг мой, — примолвил он, — ты имеешь весьма высокое понятие, и так советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом, паша ты лучше землю днем, а ночью примечай движение планет, авось-либо какой-нибудь басенный бог вместит тебя в небо и сделает новое созвездие под именем дурака.

И так не велел ему быть и дьячком, не только попом.

Конец второго вечера сказок моего товарища.

ГЛАВА 18

ВЕЧЕР 28. СКУПОЙ И ВОР

Встарину гораздо было больше скупых, нежели мотов; а ныне их умалилось, потому что других умножилось. Недалеко от Москвы в богатом селе жил один помещик, который слишком не тороват был выдавать свои деньги и больше был охотник собирать, нежели расход делать. Он имел сына, не весьма старого летами, которому в отцовском имении превеликая была нужда; однако находилось оно в таком месте, из которого невозможность не позволяла вынять ни одной копейки, а именно: спрятано оно было в каменной и крепкой кладовой палате, хотя правда, что палата эта стояла наружи, но деньги были внутри, которые производили великую охоту в сыне к расхищению, а он уже и имел к тому хороший способ, ибо был он влюблен в такую особу, которая бы не замешкалась полюбить его и сама, ежели бы достал он отцовские пожитки.

Человек заботливый никогда не имеет покоя и всегда думает о произведении намерения своего в действо. Молодой господин твердо предприял убавить у родителя своего пожитку, и так сказал он это своему слуге и дал ему полную власть над своим отцом, а отвечать за него вознамерился сам. Слуга этот был весьма способен исполнять такие приказания и хотя назывался человек господский, однако в самой вещи был преестественный плут. Он очень скоро рассудил, что надобно ему делать, предприял убить старого боярина, чтоб тем скорее получил сын его наследство, однако спина растолковала ему, что она на это не согласна, и так предприятие это брошено; однако, немного замешкавшись, выдумано другое, разумная его голова определила так, чтоб сделать под денежную крепость подкоп и таким образом приступить к осаде. Инструменты и начало действия последовали немедленно; он начал рыть землю в близко стоящей бане и тем доходить до своего предприятия.

В третий день, когда он трудился по обыкновению, таская ночью землю в реку, и когда отнес он ношу и пришел в свою яму, которая была в передбаннике, услышал в бане маленький шум, так, как бы шептал Купидон с Венерою, руки его опустились, и голова наполнилась страхом; он не подумал, что зашли в баню любовники, а представлялось ему, что присутствуют тут домовые, которые ворам хотя и великие приятели, однако прежде, нежели они с ними познакомятся, то трусят их так, как и честные люди.

Чтоб избежать такой беседы, полез он из ямы и хотел уйти домой; однако трусость обрушила его сверху вниз, он полетел обратно и закричал столь громко, что сидевшие двое в бане испужались и предприяли спастись бегом. Как только выскочили

они из бани, то врютились оба в открытую яму. Все равно ушиблись, все равно испужались, и для того все равно и кричали. Слуга полегче был тех двух на ногу, и для того выскочил из ямы попроворнее, и прибежал без памяти домой, где, однако, боялся сказать о приключении, и так, побеспокоившись маленько, уснул. Поутру, когда не нашли старого господина во всем доме, то он отгадал прежде всех, что его благородие изволил вчера упасть в яму и отдавить усердному слуге голову. Он нашел его прежде и так, с помощью других, вытащил бесчувственного из ада в Зевесово владение. Домашние все радовались, что обрели своего господина, только сын его в это время находился задумчив и пенял иногда своему слуге, для чего он не придавил его в той яме, в которую старик ввалился весьма беззаконно; они знали, что этот седой и беззубый купидон входил в баню для амуру, но только того не ведали, какого сорта была его Лукреция и кто она такова.

От любви, от страха и от падения в яму пожилой старичок, к слезам домашних и к радости сыновней, отчаянно занемог. Сын к услугам больного определил сего слугу, который усердно наблюдал должность лекаря; и ежели б изготовлена была духовная, то уж бы давно началась по больному вечная память, однако он и сам ускорил свою кончиною. Сколько ни болен был, однако не поручал никому ключей, ни печати от кладовой, и для того, когда хотел спать, то ключи привязывал к шее, а печать клал в рот. Уснул он, к несчастью своему, очень сладко, лежавши навзничь и разинув рот. Слуга, прибравши к тому удобный инструмент, хотел потихоньку вынуть из-за щеки печать, задел ее и потащил; но она сорвалась и упала старику в самое горло. Все в один миг сделалось, больной захлебнулся, подавился и умер. Усердный слуга бросился тотчас к своему господину и объявил ему о родительской кончине. Сын бросился тотчас к телу своего отца, а другие сказывают, к привязанным к шее его ключам, которые тотчас отвязал и пошел туда, где находились деньги, взял их столько, сколько ему было надобно, чтоб уведомить любовницу о кончине своего родителя. В одну минуту отправился он к ней, а слуге приказал иметь попечение о приуготовлении к похоронам.

В один день все было изготовлено, покойник лежал в гробе, и подле его сидели попы на стульях, и, конечно, бы начался вынос, ежели бы был тут сын, к которому хотя и много раз посылали, однако он с места не трогался, потому что распорядил там свою свадьбу, и любовь его долго боролась с благопристойностью; однако наконец, больше послушавшись своей любовницы, нежели желая проститься с отцом, приехал и похоронил покойника весьма великолепно, которое великолепие сделано было больше для славы сыновней, нежели для достоинства отцов-

ского. Мертвые, как бы знатны ни были, однако не требуют уже излишнего почтения.

Печальный сын не думал ни о чем больше, как о свадьбе. В тот же день началось в доме приуготовление прямо по-деревенски, для того что, живучи в городе, конечно бы он усовестился и не так бы скоро приступил к свадьбе, но в деревне никто не примечает господских поступок; и так разума он не послушался, которого было у него весьма без излишку. К вечеру невеста с женихом условились, а на другой день к обеду и обвенчались. Свадьба была веселее, чем похороны; ибо тут истрачено больше денег, нежели тамо. Новобрачный не жалел отцовских денег и тратил их столь прилежно, сколь прилежно отец его их сохранял. Винное празднество наконец успокоило гостей и домашних, все легли спать в разных местах и разными манерами; иные подражали молодым, а другие спали и без того спокойно. Словом, весь дом находился в великой тишине, и больше никто не присутствовал тут, как Сомн и Морфей.

В середине ночи проснулся один слуга, или, может, он и не спал, предприняв такое благое намерение, конечно, сон не пойдет уже на ум; он определил еще с вечера потревожить несколько покойника и обобрать с него платье; ибо он думал, что на тот свет и без кафтана появиться можно. И так отправился к могиле, пришед туда, хотя и не без труда, однако разрыл ее и вытащил покойника, хотя не на белый, однако на этот свет, обобрал его и хотел бросить опять в могилу; однако воровское человеколюбие не допустило его до сего намерения. Он, поставив тело подле могилы, толкнул его в затылок столь исправно, что отшиб печать, которою покойник подавился. Мертвец изо всей силы закричал: «Ох!», у вора подкосились ноги, и упали они оба в могилу, где лежали очень долго без памяти. Наконец покойник образумился прежде живого и потом вздумал о своей кладовой, вылез весьма поспешно из ямы и побежал домой. Прибежавши к дверям своей поклажи, нашел их запертыми и без печати, бросился искать своего сына, чтоб взять у него ключи; и когда вбежал он в спальню, то молодая в то время не спала. Увидев мертвеца, испугалась она столько довольно, что сошла с ума и отправилась на тот свет. Старик, подбежавши к сыну, начал его дергать весьма непоэтично. Молодой князь, растворив глаза и увидя мертвого перед собой отца, вскочил и наполнил весь дом отчаянным криком, бегал везде и призывал всех себе на помощь, старик за ним гонялся, пьяные гости пробужались со страхом и бежали все из деревни таким образом, как и крестьяне. В то время тут находился армейский офицер, который не совсем еще проснулся и для того не испугался столько, как другие, бросился в ту горницу, где находились ружья, подхватя одно, зарядил его пулею и дробью, и когда бежали живой сын с мертвым отцом по двору мимо окна,

то он выстрелил и для прекращения всего страха застрелил их обоих. Правда, что похоронить их сыскалось довольно людей, но только сожалеть было некому.

В сем доме страху больше было, нежели при разорении города Трои. Троянцы побеждены в городе, а тут все крестьяне бегали дни с четыре по лесам, и некоторые из них хотели сделаться от страху пустынноиками. Сыновний слуга, сожалея очень много о своем господине, предприял было умереть поутру; однако к вечеру раздумал, сказывают, для того, что после покойников наследил имение человек весьма тароватый, который имел модный разум и щегольское рассуждение.

Таким образом окончал товарищ мой третий вечер.

ГЛАВА 19

ВЕЧЕР 29. ВЕЛИКОДУШНЫЙ РОГОНОСЕЦ

Хотя многие сомневаются, что будто подьячие не тем богом произведены на свет, которым и все люди; однако сомнение их почитаю я весьма язвительною насмешкою и утверждаю, как это и все знают, что они происходят так же, как и мы, от первородного Адама, потому что ныне видим мы из них очень много честных людей; а что исполняется над ними пословица: «в семье не без урода», то этому все не виноваты. И так вздумалось мне теперь, оставив честных людей в покое, поговорить об одном приказном слугителе, который с тех пор, как запретили брать взятки, начал раздавать деньги свои в проценты, то есть торговать тем, на что никогда цены не прибавляется.

Во всяком городе бывает по несколько мотов, а в столичных бывает их иногда и слишком. Из этого числа тароватых граждан занял некто у приказного слугителя триста червонных; куда он их употребил, об этом я не знаю. Сказывают некоторые, что поставлены они на верную карту; однако мне до этого дела нет, а нужда в том, что должен он заплатить, ежели не хочет познаться с тюрьмою. Дело обошлось без суда, и заемщик промыслил деньги и послал их с слугою в тот приказ, в котором заседал его заимодавец. Слуга, выступя на вольный свет, начал разжигаться духом, смотря на светлую монету. А как дьявол никогда не дремлет и мешается во всякие дела, чтоб погубить человека, присоседелся к нему и начал склонять его не к хорошему, а к дурному. Слуга знал твердо сию пословицу: «деньги долбят и камень», и так предприял за них полюбить на время какую-нибудь госпожу; а как это произвести в действо, то дьявол предлагал ему многие способы и не отставал от него до окончания дела.

Денежный любовник, наименовав себя Селадоном, предпринял несколько возгордиться против нежного женского пола по примеру петиметров, чтоб тем удобнее исполнить свое намерение, пошел искать хорошей улицы и также изрядного двора, в котором вознамерился опорожнить карманы. Очень не трудно было найти ему хороший дом и также прекрасную хозяйку. Пришедши к воротам, с позволения дьявола начал он стучаться. Вышла девушка, которые иногда занимают должность Меркурия, и спрашивала у него, кого ему надобно?

— Есть ли у вас госпожа? — спрашивал новомодный волокита с гордым видом, будто бы он презирал служанку. Девушке показался вопрос этот весьма нехорошим; это она изъявляла наружным видом, а внутренно, может быть, и радовалась.

— Я хочу ее полюбить, — продолжал бодрящийся щеголь, — и после за любовь ее подарить ей триста червонных; я всегда так делаю, да и ты также должна будешь ожидать моей благосклонности.

Девушка несколько застыдилась и, не отвечая ему ничего, хлопнула воротами и побежала в горницу. Хозяйка спросила ее, кто там стучался? На что без великой трусости не могла она ответить и произвела в госпоже тем великое любопытство, которая принудила девушку, чтобы она сказала, кто там стучался и чего он спрашивал. Уведомившись обо всем, молодая госпожа усмеялась и приказала привести его к себе, чтоб над ним посмеяться. Не надобно было его догонять, для того что он не пошел без ответа от ворот. Ввели в горницу, и госпожа спрашивала его о намерении, которое он выговорил весьма ясными словами и без всякой застенчивости; и когда начался у госпожи со слугою приятельский и знакомый разговор, то девки тотчас приметили свою ошибку в том, что им не должно было тут присутствовать, и так одна за одною и все выбрались вон. Триста червонных лежали уже на столе, и госпожа с слугою познакомились, все было сделано в одну минуту, и хозяйка приказала сказать своему мужу, когда он придет, что она больна и чтобы он ее не беспокоил. Это и правда, муж разумел политику и был весьма учтивый человек в рассуждении жены, то есть боялся ее потревожить целые два дни. На третий день выпросил у нее позволение поговорить с нею; она приказала стоять ему в другой комнате и проиграть что-нибудь плачевное на скрипиче. Несчастный муж, настроив несчастный инструмент, заиграл самое лучшее соло, думая, что увеселяет тем свою супругу; однако он обманулся, она во время его игры ощущала лучшее увеселение; и когда сказала ему супругу, что довольно она увеселилась, тогда музыкант поехал, куда ему было надобно.

Этот день был расставания наших любовников; и ежели бы в то время был я с ними, то бы, конечно, не преминул сделать

элегию; однако они расстались прозою без всякого стихотворства. Наставшее утро называлось воскресеньем, слуга по очищении пошел в соборную церковь к обедне умолять о своем грехе и просить не так жестокого наказания, которое изготавлял ему гнев господский. Пришедши в церкву, стал он промежду крылосов и начал прежде всех молиться с теплым и усердным прилежанием, даже до лица земного. Страх и спина, предвестница плетей и великого истязания, проливали из глаз его горячие слезы, так что все люди пришли о нем в сожаление; после сих слез начинал он, закрывшись шляпою, смеяться и после опять плакать, так что всю обедню пребывал в сем упражнении; и сколько отчаянно плакал, столько или больше еще временем смеялся. Такое чудо привело многих к любопытству, из которых один по окончании обедни приказал своему слуге, чтобы он подвел молельщика к нему; и когда он подошел, то спрашивал у него господин причину такой чрезвычайности. Отчаянный слуга уведомил его обо всем и прибавил еще к тому:

— Я не могу удержаться от слез, когда вспомню о моей вине, и также от смеху в то время, когда приходит мне на память музыкант, который играл во время моего пирования.

Спрашиватель изумился, как будто бы к нему это принадлежало, и не мог ему отвечать ничего больше, как только, чтобы он стал назад его кареты и поехал к нему домой. Очень скоро приехали они к воротам, у любовника несколько позатряслись ноги, задрожало сердце, и показался холодный пот на теле; он, нимало не мешкая, узнал, что это тот дом, в котором он упражнялся в любовных церемониях. Въехавши на двор и ко крыльцу, господин, вышедши из кареты, взял привезенного гостя за руку и повел в покой, где сказал ему, чтобы он ничего не опасался, приказал жене своей поцеловать его и принять, как надобного гостя. Покамест собирали на стол, хозяин повел его по покоям, желая показать ему оные.

— Теперь ты легко можешь, — говорил хозяин, — узнать того музыканта, который, по несчастью своему, забавлял вас, веселых.

Потом пошли они к столу, за которым обедали трое, обиженный господин, трепещущая любовница и довольный своим состоянием слуга. После продолжительного стола хозяин велел, чтоб принесли червонцы, которые были нимало не попорчены, хозяин просил у гостя, чтобы он пожаловал двадцать пять копеек музыканту, также и наемной красавице обыкновенную цену, а остальные двести девяносто девять червонцев с мелкими приказал положить любовнику в карман и после подал вексель, чтобы он отнес господину своему.

— Скажи ему, — говорил он, — что деньги я получил и посылаю к нему вексель, а деньги ты возьми себе; и вот тебе еще

письмо, — которое он написал весьма поспешно, — я в нем просил его, что удержал тебя за мою нуждою. Впрочем же, должен ты помнить мое благодеяние, которое я тебе теперь сделал, и в благодарность от тебя ничего больше не желаю, как только чтобы ты никому не сказывал об этом приключении, или, лучше, о моем несчастьи; я знаю, что ты в том не виноват, а виновен случай и верная моя супруга. Поди теперь домой и ничего не опасайся.

Обрадованный слуга, вышед на улицу, не знал, как освободиться от удивления. Он не знал приказного служителя, к которому был послан, и также не ведал, где он и живет; и так нечаянный этот случай великое произвел в нем размышление и наконец неописанную радость. Он прыгал, идучи по улице, воображал, что избавился от беды, в которую ввалился самопроизвольно, достал через любовь счастье, кушал с господами, полны карманы денег; словом, радовался столько, что еще ни один человек не ощущал такой радости. Пришедши к господину, не был не только бит, но ниже бранен, встретилось с ним счастье и не отставало до конца его жизни, причем не позабыл он также поблагодарить дьявола.

В этот вечер другой он не начинал, но в следующий.

ГЛАВА 20

ВЕЧЕР 30. ДЬЯВОЛ И ОТЧАЯННЫЙ ЛЮБОВНИК

В древние времена дьяволы гораздо были посмелее, нежели ныне; они в ту пору не только в домах, но и на улицах делали великие проказы, а ныне гораздо они присмирели, может быть для того, что умножилось у нас слишком забияк, которые кажутся иногда страшнее самого чорта. Некогда в вечернее время после самого прекрасного дня прохаживался по улице один весьма забавный дьявол и вдруг услышал, что хлопнуло очень громко, так что раздалось по всей улице, он поспешал к тому месту, где родился тот удар без молнии и без грома, нагнал он человека, который шел весьма тихими шагами и придерживал правую рукою левую щеку и казался весьма в великой досаде. Дьявол, приняв на себя вид человека, спрашивал его учтивым образом о причине его размышления.

— Я очень несчастлив, — говорил он со слезами дьяволу, — ежели ты шел за нами, — продолжал он, — то, конечно, слышал, как в просторном воздухе разлилось громкое эхо; это любовница моя в знак своего снисхождения со всего размаху пожаловала мне пощечину, от которой у меня посыпались из глаз искры, щека моя и лайковая ее перчатка весьма стукнули громко.

— Это правда, — говорил ему дьявол, — что пощечина не так вкусна, как мироболанская слива; да что тому причиною? и для чего это сделано?

— Ежели ты хочешь, — отвечал он ему, — то я тебе расскажу все мои приключения. Я родился в Астрахани, отец мой был винный компанейщик, которому весьма задалось таким ремеслом накопить денег, только с некоторою обидою другим, чего, однако, никто не примечал, или боялись ему выговаривать. Он имел в двух городах по тридцати домов, также по столько или слишком лавок. Когда я начал приходить в возраст, то он, любя меня, много давал мне волю во всем, даже и в самом себе, что я ни делал, меня за то не наказывали, и так такое воспитание сделало во мне антипатию как к моему отцу, так к винной компании и наконец ко всему купечеству, а произвело великую охоту гонять голубей. Тотчас построили мне будку и начали закупать голубей сотнями, а не десятками. Некогда упражнялся я на будке в сем благородном поведении, то вошел ко мне и мой родитель; он взогнал больше голубей, нежели я хотел, и тем меня рассердил несколько, и к пущему еще моему гневу многих растерял, я его столкнул с будки и тем отправил на тот свет. Свидетелей не было, а сам сделаться виноватым я не хотел, и так дело прошло без всякой с судом размолвки, и еще больше, без моего сожаления. По кончине моего родителя не прилепился я к купечеству, хоть многие меня к тому и принуждали, а прилепился к хорошим винам и начал уже гонять с двора деньги вместо голубей. Веселое время произвело мне многих знакомцев, между которыми был один дворянин. Он мне сделался другом и предпринял быть участником моего счастья, предложил, что надобно мне ехать в Москву и искать там благородной должности. Я последовал столько мудрому совету, и так, забравши с собой довольно денег, приехали мы с ним туда, нанял я хороший дом, и накупил карет, и, словом, сделался каким-нибудь господином.

«Живучи здесь с месяц, не более, попалася глазам моим эта прекрасная особа, которая наградила меня теперь оплеушиною; я начал приносить ей денежную жертву и возжигать золотой фимиам перед ее глазами; она, принимая все сие благосклонно, позволяла мне перед собою вздыхать, а больше ничего. Приятель мой был в этом деле переносчиком любовных сказок и амурных происхождений; он всякий день меня обнадеживал, а я старался усерднее перевозить к ней мое имение. Два года находился я в сем упражнении, и наконец теперь уже нечего и нести, а не только везти. Искренний мой друг теперь меня оставил и приказал, чтоб не пускали меня к нему и в дом. Он сделался теперь богат и ездит в моих каретах, а я хожу пешком. Сего дня ввечеру, чтоб разогнать мою печаль, пошел я несколько прогуляться. Идучи по этой улице, увидел, что любовница моя с моим приятелем также

прогуливаются, я по обыкновению, как и всегда делал, подбежал к ней поцеловаться, но только что протянул губы, то она вместо поцелуя наградила меня пощечиною, от которой еще и теперь рдеется несчастная щека моя, а приятель мой после того примолвил своим слугам, чтоб они меня несколько поотвели, которые проводили меня сажени с две один ладонью, а другой кулаком, или, может быть, и двумя, этого я не понял, только чувствовал, что они уговаривали меня очень плотно в затылок. Вот о чем я теперь грущу», — примолвил он дьяволу.

— Справедливо, — говорил ему другой, — что ты должен теперь печалиться, и достоин еще сожаления; я хотя не человек и не имею плоти, также и сожаления, однако соглашусь тебе помочь.

— Как, ты дьявол? — спрашивал у него любовник.

— Да, дьявол, да еще и самый забавный, меня все адские жители любят, а люди ненавидят; я хочу тебе помочь в твоей печали, ступай за мною.

Отчаянный человек не только от людей, но и от самого сатаны готов принимать вспоможение, а особливо в любовных делах, в которых, говорит простой народ, всегда должно призывать в помощники дьявола, а ни кого другого, и так последовал он дьяволу. Пришедши к дому любовницы, бес отнял у него образ человека и обратил его мухою, и так влетели они оба в ее спальню. Она сидела на кровати, а любовник ее новый и друг старого подле нее на стуле. Они разговаривали очень ласково, и наконец, как дошло дело до осязания, то вскочил он и сел подле нее на постелю, начал обнимать ее и целовать в груди, чему она нимало не противилась. Женщина, когда одна где-нибудь с мужчиною, то всегда забывает сопротивление и делается бессильнее Сильфы. Распаленный кровью любовник с превеликою любовною жадностью хотел поцеловать ее в горячие уста; но лишь только что протянул он свои губы, то стоящий между ними дьявол, натянув большой свой палец, щелкнул его по носу столь исправно, что красавица закричала, а он вскочил с постели и возопил совсем не любовничьим голосом, вынул платок и начал отирать катящиеся неволею из глаз слезы; а как не знали они оба, как растолковать это приключение, то вскоре оба и замолчали. Правая ноздря у любовника гораздо разгоралась, и так, чтоб не простудить ее, приказали подать чаю. В одну минуту принесли жаровню и в медном сосуде кипяток. Красавица старалась, чтоб чем-нибудь исцелить своего прелестника, подала ему чашку очень горячего чаю, и как только хотел он из нее прихлебнуть, то дьявол ткнул его в затылок, и он окунул свой нос, бросил на пол чашку и побежал к зеркалу. Любовница захохотала и тем рассердила своего Адонида; однако в таком сердце, которое любовью заражено, досада бывает недолго; они скоро помирились, прежде всего начали стараться о обожжен-

ном носе. Любовница обернула его маленьким полотном и завязала ленточкой, взявши ножницы, хотела поближе отрезать ленту, но вместо того выколола ему глаз, ибо дьявол подтолкнул ее под локоть. Тут-то овладела досада нашим Селадонем, и он, не принимая от нее никакого оправдания, уехал домой. Красавица осталась в отчаянии и не знала, что о том подумать. Домашние все не меньше ее сомневались; однако сколько ни думали, только наконец уснули; ибо была уже это глубокая ночь. Дьявол и отчаянный любовник выбрались на улицу и сделались оба человеками, прямой человек захотел во всю мочь и благодарил почти со слезами от смеха дьявола.

— Пойдем же теперь к нему домой, — говорил ему бес, — я там покажу тебе больше над ним шутки.

Хотя любовник и уговаривал его, что «этого для меня довольно», однако дьявол не соглашался оставить свое предприятие, и так отправились они в дом к кривому Селадону.

Когда они пришли туда и, обратившись опять в малые твари, стали невидимы, то дьявол, вмешавшись между больным и лекарем, который тут уже находился, и не давал ему нимало пользоваться больным, смешивал пластыри с мазями, стирал ненадобное с надобным; и, словом, делал ему всякие пакости, чего лекарь испужавшись ушел и оставил больного. После того принялся его лечить дьявол и не столько пользовал, сколько беспокоил. Больной поднял великий шум и кричал, как бешеный, дьявол его беспокоил, а он больше сердился. Слуги, видя, что господин их рехнулся умом, предпрятали помочь ему и так принесли веревку и ею его спутали, от чего пришел он в несказанную запальчивость. Слуги побежали за родню; и когда они собрались, то знающие свет женщины приказали сбежать за попом. Священник, пришедши, начал читать над ним обыкновенные молитвы, дьявол сделал его вподлинну сумасшедшим и дни не более как в три отправил на тот свет. Живность его погасла, и любовь с нею потухла. Приятель в дьяволе возымел в сем случае надежду и просил беса, чтобы он пособил ему получить любовницу. Бес к его услугам, и началось предприятие. Дьявол говорил ему:

— Надобно мне сыграть и с нею комедию, без которой обойтись способов я не вижу.

Потом дьявол понес его в волшебный остров, там силою волшебницы дал ему образ прекраснее Адонидова и наполнил его всякими нежностями.

Потом, когда настала ночь, то велел ему лечь на волшебницыну постелю и принес сонную его любовницу, которая, проснувшись, увидела себя совсем в незнакомом и великолепном месте, чему весьма удивилась; но удивление ее умножилось, когда увидела она спящего подле себя мужчину. Прелести его лица отогнали весь ее страх, с которым было она несколько познакомилась;

вставши с постели, начала его рассматривать, и недолго надобно было времени, чтобы влюбилась в него смертельно. Сонный кавалер встал, только не в трезвом уме, ибо дьявол сделал его лунатиком, взял в руку висящую на стене шпагу, зачал говорить некоторые сумасбродные слова и гоняться за своею любовницей, которая от страха не знала, куда спрятаться, кричать ей было невозможно, потому что не знала она, где находится; и так всю ночь была в таком превеликом страхе. Наконец рыцарь лег, и ее склонил сон, проснувшись, увидела она себя опять в своей горнице. Сердце ее билось еще от страха; однако и любовь не меньше господствовала в оном, и так положила молчать и не сказывать никому, чего она сама не понимала.

В наступившую ночь боялась лечь одна и велела окружить себя своим служанкам. Дьявол тем не был еще доволен и перенес всех их к спящему Селадону, который тотчас встал опять и, взявши плеть, начал весьма усердно охлестывать спящих на полу девок, которые хотя и не хотели, однако вскочили. Крик и вопль поднялся тотчас; и ежели бы не было тут темно, то бы довольно было идеи лучшему живописцу для картины. Девушки бегали, прыгали и, словом, танцевали так, как искусный мастер, страх, научает. К свету все угомонились и заснули. Проснувшись, осмотрелись и увидели себя в своей горнице; они бы, конечно, подумали, что все то виделось им во сне, но спины уверяли их, что то случилось наяву. В сем доме не меньше было дурных переговоров, как в таком, где водятся домовые. Народ приходил отовсюду и подавал свои совсты во время дня хозяйке, а к ночи всякий уходил домой, для того что сказывают, будто чорт красно-речия не любит и прежде всех нападает на тех, которые стараются его искоренить. Дьявол намерен был еще много понаделать; однако утомленный любовник просил его окончать свое предприятие. Они сочетались браком, жили хорошо, и сказывают, что уже скончались.

Все примолвили к этому слову: «Благополучна им дорога на тот свет», и пошли опочивать, также и я отправился на свою постелю, да думаю, и сочинитель в этой части писать больше ничего не будет. Все тут.

ВЕЧЕР 98. ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ

Крестьянин, пахарь, земледелец, все сии три названия по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают главного отечеству питателя во время мирное, а в военное крепкого защитника, и утверждают, что государство без земледельца обойтись, так, как человек без головы жить, не может:

но ложь ли, правда ли, рассуждать нам о том недосуг; да сверх того к сказкам такие глубокие задачи и не принадлежат. Мы скажем, что витязь повести сей крестьянин Сысой Фофанов сын Дурносопов родился в деревне, отдаленной от города, воспитан хлебом и водою, быв повит прежде пеленками, которые тонкостью и мягкостью своею немного уступали цыновке, лежал на локте вместо колыбели в избе, летом жаркой, а зимой дымной, до десятилетнего возраста своего ходил босиком и без кафтана, претерпевал равномерно летом несносный жар, а зимой нестерпимую стужу; слепни, комары, пчелы и осы вместо городского жиру во времена жаркие наполняли тело его опухолью. До двадцати пяти лет, в лучшем уже убранстве против прежнего, то есть в лаптях и в сером кафтане, ворочал он на полях землю глыбами и в поте лица своего употреблял первобытную ж свою пищу, то есть хлеб и воду, со удовольствием. Имел намерение жениться, для чего и сватался на многих соседственных девах; но ни одной за него не отдавали по причине той, что был он крайне незавиден, мало предприимчив, а простее сказать — простофиля.

Зависть и ненависть те ж самые и между крестьянами, какие бывают между гражданами; но как крестьяне чистосердечнее городских жителей, то сии пороки скорее в них приметны бывают, нежели в тонких политиках, обитающих при дворе и в городе. Такие сельские жители называются съедугами; имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им взаимы деньги, а потому запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ими богатый: для того что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда севом своим опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечего, а затем и остаются в вечном долгу у съедуги, который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит.

Сии съедуги за недостатком многого по сельскому быту у Сысой Дурносопова удумали отдать его за вотчину в солдаты, привезли в город, где Сысой в первый еще раз увидел прямые улицы, регулярное строение и политичных людей разного покроя и разных цветов во одеянии. Но он рассматривал их недолго, для того что в скором времени представили его к рекрутскому приему. Примеря, сказали: «Мал ростом»; а лекарь закричал: «Тонки ноги», и так из приемной выслали, не выбрив, однако, затылка, для особого предуведомления отдатчиков, которые то удобно понимать могли: ибо не в первый уже раз таковое приключение с ними учинилось. Поутру поранеe вчерашнего представлен был опять Сысой Дурносопов в приемную комнату; на темя его положено было несколько утомонной монеты; а сколько именно, достоверно

не знаю; к обеим же ногам привязано было по ассигнации, чем Сысой пришел в указную меру и за одну ночь икры потолстели; vybrили лоб, и Дурносопов признан за исправного рекрута, и сие действие происходило в бывших провинциальных канцеляриях. Приемщик не соглашался принимать при рекруте ничего натурою, а за платье и провиант требовал деньгами; против чего спорить было невозможно, и так учинен во всем расчет, и дело кончено.

Армия наша находилась тогда за границею, куда Сысой с прочими препровожден был мирским подаванием, не получая ни одежды, ни провианта от командующего офицера, которого они и в глаза не видали во всю дорогу, а догнал он их не доезжая до армии верст со сто или еще того меньше; из пятисот дошло до армии не с большим пятьдесят, а прочие разбежались и померли. Командующий офицер подал рапорт, что за малоимением команды рекруты в разные времена бежали; его отдали под суд, а рекрут причислили к команде, лишенных всего, им принадлежащего: ибо у командовавшего ими офицера при арестовании его ничего не отыскано, а слух носился, что он припрятал его подале, на случай строгой резолюции в суде.

Сысой, обучившись артикулу, был на трех приступах изрядным солдатом, с похвалою от командующих; но на последнем из тех сражений потерял правую руку, так что действовать оною нисколько не мог; для чего в скором времени получил чистую отставку и уволен на прежнее жилище, куда он скоро и отправился, положи свое движимое имение в котомку и повеся оную за плеча. Думают многие и утверждают справедливо, что сия котомка в пути его не обременяла: понеже находилась в ней рубашка, галстук и десять копеек денег медною монетою, из которых тратил он на столовые припасы.

Путешествие его из армии на место рождения не столь было славно и достопамятно, как путешествие Бовы королевича из царства Додона Додоновича во владение Кирбита Верзоуловича, родителя Милокрасы Кирбитовны, или славного рыцаря Петра Златых ключей во владение прекрасной королевы Магилены Неаполитанской, следовательно, такого прилежного описания и не требует, а довольно сказать и того, что он достиг одного подаванием добродетельных дателей.

При рассветании зимнего дня в день рождества Христова, во время заутреннего пения, пришел он к своему приходу и наряду с прочими вошел в церкву помолиться, где уповал увидеть отца своего и мать; но как оных не было тогда в церкви, то на вопрос его ответствовали ему родственники его, что они к вечеру обоих их видели, а для чего их в такой великий праздник нет у заутрени, того они не ведают.

По окончании пения Сысой и многие из его родственников пошли в дом его отца и, стучавшись под окнами и в ворота,

не могли никого вызвать, кто бы им отпер, пошли к старосте; пригласив его и других крестьян попочтнее, разломали ворота и, вошед на двор с зажженною лучиною, увидели следующее по порядку. Перед крыльцом висел баран, до половины освежеванный, подле которого на перилах у спуска крылечного лежал окровавленный нож; посередине двора висел в петле, прицепленной к перекладу, удушенный хозяин; изба была отворена, в которой по полу разбросаны были дрова, немного обгорелые; посередине полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топором, который и лежал подле ее окровавленный; за запавскою в повешенной колыбели лежала зарезанная по горлу девочка месяцев трех, спеленанная, а подле ее окровавленный нож; в печи нашли мальчика лет четырех мертвого, у коего волосы на голове все согтели и местами от жару истрескалось тело; в переднем углу на лавке лежала хорошая одежда хозяинова, а на столе праздничная хозяйкина, принесенные из клетки, как то обыкновенно у крестьян бывает.

Рассмотрев все сие, отставной солдат заплакал, чему последовали и некоторые из его родственниц; да инако и быть невозможно, увидев перед собой отца, мать, брата и сестру вдруг мертвыми; всякий сельский житель придет в сожаление и начнет вопить по деревенскому обряду и названию. Стон, происшедший от вопиющих в избе, немедленно собрал всю деревню. Старые и малые сожалели, а ребята малые ужасались, словом, все были заняты таковым удивительным приключением.

Случай, не токмо деревенским, но многим и городским жителям непонятный, начали крестьяне и крестьянки толковать различным образом, сельским умом и деревенскими рассуждениями, без правил, науками установленных: один говорил, что сделали те разбойники, но платья унести не успели; другой основательнее рассуждал, что рассердился домовый и так поступил с ними, как должно неприязненной силе, и прочая; старухи верили больше последнему, творили молитву и спрашивали у стариков, не грех ли к убитым прикасаться? А поразумнее головы, призвав дьячка и сотского, написали рапорт со всеми найденными обстоятельствами и послали в город.

В рассуждении столь великого праздника все судьи и секретари из города были в отсутствии и находились по деревням окольных дворян; а дневальные приказные служители от принятия того рапорта отозвались. Таким образом, чрез шесть недель принят был сей рапорт в учрежденном на то суде, и дана резолюция ехать одному из чинов и осмотреть на месте; но как тела убитых были уже похоронены, то посланный для осмотра член рапорта таким образом: по осмотру его и по обыску оказалось, что крестьянин, напившись в праздник пьян, порубил свою семью и сам, упав с крыльца, ушибся; а подавая сей рапорт, примолвил:

крестьяне-де государственные, то вдаль следствие быть не может. Почему данною резолюциею и велено с прописанием того рапорта отапортовать верхнему присутственному месту, а дело, исключая из реестра нерешенных дел, числить решенным к отдаче в архив.

Таким манером удивительное сие в природе приключение в присутственном месте вовсе кончено на общем основании о делах затруднительных, требующих судейского ума и проникания, но непросвещение и недосуги судейские без исследования погребают во тьме неведения и важнейшие сего.

Но когда дошел о том слух до людей ученых того времени, то они, уважив таковой непроницаемый случай, решились его исследовать, сколько возможность им дозволить могла, и по довольном изыскании гадательно заключили так. Четырехлетний младенец, находясь в крепком сне и встревожен будучи сонным привидением, встал со своего места, взял нож, с которым нередко у баловниц-матерей и отцов ребята, играя ими, засыпают, и согласно с сонным привидением зарезал младенца, свою сестру, в колыбели, а опомнившись и узнав, что сделал он худо, спрятался в печь. Хозяин и хозяйка, проснувшись ранее обыкновенного для праздника, чтобы, заранее убравшись в доме, поспеть им в церкву, заготовили, во-первых, праздничное свое платье, потом хозяин пошел свежевать барана, а хозяйка принялась топить печь, не осмотрев своих детей, потому что спят они, как она думала и слышала, спокойно; поклав дрова, затопила. Несмысленный мальчик не смел в печи поворохнуться от страха; но как огонь уже усилился, дрова сухие обыкновенно вдруг занялися и жар несносный до него коснулся, тогда он закричал; хозяйка, бросясь к постеле, его не увидела, то и уразумела, что он в печи; закричала мужу, а сама начала хватать дрова из печи и метать их по полу; мальчик тем временем задохнулся, а крестьянин вбежал в избу с обыкновенным и всегдашним своим оружием, то есть топором, который он заготовил, может быть, к разъятию барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла в печи сына, будучи в торопливости и страхе, а оттого и в запальчивости, ударил безрассудно и неосторожно жену свою в голову, от чего и лишилась она жизни. Крестьянин, пришед в жалость и оторопев, не знал, что ему делать, видя двух мертвых перед собою; а заглянув в люльку, нашел и третьего. Отчаяние поразило малосмысленного человека, которое бы просвещенного и великодушного не меньше поколебало; сверх сего обуял его страх стыда и совести, а потом жестокость наказания за толикое беззаконие, кое он все неотменно припужден был относить к своей стороне, лишила его рассудка, и так страх, жалость и отчаяние принудили его удавиться.

Таким образом рассуждали с сожалением ученые того времени люди, которое их рассуждение многими тогда признано за справедливое: ибо инаково решить удивительного сего в природе

приключения все недоумевали. А несчастный войн, похоронив всю свою семью и употребив остатки имущества на погребение их, остался наследником двора своего родителя, без скота и хлеба, которых гораздо невеликое количество им было найдено; а что всего еще более и бедному человеку чувствительнее, и без правой руки своей, без которой он не токмо целого, но и половины доброго и прилежного крестьянина составить не мог.

ВЕЧЕР 99. ПРЯНИЧНАЯ МОНЕТА

Истинное богатство человеческое есть разум и добродетель, а истинное убожество лишение сих дарований; мнимое же богатство человеческое великое излишество имущества, а самопроизвольное убожество — желание излишества. Сие излишество, под общим именем богатства, приобретаетя двумя противными друг другу действиями, а именно, во-первых, трудолюбием и бережливостью, а во-вторых, наглостию и жестокосердием. И так одно из них есть невинное, а другое порочное.

Богач от трудолюбия и бережливости, разумея по приложенным к тому трудам цену своего имущества, имеет внимание на недостатки ближнего, не имеющего ко обогащению себя способов и дороги; по возможности ему вспомоществует, как искусившийся уже человек, наставлениями к тому и приобретенным своим капиталом, без интересов или за узаконенные проценты, размеряя нужду ближнего своего со своими излишествами, и, будучи господином имущества своего, не производит себе, ни капиталу своему поношения. А богач наглостию и жестокосердием, не разумея цены случайно дошедшего к нему имущества без приложения им трудов, и потому боясь каждаминутно потерять оное, и учинившись не господином, но холопом своего богатства, неусыпно внимает на нужды своего ближнего, но в противном намерении первому, а именно: чтобы, дав небольшую взаймы сумму, получить в заклад большое имущество и в случае неисправности плательщика овладеть оным под видом благопристойности, хотя бы у заимщика и последнее случилось; взять указанные проценты, но не более как на четыре месяца, что и составит в год по пятнадцати, кроме других интересов, ему только известных: например, данные деньги в заим взяты были у другого за комиссию, за промен денег, за пересрочные дни с капитала, с процентов проценты и так далее; в скором же времени взятая в заим сумма превзойдет цену имущества, и заимобратель поспешит писать из закладной купчую, боясь, чтоб не приплатить еще другим имуществом, а в случае недостатка не потерять бы драгоценной вольности и не быть помещену под башню, на которой всегда в двенадцатом часу играет полковая музыка.

Сего ради богач желает себе сокровищ всего света, мыслит о золотой ветви, данной Енею от Сивиллы Куманской, о Филипповом осле, навьюченном золотом, которые открывали богачам самые неприступные места; обожает Креза и Мида, потому что уже они мертвые; а живых богачей всех ненавидит, боясь, чтоб не превзошли его капиталом; честь свою и славу в том только полагает, чтоб считали его всех богаче в городе; мыслит и говорит всегда об интересах, не уважая никакой особы; кажется всегда пасмурен и заботлив, старателен выведать и узнать в самую тонкость о богаче, пришедшем в несостояние, печален и прискорбен, смотря на все предприятия к поправлению его знакомых, и, словом, ведет жизнь беспокойнее самого бедняка, не имеющего пропитания.

Такая страсть в человеке потушает наконец остатки его совести, и хотя по исчислению его капитала не токмо он, но и потомки его до третьего колена безбедно и избыточно жизнь свою провести могут, однако ему кажется все то мало и все недостаточно. Сам желает, чтобы все думали и считали его отменным богачом, но сам же и всегда объясняет свои недостатки; таким образом, привыкнув все партикулярные интересы искусно обращать в свою пользу дробными и фальшивыми правилами, под именем умножения, приобретения и накопления имения, и угомонив вовсе глас вопиющей к нему совести, вознамеривается принадлежащее право казне под покровом непроницаемой хитрости обратить в пользу своего приращения и доход, ей принадлежащий, привести в собственные свои сундуки, якобы вернее всех комиссар и истинный сын общества, не страшась должного за то по законам возмездия.

Вышеписанного сложения был некто отставной майор Верзил Тихиев сын Фуфаев, служивший в армии ровно тридцать лет и три года без всякого штрафа, потому что в командировке и на приступе не бывал, а отправлял всегдашнюю должность комиссара и был у раздачи солдатам жалованья, провианта, фуража и амуниции. И как всегда находился в трезвом состоянии и вел приход и расход исправно, то, приехав в свою деревеньку в отставку, к двадцати пяти душам прикупил он девятьсот пятьдесят душ за сходящую цену у двадцатилетнего дворянина, которому по смерти отцовской деревни более не понадобились, хотя оные находились в совершенном порядке и в хлебородной стороне, что мы называем низовые места. Фуфаев хорошою экономиею и добрым присмотром возвел хлебопашество в деревнях своих до высочайшего степени и, построив небольшие винокуренные заводы, начал курить вино и день и ночь беспрестанно.

Известно всем, что продажа горячего вина издревле принадлежит у нас казне и собираемый от того доход с прочими идет на содержание армии. Известно и то, что до благополучных нынешних времен сколько происходило смертоубийства, разорения

дворянских домов и крестьян, сколько находилось во всегдашнее время под стражею и сколько жестоко наказуемо было людей от жадности и грабительства бывших до сего откупщиков, которые, не имея прежде нисколько у себя капитала, сделались ныне неисчетными богачами. Ныне прозорливостию вышней власти избавлены дома благородных от посещения незваных гостей, которые под видом и именем выемки в кладовые их и в самые внутренние покои простирались без всякого препятствия, где нанятые и упоенные откупщиком солдаты не щадили ни пола, ни возраста, а о должном почтении к благородным и помышления не имели.

Все добросовестные и прямо благородные люди воссылают за то усерднейшую благодарность и содержат себя всегда соответственно учиненной с ними милости и своему характеру, не пользуясь запрещенным, но довольствуясь назначенным им по власти и предписанию в дозволенном винокурении избытком; а как не все детки одной матки, то носящие одно токмо имя благодарных, не чувствуя в сердцах своих, зараженных всяким недозволенным прибытком, не перестают и ныне корчемствовать разными видами и разными манерами; в том числе и отставной майор Фуфаев учредил у себя за запрещением явную винную продажу на таком основании и под таким покровом, что и до кончины его искусство то истреблено быть не могло и продолжалось прибыточно к собственному его удовольствию. Он учредил в сельце своем лавку для продажи пряников, назнача им цену, как то и везде водится, пряник алтын, пряник пять копеек, пряник семь копеек и пряник гривна. Его собственные крестьяне, окольные и заезжие, приходя в лавку, берут за деньги пряники, кому в какую цену угодно, идут с ними на поклон к помещику, которых он всех охотно до себя допускал. Определенный к тому слуга, принимая пряник, дает соразмерный стакан вина принесшему оный по приказанию своего господина. Сим стаканам учинено было такое же учреждение, как и пряникам; но и фамилия Фуфаева для того также распределена была. В отсутствие самого хозяина крестьяне с пряниками, что бывало беспрерывно, приходят на поклон к его сожительнице, в небытность которой к дворецкому и так далее. В пряничной лавке содержали шнуровые книги обороту пряникам, сколько в который день продано их и каких сортов за деньги и сколько получено в лавку обратно; а у потчевания вином такие же, в которые вписывали расход оного.

Майор Фуфаев имел от того сугубые выигрыши: собственные крестьяне его за то благодарили, окольные отменно почитали, а приезжие и все вообще уваживали его поля, ибо вседневно, а особливо в праздники, в сельце его беспрерывная бывала ярмарка, понеже вино крепкое и мера не фальшивая, а потому каждодневная продажа вина и выручка денег превосходила всегда десять уездных кабаков, находящихся на вере, которые должны продать

по сложности. Фуфаев беспрестанно богател; однако, как слышно, опасался иногда должного за то по всей строгости законов возмездия, которое рано или поздно последовать бы должно было; но он предварил то своею кончиною и, отошед от сего света, не взял с собою из накопленных непозволенным образом денег ни одной копейки, сожалея только, что не накопил их больше; и уверяют совершенно, что Фуфаев, признаваясь перед своими приятелями, говорил утвердительно, что он не боится потерять благородного имени, но ужасается лишиться своего имения, которое, как он думал, во время следствия о запретительной им продаже вина крепко порассориться должно.

ВЕЧЕР 100. ДРАГОЦЕННАЯ ШУКА

По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяла, в том все ученые между собою несогласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удовольимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: «Надежа-государь, отпусти в город покормиться». А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имения дробными правилами не давали себе покоя и составили из себя целые академии проектов, каким образом подкопаться под храмину, сооруженную на твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, поосновательнее их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили их течение потайным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей «Пересмешника», а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удовольимся одною только из них хитростию, а именно походе-нием драгоценной шуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом вконом, приказен, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со всею своею свитою в половине дня и поместился в доме, нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабженном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде, и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не приняв, кланялись и говорили, что хлеб от посудины не отлучается и они кланяются всем его высокоблагородию; который, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не по ним, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при первом случае; каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, кои были попростее купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сладить не могут; а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать: собрались в магистрат, сидели, повеся головы, и один другому не говорил ни слова. Старик лет семидесяти, подошед в то время к собранию, говорил:

— Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; огладится зверек — ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал; тут есть, может быть, какая-нибудь уловка: сыщите кого-нибудь из его домашних на свою сторону и выспросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо; так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворный, говорун, торгующий вишнеградными напитками: то с помощью их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, ко удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведаль, что его высокоблагородие неслыханный охотник до шук. Без всякого промедления найдена была в городе самая большая

щука, заплачено за нее без ряда, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял ее своими руками и сказал магистрату:

— Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам должен чистосердечно признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду, и вы от меня ни в чем отказу не получите.

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такую милостию могут иметь воеводу всегда на своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу; просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют; а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не принимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубля, но с него просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет; а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука невкусна; заплатил требуемую сумму и отнес к градодержателю, которым он и щука приняты были благосклонно, и продолжавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть она одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок; и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогаче, по сту, а понедостаточнее по пятидесяти рублей; дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела; а откупщик или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выеомок корчемного вина, генерально платил за нее по пятисот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прирбытка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену подаваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того состояния и капиталы все в городе и уезде живущих. Он для каждого покупателя назначал цену щуке и посылал записку на садок, где она хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каждый месяц рыбаку по десяти рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный для того нарочно из другой губернии, дабы дело содержать в тайне.

Сия тварь орудием взятюк избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые если случится какой-нибудь другой рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды, а не правосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч; но превзошла б она и спю цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки одной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; но недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, сельцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где, между прочим, употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть позволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде прищучивать умея, отвечивал каждому без застенчивости, что он служил за то, чем только мог и умел.

— А может-де, получите, — прибавил он, — какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысла силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает; сам будет без хлеба, да и других не накормит; а я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большей части трудных и сомнительных дел довольно руки понагрели и запасли не только себе, но и деткам.

Пригожая повариха или похождение развратной женщины

ЧАСТЬ I

*Его высокопревосходительству действительному камергеру
и разных орденов кавалеру
премногомилосердому моему государю*

Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал много таких книг, которые приносились знатым господам, но вместо того, чтобы добродетели их увеличить, послужили они им сатирою. Так, как бы кто, желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. Итак, опасаяся сего и сверх того не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изрядные качества, снисхождения и милости выхвалять от искреннего моего сердца неусыпно желаю.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!

Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; итак, книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выйдет у всех из памяти. Человек родится на свет обозрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень

похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил.

Под видом и под названием книги желание мое препоручить самого себя под покровительство вашего высокопревосходительства: желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно, разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастье пользоваться вашими благодеяниями.

Вашего высокопревосходительства
милостивого государя
нижайший слуга
Сочинитель сея книжки.

Предуведомление

Ни зверь, ни скоты наук не понимают,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют,
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи.
Ни прозой, ни стихом они не говорят,
Так стало, что они и в книгу не глядят.
По сей причине зримой
Читатель мой любимый,
Конечно, будет человек,
Который весь свой век
В науках и делах трудится
И выше облака понятием мостится,
И будто бы того он в мыслях не имел,
Что разуму его и воле есть предел.
Всех тварей оставляю,
К тебе, о человек! я речь мою склоняю,
Ты чтец,
Делец,
Писец,
И, словом вымолвить, ты много разумеешь,
Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее
И будешь видеть в ней искусство все мое,
Погрешности мои все в оной находи,
Но только ты, мой друг, не строго их суди,
Ошибки сродны нам, а слабости приличны,

Погрешности творить все смертные обыщи.
С начала века мы хотя в науках бродим,
Однако мудреца такого не находим,
Который бы в весь век ошибки не ямел,
Хотя бы он к тому и танцевать умел,
А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
Так, следовательно, могу и промах дать.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА

Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесья мои дела, пускай наименует меня, какою он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою, на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалася мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла прискаты себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: «шей-де вдова широки рукава, было бы куда класть небыльные слова». Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винули и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом, ударилася было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилася, взяла меня под свое покровительство и столько сожалела о моем несчастии, что на другой день поутру сыскала молодого и статного человека для моего увеселения. Сперва показалася было я упорною, но через два дня охотно предприяла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невступно две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели хорош, а я пригожа довольно, а («на красненький цветочек и пчелка летит»). Он был дворецкий некоторого господина и тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не его собственные. Таким образом, были они доказательством любви его ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гостинный двор узнали, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имене.

Я твердо знала сию поговорку, что «богатство рождает честь». Итак, наняла себе служанку и начала быть госпожою. Умела ли я людьми командовать или нет, о том и сама не знаю, да мне и не было тогда нужды входить в такую мелочь, а довольно того, что я ни за что сама приняться не хотела и ехала на моей служанке так, как дурак на осле. Господин камердинер и сам желал не меньше меня господствовать, того ради нанял мальчишку, чтоб оный прислуживал ему тогда, когда беседует он у меня, а у меня бывал он безвыходно, следовательно, господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слуг так, как на своих собственных, били их и бранили, сколько нам угодно было, по поговорке: «на что этого боля, когда дураку есть воля». Да мы же поступали так, что «били дубьем, а платили рублем».

Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней охоты прохаживаться по городу, и от того наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия. Я была довольна всем и всякий ясный день бывала на гульбищах, многие меня узнали, и многие хотели завести со мною знакомство.

Некогда близко полуночи стучался у наших ворот человек, который не столько просился, а больше хотел вломиться силою. Мы бы его и не пустили, однако силы нашей не доставало, а господина камердинера у нас тогда не было: таким образом послала я слугу отпирать, старуха моя готовилась его встретить, а я тогда спряталась и думала, что не Парис ли приехал за Еленю по причине той, что я была завидная женщина в том городе; или, по крайней мере, так о себе думала.

Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое, один казался из них слугою, а другой господином, хотя и одет был похуже первого. Не говоря ни слова, сел он за стол и, немного посидя, вынул табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотчас ее обозрела, от чего трусость ее переменялась в радость, и перестала она сих людей почитать неприятелями нашего рода. Молодой этот и пригожий человек спрашивал у нее, не здесь ли живет Мартона, а так называлась я, на что отвечала она:

— Я этого не знаю, а спрошу у моего хозяина.

И так, прибежавши ко мне, говорила, чтобы я им показалась и что золотая табакерка уверила ее о некотором счастье, и притом примолвила сию поговорку: «аз не без глаз, про себя вижу». В таких случаях и я была не промах, и к счастью моему, что я не была еще тогда раздета, таким образом появилась к новому моему Адониду с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню, по приговорке: «по платью встречают, а по уму провожают». В самый первый раз показался он мне столько нежен, что в угодность его охотно бы я бросила камердинера, а как подарил он мне ту табакерку, то уже мне и

подло показалось иметь сообщение с холопом. По золотому с алмазами подарку заключила я, что сей человек не простого роду, в чем и не ошиблась. Он был господин, и господин не последний. Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт, он торговал мои прелести, а я уступала ему оные за приличную цену, и обязались мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя свидетелем; а как такие контракты не объявляются никогда в полиции, то остался он у нас и без всякого приказного порядка ненарушимым. Господин положил посещать меня часто, а я обещаюся принимать его во всякое время, и так с тем расстались.

По выходе его, не столько радовалась Венера данному ей яблону, сколько любовалась я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казала со сто раз старухе, слуге и служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала ею. А когда чрезвычайная сия радость позволила успокоить мне взбешенный от подарка разум и утомленные от неумеренного кривляния члены, тогда положила я ее против кровати на столике и уснула; но, впрочем, и во сне живо она представлялася передо мною по пословице: «кто пового не видал, тот и поношенному рад». Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалась она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь их никогда не надеялась.

В десятом часу пополуночи пожаловал ко мне прежний мой волокита; признаюсь, что так скоро отбодрить его совесть меня зазрила, а не желая иметь с ним компании, притворилася я больною; а любезный для меня подарок позабыла снять со столика, и как скоро он его увидел, то взял в руку и, посмотря несколько, спрашивал меня, где я взяла такую вещь; я ему сказала, что я купила.

— Постой, моя государыня, — говорил он мне: — я с тобой инаково переделаюся. Табакерка эта моего господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне о том сказал, так скоро купить тебе ее негде, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется. Я по сих пор думал, что я один только знаком тебе, а теперь вижу, что и весь город посещает тебя по очереди. Я тотчас покажу всем, сколько ты великолепна, теперь же пойду и, приведя лошадей, оберу тебя до нитки, наживай от иного, а мое возврати все до капли.

Выговорив сие, он ушел и оставил меня в ужасном страхе; мы не знали, что тогда делать, бежать нам было некуда, а защитить нас было некому; ибо у таких людей, какова была я тогда, приятелей не бывает, причиною тому неумеренная наша гордость. И так положили ждать непременно несчастья и расставания с нашим господством. На нового любовника еще я столько не надеялась и думала, что когда увидит он меня бедною, то, конечно, бросит. Всякое предвещение тогда для нас было худо, и я бы согла-

силась тогда лучше умереть, нежели расстаться с моим имением, столько-то я его почитала и любила.

С полчаса времени спустя пришел ко мне новый любовник к пущему моему несчастью; что мне должно было делать? Я была тогда вся в беспорядке, погибель ко мне приближалась, и еще новый человек должен быть свидетелем несчастья моего и ругательства. Увидев меня в слезах, привязался он ко мне и начал меня спрашивать; я ему ничего не отвечала и бросилась в постелю. В самое то время вошел камердинер во двор и, идучи в горницу, кричал: — Я с тобою переделаюсь!

Но увидев стоящего у кровати моей человека, схватил с головы своей шляпу и очень струсил, так что не мог говорить больше ни слова. Новый мой любовник спрашивал его, с кем он поспорился и за чем зашел в такое место. Трусость его не позволяла ему хорошенько изъясниться, и так солгал он раза два или три без правил, а как господин закричал ему, чтобы он пошел домой, то тем дело и кончилось.

В одну минуту как превеликая гора с плеч моих свалила, и мне казалось, что ужасная туча бед моих так скоро пробежала, что не успела закрыть и солнца. Нетрудно мне было разобрать, что променяла я слугу на господина, и узнала совершенно, что гнев камердинеров в то время не опасен, когда его же господин держит мою сторону. Мне надобно было совсем переодеться, то есть перевернуться из страха в несказанную радость, а как я часто читывала книжку «Бабы увертки» и прилежала, чтоб научиться им, то превращение сие казалось мне не весьма мудреным. Начала я помаленьку охать так, как будто бы еще училась в случае нужды разнемогаться, и сказала Светону, так назывался мой любовник, что сделался мне некоторый припадок. Тут-то узнала я его благосклонность ко мне и рачение. В одну минуту послал он за лекарем, который хотя и приехал, однако совсем мне был ненадобен, а господин Светон и одним словом удобен был исцелить меня от самой сильной горячки. С этих пор определил он мне двух человек своих собственных к моим услугам, прислал мне в тот же день серебряный сервиз, иль попросту посуду; и в самый первый раз, как села я кушать с моею старухой, которая, правду выговорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее помысленнее, то выговорила про себя сию пословицу: «доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал». Счастье никому не дает отчету в своих делах, вольно ему пожаловать и осла губернатором, а филина произвести в воеводские товарищи.

Адонид мой был человек светский и знал действительно, как поступается в делах любовных. Поутру прислал ко мне своего камердинера, а моего прежнего полюбовника, — чего он не ведал, — с подарками. Онный привез мне целую ношу женских уборов и кланялся мне так, как госпоже, а не так, как своей

любовнице, и когда я просила его, чтобы он сел, то отвечал он мне весьма учтиво, что этой чести для него очень много. Чудно мне было очень, что одна ночь сделала меня госпожою и повелительницею над моим прежде бывшим командиром. Приняла я подарки с важным и благородным видом так, как надлежит любовнице знатного господина, и, вынув из кармана полумириал, дала его камердинеру, который принял у меня и вздохнул весьма от чистого сердца, потом просил, чтобы я выслушала у него нечто наедине, и когда вышли мы в другую комнату, то стал он передо мною на колени и говорил следующее:

— Государыня моя! теперь я уже не тот, который намерен был обогатить у вас все, я вам все уступаю, владейте им по пословице: «деньги железо, платье тлен; но кожа всего нам дороже». Прошу вас об одной только милости, не сказывайте моему господину, что я был вам знаком: а в благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вам разорить его до конца.

Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показалось мне негодным. Впрочем, добродетель мне была и издали незнакома, итак, на двух словах согласились мы с прежним моим любовником проматывать его господина; однако не удался нам произвести намерения нашего в действо, по пословице: «не всегда-де коту масленица, бывает и великий пост». А что воспрепятствовало, то можно увидеть далее, ежели господин читатель не скучил еще читать мое похождение.

С неделю времени наслаждалась я Венериним достоинством и не променяла бы участи моей ни на какое сокровище в свете; но как всем известно, что счастье недолговечно и нет ничего его непостояннее, то фортуна моя поскользнулась и пошла совсем уже другим порядком. Светон получил письмо от отца, который писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец его чувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. Нежности любовные уступили на время место выдумкам; оные начинались о мне, о мне и кончались, я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утешала его в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

«Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга». Сосед Светонов, видя его в великой печали, предложил ему такое средство: Светону ехать со мною вместе и, привезя меня, оставить в его деревне, которая от Светоновых деревень отстоит только шестью верстами; а он отпишет к своему брату о принятии меня и о угощении и назовет меня близкою жениною роднею, и что Светон может посещать меня там, когда он изволит, без всякого

помешательства. Как предложено, так и сделано, и за такую хорошую выдумку подарил любовник мой соседу своему перстень ценою в пятьсот рублей. В тот же самый день собрались мы и поехали. Питомница моя не хотела за мною следовать, итак, оставила я ее на своем месте и наградила столько щедро, сколько надобно было любовнице знатного господина; а рассталася с нею без слез; ибо я не знала, что то есть на свете благодарность, и о том ни от кого не слыхивала, а думала, что и без нее прожить на свете возможно.

В середине нашего пути объявил мне Светон, что он женат, и женился недавно, и уверил меня, что жены своей не любит, причина тому, что родители часто женят своих детей не на тех, кого захотят дети, но уславливаются сами между собою и приневоливают к тому детей, отчего редко бывает согласие между мужем и женою. Светон уверял меня, что так же и с ним поступлено; однако ведомость сия стояла мне добрых пилюль, и оттого я в два дни так похудела, как будто бы с месяц лежала в горячке. Я не грустила о том, что лишуся моего любовника, но боялася я нечего, которое гораздо страшнее было любовной разлуки. Я бы могла, или чувствовала себя способною, в один день перенести три различия с любовником, нежели один такой прием, которым потчевают благородные жены нашу братью за похищение их мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назад воротиться, нежели следовать за Светоном, но он, любя меня к несчастью моему весьма много, не хотел о том и слышать и уговаривал меня, что жена должна ему повиноваться и принимать все то за хорошее, что только ему угодно.

Такая песня была бы мне приятна в городе, но тут чем ближе подъезжала я к деревне, тем больше страх во мне час от часу умножался, по пословице: «знает-де кошка, чье мясо она съела». Наконец привезли меня в назначенное мне место, где принята была я с великою радостью, ибо брат того, который писал письмо, подумал и вподробно, что я жены его родня. Таким образом, поблагодарила я Светона, что он делал мне товарищество в дороге, и осталась тут всем довольною.

На другой день поутру, еще не успело рассветнуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения, он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец его совсем выздоровел и что мы очень скоро опять отправимся в город.

— Жена моя хочет со мною ехать, — говорил он мне еще, — но это так немудрено переделать, как дважды два четыре, и она опять останется здесь.

Таким образом, готовяся опять в дорогу, имели весьма нередкое свидание, и правду сказать, что господин Светон больше находился со мною, нежели был дома, что и сделалось наконец причиною моего несчастия.

Супруга не умедлила подозревать своего сожителя, и, уведав от людей, хотя и накрепко им было заказано сказывать о моем пребывании, послала она за хозяином того дома, в котором я находилась, и без дальних околичностей разобрала тотчас мое достоинство и согласилась с хозяином вывести то совершенно для того, что и тот уже подозревал меня, по пословице: «шило в мешке не утаишь», или «виден сокол и по полету».

В некоторое время, когда сидели мы одни с Светоном и по слабости человеческой впустились в любовь, в самое то время отворился шкаф, который на беду мою стоял в той комнате, из оногo вышла женщина и сказала нам:

— Час добрый, друзья мои!

Любовник мой спрыгнул, а я вскочила, он ушел из комнаты, а я вытерпела ударов с десяток ладонью по щекам; это было начало; а о конце я не скажу из учтивости к себе. Довольно и того, что в скором времени появилась я на чистом поле, не имея ничего и без проводника. Горько мне тогда было, и чувствовала я прямо свое несчастье, которое окружало меня со всех сторон, по что ж было делать? «Неправ медведь, что корову съел, неправ и корова, что в лес забрела».

Леса и поля мне были незнакомы, они были мне не любовники, не прельщались моей красою и мне ничего не давали, следовательно, находилась я в крайней бедности. К вечеру набрела я на некоторую деревню, где принуждена была променять шелковое платье на крестьянскую одежду; ибо совесть меня зазирала путешествовать в оном, а в то время еще не прижилася я в оной. Таким образом, обмундировалася терпением и тою одеждою и пустилася в путь. В дороге ничего со мною важного не случилось, выключая того, что я из важных бедных была важная бедная, но такие описания не всякий читает с охотою. Богатый боится обеднять, а скудному она уже наскучила. Итак, толкование о пути моем отлагаю в сторону; а буду говорить о том, что может увеселить читателя.

По календарным знакам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием; Меркурий же был бог плутовства, итак, как будто бы его помощью определилася я в поварихи к секретарю. Иной веселый человек примолвит, что попался-де огонь к сену; однако нередко и ошибиться можно. Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки, не пропускал ни одного воскресенья и бывал всегда у обедни, а в дванадесятые праздники ездил развозить поклоны или принимал оные сам от челобитчиков. Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялася во взятках и принимала всячину. Когда же

садились они пить чай, то маленький их сып подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе. В сие время узнала я, что все служители секретарские пользуются взятками так, как и их господин. Когда поедет он в приказ, то сожительница его начинает пересматривать подарки, многие берет себе, а другими делит служителей. В одну неделю получила я платков с восемь, выключая кренделей и яблоков, которыми мы всякий день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила по причине той, что «рыбак рыбака далеко в плёсе видит». Она была женщина податливая и чаще изменяла мужу, нежели старалась наблюдать к нему верность, чего, правду сказать, не пристально он и требовал, для того что прибыток наблюдал он больше, нежели свою честность; ибо он думал, что и без чести дом его может быть избытен так, как полная чаша. Сверх сего похвального дарования супруга его придерживалась различных вин, в которых не имела она никогда нужды, следовательно, была она только тогда трезвою, когда вставала поутру с постели. Я же не имела за собой сего порока и так не могла делать ей компании в этом; но в прочем во всем была ее наперсницею. Счастливое мое состояние вышло было у меня совсем из головы, но напомнил мне оное безграмотный канцелярист, который жил у секретаря в доме для переписки с черного набело. Весьма мне было удивительно, что он, не умея грамоте, умел в меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходит в подьяческие сердца. Чуден он был в должности канцеляриста, но в должности любовника показался мне еще чуднее. Узнал он любовь, но только не ведал того, с которого конца за нее ухватиться и как к ней пристать. Во-первых, начал он мне примигивать и кивать головою, я поняла его намерение и предприняла над ним посмеяться. Желая прежде уведомить его разум, задала я ему три задачи, чтобы он мне оные решил: кто умнее всех в городе, кто учнее и кто добродетельнее всех.

На другой день поутру изъяснился он мне так:

— Я не нахожу никого умнее нашего секретаря, который решит все дела без остановки и докладывает об них всегда по порядку; а учнее нет некоторого стряпчего, который читает почти все указы наизусть и часто заставляет молчать судей; кто ж добродетельнее всех, об этом я не ведаю, да думаю, что и многие из канцелярского племени о том тебе не скажут; ибо редко мы слышим о добродетели.

Выслушав его, я усмехнулась, а он продолжал говорить:

— Что, разве ты думаешь, что стихотворцы умнее всех людей с своими кавыками и точками? Ежели бы попались они к нам в приказ, то позабыли бы ставить точки, когда бы с оными насиделись без хлеба. А намедни, не знаю как, занесли к нам оду какого-

то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели; да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки.

Так толковал любовник мой о ученых людях, и, я чаю, первым бы из них не дал он у себя места и в копиях. Разобрал же он скоро, что разум его был не на мой вкус и оным мне он не понравился, таким образом предпринял угодить подарками. Чего ради начал прилежать переписывать дела, и правду сказать, то по состоянию его дарил он меня довольно; ибо за всякую переписку брал он всегда тройную цену, и сказывают, что у них так и ведется: когда приказный под покровительством секретарским, то за все про все получает втрое. В это время потужила я о Светопе и иногда, сравнивая канцеляриста с ним, плакала горько, а это происходило оттого, что я была глупа, а ныне наши сестры поступают не так, они всегда желают лишиться скорее знатного господина, чтоб отыскать вскорости другого и пачать снова разжигаться, и для того-то ни одной нашей сестры, то есть такой же пригожей поварихи, как я, в целом государстве не отыщешь верной, чтоб которая не хотела иметь вдруг по три и по четыре любовника.

Попечением и трудами канцеляристовыми имела я на себе платье уже почище, и так приезжающие к госпоже секретарше воздыхатели начали поглядывать на меня поумильнее, нежели на хозяйку, что ей очень не понравилось; таким образом, отказала она мне от своей службы.

Вышедши из этого дома, не тужила я много; ибо не с кем было расставаться, следовательно, ничего я и не лишилась. На другой день пожаловал ко мне сводчик, из лица его увидела я, что он сыскал мне изрядное место, а для него это было прибыльно, для того что каково место, такая ему и плата за отыскание оногo. Сказал он мне, чтобы я прибралась получше, ибо там, где я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что я одеваться умела, лишь только бы было во что; принарядившись довольно изрядно, отправилися мы в путь, и когда пришли к тому двору, то велел он мне постоять у ворот, а сам пошел уведомить хозяина о моем пришествии и спросить его, можно ли мне войти к нему, и потом выбежал очень скоро и велел мне идти за собою. Когда вошла я в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долги виющиеся усы и орлиный нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках. Тогда сидел он в креслах и считал серебряные деньги; увидев меня, привстал несколько, сказал мне: «Здравствуй, сударыня», — и просил, чтобы я села, потом приказал слуге нагреть воды на чай и начал со мною разговаривать:

— Я, сударыня, человек вдовый, и уже этому будет дней с восемь, как умерла моя жена, мне же лет уже довольно, и доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая

для меня тягость. Мне непременно потребна женщина таких лет, как вы, чтоб везде могла присмотреть, то есть в кладовой, в погребе, на кухне и в моей спальне, а мне уже, право, не под леты таскаться всякий день по всем этим местам. На слуг я не полагаюсь, правда, есть у меня и повариха, но ей более уже сорока лет, следовательно, она не столько проворна, как молодая особа, и многое просмотреть может. Что ж касается до платы, то отнюдь рядиться я не намерен, а смотря по услугам, так и я благодарить буду, мне ведь не Ардовы векн жить, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю, кому, ибо я человек чужестранный и здесь у меня родни никого нету. А когда же надзирательница моя придет мне по сердцу, то я сделаю ее наследницею всего моего имения. Я слышал, сударыня! — примолвил он, — что вы ищете такого места, то если вам угодно, пожалуйста останьтесь в моем доме, я буду вам чрезвычайно рад и не сомневаюсь в том, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономии.

Я не так была глупа, чтоб стала отговариваться от такого предложения. Имение стариково мне понравилось, и я тотчас предприняла угождать его деньгам. Когда же я согласилась на то, то пожаловал он сводчику пять рублей денег и несколько еще домашнего запаса за то, что приискал он ему надзирательницу по сердцу; оное приметила я из глаз и из щедрости подполковничей.

Сказала я ему, что мне надобно съездить и перевезти маленькое мое имение, но он не хотел на то согласиться и говорил, что мне ничего не надобно.

— Вот вам ключи, сударыня, ото всего жениного платья, оно вам, конечно, будет впору, употребляйте его, как вы изволите, а его будет довольно.

Таким образом, в один час приняла я власть в доме и все его имение к себе на руки, а часа с два спустя получила команду и над хозяином, ибо он не умедлил открыться мне, что чрезвычайно в меня влюбился и что если я его оставлю, — говорил он мне, — то он, не дожив века, скончается.

Жадность к нарядам не много времени позволяла мне медлить, пошла я по сундукам, в которых нашла довольно изрядного платья; но более всего жемчугу, которого я еще отроду не видывала и не имела на себе. Обрадовавшись тому слишком и забыв благопристойность, в самый первый день начала его перенизывать по-своему, а господин гусарский подполковник, надевши очки, помогал мне в моей работе и, выбирая крупные зерна, подавал мне для низанья и целовал мои руки. Когда приспело время к обеду, я с ним обедала, с ним ужинала и после ужина была с ним вместе.

Дни наши текли в великом удовольствии со стороны моего любовника; правду выговорить, и я была не недовольна: богатство меня веселило, по пословице: «золото хотя не говорит, однако

добра много творит». Но старость его несколько меня беспокоила; однако сносила я оное терпеливо, так, как великодушная и постоянная женщина. Впрочем, из дому мне никуда не позволялось выйти; разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни двенадцатые праздники. Это мне казалось несколько немилым по причине той, что женщине таких лет, в каковых я была тогда, не столько потребна пища, сколько надобно гулянье, да я же была и всем довольна; а в великом удовольствии домашняя неволя пуще крепкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на курьих ножках). Таким образом, во время праздника собралась я к обедне и нарядилась столько великолепно, сколько мне заблагорассудилось, и так под смотрением древнего моего любовника пришла в церковь и стала тут, где обыкновенно становятся боярыни. А как провожал меня подполковник с великою учтивостию, то всякий не смел потеснить меня или чем-нибудь обеспокоить, понеже платье и почтение моего любовника делали меня великою госпожою. А я, чтоб не уронить мне к себе людского почтения, смотрела на всех гордо и не говорила ни с кем ни слова.

Подле правого клироса стоял, не знаю, какой-то молодчик; собою был он очень хорош и одет недурно. Он во всю обедню не спускал с меня глаз и в благопристойное время делал мне иногда такие знаки, которые известны только нам, да еще ревнивым мужьям и любовникам. Оное заметил мой старик и, не дожидаясь окончания обедни, подошел ко мне и звал меня весьма учтиво, чтобы я пошла домой. Оное показалось мне весьма неблагопристойно, и так не согласовалась я с его прошением. Любовник мой, опасаяся прогнать меня, принужден был остаться до окончания; однако не отошел от меня и стал подле. Я примечала, но думаю, что и другие не упустили то же сделать; вид лица любовника моего поминутно переменялся, иногда казался он бледен так, как будто бы готовился к сражению, иногда бросало его в жар, и делался он краснее кармазину, иногда лицо его покрывалось холодным потом, и, словом, был он в таком беспорядке, как будто бы человек сумасшедший. По окончании обедни взял он меня за руку так крепко, что я принуждена была напомнить ему о моей боли. Рука его столь сильно тряслась, что и я находилась от того в движении. И так, в таком неопisanном беспорядке пришли мы домой.

Как скоро вошли в горницу, то подполковник говорил мне следующее:

— Нет, сударыня, мало я знаю разбирать жепскую красоту и прелести; вы больше прекрасна, нежели я об вас думал; в чем извинить вы меня можете. Поистине сказать, вы русская Елена, а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю. Все молоко-сосы собираются быть Парисами и продают глаза свои на вас. Избавь меня судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною. Однако, сколько сил моих будет, стану проти-

виться этим похитителям. Я имею разум, силу и богатство, но что они мне помогут, если ты, прекрасная, не будешь чувствовать ко мне такой любви, какую я имею к тебе?

При сем слове бросился он передо мною на колени и облился слезами. Таким образом, принуждена я была вступить в должность страстной любовницы, подняла его с коленей и в знак моего уверения целовала в губы и говорила ему так:

— Дражайший мой, возможно ли, чтобы я была тебе неверною и изменила в самом начале горячей моей любви; одна смерть меня с тобою разлучит; но и во гробе буду я вспоминать твое ко мне почтение. В твою удобность отрицаюся я ото всего света мужчин, и ни один прельститъ меня не может, успокойся, мой дражайший! верная и нелицемерная твоя любовница Мартона просит о том тебя со слезами.

Выслушав сие, беззубый мой Адонид несколько утомился; однако столь много стоили ему взгляды молодого человека на меня, что он не обедавши лег спать и в полчаса раз пять пробуждался и кричал иногда: «прости», изо всей силы иногда: «постой», а иногда: «пропал я»; ибо грезилось ему, что меня похитили или я ему изменила.

Спустя несколько дней пришел человек в наш дом и просил подполковника, чтобы он взял его к себе на службу. Старик отказал ему с первого раза, но человек весьма усиливался и выхвалял сам себя изо всей мочи. Выняв пашпорт, хотел казать его подполковнику и говорил, что ни один честный человек столько аттестатов не имеет, сколько он. Слова его показались мне довольно вразумительны, ибо кто чем вознамерился прокормить свою голову, то непременно прилежать должен, чтобы знать искусство то совершенно. Таким образом взяла я у него посмотреть аттестаты и, перебирая оные, нашла между ними письмо, подписанное на мое имя, выняла я его осторожно и положила в карман, а аттестаты отдала слуге назад и сказала, чтобы он пришел завтра поутру, и мы подумаем, принять ли его или нет.

Хотя я была и невеликая охотница изменять своим любовникам, но врожденное в нас непостоянство не давало мне более медлить, ушла в другую комнату, развернула письмо и нашла в нем следующее изъяснение.

Государыня моя!

Полюбить кого-нибудь состоит это не в нашей власти. Все прекрасное на свете притягивает к себе чувства наши и разум. Вы прекрасна и для того полонили мое сердце тогда, когда я в первый раз увидел вас в церкви, мне казалось тогда, что прекрасные глаза ваши говорили вместо вашего сердца. Итак, уверясь сим, отважился вам изъясниться, в несомненной будучи

надежде, что вы меня хотя и не полюбили, однако, может быть, не вовсе ненавидите.

Обожатель красоты вашей *Ахаль*.

Я не знаю, можно ли кому-нибудь похвалиться, чтобы он во всякое время твердо наблюдал добродетель и, угождая ее строгости, отказался от лучшего естественного удовольствия. Я держалась всегда такого мнения, что все на свете непостоянно; когда солнце имеет затмения, небо беспрестанно покрывается облаками, время в один год переменяется четыре раза, море имеет прилив и отлив, поля и горы то зеленеют, то белеют, птицы линяют и философы переменяют свои системы, — то как уже женщине, которая рождена к переменам, можно любить одного до кончины ее века. Я смеюсь некоторым и мужьям, которые хвалятся везде верностию своих жен, а кажется, что лучше молчать о таких делах, которые находятся в полной жениной власти. Я была не стоической секты и совсем не держалась их системы; того ради требующему от меня снисхождения отказать не хотела. Поутру, когда пришел слуга, о проворстве которого по глазам его я была уверена, для того отвечала ему так:

— Я на все согласна, что от меня ни потребно, а господин подполковник не хочет тебя принять к себе в дом; но, мне кажется, до того тебе нужды нет, ты и без него сыскать дорогу можешь ко твоему благополучию.

— Это правда, — промолвил мой любовник. — В Москве людей много, не у меня, так у другого наняться можешь.

Слуга ответом нашим был доволен и пошел от нас с благодарностию.

Жизнь наша основана на заботах; таким образом предприняла и я суетиться, и чем прекраснее казался мне *Ахаль*, тем больше чувствовала я охоты изменить седому моему купидону, а о благодарности к нему я тогда и не помышляла, когда новая любовь поселялася в моем сердце, по причине той, что редкая женщина подвержена такой добродетели. А я была из числа тех красавиц, которые думают о себе, что они никому не обязаны на свете, и раздают сами благодеяния свои великодушно.

Во-первых, прибегнула я к нашей поварихе и открыла ей тайности моего сердца. Чудно мне казалось, что она без всякого от меня обнадёживания обещалась служить мне со всею охотою, по сему-то я и узнала, что богатому человеку все люди служить согласятся, то есть в добром и злом его намерении. С сего времени к свиданию моему с *Ахалем* пошли различные выдумки, и можно сказать, что выдумка выдумку побивала. Я советовала хорошо, но наперсница моя еще того лучше. Мы определили, чтобы преобразиться на время *Ахалю* в женщину и тем со мною познакомиться, чтоб без подозрения имели мы всегда свидание, а другого способа

к опому мы не находили, ибо содержали меня после того столь крепко, что редко позволяли мне подходить и к окошку.

«Лакома овца к соли; коза к воле, а ветренная женщина к новой любви». Не хотели мы откладывать выдумки своей ни на сколько, того ради советница моя полетела на другой день искать моего любовника и хотя не знала его дому, однако нашла очень скоро, по пословице: «язык и до Киева доводит». Ахаль принял ее с великою радостью и одарил прямо по-любовничьи. Она пересказала ему наше намерение, на что он нимало не медля согласился и отпустил ее ко мне с письмом, в котором уверял меня, что в мою удобность пойдет он и на дно Окияна.

Это правда, что он в удобность мою тотчас и исполнил мое повеление. В том доме, в котором он жил, сказал хозяину, что отпросился на время в деревню и поедет завтра, а у него оставит слугу с некоторою частию имения, и просил его о сохранении оного. Когда настало утро, то, взявши с собою что надобно, поехал он со двора долой и, приехав в Ямскую, остановился. Потом послал мальчишку своего в город или сам поехал, — этого я не знаю, — и накупил женского платья для себя и для мальчишки весьма довольно. Таким образом, нарядились они оба и изготовились к новомодной комедии. Послал он слугу своего искать для себя покоев и велел сказывать о себе, что они приехали из другого города увидеться здесь с сестрою. Сыскали, наняли и переехали.

Наша повариха бегала к ним, с ними условилась и, пришед ко мне, сказывала так, что Ахаль назовется моею сестрою и пришлет ко мне своего слугу под именем и под образом девки, сказала мне о их именах и научила меня, как я должна мнимую ту девку встретить. Итак, начала я ожидать с превеликою радостью исполнения моего желания.

День уже клонился к вечеру, как сказал мне слуга, что спрашивает меня какая-то девочка. Подполковник, услышавши сие, приказал привести ее в горницу: ибо наблюдал весьма прилежно мои поступки; а повариха мигнула мне тогда осторожно, по чему я тотчас догадалась, что это Меркурий от моего Юпитера, и так, как скоро он вошел, то и закричала благим матом:

— Голубушка моя, каким это образом я вижу тебя здесь, разве матушка сюда приехала?

— Никак нет, сударыня, — отвечал он мне: — матушка осталась дома, а приехала сюда большая ваша сестрица. Вы не изволили писать к нам очень долго, и так приехала она с вами повидаться.

Потом, подошедши ко мне, целовал у меня руку и сделал всю церемонию так, как ведется. Я спрашивала у него, все ли в доме здоровы, и обо всем, а он отвечал мне так хорошо, как будто бы десять лет учился обманывать людей. Спрашивала у него, где они остановились и вознамерились жить, на что он мне сказал,

что от нас очень далеко, а тогда уже было поздно, и так отложила я свидание с сестрицею до другого дни и просила моего содержателя, чтобы он приказал сходить слуге и поздравить ее от меня с приездом и притом просить ее завтрашний день ко мне отужинать.

— Хотя это будет и неучтиво, — наказывала я слуге, — мне было самой должно ехать, но как она не совсем еще осмотрелась, то я могу приездом моим ее обеспокоить, да сверх же того между близкою роднею учтивости совсем не годятся.

Таким образом, первое вступление довольно изрядно было сыграно, и слуги наши пошли к моей сестрице.

Признаюсь, что я никогда столько не радовалась, как в это время, что могла столько удачливо обмануть моего неусыпного надзирателя; но и мальчишка так был искусен представлять девку, что ежели бы я не знала, то, конечно, бы обмануться могла. В это время образумился мой старик и начал спрашивать меня, какого я роду, чего ему никогда и в голову не приходило; ибо, выключая любви, ничего тогда в уме его не находилось. О роде моем сказала я ему так хорошо, что ни он, ни я не могли действительно растолковать, какого я происхождения; но, впрочем, не дала ему вдаль распространять такого разговора, который бы не принес мне много прибыли; а начала выхвалять изрядные качества приезжей моей сестры и сверх того говорила, что она хороша и гораздо меня прелестнее.

— Не влюбися, душа моя, — продолжала я говорить, держа его под бороду, — я опасна, чтобы ты, прельстившись ею, меня не покинул.

— Покинь меня лучше белый свет, — отвечал он мне твердым и уверительным голосом, — я охотник любить до смерти, а не так, как нынешние вертопрахи каждый день переменяют любовниц и ищут случаяев, как бы почаще изменять. Какая бы красавица ни была, меня уже прельстить не может, когда ты, моя душа, любишь меня ото всего искреннего твоего сердца. Признаюсь же тебе, что я очень редко нахаживал таких женщин, как ты, ты столько верна, что, я чаю, и не подумаешь об измене, да и правду сказать, оное ведь и порочно.

По такому от него аттестату уверяла я его, что я постояннее всего света, чему он и верил и почитал столько меня, что готов был хотя по уши в воду, лишь бы только мне оное угодно было.

Ночью, поутру и в день ни о чем я больше не думала, как о назначенном свидании, того ради не пожалела я ничего, что могло красоту мою увеличить. Время уже настало, и сестра моя приехала, свидание наше было хотя и не кровное, но, однако, прямо любовное, и когда мы бросились друг другу в объятия, то насилиу нас и растащили.

Приятность за приятностью и поцелуй за поцелуем следовали, сестра моя прижимала меня к сердцу и целовала весьма часто

в груди, а я ей отвечала такую же благодарностию, словом, всех наших поцелуев никакой бы исправный арифметик исчислить не мог без ошибки. Мы были сестры примерные, да и такие, которых, я чаю, и во всем свете не бывало. За ужином мы ничего не ели, но только довольствовались одним глядением друг на друга, я находила в сестре моей поминутно новые прелести, и она с своей стороны, может быть, также, и казалось нам, что мы целую бы жизнь могли проводить без пищи, когда бы были друг с другом неразлучны. Старый мой любовник признался перед нами, что он почитает нас некаким чудом, «ибо, — говорил он, — не видывал я никогда такой пылающей любви между сестрами. Без всяких обиняков можно вас почесть любовниками, и когда бы одеть одну из вас в мужское платье, тогда бы никто не поверил, что вы сестры родные. Хвалю вашу добродетель и искренние сердца, вот прямо родные, которые достойны всякого почтения».

— Мы уже лет с пять не видалися друг с другом, — говорила сестра моя ему, — а разлучились почитай еще младенцами, и для того неудивительно, государь мой, что мы не можем друг на друга наглядеться. Нас и всех немного, матушка и мы только две, а остались после отца своего сиротами.

— Тем-то еще и похвальнее ваша добродетель, что вы и в бедности друг друга не оставляете и любите столько, что я и изяснить уже этого не могу, а кажется, вы друг на друга нмало не похожи, да полно, не всегда одного отца дети удаются в один образ. Я имел у себя также брата, который, однако, на меня ничуть не походил.

Ужин наш таким образом кончился, за которым старик пил больше обыкновенного и не старался примечать ничего, чего ему, однако, и в голову не входило, и Ахалю столько пристало женское платье, что никакого подозрения иметь было не можно. Впрочем, сестрица мне столько понравилась, что я не хотела отпустить ее ночевать домой, а просила, чтобы она осталася у меня. Ахаль на то не соглашался с намерением, чтоб принудить просить старика, и когда показалася я недовольною, что она не соглашается на мою просьбу, тогда принялся подполковник и уговорил ее к тому конечно; а из почтения к гостье уступил нам свою постелю и, пожелав доброй ночи, пошел в другие покои.

Совість меня не зазирала нмало, ибо я думала, что есть на свете люди гораздо меня отважнее, которые и в одну минуту наделают больше худого, нежели я в три дни. Стоит только отдать себя порокам, то оные завсегда будут казаться приятнее и милые добродетели.

Таким образом, препроводили мы ночь с сестрою моею во всяком удовольствии и поутру расстались на рассвете, чтобы ничуть не приметно было наше проворство. Я пошла к моему любовнику и, извиняя сестру мою, сказала, что ей непременно надобно было

так рано уехать для некоторых ее надобностей. В этот день мы у нее ужинали и когда приехали домой, то любовник мой хвалил ее изо всей мочи и не знал, чем ее одобрить. Таким образом бывали мы друг у друга каждый день неотменно, и все текло у нас в хорошем порядке. Старик был мною доволен, что я его весьма искусно обманывала, а я благодарила его за то, что он позволяет проводить себя без всякой к тому приметы. Ахаль с своей стороны почитал себя благополучным, что получал от меня без всякого труда то, чего иногда с двухлетним старанием получить не можно, и что он имеет дело с таким человеком, которого легко дурачить может и который не думает заприметить того нimalo.

Я знала, что верность любовная в нынешнем веке такой гость, который, пришедши, говорит: «здравствуй», — и в то же время вертится на языке у него: «прощай». Любовник бывает верен до тех пор, когда не видит еще никакой благосклонности от любимой им особы. Тогда он вздыхает, охает, стоя перед нею на коленях, притворно плачет и клянется верностию такую, которая царствует на одних только театрах. Но когда же получит он от нее все, тогда по слабости памяти человеческой в одну минуту позабудет все клятвы и растеряет их из своего понятия. Это я видела над собою, но не один еще раз; однако дело теперь о любви моей к Ахалю, а до других оно дойдет еще по порядку. В некоторое время представил он мне, что жизнь моя бедственна и скоро может приблизиться к великому несчастью, да сверх же того она и порочна. Оно я знала все сама, но как не видала и не находила способа оную перемснить, то и поневоле оставалася в таком состоянии.

— Я, сударыня, — говорил он мне, — посвятил вам жизнь мою до гроба и ласкаю себя надеждою, что благосклонности вашей лишен никогда не буду. Вы отдали мне ваше сердце, я тем доволен, а чтоб показать вам, что я благодарен, то намерен сочетаться с вами браком, ежели только вам оно угодно. Я дворянин, хотя и недостаточный, однако не почитаю себя бедным. Отца я не имею и матери также, следовательно, живу по своей воле. Сочетаться с вами браком никто мне воспрепятствовать не может. Итак, ежели вы на сие согласны, то дайте мне ваше слово, и будем к тому приготовляться. Вам непременно надобно уйти или уехать из сего города, чтобы избежать с вашей стороны препятствий. Деревня моя будет вам убежищем, а должность супруга вашего защищением и покровительством. Тогда уже никто не будет иметь права требовать вас от меня. И так жизнь ваша, конечно, будет благополучна.

Не надобно было просить меня о том в другой раз по причине той, что я умела разделить худое от хорошего и могла выбрать, что для меня полезно и что вредно: того ради приняла предложение его с великою охотою, и казалось мне, что он был тому чрезвычайно рад. И хотя я далее видала, нежели обо мне

думали, однако притворство его разобратить не могла, и в сем случае узнала я действительно, что как бы женщина ни была остра и замысловата, однако всегда подвержена обманам мужчины, а особливо в то время, когда она им страстна.

Уговор наш последовал весьма скоро, и мы тотчас образовались и обручились, и с этих пор начала я называть сестру мою мужем, а она меня женою. На другой день предложил мне Ахаль, что за пребывание мое у подполковника должна я получить от него хорошую плату, а как он на сие не согласится, то советовал мне мой муж обобратить у него все то, что находилось под моим смотрением, и, прежде нежели приступлю к браку, тем, что я унесу, очистилася бы в совести. Нареченный мой супруг во образе сестры моей как находился всегда у меня или присутствовала я у него, то и не трудно нам было таскать пожитки старого моего любовника, и мы охотились больше переносить от него жемчуг и деньги, ибо сии вещи других угомоннее и их можно укласть в сундук и в чемодан без всякого подозрения. Наконец, как рассудилось нам, что таскано уже довольно и мы можем прожить тем хотя не во всю нашу жизнь, однако две трети оной в довольном благополучии, таким образом начали собираться уехать, а по мощию денег все делается скоро. Лошади были готовы, и муж мой отправился в дорогу, условясь со мною, что будет ожидать меня у некоторой заставы.

Во время ночи, когда любовник мой находился в полном сонном удовольствии, встала я потихоньку с постели и ушла со двора благополучно, и прибежавши на тот двор, на котором дожидались меня лошади, села в коляску и полетела за моим супругом; однако по несчастию моему и без всякой думы наследила я участь несчастной Филлиды. Демофонт мой меня обманул и уехал, не знаю куда. В сем случае растолковала я, что он имел больше нужды в пожитках моего любовника, нежели во мне, и прельщался не красотою моею, но червонцами и жемчугом.

Спрашивала я на заставе, но отвечали мне, что описанию моему подобный никто не проезжал и они не видали. Таким образом, поплакав немного, принуждена я была возвратиться, но только не знала куда; того ради поместилася в Ямской на постоялом дворе. Прямая Филлида не досадовала на измену Демофонтову, но только о том сожалела, а я столько была зла, что соглашалась разорвать его пополам, ежели бы он был в моей власти и доставало бы к тому моих сил; но что сколько я ни рвалась, однако пособить тому было невозможно. Собственная моя жизнь была мне дороже, нежели его плутовская, и для того предприняла я размышлять о себе. Сомнение, страх и отчаяние терзали меня неотступно, и я не знала, что мне тогда должно было предпринять. Непомерная любовь ко мне подполковничья уверяла меня, что он, конечно, простит мне мою погрешность, но стыд признать себя

неверною, глупою и обманутою запрещал мне совсем к нему показаться, и я бы согласилась тогда претерпевать лучше всякую бедность, нежели признаться в том, что я обманута.

Можно ли быть было тогда во мне человеколюбиею, об этом, я чаю, задумается господин читатель, но чтоб вывести его скорее из этого сомнения, то я скажу, что и порочные женщины не совсем лишены рассудка, и если бы не побеждали их непостоянство и ветреная роскошь, то, конечно, были бы они добродетельнее ростовщика и скупого. Для успокоения моего старика презрела я досаду и опасность и предприняла идти к нему с повинною, надеясь притом на свое искусство, что в случае его суровости могла бы я легко и обмануть его.

Таким образом, поехала я к нему, наполнена будучи страхом и самую малою надеждою к моему благополучию. Как только вошла я на двор, то встретившийся со мною его управитель награждал меня такою исправною пощечиною, что посыпались из глаз моих искры. С таким почтением встреча не предвещала мне ничего доброго, и я определила себя на все суровости прогневанной мною судьбины, потому что уйти мне уже было невозможно. Бросилась я весьма поспешно искать подполковника; ибо надеялась я, что найду в нем больше снисхождения, нежели в его слугах. Нашла его в спальне, он лежал в постеле и был окружен лекарями. Как только он меня увидел, то закричал столь громко, что испужал всех тут предстоящих. Потом вскочил с постели и, обняв меня, начал рыдать неутешно и, образумившись несколько, говорил так:

— Не сон ли льстит меня приятною сею мечтою, не лестная ли надежда обманывает мой разум? Прекрасная Мартона! тебя ли я имею в моих объятиях, твои ли то уста, в которые я теперь целую, твои ли то красы, которые я вижу, ты ли передо мною, говори, отвечай, прекрасная, или уже лишился я тебя навеки?

Я не знала, как скоро печаль моя переменилася на радость, обняв его от чистого сердца, проливала я слезы, которые у меня еще на дворе были заготовлены от управительской размашки; оный, изготовясь ударить меня, не велел мне посторониться, и так текли они у меня ручьем, и которые принял мой любовник раскаянием и искренним признанием моего перед ним проступка; однако я сказала, что ушла от него за тем только, что хотела изведать верность его ко мне, лишившись меня, будет ли он крушиться или нет. На сие отвечивал мне подполковник, что не только крушиться, но и в гроб сойти уже готовился. Таким образом, наследовала я прежнюю его любовь и ото всех его слуг прежнее к себе почтение; что же я у него унесла и отдала моему обманщику, то о том он и не упоминал, ибо считал меня дороже и самого себя.

С этих пор начал любовник мой готовиться к смерти; ибо по уходе моем бегал он везде и искал меня по всем местам; но как бегал весьма неосторожно и в великом отчаянии, то есть без памяти

и притом без очков, то полетел с крыльца с самой первой ступеньки лестницы весьма неосторожно и переломил себе крестец, и от сего-то слабое его здоровье час от часу начало приходить в упадок. Я столько была огорчена управителем, что всякую минуту старалась отомстить ему, и как только сказала моему любовнику, что поступил он со мною весьма неполигично, то подполковник пасилу отдохнул от такого уведомления и, не принимая никакого от него оправдания, наказал его весьма жестоко и приказал согнать со двора, не заплатя за его службу, чему я была чрезвычайно рада.

Доброе дело никогда без награждения не остается, рано или поздно, конечно, уже будет за него уплачено. Как скоро милый мой подполковник переселился с сего света, то тотчас взяли меня под караул и заключили в крепкую темницу. По смерти моего любовника отыскалася его сестра, которую он при жизни своей не пускал к себе на двор и не хотел об имени ее слышать. Управитель к ней подбился и рассказал обо всем, что я строила у брата ее в доме; таким образом, вознамерилася она потребовать от меня отчета судом, который казался мне страшнее и самой смерти. Бросили меня в каменный погреб, не дав мне ничего, на чем бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мне каждый день по два раза, а оная состояла из хлеба и воды, и так принуждена я была держать весьма великий пост, о котором прежде никогда мне и в голову не приходило. Воздержная сия жизнь выбила у меня из головы все любовные мысли, не думала я тогда ни об украшении телесном, ни о прельщении любовников и находилась в таком состоянии недели две или более. Всякий день ронила я столько слез, сколько доставало их в моих глазах, и крушилася весьма несказанно.

В некоторое ночное время, когда лежала я на полу, положила голову на камень, отворилася дверь у моей темницы, и вошел ко мне Ахаль с другим офицером. Увидя меня в толь горестном состоянии, пришел он в сожаление и просил пришедшего с ним офицера, чтобы оный вывел меня куда-нибудь в другое место и приказал бы смотреть за мной получше, покамест выведет он меня совсем из сего заключения. Я его благодарила, а он, поцеловав меня, сказал, что должен избавить меня из сей моей неволи; таким образом, жалея меня, оба расстались со мною. С четверть часа не прошло времени, как взяли меня из сего ада и посадили в изрядный покой, где изготовлена была для меня кровать, стол и стул. Не могу я изъяснить, сколько тогда обрадовалась и благодарила заочно Ахалья от искреннего моего сердца, легла на постелью и, не имев долго покою, проспала слишком половину суток. Караульный офицер, как я уже после узнала, приходил ко мне раза с четыре и, видя меня в крепком сне, не хотел беспокоить; это он мне сам рассказывал и говорил мне с великим почтением, по чему заключила я, что он в меня влюбился, в чем и не обману-

лася. Он был тут на карауле целую неделю и находился у меня безвыходно; а когда пришел другой ему на смену, то он упросил его и остался другую неделю. В сие время Ахаль и он соединенными силами избавили меня от заточения и, взяв из сего судебного места, отдали меня на руки некоторой весьма неубогой старушке, которая в самый первый день обмундировала меня всякими для меня потребностями. Лицо мое и поступки доказывали ей, что я не весьма дешево продаю мои прелести и никогда по зимней цене с рук их не спускаю; того ради усерднее она старалась нарядить меня и успокоить.

Несчастье скорее забывается, нежели благополучие; а особливо в тех людях, которые держатся моего промысла. В три дни я совсем исправилась, лицо мое получило прежнюю красоту, а тело наполнилось прежнею белизною и нежностью, и совсем не было тех знаков, что я сидела в тюрьме и была изнурена жестоко, а казалась всем, что я теперь еще только начинаю раздавать прелести мой мужскому полу по моей благосклонности.

Дни с четыре не были у меня мои освободители, не знаю для чего; наконец приехали они вместе и, увидев меня в прежнем или еще лучшем состоянии, растаяли и один перед другим старались получить преимущество в моем сердце. Ахаль был ко мне ближе и для того поступал со мною вольнее, а Свидаль, так именовался другой, был чрезвычайно учтив и нежен и боялся малым поступком прогневить меня, следовательно, искал он нежностью места в моем сердце. Ахалю поступать со мною вольно запретить мне было не можно по прежнему нашему знакомству, а Свидалью казалось сие иначе, он думал, что я полюбила больше Ахалья, нежели его. Таким образом, должность моя была в удобное к тому время уверить Свидаль, что я даю во всем ему преимущество перед его соперником.

Наследное имение с трудом разделяют двое, а любовницу без ссоры никогда разделить им не можно. Ахаль брал перед другим всегда преимущество, и я хоть поневоле, однако должна была ему повиноваться, а Свидаль сколько ни старалась уверить, что люблю его больше, нежели Ахалья, однако он в некоторых случаях тому не верил и начал ревновать, а ревность, как всем известно, странные дела делает, и конец ее бывает всегда нехорош. Весьма в скором времени узнала я, что нашей сестре весьма тягостно иметь дело с военными людьми; а особливо тогда, когда пылают они ревностью и не хотят поделиться друг с другом полученною ими добычею. Вечеру сидели мы все трое за столом и составляли из себя треугольник, а именно, играли в ломбер. По правилам ломберной игры не должно было никому заглядывать к другому в карты; но Ахаль на это не взирал, он весьма часто портил правила треугольника и подвигался ко мне близко. Свидаль сперва говорил ему учтиво, чтобы он не заглядывал в мои карты, потом выговаривал ему сердясь, что он очень неучтив и лезет в глаза к даме противу ее воли, а наконец они и поссорились.

Ахаль говорил ему, что он имеет надо мною полную власть и что Свидалью тут вступаться не должно, где его совсем не принимают в советы, а тот отвечал, что надобно спросить еще у меня, кто из них имеет надо мною большую силу. Вопрос таков они мне предложили, однако я на оный ничего не отвечала и уговаривала их, чтобы они перестали ссориться; но слова мои не помогали, и разбранились они довольно изрядно, так что чуть было не дошло у них до драки. Свидаль уехал и оставил меня с Ахалем, который радовался, что одержал над неприятелем своим победу, и приказывал мне очень строго, чтобы я не имела никакого знакомства со Свидалем и не пускала бы его к себе на двор. Сей приказ был мне весьма несносен; однако я в угодность его обещала притворно волю его исполнить. В сем случае узнала я, что Ахаль влюблен в меня смертельно и что не досада действовала в нем в то время, но прямая его любовь.

С полчаса спустя времени пришел слуга от Свидалья, принес письмо и отдал его в руки Ахалю, а оно было следующего содержания:

Государь мой!

Я вами обижен, а поношение чести вы знаете, чем платится, так сделайте мне удовольствие. Завтра в десятом часу пополудни пожалуйте в Марьину рощу, где я буду ожидать вас, а если вы не будете, то опасайтесь, чтоб не поступил с вами так, как поступают с площадными мошенниками.

Слуга ваш *Свидаль*.

Прочитав сие письмо, Ахаль побледнел, повидимому струсил, по причине той, что он весьма был неискусен к назначенным поединкам, и сие случилось с ним в первый раз во всю его жизнь. Однако, собравши хотя последние силы, сказал он слуге, что удовольствует его господина как ему угодно, и, очень мало посидя у меня, без всех любовных церемоний со мной расстался и поехал от меня весьма смущен и в превеликой трусости. Надобно признаться, что назначенный их поединок как меня, так и мою надзирательницу привел в изрядное движение, мы не знали, что тогда делать, куда бежать и где скрыться, ибо я уже узнала, каково хорошо сидеть в тюрьме за крепкими сторожами. Всю ночь мы проплакали и нисколько не спали, я опасалась худого из того следствия и от искреннего моего сердца жалела Свидалья, по чему узнала, что я его полюбила. Две неизъясненные страсти терзали мое сердце и не давали мне ни на минуту покою, и когда наступил тот час, в который должно было происходить их сражение, лишилась я всех чувств, бросилась без памяти в постель и находилась в оном беспамятстве часа с два или более. Все наши домашние, стоя подле меня, плакали, они сожалели меня и боя-

лись собственной своей гибели, одним словом, дом наш наполнен был тогда плачем и рыданием, а я находилась без памяти. Впрочем, хотя я была и не совсем изрядного поведения, но в таком случае не сомневаюсь, чтобы я многим добродетельным людям показалась жалкою и достойною их помощи.

В начале двенадцатого часа прибежали в мою комнату Ахаль и, ухватив меня за руку, поднял с постели. Он едва удерживал свое дыхание и был в великой трусости, бросился передо мною на колени и говорил так:

— Государыня моя! Не входя в ваше состояние, любил я вас чрезвычайно, недостатки мои были причиною тому, что я вас обманул, но, уехав от вас, узнал я тогда, что никак мне не можно было без вас быть спокойным, того ради возвратился я в Москву и, узнав, что вы находитесь в несчастии, старался всеми силами вам помочь, что мне и удалось. Наконец положил я непременно исполнить мое данное вам обещание и возвратился на вас жениться; но немилосердая судьба лишает меня сего удовольствия, в этот же час должен я оставить Москву и всю Россию. Я несчастливый человек и подвержен теперь жестокому истязанию. Прости, прекрасная, навеки, я застрелил Свидалью.

При сем слове ошиб меня обморок, и я упала в постелю, он же, поцеловав мою руку, ушел от меня успешно с великими слезами и огорчением, приписывая мой обморок моему с ним расставанию.

В сем-то случае узнала я прямо, что то есть действительная страсть любовная. Услышав о гибели Свидалью, кровь во мне остыла, гортань мой иссох, и губы заеклись, и я насилу произносила мое дыхание. Думала, что лишилась всего света, когда лишилась Свидалью, и лишение моей жизни представлялося тогда мне ни во что, я совсем готова была последовать ему в преисподнюю. Всякая напасть в уме моем не могла сравняться с сим моим несчастием. Отворилися ключи из глаз моих, и катилися по лицу слезы без всякого воздержания, представлялся он весьма живо предо мною, все его прелести, нежности и учтивство обитали в глазах моих неотступно, рвалась я без всякой пощады, и неутолимая скорбь съедала мое страждущее сердце. Всякая гибель тогда уже была мне не страшна, и я готова была все претерпеть и приступить без робости к смерти, только чтобы оплатить Свидалью за потеряние его жизни, чему была причиною я, из всех несчастливая на свете.

Надзирательница моя много раз приступала ко мне и советовала бежать из города, но я не столько думала о своей гибели, сколько сожалела о кончине Свидальевой. В самом мучительном беспокойстве проводила я тот день и следующую ночь и совсем отчаивалась в своей жизни. Поутру лежала я в постеле в великом беспорядке и воображала мертвого Свидалью. Вдруг предстал он предо мною и, бросясь ко мне, целовал мои руки. Сколько сид

моих было, я закричала и пришла в беспамятство. Домашние все бросились ко мне и уверяли меня, что Свидаль стоит передо мною не мертвый, но живой и что это не привидение, но истинная быль. Сколько трудно мне было из великого отчаяния прийти в чрезвычайную радость, оное чувствовала я в моей внутренности, от чего после немогла я долго. Вскочив с постели, бросилась в его объятия, но и тут еще не верила, что он жив находится предо мною; однако в таких случаях уверение делается скоро. Он начал говорить и уверять меня в своей любви, а мертвые никогда не изъясняются в такой страсти. Таким образом, узнала я действительно, что он жив и любит меня столько же, сколько я его или, может быть, и меньше, в чем мы с ним не рядились, а полюбили друг друга без всякого торгу. Восхищения нашего в сем случае описывать я не буду, для того что лишнее будет входить во все подробности слов, действий и движений, которые производятся в любовном беспамятстве, и многие уже различными опытами удостоверились, что спустя несколько времени страсть восхищенного совсем пропадает и совсем позабывает все, что любовник тогда говорил, точно так, как больной после горячки или сумасшедший опаматовавшись.

Должность только одна от начала света, и она принуждает нас к доброму, для того не всякому и мила, и так наделали мы произвольно разных должностей, которые обязуют нас ко всячине. Из сих должностей выбрала я одну, по которой спросила моего любовника, каким образом освободился он от смерти, на что отвечал он мне такими словами:

— Прямая любовь всегда сопряжена с ревностию, они, совокупяся вместе, сделали меня догадливым и разумным. Во-первых, искал я случая поссориться с Ахалем; а как оное мне удалось, то я, для отмщения моего, вознамерился переведаться с ним на шпагах, но в сем случае действовала весьма изрядная выдумка. Опасался я только того, чтобы он не отказался от поединка. Вчерашнего дня в назначенный от меня час дожидался я уже его в роще, и как только он приехал и, оставя карету шагов за пятьсот, пришел ко мне в рощу, я, выняв свою шпагу, велел ему изготовиться, к чему приступил он с великою трусостию, я же, давая ему послабление и желая лучше обмануть его, сказал ему, что не изволит ли он переведаться со мною на пистолетах. Он на сие охотнее согласился, ибо стреляет он чрезвычайно хорошо. Таким образом, вынул я из кармана два пистолета, совсем изготовленные без пуль, чего он в трусости приметить не мог, один дал я ему, а другой оставил у себя, и, отошед на некоторое расстояние, дали друг другу знаки к сражению и выстрелили оба вместе. Я упал и притворился застреленным. Слуги мои бросились ко мне и начали выть и кричать, как оным было приказано. Ахаль думал, что и подлинно застрелил меня, бросился в карету и вчера же ввечеру уехал из города.

После его слов начали мы хохотать, а после смеха благодарили судьбину за ее к нам снисхождение. Таким образом, досталася я Свидалою в полную его волю, и он радовался более, нежели тщеславный предводитель о завоевании неприятельской крепости, а Ахаль, думаю, в это время погонял своих лошадей и уезжал от мнимой своей погибели.

Любовник мой читывал негде, что Купидон позолотил свои стрелы и сею хитростию покорил себе все смертное поколение, и для того в нынешнем веке всякое сердце желает быть пронзено золотою стрелою, а в случае бедности и самая красота не очень пленяет. Таким образом, для подтверждения взаимной нашей страсти, определил он мне по две тысячи годового жалованья, выключая подарков и других моих прихотей; сверх же того обещал подарить мне тысячу рублей, ежели рожу я сына и он будет походить на него, и так начала я молить бога, а то и позабыла, что небо не обязано благословлять наши беззакония, хотя бы, впрочем, начинали мы оные и с молитвою. Богатство сие меня не веселило; ибо я уже видала оного довольно, но предприняла быть поосторожнее и вознамерилася запастись для нужного случая. Определила шкатулку, в которую клала чистые червонцы, чтоб в случае перемены счастья послужила она мне подпорою.

В сие время судьба даровала мне подругу; она была купеческая жена, но дворянская дочь, женщина весьма искусная и знающая, как показывать вид такой женщины, которая имеет великое богатство, а в самом деле имела она посредственное имение, но из кротости и доброго домостроительства будто бы она не хотела признаться достаточною. Купец взял ее не за имя и не за приданое, а единственно за ее красоту, он ее любил чрезвычайно; однако жил с нею в разных покоях для сбережения собственной своей чести, а больше жизни. Жена его была остра и на всякие выдумки способна, чего он так опасался, как морового поветрия, и в первый месяц после брака хотел он ее оставить охотно; она была из тех женщин, которые сочиняют романы и пишут предуведомления к оным стихами, чего ради собиралось к ней множество остроумных молодых людей, кои для хороших их наук и художеств посещали ее всегда в отсутствие ее мужа, и кто был поискуснее прочих, тот приискивал для нее богатые рифмы. Таким образом, занята она будучи рифмоторною сею наукою редко и спала со своим мужем.

В первый раз, как я к ней приехала, то нашла ее весьма великопленною, сидела она тогда в постеле, а около ее находилось премножество людей ученых, из которых у каждого торчала из кармана писаная бумага, и они по очереди перед собранием прочитывали свои сочинения и полагались на вкус и на рассуждение хозяйки. Неудивительно мне казалось, что учтивые господа просили в том ее советов, но то представлялось мне чудно, что она бралася за все и всякое сочинение хвалила и хулила так,

как ей заблагорассудилось; а когда вошел ее муж, то все встали, сделали ему почтение и вились ему в душу так, как будто все сие собрание были ему истинные и искренние друзья. Я с хозяйкою обошлася весьма ласково и без всяких дальних учтивостей, ибо были мы с нею одного ремесла, а для начала нашего знакомства часа в полтора переговорили мы столько, что целая бы школа не выучила того в неделю. Я узнала, кто она такова, а она уведомилась обо мне подробно, и так познакомились мы с нею совершенно и назвалися сестрами до тех пор, покамест не придет случай нам разбраниться.

На другой день я была у нее на вечеринке и тут-то насмотрелася различных интермедий. Дом ее показался мне обитанием любви, и все люди ходили и сидели в нем попарно. Чуднее всех показался мне один старик, который уговаривал тринадцатилетнюю девушку, чтобы согласилася она выйти за него замуж. Сколько уговаривал он ее словами, столько приманивал яблоками и апельсинами, которые очень часто вынимал он из карманов и подавал ей с великою учтивостию, а та, не разумея политики, пожирала их так исправно, как будто бы век оных не видала.

В углу сидел какой-то молодец с бабушкою и разговаривал весьма скромно. Сего молодого человека хотела было я похвалить за то, что имеет он почтение к своим предкам и в угодность своей бабушке оставляет вертопрашные увеселения, но хозяйка уверила меня, что это любовник с любовницею. Молодой человек уверяет ее, что он ее чрезвычайно любит и, убегая от хронологии, которая престарелым кокеткам не весьма приятна, говорит ей:

— Вы, сударыня, весьма приятны, ветрености в вас никакой быть не может и всех тех пороков, которые молодости приличны; зрелые лета имеют свою цену, и вы будете обузданием моей молодости.

Он имел намерение на ней жениться с тою надеждою, что сия беззубая Грация не проживет на свете больше года, а достаточное ее приданое сделает молодцу изрядное удовольствие.

Высокий и пузатый дегина был тут всех вольнее, по причине той, что он в случае нужды служил в великое удовольствие хозяйке; хохотал так громко, что заглушал басовую скрыпицу. Он играл в карты с некоторою девицею, которая так была тучна, что весьма много походила на скелета. Это была его невеста, которую он с высоты своей премудрости назначил к себе на ложе.

Там позолоченный офицер повертывался около одной судейской жены и учил ее умножению. Инде красавица приставала к задумчивому щеголю и представляла ему себя ко услугам. Посередине сидел малорослый стихотворец и прокрикивал стихи из сочиненной им трагедии; пот валил с него как град, а сожительница его в то время белым платком утирала напольного офицера. Одним словом, нашла я тут любовную школу, или дом беззакония. Впрочем,

хозяйка имела передо всеми преимущество: с кем бы какой кавалер ни начал свою любовь, то с хозяйкою непременно оную окончат, по причине той, что она была женщина всякой похвалы достойна и любила сожителя своего гораздо издалека. Свидаль за мною заехал, и так, простившись со всеми, поехала я домой; тут вселилось в меня рассуждение о женщинах. Многие бывают из нас чрезвычайно ветрены, и для того некоторые ученые люди и господа философы все вообще нас ненавидят, однако по рассуждению моему нашла я, что хула их сама по себе ничего не значит, ибо для прелестей сего пола нередко дурачились господа философы. Сократ почти был главный неприятель рода нашего; однако не мог обойтись без женитьбы, и в воздание за презренье к нам имел он жену самую своенравную, которая съедала его сердце так, как ржа железо.

Был у меня на службе малороссиянин, детина проворный и услужливый; он выкидывал разные штуки, как то: глотал ножи и вилки, выпускал из яиц голубят и продевал сквозь щеку иглу, запирали губы замком и прочая, почему заключили об нем, что он колдун. Поутру рассказывал он мне, что служанка моей знакомки открыла ему некоторую тайность, а именно, с полгода уже тому времени госпожа ее ищет такого человека, который бы извел ее мужа, но чтобы было это бесприметно, и дает за это сто рублей, и просила моего слугу, чтобы он вступился в это дело.

— Я не отказался, — продолжал он, — и хочу ей услужить.

Услышав от него такое намерение, я испугалась и говорила ему, что я на это не согласна и, конечно, намерение его объявлю всем людям. При сем слове он усмехнулся и сказал:

— Вы, конечно, сударыня, еще не много искусились в свете и думаете, что люди делаются врагами себе самопроизвольно. Я знаю, что отвечать за это тяжело, и для того, конечно, не впускаюсь в дурные следствия, намерен сыграть комедию, за представление которой получу я сто рублей, невинный же купец останется жив; первое вступление начну я сегодня, увольте меня к ним.

Я его отпустила, и он пошел, однако рассудилось мне, что при игрании сей комедии должно быть мне самой и открыть ее Свидалью, чтоб не произошло из того какого худа. Как я думала, так и сделала.

Слуга мой пришел и принес пятьдесят рублей, которые взял он у них на составление яду, ибо он рассказывал им, что яд, который начинает действие свое через неделю, становится весьма дорого. Свидаль спрашивал его, что же он намерен делать?

— Составить яд, — отвечал он: — вы увидите, что и я не последний медик, а составив оный, при вас же выпью его рюмку, чтобы вы не опасались из того худых следствий.

И так варил он некакие травы и составлял тот яд часа с два, а как спросили мы его, во что он ему стал, то он сказал нам, что в шесть копеек с полушкой. Наливши его в склянку, остатки выпил при нас и сказал, что если принять сей состав в пиве, то дней через пять на полчаса времени столько рассердится человек, что готов будет переколоть всех своих домашних или кто ему ни попадетя и после никакого вреда чувствовать от того не будет. Мы ему в том поверили и отпустили его с составом к моей знакомке, которой дал он наставление, как поступать в то время, когда будет действовать данный ему яд. В пятый день поутру, как сказывали нам, купец взбесился и метался на всех своих домашних, таким образом, связали ему руки и ноги и положили в постелю. Знакомка моя послала за всею роднею, которые собрались видеть ее несчастье, к чему приглашена была и я. Свидаль также хотел того поглядеть, и так поехали мы оба. В то время как мы приехали, перестал уже яд действовать, и купец находился в прежнем своем рассудке; однако все люди утверждали, что он без ума и что разум его совсем помешался; он доказывал, что он в трезвом рассудке; только никто тому не верил и развязывать его не хотели. Наконец принялся он просить их, чтобы они его освободили, но из сожаления к нему сделать этого не хотели. Потом начал он всех ругать и говорил, что, конечно, в этот день весь свет сошел с ума; таким образом, приятели и родные принялись его уговаривать, а жена, сидя против его, плакала и приказывала людям, чтобы они держали его крепче; он скрежетал на нее зубами и хотел перекусить ее пополам.

Жена уверяла всех, что он уже безнадежен, и для того хотела при всех освидетельствовать, сколько у него векселей и других записок, и как стали вынимать у него для того ключи, то начал он кричать: «Караул! Разбой! Грабят!» и прочая; чего ради многие присоветовали окурить его ладаном и крестить поминутно, чтобы отогнать от него нечистую силу, которая невидимо мучила его несказанно. Несчастный купец не знал, что тогда и делать, принялся он за слезы и начал весьма горестно плакать. Все слезам его соответствовали; однако никто развязывать его не хотел, ибо жена и все их домашние сказывали, что он всех было перерезал и что верить ему ни в чем уже не надобно, ибо он совсем рехнулся. Не было ему избавления ни в ком, того ради начал он просить отца духовного. В одну минуту за ним послали, и когда он пришел, то вышли все из комнаты и оставили их двоих.

С полчаса спустя времени вышел оттуда священник и говорил всем, что он находит его в совершенном уме и в надлежащей памяти.

— И вы напрасно так строго с ним поступаете, — примолвил он: — развяжите его, я вас уверяю, что он нимало не помешался в разуме.

И так оставил он их дом, смеясь, может быть, их дурачеству. Все тут бывшие хотели беспрекословно священнику приказу повиноваться, а одна только жена тому противилась и просила всех со слезами, чтобы не развязывали ее супруга, однако ее не послушались и развязали. Человек столь огорченный, конечно, позабудет всякую благопристойность и вознамерится отомстить своему злодею; купец бросился на свою жену и, ухватя ее за волосы, повалил на пол. Все, сколько тут ни было людей, бросились на него и, несмотря ни на сопротивление его, ни на просьбу, скрутили его опять и положили в постелю, приговаривая:

— Теперь уже ты нас не обманешь, изволь-жо опочивать спокойно, а то ты неугомонен.

Купец, не видя способа ко избавлению своему, умолял и попустил свирепствовать над собою несчастною, о котором думал он, что оно по прошествии злого времени угомонится и что люди, пришедши в разум, признают его не сумасшедшим, и так положил он покориться беснующемуся року.

Время уже подходило к обеду, а хозяин страдал еще в пенных оковах, наконец принужден он был признаться, что он действительно сходил с ума и теперь, благодаря судьбину, пришел в прежнее чувство; таким образом, дал он клятву, что никого больше обеспокоивать не будет, и разрешился от связания. Весело было тогда смотреть, как он ходил по горнице задумавшись, и все боялись подступить к нему и ходили около его кругом. Что ему тогда представлялось, когда все люди почитали его неправильно сумасшедшим? Наконец набрали на стол и все сели, на всем столе не было ни одного ножа, ни вилки, ибо опасались, чтоб тут не нашел на него благой час и не заколол бы он кого-нибудь. В самое это время приехали гости, оных уведомили еще в передней о несчастии хозяина, вошедши, они стали у дверей и говорили ему оттуда: «Здравствуй, государь мой!», а подступить к нему боялись и, севши за стол, глядели на него с удивлением, так, как на сущего дурака. Досада написана была на его лице, он хотел в сию ж минуту отомстить своей злодейке, но боялся опять быть связанным. Хотелось ему хотя исподволь уведомиться о своей судьбине, и лишь только спросил он: «Почему вы сочли меня безумным?», то все было бросились опять его вязать, ибо думали, что опять блажь на него нашла. Поистине казался он мне жалок, что, будучи в доме хозяином, не мог ни жене, ни слугам своим выговорить ни слова.

Свидаль с позволением хозяев вышел на час из-за стола и, пришедши оттуда, говорил хозяину, что есть у него слуга, который великий мастер сказывать сказки: «Не угодно ли вам, пускай он скажет одну для разогнания беспокойных ваших мыслей». Хозяин был тому чрезвычайно рад и говорил с Свидалем почти сквозь слезы. Свидаль кликнул нашего малороссиянина и приказал ему сказывать, а выходя, научил его, что говорить и как,

а слуга приказ его совершенно должен был исполнить, и так начал он свою сказку, которая не только всех, но и меня чрезвычайно удивила, для того что я совсем о том не думала, а Свидаль сделал это из одного сожаления к хозяину, о котором соболезновал он уже нестерпимо.

СКАЗКА

Некоторый богатый купец, пришедши в совершенный возраст и не имея у себя ни отца, ни матери, вздумал жениться. Он не искал приданого, а искал красавицу и добродетельную и чтобы была она обучена всем тем художествам и наукам, которые бы делали ее разумною матерью, попечительною хозяйкою и любви достойною женою, но как ныне весьма трудно сыскать такую женщину, то напал он на дочь некоторого секретаря, которая была довольно хороша и знала ту науку наизусть, которая не позволяет оставлять молодого мужчину в нужде. Впрочем, была она и не без приданого и принесла с собою весьма много имения, которое состояло в недействительных рукоприкладных бумажках, пространных требованиях и в нелестной надежде, что получит она наследство после своего дяди, который теперь находится за делами в Сибири, и если он умрет не женясь, бездетен и не оставив после себя духовной...

При сем слове хозяин обернулся к слуге, сказал:

— Пожалуй, на час. — И потом говорил Свидалью: — Государь мой, это настоящая моя история, и ее бы, я чаю, ни самый лучший сочинитель описать так живо не мог.

— Извольте слушать, — сказал ему Свидаль, — окончание ее вам будет весьма приятно, а хозяйшке вашей поносно, но пороки всегда публично наказываются, и это я делаю из сожаления к вам. Я знаю, что вы не без ума, будьте хозяин в своем доме и прикажите ей сидеть и слушать.

А знакомка моя хотела было тогда идти вон, хозяин ей приказал, чтобы она сидела:

— И если ты что сделала дурно, то пускай и родители твои это услышат, а они теперь находятся с нами. Изволь продолжать, — говорил хозяин слуге нашему, — а милостию твоего господина я очень много обязан и вижу, что безумство мое выходит теперь наружу, чему я чрезвычайно рад.

— Брак их совершился, и она в половине первого месяца мужем своим наскучила и начала успокаивать натуральное к нему омерзение с некоторыми рифмосплетателями, которые посещали ее всякий час. Сожитель ее такое посещение хотя и считал подозрительным, однако говорить ей о том не смел, ибо переливалась в

жилах ее благородная кровь, так он опасался ее обесчестить. Наконец познакомилась она с некоторою госпожою, которая называется Мартона и у которой находился в услугах малороссиянин Ораль. Оный слуга знал различные фокусы, и для того почитали его колдуном. Супруга того купца его подговорила, чтобы он отравил ее мужа, и обещала ему за то сто рублей. Ораль взялся и объявил это своей госпоже, которая, опасаясь худого следствия, спрашивала своего слуги, какой намерен он составить яд? А как тот ее уведомил, что он к безбожному столь делу приступить не намерен, а желает только получить обещанные ему деньги и купецкую ту жену обмануть. И так, составив яд, выпил он сам прежде пред своею госпожою яду того рюмку; следовательно, было то действительным доказательством, что яд тот не вреден. Взял тот слуга с госпожи купецкой жены денег пятьдесят рублей для состава того яду: он сделал в шесть копеек с полушкою и отдал ей в руки. Она поднесла своему мужу с тем намерением, что он умрет; и как сделался с ним некоторый припадок, то его связали и положили на постелю. А окончание моей сказки сделалось с вами, господин хозяин: вы оное знаете, да и все ваши гости, следовательно, досказывать я вам не буду.

После сего слова вскочил хозяин с своего места и поцеловал нашего слугу в темя, благодаря его за избавление свое от смерти, и дал ему еще четыреста пятьдесят рублей, говоря, что:

— Вместо ста рублей имей ты теперь пятьсот за твою добродетель. Что же касается до жены моей, то я скажу данное нам от праведных правило: «уклонися от зла и сотвори благо» и совсем отомщевать ей за ее беззаконие не намерен. Будете ли вы довольны, сударыня, — говорил он ей, — я куплю вам деревню на ваше имя: вы извольте туда ехать и живите там благополучно. Мне вы не надобны, и я жить с вами больше не намерен, а чтобы не понести вашей чести, то я нигде о несчастьи моем и говорить не буду.

Таким образом кончилась комедия, в которой был первым действующим лицом мой слуга, и который был хозяином чрезвычайно доволен. Купец вознамерился действительно купить деревню своей жене и ее туда сослать, благодарил моего любовника за посрамление его сожительницы. И так расстались мы с ними в тот вечер, хотя и не думали, чтоб надолго, однако против чаяния нашего навеки.

Вся наша жизнь состоит в провозждении времени. Некоторые люди проводят ее в трудах и в делах, обществу полезных, а другие в праздности и безделках, несмотря на то, что роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, под видом сладости вливают в душу нашу и тело зловредную язву, наносят бедность и смертельные болезни, а в любви все люди упражняются на досуге.

Свидаль от гражданских дел был завсегда свободен; а я не обязана была никакою должностью; следовательно, были мы

люди праздные, или бездельные, таким образом ни одного часа и ни одной минуты не упускали упражняться в любовных обращениях.

По прошествии довольно времени получила я письмо следующего содержания.

Государыня моя!

Природа производит человека на свет с тем, чтоб по испытании разных коловратностей оного умереть, следовательно, никто избегнуть не может определенной сей части. Счастлив тот человек, который умирает благополучно и, не чувствуя никакой беды, оставляет сей свет без сожаления. А я, пренесчастливый смертный, лиша приятеля моего жизни, лишился через то любовницы и ныне для той же причины лишаюся жизни... Несносное мучение! ужас меня объемлет, когда приступаю я уведомить вас о моем несчастье. Я принял яд, готовлюся к смерти и ожидаю оныя весьма скоро и осмеливаюся просить вас, чтобы вы удостоили меня увидеть вас в последний раз. Слуга мой скажет вам, где я, ожидающий вас с нетерпеливостью.

Ахаль.

Хотя гонители премудрости и наперсники Венерины, господа петиметры, и говорят, что сожаление нашей сестре нимало не сродно, однако я почитаю, что они в сем случае столько знаючи, сколько философы в доказательстве о том, что есть поделуй. Прочитав сие письмо, почувствовала я в себе ужасное сокрушение. Дурной против меня поступок Ахалев совсем истребился из моей памяти, и одни только его благодеяния представлялися живо в моем понятии. Я плакала о его кончине и сожалела его столько, сколько сожалеет сестра о родном своем брате, который наградила ее приданым и от которого не остается ей в наследство ни капли. Послала я тотчас уведомить о сем Свидаль, который, нимало не медля, приехал ко мне и велел мне готовиться ехать к Ахалию, чтоб застать его в живых. Таким образом, весьма в скорое время мы собралися и поехали оба вместе, а слуга Ахалев был у нас провожатым.

То место, в котором Ахаль находился, было от Москвы верст за двадцать, и когда мы начали подъезжать к нему, то Свидаль вышел из кареты и велел мне одной ехать, а сам хотел показаться Ахалию после и просил меня и слугу его, чтобы мы не сказывали Ахалию, что Свидаль находится в живых; ибо он сам хотел перед ним извиниться и испросить у него прощения в толь гнусном и неумышленном проступке.

Как только въехала я на двор, то услышала ужасный плач ото всех домашних; ибо этот был двор Ахалев, который купил он на мои деньги. Я думала, что он уже скончался, ноги мои подогнулись, и я находилася тогда вне себя, как выходила из кареты; однако уведомили меня, что он еще жив. Когда я вошла в комнату,

то вид оной представился мне весьма страшным: она обита была, как пол, так стены и потолок и, словом, все черною фланелью, кровать стояла с таким же занавесом, на котором положена была белая высечка, стол покрыт также черным, а другой стоял впереди; на оном виден был крест, под которым лежал череп человеческой головы и две кости, а перед образом стояла лампада. Ахаль сидел за столом и читал книгу, на нем был черный шлафрок и черный колпак с белою обвивкою: он, читая, плакал чрезвычайно горестно. Услышавши, что я вошла, взглянул на меня с великим прискорбием и, залившись пуще слезами, говорил так:

— Государыня моя, вы видите такого человека, который оставляет сей свет и отходит в неизвестную ему дорогу. Различные воображения терзают мое сердце, и неукротимая совесть, как первый судья дел наших, представляет мне ясно, что я всем на свете гнусен, сделавшись смертоубийцей самопроизвольно; душа, пораженная моею рукою, кажется мне, что стоит у престола правосудия и просит праведного мне отмщения; итак, предупреждая гнев судьбины, наказал я сам себя за сделанное мною злодейство. Сядьте, сударыня, я расскажу вам мое несчастье.

«Как приступил я к богопротивному делу и умертвил Свидаль, о том, я чаю, уведомлены вы от кого-нибудь; а я, будучи в заблуждении моего разума, рассказать вам не в силах. Простившись с вами, предпринял я бежать от моего беззакония и лишиться того места, которое представляло мне живо мое злодейство и грозило за то правильным и бесчестным наказанием. От места я удалялся, но от терзания совести моей удалиться не мог: оно за мною всюду следовало, везде меня мучило и приводило в раскаяние. Наконец напал на меня ужасный страх, и когда я засыпал, то Свидаль, приходя, будил меня и, стоя передо мною, плакал весьма горько. Ужас меня обуял, и я ни днем, ни ночью не имел покоя. Где я ни ходил, страх за мною следовал, и наконец собственная моя тень приводила меня в ужас. Не видав никакого способа к моему избавлению, предпринял я окончать поносную жизнь и лишиться того света, которого я ненавидел, может быть неосновательно, и который возненавидел меня справедливо. Возвратился я сюда и как скоро прибыл, то, учредив все к моей кончине, выпил яд и почитаю уже себя мертвым, а при кончине жизни моей вижу, что я еще счастлив и могу проститься с тою, для которой я жил и пострадал. Уверял я вас в моей жизни, что я вас люблю, и при кончине оной то же подтверждаю. Вот вам крепость на сей двор, который я купил на ваши деньги; и она писана на ваше имя, вот вам и моя духовная; я безроден и отказал все сие имяние вам. Сим свидетельствую, что вы мне были милы».

При сих словах не могла я удержаться от слез и была уже не в силах сокрывать ту тайну, о которой просил меня Свидаль, и как только вознамерилась было говорить ему об оной, то увидела, что

лицо его переменялось, глаза остановились, ужасное трясение вступило во все его члены. Он не говорил больше ни слова и жал весьма крепко мою руку. Я подумала, что уже, конечно, последний час его жизни наступает и выпитый им яд начинает свое действие. Чего ради закричала я, чтобы вошли к нам люди. От голоса моего пришел он несколько в себя и стал просить у меня извинения в том, что, может быть, в чем-нибудь он меня обеспокоил, и говорил уже весьма смутно, так, что ни начала, ни окончания его речи приметить было невозможно, и казался он мне совсем отчаянным жизни. Я просила его слуг, чтобы постарались они сыскать Свидаль и уведомить его, что Ахаль уже отходит, и чтобы он спешил принести ему свое извинение. Услышав имя Свидаль, пришел он в пущий беспорядок; ужас его обнял, и мало подкрепляющий его разум совсем уже оставил. В великом испуге говорил он так:

— Ужасная тень! хотя при последнем моем издыхании оставь меня в покое. Я знаю, что мщение твое справедливо, справедлив твой гнев и твой убийца достоин от тебя всякого наказания. Я трепещу и без великого ужаса взглянуть на тебя не смею. Ты представляешься мне в крови, без дыхания и без гласа. Все оное я у тебя отнял, всему причинею я и достоин всякого истязания во аде. Я готов на все муки, какие только тебе и огорченной мной судьбине угодны. Я мерзок сам себе и для того сам и прекратил ненавистные дни мои и сожалею, что лютая смерть еще медлит вырвать из меня с мучением мою душу. Я уже готов, и все к тому учреждено.

Все, сколько нас тут ни было, старались подавать ему помощь. Я плакала неутешно, а слуги его ревели несказанно, ибо он был милостивый до них господин. Посылала я за лекарями, но мне сказано, что запрещено им под проклятием никакого не привозить к нему и что они дали в том ему присягу; следовательно, что мне взошло только на ум, тем я его и пользовала. Несколько он опаматовался и просил меня, чтобы я не трудилась в подавании ему помощи, — «ибо она уже для меня не надобна», — говорил он. В самое это время вбежал весьма поспешно Свидаль. Как скоро увидел его почти бесчувственный Ахаль, рванулся из наших рук и пришел в ужасное испугание; бился он и рвался, кричал, сколько силы его дозволили, и походил совсем на сумасшедшего. Сколько сил наших было, мы его держали и прикрыли наконец одеялом, чтобы несколько собрал он расточенного своего разума и лишился бы того ужаса, который он почувствовал, увидевши убитого им Свидаль, как он об этом думал и представлял, что злодейство его выше всякого беззакония на свете.

Р Е Ч И
ДЕПУТАТОВ
КОМИССИИ
для
СОЧИНЕНИЯ
НОВОГО
УЛОЖЕНИЯ

МАНИФЕСТЫ
ПУГАЧЕВА

«Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России». ¹ Именно во второй половине XVIII века гнет крепостничества принял особо жестокие формы. Права дворян возрастали из десятилетия в десятилетие, находя свое выражение в специальных самодержавных указах «о вольности дворянской» и «жалованных грамотах». Крестьян полностью отдали на «милость и попечение» помещиков. Ответом на эту политику самодержавно-помещичьего государства явились крестьянские восстания. Классовая борьба крестьян со своими поработителями помещиками принимала из года в год все более ожесточенный характер. В 60—70-е годы XVIII века эта классовая борьба крепостного крестьянства против помещиков, которых поддерживало царское правительство, приняла грозный характер. Умножавшиеся из года в год крестьянские бунты становились фактором внутренней политики — их боялись уже не только помещики, но и правительство. Год восшествия на престол Екатерины II ознаменовался десятками бунтов. Царствование ее проходило в зареве больших и малых восстаний. Вся политическая деятельность самодержавного правительства в 60—70-е годы и определялась прежде всего именно этой классовой борьбой. Напряженный характер борьбы и определил лицемерно либеральную, полную фарисейских обещаний реформ, а на деле цинично открытую крепостническую и деспотическую политику Екатерины.

Но не только правительство реагировало на грозный крестьянский вопрос. Лучшие люди из дворянства все с большим вниманием присматривались к положению крепостных, прислушивались к голосу их протеста. Маркс, характеризуя особенность общественного развития в России в 70-е годы XIX века, писал: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа». ² Этими «умами» в 60-е годы были: просветитель-философ Яков Козельский, юрист государствовед Полепов, профессор университета демократ и атеист Аничков, автор конституционного проекта государственного преобразования Десницкий, писатель и просветитель Новиков. В 80-е годы такими умами, связанными с телом народа, были: писатель-сатирик Фонвизин, просветитель Кречетов, юный сатирик Крылов и, наконец, первый русский революционер Радищев.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 8, стр. 300.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, стр. 88.

Крестьянские восстания усиливали эту связь, помогая лучшим людям из дворянства понять ужас крепостнического положения, чаяния и нужды народа, стихийно и неосознанно бьющегося за свои права. Но было в XVIII веке еще одно важное политическое событие, которое особо способствовало укреплению этой связи. Этим событием явилось вторжение в господствующую дворянскую культуру идеологии угнетенных крестьянских масс — вторжение непосредственное в виде политических писанных документов, в которых самим крестьянством были изложены и его жалобы и его требования. Впервые в 1768 г. крестьянские депутаты в Комиссии рассказали о положении крепостных и поставили перед «дворянским корпусом» и самодержавным государством вопрос о необходимости смягчить крепостное право. Через несколько лет вторично требования народа и его подлинные желания — отмена крепостного права, конфискация помещичьих земель и т. д. — были записаны опять же самими мужиками в указах и манифестах Пугачева. Эти речи крестьянских депутатов в Комиссии и манифесты Пугачева и можно назвать подлинной народной публицистикой.

Совершенно несомненно, что эта народная публицистика, открыто вторгаясь в господствовавшую дворянскую культуру, имела огромное политическое значение в общественной жизни России 60—70-х годов. Понять, что могла значить эта народная публицистика в идейном отношении, поможет оценка Лениным речей крестьянских депутатов в III Государственной думе. Ленин писал: «Речи *крестьян* в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средневековой, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность *простых* крестьян, которая лучше, чем длинные рассуждения, доказывает, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в крестьянских массах против дворянства, помещиков и Ромаловых». ¹

Так высоко оценивал речи крестьянских депутатов В. И. Ленин в эпоху после революции 1905—1907 гг., в эпоху, когда за свободу народа боролся рабочий класс, создавший партию большевиков, единственную до конца революционную партию, партию нового типа, «могучую революционную партию масс». ²

Общественно-политическое значение выступлений крестьянских депутатов и особенно пугачевских манифестов в эпоху, когда крестьянство боролось за свои права одиноко, без союзников, и прежде всего без своего руководителя, рабочего класса, чрезвычайно велико. Несомненно, выступления крестьянских депутатов в Комиссии могли появиться только на почве беспрепятственных крестьянских бунтов, и потому они беспомощно и стихийно, боязливо и робко, сами того не сознавая, все же выразили революционность крепостной массы. Манифесты Пугачева прямо рождены в пламени крестьянской войны. Общественный смысл вторжения в господствующую дворянскую культуру народной публицистики поэтому состоит в том, что в ней

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 15, стр. 155.

² В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 85.

крестьяне сами непосредственно и самостоятельно излагают свои мысли, передавая с беспримерной точностью и документальностью настроения и чаяния широких крепостных масс. С этой поры передовым дворянским деятелям, первым русским просветителям, не надо было «догадываться» о положении крепостных, следовало прежде всего внимательно и честно прислушаться к голосу самого народа.

Попытка русских крепостных в пору своей антифеодальной борьбы выступить с письменным изложением своих нужд и требований есть замечательная черта русского общественного движения. Ее следствие — высокая идейность, демократизм, антибуржуазность и, наконец, революционность русского просвещения, прошедшего путь от Ломоносова и Козельского через Новикова и Фонвизина к Радищеву — единственному в XVIII веке просветителю-революционеру.

Трудно переоценить идейное значение этой народной публицистики для русской литературы XVIII века. В эпоху, когда в порядок дня истории была поставлена борьба с феодализмом, русские крепостные вели ее самостоятельно, и потому это было подлинно «демократическое движение». ¹ Известно, что в случае успеха крестьянское восстание могло привести только к установлению буржуазно-демократических порядков. Но эта победа крестьянства могла быть достигнута лишь при наличии класса гегемона. Такими классами, могущими возглавить борьбу крестьян, являются, как учит товарищ Сталин, или буржуазия, или пролетариат. Во Франции, где именно в эти годы зрела буржуазная революция, крестьянство имело союзников в лице буржуазии, а она, буржуазия, и создала идеологию этой борьбы, идеологию чисто буржуазную и антидемократическую.

В России буржуазия революционной никогда не была. С первых шагов своего исторического существования она была труслива и откровенно корыстна, заботясь всегда лишь о своих экономических выгодах и привилегиях, вполне мирясь с самодержавием и крепостным правом. Больше того, как раз в 60-е годы в Комиссии для сочинения нового Уложения русские купцы и заводчики выступили на стороне помещиков против крестьянских депутатов, всячески добываясь для себя права владеть крепостными наравне с дворянами. Историческим гегемоном крестьянства в России стал рабочий класс, руководимый коммунистической партией большевиков. Без рабочего класса крестьяне победить не могли. Их восстания были стихийны, неорганизованны, лишены ясной политической программы. Говоря о причине поражения крестьянского восстания 1902 года, Ленин писал: «Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *неподготовлено*. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями. Вот три причины первой крестьянской неудачи. Чтобы восстание было успешно, надо, чтобы оно было сознательное и подготовленное,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 9, стр. 409.

надо, чтобы оно охватило всю Россию и в союзе с городскими рабочими». ¹ Этими же причинами объясняется поражение и всех беспрестанно возникавших восстаний в XVIII веке. Более того, крестьянское движение не оказывалось в состоянии самостоятельно создать политическую теорию, выработать свою политическую программу. Идейному движению крестьян свойственны такие, например, черты, как патриархальная вера в «доброту барина», как царистские убеждения, всегда разоружавшие народ в подлинно демократической борьбе за свободу. «В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю». ²

Тем большее значение приобретает народная публицистика XVIII века, так полно передавшая чаяния, настроения и стремления крестьянских масс, страдающих под ярмом рабства.

2

Впервые в XVIII веке с изложением нужд крепостных и жалобами на «отягощения» выступили крестьянские депутаты в Комиссии для сочинения нового Уложения. Созыв Комиссии был спекулятивным политическим маневром Екатерины, вот почему всю эту затею Пушкин и называл «отвратительной фарсой». Она нужна была новой императрице для обмана дворянской оппозиции, для распространения легенды, что в лице Екатерины вззошел на русский престол «просвещенный монарх», желающий «советоваться с представителями нации», выражающий желание создать новое законодательство, жаждущий искоренить «злоупотребления и неустройства». В действительности Екатерина ни в малой мере не собиралась что-либо менять в законодательстве. Не нуждалась она и в каких-либо советах, которые рассматривала как попытку ограничить ее самодержавие. Комиссия должна была, по замыслу Екатерины, быть тем местом, где собранные депутаты «от усердия благодарности» должны были прославлять ее за «человеколюбивый подвиг», за «матернее попечение». Поэтому вся законодательная работа Комиссии была сведена правительством Екатерины к нулю, ее деятельность оказалась бесплодной. Но в то же время заседания Большого собрания Комиссии и разбушевавшиеся там политические споры имели огромное идеологическое значение, являясь крупнейшим политическим событием до восстания Пугачева. И случилось это вопреки замыслам Екатерины, случилось благодаря активности крестьянских депутатов. Эта же активность послужила и причиной роспуска Комиссии

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 6, стр. 385—386.

² В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 8, стр. 219.

в декабре 1768 года, когда перепуганная императрица поспешила исправить свою ошибку.

К 30 июля 1767 г. в Москву съехалось 564 депутата. Из них 28 были назначены от правительственных учреждений, 161 выбраны дворянами, 206 представляли города — преимущественно купцы, 57 — от казачьих войск. Крепостные крестьяне не были допущены в Комиссию, но зато было разрешено выбрать депутатов от пахотных солдат, черносошных крестьян, однодворцев и иноверцев. Общее число депутатов от податных крестьян составляло 112. И этот факт оказался важнейшим во всей работе Комиссии. Все крестьянские депутаты привезли с собой наказы избирателей, которые наполнены были скорбным перечнем «нужд и забот». Все они приехали сюда с определенно деловым намерением заняться составлением таких законов, которые бы покончили с отягощениями и утвердили начало справедливости для всех сословий. Эти настроения крестьянских депутатов разделяли в известной мере некоторые представители передового дворянства, такие, например, как Козельский, Коробьин. О боевом духе демократически настроенных депутатов, совершенно не приходивших «в некоторый род восторга» от мудрости самодержицы, отлично засвидетельствовал сын маршала Комиссии Бибикова: «Некоторые из них (депутатов. — Г. М.), увлеченные вольнодумием, ухитрились предписывать законы верховной власти, другие предлагали уничтожить рабство».

Главным в работах Комиссии была, бесспорно, деятельность Большого собрания. Здесь читались наказы, здесь обсуждались поставленные властью и демократическими депутатами вопросы, здесь разгорались споры, здесь определялись характер и содержание работ всех частных комиссий. Изучение дневных записок Большого собрания позволяет сделать вывод, что из множества частных вопросов два оказались определяющими, заполнившими большинство заседаний, вызвавшими самые ожесточенные прения; этими вопросами были: права дворянства и права крестьянства.

Крестьянская проблема возникала беспрестанно при обсуждении разных других вопросов, всегда как косвенная тема, ибо специально ею Екатерина заниматься не позволила. В мае 1768 г. она возникла при обсуждении частного вопроса о законах против беглых крестьян, но благодаря решительному выступлению депутата Григория Коробьина оказалась в центре работ всей Комиссии. После долгого и скандального обсуждения этот вопрос был передан в комиссию «о государственных родах», которая к декабрю месяцу и подготовила первый вариант проекта (так и не рассмотренный собранием) «О нижнем роде государственных жителей».

Обсуждение Комиссией этих двух вопросов разделило ее на два враждебных лагеря. Дворянские лидеры стремились добиться еще больших прав и укрепления своей власти, пытались совсем предотвратить возможность какой-либо регламентации со стороны правительства их взаимоотношений со своими крепостными. Демократические же депутаты со всей решительностью отстаивали необходимость безотлагательного вмешательства власти в отношении помещиков и крестьян — с целью ограничения прав дворянства и защиты «читателей всякого состояния людей». Они поставили вопрос о дворянской

жестокости, о бесчеловечных притеснениях лишешного всякой защиты крепостного, о неслыханных «разорительных отягощениях». Как видим, Комиссия оказалась втянутой в обсуждение самых коренных вопросов экономической и политической жизни России тех лет. В выступлениях крестьянских депутатов нашел выражение зревший в недрах народа естественный и закономерный протест против жестокой кабалы крепостничества. Выступления демократических депутатов по крестьянскому вопросу, как бы ни были они осторожны, как ни ограничены были требования депутатов, — все же связаны в своей основе с грядущим пугачевским движением.

Дворянский и крестьянский лагеря в Комиссии выдвинули своих политических лидеров. Со стороны дворянства в первых рядах были князь Щербатов, Семен Нарышкин, Михайла Глазов, князь Вяземский и ряд других. Демократический лагерь выдвинул делую группу политических деятелей, доселе никому неизвестных, неплохих ораторов, умевших настойчиво и принципиально защищать интересы крестьян и подавать «примечания» «на голоса» дворян, разбираться в хитросплетениях «Наказа» и всевозможных законов. Этими деятелями были: крестьянин Чупров, казак Олейников, пахотные солдаты Жеребцов и Селиванов, однодворец Маслов и ряд других. К мнению крестьянских депутатов присоединялись дворянин Григорий Коробин, философ-просветитель Яков Козельский, депутат города Дерпта ученый Урсинус.

Во время прений стало ясно, что Комиссия, так опрометчиво собранная самоуверенной Екатериной, превратилась в своего рода съезд прогрессивно настроенных деятелей России, в идейный центр русской демократической мысли, своими работами свидетельствовавший «перед всем светом», что есть в России независимая от правительства, противостоящая сословной дворянской идеологии демократическая общественность.

Как ни была уверена Екатерина II, что созванная ею Комиссия будет послушным орудием ее политики, она написала специальный «Обряд» для Комиссии, в котором высочайше предупреждала депутатов, чтобы они были осторожны, рекомендовала им всячески проявлять свою благодарность и «верность престолу». Если в манифесте о созыве Комиссии, написанном для широкого распространения, депутатам предлагалось заявлять «о нуждах и чувствительных недостатках народа», то в документах внутреннего пользования, не выходявших из рук маршала Бибикова и только регулярно зачитывавшихся для острастки, можно было просто прикрикнуть на депутатов, приказав им не заниматься «своевольством» и проявлять «верность и любовь к престолу».

Демократически настроенным депутатам было ясно, что ни о каких решительных реформах нечего было и думать. Но вместе с тем Комиссия представляла некоторые легальные возможности в постановке важнейших общественно-политических проблем. Вот почему, используя эти легальные возможности, они и поставили крестьянскую проблему, но при обсуждении ее, в силу своей политической ограниченности, идейной слабости, они ставили вопрос не об освобождении, а лишь об улучшении положения крепостных.

Григорий Коробин первым довольно осторожно поставил перед Большим собранием вопрос о необходимости улучшения положения крестьян путем

вмешательства власти в отношении крепостных и помещиков, путем некоторого ограничения прав дворянина на труд и собственность земледельца. Причем необходимость этой защиты прав крепостного Коробьина доказывал тем, что вызвал к чувствам депутатов, рисовал бедствия «питателя» в руках жестоких дворян, постоянно призывал па помощь «человеколюбие». Истории дела складывалась так, что когда вопрос ставился не о ликвидации крепостной цеволы, а только о некоторых правах крепостных, лишь об улучшении их положения, моральные доводы оказывались наисильнейшими. Опасность такой постановки вопроса сразу понял наиболее дальновидный из дворянских идеологов Щербатов. Немедленно выступив против громогласного заявления Коробьина, он предупреждает депутатов о таящейся опасности даже одного обсуждения этих «щекотливых» и рискованных тем. Он заявил, что считает крайне опасным заявление Коробьина потому, что нельзя и не должно заниматься обсуждением бедственного положения крепостных, «дабы, пленяясь оказуемым им человеколюбием и красноречием, сие какого вреда не произвело».

По крестьянскому вопросу выступило 20 депутатов. Весь май месяц 1768 г. шли крайне обостренные споры, порой граничившие со скандалом. Из двадцати выступавших 8 депутатов поддерживали Коробьина — Козельский, Жеребцов, Чупров, Маслов и другие. Дневная записка свидетельствует, что никто из помещичьих защитников не в состоянии был противопоставить хоть сколько-нибудь вразумительные доводы в защиту своей крепостнической точки зрения: оставить положение крестьян без изменения. Переполошившиеся помещичьи идеологи лишь истушленно бранились и грозились по адресу передовых депутатов за то, что те осмелились поставить этот вопрос на обсуждение.

Замечательным в деятельности крестьянских депутатов явился тот факт, что они оказались единственными, кто выступил с защитой не своих частных интересов, а интересов большинства русского народа, интересов не представленных в Комиссии крепостных. Все депутаты рьяно защищали только свои классовые и сословные привилегии: дворяне решительно требовали увеличения своих прав над крепостными, требовали новых милостей; трусливая буржуазия в лице купцов истошно просила разрешить им владеть крепостными; казацкая старшина ратовала за уравнивание своих прав с дворянами. Чупров и Маслов, Олейников и Жеребцов отстаивали не только наказания тех, кто послал их в Комиссию — пахотных солдат, однодворцев и казаков, но и томившихся в рабстве крепостных. Пренебрегая опасностью, отступив от политики защиты только своего, от собственногоического принципа — «своя рубашка ближе к телу», они подняли голос в защиту отсутствующего, самого большого и самого бедствующего класса в России. Уже одно это свидетельствовало о многом.

Легальные возможности Комиссии крестьянские депутаты использовали отлично — они открыто, громогласно, настойчиво и неоднократно заявляли о «нуждах», об «отягощении» крепостных, об их надеждах и желаниях. Но выражая интересы крепостных, эти депутаты выразили и их идейную слабость. «Темнота мужика» выразилась в непонимании политической стороны поста-

вленных вопросов — отсюда вера, что Екатерина может улучшить положение крепостных, отсюда и отсутствие революционных выступлений. Они не отрицали крепостного права, а развивали утопическую идею возможного урегулирования отношений помещиков и крестьян. Вот почему в их выступлениях беспрестанно выражалась надежда на «доброе барина». Каждый из депутатов высказал свой план такого урегулирования, из них план Маслова самый решительный: лишить дворян права владения крестьянами, обязав последних выплачивать определенную правительством сумму как в пользу дворян, так и в пользу государства «особой коллегии или конторе», которая бы и содержала крестьян «под своею апелляцією». Идея возможного ограничения крепостного права породила деление помещиков на «тиранов», «злодеев», «разорителей» и «добрых», «умных», «человеколюбивых». Деревни, смотря по барину, были или «разоренные», или «благополучные». Соответственно делились и русские крепостные на «несчастных» у помещика злодея и «благополучных» у помещика, который был «отцом» своим крестьянам.

Итак, в речах крестьянских депутатов в 1768 г. были сформулированы следующие требования: а) изменить существующий в России режим крепостного права; путь изменения — вмешательство правительства; основа — урегулирование этих отношений на началах «справедливости», «человеколюбия»; б) ограничить личную власть помещика над крестьянами; защитить человеческие и гражданские права крестьян; в) строго следить за исполнением существующих законов; г) способствовать распространению грамотности в деревне, разрешив крестьянам получать образование.

Эти требования народа были поставлены перед русской передовой литературой как первоочередные. Она уже не могла пройти мимо них. Обстоятельства способствовали усвоению этих народных требований, знакомству с этими народными чаяниями: «литература» в лице своих лучших деятелей присутствовала в Комиссии, когда произносились эти речи, когда читались крестьянские указы. Около двух десятков писателей сидело на заседаниях Большого собрания то ли в качестве депутатов, то ли в качестве лиц, «состоящих у письменных дел». Здесь была группа писателей, сочувствовавших речам крестьянских депутатов, — Яков Козельский, Николай Новиков, Александр Аблесимов, Михаил Попов и, в какой-то мере, Василий Майков. Здесь были дворянские литераторы и политические идеологи помещичьего класса — Щербатов, Козицкий, Козловский, сама Екатерина. В Комиссии же в должности «сочинителя» был будущий поэт Гавриил Державин, работали молодые литераторы (Золотницкий и другие), воспитанники Московского университета (братья Карины) и другие.

Деятельность литераторов после роспуска Комиссии показывает, что и они, как депутаты, разделились на два лагеря — одни продолжали защиту интересов крестьян, другие с ещё большей активностью стали защищать сословные дворянские привилегии.

Прежде всего Комиссия «разбудила» Новикова, ее политические споры стали школой его гражданского воспитания. Требования, выдвинутые крестьянскими депутатами, стали в известной мере его программой, их он раз-

впал как писатель-публицист и как просветитель сначала в своих журналах «Трутень» и «Живописец», а потом в своей книгоиздательской и общественной деятельности. Попов и Аблесимов первыми написали драматические сочинения на крестьянскую тему. Конечно, следует помнить, что эти сочинения были далеки от подлинного демократизма. Но ведь и крестьянские депутаты не были революционерами. Среди них мы находим не только последовательного демократа Маслова, но и довольно умеренных по своим воззрениям, таких, например, как Олейников. Связь же творчества Аблесимова и Попова с работами Комиссии несомненна.

Значение публицистических выступлений крестьянских депутатов в идейно-политической жизни России конца 60-х годов очевидно и безусловно: в литературе появилась крестьянская тема. При этом характер обличений помещичьих отягощений, социальный смысл писательских надежд на изменение существующего крепостничества путем частичного ограничения крепостного права, писательской веры в «доброе барина» и возможное воцарение «благополучия», если помещик захочет быть «отцом» своим крепостным, — теснейшим образом связаны с речами крестьянских депутатов. Таким образом сила литературы, поднявшей крестьянскую тему, — в ее творческой связи с настроениями и чаяниями самого угнетенного народа. Идейная ограниченность ее также в значительной мере определена связью с этой публицистикой. Она не оказалась способной преодолеть идейные слабости крестьянства и его веру в «хорошего царя» и «доброе барина».

3

Осенью 1773 года на далеком Яике вспыхнуло восстание, которое оказалось началом еще небывалого в России по своему размаху вооруженного движения многих тысяч крепостных крестьян, заводских рабочих, угнетенных башкир. Это крестьянское восстание существенно отличалось от большинства предшествовавших ему и возникавших впоследствии крестьянских бунтов. Такое же стихийное, неорганизованное, лишенное политического понимания своей борьбы (отсюда царистский лозунг), как и всякое крестьянское восстание, оно, вместе с тем, многим отличалось от обычных бунтов. Прежде всего оно отличалось количеством участников и решительностью, с которой крестьяне отстаивали с оружием в руках свою волю; обнажением глубокой, непримиримой ненависти к дворянам-угнетателям; силой нанесенных правительству ударов (больше года самодержавное правительство, собрав силы государства, регулярную армию, не могло справиться с «возмутителями»); первыми, правда крайне робкими, но изменившими стихийной природе восстания, попытками противопоставить крепостническим порядкам свои, демократические требования. Мы имеем здесь в виду изданные Пугачевым манифесты о ликвидации крепостного права, о возвращении народу волю, о наделении крестьян помещичьими землями, лесами и водами. Наличие именно этих письменных указов, манифестов, постановлений Военной коллегии, в которых были записаны в виде

законов коренные желания русских крестьян, тоже черта, свойственная лишь этой крестьянской войне.

«Тяжесть порабощения», возросшая при Екатерине, решительно подняла крестьян на стихийный протест. Пушкин, изучавший пугачевское восстание, отметил именно этот антидворянский его характер. «Весь черный народ был за Пугачева; духовество ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Так был нанесен решительный удар патриархальной вере крестьян в «доброе барина». Ход войны, ее массовость, справедливое возмездие, обрушившееся на сотни дворян, свидетельствовали о том, что уже множество крестьян поняло: пельзя ждать подачки от «доброе барина», следует уничтожить все «племя дворян» как «злодеев и мучителей». Поэтому в документах восстания мы не встретимся с этой идейной слабостью крестьянства.

Но главное — «темнота мужика», выразившаяся «среще всего в непонимании политической стороны движения», в непонимании, что бороться надо не только против дворян, но и против царя, — лежит и в основании пугачевского движения. Энгельс писал, что русский народ устраивал «бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворян и отдельных чиновников, но никогда не выступал против царя, кроме тех случаев, когда во главе его становился самозванец и требовал себе трона. Последнее великое крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого своей женой, а только лишеного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, теперь бежал. Царь, наоборот, представляется крестьянину земным богом; бог высоко, царь далеко, восклицает он в отчаянии». ¹ Любопытно при этом, что решающим признаком того, что Пугачев был действительно царем, явилась дарованная им народу вольность и земля. Пугачев говорил о себе: «А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верте. Ныне я вас... освобождаю и даю волю детям вашим и внучетам вечно...» «Жалую землями, водами, лесами».

Восстание русских крепостных против Екатерины за своего «хорошего царя» сильнейшим образом подрывало официальную легенду о просвещенном характере екатерининского «самодержавства», о наступлении в России «златого» века. Крестьянское восстание выявило в небывалых дотеле масштабах деспотизм русского абсолютизма, его реакционно-феодальный характер. Тем самым русской литературе были завещаны две важнейшие темы — борьба с крепостным правом и деспотическим режимом самодержавия.

Но этому могучему стихийному движению крестьян за свою свободу не суждено было победить. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Степки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восста-

¹ Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России. К. Маркс. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1933, т. II, стр. 536.

ниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг.¹

Восстание было жестоко подавлено. Несмотря на этот разгром, вооруженная борьба русских крепостных оказала огромное влияние как на всю последующую политику крепостнического государства, так и на общественную жизнь.

Прежде всего правительство Екатерины и дворянство поспешно стали извлекать по-своему понятия уроки — они начали крепить административный аппарат, превращая Россию в полицейское государство. Яркие крепостники, несмотря на панический страх, испытанный за годы крестьянской войны, не пожелали ни в чем поступиться в своих правах, надеясь предотвратить возможную новую «пугачевщину» усилением власти помещика, усилением полицейской мощи государства.

Но крестьянская война, как крупнейшее политическое событие, определила и идеологическую борьбу в дворянском обществе и литературе. Прежде всего перед передовой и прогрессивной частью дворянства встал целый ряд совершенно категорических требований, совершенно ясных политических вопросов, от которых нельзя было отмахнуться, не считаться с которыми было невозможно. И как свидетельствуют факты, литературное движение, последовавшее после разгрома крестьянской войны (80-е годы), протекало под знаком решения этих вопросов. Русские передовые писатели, каждый по-своему, сознательно или бессознательно, но как-то соотносили свою деятельность с требованиями народа и в меру преодоления своей дворянской сословной ограниченности разделяли чаяния и надежды пребывавшего в рабстве народа. Большинство из них испытывало общедворянский страх перед восстанием, революционной энергией народа, и это стало их бедой. Но не принимая революционного пути решения основной задачи социально-политической жизни России, они в то же время понимали, что нельзя, занимаясь литературой, забывать о положении русских крепостных, о выдвинутых ими требованиях. Единственным писателем, кто не испугался восстания, а оправдал его, кто понял до конца справедливость вооруженной борьбы, кто одобрил требования крепостных, — был Радищев.

Влияние событий крестьянской войны на передовую дворянскую литературу благодаря народной публицистике, рожденной в ходе вооруженной борьбы, еще более усилилось. Именно в ней — в манифестах Пугачева, указах Военной коллегии, в «увещательных» письмах пугачевских полководцев — были записаны категорические требования народа вольности и земли.

О зарождении первого манифеста Пугачев рассказывал в Тайной канцелярии (допрос дается в изложении писца): Пугачев со своими товарищами ехал в станицу с намерением объявить о начале восстания. И тогда-то он, обратившись к Зарубину и Почиталину, спросил: «что мы едим к Толкачеву

¹ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, М., 1933, стр. 9.

сбирать народ? Ну как народ сойдетца, а у нас письменнова ничего нету, что б могли народу объявить». И потом сказал Почиталину: «ну ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал, что сказать: «манифест напиши». И оной Почиталин и все, остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он ни одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочел». После обсуждения «названный манифест» «поправился больно, и оного Почиталина как он (Пугачев), так и все хвалили и говорили, что Почиталин горазд больно писать».

Так при штабе Пугачева составила́сь целая группа грамотных людей, которая взяла на себя задачу изложения народных чаяний в борьбе за вольность. Доподлинно известны лишь имена немногих и, видимо, наиболее отличившихся сочинителей: казак Иван Почиталин, Максим Шигаев и Подуров, — кстати, последний был депутатом в Комиссии. В правительственном объявлении по делу Пугачева и других активных участников движения о Подурове было сказано, что он «не только предался злодею и самозванцу, но и писал многие развратительные в народе письма, увещевал казаков», «писал угрожительные письма оренбургскому губернатору». О Почиталине и Горшкове было записано: «были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государственными манифестами и указами, через что умножали разврат в простых людях». Именно за эту деятельность пугачевские сочинители, авторы манифестов, указов, «угрожительных» и «увещевательных» писем, были: Почиталин и Горшков — сурово наказаны (сечены кнутом, вырваны ноздри) и сосланы в Сибирь; Подуров, несмотря на свою депутатскую неприкосновенность, в силу которой он не мог быть казнен, какое бы преступление ни совершил, — повелением императрицы повешен.

Все политические документы восстания несомненно плод коллективного творчества. Известные нам авторы — Подуров, Почиталин, Горшков или безыменные сочинители — лишь записывали требования угнетенного народа. Именно поэтому, как подлинное народное творчество, эти документы имели огромную популярность в широких массах крестьян и городских жителей. Указов и манифестов ждали, им верили, они помогали крестьянам понять свое отношение к событиям, и в то же время они являлись замечательными глашатаями вольности, которую даровал Пугачев, приводя в его отряды сотни и тысячи новых «возмутителей». Выражая народные чаяния, пугачевские манифесты — эта страстная публицистика восставшего народа — в известной мере соприкасались с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов в защиту «угнетенного питателя», «нижнего рода людей». Но соотношение это было особого рода. То, о чем в наказах выражалось лишь в виде просьбы, что излагалось в качестве жалоб или робких надежд, то в манифестах и указах утверждалось как закон, принятый и введенный в действие самим народом. Поэтому публицистика восставшего народа — это высший этап в развитии идеологии угнетенного народа.

Знакомство с этой народной публицистикой было целым событием и для передовых дворянских писателей. Перед ними открывался неведомый им мир,

раскрывался духовный облик их соотечественников, о которых они ничего не знали, обнажался обаятельный образ народа-свободолюбца. В речах крестьянских депутатов была жалоба. С листов манифестов веяло отвагой, благородством, великим воодушевлением народа, сбросившего ярмо и разогнувшего свою согбенную спину. Множество мыслей и чувств порождала эта народная публицистика, помогая формировать свою политическую теорию, открывая глаза не только на положение угнетенного народа, но и на его роль в исторической и социальной жизни отечества. Несомненно, что именно знакомство с политическими документами восстания оттачивало политический радикализм передовых русских писателей, выступивших со своими смелыми сочинениями в 80-е годы, их патриотизм, их гуманность. Не модные западно-европейские сочинения, как это утверждают космополиты, определили успехи русской литературы, а жизнь и борьба угнетенного народа. Народная публицистика, рожденная в ходе восстания, бесконечно усиливала и укрепляла эту живую связь умов с телом народа.

Особое внимание должен был привлечь в пугачевских манифестах вопрос о законности, справедливости, даже гуманности восстания крепостных. В них многократно говорилось о том, что угнетенные вынуждены были силой оружия добиваться своей свободы, вынуждены защищаться от притеснений дворянина-«мучителя». Мысль о праве народа на восстание нашла свое выражение в формуле «отмщение». Восстание есть лишь восстановление поправной справедливости. Выражалась эта мысль политически ясным языком. Каждый манифест обращался как бы лично к тому или иному крестьянину, говоря: с дворянами поступай так, как они поступали с тобой: «кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами». Справедливость и общественное значение этого акта утверждались следующей формулой: «По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».

В этой же народной публицистике был сформулирован определившийся в ходе борьбы идеал истинного человека. Прежде всего таким выступил в манифестах образ Пугачева. Замечательно в этом отношении развитие от манифеста к манифесту формулы самохарактеристики. Первый манифест написан еще в подражание официальным бумагам: «самодержавный император, великий государь Петр Федорович всероссийский и прочая и прочая». Далее эта пустая формула отбрасывается, и дается первая оценка личности «народного царя»: «Российского войска содержатель и великий государь, и всех меньших и болших уволитель и милосердый, сопротивником казнитель, болших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогатитель». В следующих манифестах этот образ развивается в соответствии с демократическим идеалом: истинный человек — это народный защитник. «Я для вас всех един ис потерянных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создаш».

Во время этого восстания родилась и формула демократического понимания человека, замечательная по своей дальнейшей судьбе, — воспринятая передовой революционной русской литературой и прежде всего Радищевым и декабристами, — «истинного сына отечества», «настоящего верноподданного отечеству сына».

Таким образом в недрах восставшего народа в период вооруженной борьбы против самодержавно-помещичьего государства определилась и, что особенно важно, была высказана в манифестах и указах русская демократическая мера ценности личности, демократический идеал человека. Именно все это и определило историческое значение народной публицистики; она, выразив желания, требования и идеи восставшего народа, запечатлев его идеал человека, воздействовала тем самым в значительной мере на развитие и русского просвещения, и русской литературы, и всей русской общественной мысли.

Для Новикова Комиссия с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов была школой гражданского воспитания. Крестьянская война, возглавленная Пугачевым, явилась своеобразным университетом для Радищева. Радищев был единственным писателем и мыслителем, кто глубоко и исторически верно понял восстание народа, разобрался в идеологии народной борьбы, с благодарностью воспринял ее политический опыт, сумев в то же время как гениальный мыслитель увидеть и слабые стороны этого движения и прежде всего его политически вредную веру в «хорошего царя». Для Радищева-республиканца — ненавистника монархической власти — никакой царь, ни «добрый», ни «просвещенный», ни даже «мужицкий», не был приемлем.

«В *каждой* национальной культуре, — учит Ленин, — есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую». ¹ Народная публицистика XVIII века есть замечательное явление именно этой демократической идеологии.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 8.

Мнение депутата Кوروبына

Читано 5 мая 1768 г.

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения от депутата козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы прилечение.

При чтении законов о беглых господских людях и крестьянах пришло мне на мысль, почтеннейшие господа депутаты, рассмотреть, какая бы причина была, убеждающая их к толь поносному и для них самих опасному делу. По долговременном моем рассуждении и по бывшем с некоторыми благоразумными людьми о сем деле советовании нашли мы наконец, что причину оную искать должно или в лице помещика, или в лице беглого человека. Чего ради, последуя здравому разуму, явно всем вещающему, что по истреблении побуждающей причины истребляется и самое поползновение, и паче всего основанному на том разуме 240-му правилу данного нам все милостивейше от ее императорского величества премудрой Екатерины Второй «Наказа», что гораздо лучше предупредить преступления, нежели наказывать оные, предпринял я в сем почтеннейшем господ депутатов собрании изъяснить, что наипаче бывает причиною к бегству господских людей и крестьян как со стороны их помещиков, так и со стороны их самих; такожде сообщить некоторые способы, могущие хотя отчасти зло сие предупредить или истребить причину оную.

Я не хочу здесь описать, коликой важности есть сия материя, поелику она предузнается несколько уже из самого начала, а паче всего яснее откроется из последующего, — ниже того представить, сколь она полезна, поелику большая часть судов, отправление земледелия и жалостное состояние людей от непоправления или, лучше сказать, от непредварения ее нужными законами происходит; но единственно то желаю донести, дабы и прочие господа депутаты к предупреждению от бегства крестьян происходящего оттуда чувствительного вреда обществу не оставили со стороны своей предложить сему почтеннейшему собранию благоразумные, беспристрастные и удобнейшие способы.

Часто я размышлял о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых видя при себе, несказанно утешается, а разлучаясь с ними, источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастиям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания.

Сожаления подлинно достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало-помалу собирающего имение, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом, или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины, или без всего лишаящегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием сродства никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит. Но как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; итак, от изнеможения общества души недействительными чрез то самое остаются и члены общества, то есть разоря крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло коль пагубно государству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан. Что же от помянутых мною случаев крестьяне разорятся, то разве тому сумнительно покажется, который мыслями еще колеблется о справедливости того: богат ли тогда крестьянин, когда у него все отнято и когда лишен он земледелия, как жребия, его избилующего? Чего для рассмо-

треть должно, не находится ли хотя один в действии который-нибудь из оных случаев в нашем отечестве. Ее императорское величество все милостивейшая государыня в данном нам премудром своем «Наказе» между многими причинами, воспящающими умножению народа и земледелию, в нескольких статьях благоволила сказать тако: в 269 — «кажется еще, что новозаведенный способ от дворян собирать свои доходы в России уменьшает народ и земледелие, все деревни почти на оброке, хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два, даже до пяти рублей, не смотря на то, каким способом его крестьяне достают деньги»; в 275: «страна, которая податями столь много отягощена, что рачением и трудолюбием своим люди с великою нуждою могут найти себе пропитание, чрез долгое время должна быть обнажена жителей»; в 276: «где люди не для чего убоги, как только что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается: они сами для себя не имеют пропитания, так как им можно подумать от одного уделит еще своему потомству?» там же ниже: «они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; боятся, чтобы богатство не навлекло на них гонения и притеснения».

Видите ясно, почтеннейшие господа депутаты, что многие из вышереченных случаев и у нас в действии пребывают, ибо не предписала бы подлинно нам все милостивейшая наша государыня оных статей, которых нам положение делать оставила, если бы оные на самом деле не происходили. Почему не трудно теперь усмотреть можно, что причину бегства крестьян по большей части суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, как несносные земледельцам, вредные всем членам общества и государству пагубные.

А сие удобно учинить можно, когда благо разумными и человеколюбивыми законами предупреждено будет то начало, которым безрассудные помещики, сверх надлежащего пользуясь, чинят столько злоупотреблений, ибо молодой дворянин, ведая, что он господин над всем именем своих крестьян, для удовлетворения своим прихотям вышереченные случаи весьма удобно в действо произвести может. Итак, если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления. Чего ради оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над именьями своего крестьянства, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало.

В рассуждении сей материи я бы с охотою от нее воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первых хлебопашцы взирают как на своих отцов, а на вторых как на бич, отгоняющий их от своего семейства. Чего для надлежит предписать законами, коликую власть имеют помещики над имениями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворян, благоденствие крестьян и умножение хлебопашества сего от нас требуют. А паче всего велит сие учинить и ее императорское величество все милостивейшая наша государыня Екатерина Вторая, которая в главе «О размножении народа и земледелия» данного нам «Большого Наказа» наичувствительнейшим образом нам о сем внушает. Итак, дабы не оказаться нам гласа ее не слышавшими, предприял я с своей стороны представить вам, почтеннейшие господа депутаты, мое о том мнение, которое основано на помянутом данном нам все милостивейше от ее императорского величества «Наказе», почему оное и выслушать благосклонно изволите.

Пекущаяся беспрестанно о благополучии подданных своих самодержица наша, все милостивейшая мать отечества, Екатерина Алексеевна в данном нам своем «Наказе» благоволила изречи тако: в 293 ст. — «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного»; в 261: «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества», то есть где никто не имеет своего собственного имения, там земледелие процветать или в хорошем состоянии быть не может, следовательно, надлежит предписать законами, дабы земледельцы или рабы ведали, что они имеют своего собственного. Премудрое умствование, изъясняющее матернее сердце! Видите, почтеннейшие господа депутаты, что мать наша к нам вещает! Она внушает, что земледелия нет ничего полезнее в государстве. Она учит, что земледелие в том обществе весьма в худом состоянии находится, где рабы, то есть крестьяне, ничего не признают за свое собственное, а ведают, что имение их состоит в воле их помещика. Она наставляет, что для приведения хлебопашества или земледелия в цветущее состояние потребны такие законы, которые бы знать давали крестьянину, что известную часть своего имения почитать должен не за свою, но за помещичью, а прочее имение за свое собственное, то есть за такое, которое он может без опасения пустить в обращение, как то: заложить, про-

дать, подарить и оставить по себе, кому хочет, не думая, что оно когда-нибудь отнято будет его помещиком, и, кратко сказать, за такое, над которым он полный господин. И так, коликой пользы надеяться можно, ежели у нас благоразумными законами предписано будет нечто для собственного крестьян имущества!

Тогда малорассудный господин, ведая, что не может от своего земледельца потребовать сверх узаконенного, лишится надежды, что он довольно еще у себя имеет, и перестанет угождать своим прихотям; тогда не может более разорять и отягощать своих хлебопашцев, почему и сам останется в спокойствии, да и государство от того пребудет в цветущем состоянии, увидя своих членов наслаждающихся всех довольствием. Крестьянин же, зная, что он может иметь у себя нечто из своего собственного, старательные труды к трудам прилагать будет; тогда не станет он и закапывать в землю свои деньги, также не удалится от своей отчизны, и к бегству его прекратится повод, а чрез то и земледелие в полном своем изобилии явится.

Но дабы получить толико вожделенное состояние и чтобы видеть хлебопашество в своей силе и земледельцев изобилующих и наслаждающихся своим собственным именем, то надобно предписать законом, чтобы крестьянин платил своему помещику ежегодно известную дань, однакоже, по силе 277 ст. данного нам «Наказа», — мерную. Остается рассмотреть, в чем она дань состоять долженствует: в деньгах одних, или в произрастениях сельских, или в обоих вкупе, то есть какие поборы брать с крестьянина. Ее императорское величество все милостивейшая наша государыня в конце 270 ст. данного нам «Наказа» благоволила сказать тако: «чтобы помещики те поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства». Посему надлежит сие поборы брать, смотря на положение места: инде произрастением, а инде в сравнении с оным — деньгами. Но предписать о сем количестве, также — где лучше получать оные произрастением и где лучше деньгами, сие требует большого рассмотрения, не малого сведения положения всего российского государства и больше, нежели здесь определенного, времени.

Чего ради, оставя все сие на лучшее ваше, почтеннейшие господа депутаты, рассмотрение, поспешаю к предупреждению могущих в некоторых произойти таковых мнений, что сим образом земледельцы могут вдаваться в своевольничество и чрез то самое не можно будет управлять ими. Но как здесь говорено не о том, сколько имеет власти помещик в правлении своих подчиненных, но о том, сколько может он над их именьями, то от одного к другому не можно сделать заключения, ибо от того, что господин не может потребовать от своего крестьянина сверх положенной законом подати, не следует, чтобы крестьянин для того своевольничал: великая разность есть между властью помещика над именьями крестьянина

и между правлением оного. Притом же, когда здесь говорено об ограничивании власти господской над именьями его земледельца, еще ничего не сказано об ограничивании власти помещичьей в рассуждении правления. Она ему остается полная, как и ныне. Крестьянин его пребывает ему, как и ныне, крепостным, почему доброму владельцу ничто не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием; а желаемым узаконением пресечется токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев.

Итак, мнение мое заключаю тем, что я искренно желаю, дабы почтеннейшие господа депутаты не оставили сию материю описать подробно, согласуясь с повелением ее императорского величества, с благосостоянием государства, с желанием соотечественников, с благополучием земледельцев и с пользою трудов их. Козловского дворянства депутат *Григорий Коробьин*.

Мнение депутата Жеребцова

Читано 20 мая 1768 г.

Благодарность, которую мы, почтенные господа депутаты, попечительнице нашего блаженства должны жертвовать, состоит в приложении ревностного и усердного старания о благоденствии любезного отечества, о пользе каждого гражданина, к чему горя моею искренностию, осмелился и я на читанный козловского дворянства господина депутата Григория Коробьина сего мая 5 дня голос мое представить мнение.

Помянутый господин депутат, изъясняясь, надобно, сказал, ограничить власть помещиков над имением крестьян их и положить законом ежегодную им от земледельцев подать. Сие есть дело похвалы достойное по той причине, что оно на пользе общей, то есть на приведении земледелия в цветущее состояние, основано, и если вы, почтеннейшие господа депутаты, снесите причину скорого моего заключения, то я пространнее изъясниться приступаю.

Оставя похвалы достойные древних законодателей наставления, свой народ к земледелию побуждавшие, и опустив великих мужей выражения, хлебопашество как первый предмет общественного благосостояния изъясняющие, можем найти пространство сей материи во всемиловитвейше данном нам от ее императорского величества «Наказе», ибо бдящая о нашей пользе великая Екатерина, премудрая мать отечества, в главе XIII, в отд. 313 оного: «земледелие, говорит, есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно»; из чего следующее положение сделать можно: то, что правительство в цветущее привести старается состояние, великую пользу обществу приносит, а понеже к приведению в цветущее состояние земледелия правление все свои прилагает силы, следственно, земледелие великую обществу приносит пользу. Того ради надлежит изыскать, — что препятствует земледелию, для того более, чтобы оного недостатки великим тщанием и здравым рассудком поправить можно было. Сие как скоро воображу, тотчас мне представляется, что от двух вещей в упадок приходит земледелие: 1) от нерадения хлебопашцев, 2) от чрезвычайно наложенных податей, из коих, без всякого сомнения, что-нибудь одно в Россию вкоренилось. В 271-м отд.

данного нам от ее императорского величества «Наказа» написано, что «ныне земледелец, оставя свой дом, лет 15 оного не видит». Итак, тот, кто оставляет свой дом, а с ним и земледелие, оставляет его неотменно по принуждению; а понеже наши хлебопашцы оставляют свой дом, следовательно, оставляют его по необходимости нужде, ибо всякий из вас, почтенные господа депутаты, соображаясь с своим здравым рассуждением, увидит, что земледельцу без принуждения ни пашню оставить, ни в отдаленных от своего дома местах никакой нет нужды находиться: он имеет землю, которая ему его же трудами произрастает хлеб, имеет плодоносные поля, насыщающие его стадо, и посредством сих двух вещей все для себя потребное получить может; хлеб, его трудами приготовленный, ежедневная его пища, а лен и шерсть его скота подают ему приличные его жизни одеяния. Следовательно, хлебопашество не земледелец, но чрез меру наложенные подати — удручают, кои или 1-е, от роскоши помещиков, или 2-е, — чего вышепомянутый господин депутат не коснулся, — от жадности к сребролюбию управителей или приказчиков их происходят.

1-е. Поистине, почтенные господа депутаты, в великое меня приводит восхищение, ежели вообразю тех помещиков, кои, прилежно за свою смотря экономиею, ревностных земледельцев обильно награждают, а ленивых кроткими увещаниями поощряют к оному нечувствительно. Но, с другой стороны, представив пышностию и роскошною жизнью зараженных, мыслию и духом колеблюсь, ибо роскошь расточает многие тысячи, истребляет несчетные сокровища и великим старанием благоприобретенные иждивения в краткое время рассыпает. Сие я для того единственно выражаю, чтобы тем живее чрез меру наложенные от роскошных помещиков подати представить. Роскошный, час от часу уменьшая деньги, наконец все их рассыплет, который, однакоже, по вкорененному в него пристрастию изыскивает всякие к получению оных способы: он имеет крестьян, следовательно, к ним и обращается, налагает на них великую сумму, которой земледелец не надеясь усердными достать на пашне трудами оставляет дом свой и в отдаленных местах разными способами сыскать оную старается; а как земля остается пуста, следовательно, земледелие от оного увядает; к пресечению чего 270-е «Большого Наказа» отделение предписать гласит помещикам законом, чтобы они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства. Итак, я, не входя в подробное о сем пункте рассуждение, заключаю оное согласием с вышеозначенным господином депутатом и приступаю ко второму.

2-е. Управители или приказчики, пользуясь милостию своих господ, употребляют ее не только во вред оному, но и в великий ущерб всему обществу: великая охота к обогащению себя, лакомство и ненасытная жадность к сребролюбию к тому их побуждают.

Он имеет у себя под командою довольно число безгласных крестьян, кои едва о себе слово произрещи могут, и в оной надежде нападает на них, положенный от господина оброк удваивает или утроивает по своей власти, а неплатящих оный, изуродовав разными мучениями, неволю к тому понуждает, ведая, что помещик, находясь на службе, более об общем печется благоденствии, нежели о своих доходах. Следовательно, хлебопашец и в сем случае оставляет свое обиталище и, не хотя видеть тело свое обезображенным, разными способами достает деньги. Итак, ко истреблению сего зловердия не повелено ли будет оных управителей и приказчиков отменить, а чтобы крестьяне без надзирательства не остались, да выберется, по согласию всего их семейства, староста, коего по истечении года освидетельствовав, одобренного оставить, избличенного же в неправде сменить можно будет.

Все сие здравому рассудку и благоразумному почтеннейших господ депутатов рассмотрению представляю. Нижегородской провинции депутат от пахотных солдат *Иван Жеребцов*.

Мнение депутата Коробьина

Читано 21 мая 1768 г.

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения на поданные сего мая 12, 13 и 15 чисел от некоторых господ депутатов возражения ответ.

При бывшем сего мая 5 дня чтении поданного от меня голоса с немалым удовольствием приметил я, с каким вниманием почтеннейшие господа депутаты оный слушали, почему и заключил я, что мнение мое без уважения и надлежащего пополнительного рассмотрения оставлено не будет. Но к немалому размышлению моему увидел я, что некоторые господа депутаты, как то: углицкий от дворянства Александр Опочинин, зарайский от дворянства Михаил Кондырев, обоянский от дворянства Михаил Глазов, тверской от дворянства Василий Неклюдов, гороховецкий от дворянства Александр Протасов и кромский от дворянства Александр Похвиснев, повидимому, не изволят удовольствоваться мое желание. Вместо ожидаемого мною подробного описания предложенной тогда от меня материи, согласного с повелением ее императорского величества все милостивейшей нашей государыни, нашел я последовавшее в них об оной сомнение, и вместо чаемого мною ревностного изыскания хороших способов к ограничению власти помещиков над именными своих крестьян усмотрел я слабое в них на то согласие. Чего ради вознамерился я, почтеннейшие господа депутаты, следующим моим изъяснением как отразить происшедшее в них неправильное сомнение, так и убедить их о справедливости моего предложения. Но как в возражении господина депутата Глазова могут найтись следы почти всего того, о чем ни предложили прочие вышепомянутые господа депутаты, то я, оставя сих, рассудил ответ сообщить на одно токмо возражение господина депутата Глазова, держась следующего порядка: во-первых, покажу, в чем сей господин депутат меня не понял, потом изъясню его некоторые сомнительные следствия и, наконец, объявлю некоторые учиненные им неприличные своему званию выражения. Однакоже наперед рассудилось мне повторить кратко поданное мое мнение. Оно состояло в следующем.

Есть некоторые в отечестве нашем господа помещики, кои несходственно с человеколюбием поступают с крестьянами своими, налагая на них несносные подати; о сем и господин депутат Глазов, повидимому, не спорит, да и я, утверждаясь на 269, 275 и 276 статьях «Большого Наказа». А как таков поступок крестьян обременяет, то в случае, когда уже они более снести того не смогут, может оный поступок быть им поползновением оставить своего помещика. Итак, ежели со стороны помещика надобно будет положить что-нибудь причиною бегства крестьян, то, кроме показанного поступка, не нахожу ничего более; о сем, думаю, никто сомневаться не будет. К пресечению ж оного, — для прописанных в прежнем моем гоlose причин за нужное почел я ограничить власть помещиков над имением своих крестьян, не опровергая и других способов, когда найдены будут удобнейшие. А чрез сие ограничивание разумею я то же, что и ее императорское величество сказать благоволила в 261 ст. «Большого Наказа», которого 270-й и 277-й статьям последуя, представил я почтеннейшему собранию, что помещику должно брать с крестьянина известную и мерную дань, которая, смотря на положение государства, состоять может инде в деньгах, инде в произрастении; но какие где лучше брать поборы — сие требует подробного сведения каждого места всего российского государства, и для того избранные от оных мест господа депутаты могут удобно сему желанию удовольствоваться, почему я оное поставил на их благорассуждение.

Из сего кратко описанного мною моего мнения довольно усмотреть можно, что желающим оное опровергнуть надобно показать, что или утверждался я на «Большом Наказе» с ним несходственно, или следствия из него выводил неправильно. Но сего еще ни из единого из поданных противу меня возражений я не приметил, почему и не надобно было мне отвечать на учиненные против мнения моего возражения, если бы вышеозначенные господа депутаты сами своею переменою моих мыслей и, как приметить можно, принужденным защищением своего предложения меня к тому не вызвали; да и мнение господина депутата обоянского от дворянства, коснувшееся, кроме меня, и прочих некоторых господ депутатов, сие же учинить меня убедило.

Помянутый господин депутат Глазов представляет следующее: «господин депутат (именуя меня) подал свое примечание, что владельцы многие разгоняют своих крестьян, кои-де, оставя свои дома, жен и детей, бегут в неизвестные места».

Если бы я не памятовал своих мыслей, то, конечно бы, подумал, что сие написано мною вне меня: я еще никогда и в уме своем не представлял, чтобы владельцы разгоняли своих крестьян, да притом и многие. Помню и твердо содержу в памяти мною сказанное: объявил я тогда, — что есть в свете такие господа, которые непомерными податями отягощают своих земледельцев, а чрез

сие отягощение они разоряются. Но сие все имеет ли хотя некое сходство, ежели не сделано будет какого ограничения, с тем, что «владельцы многие разгоняют своих крестьян», — оставляю на ваше, почтеннейшие господа депутаты, рассуждение, будучи сам уверен, что если бы оный господин депутат прочитал надлежащее мое мнение, никогда бы сего не написал. Я подлинно знаю, что никто себе худа не желает, и, следовательно, не можно тому статься, дабы владельцы, и притом многие, разгоняли своих хлебопашцев, ведая, что от такого разгона не токмо им никакой пользы, но и крайнего разорения ожидать должно.

А как помянутый господин депутат Глазов, повидимому, вник в сие токмо неправильно мне приписываемое предположение, нимало того не касаясь, что мною было представлено, то отсюда произошло, что и прочие господа депутаты, последуя ему же, разные несходственные с истиною учинили заключения, как то: господин депутат углицкий от дворянства Александр Опочинин, объявляя, что я к бегству крестьян считаю виновных владельцев, и показывая, что не можно тому статься от владельца, дабы он сделал что со вредом своему имению (как то сие теперь мною сказано), заключает, что не может он представить своей памяти, дабы нашлись какие погруженные в важнейшие пороки люди, которые бы не предсматривали благоденствия своей жизни.

А господин депутат тверской от дворянства Василий Неклюдов, приписывая мне весьма неправильно, что я причиною бегства крестьян ставлю самих владельцев, и приняв такие предложения, из которых большую часть может ли он доказать совершенно — еще сомнительно, полагает, что побег крестьян происходят не от утеснения, ниже бесчеловечия помещиков, но единственно от развращенных их, крестьян, нравов; равномерно же и господин депутат гороховецкий от дворянства Александр Протасов, приписывая мне, будто бы я виною бегства крестьян единственно полагаю несносные подати помещиков, и узнав, что я представляю, дабы учредить нечто полезное для собственного рабов имущества, заключает уже, что я желаю, дабы земледельцы имели в собственности и земли.

Но обращусь паки на вышесказанное: по словах «что владельцы многие разгоняют своих крестьян» — пишет господин депутат Глазов далее: «кои-де, оставя свои дома, жен и детей, в неизвестные места бегут». Но как первое предложение мне неправильно приписано, так и последующее с мнением моим несходственно. Думает он, что те крестьяне, оставя дома, жен и детей, бегут в неизвестные места, которых владельцы многие разгоняют; а я в моем голосе заключил так: «почему не трудно теперь усмотреть можно, что бегства крестьян по большей части причиною суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением». Сие же коль много с его предложением разнствует, — всякому видно. Но я для

удовольствия господина депутата Глазова изъясню сие мое заключение, хотя оно из предыдущего и весьма всякому ясно. Правление у меня в показанном месте разумеется то, которое касается до собственности или до имения крестьян, потому что и выше говорено единственно о таком отягощении, которое хлебопашцам причиняется в рассуждении их имения. Итак, положи сие, учиним только некоторую перемену в словах, — смысл произойдет тот же: почему не трудно теперь усмотреть можно, что помещики, которые отягощают толь много земледельцев своим правлением, собирая с них большие дани, а иногда и лишая кого из них приобретенных потом лица своего пожитков, суть по большей части причиною бегства их. Чего ради из сего заключения понять можно, что я называю владельцев причиною или поползновением к бегству крестьян по большей части токмо тех, которые отягощают их своим правлением не просто, но *толь много*, ибо отягощающие *не толь много* или несколько не могут быть поводом к побегу крестьян своих. Чего ради из всего вышесказанного довольно усмотреть можно, коль много реченный господин депутат Глазов и с ним прочие в мнении моем о причине бегства крестьян ошиблись; для сего я нарочно и изъяснил сие место пространнее, дабы и другие господа депутаты чего подобного им не подумали. При чем, однако, здесь за нужное почитаю сказать, что употребленные в сем месте глаголы *«суть, находятся причиною»* в том же смысле полагаются, в котором и *«могут быть»*, ибо причина в рассуждении сей материи состоит в возможности. Теперь приступлю к показанию сомнительных следствий, учиненных господином депутатом Глазовым.

Пишет он тако: «представляет господин депутат (означая меня) определить крестьян в единственное положение денежное или какое определенное, то как видно, человек он молодой, в деревне бывал мало, экономию деревенскую править привычки еще не сделал».

Я вас, почтеннейшие господа депутаты, спросить смею: есть ли какое здесь согласие между предыдущим и последующим? справедливо ли заключение: «кто желает крестьянам состоять под единственным положением, тот еще молод, в деревнях мало бывал» и прочая? Правда, может быть, слова сии употреблены мне в нарекание, но я, на сие не взирая, смело говорю, что здесь связи почти ни малейшей не усматриваю; но что бы он разумел чрез слово «молод», я того не доискиваюсь, а оставляю на проицание всех господ депутатов, которые и без моего изъяснения довольно о том ведают. Рассмотрим мы теперь, каких мыслей он об единственном крестьян положении, денежном или каком определенном. Сие предложение, как видеть можно, ему невозможным кажется; однакоже посмотрим, что из сего произойдет. Представлено было от меня прежде, чтобы с крестьян получать известную и мерную

дань, которая состоять долженствует инде в деньгах, инде в произрастениях; а как господин депутат обоянский от дворянства еще того нигде в своем голосе не опровергал, дабы узаконить владельцам брать с земледельцев своих известную и мерную дань, то я, приняв молчание его за согласие, неотменно заключаю, что он чрез единственный оброк разумеет то же, что и от меня предложено: дабы известная и мерная дань состояла инде в деньгах, инде в произрастениях, смотря на положение государства. Но сие для чего бы он почитал за невозможное, — понять не могу. Сам господин депутат Глазов приводит в доказательство означенной невозможности для примеру разные одного помещика деревни, довольствующиеся, по различию климата и по положению места, различными выгодами; сам он полагает, что находящиеся в некоторых из сих деревень крестьяне должны помещику своему иные давать сено, дрова и прочие припасы, иные платить деньги. Но сено, дрова и прочие припасы не суть ли произрастение? а деньги не суть ли деньги? Но сие не то же ли значит, что и я представил: дабы помянутая дань инде состояла в деньгах, инде в произрастении? Зачем же он почитает то за невозможное, что сам уже сделал возможным? Что же касается до того, может ли быть желаемое положение долговременно, — сей есть другой вопрос, о котором, равномерно как и о прочих поданных от господ депутатов, особливо от гороховецкого от дворянства Александра Протасова и кромского от дворянства Александра Похвиснева мнениях, учиненных мне вместо возражений, ни слова я не говорил, а просил токмо господ депутатов, дабы они, предложенную мою материю приняв в уважение, не оставили подробно разобрать тончайшим своим рассуждением и приискать ко всему удобнейшие способы, желая и сам я по времени сообщить сему почтеннейшему собранию в дополнении некоторые мои мысли, коих тогда не объяснил за краткостью времени и ради того, дабы множеством не отягощать внимания вашего, что и подлинно бы от меня воспоследовало, если бы не воспящен был поданными против мнения моего или, сказать справедливее, против меня только возражениями. Итак, оставя помянутый вопрос для разобранья на другое время, приступаю теперь к другим сомнительным следствиям.

Господин депутат Глазов в поданном своем противу меня возражении пишет тако: «да только более он господин депутат (именуя меня) в том сомнителен, что подал свое мнение несправедливо против данного от ее императорского величества «Наказа», — отделения 263 сказано так: причем, однако, весьма же нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих; не узнав же сих причин, законами упредить подобных случаев нельзя, хотя спокойствие одних и других зависит» и т. д. Почитает он мнение мое за противное 263-й статье «Большого Наказа». Но которое мне-

ние? То ли, чтобы предписать нечто полезное для собственного рабов имущества, то есть чтобы они известную часть своего имени почитали за помещичью, а известную — за свою собственную? Но сие мое мнение есть то же, чему и ее императорское величество в 261 ст. «Большого Наказа» повелела нам последовать; или то, что я положил дань мерную? Но сие на 277 ст. того же «Наказа» основано; или то, что она состоять долженствует инде в деньгах, инде в произрастении? Но и сие выведено непосредственно из 270 ст. оного же «Наказа». Почему господину депутату Глазову надлежало бы показать или то, что я неправильно на сих статьях утверждался, или то, что в самых тех статьях и в приведенной 263 ст. нашел он некое противоречие. Первое не показал, а о другом и подумать не можно. Итак, из сего заключить можно, что или он не хотел прочитывать моего мнения и сличить его с приведенными от меня статьями «Большого Наказа», или между самими статьями не мог усмотреть согласия либо отличия. Посему думать могу, что он вышеозначенные слова свои написал в таком же смысле, в каком сказал и следующее: «а сие, — то есть приведенное им из священного писания место, — основано на правилах «Большого Наказа» 504 и 507».

Однакоже, ежели рассмотреть причины, которые столь часто привели в непослушание рабов против господ своих, то и он то же разумеет, что и у меня в моем голосе подано. Помянутый господин депутат для узнания тех причин и для их предупреждения привел статью из «Начертания о нижнем роде» следующую: «помышлять надлежит о таких учреждениях, от коих бы сей род некоторую почувствовал пользу в облегчении их бремени»; из чего явствует, что он причиною непослушания рабов полагает то бремя, которое несут рабы или крестьяне. А сие бремя не то же ли есть отягощение, которого не стерпя более, крестьянин, как тогда мною было сказано, принужден бывает оставить своего помещика? Напрасно некоторые господа депутаты полагают причиною бегства крестьян единственно самих крестьян, когда, кроме меня, и господин депутат Глазов приведенными из «Начертания» словами убедил, что между причинами, приводящими рабов к непослушанию против господ своих, яко то к бегству и проч., есть то самое бремя или отягощение, которое несут крестьяне. Посмотрим же теперь, каким образом сей господин депутат приступает к предупреждению оных причин или бремени рабов. «Надлежит, говорит он приведенными из «Начертания» словами, рассмотреть, в каком сей род ныне положении находится: весь ли сей род в разных российских областях в одном состоит положении, или в государстве нашем много сыщется различных положений». Не знаю, зачем бы он к сему предупреждению почитал за нужное рассмотреть: в одном ли или в разном положении находятся земледельцы? — Или для того, чтобы в том положении хлебопашцам сделать некоторую

льготу, или потому, чтобы оной льготы не сделать. Чтобы не сделать льготы — сего сказать не можно, ибо ее императорское величество в главе «О размножении народа и земледелия», равномерно же и в «Начертании о нижнем роде» учинить оную льготу повелела, следовательно, означенный господин депутат за нужное почел упомянуть о том ради того, дабы крестьянам сделать некоторую льготу. Но сия льгота не та ли будет, которою прещедрая мать отечества, Екатерина премудрая в 261 ст. «Большого Наказа» обрадовать изволила земледельцев, то есть что «законы могут учредить нечто для собственного рабов имущества»? Сие же, «чтобы учредить нечто для собственного рабов имущества», — не то же ли, что и ограничить власть помещиков над именными крестьян своих, сиречь власть бы их в рассуждении имениа своих хлебопашцев простиралась токмо до того имениа, которое к ним принадлежит по закону, а до того имениа, которое есть собственно крестьянское, оная бы власть не простиралась?

Итак, ясно видеть можно, что об ограничивании власти помещиков над именными своих крестьян господин депутат Глазов со мною согласен, чего ради тщетно и просят некоторые господа депутаты оставить сие ограничивание, согласное с «Большим Наказом». Но как они неограничивание власти господ над именными крестьян своих почитают за привилегию дворянскую, о соблюдении которой господин депутат зарайский от дворянства имеет от своей собратии доверенность просить ее императорское величество, то и господин депутат обоянский слово «привилегия» употребил в том же смысле, ибо в голосе своем пишет тако: «а чтобы наша собратия приведены были от нас в какое оскорбление и отнять бы у них привилегию, чем оные пользовались, о том в наших доверенностях ни у кого не объяснено, а у многих предписано просить, чтобы привилегия была прежняя неотъемлема». Из чего видеть можно, что он согласен, дабы привилегия сия от них была не отнята; а выше сего показало, что согласен также он и ограничить власть помещиков над именными крестьян своих. Следовательно, господин депутат Глазов или сам себе противоречит, или ежели скажет, что он на оба согласен, то представление мое о показанном ограничивании без всякой причины ставит он мне в нареkanie.

Но я, оставя его, господина депутата обоянского, уклонюсь на несколько времени к господину депутату кромскому от дворянства Александру Похвисневу, который, между прочими сомнительными следствиями, пишет следующее: «итак, я из сего заключить могу, что не опасность притеснения от помещика, но страх от помянутых злодеев (т. е. грабителей и воров) больше принуждает (т. е. крестьян) скрывать сокровища и богатыми казаться, чтобы купно с оными не лишиться и жизни». Сие следствие положено, без сомнения, для опровержения моего заключения, которое вывел я из 276 ст. «Большого Наказа».

Мое заключение состояло в том, что крестьяне боятся деньги пустить в обращение и казаться богатыми, для того что опасаются, дабы их помещик, которого непостоянная и роскошная жизнь им известна, узнав сам собою или чрез кого другого о их имуществе, под видом каким-либо не разорил их вовсе; а он полагает, что те земледельцы делают сие потому, что боятся, дабы воры и грабители, которых дерзкая рука на всякое беззаконие им не безызвестна, явно или тайно не похитили их имения. Два противные следствия, и выведены из одного и того же источника, сиречь из 276 ст. «Большого Наказа!» Но могут ли быть оба справедливы, — оставляю на ваше рассуждение. Я покажу токмо, что меня убедило к учинению такого заключения. Помянутая статья гласит тако: «где люди не для чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается; они сами для себя не имеют пропитания, — так как им можно подумать от оного уделить еще своему потомству?»

Там же ниже: «они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение, боятся богатыми казаться, боятся, чтобы богатство не навлекло на них гонения и притеснения». Сия статья взята из главы «О размножении народа и земледелия», следовательно, в ней и подписывается, что препятствует сему умножению, откуда сие препятствие происходит и для чего оно препятствием быть может. Препятствует в области умножения народа убожество или скудость, происходящая оттого, что люди той страны живут под тяжкими законами и что земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, ибо убожество делает то, что люди не могут о том и подумать, дабы нечто уделить еще своему потомству; а тяжкие законы и не почитание земель своих за основание к содержанию своему, но за подлог к удручению или за предмет к обременению — производит то, что они, опасаясь, дабы находящееся у них богатство не навлекло на них гонения и притеснения, боятся слыть или казаться богатыми и боятся пустить оные в обращение, для чего и закапывают в землю свои деньги. Из чего ясно, почтеннейшие господа депутаты, видите, что ежели чрез людей разуместь здесь крестьян, как то и в самой вещи из содержания главы сей понимать должно, то боятся они пустить деньги в обращение, также боятся казаться богатыми и потому закапывают свои деньги в землю для того, что опасаются, дабы доведенное кем их богатство, напр., помещиком или управителем и проч., не навлекло на них гонения под видом какой усмотренной вины и притеснения, напр., работою и проч. Вот что меня убедило к учинению вышепоказанного заключения, а согласно ли оно с сею статьею, — препоручаю на ваше благорассуждение. Сам же обращаюсь пока к госпо-

дину депутату обоянскому для показания тех выражений, которые званием его неприличными кажутся.

Выше сказано было, что господин депутат Глазов для предупреждения причин, приводящих рабов к непослушанию против господ своих, за нужное почел рассмотреть, в каком положении крестьяне находятся, — в одном или в различном? А для получения сего за должное почитает потребовать от всех господ депутатов известия, в каких положениях окажутся деревни владельческие. В рассуждение сего думает он о мне следующим образом: «я не весьма твердо себя уверяю в том, чтобы он (разумея меня) от собратий своих, от которого города депутатство имеет, и мог бы он дать обстоятельное сведение о положениих, и потому узнать не может». Причину же, для чего он обо мне так думает, полагает следующую: «он, господин депутат (именуя меня), от собратий того города дворянства и выбран не бывал». Вот причина, для которой он обо мне так думает! Но ежели он обо мне так думает для того, что я не выбран депутатом от дворянства козловского, то не должен ли он сим же образом так думать и о всех тех господах депутатах, которые в депутатское достоинство не были, как и я, избраны, а оное от других сняли? Однакоже мне о сем говорить нет нужды, и потому, оставя сие без примечания, поспешаю к другим мыслям господина депутата обоянского от дворянства. Утвердив он, что мне сдал депутатство бывший депутат общества козловского, показывает, с чем он мне сдал: «а отдал, говорит господин депутат Глазов, с тою доверенностью, в чем он (т. е. бывший до меня от козловского дворянства депутат) был уполномочен от собратий своих; ежели же он (разумея меня) изволит оную доверенность прочесть, он увидит, что от общества ничего того (сиречь о чем я в прежде поданном голосе представлял) не окажется, а препоручено только все нужды и недостатки дворянские представить, о чем общество того бывшего депутата и просьбою своею заключило». Из сих слов всякий из вас, почтеннейшие господа депутаты, ясно видит, что господина депутата обоянского от дворянства намерение есть или то, дабы я представлял вам о том, о чем от козловского дворянства в «наказе» мне предписано, или, по крайней мере, о том, что с сим «наказом» согласно. Но где благоволение монаршее, призвавшее нас от всех стран империи российской не токмо для выслушания нужд наших, но для представления всего того, что каждый из нас почтет за лучшее? При сем же и следующее достойно рассмотрения: если найдено будет, что некоторые статьи частных «наказов» не сходствуют с некими статьями «Большого Наказа», то должно ли о тех статьях представлять сему почтеннейшему собранию или не должно? Если не должно, то зачем же господин депутат Глазов ставит мне то в нареканье, что я в своем голосе не представил, дабы дворяне по имеющимся у многих господ депутатов «наказам» остались

на всех прежних привилегиях, не исключая и власти их над именьями крестьян своих? А если должно, то справедливо учинил он на меня жалобу, что я представил противное «наказам» тех господ депутатов, у которых предписано, дабы неотъемлема была прежняя привилегия дворян, по которой они, как выше сказано, не были ограничены над именьями своих крестьян. Но сим образом частные «наказы», повидимому, больше уважаются, нежели самый «Большой Наказ», в котором точно изображено: «дабы законом предписать нечто для собственного рабов имущества». А сие никоим образом не можно, разве одну часть именья оставить владельцам, а другую крестьянам для собственного их имущества; чрез такое же положение и власть помещиков над именьями своих земледельцев ограничена будет.

Из чего всего ясно видеть можно, что господин депутат обоянский от дворянства Михайло Глазов с прочими вышепомянутыми господами депутатами во многих местах делал мне возражения неправильные. Мог бы я показать и другие его учиненные мне таковые же опровержения; но сего сделать мне не рассудилось, отчасти для того, что уже многим предложением, может быть, наскучил вашему, почтеннейшие господа депутаты, великодушию, отчасти ради того, что из вышесказанного не трудно усмотреть можно всякому или тех опровержений неправильность, или что они удобно с моим мнением могут быть согласованы, как то сие мною выше несколько раз было сделано, отчасти же потому, что эти опровержения не суть в самой вещи выражения, но другие вопросы, о которых у меня в моем представлении ничего не было упомянуто.

Все же сие заключу тем, что я никогда бы сего ответа не учинил, если бы вышепомянутые причины меня к тому не подвигнули. Я совершенно ведаю, что из таковых препинательных речей ничего более не произойдет, как намерение ее императорского величества и желание всех ее верноподданных, удостоивших нас пещись об их и всех нас общем благе, едва когда исполнится. Почему и стараться должно, дабы не так скорым быть к учинению возражений, как к рассмотрению предложенной материи и, ежели она того достойна будет, к поправлению и приведению ее, по возможности, на высшую степень совершенства. Козловского дворянства депутат *Григорий Коровьин*.

Мнение депутата Козельского

Читано 23 мая 1768 г.

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание на поданное сего мая 5 дня в оную Комиссию от господина депутата Коробьина примечание, коим он, сообразуясь Большому ее императорского величества «Наказу», представлял об установлении податей крестьянских помещику.

Из подаваемых от господ депутатов противных мнений приметил я за основательное, что за разностию климатов, за неспособностью к плодородию земли и по другим обстоятельствам не полезно будет государству таковое установление в податях крестьянских, и соответствуя должности моей как в том, так и в другом, служащем по материи, что нахожу за полезное государству, то и всему высокопочтенному собранию предлагаю. Представляя в уважение разность климатов и разность способности или неспособности к плодородию земель или и такие места, где пахотных земель не находится, каковы по большей части сыскаться могут при городах Москве и С.-Петербурге; а в отдаленных от сих городов деревнях крестьян, что они живут при землях довольных и плодородных; и как одни из них живут при дорогах больших и торгов имеют харчи от проезжающих в домах своих, а в столичных городах — продажею хлеба, сена, дров и других городским жителям нужных вещей, тоже нанимаются всегда в извоз и потому пред другими, кои в отдаленных местах живут, пользуются в деньгах гораздо больше, так равно, как сии последние изобилуют в хлебопашестве, — то, по моему мнению, заменяя и сравнивая профиты их, можно их всех подвергнуть равному помещицкому взысканию, с тем только различием, чтобы из живущих около столичных городов и при больших дорогах или где бы и безземельные сыскаться могли взыскивать подать деньгами определенительно, то есть за два дня в каждой неделе, по такой цене за день, как по изведенным о каждом из сих мест чрез господ губернаторов и депутатов обстоятельствам и опытам достовернее и справедливее законом предписано будет; а в отдаленных провинциях, где земли достаточны и хлебодородны, но жители, не имея где хлеба

продавать, в деньгах убожее первых, употреблять крестьян на барщину в хлебопашество и в другие экономические дела по два же дня в неделю, выключая воскресный, как одному богу посвященный, день.

Итак, мне кажется, справедливее и человеколюбивее сего не может быть, когда шесть дней в неделе разделены будут таким образом, что крестьянину два дня на исправление в государственных податях, другие два дня на содержание помещика, а два дня на исправление собственных его нужд, седьмой же день на богослужение.

Я полагаю помещиковы дни, по примеру найма, ценою каждый из них (как летнего времени дороже, так и зимнего дешевле) за пару волов с упряжкой или и за пешего человека с харчами крестьянскими — по 10 копеек; и когда же таким образом подать крестьянская ограничена будет, то помещику достанется со двора крестьянского в неделю по 20 коп., а в год по 10 рублей, только с тем условием или пределом, чтобы и обыкновенная от баб крестьянок помещику подать и работа туда же ввещена была.

По сей раскладке не будет еще равновесия в том, что два дня на исправление в государственных податях, то есть в подушном сборе, покажутся крестьянам легче против тех, что на помещика, хотя бы и рекрутский набор сюда же вносить; но зато крестьяне заменять будут государственную пользу ту, что, умножая безопасно многолюднее семьи свои, умножат и подушный оклад, потому что они помещику оброк платить или урок работать должны уже не по душам, а от двора, и сим образом расположение времени крестьянского на подать государственную и помещичью и будет в равновесии, и по сей уже выкладке можно будет в законе отдать на волю помещикам и крестьянам во всем государстве и во всех оного областях, не смотря и на различие земель и продуктов, с тем, — хотят ли они согласиться на барщину или на денежный оброк.

Сие расположение полезно будет и для того, что по ревизиям, в которых будут писать статьями крестьянские двory и души, известно будет всегда всякому правительству, — сколько за каким помещиком дворов и душ и сколько же он в год определенного ему по закону дохода с них получит и каково достаточно, без излишества, не заходя в долги, жить и детей своих воспитывать может, — и служить будет предупреждением права опеки. За сим осталось разобрать только то неравенство, что из крестьян найдутся один семьянистее, а другой одинокий, а всем им подать помещичья полагается одна. Но я иного способа к облегчению одинокого не нахожу, окромя сего, чтобы помещик, не запуская в доимку годовую, подати взыскивал с него понеделньо или, по крайней мере, помесечно, и то ему будет в облегчение; для большего же еще полегчения побуждаем будет крестьянин сам

стараться о размножении семейства, а который не слышит способа умножить свою семью затем, что бездетен, а с другого двора принять ему никого нельзя будет, то таковым в податях и то немало помогать будет, что за неимением детей мало у него хлебоедцев, а что меньше у него хлебоедцев, то больше у него останется на продажу хлеба, а оттого и подать платить будет ему не трудно.

Что же касается до имений крестьянских движимых и недвижимых, то оставить оными пользоваться крестьянам, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, ни заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещикова, для того что крестьяне, почитая те имущества в собственности, предполагать будут себе за основание то, которое их от побегов удерживать станет, и прилежащее в земледелии упражняться будут, по отделениям 295 и 296 «Большого Наказа».

Я из помещиков в самых местах украинских и в таком народе, который из малого какого-либо себе неудовольствия склонен к ежечасному с места на место переходу, но и тот сим законоположением будет доволен, потому что тамошние мужики, подданные, по волюности своей самопроизвольно договариваются, чтобы в неделю работать на помещика по два дня, или по тому же денежный оброк им платят; а что касается до внутренних крестьян, которые в жизни своей основательнее и ко всяким нуждам привычнее, то они и больше того будут довольны.

Когда законное установление в должности крестьянина к помещику последует, то какая от того обществу произойти может польза?

1. Каждое сего рода людей семейство, будучи известно об определительной своей должности, а притом уверено и о свободе времени того, которое для собственной его пользы ему оставаться будет, не имея же прежде бывших препятствий, что крестьяне и долговременные от домов отлучки безвременно употреблены не будут, натурально, постараются о всевозможном себя обогащении и, в таком расположительном времени почувствовав некоторое облегчение состоянию своему, почувствуют желание и о размножении семейства.

2. Последовательное: что они дочерей своих властны будут выдавать замуж своевременно, а не так, как доньше делается, что многие из крестьян, по тридцати лет и более не выдавая их, принуждены держать при себе нарочно, показывая причину, что за всегдашними и дальними их отлучками в доме работать некому. Когда о семпочеловечеству и беспристрастно помыслить, то какая жалость! И не бесчеловечный ли отцы и матери против собственного своего натурального желания над детьми своими видят поступок!

3. Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли

(как из «Наказа» во многих статьях объявляется), сносят свое состояние с крайним их отягощением во взыскании с них денежных оброков и в безслабном порабощении и, что им еще тягчайшее, что они и в имениях своих, равно же и в детях бывают не властны; а сим новым узаконением, ограничивающим каждого волю и состояние, будучи облегчены и ободрены, прилежнее станут употреблять себя к хлебопашеству, как они и побуждаемы к тому будут законом же, от времени до времени униматься станут от злодейств, как многие из них говорят и извиняясь, что-де они трудности и скудости ради и за неимением хлеба понуждаемы бывают на всякое зло; что и вероятность подает из того, что в городах, селах и деревнях, тоже и по всем дорогам великое множество ни в чем не изученных крестьян просит подавание и приносят жалобы, что они чрез повседневное порабощение не имеют хлеба и для пропитания.

4. Выходящие из деревень в столичные города Москву и С.-Петербург под видом торгова и зарабатывания денег мужики, из которых в тех городах множество найдется лишних, возвратятся на свои жребии к хлебопашеству и к другим деревенским работам; а сей полезный способ удвоит еще пользу тем, что как только толпа сих тунеядцев выбудет, то дороговизна в хлебе избавится, и в деревнях семейство умножится.

5. В рассуждении сего многолюдства могу представить еще и то: во-первых, торгующих, — *как* они все купцы и *что* все за торг принялись? И для разобранья купечества и распознавания состояния их за полезный способ почитаю сей, что как только в здешнем городе расписать и сметить количество суммы, то есть на сколько миллионов во всех товарах или продаваемых вещах сыскаться может, и число торгующих, то из сей выкладки и найдется, по числу суммы и по множеству торгующих, что иной торгует рублей на десять, а называется купцом. Что же из сего купца прибыли обществу? Хлебоядствует только; да где? В столичном городе, где хлеб и без него многим надобен. Не лучше ли ему жить в деревне и упражняться в хлебопашестве, нежели настоящим купцам в торгах их подрыв делать; а таков же разбор можно сделать и между находящимися под видом зарабатывания.

6. Крестьяне не только что от побегов уймутся, но удобнее можно будет возвратить и бежавших в Польшу, которых наперед сего многими милостивыми указами вызвать было невозможно; а притом надежнее вызвать и украинских мужиков, бежавших туда же в Польшу, в Валахию и в Венгрию, нежели как способом тем, что донныне в ново-сербские и другие населяемые места они вызываемы были, потому что вызываемый народ из закону твердо уверен и вызывающими обнадежен будет о непременимой подданнической должности или подати.

Новосочиняемый закон, как из отделения 297 видеть можно, хотя будет наблюдать пользу о хлебопашестве, но он наблюдение иметь будет главное государственное; к приведению же хлебопашества до намеренного конца мне кажется, что всяк помещик, как член тела или общества, помогая главному правительству, должен законом же обязан быть в наблюдении за крестьянами своими, чтобы они в своем упражнении прилежнее были, как и сам же он от трудов их оброк свой получать будет и ленивых понуждать может. Для чего не полезно ли будет учредить о хлебопашестве государственное правительство, которое от всех помещиков и от всех мест ежегодно собирать станет ведомости, — сколько хлеба посеяно и сколько снято будет, и таким образом польза государственная и польза помещичья будет связана с пользою крестьянина его; а такое расположение каждого частного правления соответствовать будет расположению народа, ради которого оно и учреждается по 262-му отделению, и служить может к предупреждению причин непослушания рабов против господ своих, ибо крестьяне, под наблюдением своих помещиков всегда будучи, останутся в прежнем страхе о почитании их, как они им и крепки по отделению 263-му; по облегчению же податей чувствительны будут к благодарности и большему усердию помещикам своим, вместо того что ныне, в отчаянии будучи, недоброхотствуют им и, как известно, многих убивают.

Весьма несправедливо будет, когда я не исключу господ владельцев, кои владеют подданными своими умеренно и без отягощения, Но как предписание закона, ограничивающее помещичью подать, будет для всех полезное, то думаю, что каждый из господ помещиков может быть доволен, в рассуждении, что оное для таковых, кои неумеренным порабощением своих подданных отягощают, будет некоторым воздержанием в поправление же им; а кои из них найдутся человеколюбны и подданным своим не суть тягостны, те без принуждения законного сами себе уже предписали закон, и таковым закон будет в похвалу его домостроительства. Равно несправедливо же будет, если кто защищать станет при добродетельных и таковых помещиков, которые бы во вред себе и обществу подданных своих разоряли, а таковых число едва ли не умножается, и, статься может, оттого, что крестьяне потомкам помещичьим достаются легче, нежели как их предкам.

Что же господа депутаты в мнениях своих пишут, что когда кто из помещиков сыщется разоряющий своих крестьян, с тем-де поступить по законом и отдать в опеку, по мнению же моему, если такие сыщутся, то лучше изыскивать способы к предупреждению разорений, так, как и преступлений, нежели впадших в оные сыскивать к суду с затруднением правительств и чрез что умножать процессы или отдавать в опеку разоренное уже. Такие-то следствия побудили к предупреждению и в самых вольных

народах, что по законам установлена опека частным правлениям таким, кои имели бы приходиться в несостояние, и в отвращение того повелевается тамошним правительствам имения их отдавать в опеку; и когда же частные правления в сем случае предохраняются законом в вольных народах, то паче в самодержавном государстве упадающие дома помещичьи и многочисленный народ крестьянства, кои в худом домостроительстве найдутся, для целости всего государства общим законом и единовременно не надлежит ли предохранить от дальнейшего их разорения и жалостное состояние бедных крестьян, сообразуясь «Большому Наказу», 270-му отделению, облегчить, в том предаю на беспристрастное рассуждение вашему почтенному собранию.

Также господа депутаты в мнениях пишут, что помещики крестьян своих в случае нужды ссужают хлебом, скотом и прочим, а мне кажется, что помещик, сколько бы ни богат был, то он в рассуждении поместья своего и от него же богат. Итак, если он не лишает своих крестьян собственного их хлеба, скота и всего пропитания, так где же он только возьмет всего того, чем бы ему во время нужды, то есть в самом крайнем недостатке, каждого из крестьян своих снабдить? Невозможное дело! От сего благодеяния и владеющий принц скоро откажется. Справедливее же можно доказать то, что крестьяне множеством одного помещика во всяком случае могли бы удовольствоваться, ежели бы только они не разорены так, что по миру ходят. Я помещика умеренным и сносным признаю и за одно то, когда он из крестьянского движимого имения ничего взять не пожелает.

Что же и леностью, пьянством и мотовством обвиняют их, крестьян, то пускай, положим, и так. Но я представляю трудолюбивую пчелу в пример: за что она трудится и кому прочит? Что она трудится часто не для себя, она того не предвидит, но приобретенное, как видно, почитает за собственное добро, что защищает его и для того кусает, жалит, жизнь теряет, как только человек или другое животное подойдет к гнезду ее. Крестьянин же чувственный человек, он разумеет и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково. Так представьте себе, почтенное собрание, какому человеку тут надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И как ему быть добронравну или добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким? Он в сем насилии принужден и себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лени, а самый бо трудолюбивый человек делается нерадивым, во всегдашнем насилии и не имея ничего в собственности. Да и могут ли в сем климате быть ленивые народы, я не понимаю. Лучше, кажется, по человеколюбию стараться возбуждать народ к работе вольной и не томной, то он большой урок выработать будет и не устанет, нежели одною неволею и удручением рабства;

и таким образом облегчится рабство его и нечувствительно ему будет.

Впрочем, если бы кто из помещиков был столько прихотлив, который бы желал владеть подданными своими беспредельно, тот, по справедливости сказать можно, пожелает сверх принадлежащего ему преимущества, ибо и самая верховная власть, по самодержавию своему, от всех подданных не требует более определенной всякой службы, кроме на содержание необходимой войны; но и та бывает для восстановления общего же благоденствия и для утверждения постоянного мира и всенародной тишины.

В сих мыслях я бы рассуждал за полезное и во всех российском государстве областях разделить и отмежевать землю всем подданным, кои в слободах с владельцами живут и владеют принадлежащими к тем слободам землями вообще, для того чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постоянное жить могли.

Обнажение государства от жителей всегда быть может и в тех народах, коим переход с места на место дозволен, но как оное дозволение и немалым есть им удовольствием, то, по мнению моему, не нарушая их вольности, полезно было ограничить тот переход, чтобы он по точности законов наблюдаем был, обходя притом и извиняя невежествующих простолюдинов, и приняться за приемщиков помещиков, кои, а наипаче сильнейший от меньших помещиков, не наблюдая указов, переходящий или, лучше сказать, бегущий народ принимают без письменного вида, и, пресекая дерзость их, установить, чтобы с приемщика за прием таких переходцев да беглецов взыскивать штраф — равно как и за великороссийского крестьянина беглого.

Сей способ, по сведению моему о тамошних обстоятельствах и народах, отменить может злоупотребление то, что тамошний народ и владельцы под видом вольного, честного перехода не разнимательно содержат и побег, и отвратить причиняемое всякий час от тех волочаг, мужиков и пастухов, тамошним народам и самым трудолюбивым хозяевам нестерпимое зло или вред, в рассуждении тамошних в скотоводстве профитов. Сей же способ может быть справедлив, потому что он из свойства тамошней же вольности и не отнимать будет свободного перехода, кроме одного побеге, сверх же того принести может пользу обществу по нижеписанному.

1. Что тот бродящий народ станет униматься от перехода, который и самому ему разорителен, и обзаводиться будет, для того что другого способа к переходу не останется, как один тот, что ему с отпускным письмом переходить. А когда только с отпускным письмом ходить будут, то разве из ста или из тысячи один сыщется, самый уже бродяга, который, разоряя себя вольно, вздумал бы идти к другому владельцу, потому что вольно, а не

принужденно идет. Но бегающие, а паче наемные работники под видом вольного перехода, украдкой, как злодеи, примерно сорвавшиеся из тюрьмы, а с ними в шайку замешавшийся и оседлый мужик уходят оттого, что причиненные ими хозяевам их в деревнях и в хуторах в хлебе и в скотоводственных прибылях неописанные воровства, кражи, пьянства и мотовства понуждают их к тому. Посему доказываю я, что таков переход не вольный, но принужденный, причиняющий явный вред и бегающему и жительствовавшему хозяину, который и пресечь можно по вольности и из привилегий тамошних же, ограничивающих сию вольность честно и без побегов.

2. Как только сей корень зла истребится, то из числа того же народа дикий (который по большей части безместен и скитается по хуторам и для того умышленно не женат, чтобы ему удобнее вольничать и хозяев своих принуждать им снисходить) принужден жениться и, размножаясь, семейством обзаводиться, селиться и постоянное жить. А какой еще способ употребить, чтобы они могли жениться, я имею объяснить вперед, сообразуясь «Большому Наказу», в примечании моем о размножении народа.

3. Что воровство, происходящее в тамошних местах, которое, по добронравию тамошнего народа, в одной сей дичи только и заводится, совсем истребится.

4. Тамошние жители, не предвидев от сей вольницы опасности в злодействах, каковые ныне они причиняют, распространят заводы, от коих продукты свои имеют, а от того, умножая беспрепятственно собственную пользу, умножат и государственную.

Но за всем тем остается объяснить причину, для которой я рассуждаю законоположить на приемщиков столь тяжелый штраф за прием предписанных беглецов и для чего они, в отменность указов тех, кои за прием их винят, дерзают преступать оные, которую и объясняю в следующем.

1. Что штраф у тех указов положен из прав малороссийских весьма мал и сносен, наипаче в рассуждении сильного помещика, а к таковым по большей части беглецы и убежище имеют; и когда таков помещик или еще и управитель его не выдал бежавшего, так куда же на него бить челом? Власть его, сила и дальность расстояния к самому помещику воображают страх волокиты ищущему своего бежавшего; а хотя бы он по претерпении волокит и получил положенное в тех правах награждение или и самого бежавшего, но и то не будет ему награждением, потому что беглец разграблен и разорен, и он больше понесет убытка в харчах, нежели съест.

2. Ищущий, представляя в мыслях своих толь малое взыска-ние, представляет и трудность ту, что ему надобно отлучиться от дома и отважиться на изыскание малос, и то неизвестное, и потому схать, оставя все свои нужды и приобретения известные, не льстится, а оставляет то с понесением своей обиды; а беглецы

и приемщики, чрез таковое терпение умножая свою дерзость повадкою, что им сей промысл с рук сходит, и больше таким беглецам убежище дают. Если же штраф сходственный с сим мнением положен будет и в ближайших местах и на тех имениях, где беглецы укрываться станут, взыскание будет, то всякий из обидимых иметь будет авантаж, не упуская таковым злодеям ехать и с приемщиками, хотя бы и судом, разведываться. Но и принимающие одним сим тяжелым штрафом устрашены будут и, не допуская себя до того, тотчас не станут их принимать. Итак, сии злодеи принужденными себя найдут жить и служить постоянное.

Впрочем, предаю в рассмотрение всему высокопочтенному господу депутатов собранию. Депутат *Яков Козельский*.

Мнение депутата Чупрова

Читано 23 мая 1768 г.

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения на прочитанный голос господина депутата трубчевского дворянства Григория Бровцына мая 21-го, то есть третьего дня, примечание,

которым опровергается голос господина депутата козловского дворянства Григория Коробьина в том, якобы несправедливо примечание его, которое подано об узаконении помещиковых крестьян; да напротив того представляет: помещики своих крестьян пред государственными с излишеством по хлебопашеству поощряют и во время недостатков, что потребно им, без удовольствия не оставляют.

О таковых и весь свет знает: кто у кого под защитую и в добром поведении и в научении жительство имеет у помещика или хозяина, того похулить едва ли кто отважится; да не точию сторонние, но и благоразумные родители, видя чад своих в таковых содержаниях, за счастье себе вменяют; токмо здравые не требуют врача и в милости содержащиеся редко милости ищут.

Да и не на тех помещиков поношение, которые благоразумными учреждениями крестьян своих управляют; да и господин депутат Коробьин не о таковых, но безмерно о мучащих крестьян своих и несносные дани собирающих представляет. И, по слышанию, довольно таковых признается: недовольны тем, что по желанию своему по окладу с души берут деньгами, с них же еще и с домашнего произращения сверх денег собирают, да их же и в работу берут.

И оного господина депутата Коробьина в примечании о таковых праведное сожаление признается; и желание его узаконить, — в чем помещикам власть над крестьянами иметь и умеренную с них дань собирать, о чем и он, господин депутат Бровцын, упоминает, чтобы над безумными и мучащими своих крестьян быть опекунам. Да как же может опекун быть и управлять, как не будет на то права и узаконения? Видится праведно узаконению быть. И, кажется, не должно господина депутата Коробьина голос опровергать и справедливее удостовериться на голос Коробьина, нежели Бровцына, ибо Коробьина голос весьма сходен и с «Больш-

шим Паказом» ее императорского величества: и во всем «Наказе» по большей части о всех вредных случаях упоминается не столько за них наказывать, как их предупреждать и искоренять. Кажется, сие и с священным писанием весьма сходно. Да к чему же злоупотребление отвращать тако не законами? И отчего бедные люди будут охраняемы, как не законом же? О чем и в «Большом Наказе», в 3-м отделении упоминается.

Да он же, господин депутат Бровцын, представляет, якобы государственные крестьяне в вольности жительство имеют, и оттого ими хлебопашество нерачительно производится, и в беспорядках и в побегах они находятся. О побегах и беспорядках, кроме хлебопашества, и то бесспорно уповаю, что и во всей подсолнечной во всяком роде между добрыми есть и вредные, а между иными и не без дураков; а что же о хлебопашестве, государственные крестьяне не для другого кого, но для себя на пропитание желание и рачение имеют и не надеются того, что другие у них отнимут, как о том в 296 отд. упоминается, и вменияют себе земли в удовольствие, а не в удручение, как и в 276 отделении упоминается.

А что же к удобрению и к умягчению земли и посева, про то и я отчасти могу знать про государственных и помещиковых крестьян, которыми рачительнее исправляется. Как в прошлом, 1767 г. отправлен был от города Архангельска в Москву, ехал в июне месяце, и тогда у государственных крестьян земли к посеву ржи переораны и взборонены по большей части на два ряда, а у помещиковых еще и однажды не ораны, а которые хотя и начинают орать и засохшую землю орут плугами на трех конях, отворачивают скипы, иную одному человеку невозможно от земли поднять. И на государственных крестьян господин депутат Бровцын о нерачении к хлебопашеству, кажется, напрасно позволил поношение написать. И всем про то нетрудно знать, что государственные крестьяне по большей части жительство в поморских холодных местах имеют: хотя которые и весьма к земледелию трудолюбивы, да несчастье их от холодного воздуха и от частых недородов, и осенним ранним побивает морозом. А которые хотя и в хлебородных местах жительство имеют, и те по большей части под заводы подписаны, и тем не точию вновь распахать, может быть, и прежние времени иному нет обрабатывать. Да и в побегах, уповаю, что редко государственных крестьян находится, да и бежать им, кажется, не от чего, потому что и вечно достойные памяти прежде бывшие монархи в милости законами охраняли, да и ныне ее императорское величество матерним милосердием соизволила хранить и наблюдать со излишеством, и со дня восшествия ее на вероссийский престол государственные крестьяне почувствовали себе великую пользу и милость от подтверждения указами о лихоимстве и неправосудии. Может быть, он, господин депутат Бровцын, про тех крестьян и не знает, кото-

рые у некоторых помещиков в унынии и бедности жительство имеют, а мне думается, по большей части и в побегах те найдутся.

На прочтенное же господина депутата ярославского дворянства Михаила Щербатова мая 22, то есть вчерашнего дня, примечание, которым тоже опровергает голос Коробьина, притом представляет всякие благоразумные от помещиков крестьянам своим учреждения и, между прочим, объявляет дворянскую заслугу издревле российскому государству, на то ответствую. Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливое и честь дворянская за достоверно почитается, да однакоже и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются: за кем какая должность состоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют. Токмо ныне дело не о том идет, и господа депутаты не на то собраны, чтобы честь себе приписывать, но о узаконении всех вообще и каждого особенно, о чем данный от ее императорского величества «Большой Наказ» научает (и из всего можно видеть), чтобы не остаться никакой вещи без узаконения; потому же, кажется, не должно оставить без определенного закона помещиковых крестьян, чтобы после сочинения проекта Нового Уложения в бедности и в беспокоействе не находились, как ныне за некоторыми без призрения и защищения находятся; о таковых во многих отделениях упоминается, и в 278 отделении, по нынешнему их состоянию и бедности, со излишеством к сожалению их поощряет нас, а которые в милости и счастии, как выше мною сказано, таковых и представлять, кажется, не следует, как господа депутаты о том многословят. И всевышний творец, сам господь бог нам путь дал попечение о нищих, бедных и об обиженных иметь; потому можно почесте за справедливый господина Коробьина голос.

На прочитанный же голос от города Великого Устюга господина депутата Андрея Плотникова, которым опровергает голос Велико-Устюжской провинции г. депутата Василия Ключарева, коим онный Ключарев просил об увольнении из половничества (от велико-устюжских купцов) государственных крестьян, и признается господина депутата Плотникова в примечании его желание быть у них половникам попрежнему, на что многие примеры и указы представляет, — кажется его представление несходно с «Большим Наказом», видно, что желание его — великоустюжскому купечеству помещичьи выгоды иметь.

Кажется, не можно одному человеку купцом и помещиком быть; притом же в половничестве нечто иное: что сколько хлеба родится — хозяину половина, посему, можно разуметь за добрыми помещиками в пять крат выгоднее крестьяне живут, нежели за купцами в половничестве, потому что у доброго помещика единственно по окладу умеренный оброк заплатят, а другое, что есть, все у себя и на себя промышленяют, а в половничестве приме-

ром, родится хлеба 20 четвертей — половину отдаст хозяину, а другой как себе на пропитание не достанет, тогда не будет времени, чтобы чего в дом смыслить, о чем могу и удостовериться, потому что выдаю их довольно: не точию у них у иных в доме другого чего, но и сверху скрозь, худые оконницы за скудостью, а на плечах ладной одежды нет, хлеба иногда отобедать с нуждой. А хотя господин депутат Плотников представляет, что их рачением к хлебопашеству и мастерству и поощряли, а то бесспорно однако: в год купцам же большая часть, а не половникам. И для того, по мнению моему, видится праведно быть — половников от них отобрать, а землями если дозволено будет владеть, то бы вольными людьми, кто пожелает, и с платою по добровольному договору обрабатывать; и о том уже мною в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения октября 31 дня в Москве пространнее подано.

Сверх того, о всем вышеписанном всем господам депутатам предаю на рассуждение. Архангелогородской провинции от черносошных крестьян депутат *Иван Чуров*.

Мнение депутата Маслова

Читано 27 мая 1768 г.

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения.

Сего мая в разных числах от господ депутатов подаваемые голоса, а другие, напротив того, своими возражениями о крестьянах, на каком оные находятся основании, объяснять соизволили. О чем и я почтеннейшему собранию осмелился на рассуждение свое примечание приложить, не изъясняя о тех, кои много и преимущественные имели у себя жалованные или купленные деревни и вотчины, и как есть то природные дворяне, отечески милосердствуя о своих крестьянах, и содержат их в добром порядке.

Есть уже ныне и такие, — во владение крестьянами вступили, только будучи при статских дел приказными: купил, или через приметки сильно отнял, или вольного по приметкам без всяких резонов, будучи при делах, фальшиво укрепил, как то в отделеции 306 напечатано: «случайно им во власть пришедших». В «Начертании о третьем члене» напечатано: «неволя существенная, которая делает человека зависящим и принадлежащим к тому месту или земле, на которой он находится»; почему почтеннейшее собрание уверяю, что неволя существенная находится в разных обстоятельствах: 1) бывает, что у его владельца мало имеется земли, и довольствоваться крестьянину к его пропитанию нечем, а помещьими поборами свыше его сил обременен; 2) а хотя б у некоторых владельцев и достаточное число находится земель, кои, не рассуждая о пропитании в жизни его крестьян и о распоряжении дней между крестьянами урочных работ, но всегда каждый день непосредственно на его работе находятся, а хотя и отпустит, и то разве редко бывает, на день или на два; так как же им пропитание иметь или родившихся от них детей воспитать, что они всегда всеми семьями бессходно на господина работают, еще ж сверх того и подушные деньги платят? Многие дворяне, говорят, крестьянские побеги почитают за самовольство, а в то рассуждение не войдут, от радости ли иной крестьянин покинул свои малые детища, чего ни единый зверь в коше — своих щенят, ни птица в гнезде — своих птенцов, без пристрастия от находящихся, не поки-

дает; тако несчастливому в свете человеку сие приключается по нужде, почему уже и закону перемена бывает.

И еще ж оные крестьяне, чрез некоторых дворян неустройство, не только в их домах, но и в судебных местах неповинно страждут, потому когда в случаях начинаемых его помещика в противность государевым законам поступков крестьянин не послушает — господин бьет, а послушает — так в судебных местах бьют. На сие ответственю. Вот отчего, почтеннейшее собрание, оное происходит неустройство, от которого многое причиняется и смертное убийство: многие владельцы, умышляя к отнятию у других владельцев недвижимого имения, посылают своих крестьян к запаханию чужих земель, к выкошению сенных покосов, к вырубке лесных угодьев, а иные усильно в чужих дачах селят деревни и слободы, и от того бывают драки, бойни, смертное убийство; оное ж происходит к исследованию и до судебного правительства, которое в силе законов посылает за теми производящими драку, забирает тех крестьян ко ответу, будто бы крестьяне сделали самовольством, а крестьяне, как то безгласные люди и не имея о себе никакого защищения, кроме того, как в судебном месте, так и пред своим помещиком подобострастны, хотя бы и ясное на то имели, что помещики на ту драку посылали, доказательство, только не смеют, да и боятся, которых в тех судебных местах при разпросах бьют, морят в тюрьмах. Кто ж таковых, почтеннейшее собрание, от невинных побоев избавит и кто таковых от напрасных бед свободит? Не бедно ль смотреть на погибающих, кои уже к тому не имеют о себе законной защиты? Токмо сей грех к богу на небо вопиет.

В отделении 266 напечатано: «мужики большею частию имеют по двенадцати, по пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества, однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст. Чего для непременно должен тут быть какой-нибудь порок или в пище, или в образе их жизни, или в воспитании, который причиняет гибель сей надежде государства. Какое цветущее состояние было бы сей державы, если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу». Вот отчего, почтеннейшее собрание, оное происходило. Как возможно будет бедному человеку детей своих воспитать, что их владельцы, хотя который и мало имея у себя имущества, не рассуждая о том, чтоб в таком вести себя состоянии противу своей возможности, но, сверх того, взирая на полномочных, свыше своих сил убранством против прочих тщится себя вести и тем своих людей безмерно отягощает. Есть такие владельцы: людей у него находится, примерно сказать, только двадцать человек, и то будет половина на пашне, а другая при нем в лакействе, и по своей роскоши приумножает псовую охоту и думает, неусыпно старается и мужиков денно и ночью работою понуждает, как бы оное прокормить, а того не думает, что чрез его отягощение в кре-

стьянских домах дети с голоду зле помирают; он же веселится, смотря на псовую охоту, а крестьяне горько плачут, взирая на своих бедных, голых и голодных малых детей.

И то, почтеннейшее собрание, как то по вашему лучшему благо-разумию можете, усматривая из данного нам от всемилостивейшей государыни «Наказа», что касается для собственного нижнего рода имущества, объяснить имею. Сего мая 2 дня Казанской провинции господин депутат Василий Кипенский утверждал своим мнением их труды на три части: первая для государственных податей, вторая — послушание господина, третья — для собственного их пропитания. Хотя бы и надлежало так, только, между тем, мню я, чтоб быть не без погрешностей. Первое, — потому как то в неделе шесть дней, и того будет на работе господину два дни, есть мужики огурные, он не может в те два дни за один день сработать и тому станет владельцу под обиду. Второе — есть же, напротив того, и такие владельцы: истребовавши на ту крестьян работу, он может двумя днями наверстать на всю неделю и в два дни может неустроенною без умеренности тяжкою работою всех крестьян поделать пеших, без лошадей, и привести их в самое изнеможение и самих, принуждая их, не оставить притом без побоев. К тому ж, хотя б и те средства сыскывать для оных и такое положение сделать и на таком основании учредить, урочно им положить, сколько посеять бы господину десятин, — и потому умерить, кажется, невозможно в таком случае, когда б была везде пашня добрая и ordinarily мягкая, а то будет такой случай: владелец велит для себя пахать целину или крепкую залогу, чего крестьянин никак своим способом оно, по воле своего господина, исполнить и распахать не может.

И то, почтеннейшее собрание, как то в рассуждение будет по вашему благоразумию: не лучше ли бы было, чтоб не обратиться таковое нижнего рода общество во вред, о коем всемилостивейшая государыня соизволит высочайшею своею милостию изъяснить в «Начертании»: «онный род составлен из полезных сынов отечества»; и подлинно, почтеннейшее собрание, не они ли обще с дворянством и с прочими российскими людьми знатную государству оборону подадут и немалую на армию денежную сумму приносят, как то в отделении 214 объясняет: «взаимно друг друга защищают», в «Начертании» объясняет (первая часть до права общего пародов), что они составляют тело государства, во второй объясняет (часть о праве особенном): «право особенное сделано для пользы каждого лица», особенно в третьем члене объясняет (разбор сим трем государственным родам и точное постановление приличных им прав и выгод в «Большом Наказе» в третьей статье напечатано): «всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его от всех ему правилу противных предприятий».

Я к тому приступить и ограничить не смею, а на рассуждение почтеннейшему собранию нижеследующее предлагаю. Кажется, почтеннейшее собрание, противу означенных резонов не лучше ли бы было сие средство: по тому их особливому нижнего рода праву учредить особую коллегию или контору, которая бы их содержала под своюю апелляциею, а в провинциях учреждены бы были от оной коллегии для того, по их закону, правления канцелярии в том порядке: когда требоваться будет в армию к защищению государства, в пополнение военных людей, почему определенная к тому коллегия имеет требовать от своих подчиненных по провинциям канцелярий, кроме однодворцев, кои содержат ландмилицкий корпус, со всего государства, со сколько душ положено будет, рекрут; в тех же канцеляриях иметь с них подушный сбор и, что положено на них будет, — господские доходы; который подушный сбор от тех канцелярий к отсылке отправлять, куда указом требоваться будет; а господские доходы, что с крестьян его в ту канцелярию сбору возили, отдать тому господину или от него поверенному с распискою. В случае, когда крестьяне причинят кому обиду в запашке других владельцев земель, в скошении сенных покосов, в рубке чужих лесных угодьев, на таковых крестьян просить в тех канцеляриях тем обиженным владельцам, где они в ведомстве состоять будут. Также, кто крестьянина посторонний во всяких случаях обидит, потому ж на оною обидчика просить, где тот обидчик своим правом судим будет. Отчего уже от помещиков, как ныне находится, никто обижен не будет, и крестьянина никто виного не заступит, и крестьяне от невинных бед все избавиться могут законом, как то явствует из отделения 244: «сделайте, чтоб люди боялися законов, никого б кроме их не боялись»; и яко все под единою властью и защитою станем законодательницы нашей, милосердной матери отечества, поставлены на высочайшей степени своего отечества, о чем уже изъясняет в «Начертании» часть первая «о праве общем, необходимо нужном для сохранения целости, доброго порядка и тишины государства»:

«Все члены государства и чужестранные, в оном живущие, должны покоряться власти самодержавной и тем, коим от оныя поручены части правления; и когда сие так состоит и добрый порядок от самыя верховныя власти и ото всех сохраняется, тогда подданные взирают на себя как на семью, которая государь есть отец». Впрочем же, предаю в наилучшее рассмотрение всему почтеннейшему собранию господам депутатам. Белгородской провинции от однодворцев депутат *Андрей Маслов*.

*Именные указы и манифесты Пугачева*¹

Самодержавнаго амператора, нашего великаго государя Петра Федаровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено яицкому войску: Как вы, други мои, прежшым царям служили до капли своей до крови, дяды и оцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государям, жалованы: казаки и калмыки и татары. И каторые мне, государю императорскому величеству Петру Фе[до]равичу, винныя были, и я, государь Петр Федаравич, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до усья, и землю, и травами, и денижным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиянтам.

Я, велики государь амператор, жалую вас П е т р Ф е д а р а в и ч ь.

1773 году синтября 17 числа.

*

Российскаго войска содержателя и великаго государя, и всех менших и болших уволитель и милосердой, соппротивником казнитель, болших почитатель, менших почитатель же, скудных обогатетель и всему российскому государству Петр Федоровичь: и прочая и прочая и прочая.

Киргискому войску содержателю Абул'хаирову, приятелю и брату моему, имянной указ и протчим моим верным слугам.

Для осторожности вам объявляю.

Когда всевышни господь бог мне даст волю, то я вас всех

¹ Печатается с сохранением орфографии подлинника.

не оставлю и буду вас жаловать верно, нелицемерно землюю, водою и травами, и ружьями, и провлянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую. И моим верным слугам и войскам объявить: и будет от меня волным и невольным всем моим, которыхы меня почитающим, воля, чтоб и войска ваше не противились, что я обиду за них стоять, також и оне б для меня, великого государя, постарали бы. Которых непослушных, казнить и ныне и впредь буду. И оное ваше в войске генералов и бояр не послушали б. Которые прежде служили, то я их могу простить, вперед они того не могли делать. Кои прислать ко мне, великому государю, двух сот человек военных людей для нынешнего войска. И вы сами известны: для вас неприятель, тож и для меня. В том сей мой именной указ объявляется всем.

Российской государь П е т р т р е т е й руку приложил.

Написано при его императорском величестве 20 дня 1773 году.

*

Я во свете всему войску и народом учрежденны велики государь, явившейся ис тайного места, прощающей народ и животных в винах, делатель благоденнии, сладозычной, милостивый, мякко-сердечны российский царь, император Петр Федоровичь, во всем свете волны, в усердии чисты и разного звания народов самодержатель: и прочая, и прочая, и прочая.

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному благодетелному и продержателному народу з домашними, то есть детми и женами, объявляется — сии мои указы во всех сторонах, как то: на всех дорогах, местах, деревнях, на перекрестках и улицах публикуются.

За нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери послать нарочного. И башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и болшим так, как гостинец, посылаю мои поздравлени.

Заблудившия, изнурителныя, в печале находящияся, по мне скучившияся, услыша мое имя, ко мне итти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие!

Без всякого сумнения идите и, как прежде сего ваши отцы и деды, моим отцам и дедам же служба, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, безсумненно к моему светлomu лицу и сладозычному вашему государю для походу без измены и пременения серцов и без криводушия в подданство и в мои повелени [*идите?*]. А особливо первая надежда на бога на

сем свете. Мне, волному вашему государю, служба, душ ваших не пожалейте против моего неприятеля проливать кровь. Когда прикажется, что будте готовы, то изготовтесь. А что верно я, то для уверения вас своей рукою во все стороны, как то и к вам, указы послал. Слушайте! И когда на сию мою службу поидете, то за сие я вас по прежнему, как вы от бога меня просите, так и я вас помилую. А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верте. Ныне я вас, во первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степные звери. В благодеяниях и продерзностях всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучетам вечно. Повелени мои послушайте и исполните. А что точно ваш государь сам едет, с усердием вашим для смотра моего светлаго лица встречю выезжайте. А я уповаю на бога и вам подтверждаю: от таких продерзностей, размышляя, на себя сумнения не возлагайте. Когда ж кто, на приказани боярския в скором времени положась, изменит и постречается моему гневу, то таковыя от меня благодеяния и уже не ожидайте и милости не просите и к гневу моему прямо не идите. Сие действительно божием именем под присягою я сказываю: после истинно не прощу.

Доброжелатель, велики император, государь П е т р Ф е д о р о в и ч ь и царь сам т р е т и руку приложил.

Сей мой указ писан и скреплен по исхоте сентября месяца во вторник, то есть в покров.

*

Самодержавнаго императора нашего, великаго государя Петра Федоровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю:

Как вы, мои верные рабы, регулярные салдаты, редовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу, до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положи оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность. За что награждены и пожалованы мною будете денежным и хлебным жалованьем и чинами; и как вы, так

и потомки ваши первые выгоды иметь в государстве моем будете и славную службу при лице моем служить определитесь. Ежели же кто, позабыв свою должность к природному своему государю Петру Феодоровичу, дерзнет сего имянного моего повеления не исполнить и силою оружия моего в руки моего верного войска получен будет, тот увидит на себе праведны мои гнев, а потом и казнь жестокою.

Велики государь император Петр Феодоровичь всероссийски.

*

Всем армиям государь, Российской землею владетель, государь и великая светлость, император российской, царь Петр Федорович, от всех государей и государыни отменной: и прочая, и прочая, и прочая.

Сколько-сколько грозные и грозители в его величества руках уже искорененье! Больших и меньших в одном классе почитатель, скудных обогатейший государь и милостивый царь от его величества и всем разные уездные и провинциальные подсудимы! Старшинам же башкирским, малым и меньшим, правоверным богатырям и казакам и всем моим подданным, которые мене почитают, войскодержателям от меня известие. Для остерегания меня своеручно милостивый от своего войска, рассмотря, дал именной указ: Никогда ни от кого не бойтесь и моего неприятеля, яко сущего злодея, не слушайтесь и не верьте, что всякое дело власть божия вышнего моего, когда я буду всех вас оберегатель. И если кто меня не послушает, то им за то учинена будет казнь.

Писан сей указ октября 14-го дня 1773 года.

Государь император, российской державы содержатель, сам П е т р т р е т и й руку приложил.

*

У К А З

нашему губернатору к Рейнборгу.

Довольно известно вам: ис опубликованных манифестов усмотреть можете, каким образом мы от зависников общаго покоя всероссийскаго престола биззаконно лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими правидными судьбами паки возвести нас соизволит, наших верно подданных рабов скипетру нашему покариет, а зависников общему покою под ноги наши повергает. Толко вы, ослепясь ниведениям или помрачитесь злобою, ни приходите в чюство: власти нашей бизмерно чинити з бол-

шым кровопролитиям противлениям и тщитися процветшее имя наша таким же образом, как и прежде, паки угасить и наших верно подданных рабов, аки младенцов, осиротить. Однако мы по природному нашему к верно подданному отеческому великодушию, буде хотя и ныне, возникнов от [м]рака ниведения и пришед в чюство, власти нашей усердно покорись, всемилостивейшии прощаем и сверх того всякою волностию отчески вас жалую. А будеш в таком же ожесточении и суровости останитись и данной нам от создателя высокой власти [н]и покоритесь, то уже ниминуемо навлечети на себя правидный нащ гнев.

1773 году ноября 17 дня.

Великии государь П е т р т р е т и и всероссийскаго.

*

У К А З

его императорскаго величества самодержца всероссийскаго Петра Феодоровича: и прочая, и прочая, и прочая.

Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей, яко то от бога дарованной мне, милости всякаго человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию. А естли кто сверх сего моего до всего народа чинимаго милосердия останется в своем недоразумении, тот уже напоследок восприимет от меня великое истязание и ничем себя не защитит. Сверх же сего и те, которые, как прежде, услуги приносили неизменные деду моему императору Петру первому такие, что за его императорское величество до жизни своей пребывали в неисчерпаемых службах, за что и воспринимали немалые награждения и похвалы, но и ныне кто таковы мне будут приносить неизменные услуги, а заслужа, и я про тех всеусердно слышать желаю и без награждения никого не оставлю за те их услуги. И естли кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже вам всех пожаловал сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодыями, также волностию. Сверх же сего как от бога дарованной мне власти обещаюсь, что впредь никакого уже вы отягощения не понесете. А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общаго покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение. А на оное их помещиков имение и богатство, также яство и питание было крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и разворение. А ныне ж я для вас всех един ис потеренных объявился и всю землю своими ногами исходил

и для дарования вам милосердия от создателя создан. То, естли кто ныне понять и уразуметь сие может о моем воздаваемом вам милосердии, и всякой бы, яко сущей раб мой, меня видеть желает. Но однако ж ныне еще не столко мне доброжелателей, как сколко общаго покоя возмутителей и ненавистников. Ныне ж всемогущий господь неизреченными своими праведными судбами паки возведет нас на всероссийский престол, то уже не один без отмщения противу их оказанного до меня злодействия не останется; и тогда всякой познает тягость своего преступления. А хотя и восхоцет обратится к законному повиновению и будет старатся и споспешествовать и приносить неизменные услуги, но толко ничего приято не будет; тогда уже и воздохнет из глубины сердца своего и воспомянет всемирное житие свое, да уже возвратит будет тогда никак нельзя. А кто ж сей мой милостивой указ получит в свои руки, тот бы тот же час как из городу в город, из жительства в жителство пересылал и об оном моем чинимом ко всему роду человеческому милосердии объяснял и всемирное житие воспомянул, как оное ныне, также и впредь вышеизъясненное будет всем полезно.

На подлинном подписано (так) собственною его императорскаго величества рукою тако:

Император и самодержец всероссийский т р е т и и П е т р .
От 1-го декабря 1773 года.

*

Копия

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержиц всероссийски: и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

Небезизвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и зависцов общаго покоя всероссийскаго и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими праведными судбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покою и благодетишию под ноги наши повергает. Только ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде, угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцов, осиротит. Однако мы по природному нашему к верноподданным отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чюство, власти нашей усердно покоритесь

и во всеподданнически должности быть повинитесь, всемилостивейше прощаем. Сверх того всякою волностию отеческой вас жалуем. А буде же кто и за сим в таком же ожесточени и суровости останется и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведны наш и неизбежны гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнение и всенароднаго истиннаго познание сим и публикуетца.

Декабря 2 дня 1773 года.

На подлинном подписано собственною Е.И.В. рукою тако:

Петр.

Под текстом подпись «копииста»:

Ротной писарь Василий Протопопов.

*

Великим богом моим на сем свете я, великий государ, император Петр Феодорович, ис потерянных объявился, своими ногами всю землю исходил. Божиею милостию мы, великий государ Петр Феодорович, самодержец, верноподданным рабом всякого звания и чину я, подлинной император Петр Феодорович, государ, своим языком именно указ во всю Россию побликую, кто моего указу не слушает: и прочая, и прочая, и прочая.

Слушайте: подлинно мы государ! Поверте и знайте, идите ко мне встречу светлomu лицу, не утраштите, от меня милости просите: которые от нас бегают, таковым милости не будет; кто желает, ко мне идите. Естли в тюрьмах содержатца и в боярских руках люди в сем месяце, не держать — отпускать: от меня приказ. Ежели силою содержать будут, кто повелел, таковым головы рубить и кровь проливать, всю семью разделить. После того моим отцем и дедушкам матерью служили: дедушке моему первому и великому императору Петру Алексеевичю. И как он жаловал, так и я жалую впредь и после: пахатными землями и водами, и солю, и законами, и всем экипажем. После того молитесь богу за меня, и буду вам отец; ежели будите моего указу слушать, и буду жаловать. Не сумневайтесь, приидите в чювствие, много милости получите; божиею милостию мы всемогущим богом присегаем. Кто моей присяги не верит, тот злодей; ныне неприятель не верит и бегают от меня, таковым милости не будет: головы рубить и пажить разделить. В губерниях, городах и во всяких жительствох всенародно публикуетца.

Мы, государ император Петр Феодорович, своею рукою подписал.

*

Божиею милостию мы, Петр трети, император и самодержец всероссийский: и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляется во всенародное пзвстие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностию и свободою и вечно козаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без аброку и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствия. А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих помест[иях] и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.

Дан июля 31 дня 1774 году.

Петр.

*

Божиею милостию мы, Петр третии, император и самодержец всероссийский: и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется Березовской станицы господину атаману и всем живущим во оной Донскаго войска казакам и во всенародное известие.

Довольно уже наполнена была Россия о нашем от злодеев (главных сенаторов и дворян) укрытии вероятным слухом, но и иностранные государства небезызвестны. Не от чего ж иного сие последовало, как во время царствования нашего разсмотрено, что от прописанных злодеев-дворян древняго святых отец предания закон христианской совсем нарушен и поруган, а вместо того от их злое вредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское братобритие и разные христианской вере как в кресте, так и протчем неистовства. И подвергнули, кроме нашей монаршей власти, всю Россию себе в подданство, с наложением великих отягощений, и доведя ее до самой крайней

гибели, чрез что как Яицкая, Донское и Волское войско ожидали своего крайнего раззорения и истребления. Что нами обо всем выше прописаном отечески соболезновав, сожалели и намерены[?] были от их злодейского тиранства свободить и учинить во всеи России волюнсть. За что нечаянно лишены мы всероссийскаго престола и вменены злоумышленными публикованными указами в мертвые. Ныне ж по промыслу всевышней десницы волею его святою вместо совсем забвения имя наше процветает. И по прежде обязанной присяге, признав и уверясь о точном нашем имени, приняли и склонились под наш скипетр и корону живущей Оренбургской, Казанской и Оренбургской [?] губерней с приписными городами и уездами народ, також Башкирская, Калмытская орды, и поселенные по реке Волге Саксоны и Волское казачье войско и оказывают ревность и усердие в службе нашей охотно без всякого от нас принуждения. Того ради заблагоразсудить соизволили чрез сей наш всемилостивейший указ дать знать о нашем шествии с победоносной армией как означенной Березовской станице, так и всему природному Донскому казачьему войску. Что естли оное возчюствует наше отеческое попечение и пожелает вступить за природного своего государя, которой для общаго спокойствия и тишины претерпел великия странствии и немалые бедствия, то б желаяющие оказать ревность и усердие для истребления вредителных обществу дворян явились бы в главную нашу армию, где и сами мы присудствуем; за что без монаршей нашей милости и на первой случай не в зачет жалованья по десяти рублей награждения оставлены не будут. А для сведения всему Донскому войску повелеваем: сей указ станица от станицы пересылать вниз по течению реки Дону, а, списывая со оногo, копии для надлежащаго исполнения оставлять в каждой станице. Во свидетелство того мы собственною рукою подписали и государьственную нашу корону укрепить соизволили.

Писан августа ... дня 1774 году.

Петр.

*

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержиц всероссийской, и прочая.

Антиповской станицы господину атаману Ивану Платонову старшинами и всей Антиповской станицы.

Объявляется во всенародное известие.

Уповательно вся Россия небезызвестна, которая уже болшая половина под скипетром и корону нашу добропорядочным образом склонилась и, признав нас, обстоятельно уверясь о точном нашем

имении, а особливо несколько донскаго и волскаго войска, оказывают в нашей службе ревност и усердие. Того ради и вам, господину атаману Платонову с войским, посылаем всемилостивейшей наш имянной указ с монаршим и отеческим милосердием и повелеваем по прибытии нашем с армиею учинит пристойное встретение, понеже завтра в половину дня прибыт имеем, для чего быт готовым в нашу службу.

А злодеев дворян всячески старатца искоренят.

Во верност чего за подписанием собственной нашей руки и с приложением короне сей указ дан.

Августа ... дня 1774 году.

П е т р.

Именные повеления Пугачева

Самодержавнаго императора Петра Феодоровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Имянной мой указ во Оренбургскую Губернскую Канцелярию губернатору к Рейнздорпу Ивану Андреевичю и всем гасподам и всякаго звания людем:

Выдите вы из града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем. И за то велики государь ни прагневался, шта вы учинили великую палбу; и в том велики государь прощает чиновных и салдат, и казаков, и всякаго звания людей. А когда вы не выдите из града вон, да учините вы великую противность, то не будит вам о[m] великаго государя прощения, и власти всевышнего создателя нашего избегнуть ни можети. Никто вас о[m] наша силная руки защитить не может.

1773 году ноября 5 дня.

Велики государь П е т р т р е т и всероссийскаго.

*

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский: и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

Усмотрено нами по случаю бытности с победоносною нашей армией как в Осинском пригороде, так и Казанской губерни:

Некоторые из находящихся в тех жительствующие разного звания и чина люди, кои, чувствуя долг своей присяги, желая общаго спокойствия и признавая своего государя, верноподданными обязуясь рабами, всретение имели с принадлежащею церемониею. Прочие же, а особливо злодеи — дворяне, не хотя быть верноподданными и лишиться своего дворянства, употребляя свои злодейства, сами, да и имеющих при себе крестьян возмущая к супротивлению, чинили с ними противности; за что грады и жительства

их выжжены, а с противниками нашей короне учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия. А как, в случае нашего прибытия с армией в город Алатырь, находящиеся во оном священного и протчаго звания жители, кои по должности своей присяги, признавая своего монарха, учинили с пристойною церемониею встречу, а особливо и в склонность пришли порядочным образом. Наипаче ж из узмотренной нами оказанной верности господина прапорщика Елеазара Сулдедешева, коей, не хотя учинить нашему величеству противности, склонил и весь находящейся в городе Алатыре народ в подданство нашей короне, за что награждается рангам полковника, и препоручается ему, как верноподданному рабу, содержать оной город Алатырь под своим ведением и почитаться главным командиром. В которой должности поступать тебе для склонившегося народу в силу законов во всем неупустительно, не чиня никому обид, налог и притеснениев. Потому ж и всем помянутого города обывателям быть ему во всем принадлежащем деле послушными. С противниками ж и бежавшими, кои чрез вас сысканы будут, поступать со оными так, как з действительными злодеями, бунтовщиками и изменщиками своему государю, по всей строгости нашего монаршего правосудия. Напротив же того и вам повелевается с таковыми противниками чинить по вышеписанному без опущения.

Дан июля 23 дня 1774 году.

На подлинном подписано: П е т р .

*

Божиею милостию мы Петр третии, император и самодержец всероссийский: и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

По случаю бытности с победоносной нашей армией во всех сначала Оренбургской и Сибирской линии местах, жителствующие разного звания и чина люди, кои, чюствуя долг своей присяги, желая общаго спокойствия и признавая, как есть, за великого своего государя и верноподданными обязуясь быть рабами, встречу имели принадлежащим образом. Протчие ж, а особливо дворяне, не хотя своих чинов, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодейства, да и крестьян своих возмущая к супротивлению нашей короне, не повинуются; за что грады и жителства их выжжены, а со оным противниками учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия. А как по пришествии нашем с армией под город Саранск находящийся во оном священного и протчаго звания жители, кои, чюствуя должность своей присяги и признавая своего монарха, с пристойною церемониею учинили

встретение. А особливо усмотрен нами из оказавшей ево верности господин прапорщик Михайла Шахмаметев против протчих весьма атлично, за что награждается от нас главным командиром и воеводою, причем поручаются ему здешняго города и всего уезду оного обыватели всякаго звания и чина, кои даются ему, чтоб быть по всяком послушании. Да и вам, господину воеводе, поступать как в государьственных делах, а особливо для склонившагося народу в силу указных узаконениев, не чиня напрасно никому обид и налог (не чинить). С противниками ж и бежавшими от нашего милосердия, кои сысканы будут, чинить так, как з действительными злодеями, бунтовшиками и изменщиками своему государю. И вам, господину воеводе, с мирскими людьми чинить в силу нашего указа во всем непременно.

Июля 28 дня 1774 года.

П е т р .

Указы Военной Коллегии Пугачева

У К А З

его императорскаго величества, самодержца всероссийскаго из Государственной Военной Коллегии атаману Илье Арапову.

Чрез сие повелевается тебе имеющий в окрестных селениях барской всякаго рода хлеб приказывать, кому способно: немолоченой — молотить, а намолоченой — молоть и, смоловши, присылать в здешнюю армию тех же или протчих жителей равенственно на подводах; а за провоз тем подвотчикам выданы денги из казны будут; и сколько ж будет от тебя отправлено, сюда репортовать. А как одному тебе порученное сие дело вскоре исполнить нельзя, то позволяетца тебе выбирать по себе поверенных и посылать в те жительства з данными от тебя наставлениями с принадлежащим числом конвоем для высылки сюда в армию всякаго молотаго хлеба; также и овса, сколько найдется, высылать же. Да и то наблюсти, чтоб посланные от тебя поверенные не отваживались чинить крестьянам никаких обид; в противном же случае подвергнут себя его величества гнева. И порученное сие дело исполнить тебе как можно наискоряя. Публикацию ж, при сем приложенную, объявлять во всяком селении и чинить по сему его и. в. указу [во] всем непременно.

Декабря 16 дня 1773 года.

И в а н Т в о р о г о в.

Дьяк И в а н П о ч и т а л и н.

Секретарь М а к с и м Г о р ш к о в.

*

У К А З

его и. в. самодержца всероссийскаго из Государственной Военной Коллегии находящемуся с корпусом под Уфою графу Чернышеву.

От 18 сего декабря репортом пятидесятник Иван Губанов и казак Иван Гребеншиков, присланным во оную Государственную Военную Коллегию, между протчим, уведомляют, что при

разных старшинах башкирские и мещерятские команды находящиеся около города Уфы разные русские жительства и помещичьи деревни, которые усердно покорились, и не только их самих помещиков, но и людей до основания раззорили, ис коих де много годных есть в службу его и. в., но только теперь в крайнем несостоянии находятся; и все движимое имение по себе разделили и смертные убийствы многие чинили, о[m] коих и ныне еще не отвращаются. Да и находящагося де близъ означенного города Уфы казенную соляную пристань, разбив у оной двери, соли бесчисленно много развозили да и ныне де завсегда возят. И просят они от такого своеволства и грабительства верноподданным от тех именуемых башкирских и мещерятских команд защищение. Того ради сим его и. в. указом Государственная Военная Коллегия повелевает вам во исполнение сего указа послать указ к полковникам Тамьянской волости Каскину Самарову и Капбулату Юлдашеву и прочим старшинам, чтоб они разглабленное имение верноподданному сынове обратно тем хозяевам отдали и во всем удовлетвовали, а паче взятых от помещиков лошадей тем, которые в службу годны, без всякого препятствия отдали ж и, сыскав из них виновных, представили к вам. Да впредь, если ж какие злодеи хотя из малого чего окажутся, то, не приемля от них никаких отговорок и не возя сюда, чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить други отваживатся не могли. А при соляной пристане определить достойной караул. И учинить по сему его и. в. указу.

Дан за подписанием Государственной Военной Коллеги присутствующих рук декабря 20 дня 1773 году.

На подлинном подписано тако: И в а н Т в о р о г о в, дьяк
И в а н П о ч и т а л и н, секретарь М а к с и м Г о р ш к о в.

*

У К А З

его императорскаго величества, самодержица всероссийскаго, из Государственной Военной Коллеги Казанскаго уезду Арской дороги Сеитовой сотни Измалова деревни ясаиному татарину Региму Асвиеву.

Слыша от его, Асвиева, Государственная Военная Коллегия объявления, что де помянутой деревни и прочих жительств мирских людей послан он для испрошения от его императорскаго величества именнаго указа, чтоб служить им повелено было его императорскому величеству. И потому видя Государственная Военная Коллегия их ревность к его императорскому величеству, яко настоящих верноподданных отечеству сынов и рочителей благодти общему покою, по именованному его императорскаго величества соизволению реченная Государственная Военная Коллегия определяет поступать понижее следующим пунктам:

*

•

1) Следовать тебе обратно во свою жительство, где по пребытии, обявися его императорскаго величества указ и данной за подписанием со[б]ственной его императорскаго руки манифест, ежели и подлинно ревнителю к службе его императорскому величеству и общему покою явится, то таковых по приложенной же при сем в верности службе его императорскому величеству приехать и к присяге.

2) Сколко таковых найдется ревнителев к службе его величеству, повелевается вам выбрать над собою с общаго согласия старшин атамана; ежели потребны будут — и полковник, также ясаулов и сотников. Да и того наблюсти, чтоб те старшин всяк своя ис чести достоин был как в расправах, так и в поступках восинных и стоит против противнических партий для сохранения жизни его величества, также и в защищени верноподданных рабов.

3. Естли ж злодеи какия вам оказыватца будут, таковы, лоя, сажать во учрежденную вами какую караульну впредь до определения; а за какую вину посажены, обстоятельно суда Государственную Военную Коллегию доносить. А боярскую пажить, имяния, хотя тот боярин и бежал, а сколко останется после ево пажить, отдав оную всю вернейшему человеку со описанием, и сюда репортовать. Естли ж из сего кто верноподданным истинных сынов отечеству и чинит какое грабительства, а наипаче вящие и нестерпимыя обиды, таковы, яко преслушники его величества повеления, без наказания оставлены не будут. И чинить вам по сему его императорскаго величества указу.

Дан из Государственной Военной Коллеги за подписанием присутствующих членов генваря 25 дня 1774 году.

И в а н Т в о р о г о в.

Секретарь М а к с и м Г о р ш к о в.

Коллежской повычик С е м и е н С у п о н и н.

*

У К А З

его императорскаго величества, самодержца всероссийскаго, из Государственной Военной Коллегии находящемуся в Красноуфимской крепости ясаулу Матвею Чювинцову.

На репорт ваш, пущенной минувшаго генваря от 17 числа, которым между прочим требуйте резолюцию, Государственная Военная Коллегия из рапорта вашего усмотреть соизволила: За непротивность к его императорскому величеству без пролития крови привели как своему животу, но и сущим своим младенцам благополучия, притом и его императорскому величеству никакого огорчения впредь вы, желая быть его величеству прочны и усердныя рабы.

На сие вам определяем: Хотя вы чрез башкирского полковника Ильчагула Иткулова по его увещаванию по верноподданнической должности, яко настоящие сыны отечеству и рачителей благодетельства, как вышеписанная крепость Красноуфимская и протчия окрестныя жителствы обыватели, пришли в повиновение, — да и паки вам повелеваем и протчих для увещавания. Кои в разврате пребывающих закосневших злодеев к непокорению и противностям высоко обладающей его императорскаго величества власти и развратников общаго покоя благодетельства и противником кто окажется, таковыя почтены и признаны быть могут, яко действительныя злодеи, и равную с таковыми ж воспримут на основании законов месть и подвигнут на себя и на природу от его императорскаго величества и неизбежимый гнев. Ежели сверх чаяния разведано вами будет какия злодейския команды или партии, то всемерно тшаться, как ноискорея, сюда дать знать или, где находится будит во близости верноподданнаго его величества команды, тем командирам вам без дальнаго затруднения доносить, а они також в Государственную Военную Коллегию будут репортовать.

Да и того вам накрепко незаконной притчины наблюсти, будучи в тех местах, вам, верноподданым его величества рабом: всякаго звания люди — башкирцы или мещеряки да российских церквей божиих обиды или грабежи как сам их начальник, так и его команды люди, то есть иноверческие, раззорения никакого бы не оказывали. Да и от веры христианскаго закона, кто будучи в нем, от того не отпадать. А кто противу сего учинит нарушения христианской веры, таковы примут от его величества за нарушения закону тяжчайшаго истязания.

Да и в подводной гонбе без видов кто будет требовать, чтоб не отнюдь некому праздно не давать. По сему чинить вам его императорскаго величества указу неперменное исполнение.

Февраля дня 1774 года.

И в а н Т в о р о г о в.
Секретарь М а к с и м Г о р ш к о в.
Повытчик С е м и о н С у п о н и н.

*

У К А З

его императорскаго величества, самодержца всероссийскаго, из Государственной Военной Коллегии находящемуся на Воскресенском заводе полковнику Якову Антипову.

По указу его императорскаго величества, а по определению реченной Государственной Военной Коллегии повелевается вам: находящийся как в магазинах казенной хлеб, також и выданной заимообразно из того магазина тутошным жителям правиаит,

весь собрав без остатку, и сюда в армию его императорского величества в самоскорейшем времени представить. Да в Осиновой деревни состоящей в магазиных весь без остатку правянт с тех обывателей, которые без всякаго повеления ис того магазинна самовольно розабрали, собрав же, и немедленно представить сюда обще с предписанным правянтом. Для чего отсель нарочной при сем казак Ларион Панов и посылается. А подвод, чего доставать тамошних обывателей не будет, то по объявлению сего требовать из окрестных жительство. Есть ли ж из сего кто противником окажется, то с таковыми поступлено будет, яко с нерачителями общаго покоя и с нарушителями его императорского величества указа, по законам неуступительнаго самотяжчайшаго наказания. Да находящиеся на Белой реке поромы нынешним временем повелевается вам вытаскать на берег, дабы по разлитии воды какого ущерба учинится не могло. И учинить по сему его императорского величества указу непременно исполнение.

Марта 10 дня 1774 года.

И в а н Т в о р о г о в.
Секретарь М а к с и м Г о р ш к о в.
Повытчик И в а н Г е р а с и м о в.

*

У К А З

его императорского величества, самодержца всероссийскаго, из Государственной Военной Коллегии верноподданному рабу и сыну отечества Уфимского уезду Нагайской дороги деревни Бузавьязовой меццертскому главному полковнику Кандафару Усаеву.

По прежде усмотренной в вас к службе его величеству усердной ревности и прилежности повелевается в нижеписанном обстоятельстве: Впервых, получа тебе сей указ и приложенной при сем для объявления во всенародное известие имянной манифест несклонившемуся народу во всех жительствах, в которых ты склонение иметь будеш, с таковым им притом объяснением, дабы они под скипетр его императорского величества склонялись добропорядочно, которые по получении всероссийскаго престола от всяких прежде находившихся (от бояр и зависцов несытого богатства) податей и великих тягостей свободнены будут, и дана быть имеет всякому свободная волность. Из приклонившагося ж народу набирать, всячески стараясь, достаточное число войска и по набрании, употребляя все свои силы, противу злодейских партий иметь защиту и оборону. А верноподданных рабов ни до каких обид и притеснений не допускать, злодеев же в том до удачь и учинения злодейства намерения отвращать, а единственно стараться ко искоренению оных. В случае же сего жалованного вам рангу

наивящие свои заслуги оказывать, да и по усмотрению вашему из находящихся в команде твоей имееш жаловать от себя в сотники и эсаулы достойных вероятно людей. В прочем поступать тебе во всем, как верному и доброму рабу принадлежит, за что по усмотрению в вас заслуги монаршею от его императорского величества милостию награждены будете. Напротив же того и самим вам верноподданым никаких напрасно обид не чинить под опасением от государя жестокаго гнева.

Во верность чево за подписанием Государственной Военной Коллегии присутствующих и за приложением печати сей указ дан июня ... дня 1774 году.

И в а н Т в о р о г о в.
Секретарь А л е к с е й Д у б р о в с к о й.
Повытчик Г е р а с и м С т е п а н о в.

Воззвания и увещания пугачевских полковников

Высокородный и высокопочтенный господин коллежской ассесор и пример-маиор Василей Иванович Свербеев!

Я во удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное что, как делают разорение православным христианом и проливают кровь неповинно, а паче называют премилосердощедрого государя и отца отечества, великого императора Петра Феодоровича бродягою, донским казаком Пугачовым. Вы ж думайте, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитаая за ничто или, словом сказать, за скот. Поверь, любезной: ошиблись! Да и ошибаются многии, не зная, конечно, ни силы, не писания. Есть ли б мы нашего премилосердного отца отечества, великаго гсударя, были не самовидцы, то б и мы в сумнении были. Верь, душа моя, бессумненно, что верно и действительно наш государь батюшка сам истенно, а не самозванец. Что ж за прибыль быть православным христианом в междоусобии и бранех и проливать кровь неповинных? И за что ваш господин воевода с артиллерисною командою взялся вернейших государю слуг приводить в раззорение? Пожалуй, зделай себя счастливым, прикажи, чтоб без всякаго кровопролития зделать и крови напрасно не проливать. Есть ли ж после сего последняго до вас увещания в склонность не придите, то обещаюь богом подвигнуть мои вверенные от его императорскаго величества войска, и уже тогда никаковой пощады ждаты вам надется не предвижу. От мала и до велика прошу, яко брата, уговорить. Вас же, есть ли сие зделайте, обещаваю вам пред богом живот, а не смерть; закоснелым же, кто не придет в чувство после сего, ожидать благополучия не остается. Разве мы не сыны церкви божией? Опомнитесь, други и братья о бозе! Затем, скратя, оканчиваю сим и остаюь при армии, посланной от его императорскаго величества.

Генваря 8 дня 1774 года.

Главной армии полковник И в а н Г р я з н о в.

Находящимся в городе Чилиябинску всякаго звания людем.

Не иное что к вам, приятныя церкви святой сыны, я простираю руку мою к написанию сего: господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россію от ига работы, какой же, говорю я вам — всему свету известно. Сколько во изнурение приведена Россія, от кого ж — вам самим то не безъизвѣстно: Дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе божем и написано, чтоб оне крестьян также содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян [исов?] своих, с которыми гоняли за зайцами. Конпанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в сылках тово никогда не бывало, да и нет. А напротив того с женами и детьми малолетними не было ли ко господу слез! И чрез то, услыша, яко израилтян, от ига работы избавляет. Дворянство же премногощедрого отца отечества великаго государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, но и тогда не ползовало, а колыми паче ныне изгнали всяким неправедным наведением. И так чрез то принужденным нашолся одиннатцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачовым, а, напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естли б, други и приятныя святыя церкви чада, мы были прещедраго отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича не самовидцы, то б и мы веры не поняли, чрез что вас уверяем не сомневаться и верить действительно и верно государь наш истинно. Чего ради сие последнее к вам увещание пишу: приидите в чювство и усердно власти его императорскому величеству покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы такие ж, как и вы точно, православныя веры. За что нам делать междуусобныя брани? А пропади тот, кто государю не желал добра, а себе самому! Следственно, все предприятия вам уже разуметь можно, и естли вы в склонность притти не пожелайте, то уже говорю нескрытно: вверенные мне от его императорскаго величества войска на вас подвигнуть вскоре имею, и тогда уже вам, сами рассудите, можно ли ожидать прощения. Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать раззорение всем вам гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Чилиябинск славной по Россіи город и каменную имеет стену и строение, — отстоится. Не думайте, приятныя: предел от бога положен, его же ни кто прейти не может. А вам наверхое говорю, что стоять — не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь. Орды

неверные государю покорились, а мы противотворникам. Затем скратя сим, остаюсь.

Генваря 8 дня 1774 года.

Подлинной подписал тако:

Посланной от армии его императорскаго величества
главной армии полковник И в а н Г р я з н о в.

*

Разсмотрение нами чинено, и по рассмотрении сия ваша бумашка посылается обратно. Из манифеста ж усматривается, якобы государь наш церкви раззорял и прочие чинил непорядки. О таких непорядках написанных мы не ныне уже известны, что написано напрасно, и персонально с государем было говорено. Вы ж, не видя, называите Емельяном Пугачевым, а мы, видя, и свидетельствовали. Как дерзнуть можем! Да уже и печатовать более ко увещеванию Гришек ростриг, видно, не находят. Да и вы не дураки ли: Дмитрий царевич был весьма малолетен, а Гришка назвался уже взрослым; почему ж было можно опознать его? Как наш батюшка, всемиловейший государь, уже не малых лет принимать изволил Россию; следственно, кого б я видал прежде, но и на всех послаться могу, что узнаю чрез дватцать лет, — нежели чрез одиннатцать лет. И так, естли отыщутся у вас благоразумные люди, рассудить могут, что и узнать можно. Так вы лихо не подумайте того, что дворяня привыкли всею Россиею ворочать, как скотом, но ища и хуже почитают собок, а притом без малых жить не привыкли. А государь все то от них тогда отобратъ изволил, так чрез то дворяне умыслили написать хулу, а признали быть за лутчее владеть Россиею сами и всеми угодными ими угодностями. И для того благоволите город здать без всякаго напраснаго православным кровопролития. Естли же вы так отдатся несогласны, дать нам вскорее знать. Ныне ж чрез два часа присылкою нарочнаго не умедлить. Вы думайте и опасаетесь прислать человека, так не извольте сумневаться. Мы не таковых сердец, как вы: нашава удерживайте. Естли же своего жаль, выслать нашего, и для того немедленно дайте знать, или знатную от вас персону для хотя переговорки. Право, пустим обратно.

*

От его высокографскаго сиятельства Ивана Никифоровича Чернышева атаману Семиону Волкову и есаулу Василью Завьялову

Н А С Т А В Л Е Н И Е

Ис поданнаго мне Рожественскаго завода и деревень Пристаничной и Зобачевки от мирских людей заручнаго писма усмотрено мною, что вы, Волков и Завьялов, с мирскаго согласия выбраны:

ты, Волков, в атаманы, а Завьялов — в эгесаулы. Почему и надлежит вам свою команду содержать в добром порядке и ни до каких своевольтв и грабительств не допускать; а ежели кто окажется его императорскому величеству противником, а вам ослушником, таковых по произволению вашему наказывать на теле, смотря по вине. Напротиву того и вам самих себя к худому состоянию не подвергать и во всегдaшнем времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непременно исполнение чинить, за что вы можете получить особливую себе похвалу. А команде своей никаких обид, налог и разореней не чинить и ко взяткам не касатся, опасаясь за ваш проступок неизбежной смертной казни. А притом старание прилагайте по насылаемым от меня к вам ордерам и протчим повелительным письмам исполнение чинить в немедленном времени. И где что видеть можете интересу казенному какую трату, о том немедленно меня репортовать; также, где окажутся его величеству злодейския партии, таковых всемерно старатся с командою своею ко всеконечному истреблению приводить и верноподданных сынов отечеству защищать. А когда потребую ис команды вашей в службу его императорскаго величества, то по тому требованию хороших и добродетельных и вооруженных ребят в немедленном времени отправлять ко мне. А в службу набирать подлежит таковых, чтоб не были старше пятидесяти, а малолетнее осмнатцати лет.

А как оной Рождественской завод в действии не находится, то и впредь до указа или до резолюции в действо не пускать.

Да имеется во окружности вашего завода экономических три села: первое — Дуброва, другое — Степанова, третье — Сагатки, и с протчими к тем селам деревнями. И в тех селах и деревнях жителей определяется вам содержать у себя под командою и наряды чинить в службы равным образом против протчих, и им также быть во всем вам послушным.

Во уверении чего с подписанием руки и с приложением печати сие и дано в селе Чесноковке.

Февраля 13 дня 1774 года.

Граф И в а н Ч е р н ы ш е в.

Приказы и наставления уральским заводам

От походной его императорского величества армии командированного от его высокографского сиятельства Ивана Никифоровича Чернышева приписной к Воткинскому заводу Сивинской волости села Ильинского, Черно тож, от атамана Андрея Носкова.

Воткинского завода избранным от всех священно- и церковнослужителей, мастеровых и работных людей Воткинского завода плотинному Сергею Митюкову, казакам: копейсту Борису Комшилову, Федору Стерхову

НАСТАВЛЕНИЕ

Как данным от его высокографского сиятельства мне, атаману Носкову, от 10-го числа сего генваря повелением по прочем велено в пристойных и опасных местах иметь хорошия заставы, чтобы проезжающия почты и всякого звания люди были ловлены и представляемы к его высокографскому сиятельству, с чем кто бы не ехал, — по которому я, набирая казаков, по поданному мне повелению и поступаю. А сего числа, вступя с командою на Воткинской завод, видя от всех заводских служителей покорение его императорскому величеству, кои, почитая себя верноподданными рабами, никакого супротивления не приняли, за что и приписано им будет чрез мои отестат впредь по их воли от его высокографского сиятельства, а чрез то и милосердие от его императорского величества.

То дабы Воткинской завод з живущими при оном мастеровыми и работными людьми обижен и разорен не был, то рекомендую быть в правлении завода, как выше сказано, по избрании всех заводских служителей Воткинского завода плотинному Сергею Митюкову; а в помощь ему преданы копейст Борис Комшилов, Федор Стерхов с таким подтверждением:

Естли как из бывших при заводе мастеровых и работных людей и протчих служителей, так и крестьян иметь будет между собою ссоры, оныя, разбирая, решить по самой справедливости. Естли же паче чаяния кто из мастеровых в каких-либо случаях усилватца будет, таковых тогда не допускать, а, собирая верно-подданных рабов, брав под караул, от того их отвращать. Когда ж в отлучность мою с казаками последует нашествие на Воткин-ской завод старшин и татар, башкирцов и вотяков с казаками, то оным во-первых, объявля сие мое наставление, а потом ни до малейшаго грабительства и разорения не допускать, но всемерно стараясь, изловя их, объявлять в ближния его императорско величества команды.

Напрасно ж никому как вам, так и подчиненным обид и налог не чинить; особливо же того завода священно- и церковно-служителей от всяких, от кого бы им иногда в какое-либо нибудь время случится могло, обид, налог и от всякого им разорения или притеснения всемерно охранять и никуды без моего позволения нимало не посылать и в свои народные собрания не спрашивать.

Находящимся же на лице мастеровым и работным людям имеющей по наличию в казенных магазинах правянт, смотря по семейству, выдавать с производимую по конторе запискою, а в случае оставшихся жен с малолетними детьми, потому ж кормить указною выдачею правянта на каждого человека.

Генваря 27 дня 1774-го года.

У подлинного подписано тако:

Вместо господина атамана Андрея Носкова подписал походной ево армии писарь Федор Чюнарев.

※

1774-го года генваря 20-го числа в Рождественской Заводской Канторе служители и Рождественскаго завода жители, мастеровыя и работныя люди, также выбранныя ис тех же мастеровых людей и деревень Пристаничной и Зобачевки крестьян казаки, которых имена в реэстре написаны, единогласно приговорили и выбрали:

Над посланными заводскими и деревенскими казаками быть начальником Рождественскаго завода молотоваго мастера Ивана Волкова сыну Симиону Иванову сыну Волкову, и для того, чтоб ему казаков содержать в команде, до самоволства и озорнических поступок не допускать. А ежели кто от самоволства учинит какую продерзость или будет ослушен, таковых при собрани своей братья казаков на страх другим, чтоб так делать было неповадно, наказывать казачьими плетьюми безо всякаго милосердия.

К тому ж ему, Волкову, так и всем казакам быть в ведомстве и повиновении, кому в городе Осе от походных башкирских старшин приказано; а ежели с полномочием прибыл, то господину воеводе.

И ради одного ему, Волкову, сей приговор дали и подписуемся.

(Подписи.)

*

1774-го года февраля 1-го дня Рождественского завода и деревень Пристаничной и Зобачевки мирские староста: Данило Яковлев сын Ширяев, Петр Савин сын Ельфимов, сотник Алексей Никитин сын Наборщиков, десятники: Василий Колесов....., рядовые мирские люди: Петр Морозов, Григорей Халда..... и все одного завода и деревень мирские люди дали сей мирской приговор одного ж завода атаману Симиону Иванову сыну Волкову, есаулу Василью Меркулеву сыну Завьялову в том, что выбрали оных по мирскому общему согласию для того, чтоб иметь оным над нами команду, как прежде и бывшим командирам, и ни до каких нас своевольтв, грабительств и озорничеств не допускать, да и нам быть чтоб оным во всем послушным, а сверх того защищать ото всяких дел [то есть] от обид и налог и разорения.

Сверх же сего верим и посылаем мы от всего миру до его императорского величества государя императора Петра Феодоровича или кому от его императорского величества в главенстве для разобрания всяких о прозбе и о протчем дел команда препоручена для того послушани: что около здешняго завода, как города Оса, Бирск и села Каракулина и Сарапул и протчия жителства покорения в верноподданство его императорскому величеству, то со здешняго завода для склонности и покорения, что подлинно в подданство пришли, в том и ездил Тулвинской волости к походным башкирским старшинам здешняго завода прикащик Иван Китаев, и добросовестно в покорение и в подданство пришли.

И по покорении приезжали в здешний завод команда башкирцов для требования казаков, которым от здешняго завода дано в помощ в казачью службу, также огненного оружия пушек и ружей. И получен от вышеписанных старшин прикащиком Китаевым в покорности билет для того, чтоб впред не могли башкирцы-казаки на здешней завод наезжать и заводским обывателям обид и налог не чинить.

А по покорении спустя с неделю времени приехал в здешней завод оной же Тулвинской волости башкирец Семен Илишев во многом людстве башкирцов и, не зная почему, завод от работ запечатал, а находящуюся при здешнем заводе господскую казну увезли всю без остатку, которую толко с Ревдинскаго господина

Демидова завода привезена была для роздачи мастерам и рабочим людям за заводскую работу: сентября с 1-го декабря по 25 число прошлого 1773 году не было; коя казна уже находилась почесть не господская, но наша мирская зароботка, коей нашей зароботки состоялось немалое число. А от вышеписанного обстоятельства, по увезени казны, остались мы, вышеименованные, совсем крайнем раззорении и нищете для того, что завод состоит без действия и работ никаких при заводе не производитца, а люди при заводе находятца беспашотные и пашен у себя не имеют, и пропитание получать себе не знаем откуда, а разойтись з заводу для сыску себе пропитания никуда не смеем. А в покорении и в верноподданство приклоняясь, его императорскому величеству готовы служить всеми нашими головами.

Коим в посылке все мирские люди верим, в том и подписуемся.

К сему приговору вместо вышеписанных старост Данила Яковлева, Петра Елфимова и десятских и всех мирских людей по их прошению Христорожественской церкви священник Ф е о д о р А л е к с и е в руку приложил.

*

П О В Е Л Е Н И Е

От его высокографскаго сиятельства Ивана Никифаровича Чернышева Рожественского завода атаману Семиону Волкову и есаулу Василью Завьялову.

Ис поданаго от вас мне доношения усмотрено мною, что в минувшем генваре месяце Тулвинской волости деревни Елпачихи башкирец Семен Илишев, приезжая на оной завод со многолудством разбойническим образом, и взяла с собою денежной казны две тысячи семнатцать рублей с полтиною, пушак чугунных полуфунтовых три, фузеи салдатских шездесят сем. Ис того числа привезено сюда денег полтары тысячи, а досталные пять сот семнадцать рублей с полтиною разделили по себе, также и огненное оружие здесь не объявили и остались у них; да притом взяли ж господских шесть лошадей, кои также остались у того башкирца Илишева.

Того ради определяю вам предписанные оставшие денги 517 рублей 50 копеек взыскать и за заработанную плату, в мир объявля, разделить по равному количеству; также и огненное оружие и коней взять без всяких ево отговорок все без остатку; а буде не будет отдавать чево, то ево, заковав, представить ко мне, с коим поступлено будет немилостиво. А взятые им от имеющих при оном заводе магазини и анбаров ключи непременно взять к себе и по взятии, какие есть припасы в магазинях, то все иметь вам

под своим охранением, и что потребовать может к зделанию воиннаго инструмента, то без всякого замедления потребное число железа и стали выдавать и за то платы с них не требовать. Февраля 13 дня 1774 году.

Граф И в а н Ч е р н ы ш е в.

*

О Р Д Е Р

Города Осы пахотных салдат атаману Степану Кузнецову. Завода Рождественскаго атаман Семен Волков и есаул Василии Завялов и со всеми мирскими людьми представляли мне, что со оногo завода взято башкирцами боярскаго денежнаго казны полторы тысящи, котораяй действительно от тех башкирцов здес мною принята. А предписанногo Рождественскаго завода жители имеют заработных у прежняго боярина, а не полученных за работу денег более полутора тысящи рублей.

Того ради определяю тебе сим: вместо предписанных тех взятых башкирцами денег из вырученных за сол и ис продчих питеинных доходов выдать им полторы тысящи рублей, дабы они не могли притти в караинее разворение.

Февраля 14 день 1774 году.

Подлиннои подписан тако:

Графан И в а н Ч е р н ы ш е в.
Писарь И в а н С у к о н н и к о в.

Н. И. НОВИКОВ

1744 – 1818

Н. И. Н О В И К О В

4

«Царствование Екатерины II было ознаменовано, — писал Белинский, — таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дожидаться нам грешным. Кому не известно, хотя бы по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас... забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе». ¹

Николай Иванович Новиков — писатель-сатирик, историк литературы и критик, философ-моралист, автор педагогических трудов, историк и крупнейший книгоиздатель — был одним из первых русских просветителей, закладывавших основы идеологии русского просвещения. Его двадцатипятилетняя общественно-активная деятельность была важнейшим событием в истории русской культуры второй половины XVIII века.

Ленину принадлежит классическая характеристика просвещения и воззрений просветителей как идеологии антифеодальной, антикрепостнической прежде всего. «Нельзя забывать, — писал Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?», — что в ту пору, когда писали просветители XVIII века..., когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками». ²

В ту эпоху, когда складывалась и формировалась идеология русского просвещения XVIII века, когда жил и писал Новиков, вопрос борьбы с крепостным правом был коренным вопросом всей политической жизни России. Доказательство тому прежде всего — непрерывные крестьянские восстания, вылившиеся в 1773 г. в крестьянскую войну. Великий Ленин говорил о трех характерных чертах просветителя — вражда к крепостному праву, защита просвещения, свободы и, наконец, «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян...». ³ И Новикову свойственна и горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям, и для его убеждений характерна горячая защита просвещения, свободы; и его деятельность посвящена отстаиванию интересов народных масс, главным образом крестьян.

¹ В. Г. Белинский. Сочинения, т. I, стр. 343.

² В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 473.

³ Там же, стр. 472.

Просветительские убеждения Новикова сложились в конце 60-х годов. Решающим моментом общественной биографии просветителя было его участие в работе Комиссии для сочинения нового Уложения, собравшейся в 1767 г., где он состоял у «письменных дел» в качестве «держателя дневной записки». Политические споры двух враждебных лагерей — споры дворянских и крестьянских депутатов — открыли молодому Новикову всю глубину противоречий между закрепощенным крестьянством и помещиками, всю губительность для возлюбленного отечества крепостничества, помогли писателю прийти к мысли о необходимости ликвидации несправедливого, незаконного, бесчеловечного рабства русских крепостных.

«Чувствительный к крестьянскому состоянию», хорошо знавший современную ему деревню и господствовавшие в ней порядки, запомнивший крестьянские жалобы в наказах своим депутатам, Новиков в журналах «Грутедь» и «Живописецъ защитицъ» («мертвого в законе» крестьянина, лишённого не только права выражать свое мнение вслух, но даже жаловаться на незаконные действия своего помещика, на свою горькую, беспросветную участь. Но в то же время крестьянские восстания, возраставшие из года в год бунты пугали Новикова. Поэтому когда осенью 1773 г. всыхнула крестьянская война, возглавленная Пугачевым, — событие, ставшее рубежом в истории России, определившее на долгие годы облик складывавшейся культуры, — Новиков не оказался способным ни приветствовать вооруженную борьбу русского хлебопашца за свою свободу, ни гонять ее глубокого смысла. Для Новикова восстание — всего лишь акт мести, акт защиты от нечеловечески жестоких притеснений мучителя-помещика; восстание для него всегда акт разрушения, нового жестокого кровопролития. Это было глубоким заблуждением одного из основоположников русского просвещения, заблуждением, исторически оправданным. Понадобилось десятилетие, чтобы пришло выстраданное убеждение о революции как единственном средстве преобразования социального и политического устройства России, возрождения народа и самого человека. Мысль о революции как о наивысшем акте народного творчества, преобразующем жизнь, развил современник Новикова Александр Радищев.

Новиков и Радищев выразили две эпохи исторической жизни России, разделенные крестьянской войной 1773—1775 гг. Убеждения «держателя дневной записки» сформировались в период, предшествовавший этой войне. Демократические по своему существу, они, отразив интересы и чаяния крепостного крестьянства, запечатлели также слабейшие стороны народного самосознания — веру в «хорошего царя», надежду на возможность разумно естественных отношений с помещиком (помещик — «отец», крестьяне — его «дети»), тяготение к сохранению катастрофически разрушаемой патриархальности и т. д. Политические воззрения Радищева определила крестьянская война. Ее сильнейшие стороны, и прежде всего непримиримая классовая ненависть к угнетателю, убеждение, что освобождение может быть завоевано только насильственным путем, обобщенные великим русским революционером, легли в основание передового самостоятельного русского политического мировоззрения. Это уже была следующая, более высокая ступень русского

просвещения XVIII века, выдвинувшая его на мировую арену. Но не только историческими обстоятельствами объясняются непоследовательность и слабость общественно-политических воззрений Новикова. Он был дворянин. Нарастание стихийного движения крестьянства против дворян-крепостников дало возможность Новикову подняться на время над эгоистической практикой своего класса. Интересы русских хлебопашцев на время стали в центре его литературно-общественной деятельности. Но в решении путей и средств уничтожения существовавшего в России гибельного для народа положения сказывалась не только просветительская слабость, но и дворянская ограниченность. Эта ограниченность сказалась прежде всего в боязни сделать политические выводы из критики крепостничества, в стремлении вопрос о немедленной ликвидации рабства подменить вопросом воспитания будущих поколений дворян в духе ненависти и презрения к крепостничеству. Часто поэтому в ходе общественной борьбы политическая позиция Новикова оказывалась либеральной.

После разгрома крестьянского восстания масонство — это антиобщественное, а порой и воинствующе реакционное религиозно-мистическое движение — особенно распространилось в Петербурге и Москве. В этих двух городах были созданы десятки тайных обществ, так называемых лож и орденов различных масонских систем. В одних «братья-масоны» «упражнялись» в нравственном самоусовершенствовании, в других занимались мистицизмом, предаваясь алхимическим опытам или с целью выведения «гомункулюса» — искусственного человека, или с целью открытия «папацеи — всеобщего врачества» — лекарства от всех физических и социальных болезней, или, наконец, разысканием и «деланьем» золота и философского камня.

Новиков в условиях политической реакции испытывает сомнения в верности выбранной им писательской деятельности. Эти сомнения и приводят его, просветителя и моралиста, к масонству. Но привлеченный идеалами «братства» и гуманизма, он, заметя в масонстве много для него неприемлемого, сразу же занял в ордене независимую позицию. Не устраивал Новикова прежде всего розенкрейцеровский отказ от общественной деятельности. Вот почему пребывание в ордене не смогло отвлечь его от просветительских идеалов. На этой почве между Новиковым и руководителями русских розенкрейцеров — Шварцем, а позже Шредером — завяжется борьба, а между ним и остальными братьями возникнет «холодность». Став вскоре даже одним из руководителей московского ордена розенкрейцеров, Новиков сумеет, тем не менее, не только отстоять свою независимость от масонских начальников, сумеет отстраниться от мистических исканий «братьев», от нелепой обрядности, но и использовать орден, и прежде всего его средства, для своих просветительских целей. Масонство Новикова, несомненно, свидетельство его идейной слабости, но тот факт, что «патриотическая ревность к возлюбленному отечеству», «пылающее желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан» помогли ему отстраниться от мистицизма масонов и в этих новых исторических условиях продолжить просветительскую деятельность, — заставляет нас внимательно и объективно оценить его работу этой поры. Именно в годы 1779—1792 Новиков, переехавший к этому времени в Москву,

создает в древней столице России просветительскую организацию. Сосредоточив в своих руках три типографии, он издает и редактирует газету «Московские ведомости» и ряд журналов: «Утренний свет», «Московское издание», «Прибавление к «Московским ведомостям», «Городская и деревенская библиотека», «Детское чтение» и т. д. За это десятилетие он готовит, редактирует и печатает около 300 книг по всем отраслям знания. Широкие читательские массы получали книги по отечественной истории, сочинения русских авторов и переводы лучших современных западно-европейских писателей, сочинения по философии, педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей, самоучителей языка и т. д. Он организует впервые в России систему книготорговли в 16 провинциальных русских городах. В общей совокупности Новиков объединяет вокруг своего громадного дела сотню передовых деятелей русской культуры — писателей, редакторов, переводчиков, распространителей книг.

Герцен, оценивая именно эту огромную по масштабу разностороннюю и плодотворную, антикрепостническую по своему существу, деятельность в течение почти трех десятилетий, писал: «Новиков — один из тех великих людей в истории, которые делают чудеса на сцене, неизбежно остающейся во мраке, — один из тех подпольных идейных руководителей, работа которых проявляется только в момент огласки». ¹

За эту именно деятельность Новиков и подвергся долголетним полицейским преследованиям Екатерины, завершившимся в 1792 г. разгромом просветительской организации, арестом замечательного русского просветителя. Разъяренная Екатерина не только заточила ненавистного ей человека в крепость, но и почла нужным отнять у самоотверженного писателя его честное имя. Специальным манифестом он был «опубликован» обманщиком, невеждой и шарлатаном. Однако выпущенные Новиковым книги и поколение молодых деятелей культуры, продолжавших начатое им дело, уничтожить было нельзя. Тогда сделали запретным само имя Новикова. Но с тем большим чувством благодарности и любви относились к нему те, кто выражал истинные чаяния, надежды и настроения русского народа, — Белинский, Герцен, Чернышевский.

2

Указом 23 декабря 1768 г. была распущена Комиссия для сочинения нового Уложения. Напуганная многочисленными политическими спорами, непредвиденной смелостью демократических депутатов, отважившихся «предписывать законы верховной власти» или «предлагать уничтожить рабство», Екатерина поспешила отказаться от своей лицемерной затеи. Но, закрыв Комиссию, Екатерина не отказалась от «таргюфовой», по словам Пушкина, политики показного либерализма. Начатая со дня восшествия на престол игра

¹ А. И. Герцен. Сочинения, т. VI, П., 1919, стр. 343.

в «просвещенного монарха» продолжалась и позднее. В игру эту уже давно были вовлечены корифеи французского Просвещения, идеологи третьего сословия. Идеализм в познании общественной жизни, буржуазная ограниченность, рождавшая страх перед народной революцией, все это и определило в конечном счете буржуазно ограниченные и утопические политические воззрения Вольтера и Дидро, Гельвеция и Гольбаха об идеальном просвещенном монархе, который применит их просветительское учение в своей законодательной практике и облагодетельствует тем самым человечество, терпеливо и покорно ожидающее прихода этого избранника.

Используя эти заблуждения энциклопедистов, Екатерина сделала ряд демагогических заявлений, с тем чтобы внушить верующим в монархизм французским просветителям, что перед ними «философ на тропе», жаждущий исполнить их советы.

Обмагнутые корифеи французского Просвещения поддерживали Екатерину, — отныне ее жестоко-крепостническая, грубо-деспотическая политика нашла идеологическое оправдание и защиту у европейских авторитетов, создававших живую легенду о просвещенном характере русского «самодержавства».

Победа на Западе оказалась легкой, — победа у себя дома, в России, никак не давалась в руки. Первым крупным поражением Екатерины была Комиссия. В числе депутатов оказались десятки непокорных, которые не желали создавать ей «алтари», а попытались даже вмешаться в ее политику, ограничив ее самодержавную власть. Закрыв Комиссию, Екатерина решила на новом поприще попробовать свои силы и подчинить своей политике русскую литературу. Так возникло решение издавать собственный сатирический журнал, в первом же номере которого демагогически сообщалось о всемирнейшем разрешении всем желающим издавать в России сатирические журналы без цензуры и даже анонимно.

Расчет был прост. Ее собственный журнал «Всякая всячина» будет вести наблюдение за изданиями, которые появятся. Всем было отлично известно, что за «Всякой всячиной» скрывался коронованный автор. Самодержавный апломб Екатерины не позволил ей думать, что кто-либо осмелится возражать такому автору, не слушаться его, не исполнять его предписаний. Екатерина поэтому не боялась, что разрешенные ею сатирические журналы смогут поднять какие-либо «большие», опасные темы. Но на всякий случай Екатерина определила и темы и границы дозволенной критики и сатиры. Как она этого и хотела, с внешней стороны такое решение выглядело неслышанно либерально — русский монарх выступает сам в качестве писателя, заботится об уничтожении пороков, призывая на помощь русских писателей и широкие круги общества. Все это было исполнением прежнего демагогического замысла — создать легенду об Екатерине как просвещенном монархе. Только не дождавшись, когда русские писатели и идеологи будут создавать нужный ей «алтарь» в России, она вынуждена была возводить этот «алтарь» своими же собственными силами.

Именно в этой обстановке и решил Новиков издавать свой сатирический журнал под названием «Грутень». Сразу после закрытия Комиссии — в ян-

варе 1769 г. ← Новиков уходит в отставку, отказывается навсегда от службы самодержавию. Работа в Комиссии убедила его в необходимости иной, независимой от самодержавия, общественной деятельности на благо отечества.

Мысль об издании своего журнала возникла у Новикова по причинам общественно-политическим: он хотел вмешаться в те споры, которые возникли в Комиссии. Любой депутат, согласно «Обряду», мог подать свое мнение или, как говорили в ту эпоху, «свой голос». Журнал должен был быть «голосом» Новикова. Но не к закрытому собранию депутатов, а к относительно широким кругам общества хотел он обратиться, к многочисленным «среднего рода людям», вынося на суд общества споры закрытого Большого собрания.

Указом Екатерины II от 1767 г. крестьянам было запрещено под угрозой ссылки в Сибирь жаловаться на помещиков. Новиков взял на себя роль «сочинителя» их жалоб. Вот отчете журнал Новикова — самый идейный, самый передовой журнал этих лет, вот почему он поражает своим художественным единством, своим глубоким и доныне волнующим жизненным содержанием, вот отчего, как бы выражая сущность политических споров Комиссии, споров двух враждебных лагерей, Новиков поставил эпитафией к своему журналу формулу: «Они работают, а вы их труд ядите». Уже этот эпитафий свидетельствовал, что Новиков начинает свою деятельность как борец демократического лагеря Комиссии.

В Комиссии был поднят вопрос об улучшении положения крепостных, причем решался этот вопрос с моральных позиций. С тех же позиций через три месяца после ухода из Комиссии Новиков будет звать со страниц «Трутня» к человеколюбивым дворянам, станет рисовать картины бедствий и страданий крестьян.

В Комиссии впервые заговорили о моральных достоинствах крестьянина труженика, об его благородном нравственном облике. О способности государственно мыслить свидетельствовали и выступления крестьянских депутатов. И в «Трутне» в целом ряде статей были подчеркнуты благородство, честность, трудолюбие, высокие нравственные достоинства крестьян. Как в Комиссии крестьянским депутатам Чупрову и Жеребцову, с их защитой бесправных крепостных, с их чуткостью к бедам и страданиям миллионов хлебопашцев, противостояли жестокие дворянские депутаты Глазовы, Нарышкины и Щербатовы, так и в «Трутне» в знаменитых «Крестьянских отписках» бессердечному, озверевшему и утратившему человеческий облик барину Григорию Сидоровичу противостояла целая крестьянская община, у членов которой было благородное человеческое чувство взаимопомощи.

В Комиссии демократические депутаты издевались над нелепыми, антиобщественными в своей сущности претензиями аристократов дворян и, в частности, над выступлениями Щербатова, страстно настаивавшего на необходимости особо отметить права и заслуги дворян, которые могут доказать свои шестисотлетние родословные. В «Трутне» мы увидим эту тему широко и обильно разработанной. Особой силы в развитии этой темы Новиков достиг в своих «Рецептах», в которых был создан сатирический образ Недоума. Образ этот поразительно напоминает облик Щербатова с его спесивыми речами в Комиссии. «Сей вельможа, — писал Новиков, — ежедневную имеет горячку

величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут».

В Комиссии демократические депутаты резко выступили против употребления слова «подлый» по отношению к крестьянству. Новиков в «Трутне» обрушится на тех «глухих дворян», которые называют «подлыми» тех, кто родился от «добродетельных и честных мещан».

В Комиссии был поднят голос в защиту «среднего рода людей», «которые обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются». И в «Трутне» мы находим много выступлений Новикова в защиту этих людей. Он будет отстаивать их права, подчеркивать их достоинства и заслуги перед отечеством.

Одной из важнейших тем журнала стала тема борьбы за национальные основы русской культуры, борьбы против варварского преклонения перед чужой, и прежде всего французской, цивилизацией. При этом наивно, как это делается, к сожалению, до сих пор в учебниках по литературе XVIII века, всю борьбу сводить к высмеиванию петиметров, мастеров «волосоподвигательной науки», тех дворянских «поросят», кои после пребывания во Франции возвращаются «совершенными свиньями». Борьба эта носит глубоко идейный характер, она отразила исторический момент в жизни России, явившись первым этапом в процессе схождения идеологии русского просвещения. Импорт французских мод и буржуазных идей, правительственная политика покровительства этому импорту мешали росту русской самобытной передовой культуры. Эта самодержавная политика, опираясь на идеологию дворянского космополитизма, еще больше развивала у «благородного сословия» презрение ко всему русскому, ко всей России. В итоге часть дворянства полностью порывала связи с национальными истоками, превращаясь не только в социальное, но и в национально чуждый народу паразитический класс.

Сатирически изображал преклоняющихся перед французской культурой дворян, Новиков смело выступил и против самой Екатерины, покровительствовавшей политическим теориям энциклопедистов. Вот почему ведущей темой журнала стала борьба Новикова с легендой о просвещенном характере русского «самодержавства», борьба с «алтарем» Екатерине, создаваемым ею самой и ее французскими «друзьями». Так Новиков прямо продолжил дело, начатое до него философом и депутатом Комиссии Яковом Козельским.

Прежде всего Новиков задался целью сорвать маску просвещенного монарха с Екатерины-писательницы, показать обществу подлинное лицо монарха-деспота, занимающегося литературой. И Новиков это великолепно осуществил. В ряде статей — двух «Письмах» Правдулюбова, «Письме» Чистосердова, заметках издателя «Трутня» и других — Новиков обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского «самодержавства». Более того, в своих статьях

Новиков первым создал резко памфлетный образ Екатерины-деспота, прикрывающей свою жестоко крепостническую политику болтовней о «златом веке» в России. Екатерина, писал Новиков, «это пожилая дама нерусского происхождения, плохо знающая по-русски и похвалами избалованная», болтающая «о человеколюбии», но в то же время действующая так, что во всем видны «кнуты да виселицы» — средства, «самовластия свойственные». Екатерина, писал Новиков, «неограниченный самолюбец», издает журнал «Всякий вздор», чтобы показать, якобы она «единственный наставник молодых людей», «всемирный возглаголющий истины». Но, заявляет Новиков, как ни старается «неограниченный самолюбец» надеть на себя тогу наставника и мудрого государя, он «из-под сего смиренного покрова кусает вас лишше Кервера».

Вот почему полемика Новикова с Екатериной была следующим, вслед за выступлением демократических депутатов Комиссии, этапом в истории развивающейся передовой русской общественной мысли, в которой нарастал протест против крепостничества и самодержавия. Это обличение Екатерины формировало политическое сознание многих русских людей, воспитывало их в духе нетерпимости к произволу, к деспотизму, будило и звало на борьбу за «вольность» и «человеческие права».

Статьи Новикова в «Трутне», разрушившие «алтарь» Екатерине, стоят в начале нового этапа развития русской прозы. Отражая в той или иной степени интересы закрепощенных масс, Новиков и Козельский создавали национальные основы идеологии русского просвещения. Коренные вопросы русской политической жизни, и прежде всего борьба с крепостничеством, легли в ее основание. Вот почему острейшая историческая необходимость обусловила борьбу русских просветителей с крепостниками и главной все-российской помещицей — деспотической монархиней Екатериной II. В сложившихся обстоятельствах борьба с екатерининским режимом означала одновременно и борьбу с буржуазными политическими теориями энциклопедистов. Идеология русского просвещения и определила достоинства новиковской прозы, и прежде всего — ее идейность, ее политическую остроту.

Новиковская проза, порывая с традициями дворянского классицизма, была также чужда творческой практике первых русских полубуржуазных писателей типа Эмина и Чулкова.

В центре внимания Новикова — большие и больные вопросы социальной и национальной жизни его отечества. И решает он их как просветитель, вступаясь в защиту закрепощенных крестьян, этих «питателей отечества». Содержанием новиковских выступлений в «Трутне» стала боевая, острая политическая сатира на русского самодержца, на его политику. По форме — это тонкая и умная пародия, разящая ирония, смелый политический намек. Все политические статьи Новикова написаны своеобразным эзоповским языком, позднее прочно усвоенным русской литературой. Вот почему новиковские политические памфлеты в «Трутне» прокладывали дорогу для будущих произведений русской литературы, темой которых в течение многих десятилетий будет — обличение самодержавия, его политики порабощения крестьянства, хищничество помещиков, критика чуждых духу русского освободительного движения буржуазных теорий.

Отважная борьба издателя «Трутня» с правительственным журналом «Всякая всячина», с коронованным автором, не могла пройти безнаказанно, — в апреле 1770 г. надоевший самодержавию своим «шмелиным жужжанием» журнал был закрыт. Попытка Новикова в том же году издавать через подставное лицо повое сатирическое издание «Пустомеля» успеха не имела: на втором листе и этот журнал был прикрыт. Только через два года Новиков сумел исполнить свое намерение и продолжил деятельность писателя-сатирика. С начала 1772 г., используя благоприятные политические события, применяя тактику «осторожности», он приступил к изданию нового журнала под названием «Живописец». Как и в прежних изданиях, Новиков привлек к сотрудничеству ряд писателей, сохранив за собой ведущее место редактора-организатора журнала и его главного автора. И в этом новом журнале тема антидворянская, антикрепостническая была главной. Издание наделало много шума. Ряд статей вызвал переполох в «дворянском корпусе». В июне 1773 г., в канун пугачевского восстания, Новиков выпустил последний лист «Живописца». Через два года, сразу после жестокой расправы с «возмутителями», когда крепостники с каннибальским ликованием праздновали победу над восставшими крестьянами, Новиков выпускает так называемое третье издание «Живописца». Утвердившееся в научной литературе мнение, что это было простой перепечаткой первого издания «Живописца», глубоко ошибочно. Третье издание — это новый журнал, или, вернее, книга, самим Новиковым составленная из его лучших просветительских произведений, ранее напечатанных в «Трутне» и «Живописце».

В год начавшейся правительственной реакции Новиков смело выступает с собранием своих сочинений, посвященных коренным вопросам социально-политической жизни России, и крестьянскому вопросу прежде всего. В этом сказалась непримиримость Новикова, писателя-просветителя. В нашем издании мы печатаем не отдельные статьи из «Трутня» и «Живописца», как это обычно делалось, а именно эту книгу целиком, составленную самим Новиковым, внутренне объединенную и связанную единством тем, композиции и образа автора-сочинителя «Живописца» (см. подробнее об этом в Примечаниях). Книга получалась крамольной по своему содержанию. Основной темой ее была тема «бедности и рабства», главным сатирическим персонажем — дворянин-помещик, дворянин-чиновник. Помимо воли автора, на ее страницах отразились грозные всполохи крестьянских бунтов. Она была единственной книгой в России той поры, которая грозно предупреждала самодержавие и весь «дворянский корпус» о ленимой новой грозе.

Если в «Трутне», как правило, обличались злоупотребления крепостным правом, сатирически изображались отдельные примеры бесчеловечности и тиранства, то в новой книге «Живописец» Новиков, оставаясь, впрочем, моралистом, касается и крепостного права в целом. В ряде произведений, и прежде всего в «Крестьянских отписках», в цикле «Пишем к Фалалею» и «Пишем дяди к племяннику», в «Отрывке путешествия» и т. д., показана гибельность для России утвердившегося рабства. Рабство, по Новикову, аморально

и бесчеловечно. Оно ведет крепостническое хозяйство к разорению. «Секу их [крестьян] нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики», — говорит герой «Писем к Фалалею» помещик Трифон Панкратьевич. Это право есть источник страшных бедствий России, оно обрекает крестьян на скотское существование, оно морально растлевает рабовладельцев. Вот почему антикрепостническая идея лежит в основании и всех антидворянских статей, очерков и рассказов в книге. Перед читателем таких произведений, как «Ведомости сатирические», «Моп соеуг, живописец», «Опыт модного словаря» и т. д., проходит вереница героев дворян: чиновник и столичный щеголь, провинциальный помещик и военный, деревенский недоросль и придворный, вертопрах и матерый приказный. Всем этим разным людям свойственен один родовой признак — туеядство, паразитизм. Оттого всем им равно присуща ненависть к труду. Светский вертопрах изрекает дворянскую мудрость: «Для чего мне нужда трудиться?», а помещик Трифон Панкратьевич мотивирует эту мудрость «исконным» крепостным правом: «Да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыха».

Отрицающая пользу образования, необходимость изучения истории, математики, физики, литературы, это племя трутней приобщается к своим особым «наукам» — как воровать, брать взятки («поделись с начальством, да концы в воду»), как судиться за бесчестие, как отдавать деньги в рост, «драть шкуру с крепостных» и т. д. Последняя — наиболее распространенная среди помещиков наука. Ее основы отлично изложены Худовоспитанником: «Вся моя наука состоит в том, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности ко своим подчиненным».

У этих невежественных, корыстолюбивых, жадных до денег тунеядцев какая-то дикая, без тени человечности, воплотившая скотская мораль. Отношения любви, брака, семьи подменены у них сожительством двух соединенных деньгами равнодушных друг к другу людей, изо дня в день ругающихся «всеми бранными словами», дерущихся палками, меняющих любовников и т. д. Столичная дворянка уверяет читателя, что «по-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было», что «чем глупее муж, тем лучше для жены».

Жизнь трутней, как видим, стирала с дворян человеческое достоинство, уничтожала все индивидуальные черты личности. Утрачивая связи с родиной, со своей национальностью, они становились космополитами, ненавистниками России, русской культуры, русского языка, своих соотечественников. Уже в III листе один из этих Скотининых так определил свое отношение к отечеству: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел: и сожалел, что он в ней родился; полно, етому дивиться нечему; она и подлинно его заслуживает».

Не желая служить своему отечеству, презирая народ России, отданный им на растерзание, они в силу крепостного права были обречены на утрату всех связей со своей страной, со своим народом.

Нет, не русские все эти Трифоны Панкратьевичи, Худовоспитанники, Скупягины, Ермолаи! Это какие-то башибузуки, рассматривающие Россию как неприятельскую землю, жадно терзающие ее для того, чтобы жрать,

спать и развратничать. Это какие-то изверги без роду и племени, утратившие достоинство, честь, совесть, стершие начисто в себе разумную личность, превратившиеся в скотоподобных завоевателей.

Зло обличив русское «благородное» сословие, беспощадно «сняв личину» с этих «порочных людей и представив их свету таковыми, каковы они в самом существе суть», Новиков сумел указать причину, породившую эту беду России, — крепостное право.

Именно об этой сильной стороне Новикова-сатирика писал Добролюбов: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий... Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находит свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца». ¹

Но указав на крепостничество как на источник бедствий России, «сняв личину» со всех этих Ермолаев, Трифонов Панкратьевичей, Скуплягиных, Худовоспитанников, пригвозждая их к позорному столбу российской гласности, Новиков вместе с тем, как уже говорилось выше, не поднимался до осознания революционной идеи, что только народ в вооруженной борьбе, что только революция может уничтожить ненавистный ему режим, может обновить любимое отечество. Как просветитель он верил в силу просвещения, полагая, что главный и единственный путь к уничтожению зла крепостничества — воспитание. Сатирически изображая Екатерину, воюя против конкретной ее политики, против деспотизма и фаворитизма, — он никогда не выступал против самодержавия вообще. Более того, монархия — просвещенная ли, ограниченная ли, какая иная — представлялась ему законной формой правления. Вот почему в книге был помещен цикл статей, развертывавших положительные воззрения новиковской просветительной программы, в которых много говорилось о воспитании и просвещении, но ни слова о политике и об отношении к самодержавию. В центре этого цикла — «Письмо Любомудрова к издателю «Живописца», «Ответ сочинителя «Живописца» Любомудрову». Не понимая социальной сущности крепостнического режима, Новиков соответственно определял свою практическую задачу писателя и просветителя: начать воспитание новых поколений русских людей, которые, будучи просветлены просвещением, покончат немедленно с преступным владением себе подобными людьми и утвердит новые, истинно разумные отношения между существующими сословиями в России. Главным в этих отношениях должно было быть равенство. Новиков беспрестанно повторял: «Крестьяне такие же люди, как и дворяне». В напечатанных в «Трутне» «Рецептах» Новиков внушал помещику Безрассуду: «Разве забыл ты, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самям собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком». В «Отрывке путешествия» в лицо дворянам

¹ Н. Добролюбов. Сочинения, т. I, ГИЗ, 1934, стр. 258.

сказано: крестьяне «подобны вам человеки». В письме к секретарю Екатерины II Козидкому Новиков писал: «Крестьяне во всем подобны дворянам». Эта идея равенства, по Новикову, должна была составлять основу нового, созданного путем просвещения и воспитания общественного строя. Политический смысл этой идеи равенства определен Лениным: «Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества...».¹

План воспитания нового поколения «единоземцев» в духе гражданских и национальных «добродетелей» должен был осуществляться через создание просветительского центра из частных людей, который бы издавал и распространял по России нужные книги, газеты и журналы. Так Новиков в канун пугачевского восстания высказал свою мечту, повторив ее печатно в новой книге «Живописец» в 1775 г. Через 4 года в Москве он приступил к ее воплощению в жизнь.

Белинский в 1845 г. высоко оценил именно эту просветительскую деятельность Новикова. «Новиков, — писал он, — распространил изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю и через это создал массу читателей», а «повсюду распространяющееся чтение приносит нам величайшую пользу: в нем наше спасение и участь нашей будущности».²

Поставив на общественное обсуждение вопрос о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства, Новиков-писатель отразил грозную борьбу «хлебопашцев» за свою вольность. Острота этих социальных и политических проблем, поднятых на страницах «Трутня» и «Живописца», определила новаторскую эстетическую позицию Новикова-писателя.

За его плечами был опыт русской литературы — Кантемира, с одной стороны, и Ломоносова — с другой. Деятельность Кантемира открывала плодотворнейшую линию развития русской литературы. По словам Белинского, «сатирическое направление со времени Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы».³ Оно было «благодетельно» и «важно». На этой-то почве и могла появиться и расцвести сатирическая журналистика 1769 г. и писательская деятельность Новикова. Руководствуясь живой потребностью русской жизни, Новиков смело отрешается от канона дворянского классицизма и нового, идущего с Запада искусства — буржуазного сентиментализма, создавая свою эстетику «действительной живописи».

Новиков-писатель требовал, чтобы предметом искусства был действительный, объективно данный, исполненный мучительных контрастов и противоречий социальный мир. Требуя от литературы активного вмешательства в жизнь, Новиков именно потому потому оружие сатиры верил больше всего. Так политические убеждения «чувствительного к крестьянскому состоянию» писателя формировали его эстетику, его стремление правдиво, достоверно, порой документально изобразить обстоятельства жизни порабощенного крестьян-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 12, стр. 316.

² В. Г. Белинский. Сочинения, т. XII, стр. 88 и 127.

³ В. Г. Белинский. Сочинения, т. IX, стр. 184.

ства. Вот отчего в своем изображении крестьянских нужд и «отягощений», в своем обличении помещичьих притеснений и преступлений, в показе «грабежей и насильств», чинимых «низшему и среднему роду людей» в судах и воеводствах, Новиков прямо и открыто опирался на крестьянские наказания своим депутатам, на речи крестьянских депутатов, в которых вскрывались с исторической достоверностью чудовищный произвол дворян-помещиков, дворян-чиновников. Эстетическое новаторство Новикова и определялось тем, что многие изображенные им факты находят свое соответствие в тех документах, которые были составлены *самими* крестьянами.

Господствующим литературным направлением в ту эпоху был дворянский классицизм. Отвергая с просветительских позиций своекорыстную дворянскую идеологию этого течения, Новиков настойчиво боролся и с эстетикой отвлеченной антинародной литературы. Многообразная и противоречивая социальная жизнь России середины XVIII века не находила своего прямого отражения в этой дворянской литературе. Она перевоплощалась в абстрактном сознании классицистов и запечатлевалась в условных, логически отвлеченных, лишенных социальной конкретности образах. Больше того, в силу дворянского классового характера классицизма подлинные условия русской жизни, и прежде всего жизнь крепостных, не могли найти своего действительного отражения. Искусство классицизма сознательно уводило внимание читателя от решающего противоречия русской жизни — противоречия между дворянином и крепостным. Отстаивая право крепостного владения, пытаясь доказать его законность, эстетика классицизма исключала русского крестьянина из литературы, его жизнь была объявлена недостойным искусства объектом. Она третировалась как «низкая» тема, подлежащая лишь сатирическому и издевательскому изображению в низком жанре.

Вот почему классицизм утверждал сатиру на общий порок. Отвлеченность, рационалистичность помогали уходить от грозной для крепостников действительности. Вот почему процветали сатирические изображения Скупого, Щеголя, Ханжи, Неблагодарного и т. д. Дворянское искусство ратовало за чистоту породы, за чистоту кодекса дворянской чести и потому не столько изображало в сатирических образах действительные пороки, сколько предписывало рецепты.

Заслуга Новикова состоит прежде всего в том, что он первым отступил от этих утвердившихся принципов дворянской эстетики. В «Письме» Правдулюбова, напечатанном в «Грутне» и направленном против Екатерины, открыто отвергалась сатира на общий порок и отстаивалась «сатира на лицо». Характерно при этом, что Новиков подчеркнул тот факт, что эстетика классицизма, при всей оппозиционности лидеров этого движения и Сумарокова в первую очередь, оказывалась отличным оружием в руках самодержавия, что она помогала проводить политику отстаивания неизменности существующего рабства.

Требую «сатиры на лицо», Новиков далек был от увлечения изображать только индивидуально неповторимые и случайные явления. Вот как еще не совсем точно и удачно была сформулирована главная идея «действительной живописи»: «Критика на лицо, [но] без имени, удаленная, поелику возможно

и потребно». Так подготавливалась возможность перехода на реалистические позиции. В прозе Новикова поднимались коренные социальные проблемы политической и общественной жизни России. И прежде всего он стал защищать утесненного «питателя». Именно потому, что Новиков отступил от эстетики классицизма, оказался возможным впервые в литературе сделать крестьянина, народ, его жизнь истинной темой искусства. И Новиков изображал крестьянина с открытым сочувствием и любовью, бесстрашно заявляя о своем страстном желании видеть возрожденным того, кого помещики довели до скотского состояния. Оттого же сатирическим объектом оказался дворянин, но не просто от природы порочный дворянин вообще, а именно русский дворянин XVIII века, и прежде всего дворянин помещик, чиновник и приказный. И эти дворяне изображались в таком общественном окружении, с такой детальностью быта, с такой конкретностью, что читатель совершенно ясно видел перед собой не просто порочного человека, а дворянина, живущего под началом Екатерины, осуществляющей угодную ему политику. Таким образом, защищая принципы конкретного сатирического изображения, Новиков ратовал за правдивое искусство, именуемое им «действительной живописью». «Действительная живопись» позволила запечатлеть достоверную картину дворянско-самодержавной России 60—70-х годов, с конкретным самовластием помещиков, с ужасающим бытом крепостных крестьян, с екатерининскими указами о закрепощении «хлебопашца», с тартюфовой политикой «казанской помещицы» Екатерины.

Но этим Новиков не ограничился. Защищая интересы крепостного крестьянина, сатирически зло и беспощадно изображая дворянина-помещика, Новиков стремился в своих эстетических исканиях опереться иногда на опыт трудового народа. Примечательно в этом отношении внимание Новикова к пословицам как той форме народного творчества, в которой ярко и лаконически запечатлелся опыт народа, его отношение к вершителям своих судеб. Пословица, начиная с «Грутня», будет сопровождать Новикова во всей его литературной деятельности. Она будет служить и орудием сатиры и средством правоучения. Замечательно, что с помощью пословицы Новиков раздался с поэтами классицизма. Так, в предисловии к «Живописцу», выступая против идеализации крепостнических отношений сумароковской школой, против созданных классицистами многочисленных произведений о «благополучных» пастухах и пастушках, он зло издевается над такими писателями, обличает в литераторах крепостников, беря себе в союзники крепостного крестьянина, говоря его словами, его пословицами. Новиков пишет: «Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе!» Поэтому автор сам предпочитает жить в городе за счет блаженных пастухов, не хочет переезжать в изображенный им счастливый край, и читатель ему отвечает старинною пословицею: «Чужую душу в рай, а сам ни ногою».

Еще более замечательно стремление Новикова использовать пословицу для построения характера. Так, например, обстоит дело в «Письмах к племяннику» и «Письмах к Фалалею», где писатель стремится создать

национально и социально точный образ русского помещика. Поэтому для характеристики дяди Ивана и дяди Фалалея он использует поговорку: «Вор слезлив, плут — богомолен», — действительно, эта народная поговорка с поразительной силой вскрывает социальную природу подобных мошенников и плутов и стоит как бы эпиграфом ко всему циклу. Новиков-писатель смотрит на практику крепостников глазами народа и его социальный опыт кладет в основание своей эстетики «действительной живописи».

Естественна в этих условиях и борьба Новикова с новомодным западным искусством. Когда Екатерина в своей «Всякой всячине» начнет использовать и «на свой салтык» переключать произведения английских писателей Стиля и Аддисона, Новиков беспощадно обрушится на коронованного автора. Его не удовлетворяет эстетика сентиментализма. Он далек от умиления и преклонения перед святостью семейного очага, столь характерных для английского и французского сентиментализма. Человек, если он становится предметом сатиры, интересует Новикова прежде всего как человек общественный, в его социальных связях и отношениях.

Эта враждебность Новикова англо-французскому сентиментализму особенно ярко выступила в его «философии человека». Для Дидро, Стерна, Ричардсона — человек велик прежде всего своим чувством, поэтому он всегда изображается героем семейного очага, занятым своими сердечными или семейными делами, чуждым интереса к общественному миру, равнодушным к окружающим людям, их страданиям, их политическому и экономическому положению. Отвергая понятие антиобщественного человека, Новиков создает иную, русскую меру ценности личности и в своих журналах «Труть» и «Живописец» пытается изобразить положительного героя — русского деятеля. Образ Автора, образ Издателя и Сочинителя, «чувствительного к крестьянскому состоянию», к которому стекаются сотни писем, жалоб и обличений, живущего интересами миллионов хлебопашцев, — одна из заслуг писателя.

Усвоенный от Ломоносова образ русского героя—деятеля, патриота, сына отечества, россиянина — был обогащен им социальной характеристикой. Герои новиковских очерков в журналах — Правдулюбов, Путешественник, Издатель «Труть» — это русский человек, дворянин, но дворянин, страдающий положению крепостных, вознегодовавший на своих собратьев по классу, ставший на путь отважного обличения их паразитизма, их своекорыстной, варварской, жестокой и бессмысленной жизни.

Ломоносовский герой велик своими подвигами во славу России, своим патристическим восторгом, своей гордостью великим и могучим отечеством. Новиковский герой — человек, негодующий на несправедливость, человек, сочувствующий крестьянскому состоянию, переполненный чувством скорби, участия и возмущения. Мерой человека, его личных качеств и достоинств, индивидуальных особенностей Новиков объявляет его общественную ценность, готовность вмешаться в несправедливые жизненные отношения, заинтересованность в судьбах других людей, притом сочувствующих хлебопашцу, находящемуся в рабстве. Ему чужд комнатный мирок, домашние удовольствия, чуждо уединение и самодовольство. Он тысячами уз связан с людьми,

его «очаг» — Россия, его интересы — судьбы угнетенных, его друзья — «демпоземцы», ободряющие его за порицание помещика Безрассуда, за борьбу с правительственным журналом «Всякая всячина», с чиновниками-взяточниками, обижающими тех, кого они обязаны защищать.

Все эти новаторские черты новиковской литературной работы оказали плодотворное влияние на русскую литературу, и то, что в ближайшие же годы эстетика «действительной живописи» оказалась мощно развитой в творческой практике современников Новикова, Фонвизина, Державина и молодого Крылова, что на ее достижения станет опираться Радищев, — свидетельствует, как жизненна и как важна была работа Новикова-писателя.

Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г.

(Эпизод из истории русской общественной мысли)

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 1 МАЯ

52

Писатель письма от 26 марта 1769 года, подписанного *ваш покорнейший и усердный слуга А.*, узнал, что его письмо не будет напечатано. Мы советуем ему оное беречь до тех пор, пока не будет сделан лексикон всех слабостей человеческих и всех недостатков разных во свете государств. Тогда сие письмо может служить реестром ко вспоможению памяти сочинителю; а до тех пор просим господина А. сколько возможно упражняться во чтении книг таких, посредством которых мог бы он человеколюбие и кротость присовокупить ко прочим своим знаниям; ибо нам кажется, что любовь его ко ближнему более простирается на исправление, нежели на снисхождение и человеколюбие; а кто только видит пороки, не имев любви, тот неспособен подавать наставления другому. Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. Итак, просим господина А. впредь подобными присылками не трудиться; наш полет по земле, а не на воздухе, еще же менее до небеси: сверх того, мы не любим меланхолических писем.

53

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому: насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем праве, когда говорю, что я смешлив; по выслушайте, чему я намнясь смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему

хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, по из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имел таких, как он, побудительных причин, навслу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения: и так клал все насчет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит: да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая терпеливо и молча поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом: не того ли и вы мнения? Наш рассказ сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстями своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во «Всякой всячине». Я же есмь

ваш покорный слуга

Афиноген Перочинов.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ V. 26 МАЯ

5

ГОСПОДИН ТРУТЕНЬ!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны; однакож не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 340, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив

к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает; и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем; ибо я не лекарь, а она не повинная бабушка; но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да и я не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть в чужую жену или дочь; а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогашаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются; а высему правилу, не повинуюсь криводушным приказным и некстати умствующему прокурору, не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такую пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке; но она меланхолических писем читать не любит; а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга *Правдулюбов.*

9 мая, 1769 года.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 29 МАЯ

66

На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пытым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая опые; а только паскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потаччиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ VII. 9 ИЮНЯ

Издатель «Трутня» обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь браши, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издадека и с улыбкою взирает он на брань «Всякия всячины», относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ЛИСТ VIII. 16 ИЮНЯ

12

ГОСПОДИН ИЗДАТЕЛЬ!

Госпожа Всякая всячина па нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изьясниться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе «Трутня» ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист «Трутня» уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключая моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист «Трутня» ответственность не хочет, отвечала на опытный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то, кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым, потому что не понял ее правоучений. На то отвечаю: что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

6 июня, 1769 года.

ГОСПОДИН ИЗДАТЕЛЬ!

Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится; чего ради я от доброго сердца хочу вам дать совет: в вашем «Трутне» печатаемые сочинения многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо: да то беда, что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо: ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело-то в том состоит, что в вашем зеркале, названном «Трутенъ», видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинения; однакож злостию напоившие свои сердца люди ставят его на ваш счет. Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досаждать; а каково иметь дело с худыми людьми и знатными боярами, я уже испытался. Я доживаю шестой десяток лет и во всю мою жизнь имел несчастье тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество. О г. издатель! сколько я от них претерпел! Смело сказать можно, что лучше иметь дело с лютым тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютостию отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает: но, отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух во изнеможение так, что иногда подосядешь за то, на что написано: *не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие*. Но полно, ныне таких бояр немного. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что их совсем нет. Что ж делать! *В семье не без урода*. Надобно и за то благодарить бога, что их немного. Вместо старых есть ныне из молодых господ такие, которые, важных не имея дел, упражняются в безделицах и пред малочиновными людьми показывают себя великими министрами в малых делах, не достойных ни чина их, ни имени, употребляя притом непростительные уклончивости, ласкательства, потачки и непозволенные хитрости; а все это для какой ни на есть безделицы или по слепому повиновению своим страстям и пристрастиям к какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были к важным государственным делам и прилежны ко исполнению оных так, как к малым, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем «Трутне» весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господ-

Н. П. НОВИКОВ

чик говорил следующее: «Не в свои-де етот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно-де, его недавно отпряла «Всякая всячина» очень хорошо: да ето еще ничего, в старые времена послала бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения; но нынче-де дали волю писать и пересмехать знатных и за такие сатиры не наказывают. Ведь-де знатный господин не простой дворянин; что на нем то же взыскивать, что и на простолюдимах. Кто-де не имеет почтения и подобострастия к знатым особам, тот уже худой слуга. Знать, что-де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали; а ето-де одни пустые рассказы, что он печатает только присылные пиесы. Нынче-де знают и малые робята етот счет, что дважды два будет верно четыре; а сверх того в его-де сатирах ни соли, ни вкуса не находят. Гораздо бы было лучше, ежели бы-де он обирая около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешнее, так, как другие писатели журналов делают; так бы такое сочинение всем нравилось, и больше бы покупали, так бы-де и ему больше было прибыли; а от етого журнала наверное-де он не разбогатеет». Итак, г. издатель, совет вам даю следующий: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоров и не печатайте; нам они и так уже наскучили. И публика не такой худой имеет вкус, чтобы худое больше хорошего хвалила: но, следуя благоразумию, продолжайте печатать такие пиесы, какие мы по сие время в «Трутне» читали; но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных: тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И ето будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят. Я слыхал следующие рассуждения: в положительном степене, или в маленьком человеке *воровство* есть преступление противу законов; в увеличивающем, то есть среднем степене, или средостепенном человеке *воровство* есть порок; а в превосходительном степене, или человеке по вернейшим математическим новым исчислениям *воровство* не что иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало: ибо кто имеет превосходительный чин, тот должен иметь и превосходительный ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение: следовательно, и преступление такого человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим

делам и награждение и наказание должны получать превосходительное. Но полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится! Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде и чтобы мой совет принес вам пользу; а издание ваше всем знатым господам чтобы так правилось, как правится оно семерым знатым боярам, которых я знаю. Сии господа читать сатиры великие охотники и, читая оные, никогда не краснеют, для того что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно. В прочем с удовольствием всегда есмь
к вашим услугам готовый

Чистосердов.

Там, где я нахожусь.
Июня 6 дня, 1769 года.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 5 ИЮНЯ

Мы примечаем, что сей год отменное число слов свету предъявляет. Мы боимся, не мы ли к тому подали пример или причину. Но, однако, как бы то ни было, не можем оставить, чтоб нашим корреспондентам вообще не дати знать, что ни от чего не должно столько остерегаться, когда имеешь в виду угодить публике сочинением, как от словохотия. Ибо не всегда та резвость ума, коя заставила писать и коею веселится сочинитель, правится публике. Сие также нам самим будет служить правилом.

69

Сей раз я намерение взял сделать сильную вылазку противу лжи и лгунов.

Я весьма почитаю аглинский язык, для того что на оном сильная брань есть сказать кому: лжешь.

Не помню на сей час, в которой земле сделан закон, по которому лжецам прокалывают язык горячим железом.

У меня живет татарин, который не таков строг. Он говорит, что он только бы желал, чтоб позволено было за всякую ложь плевать в рожу или обмарати грязью того, кто лжет, и чтоб заплеванному запрещено было обтереться до захождения солнца, а там бы уже ему сделано было умеренное наказание домашнее по мере числа его лжей. Скажут, что сие наказание невежливо и нечистоплотно. Но он подтверждает, что оно по естеству преступления; ибо ложь есть осквернение души. Сколько же заплеваннх рож было бы, если бы мой татарин был законодавец! оставляю судити читателю. Я всегда великое имел отвращение ото лживых, или, лучше сказать, ото лжей. Я помню, что с ребячества, бывало, ни об чем я так не плакивал, как когда узнаю, что ложью кто меня обманул. Итак, думаю, что во мне ненависть ко лже врождена.

Сей порок лучшие качества изуродывает, когда он с ними соединен в каком ни есть человеке. Мне случилось видети людей, кои помалу привыкли к сему подлому неистовству. Они спачала или из шутки, или для хвастовства давали волю своему воображению, потом, тверди и тверди, сами себя уверили, что их сказки заподлинно состоялись; а потом так лыгали, что уже часто на себя то вскелывали, что им самим могло вред учинить: но привыкши однажды верить своим словам, а не действительным обстоятельствам и правде, они никакими доказательствами не могли быть выведены из своего заблуждения. Похожи несколько на таких людей в сем и охотники. Спросите у них, не случилось ли кому из них одному стоять со своими собаками тогда, как заяц покажется в опушке? охотничково воображение, быв занято желаемым предметом, не обманывало ли его так, что ему казалось, будто бы серая сука, коя и не возрилась, угоняла зайца, а муругий кобель будто отскакивал его от острова, хотя то сей прометался? Вечеру же, приехав домой, за ужином он всего того с обывковешным, охотникам тогда свойственным, красноречием не рассказывал ли сперва товарищам, слегка сумневаясь притом, чтоб оному совершенно поверили? а наконец, повторяя оные рассказы, не доходил ли иногда и до того, что уже ему и самому за истину казаться стали? Сей самым собою так обманутый после, конечно, будет с жаром и со клятвою в том, что ему привиделось, уверяти всякого, кто при затверженном сем его рассказе хотя о малом чем усумнится. Подобное и со прочими лжецами бывает. Здесь мне кажется у места прописать то, что недавно о сем случилось мне читать. Ложь состоит в том, если кто добровольно изъясняется словами или действиями не по истине, но противу оных или для делания зла, или для оправдания себя от какого ни на есть неистовства тогда, когда тот, с кем говорится, имеет право знать наши мысли или действия. Во всех же случаях ложь есть действие бесчестное: оно означает слабую и подлую душу и порочное умоначертание.

Всякий раз, когда долг кого обязывает открывать свои мысли другому, не можно, не сделав себя виновным во преступлении, закрыть истины. Одним словом, ложь всегда мерзостна.

Из сего не выходит такое заключение, чтобы все то говорить должно было, что на мысль ни приходит. Благоразумие должно управлять произношением слов; по слова произносимые должны быть сходны с истинною.

Скажут, может быть, на сие, что иная ложь ко спасению. Но я скажу вам в ответ сказочку.

Вельможа один приговорил ко смерти одного своего невольника, который, не видя уже надежды ко спасению своего живота, зачал бранить и проклиная вельможу. Сей, не разумея языка невольника, спросил у около стоящих своих домашних: что невольник говорит? Один вызвался, говоря: государь, сей бесчестный сказывает, что рай приуготовлен для тех, кои уменьшают свой гнев и прощают преступления. Вельможа простил невольника. Другой из ближних его вскричал: непристойно лгать перед его сиятельством, и, повернуся к лицу вельможы, сказал: сей преступник вас проклиная великими клятвами; мой товарищ вам объявил ложь непростительную. Вельможа отвечивал: статья может; по его ложь есть человеколюбивее,

нежели твоя правда; ибо он искал спасти человека, а ты стараешься двух погубить. Мне кажется, вельможе надлежало прибавить: да не солжет же впредь мне шикто; ибо подобных примеров в тысяче случаев насилу найдешь один.

19 ИЮНЯ

74

Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потаенно поносить человека. У меня сердце ноет всякий раз, когда вижу такое лукавое умоначертание, совокупленное со нравом веселым и насмешливым. Суровое и невежливое сердце никогда довольнее не бывает, как когда оно оскорбит какую ни есть особу; или когда ему удастся поссорить ближних родственников; или когда может целый род выставити в свет для насмешки тогда, когда оно само скрывается и всячески стережется, чтоб поступок его не узнали. Если с умом и с лукавством человек склонен к порокам, то он бывает вреднейшая тварь, коя может находиться во гражданском обществе. Его ругательные стрелы тогда упадают на тех, кои бы более всего достойны были пощады. Добродетели, хорошие качества и все то, что заслуживает похвалу и почтение, сделаются у него случаем к насмешкам и язвительным шуткам. Нет возможности исчислити вреди, происходящие от сих ударов, из темноты пущенных. Правда, что сих прегрешений сравнивать нельзя с разбоем и с убийством: однако множество есть людей, кои бы охотнее лишились знатного числа имения своего, нежели быть предметом всякого поношения и ругательства острого или и глупого, будучи безвинны. И тут не должно судить о мере поношения по воображению того, кто оное произносил, но по воображению того, на кого оное излиялося. Человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения. Ибо он подвергается добровольно равной заплате для того, что все родилися по человечеству с равными правами. Если же он по светским установлениям вышней степени да имеет с подчиненными такое непростительное обхождение, то пророчу я ему ненависть и непочтение ото всех. Кто никого не любит, тому равная плата. Кто никого не почитает, того все уничтожают. Во всяком человеке врожденно желать себе от других уважения. Уважайте друг друга, уважаемы будете. Закройте уши ваши от людей, кои вас ищут веселить насчет ближнего вашего. Были бы вы на месте того ближнего, а не на вашем, то бы сии подлые души его на ваш счет веселили.

3 ИЮЛЯ

81

Из письма, писанного к господину сочинителю «Трутня» от Тихона Добросоветова, а к нам по несыскании его присланного для напечатания чрез его приятеля, не подписавшего имени, мы здесь только издаем во свет

правило, в оном предписанное всем сочинителям, которое гласит тако: *Добросердечный сочинитель, во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества; но располагая свои другим наставления,ставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова; присовокупляет к тому пользы, из того истекающие, и сладкое сие удовольствие, какое чувствует хранящий добродетель в том, что ни раскаяние, ни угрызение совести в сердце такового человека места не имеют. Вот славный способ исправляти слабости человеческие! При чтении такового сочинения каждый чувствует внутреннее восхищение, прилепляется к добродетели, не имея ни к себе, ни к сочинителю отвращения; сам без обличителя охуждает пороки, которым следовал от безрассудности. Злонравного же человека есть предмет изво всего составлять ближним поношение, к порокам их присовокупляти свои собственные, бранити всех и услаждаться, других уязвляя.*

Мы и сами сему правилу будем стараться последовать и других к тому, почитая оное весьма справедливым, приглашаем. Что же касается до остального содержания того письма, то или писатель оного, или приятель его могут к господину сочинителю «Трутня» итти, который, думаем, укажет, где его найти можно, и поступит с оным по своему произволению.

10 ИЮЛЯ

86

ГОСПОДИН ПИСАТЕЛЬ!

Напишите что-нибудь в наставление тем матерям и бабкам, кои детей и внучат, начинающих лишь только говорить, учат, чтоб отцов и других людей бранили; и когда младенцы от неразумия своего сие делают, то матери тем чрезвычайно веселятся. Из листов ваших не приметил я, чтоб вы нисходящему роду своему, теперь уже до пятого колена простирающемуся, такое преподавали где-либо учение, однако некоторые из пишущих и издающих недельные сочинения показывают в сем ремесле удивительные успехи и нас оными забавляти стараются, не ведая того, что благоразумный человек и в детях сию шалость с крайним слышит сожалением; кольми паче негодовать он должен на сочинителей, в храм вечности и славы продирающихся, видя вместо полезных поучений рассеваемые ими и примером их одобряемые такие плевелы.

Ваш покорный слуга

Герасим Курилов.

ГОСПОДИН ИЗДАТЕЛЬ!

Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему «Трутню» в прошедший вторник немалое было бомбардирование. «Всякая всячина» добрый вытерпела залп, «Адскую почту» атаковала какая-то неизвестная партия. Что касается до моих бесов, то я на оных наступающего уверить могу, что ему их бояться никакой причины нет, когда он человек честный; ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишить не может. Я бы сему их неприятелю советовал истребить из мыслей то суеверие, которое, как он сам пишет, от младолетства при нем обитает; и когда он о делах по свойству их, а не по названию рассуждать захочет, то, может статься, имя бесов не столько ему будет противно.

Что касается до пасквиля, который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан и который носится по многим рукам; то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями предаю на суд публике, которую я считая за судью справедливого, потому что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена и останется при своем хозяине. Известно всем, что и между сочинителями бывают люди разных свойств; есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние, будучи разумом весьма скудны, всего алкают и злятся на тех, кои рассудком достаточнее их. Я не только имена сих известных мне моих клеветников здесь умалчиваю, но и ниже какими-либо околичностями публике их лица означивать буду: ибо я намерен только доказать мою справедливость, а не бранить публично других.

Ни одно почти разумное сочинение не было без критики. Ювенала критиковал Повзаний ткач, Гораций Витрувиев архитектор, сочинителя Телемака разбралил Фаидит, который был у Собиса лакеем; однако Телемак навеки будет Телемаком; а Фаидит писателем презренным, как о нем писал славный Рамзей, которого нижеозначенные о Фаидите слова¹ весьма приличны и моим злобным критикам.

¹ Рамзей, известный в учепости муж, о Фаидитовой критике написал следующее: On n'y trouve par tout que mauvaise foi, la profonde ignorance de l'auteur, critiques fausses, injures grossières, fades plaisanteries, chicanes

Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства, злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки; я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд.

Покорный слуга *Б. К.*

Господин *Б. К.*

Бомбардирование, сделанное в прошедший вторник моему «Трутню», мне не страшно; да уповаю, что и г. Всякой всячине сделанный залп никакого вреда не причинит: ибо в сию против нас войну ополчилось невежество. В письме господина *Д. П.*, напечатанном в «И то и сьо», написано, что госножа Всякая всячина выжила из ума. Хотя бы ето было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славнее дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во «Всякой всячине» никто еще не приметил. Что ж касается до моего «Трутня», в котором, по мнению господина *Д. П.*, ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшем степене блистает невежество, на то скажу: пусть «И то и сьо» похваляется господином *Д. П.* и подобными ему; меня ето не прельщает потому, что мое желание стремится заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей.

ЛИСТ XV. 4 АВГУСТА

24

*Племяннику моему Ивану, здравствовать
желаю!*

На последнее мое к тебе письмо с лишком год дождался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюсь, откуда

pueriles et on eût pu dire à l'auteur ce que l'illustre m. Rousseau à un homme de pareille trempe:

— — Et nouvel Erostrate.

A prix d'honneur tu veux te faire un nom.

То есть: в сем сочинении ничего найти не можно, кроме лжи, величайшего невежества автора, несправедливых критик, грубых обид, подлых насмешек и ребяческих привязок, так что можно о сем писателе сказать то, что написал славный Руссо о некотором писателе ж сего рода:

— — — То новый Ерострат.

Бесчестьем своим быть хочешь всем известным.

взялось такое твоё о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твоё воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду; да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаясь в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты, под присмотром горячо любившего тебя родителя, жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал; а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наша братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч.: и не только мы, простолюдимы, но и священный левитский чин тебе завидовал, когда ты, будучи ещё сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправляти мог службу! Куда его все девалось! Всеконечно создатель наш за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному дияволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет, аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебе слышал? Сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный утешающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из тех книг? Вере ли несомненной? без нея же человек спасен быти не может? Любве ли к богу и ближним? ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных, судил на маде; и короче сказать, грешил, и по слабости человеческой ещё и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов; но не погасил любве к богу, исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видима, всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших: о ты, всеильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего диявола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих, последи от высоты престола твоего спутницу твою и святая истины премуд-

рость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов; ибо я и все домашние мои во весь год, кроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! мы во оных находим книги, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле; а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы брненное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет едемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: *за взятки надлежит наказывать, надлежит исправлять слабости, чтобы не родились из них пороки и преступления*. Ведаете ли вы, несмысленные; ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взятков*. Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость*? Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земли, гордитесь несвойственною сложению вашему твердостью? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюсь, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, разверзшиися, не пожрет во свое недро, стыдяся, что таких в свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек! и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость! Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься; оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать*. Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедывают добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божия неиспытанны, и как познавать вам небес-

ное, когда не понимаете и земного? Помни только то, *что земля еси и в землю отыдеши*. На что тебе учиться речениям иностранным; язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти; но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона; они вас прельщают, вы читаете их с жадностью, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но, чтобы совратить с пути истинного и не знающих чужеземских изречений, вы такие книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют К****. Безрассудные! читая такие книги, стремитесь вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения: из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра страха божия осталась. Какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак, в последние тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда; а петербургские свои шапки все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни: итак, делай сие дело скоряе и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьей и моим по смерти достойным наследником. исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения; проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостьню; а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба, на земли поживши по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня; ведь я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь дядя твой ****.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 28 АВГУСТА

108

ГОСПОДИН СОЧИНТЕЛЬ.

Случалось мне слышать от одной части моих сограждан изречение такое: правосудия нет. Сие родило во мне любопытство узнать, отчего бы такой вред к нам вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудии? навиче тогда, когда всякий честный согражданин признаться должен, что, может

быть, никогда и пугде какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархия имеет о нас, в чем ей, сколько нам известно и из самых опытов доказывается, стараются подражать и главные правительства вообще. Мы все сомневаться не можем, что ей, великой государыне, приятно правосудие, что она сама справедлива и что желает в самом деле видети справедливости и правосудие в действии во всей ей обширной области. О том многие изданные манифесты свидетельствуют, а наипаче «Наказ» Комиссии уложения, где упомянуто в 520 отделении, что никакой народ не может процветать, если не есть справедлив. Где же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудия нет? Стадем искать. 1. В законах ли? 2. В судьях ли? 3. В нас ли самих?

Законы у нас запутаны; о том сомнения нет. Сию неудобность мы имеем вообще со всею Европою: но пред ней имеем мы выгоду ту, что ея величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений; следовательно, пытаемся надеждою о посправлении тогда, когда Европа вся не видит конца конфузии. А между тем, пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили, с тем барышном противу них, что мы ощущаем более от вышней власти человеколюбия, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противуречущие законы. Итак, неправосудие не в самих законах.

Судии у нас, как и везде, всякие. У нас их определяют обыкновенно из военнослужащих или из приказных людей без великого знания. Во многих европейских землях, а наипаче во Франции покупают за деньги судейские места друг у друга, как товар. Итак, у кого есть деньги, тот судья, хотя бы он никакого знания не имел. Почему в сем случае наши обычаи немного разнятся от обычаев других народов нашего шара. Но врождена ли справедливость во всех судьях так, чтоб могла наградить недостаток знаний? того никак утвердить не можно. Следовательно, жалоба на неправосудие отчасти падает на судей и на нравы.

Что же касается до третьего моего предложения: неправосудие не в нас ли самих? На сие отвечаю, что во всяком деле одна сторона права, а другая неправа. Если неправую сторону обвинят судьи, то оная кричит и шумит о неправосудии, и стало, сама несправедливо судит. Да как ей и не таковой быть? Она из четырех следующих в одном положении: 1) или проведена страстию, 2) или стряпчим, 3) или ябедою, 4) или надеялась, авось-либо удастся. И так стало, что всегда половина тяжущихся суть недовольны судьями правосуднейшими для того, что сами они не суть справедливы. Если б были справедливы, то дела несправедливого не начинали бы; ибо начинание несправедливого дела уже само собою есть неправда. Не всякому дано себя самого и свои поступки судить без пощады, так, как бы он судил поступки ближнего своего. Но желательно бы было, чтоб мы всегда свои дела судили сами по истине: и тогда бы ябеда и прихоти исчезли; следовательно, меньше бы жалоб было на неправосудие. Прямая же жалоба на неправосудие только та может быть, когда справедливая сторона осуждена. Но чтоб подобных дел много могло проходить сквозь строгое рассматривание трех апелляций и в присутствии тяжущихся, тому верить не можно. Ибо немного

таких людей, которые бы захотели лихо твистить в лице почти целого света и оставить на бумаге писанные свидетельства своего плутовства, за которое подобные им получили возмездие по достоинству своему. Однако сие доказательство слабо. Но долг наш как христиан и как согражданин велит иметь уверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их такими поступками и несправедливыми жалобами, коих, право, я еще не видал, чтоб с умысла случались. Впрочем, я не судия и век не буду, а рассудил за нужное сие к вам написать для того, что некоторые дурные шмели на сих днях нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест. Но наконец я догадался, для чего они так жужжат. Промотались, и не осталось у них кроме прихотей, на которые по справедливости следует отказ. Они, чувствуя, что много ожидать им нечего, уже наперед зачали кричать о неправосудии и поносили людей таких, у коих, судя по одним качествам души, они недостойны разрешить ремень сапогов их. Колико же нравы вообще требуют исправления, о том всякому отдаю испытание на совесть. Не замай всяк спросить сам у себя, более ли он вчерась или сего дня сделал справедливых или несправедливых заключений? Изо всего сказанного выходит, что нигде больше несправедливости и неправосудия нет, как в нас самих. Любезные сограждане! перестанем быть злыми, не будем иметь причины жаловаться на неправосудие.

Напечатайте сие письмо, если вам угодно будет.

Патрикий Правдомыслов.

Я собираюсь прислать к вам еще письмецо со описанием прихотей наших.

21 АВГУСТА

103

Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляют свои рассуждения.

Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который любит новизну; для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает.

Все приключения записаны в истории; и которых читатель не знал, те суть для него новизны не менее полезны, как известие, что такой-то ездит в такой-то дом; или что така-то была пребезмерно нарумянена в последней комедии; или что она шить намерена новое платье; или во что стала карета; или что во Франции ныне носят то и то в противность прежних обыкновений сего легкомысленного народа: не говорю о поношении многих добрых людей;

с чем иногда новизн любители и составители таскаются из дома в дом; что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюсь сказать, прогневайтесь. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.

Ему пришло на ум еще новенькое. Со временем составлять он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например.

В Казанской венчали на сей неделе двенадцать свадеб; такой-то женился на такой; за ней приданого столько; барская барыня в собольей шапке еще ходит; девок ее зовут так и так.

К такой-то вдове недавно зачал ездить такой-то: о чем соседи в размышлении находятся.

К такому оброк привезли из деревни; но как он очень мотает, то сего ненадолго станет: о чем весьма сожалеют те, кои к нему ездят обедать.

Соседка его купила попугая, но кошка его съела: о чем хозяйка скорбит. И прочая, и прочая, и прочая.

Чрез сие он надеется удовольствовать тех добродетельных людей, кои более пекутся о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те известия, кои шепчут на ухо, употребить хочет он печать самую мелкую, дабы без очков читать оных не можно было; чтоб только одним старушкам сии откровения делать, зная, что их обыкновенная осторожность не допустит до распространения сих слухов; а наипаче молодым не положат они на ум того, что до них не следует.

Сведав сие, мы думали, что нам бы непростительно было утаить сие важное известие от наших читателей.

104

ГОСПОДИН НАСТАВНИК!

По причине полезных наставлений, которые в ваших листах часто читаю, пришло мне на мысль назвать вас теперь сим именем. Я не думаю, что наставления в том только и состоят, когда какой писец бранит и поносит все, что он ни найдет худого. Пускай кто хочет, смеется чрезвычайно или улыбается таинственно, когда удастся ему подозревать, что такой-то кусок (так я перевел в сем случае французское слово *rièze*) на кого-нибудь из знаемых ему целит. Ваши наставления совсем другим вкусом писаны; не едко, но приклонительно, не с бранью, но с ласканием и ободрением. Хотя кто и свою погрешность в них сыщет, однакож не себя. Я бы очень желал читать во «Всякой всячине» наставление и для тех, кои, не зная, не ведая Омира, Пиндара, Софокла, Виргилия и прочих изящных писателей, с презрением об них раздобаривают. Напротив же того подобало бы им и тех почитать, кои столь счастливы, что читать сих удивляющих толь многие веки творцов могут и читают, кольми паче которые и наизусть их учат. Ибо и в России, как во всей Европе, уже самым делом сбылось, наверное, кажется мне, положить

можно, что таким же, а не иным образом, то есть чрез прилежное древних греческих, латинских и им подобных новейших образцов чтение и подражание надлежит распространиться наукам. Еще прошу вас, сделайте увещание, чтоб никто, не рассудя или и не имея сил столько, чтоб рассудить, о чем какое сочинение писано, не толковал оно на свой счет и не клепал бы, что его характер, спречь умоначертание, описано там, где об нем и не думано, да и думать о том, как еще о пебылице, в то время, когда оное сочинение гораздо пред тем писано, не можно было. Если же кто и впрямь такое дурное имеет умоначертание, какое тем или иным сочинителем вообще похулено, посоветуйте такому лучше исправлять порок свой, нежели увеличивать оный прибавлением к тому и других пороков. А то обоих сих родов люди не постыдятся; первые всегда пышно восклицать о себе: *и мы яблока пльвем*; вторые гневаться на тех, кои задолго прежде рождения их писали. Я же, сожалея о их злом роке, есмь навсегда

вашим усердным слугою

Галактион Жакореков.

Месяца Липца 20 числа
в самое куроглашение.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XX. 8 СЕНТЯБРЯ

33

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Некогда читал некто следующую повесть: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием? для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда ему не говорят.

Все самолюбивые много раз и многими были во книгах осмеяны; самолюбивый, конечно, их не читает затем, что он с приятностию привык слушати льстецов, бесстыдно во глаза его похваляющих. Если бы сей человек, если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него гораздо было полезнее, как мнения, что такой-то не так пишет, как он; или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится, или что она намерена шить платье, коего покроя он терпеть не может; или что многие хвалят те сочинения, кои несогласны с его умоначертанием, или что осмеливаются тогда писать, когда он пишет; или, наконец, что все

то худо, что не по его и ему не нравится. Такой самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою: он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него несправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаясь из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего сперва тысячами некоторые листы охотно покупали. Хотите ли оную узнать? Боюсь сказать, прогневаются: одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему поощряло.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш: например.

Такий-то на сей неделе был у своей родни и передал все пироги, данные некоторой простодушной старушке в подаяние; такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодязь; такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко; тот-то насмешник подсмеял одну женщину, велел ей для усыпления читать сочинения такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность, и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю насчет насмешника.

Едакий-то в досаду мусо Фалий не перестает марать и перемарывать свои комедии и непостижимыми своими умоначертаниями отягощать актеров.

Тот показывает, якобы он единоначальный наставник молодых людей и всемирный возглашатель добродетели: но из-под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера.

Етот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя» и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: *и мы яблока пльваем*, и прочая, и прочая, и прочая.

Чрез сие он надеется удовольствовати всех читателей, показывая себя таким доброхотным человеком, кой более печется о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те куски (рiесе), кои шептать бы только на ухо должно, употребить хочет он печать самую крупную, дабы и без очков читать оные можно было; а паче, чтоб сии откровения угодность делали старушкам, зная, что их обыкновенная говорливость скорее распространит сии слухи; а наипаче молодым людям положат они на ум то, чего бы знать им не надлежало и что до них не следует.

Сведав сие, я думал, что мне непрослительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

Слуга ваш

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 11 СЕНТЯБРЯ

111

Нельзя на всех угодить

Воистину удивительная вещь! Есть люди, кои бранят наше сочинение. Но как неволи нет читать оное, то просим покинуть. А если продолжать и за сим чтение и брань, то уже известно будет, для чего бранят. Здесь объявляется: знатно, где ни на есть нашли себя описанных; а как сами себе непрелестны показались, то вздумали отомстить нам ругательством. Но сие не льнет; ибо лишь бы мы не ошиблись во правилах правоучения, все прочее для нас не важно. Если же бы в сих мы имели несчастье обмануться, то бы мы имели причину просити прощения у тех, коих бы мы своими правилами провели. Скажут, что не мы правила выдумали. О сем и спора нет. Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает: легко узнать опые можно: осмеливаемся сказать, что почти все переводы, здесь внесенные, слабее настоящих сочинений. Не смеем же ласкать себя, чтобы тот, кто более нас поносит, нам завидовал. Если же паче чаяния оно так, то сие нам немалую честь делает, хотя бы сам ругатель в том и не признался. Но как бы то ни было, мы отдаем на беспристрастное рассуждение публики, не беспокоясь цимало о разных об нас бреднях и показав тем самим, в каком холодная кровь выигрыше бывает над кипящею: и для того продолжаем со всегдашнею бесперерывною охотою.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XXV. 13 ОКТЯБРЯ

55

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Я уверен, что вы ненавистник пороков и порочных и что вы не следуете мнению утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок; да и то издалика и слегка. Я не ведаю, какой они от таких дальних околичностей ожидают пользы. Известно, что признание во своих слабостях и пороках самому себе делают весьма немногие: кто сам себе признается во своих проступках, тот ежели не совсем исправляется, так по малой мере борется со своими страстями, и тому, по мнению моему, потребны наставления, а не критика. Другие, кои больше самолюбивы и ослеплены страстями, критику, на общий порок писанную слегка, от его действий весьма удаленную, тотчас совращают на лицо другого; такой тогда еще более ищет причин удалить оную от себя, нежели как критик, его пороки критикующий, искал от его лица удалиться. В таком случае обыкновенно много помогают ласкатели; ибо ежели бы кто стал критиковать поступки

знатного господина, тогда ласкатели, бесстыдно предупреждая его признание, тотчас сыщут невинное лицо, на которое совратят критику. Невинный тогда страдает, а порочный насмехается своим пороком в лице другого. Вот все, чего от таких критик ожидать надлежит. Правда, что и ваше правило в рассуждении критики от ласкателей мало помогает. Но тут страдает критик, если увидят, что критикованное лицо точно те имеет пороки, тогда хотя и признаются, но утверждая, что критик весьма злобный человек. Впрочем, мое мнение весьма с вашим согласно, что критика на лицо больше подействует, нежели как бы она писана на общий порок. Например: я много раз видал, что когда представляют на театре «Скупого», тогда почти всякий скупой старик в театр смотреть ездит. Для чего же? для того, что он думает тогда о каком ни на есть другом скупяге; а себя наверное тогда не вспомнит. Когда представляют «Лихоимца», тогда кажется, что не все скупые на Кашея смотреть будут. Меня никто не уверит и в том, чтобы Молиеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по простовности многих лет обращается в критику на общий порок, осмеянный по справедливости Кашея со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного. В противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новый, то есть злобу. Критика на лицо без имени, удаленная поелику возможно и потребно, производит в порочном раскаяние; он тогда увидит свой порок и, думая, что о том все уже известны, непременно будет терзаем стыдом и начнет исправляться. Я вам скажу на его пример. Один молоденький писец читал много книг и, следовательно, видел, что худых писцов не хвалят. Но, однакож, ему пришла охота к писанию, он сочинил пиесу, ее начали хвалить; хотя и видели его недостатки, но на первый случай хотели его теми похвалами ободрить, надеясь, что ежели он хорошенько вникнет, тогда и сам свои недостатки увидит. Другие поступили с ним искренные. Они объявили ему его погрешности и недостатки: но он похвалы почитал от истины происходящими, а критику от злобы и зависти. Ободренный писец и поощренный ко продолжению своих трудов скоро начал себя ровнять со славными писателями, а потом и вечной похвалы достойных авторов начал ругать. Друзья его остерегали многократно, но он утверждал, что они ошибаются. После начали его критиковать на общее лицо. Говорили ему, что ежели в сочинении случатся едакие погрешности, так это порок: он на то соглашался, но в своих сочинениях тех погрешностей не видал и не исправился. Он не переставал себя хвалить, а других ругать, до того времени, как показались на него другие критики: не мог

уже он ошибиться, что те на него были писаны. Он спрашивал у друзей своих, правильны ли критики, на него писанные, и так ли он худо пишет, как те утверждают? Они признались, что весьма правильно. Его это тронуло. Он перестал писать и ежели не совсем исправился, так по крайней мере исправляется. Ибо он начал признаваться, что он и сам ведал, что пишет он худо. Но надеяся когда-нибудь исправиться, в том упражнялся. Но как скоро заметил, что он не успевает, так скоро и перестал писать. Что он писал по одной только охоте и что он никогда не думал, что это его *métier*.¹ Вот вам пример, ежели станут утверждать, что сей писец от тех критик не исправится, о том я спорить не буду, но и не поверю, чтобы он исправился общею критикою. Наконец сообщая вам, г. издатель, описание бессовестного поступка одного чиновного человека с купцом. Пусть увидят, достоин ли он критики, и пусть скажут, что он бы общею критикою на бездельников исправился.

Пролаз, человек чиновный и не последний мот, был должен одному честному купцу по векселю. Срок пришел. Купец требовал денег, а Пролаз не отдавал, надеяся, что купец по знакомству с его приятелями просить на него не будет. Купец по многократном хождении наконец вознамерился вексель отдать в протест и по нем взыскивать. Но Пролаз нашел способ с ним разделаться без платы денег. Случилось им быть вместе в гостях, купец подпил, и Пролаз не упустил его поразгорячить, что он ему денег не отдаст и что ежели он будет и просить на него, так ничего не съест. Купец после сего Пролаза выбранил; а Пролаз, ничего ему не отвечая, сказал: *милости прошу прислушать*, и на другой день подал челобитную. Наконец вместо бесчестия взял обратно свой вексель с надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы супруге своей не худой на шубу мех. Пролаз долгом поквитался, а купец за то, что плута назвал бездельником, потерял свои деньги.

Пожалуйте, г. издатель, поместите мое письмо в ваших листах. Вы одолжите тем вашего слугу

Правдулюбова.

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

При нынешнем рекрутском наборе, по причине запрещения чинить продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора, показалось новоизобретенное плутовство. Помещики,

¹ *Métier*, по-русски ремесло, и тут вымолвлено тем писцом ошибкою, по такую ошибку, кажется, можно простить: ибо не весьма легко человеку, равнявшемуся со славными авторами и весьма самолюбивому, признаваться, что он пишет худо.

забывшие честь и совесть, с помощью ябеды выдумали следующее: продавец, согласясь с покупщиком, велит ему на себя бить челом в завладении дач; а сей, имев несколько хождения по тому делу, наконец подаст обще с истцом мировую челобитную, уступая в иск того человека, которого он продал в рекруты.

Г. издатель! вот новый род плутовства, пожалуйте напишите ко отвращению сего зла средство.

Ваш слуга П. С.

Москва, 1769 года, октября 8 дня.

ЕТО НЕ МОЕ ДЕЛО.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 15 ДЕКАБРЯ

148

С прискорбием рассуждаю о гордости некоторых людей. Сие есть начало непристойных поступок, дурных стихов, витиеватого письма, которые смело выставляют обществу. Хотят слыть во своем доме или в городе разумными, и чтоб того достигнуть, нет дурачеств, кои не делают. Когда дурачества сделаны, тогда оные подкрепляют поношением других и поклепанием; теряют милосердие, как и рассуждение; и упадают из пропасти в пропасть так, как из смеха достойного поступка в другой такой же переходят, и погубляют душу, подвергаясь насмешкам. Ах, брате! для чего не могу обратити тя, сделать тебя умеренным и воздержным, как ты долг имеешь быть, и спасти тя от насмешек сего света и от погибели будущего? Сие я сказал, вышедши недавно из одного дома, где я находился не один. Тут видел я людей, коих с их позволения здесь опишу для общия пользы. Один из них рта не раскрывал, чтоб себя не хвалил, а других не бранил. Правду сказать, сие он смешивал с острою, коя однако, я ему объявляю, не может нравиться всем тем, кои чувствуют, что он тешит ум на счет и с ущербом добросердечия. Человек, который для показания остроты не жалеет матери, жены, сестер, братьев, друзей, каков бы умен ни был, достоин уничижения честных людей; ибо он нарушает добронравие и все должности. Что б же он ни говорил или сочинял на стихах или в прозе, из двух будет одно: или везде проглянет его дурное сердце, или все его сочинения будут полны противуречий; местами будут слабы, а местами с огнем. Отгадать же легко можно, что слабые места будут все те, где добросердечие и добродетели должны блистать; а наполненные жаром будут те, где острота со злостию место иметь могут. Сверх того такое несчастное сложение, наполненное злостию и злословием, при свободности языка и с острыми выражениями вред великий падесть может молодым людям; ибо иной, на то прельстясь, старается перенять, а другой угнетается, не быв сложением толь

дерзостен и имев с добрым сердцем дарования к полезным сочинениям, не осмелится дать воли своему здравому рассудку, который, однако, гораздо превосходнее у смысленных людей почитается блистающего и безрассудного ума, дурного сердца и злостного языка. Любезный читатель, хочешь ли знать, кого описываю? Вот он, говоря о сем или читая сие, сердится.

Другого я нашел тут, которого гордость столь обуздала, что он уверен был, что все то есть правда неоспоримая, что ему на ум ни придет. По несчастью же, как его голова была очень тесна, то часто великие нелепости поселилися в его смысле: и тогда уже он лучше любил изрыть всю вивлиофику неистовств и невежеств прежних веков для сыскашия доказательства, нежели признаться, что он ошибся. Но хотя труд его виден был, однако как предлог оказался без основания, то и доказательства ни к чему не служили, как ко утверждению слушателей во мнении, что гордость одна прямая сему твердому поступку причина; что еще более подкрепляла горячность, с которою всякое противуречие им принято было. Подобным людям причина есть жалеть, что введенная вежливость отняла у них род сильных доказательств, выходящий из употребления, а у невежливов бывший в обыкновении, кулаков вместо слов, дабы быть победителем над соперниками.

149

Из приведенных вышепомянутых примечаний нашел я нижеследующие достойными имети здесь место.

Есть род горячки, которая в прежние времена была смертоносна; потом она час от часа менее была опасностям подвержена. Ни весь по причине той, что врачи выучились лучше ее лечить, или оттого, что кровь чище стала с прочими в жизни переменами, кои мы у себя видели с 1700 года, то есть чрез шестьдесят девять лет. Новейший образ лечения, который с большою пользою употребляют лучше доктора в сей болезни, состоит ныне в неуважении оной и в неупотреблении никаких лекарств, так, что ныне смеются больным. Сия болезнь подвержена следующим припадкам. Человек сначала зачипает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от чтения книг: зачнет жаловаться на все, что его окружает, а наконец и на всю вселенную. Как дойдет до сей степени, то уже болезнь возьмет всю свою силу и верх над рассудком. Большой вздумает строить замки на воздухе, все люди не так делают, и само правительство, как бы радательно ни старалось, ничем не угождает. Они одни по их мыслям в состоянии подавать совет и все учреждать к лучшему.

Иногда несколько их съезжалося вместе, но сие прежде сего весьма прибавляло им опасности. Тут было что слушать: чего они не выдумывали для общей пользы? Иный, быв воспитан в набоженстве, хотел учредить при каждой церкви в государстве богодельню, позабывая, что столько нищих найти трудно бы было, а если б сыскались, вживений казны на то одно не стало бы. Иный по добросердечию хотел удовольствовать всех просителей, позабыв, что во всех тяжких делах есть истец и ответчик и что столько же бывает прихотей,

как действительных нужд. Иный жаловался, что правосудия нет; ибо несколько ябедников нашел, коим удачи не было. Иный хотел убавить роскошь, однако сам не отпускал от себя ни единого излпшнего служителя. Иные пеняли на скачку в городе, держав сами великое число бегунов. Иные хотели учредить безопасность в столице и на больших дорогах, но с тем, чтоб они ни единой копейки не платили полицейской должности и починка бы дорог на них не спрашивалась. Иные скучали, что не заключают оборонительного союза с китайцами. Но где все бредни сея болезни описать? одним словом, сия больные беспрестанно упражняются распоряжением всего на таком же твердом основании. Но упомянуть должно, что женщины имеют те же припадки; и они их далее распространяют так, как всякую вещь, коя им в руки попадает. Одна вздумала одиножды, что кроме ее у всех умы расстроились; погоди всем милости обещала и распорядила чужим именем на словах, как будто бы своим, твердя часто слова евангельские: приидите ко мне все труждающиеся и обремененныи, и аз упокою вы. Потом, отъезжая из одного места в другое, сказывала знакомым и незнакомым: увидите, как пойдет все навыворот; я в целости все содержала; только мочи не стало; я все покинула. Потом сделалась хожатым вместо разных аки правых особ и для лучшего объяснения дел, где надлежало, зачала весьма невежливою бранью негоциацию вместо покровительствуемых ею. Но везде приняли брань за брань, а недомогающую за большую. Другая так отягощена была сею же скорбию, что не могла уже почти вставать с одра; но, лежа, вздыхала о колобродствах нынешнего света, похваливая и оплакивая прежние драгоценные обычаи, говоря между прочим, что они были во многом чувствительнее нынешних. Печаливалась же она о сухощавых и сама похудела, видя жпр других; не могли делать рассказами и обняками ни добра, ни вреда никому, отомпала всем одною, однако, бреднею. В пей болезнь уже заматерела. Третья получила сей род горячки от долгов. Сия весьма хулила все то, что не служило ко оплате оных. Четвертая, имея домашние неудовольствия, вздумала, что весь свет имеет таковые же, и для того ворчала от утра до вечера, и ничто ей не мило было. Сия слушателям была очень скучна. Пятая имела при сих припадках жажду необычайную, а выпивши чарку, другую, умноживалися в пей мысли черного цвета; но точно нельзя было узнать, в чем неудовольствия ее состояли; ибо ни в чем недостатка она не имела, кроме того, что иногда языком немела.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ VI. 9 ФЕВРАЛЯ 1770 г.

Письмо г. Правдулюбова напечатано не будет. Оно задевает «Всякую всячину» и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно. В том же письме г. Правдулюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену; нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму и проч. Я сообщаю г. Правдулюбову, что подобных сему писем и впредь печатать не буду.

ЛИСТ XV. 13 АПРЕЛЯ

48

Подобных сим я получил еще четыре письма; в коих во всех приносится, инде с ласкою, а инде с бранью, на меня жалоба; мне же самому. Говорят: меня избаловали похвалами. Прошлогодний «Трутень» хорош, нынешний дурен, гадок... Господа читатели! господа читатели, остановитесь хоть на минуту! За что вы на меня гневаетесь? прошлого года кричали вы, что в моем издании, кроме ругательства и брани, подлых мыслей и проч., ничего нет, ¹ и за то меня бранили; браните и ныне за то, для чего нет в нынешнем издании подобных прежним сочинениям. Милостивые государи! скажите ж мне, кто из вас говорит правду и кого я должен слушать? Если правы последние, так за что меня бранили первые? Если ж правы первые, то не стыдно ли бранить меня последним? Я знал и прежде, что на всех угодить невозможно, а ныне узнал то опытом над самим собою.

Итак, господа читатели, не прикажете ли сказать, что прошлогодний «Трутень» большею частию правился вам для того, что это было еще ново; но по прошествии года все еженедельные сочинения вам наскучили. Не с одними ими вы так поступаете: всякая новость вас прельщает, а потом и наскучит. Ежели так, то не прикажете ли всякий месяц переменять заглавия... Наконец, оставляю вас рассуждать по произволению: оставьте только меня в покое; я вас не трогаю, не браните ж и вы меня.

49

Г. ИЗДАТЕЛЬ!

Скрепи свое сердце! Я поразить тебя намерен! Несчастный! ты не ведаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей реками слез твоих, ныне и без того грязно. Ну! укрепись и выслушай. Прабабка твоя госпожа Всякая всячина скончалась. Это еще скрывают, но через неделю о том узнают все. Бедный сирота! ты остался у нас один. Что я вижу? ты плачешь! Не плачь, бедняжечка, а мы, право, не заплачем. Во утешение твое сочиняю я твоей прабабке похвальное слово, и как скоро онсе окончу, то к тебе его сообщу. Ах, бедный Трутень! как ты мне жалок!

¹ Смотри «И то и сьо» и «Всякую всячину», еженедельные сочинения 1769 года, в которых брани мне написано очень много. Во «Всякой всячине», правда, что она относится к лицу г. Правдулюбова; во в «И то и сьо», без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и походит на П...., но я

Не умри и ты: ибо многие видят в тебе смертельные признаки. Добро вы, читатели! всех издателей переморили. ¹ Екие варвары! Ну, прости, голубчик мой Трутень; миленький Трутешь, пожалуй береги себя, не простудись: ныне еще погода не очень хороша. Прости, сироточка: живи невредимо на многие лета. Сего желает с превеликой печали о кончине твоей прабабки

Право позабыл, как меня зовут.

За сожаление благодарствую; печаль о кончине «Всякой всячицы» хотя и велика, однакож не такая, чтобы я позабыл, что мы все смертные. Впрочем, *много милости...*

ЛИСТ XVII и ПОСЛЕДНИЙ. 27 АПРЕЛЯ

57

РАССТАВАНИЕ, ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельности мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь: бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает; но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено: я бросил его опять, беру другое и хочу изъявить состояние души моей; но печаль затмевает рассудок; с какою скорбию возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подъячий, как читал указ о *лихоимстве*, повелевающий им со взятками

¹ У меня есть приятель; ремеслом один из тех, которые людей морят. Он меня заподлинно уверял, что моровое поветрие на издателей точно оттого сделалось, что они всегда бравились; а причиною тому были читатели; ибо они своими письмами их ссорили.

навсегда разлучиться; не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имени, пустить их по миру, а имение, беззаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал Кашей, когда несправедливо захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый Злорад, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортил его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет? печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю: буквы, мною написанные, кажутся малы и, следовательно, не могут изъяснить великость оных. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком: но ах! вместо песчинок я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лице и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшись с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей: но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнуете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? так-то вас печали других трогают? теперь неудивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопит слезами; но увy! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез: жестокие! вместо пропролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем не возможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить

двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

Полемика Новикова с Екатериной закончилась полной и блистательной победой просветителя. В бумагах Екатерины обнаружено ее письмо во «Всякую всячину», в котором коронованный автор, не сдерживая ярости, пишет о своем поражении. Но отказавшись от литературных средств борьбы, побежденная императрица прибегла к полицейским мерам — прекратив издание собственного журнала «Всякая всячина», она закрыла и «Трутенъ».

Письмо во «Всякую всячину» осталось неопубликованным. Приводим это письмо:

«Госпожа бумагомарательница Всякая всячина! По милости вашей нынешний год отменно изобилует недельными изданиями. Лучше бы изобилие плодов земных, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы нашу да оставили людей в покое: ведь и профессора Рихмана бы гром не убил, если бы он сидел за щами и не вздумал шутить с громом. Хрен бы вас всех съел».

Живописец

Третье издание

1775 г.

ЧАСТЬ I

НЕИЗВЕСТНОМУ Г. СОЧИНИТЕЛЮ
КОМЕДИИ «О ВРЕМЯ»
ПРИПИСАНИЕ

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Я не знаю, кто вы; но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности. Ваша комедия «О время!» троекратно представлена была на императорском придворном театре и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. — И как не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах; вы первый с таким искусством и острою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием; вы первый с такою благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие; и вы первый достоин по справедливости великия похвалы, во представлении вашей комедии оказанныя. Продолжайте, государь мой, ко славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единоплеменников ваших; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями: перо ваше достойно будет равенства с Молиеровым. Следуйте только его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица; порочный человек во всяком звании равного достоин презрения. Низкопоставленный порочный человек, видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только единой пером вашим угнетаются. А превосходительство,

удрученное пороками, пусть хотя в первый раз в жизни своей почувствует равенство с низкостепенными. Вы первый достойн показать, что дарованная вольность умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя; имя, всеобщая достойная похвалы: я никакие не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия. — Нет, такая слабость никогда не может иметь места в благородном сердце. И может ли такая ваша смелость опасаться угнетения в то время, когда ко счастью России и ко благоденствию человеческого рода владычествует нами премудрая Екатерина? Ее удовольствие, оказанное во представлении вашей комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям. Чего ж осталось вам страшиться? Но, может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тщусь проникать оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однакож почтение к вам мое никогда не умалится. Оно единственным было побуждением приписанию вам сочинения под названием «Живописца». Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное сочинение от единоплеменца вашего. Вы открыли мне дорогу, которая всегда я страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоплеменцев, вы поострили меня испытать в том свои силы: и дай боже! чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение. Если ж буду иметь успех в моем предприятии и если принесут листы мои пользу и увеселение читателям, то и за сие они не мне, но вам будут одолжены: ибо без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки. Впрочем, я останусь навсегда

вашим почитателем

Со[чинитель] «Живописца».

Н. П. Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений; но опасаясь отвлечь от упражнений ваших.

В Санктпетербурге, апреля 12 дня, 1772 года.

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить ко третьему. Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописцу» неотменно поставил бы на счет достоинства моего сочинения; но, будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас те

только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся; люди же, разумы свои знанием французского языка просветившие, полагая книги в число головных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми из Франции: как то пудрою, помадою, книгами и проч. В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: «Троянская история», «Синоцис», «Юности честное зеркало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» и другие некоторые. Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались, которые весьма бы были достойны занимать место самой душистой пудры, из Франции привозимой.

Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями. Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют для лучшего расхода своих сочинений.

АВТОР К САМОМУ СЕБЕ

Ты делаешься Автором; ты принимаешь название живописца; но не такого, который пишет кистью, а живописца, пером изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки. Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь? Ведаешь ли совершенно, какой предлежит тебе труд? Известны ли тебе твои свойства и твои читатели? Надеешься ли всем им сделать угождение? Взвесил ли ты беспристрастно свои достоинства и способности? Подумал ли, что худой Автор добровольно подвергает себя всеобщему осмеянию? — Ты молчишь: бедный человек! ты столько же поработен страстям своим, как и те, которых исправлять намеряешься! — Слышу твое возражение: как оно слабо и смешно. Ты говоришь:

— Вить другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне, имев столько же к писанию охоты, как и они; да еще и тогда, как все мои приятели уверяют, что я к писанию способен; ты один только упорствуешь и никогда на их не хочешь согласиться мнение.

— Выслушай мой ответ, твоими же скажу тебе словами: вить других пересмевают, для чего же ты примером их не исправляешься? Приятели твои льстили тебе или по легкомыслию, или в насмешку, или, наконец, по ложной благопристойности худое хвалить, дабы не раздражить хулимого: ты узнаешь, сколь опасны такие приятели! Я ведаю, что утвердить тебя в твоём заблуждении невеликого им стоило труда. Самолюбие твое было тем удовольствовано, и ты думал так: других пересмедали и оуждали для того, что они писали дурно. Я сам усматривал их погрешности; я буду стараться убежать от подобных и потому не только что не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить похвалу. — Как ты худо себя знаешь и какое заблуждение! Все писатели так думают, все так мысленно оправдываются, все так заблуждают, и все в других находят погрешности, а не видят только собственных своих.

— Посмотри на сего высокопарного *Невнопада*; он силится, напрягается, обещает гору, но всегда рождает мышь: все так о нем говорят; но он один утверждает, что все обманываются, — бедный автор!

— Взгляни на сего дерзкого *Кривотолка*; он безо всякия пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроу своего разума: он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодные поставляет равными наилучшим сочинениям славных писателей; но никто из разумных людей ему не верит, и всякий говорит: он истинный *Кривотолк*! Какая ж причина сему *Кривотолкову* заблуждению? Зависть, — бедный автор!

— Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях; но увидишь, что он больше досаждаёт и производит скуку, а смеется только сам, — бедный автор!

— В другом месте увидишь нравоучителя, порицающего всех критиков и утверждающего, что сатиры ожесточают только нравы; а исправляют нравоучения; но читатель ему отвечает: «Ты пишешь так сухо, что я не имею терпения никогда читать твои сочинения», — бедный автор!

— Там сатирик описывает пороки, язвит порочных, забавляет разум острою своего сочинения и приносит удовольствие. Некоторые читатели говорят ему: «Ты забавен; я читал тебя с приятностию, но ты едок; я тебя опасуюсь»; а прочие кричат: «Он всесветный ругатель!» — О бедный автор!

— Встречается со мною трагический писатель; он сочиняет трагедию и говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам, а не исправляет оных: такие сочинения не только что бесполезны, но и вредны. Одна трагедия имеет свою целию добродетель и научает оной и самих царей. Какая завидная участь!.. Но читатель ему отвечает: «Ежели твоя трагедия хороша, то тогда услаждает она мои чувства и питает разум; но, однакож, ведай, что до сея пиши охотников не много», — бедный автор!

— Писатель комедии говорит: трагедия показывает следы нравоучения тем людям, которые в оном не имеют нужды: научать таких людей, кои или уже добродетельны, или не слушают его нравоучения, есть труд бесполезный. Напротив того, комедия приятным нравоучением и забавною критикою исправляет нравы частных людей; язвит пороки, не дает им усиливаться, искореняет их: словом, из всех феатральных сочинений одна комедия полезна; но читатель ему говорит: «Знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмеваю», — бедный автор!

— Тут следует писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий для того только, что сии роды сочинений очень стары: он охотник выдумывать новое и для того пишет сочинение в таком вкусе, который с лишком за две тысячи лет откинут; ему читатель отвечает: «Напрасно ты трудишься; ты очень...» — бедный автор!

— Но мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские песни и на нежной своей лире воспеваёт златый век. Говорит, что у городских жителей нравы развращены, пороки царствуют, все

отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревьями, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаясь по мелким прозрачным камешкам, восхитительный производят шум. *Блаженство* в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тению того дуба, который с лишком три тысячи лет зеленым одевается листвею. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь; вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохладение. *Невинность* в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа во успокоении сему приятному внимает согласию. Сама *добродетель* в виде прелестных пастушки, одетая в белое платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается; вдруг перед ним показывается; пастух кидает свирель, бросается во объятия своей любовницы и говорит: «Цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!» Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидный сея жизни, однакож живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снега; а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем позабыли бы блаженство пастушеския жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: «*Чужую душу в рай, а сам ни ногою*», — бедный автор, ты других и себя обманываешь.

— Тут предстает пред мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят; их сочинения иногда читают; но ничего им не отвечают. — О прелебные авторы! ваша участь достойна сожаления! Но как исчислить всех? Болезни авторские, равно как и сами они многообразны. Писатели желают быть хамелеонами, преобразующимися по своему желанию и показывающимися наилучшими во всех видах, но редкие до сего достигают; прочие же всегда в одном, да и в худом показываются виде.

— Г. живописец, вот картина, изображающая тебе авторов; я не входил в подробности, но начертанием одним изобразил различные роды упражнения, для коего ты себя определяешь. Я не упомянул также о сей грозной туче, на труды авторские всегда устремляющейся; о сих острых критических языках, которые даже до буквы, неправильно поставленные, писателям никогда не прощают. Что будет со твоими сочинениями, когда и славнейших писателей труды не щадятся? Тебе известно, какие свойства, дарования и способности составляют хорошего писателя: они бывают редки, но когда бывают, тогда обожают их просвещенные чита-

тели. Итак, рассмотри себя, оставь сие упражнение. — Но ты молчишь; и я с досадою на твоём лице усматриваю непременно желанье быть Автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение.

— Нельзя, — ты мне отвечаешь.

— Так прости, бедный писатель; с превеликим соболезнованием оставляю тебя на скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных: что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый: слушай его критику без огорчения; следуй его советам; и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однакож, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим. Наконец требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал: ты отгадать можешь, что она называется *осторожностью*.

II

Приняв название живописца и сделавшись Автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей. Они, без сомнения, потребуют в каждую неделю поллиста моего сочинения: я им так обещал и почтенное авторское слово сохраню неотменно. Да для чего ж бы и не сохранить оно? — По моде нашего времени писать не трудно: благодаря бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем Автор. О времена! блаженные времена, в которые не учась грамоте станемися попами! Некоторые ненавистники писмян нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои, строгие судьи, устыдитесь своего мнения; оставьте ваше заблуждение: посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было или что вышло уже из моды: кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой мере мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием; да ето и похвально: для чего без нужды трудиться? На что разум, когда и без оногo писать можно? что в рассуждении и критике? — все ли захватить Автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете: а етот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические! вы только пустое делаете затруднение. А учение? — О! ета ненужная тягость совсем

брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют; вооружаются против меня; хотят делать опровержение моим правилам; я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня ответствовать вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду; вы держитесь моих правил, защищайте их: острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною: но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «Деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводят только деньги: какая от них прибыль, одно разоренье!» Детям своим вы говорите: «Расти только велик да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное нравочение! неоспоримые доводы: новая истина открывается свету! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, в вашем невежестве видно некоторое подобие славнейших в нашем веке человеческия мудрости Жан-Жака Руссо: он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны. Какие ужасные противоположники соглашаются утвердить вред, от наук происходящий! В первый еще раз сии непримиримые неприятели, *разум* и *невежество*, во единомыслие приходят. Прорицатели нашего века, славный Волтер, познай свое заблуждение: старики наши, паче тебя тягостию лет обремененные, никогда не говорят, что на четырех ногах ходить поздно. Послушаем теперь, как молодые люди о науках рассуждают.

— Что в науках, — говорит *Наркис*: — астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет: на что ж мне она? Мафиматика прибавит ли моих доходов? — Нет: чорт ли в ней! Физика изобретет ли новые таинства в природе, служащие к моему украшению? — Нет: куда она годится! История покажет ли мне человека, который бы был прекраснее меня? — Нет: какая ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее? — Нет: так она и недостойна моего внимания. Прочие все науки могут ли произвести чудо, чтобы красавицы в меня не влюблялись? — Нет: ето невозможность; следовательно, для меня все науки бесполезны. А о словесных науках и говорить нечего. Одна только из них заслуживает несколько мое внимание: ето стихотворство; да и оно нужно мне тогда только, когда захочется написать песенку. Я бы начал обучаться етому, да то беда, что я не знаю русского языка. Покойный батюшка он терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел: и сожалел, что он в ней родился; полно, етому дивиться нечему; она и подлинно ето заслуживает: человек с моими достоинствами не может найти счастья! То, что имею я, другой почел бы счастьем, но для меня етого мало! — О Россия! Россия! когда научишься ты познавать достоинства людские!

Так рассуждает *Наркис*; достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет как ангел; красавицы

почитают его Адонидом, а солюбовники Мартом, и все его трепещут; да есть чего и страшиться: ибо он уже принял несколько уроков от французского шпагобойца. К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски. Не завидный ли его молодец? не совершенный ли он человек? Читатель, скажи мне на ухо, каковы будут дети Наркисовы?

Худовоспитанник говорит:

— Науки никакой не могут мне принести пользы: я определил себя к военной службе, и я имею уже офицерский чин. Науки сделают ли меня смелее? прибавят ли мне храбрости? сделают ли исправнейшим в моей должности? — Нет: так они для меня и не годятся. Вся моя наука состоит в том, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности ко своим подчиненным. Науки да книги умягчают сердце; а от мягкосердечия до трусости один только шаг. Итак, пусть учатся и читают книги люди праздные; а я храбростию одною найду себе счастье.

Худовоспитанник точно так и поступает: его называют храбрым офицером, похваляют: отец его радуется, что имеет столь любезного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, сделал он прехраброе дело: его пожаловали бы большим чином, если бы он что-нибудь разумел опричь науки рубить шпагою. Но тут уже смотрят на него другими глазами и говорят: он был наилучший офицер, когда был под командою, но будет самый худой начальник. Как поверить ему полк? он ничему не учился, ничего не читал и ничего не знает. Вместо большого чина дают ему деньги: он считает себя обиженным, думая, что когда был он хорошим офицером, то был бы еще лучшим начальником. Он идет в отставку и говорит: достоинства не награждаются.

Худовоспитанник приезжает в другую неприятельскую землю, а именно на свое поместье. Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никакия жалости; нет у него и здесь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их *аркибузировать*. Там отнятием неприятельских земель служил он отечеству, а здесь отнятием оных у маломощных своих соседей делается преступником законов отечества. Правильно говорил *Худовоспитанник*, что науки для него бесполезны; не нужны они ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!

Кривосуд, получа судейский чин, говорит:

— По наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться; однакож я судья. Моя наука теперь в том состоит, чтобы знать наизусть все указы и в случае нужды уметь их употребить во свою пользу. Науками ли получают деньги? науками ли

наживают деревни? науками ли приобретают себе покровителей? науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь? науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет! так к чему же они годятся? Будь ученый человек, хотя семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ, то переучим мы его на свой салтык: буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки.

Щеголиха говорит:

— Как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины; а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. *Беспримерно*, как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотой лица; не для мафиматики дано нам острое и пронизательное понятие; не для истории награждены мы пленяющим голосом; не для физики вложены в нас нежные сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы были обожаемы. В слове *уметь нравиться* все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? наукам ли в нас удивляются? науки ли в нас обожают? — Нет, право нет: пусть ученая женщина покажется в ту беседу, в которой будут все наши щеголихи, украшающие собою женский пол: пусть она туда покажется: чорт меня возьми! ежели там с нею хотя одно слово промолвят. А ежели она говорить начнет, то все мужчины зевать станут. Счастлива будет она, ежели случится там несколько человек ей подобных: тогда по малой мере хотя не умрет от скуки. Но что ж она тем выигрывает? Не больше, как назовут ее ученою женщиною; да и то такие люди, которых самих называют *педантами*. Прекрасная победа! *беспримерно, как славна!* Ученая женщина! ученая женщина! фуй! как это *неловко*. Напротив того, ежели приеду я в такое собрание, то вмиг окружают меня все мужчины. Станут наперерыв хвалить меня: один удивляется красоте моего лица; другой хвалит руки; третий стан; иной походку; тот приятность моего голоса; иной превозносит нежность моего вкуса в нарядах: словом сказать, ни одна из безделок моих даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Все кричат: вот прекрасная, приятная и любезная женщина; вот чудесное произведение природы, вот совершенное ее сотворение: она мила, как ангел! Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу. Не успею я осмотреться, как уже тысячи найду обожателей. Один говорит, что он хотел бы быть вечно моим слугою, лишь бы мог иметь счастье всегда меня видеть. Как это много! *беспримерно* много; из благородного человека хочет сделаться слугою для того только, чтобы чаще на меня смотреть и удивляться. Другой говорит, что он оставил бы престол всего света, лишь бы мог быть моим любимым невольником: ужасная мысль! годится хоть в трагедию; по счастью, что он еще не король, а то бы и в истину он так сдурался. Но, однакож, его до такого дурачества не допустили бы. Но

как исчислить все, что говорят учтивые мужчины красавицам? Ласкательства их неограниченны, а учтивости бесконечны. Слыша это, как не восхищаться? как за учтивости не платить ласкою? Я так и поступаю: с одним поговорю, другого похвалю, на третьего брошу взгляд, поражающий его сердце, и так далее. Я ни одному ничего не обещаю, но, однакож, всех их к себе привязываю. Ужесть как завидно состояние щеголихи и как *беспримерно* жалко ученой женщины: божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках? — право, никакой.

Так рассуждает *Щеголиха*. Читатель, скажи, не правильно ли ее рассуждение?

Молокосос говорит:

— Я не хочу тратить времени для наук: они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее пред теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда недостает оных, тогда забираю в долг, и мне верят. Начальники мои не только что любят меня, но еще стараются угождать мне, делая тем услугу знатым моим родственникам. В любви счастлив я и без наук: всякая красавица за честь себе почтет быть моею женою. Куда я ни приеду, везде меня ласкают; все хвалят, удивляются моей живости, превозносят остроу мою; итак, по всему науки для меня бесполезны.

Читатель! прибавь от себя, как *Молокососа* все внутренно называют.

Волокита рассуждает так:

— Какая польза мне в науках? Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола? Науками ли им нравятся? Науками ли упорные побеждают сердца? Науками ли украшают лоб? Науками ли торжествуют над солюбовниками? — Нет: так они для меня и не годятся. Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, воздыхать кстати, хохотать громко, *сидеть разбросану*, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть *совсем развязану*; словом, дойти до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем: когда можно до этого дойти, то это значит дойти до совершенства в моей науке.

— В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют *резвым робенком*; и хотя ударят меня по руке и скажут: перестань, ты очень дерзок, — однакож я никогда от того не краснею. Слова: *я не в своей сизю тарелке* меня в таком случае извиняют. Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен. С которою *машусь*, ту одну хвалю; в ней одной все нахожу совершенства, а в прочих вижу только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они их и не имеют, довольно, что я тем делаю угодность моей красавице.

Необходимо также должен я уметь портить русский язык и говорить нынешним щегольским женским наречием: ибо в наше время почитается это за одно не из последних достоинств в любовном упражнении. Открытие любви должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы *дурачиться по-дедовски*. По-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было. Открытие делаю я всегда, как будто это не нарочно случилось; например: рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, вдруг перерываю разговор:

— Е! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? вить я влюблен в вас *до дурачества*: вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я *не в своей сизжу тарелке*.

— Шутить, — она мне отвечает: — жуешь как *славно* ты себя *раскрываешь*.

— *Беспримерно славно*, сударыня; что мне нужды, как вы это почитаете, *ревостью* или *дурачеством*, только я вам говорю в *настоящую*, что я *дурачусь*. Пусть я не доживу до *медного таз*, ежели говорю неправду!

— После такой клятвы бросаю на нее *гнилой взгляд*, а между тем начинаю хвалить ее и тут даю полную свободу языку моему; который, сказать истину, в таких случаях очень остер. Она часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себе похвалу; иногда усмехается, иногда удивляется и почасти говорит: *перестань шутить, вить неутешно слушать вздор*. После этого я даю свободу рукам; мне говорят: *это уж и вистинную глупость* — а я далее, далее; а наконец она и сама поверит, что это была не шутка. Потом бываем мы несколько дней смертельно друг в друга влюблены: и это называется *дурачиться до безумия*. Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *серинькой* ездим в английскую комедию; в *пестринькой* бываем во французской; в *колетца* в маскараде, в *медной таз* в концерте; в *сайку* смотрим русский спектакль; в *умойся* дома; а в *красное* ездим прогуливаться за город. Таким образом держу ее своим *болванчиком* до того времени, как встретится другая.

— Вот моя наука! она, без сомнения, важнее всех наук; и я знаю ее в совершенстве. Пусть ученый человек со всею своею премудростию начнет при мне строить *дворики*, то я его так проучу, что он ото всякой щеголихи тотчас на *четыре ноги* поскачет.

О великий человек! ты рассуждаешь премудро, наука твоя *беспримерно слава*, и ты так учен, что я *от тебя падаю*; ты *вечно посадил себе в голову вздор*: как тебе не удивляться!

Читатель! с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, потерпи пожалуй, все будет: только чур не сердиться.

III

ГОСПОДИН ИЗДАТЕЛЬ!

Ты охотник до ведомостей, для того сообщаю тебе истинную быль: вот она. У некоторого судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были некупленные. Судьи редко покупают. История гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требовавшей в приказе, где судья заседал, правосудия; коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами.

В комнату, где лежали часы, входили только двое, подрядчик и племянник судейский, человек приказный и чиновный. Подрядчик ставил полные два года в судейский дом съестные припасы, за которые три года заплаты денег дожидался. Правда, имел он на судью вексель; но помогает ли крестьянину вексель на судью приказного, судью, может быть, еще знатного? Редко вексель действие имеет, где судья судью покрывают, где рука руку моет, для того что обе были замараны. Подрядчик хотя невеликий грамотей, однако про это знает и для того пришел просить судью о заплате долгу со всякою покорностию: и в то-то самое время часы пропали. Племянник судейский, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека: играет в карты, посещает дома, где и кошелек опустошается и здоровье увядает; не было собрания мотов вне и внутри города, где бы он первый между прочими бездельствами пьян не напивался. Правосудию он учился у дяди, которого пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы, о коих дело идет.

Худой тот судья, который чрез побои правду изыскивает; а еще хуже тот, который всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует; как будто бы между благородными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев. Случающиеся примеры противное доказывают; и один прощелыга, обращающийся довольно в свете, утверждает, что больше бездельства и беззакония между дворянами водится, нежели между простым народом, называемым по несправедливости подлостию. Подлый человек, по мнению его, есть тот, который подлые дела делает; хотя б он был барон, князь или граф; а не тот, который, рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титлоносных людей превосходит.

Кто добродетелью превысит тьму людей,
Не знает славнее породы тот своей.

Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель в противность совести и

государских указов; однако сам у себя красть не стану; племянник мой также не украдет: он человек благородный, чиновный, а пуще всего мой племянник. Других людей здесь не было; конечно, часы украл подрядчик: он подлый человек, мне противен, я ему должен». Заключил, утвердился и определил истязывать подрядчика; хотя сего делать никакого права не имел, кроме насильственного права сильнейшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывал книги «О преступлениях и наказаниях», которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают. Рассуждая по сему и по многим другим подобным судьям, кажется, что они такие люди, кои уреченные только часы в приказах просиживают, а о прямых своих должностях, как о сирском и халдейском языках, не знают. О просвещении, дар небесный! расторгни скорее завесу незнания и жестокости для защищения человечества!

Уже страдает подрядчик под побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняют ему мучение. Чем больше невинный старается оправдать себя клятвами и призыванием бога во свидетели, тем сильнее виноватый повелевает его тиранить; чем больше подрядчик просит, плачет и стонет, тем безжалостнее судья усугубляет его мучение. Бедный подрядчик, чувствуя свою душу приближившуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую, не имея силы больше переносить мучения, принужден был наконец признаться в похищении часов судейских и чрез то прекратил чинимую над собою пытку.

Не столько любитесь щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала; не столько веселится мотишка, когда отец его смертью своею оставил его властителем своих сокровищ, которые он собрал, разоряя бедных просителей; не столько веселится и монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству: ибо он уповал не только не заплатить того, чем он подрядчику был должен; но еще надеялся и подрядчика сделать себе должным. В самом деле, в ту ж минуту со всем судейским бесстыдством наблюдатель правосудия сделал следующее предложение подрядчику: «Если ты не согласишься тотчас изодрать моего векселя и не дашь мне на себя другого в двух тысячах рублях, то ты будешь за воровство свое в трех застенках и пошлешься на вечную работу в Бальтийский порт. Все сие с тобою исполнится непременно: я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю. Но если сделаешь то, чего от тебя между четырех глаз требую, то будешь сей же час свободен, и твое воровство не пойдет в огласку; а для заплаты двух тысяч рублей даю тебе сроку целый год: видишь, как с тобою человеколюбиво и христиански поступаю;

иной бы принудил тебя заплатить и пять тысяч рублей за твое бездельство, да еще и в самое короткое время).

Истерзанный подрядчик, обливаясь слезами и произнося все на свете клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность; и признание в краже, говорит он, учинил для того, чтоб избавиться хотя на минуту несносного мучения. Уверяет судью, что не только не может он заплатить в год двух тысяч рублей, требуемых неправедно, но что все его имение почти в том и состоит, чем его превосходительство ему должен; что, получивши сей долг, располагал он заплатить положенный на него государев и боярский оброк; а потом себе, жене и малолетным своим детям нужное доставить. От сих слов пылает наш судья гневом и яростию и невинного подрядчика во свой приказ, яко поиманного вора и признание учинившего, при сообщении отсылает. Весьма скоро отправляются дела в тех приказах, в коих судьи сами истцами бывают; и редко случается от прочих судей противоречие в том, что одному из них надобно; хотя бы то было совсем несправедливо. Собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклеывает. В тот же самый день определение подписано было всеми присутствующими, чтоб допрашивать подрядчика под плетью вторично; и в тот же самый день сие бы исполнено было, если б ко счастью подрядчика не захотелось судьям обедать: ибо был второй пополудни час; и если б на другой день не было вербного воскресения и по нем страстной и святой неделей, в коих не бывает присутствия.

Подрядчик, заклепанный в кандалы и цепь, брошенный со злодеями в темный погреб, плачет неутешно: а с ним купно рыдают жена его и дети. Слезы его тем обильнее текут, чем больше уверен он во своей невинности; а вор, племянник судейский, в то самое время рыская по городу, присовокупляет без наказания ко прежним злодействам еще новые бездельства. Украденные часы проиграл он некоторому карточному мудрецу, который со всеми своими в картах хитростями беднее еще русских комедиантов. Карточный мудрец заложил их на два дни одному титулярному советнику, который по титулярной своей чести и совести только по гривне за рубль на каждый месяц процентов берет. Советник продал их в долг за двойную цену одному придворному господчику, который имеет в год доходу три тысячи рублей, а проживает по шести, надеясь, что двор заплатит все его долги за верную и ревностную службу, которая состоит в том, что он бывает дневальным. Придворный господчик подарил их своей любовнице, которая в неделю святой пасхи отдала оные вместо красного яйца прокурору того приказа, где содержался подрядчик, чтоб г. прокурор постарался утеснить ее отца, от которого она убежала.

По прошествии праздников заседания в приказах начались, и день для подрядчикова истязания и освобождения наконец настал. Судьи съехались, подрядчик к мучению был уже приведен, как

прокурор, приехавши после судей и удивившись раннему их съезду, вынул часы для проведения времени. Судья истец и другие присутствующие тотчас узнали украденные часы и без всех справок положили, что подрядчик оные продал той особе, от которой их прокурор получил; а чтоб подрядчика доказательнее в воровстве обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять расписку в покупке часов у подрядчика; коего между тем начали под побоями допрашивать о следующем: «Не был ли кто из богатых купцов с ним в умысле? Не крадывал ли он и прежде сего? Кому продавал краденные им вещи?» и пр. Расспросы сии делались, как сказывают, для того, чтоб из безделицы сделать великое дело, которое бы, может быть, никогда не вершилось; и чтоб ко оному припутать зажиточных людей, от коих можно бы было наживаться.

Покамест секретарь о путешествии часов осведомлялся, подрядчик мучимый насаждал то, чего никогда не делывал; и допросы, в трех тетрадях едва вмещенные, показали ясно, сколь много лишнего в приказах пишут, что не всегда нужны побои к изысканию злодеяния и что один золотник здравого судейского рассудка больше истины открывает, нежели плети, кошки и застенки.

Удивились судьи, когда секретарь донес и доказал, что часы у дяди своего украл племянник; а читатель беспристрастный удивится еще больше тому, что приказный секретарь не покривил душою и поступил совестно; но паче всего должно дивиться решению судейскому с тем мотом, который украл часы, и с невинным подрядчиком, дважды мучимым. ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно; а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут.

Повесть сия доказывает, г. издатель, что ничего нет для общества вреднее глупых, корыстолюбивых и пристрастных судей.

Покорный твой слуга

N. N.

IV

MON COEUR, ЖИВОПИСЕЦ!

Ты, радость, *беспримерный* Автор. — *По чести* говорю, *ужесть* как ты *славен!* читая твои листы, я *бесподобно* утешаюсь; как все у тебя *славно:* слог *расстеган*, мысли *прыгающи*. — По чести скажу, что твои листы *вечно* меня *прельщают:* *клянцусь*, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции*. Да и нельзя не так, ты *не грустен*, *шутишь славно*, и твое перо *по бумаге бегаёт* *бесподобно*. — *Ужесть, ужесть* как прекрасны твои листы! Но сказать, *вокруг нас*, ты в них многое взял на мпе: *уморить ли радость?* Вить мнение-то *Щеголихино* ты у меня подтяпал: — Ха! ха! ха! — *Клянцусь!* Спроси у всех моих знакомых, они тебе скажут, что

я всегда это говаривала: но это ничего не значит. Признаюсь, что я и сама много заняла из твоих листов.

Пуще всего ты *ластиишь* меня тем, что *никак со мною не споришь*; а особливо когда говорил о науках: ты это так *славно прокричал*. — Чорт меня возьми! — *как книга*. А притом ты всегда стараешься оказывать нам учтивости; не так как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих *вытащил* на театр: — Куда как он много выиграл? Я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*, ан, право, никто из наших сестр и учтивых мужчин и не улыбулся; а смеялись только... Он хотел нас одурачить, да не удалось. *Ужесть как славно* он забавлялся над бедным мальчиком *Фирлифюшковым*: со всем тем подобные ему люди останутся всегда у нас в почтении; а его *Дремов* никогда не выдет из дураков. Если б узнала я етого Автора, то *оттенила* бы сама его *бесподобно*. Я *никак* на него не сердита: он меня *никак* не тронул, однакож я и сама не знаю, за что я его *никак* не могу терпеть. В первой его комедии я и сама до *смерти захохоталась*: *ужесть как славно шептил* он наших бабушек; а эта комедия такую сделала *дистракцию* и такую *грусть*, что я поклялась *никак на именины* не ездить. Правда, ты и сам *зацепился*: но это шуткою; а за шутки мы *никак* не сердимся: напротив того, ты бранишь одних только деревенских дураков; да и *беспримерно*: *ужесть как славно* ты их *развернул* в 5 листе твоего «Живописца».

Ты *уморил* меня: точь в точь *выказал* ты дражайшего моего *папахина*. — Какой ето несносный человек! *Ужесть, радость, как он неловок выделан*: какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками: но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. То-то были люди! С матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были: брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: с едаким зверем жила сорок лет и не умела *ретираваться в свет*. Бывало, он *сделает ей грубость палкою*, а она опять в глаза к нему лезет. *Беспримерные люди!* таких горячих супругов и в *романах* не скоро *набежишь*. *Ужесть как славны!* Суди, топ соеуг, по етому, в какой была я школе: было чему научиться!

По счастью скоро выдали меня замуж: я приехала в Петербург: *подвинулась в свет, розняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор*, который *посадили* мне мои родители: поправила *опрокинутое мое понятие*, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я *никак* не ушла от беды: муж мой *в уме очень развязан*: да ето бы и ничего; чем глупее муж, тем лучше для жены; но вот что меня *терзает до невозможности*: он *влюблен в меня до дурачества*, а к тому ж еще и ревнив. Фуи! как ето *неловко*: муж *растрепан* от жены: ето, топ соеуг, *гадко!* О, если б не помогало мне разумное нынешнее обхожденье, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли, чем я *отвязываюсь* от етого несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся,

я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со своими *декларациями* и клятвами, что он от любви ко мне сходит с ума, то я сперва говорю ему: *отцепись*; но он *никак* не отстает; после этого *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену; но он *никак* не верит: и так остается мне одно средство *взять обморок*. Тогда *скачет* он по всем углам: старается помогать мне, а я тихонько смеюсь; *ужасно* как *беспримерно* много помогают мне обморочки: *божусь!* тем только и живу; а то бы он меня *залюбил до смерти*. *Бесподобный человек!* *Подари, радость*, хорошеньким советом, что мне с ним делать. Он до того *темен в свете*, что и спать со мною хочет вместе, — ха! ха! ха! Можно ли так глупо *догадаться!*

Шутки прочь, помоги мне: ты знаешь, *радость*, что от этого можно тотчас получить *ипохондрию*. Пожалуй *не задержись* с ответом; я на тебя *опущаюсь* и буду ожидать его с *беспримерным нетерпением*. Прости, топ соеуг.

P. S. Услуги, *Фреринька*, мне, собери все наши модные слова и напечатай их деташированной книжкой под именем «Модного женского словаря»: ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить. Только не *умори, радость*, напечатай его маленькою книжкой и *дай ему вид*; а еще бы лучше, если бы ты напечатал его вместо чернил какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили*.

За краткостью времени я никакого не могу дать вам совета. Потерпите, может быть кто-нибудь из читателей моих опын вам сообщит. Что ж касается до собрания «Словаря», то охотно бы вам тем услужил, если бы сообщили вы мне все слова, в вашем наречии употребляемые.

V

ОПЫТ МОДНОГО СЛОВАРЯ ЩЕГОЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ

A

АХ! в щегольском наречии совсем противное от прежнего пришло знаменование. Прежде сие слово изъясняло знаки удивления, сожаления и ужаса. Первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустишие. Но щеголихи всех их *лишили* сего *междометия*, переименовав его употребление. В их наречии *ах* большею частию преследуется сме-

хом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удивительный и ужасный *ах* переменялся в шуточное восклицание, да его и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки и под венцом стоя рыдали, а нынешние смеются; да притом же старый *ах* поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

П Р И М Е Р Ы

УПОТРЕБЛЕНИЯ СТАРОГО И НОВОГО АХ

Ах, какой он негодный человек! он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. *Ах*, как жалка его бедная жена!

Ах, как я сожалею об етом мальчишке! покойный его отец был мне друг и честный человек! он воспитал его по долгу родительскому очень хорошо, паучил его всему, вкоренил в него благонравие, честность и учтивость; да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как, бывало, плакивал етот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. *Ах*, как портит молодых людей худое сообщество, если они по несчастю в него попадают. Ну, если б бедный мой друг воскрес и увидел ныне своего сына, — *ах*, сколько бы он пролил слез! Но не от радости, а с печали!

Ах, я погиб! моя жена изменяет мне... она меня больше не любит! *Ах*, в каком я мучительном нахожусь состоянии! Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны? Любовь ее ко мне была беспредельна; ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки; и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно. — Но *ах*! все ето миновалось, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О проклятое вольное обхождение! ты одно могло отнять у меня жену! *Ах*, как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! *Ужесть, ужесть: я от тебя падаю.. Ах... Ха, ха, ха.*

Ах, мужчина, как ты неважен!

Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть; твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешишь могут. Ах, как ты славен: бесподобный болгарчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю; так вить бы я пропала с тобою. По чести: ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха! Ах, монкьор, ты уморил меня! Он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань, мужчина, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор! — Ах, как это славно! ха, ха, ха: необретаемые болгарчики! — Ах, как он славен; с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно! Перестань шутить: по чести у меня от этого сделается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня!

Б

БЕСПОДОБНО, БЕСПРИМЕРНО. Оба сии слова то ж имели знаменование у предков наших, как и у нынешних щеголих; с тою только разницею, что употребляют их не одинаково, или, лучше сказать, и совсем в противном смысле. Из приложенных здесь примеров усмотреть можно, что оба сии слова в русском наречии употребляются в одном прямом, но в щегольском наречии они часто говорятся и в ироническом смысле. Итак, употребление сих слов сделалось гораздо обширнее; да это и не худо: предки наши во всем очень были скупы; они всему, так, как и умствованию своему, полагали пределы: но благодаря бога мы избавились от сего гнусного порока. С того времени как начали думать, что познаем себя, мы во всем стали тороватее наших предков. Тесные пределы нам не нравятся, и мы во всем любим свободу; даже до того, что кафтанов и юбок узких не носим; а узкие *маньки*¹ совсем брошены и оставлены для употребления простому народу. Ныне в превеликой моде все вольное, покойное и широкое.

П Р И М Е Р Ы

Я был вчера в гостях у Дремова и там нашел многих из его соседей; и хотя беседа наша была немногочисленна, однакож весела: ибо там находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени проводили мы в разговорах; особливо рассуждали многие очень хорошо

¹ *Манька* по-старинному, а по-нынешнему муфточка.

о худом воспитании детей; и я утверждал, что ежели у кого дети худы, так те должны жаловаться на самих себя, потому что или нерачиво их воспитали, или слепую любовью ко детям сами их избаловали. Дремов в этом был со мною согласен и сказывал в пример собственное свое с детьми обхожденье. Все его хвалили за разумное детей воспитание; и мы так весело провели время, что я давно не чувствовал *подобного* увеселения. А притом хозяйки и хозяйка столько были нам рады, что не знали, как нас употчевать; и нам всякое у них кушанье казалось сахаром: да на это и присловица есть: *был у друга, пил воду, но лучше неприятельского меду*. Пуще всего полюбились мне дети Дремова: как они хорошо воспитаны! к родителям почтительны, к старшим и знатнейшим себя учтивы, к равным ласковы, к бедным снисходительны и милостивы; в разговорах их видно просвещенное науками рассуждение; и они так умели всем угодить и усладить беседу, что все гости, смотря на них, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще от того в восхищении! О, когда бы бог благословил меня воспитать так же и моего сына: какое бы в старости чувствовал я утешение! И мы единогласно заключили, что как сам Дремов *примерным* отцом, так и его дети по справедливости должны почитаться *примерными* молодецами.

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем неподобно его терзает; а он так тупен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем не ловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет.

ПЕРЕВОД СЕГО ПРИМЕРА¹

Редкие люди! Она любит его постоянно: а он совсем не знающ в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуз, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечный в голове беспорядок.

БОЛВАНЧИК. Предки наши, оставя прелесть идольского служения, из презрения ко своим кумирам называли их болванами; а деды наши, гнушаясь прежним суевением, означали дураков наименованием болвана в таком смысле, что дурак, равно как и болван наружное только с человеком имеют подобие. Но ни первые, ни последние никогда не употребляли сего слова в умень-

¹ Мне рассудилось некоторые из примеров со щегольского наречия перевести на общий наш язык: я не следовал точности слов, но держался смысла.

шительном степени, а всегда говаривали в положительном болван и в превосходительном болванище. Сия честь, чтобы грубые брани переделывать в приятные наименования, оставлена была почтенным нашим щеголихам. Они откинули положительный степень болвана и превосходительный болванища, а вместо тех во свое наречие приняли в уменьшительном степени *болванчика*; и чтобы более сие слово ввести в употребление, то рассудили сим наименованием почтить любовника и любовницу. Мужья и жены сим лестным названием не иначе могут пользоваться, как разве между собою будут жить по щегольскому нынешнему обыкновению. Сия благоразумная щеголих наших осторожность имела желаемый успех: ибо для получения лестного названия *болванчика* многие мужья и жены переменили старое обхождение на новое, щегольское; и от сего произросли уже желаемые плоды: чему примеров очень много. Напротив того, есть еще и такие пристрастные ко старым обычаям супруги, которые не позабывают изречения: *а жена да боится своего мужа*; и хотя они толкуют сие изречение неправильно и принимают оное совсем в противном смысле, однакож хотят лучше называться болванами, нежели *болванчиками*. Хотя, впрочем, *болванчик* слуху гораздо приятнее болвана. Трудно бы было сделать правильное заключение о произведении слова *болванчик*, если бы кто этого потребовал: ибо ежели произвесть его от болвана, *кумира*, то это было бы согласно со французским употреблением, *idole de mon âme*: *кумир моя души*, так, как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах; но это произведение весьма удалится от того смысла, в каком по щегольскому наречию любовь принимается. Итак, остается произвесть его от последнего болвана, *дурака*. Сие произведение кажется гораздо свойственнее щегольскому наречию, потому что это гораздо ближе к дурачеству. См. *Дурачество*.

VI

ГОСУДАРЬ МОИ!

Листочки ваши с великим удовольствием я читаю и ото вторника нетерпеливо вторника ожидаю. Я вам откровенно признаюсь, что они дурные привычки, начинавшиеся во мне вкореняться от частого с ненавистниками наук и с порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхождения, совсем истребили. Если теперь приведу себе на мысль заочные их друг друга осуждения, как они весят чужие малые пороки, не смотря на свои, которых и перевесить за множеством трудно, и множество других их беспорядков, то не могу без величайшего сожаления взирать на все их суетные убранства и мнимые их чести, почитаемые мною главнейшими источниками, из коих сердца их напояются ненавистью

к наукам, любовью ко праздности, омерзением к добродетели, желанием к мерзости исполненным делам. Сии единые чудовища, обезображивающие совершенства человеческие, затмевают изящество разума и душу, на блаженнейший конец устроенную, мерзят. Сии самые чудовища сделали, что госпожи здешние листочков ваших бегают как заразы, одни, из зависти покуная, оные жгут, другие с досады оными волоса завивают; иные называют вас сумасшедшим, бедняком, просиживающим целые ночи в соплетении сумасбродных лжей, чтобы достать себе чрез то пропитание, другие типографию, которая предаст тиснению ваши листочки, ругают и жалуются, что она ничего не смотрит и что, повидимому, скоро вся подлость сделается писателями и все предавать будет печати. Нет уже, сударыня, говорила мне одна барышня; здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни помотришь, везде ученый человек лишь сумасбродит и чепуху гонит. Посмотри, сударыня, как в других государствах все люди просвещены, какие хорошие учреждения, живут, с кем хотят, любят, кого желают, а здесь противно тому лишь только твердят: живи с мужем, люби его же. Вот какой рассудок! продолжала она: по их речам, если муж и состарее, то все его любить должно; для меня же это, сударыня, несносно: я девица, однако пятый десяток в спокойстве проживаю, и никто мне не скажет: живи с одним и люби одного.

Я сперва опасалась, чтоб не потревожить ваших мыслей такими их терзаниями, но напоследок, приведши на память себе ваш здравый рассудок, решила тем свое сомнение! Я, приемля участие в столь полезном для общества деле, прошу вас, не взирая на все такие их роптания, продолжать сей достойный вас труд, за который всяк особо вам и потомству вашему останется благодарным; плюйте на сии от ветра вертящиеся пустые мельницы, авось-либо дождемся, что дни сделаются красные и ветры стихнут. В прочем пребываю любительница ваших сочинений

М. С.

ГОСУДАРЫНЯ МОЯ!

Я не могу довольно испорченному здешнего города вкусу удивиться; известные вам некоторого дерзкого живописца сплетки все почти общество безрассудно покупает и хвалит оные *до безумия*. Я уже не дивлюсь старикам, что их хвалят потому, что они всегда под старость с ума сходят; но только то мне досадно, что и беднорожденные от них дети в цветущей своей юности слепотствуют во тьме невежества, последуют против воли своей их дураческим наставлениям, а наконец девица совсем делается не девицею; сидит как неодушевленная статуя, боится выпустить изо рта слово, а как в модном свете обращаться, того головою не смыслит. Тако-

вых состоянии, сударыня, достойно быть от всякого оплакиваемо. Пускай лишённые старики разума войдут в рассудок, пускай оставят детей своих последовать от натуры данной им склонности; тогда ясно они увидят, что дети их не к той науке, которую они им по неволе преподают, рождены. Чему же должно больше подражать, безрассудному ли жславию человека или врожденной в себе склонности? Не за безумие ли должно почесть, если данные нам очи обозревать все преизящные творения потупим мы в землю, устроенную для рассматривания подлым хлебопашцам? Не следует ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органам, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретим действовать? Сие-то называется дойти до крайнего невежества; а сумасшедшие старики почитают то в нашей сестре за похвальное достоинство. Впрочем, государыня моя, я живописца столько ненавижу, что если он придет мне на мысль, то я с ума схожу; браню, не знаю за что, всех и сама совестью, не знаю отчего, мучусь. Остаюсь
ваша доброжелательная, ненавистница живописца

Р. Г.

Я благодарю госпожу М. С. за хорошее о моем труде мнение и радуюсь, что листами моими сделал ей угодность и услугу. Хотел как я, чтобы они и многим другим принесли пользу: но это зависит уже от них самих, а не от меня. Впрочем, развратные толки девицы Р. Г. и подобных ей меня не беспокоят; пусть будут они делать заключения, какие им угодны: со всем тем останутся они в проигрыше. Беспристрастные читатели толкам их не поверят, а пристрастные хотя и прилепятся к их мнению, однакож тем не совратят меня с дороги, которую я избрал.

VII

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ!

Я превеликое имею желание с вами увидеться, но не знаю, где вас найти: нужда моя состоит в том, что я хочу написать мой и жены моей портреты на одной картине; и как вы в превеликой ныне в нашем городе находитесь славе, то и рассудил я просить вас о написании сея картины. Правда, что слухи о вашей работе, равно как и похвалы и хулы на оную весьма различны; но, однакож, это меня не отвращает от моего намерения. Я узнал из опытов, что люди вашего упражнения почасту навлекают на себя хулу и негодование тем самым, что делает им славу. Никогда не позабуду я приключения с одним портретным живописцем, от которого чуть не умер я тогда от смеха. Некоторая пожилая знатная госпожа,

услышав о том живописце, призвала его к себе и приказала написать свой портрет миниатюрною живописью. Живописец окончил свою работу с совершенным искусством и принес к госпоже: госпожа лишь только взглянула на портрет, то и закричала с удивлением: Ах!.. каким написал он меня уродом!.. Ето в семдесят лет старуха! Сколько морщин! какой ложный цвет в лице! — Она подбежала к зеркалу, и глаза ее не находили никакого сходства; хотя мы все, там бывшие, видели, что портрет написан был весьма сходно с ее лицом. Госпожа, рассердясь, бросила портрет в камин и вместо 30 рублей заплатила живописцу только 10; и после везде его ругала и уверяла, что он пишет прескверно: такова-та, государь мой, участь живописцев. Но я удалился от своего намерения; итак, возвратясь к оному, прошу вас уведомить меня чрез вашего переплетчика, где ваша квартира, я к вам приду и изъяснюсь с вами о предлагаемом мною труде. Поверьте, государь мой, что етот труд достоин вашей кисти. В прочем я есмь

ваш покорный слуга,

несчастный муж.

VIII

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА

Прогуливаясь третьего дни по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человек, которые превосходительство поставляют не в пышности названия, но в доброте сердца. Сей господин с обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом живописцевых листов, уверяя притом, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал: для чего я не издаю продолжения путешествия И***Т***.

— Без сомнения дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные, но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне сим вашим листом недовольны, однакож ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь по крайней мере угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю, — продолжал он, — почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий...¹ Кто не

¹ Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование.

согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением: тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в недоумку государственные поборы; отчего происходит то, что крестьяне наши бывают бедны; отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?.. ¹ Не все ли сие истекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус: я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на них сатира?

— Итак, верьте, — примолвил он, — что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому: но коль чудно и странно сие пристрастие! Как? защищать упорно такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.. Я знаю еще недовольных вашим листком; но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение: ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения; и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели оуждали, что вы не с той стороны принялись за сию сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного; что подлости одной свойственно утопать в пороках; и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однакож будто они, яко благородные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: *наказу их изглом беззакония*: и подлинно, они часто наказываются беззаконием! Что по их мнению

— Мы привыкли, — продолжал он, — перенимать с жадностию все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковерность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие

¹ Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан: все английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастю, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною вольностию, а пыне английскую грубость именуем благородною великостию духа. Я говорю это, — продолжал он, — не в поношение обоих сих народов: ибо всяк ведаёт, что французы и англичане весьма много имеют доброго; но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть пооглядится; я уверен, что он много найдет сему подобного

Некоторые из нас удивлялись шатавшимся провинциальным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однакож, они нам не удивительны, потому только, что они русские.

— Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают тот ваш листок в английском вкусе написанным? Ибо в Англии дворяне критикуются, равно как и простолюдины. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное*; может быть, что это название вместо порицания привело бы его в моду. О времена! о нравы! — сказал сей господин, вздохнувши.

После сего усиленно просил он меня, чтобы продолжение и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием *Английской прогулки*. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однакож, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам истинно благородным. Итак, в удовольствии его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалось мне необходимо нужным.

IX

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Не знаю, как в Петербурге, а у нас в Москве много вам чести делают ваши листочки. Что касается до меня, я о том только и думаю, чтоб они у меня были в полном собрании: и потому, что я не из тех числа, у коих пустые сказки преимуществуют пред благонамеренными сочинениями; и потому, что я весьма услаждаюсь, когда те произрастения, коими другие места к великой своей славе изобилуют, нахожу и на наших полях. Желал бы я,

чтоб Россия, любезное мое отечество, меньше имело нужды в типографических товарах, выписываемых по милости иностранцев! Если какое находит она препятство к тому, чтоб нарешиися ей за превосходные свои совершенства несравненною под солнцем страшною, то другого нет кажется, как сей токмо недостаток. Как вы думаете, господин живописец? Извинительны ли те, кои при всем том, что их и природа расположила, и науки уготовили, и известность воздаяния поощряет в сходственность их способностям трудиться, только что других критикуют? Мне кажется, лучше бы им быть слушателями критики, а не произносителями. Обуздайте слабость свою, о вы, наук питомцы! и признайтесь, что тех дней, кои вам осталось доживать, едва станет на заглаждение и одной вашей лени. Время приступить к лучшему; а особливо что никакого нет сомнения, будут ли ваши упражнения уважены, когда монаршеская щедрость ко вступлению в оные еще и приглашает вас. Смотрите, чтоб тот источник, который составляет и славу вашего имени и награду трудов ваших, со временем не затворился. Извините меня, государь мой, что я его, на вашей кафедре ставши, прокричал.

Ваш усердный слуга

Прошу не погневаться.

Р. С. Прошу меня уведомить, не противно ли будет вам, если я почаще к вам буду писать. Я бы недурным был в вашем искусстве подмастерьем, если позволите мне сообщать вам мои воображения.

Июля 2 дня, 1772 года, из Москвы.

X

Господин живописец! поместите, пожалуйста, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтоб вы исполнили просьбу

вашего покорного слуги

П. Р.

ПИСЬМА К ФАЛАЛЕЮ

1. Письмо уездного дворянина

к его сыну

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье: таки так ли ты поживаешь; ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их; вить это не шутка;

меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовный, ильинский батька. Он был болен черною немочью и по обещанию ездил в Киев: его бог помилował, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез етот канонник и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свинными да стягом говьяжьим. Не тем-то покойник свет будь помянут! он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грешки дорогоныки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза: прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему больше: прости господи, вить не рожна? Да полно, нынече и вищо-та в сапогах ходит: екое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что все хорошо делают: поетому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность: да чорт ли ето слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своєю волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: встарину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынече и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брат не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти из службы да поехать за море; а не слыхат, что там делать? хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на ето лекари: отнесешь ему барашка в бумажке да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так ето наверстаешь: был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалеюшка, не запомнишь етого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об етом подумать; вить уж скоро и женихи станут свататься; а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается; сказывают, что великие затеи: колокольню строят и хотят сделать выше Ивана

Великого: статочное ли ето дело; то делалось по благословенню патриаршему, а им как ето сделать? Вера-та тогда была покрепче; во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынече она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все ето проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть в аде. Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства: провались они проклятые! Нынече и за море ездить не запрещають, а в «Кормчей книге» положено за ето проклятие. Нынече все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за ето также положено проклятие; нельзя только взятки брать да проценты выше указных: ето им пуце пересола; а об етом в «Кормчей книге» ничего и не написано. На моей душе проклятия не будет; я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогачеть: вить не всякому бог даст клад; а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать? Пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней делают? Секу их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики: господь на нас прогневался; право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед Брюжжалов; и привез с собою какие-то печатные листочки и, будучи у меня, читал их. Что ето у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне? чего они смотрят, да я бы ему проклятому и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился? какой-нибудь немец, а православный етого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами; а того проклятый и не знает, что встарину тираны бывали некрещеные и мучили святых: посмотри сам в «Чети-минеи»; а наши мужики вить не святые: как же нам быть тиранами? Нынече же ето и ремесло не в моде: скорее в воеводы добьешься, пежели во... Да полно, ето не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны: едакая беда! неужто хочет он, чтоб мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да етого и господь не приказал: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: *работайте господеву со страхом и радуйтесь ему с трепетом. Примите наказание, да не когда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его.* — Да на что они и крестьяне: ето такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и неведь что затеют. Вот те па, до чего дожили! только я на ето смотреть не буду: ври себе он, что хочет: а я знаю, что с мужиками делать ¹ О, коли бы он здесь был!

¹ Я печто выключил из сего письма; такие мнения оскорбляют человечество.

то-то бы потешил свой живот: все бы кости у него сделал как в мешке. Что и говорить, дали волю: тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Едакие люди, за себя не вступятся! Вить и бояре с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все таки также по-русски, и их крестьяне не богате наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; так знаешь ли, по чему он с них берет? стыдно и сказать: по полтора рубли с души: а угодьев-та сколько! и мужики какие богатые: живут себе, да и гадки не мают, богатее иного дворянина. Ну, а ты рассуди сам, какая ему от етого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскал в свой карман, так бы ето получше было: едакий ум! то-то, Фалалеюшка, не к рукам едакое добро досталось. Кабы ета деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Ех! перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку: полно, друг мой, вить ты уже послужил: лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и налетка; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно и было за ето людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! Перемен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом; да ето нет ничего, лучше смотрят. За сим писавый клаяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

XI

2. Сыну моему Фалалею

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя проклятого учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе окаянному в наставление, а ты ето письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханное ли ето дело, чтобы дети над отцами своими так ругались? Да знаешь ли ты ето, что я тебя за испечение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меша бог

и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки: вить недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтпие, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить: пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то вить ты знаешь, что нынече время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За чеством, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты зато здоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают; а которые постарес, так те чуть дышут: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего, великая економка: у нее ни синеи порох даром не пропадет; такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе будет чем жить и oprичь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить, ты вить уже не малый ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где, бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то,

когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу, нечего, правду сказать, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла ето дело розыскивать; и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладон дышет: я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать, что, Фалалеюшко, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава богу, живы: авось-таки который-нибудь удастся по матери; а мне уж едакой жены не наживать. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться: я было уже к ней привык, тридцать лет жили вместе: как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну, да как без етого; живучи столько вместе, и горшок с горшком столкнется: как без того! Я крут больно, а она неуступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый клашяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

XII

3. Свет мой Фалалей Трифонович!

Что ты ето, друг мой сердечный, накудесил? пропала бы твоя головушка: вить ты уже не теперь знаешь Папкратьевича: как ты себя не бережешь; ну, кабы ты беднецький попался ему в руки, так вить бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нсчего, Фалалеюшко, поровок-ат у него, прости господи, чертовский; уж

я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать; вить ему все соседи смеются: экой-де у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно, вить, Фалалейшко, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят: бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще: с ним и чорт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее да хоть солги что-нибудь; вить это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего; и все дети не праведники: как перед отцом не солгать? Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постеле. Не умори ты меня безвременно: приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит; нечего, очень худо; обрадуй, свет мой, меня: ты вить у меня один-одинехонек, как синей порох в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было сыповей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоим ангелом да отдам тебе все мои деньжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила: вить для тебя же, мой свет; отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться? Твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалейшко, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши; я это сделала украдкою; кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное: свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку; этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты с едаким чортом, прости господи, сделаешь? Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно приезжай; дай мне на себя насмотреться: сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшко; прости, свет мой: благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой: не позабудь меня.

XIII

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу

от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье; и при сем желаю тебе многолетнего здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дня.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы; також и отец твой Трифон Папкратьевич здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна, что подыметь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом да фарсульской богородицей, а меня неопалимой. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тороватее стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образов-то и своих есть сотня места, да не едаких: как жар вызолочены; а эта, брат, неопалима подлинно что не обожжет; и окладишко весь почернел: бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особорова-лась; хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшко, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать. Уж я ей говорил: ай, Сидоровна, исповедайся: вить уже ты в гроб глядишь; так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай, давай попа, да уж зато в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшко, так будет притоманно жив; а кому умереть, тому и ворожей не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшко! вить матушка твоя скончалась: поминай, как звали. Я только теперь получил об етом известие: отец твой, сказывают, воеет, как корова. У нас такое поверье: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой Фалалеюшко, приезжай бога ради поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, спречь к приказным делам, да только где похлебнее, на приклад, в экономические казначеи, или в управители дворцовых волостей, или куда-нибудь к подрядным

либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побывать, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал да деревяню тысяч в пять. А не совсем таки разорился: бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в ету пору определились. Не житее им, масленица! Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в едакие управители: перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшко, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадетя, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? я и сам попался было одиножды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда прпехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах; а писать-то страховато, неровно кому попадетя в руки, так напляшешься досыта. При сем во ожидании тебя остаюсь дядя твой

*Ермолай ***.*

XIV

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат живописец! на шутку, что ли, я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестьи. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, верного и честного титулярного советника; ведаешь ли ты, что и в *подлости*¹ есть присловица: *не пойман не вор, не...* А ты, забыв законы духовные, воинские

¹ Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкрасло мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однакож не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте: кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил: правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру; да это дело постороннее, и тебе до него пужды нет. Как перед богом не согрешить? как царя не обмануть? как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата: а это дело особое: у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога дом у него как полная чаша, то хотя и украдешь, так не убудет. Глухой человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка; а другое преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секали кнутом: блаженной памяти при ***** это случалось; но ныне благодаря бога люди стали рассудительнее, и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят: да это и дельно; не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпускают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупый человек, что ты умничаешь попустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин в бытность мою у него рассуждал о тебе так: он-де делает бесчестье всем дворянам, пища едакие письма; что-де подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты

Понимаешь ли ты, что и верить етому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает; а это называется брехать на ветер. По-нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слышал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец сказал, увидя, что — да полно, вить не все надобно говорить, об ином полно что и подумаешь. Ну, брат маляр, образумился ли ты? послушай, хотя ты меня и обидел, однакож я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделасься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую; заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему числу, жене моей вдвое, трем

сыповьям недорослям в полы против моего жалованья, четырем дочерям моим девицам вчетверо каждой; а к тому времени авось-либо бог опростает мою жену, и родит дочь, так еще и пятой запла-тишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри, не испортишь етого сам и не разоришь себя. К едаким тяжбам мне уже не привыкать; я многих молодчиков отбрил так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать живучи в деревне отставному человеку? чем-нибудь надобно промыслять. Многие изволят умничать, что живучи в деревне можно-де разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством; да я едаким вракам не верю: хлеб таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об етом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье; нет-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно: но пусть они скажут мне, что почтеннее, честь или деньги? что прибыльнее, честь или деньги? что пужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю; да я думаю, что и многие хотя не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. И так, рассудя хорошенько, пожалуй послушайся меня и не заводи тяжбы: так мы и останемся приятелями; а ето нет ничего, что ты меня выбранил: *брань на вороту не виснет*, лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом постарайся уговорить племянника моего Фалалея***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатанья. За сим остаюсь

дображелатель Ермолай.

Октября 22 дня,
1772 года,
из сельца Краденова.

XV

ПИСЬМА К ПЛЕМЯННИКУ

1

Любезный племянничек,

здравствовать тебе навеки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли ето; ежели правда, так скажи пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не при-

неволиваю итти ни в придворную, ни в военную службы для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по-твоему; а притом и службы сии никакой не приносят прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь итти в приказную? почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли; но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди: нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян; а ныне благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением нажил около трехсот душ: не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди; да нажил бы еще и не то, ежели бы прокурор со мною был посогласнее: но за грехи мои наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он как *козьи рога, в мех не лезут*; и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища секретаря и прочих, так бы у меня в мошне не было ни пула. Прокурор наш человек молодой, и сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве потому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, но пути нет ни в одной. Я однажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся? Я на все его книги святцев своих не променяю. Научился делать вирши, которыми думал нас оплетать; только сам он чаще попадаетея в наши верши. Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам; а у нас в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело; а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию: в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно: но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда; тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнее. Во всех делах положиися на меня, а ты со стороны, ни дай ни вынеси, будешь брать жалованье; а коли будет ум, так и еще жалованьев полдесяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет. А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет невелика: отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить;

то худо, как прожито чем жить: а как нажито, етого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся етого места. Ты вить уже не маленький робенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень брешь с горошком, так надобно самому наживать; а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься; хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, который себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю все тебе. Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка; пожалуй подумай о сем хорошенько и меня уведомя. Остаюсь дядя твой. . . .

2

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На последнее мое к тебе письмо с лишком год дожидался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюсь, откуда взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду; да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаяся в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты под присмотром горячо любившего тебя родителя жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал; а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наша братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч.: и не только мы, простолудимы, но и священный левитский чин тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправлять мог службу? Куда ето все девалось? Всеконечно создатель наш за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному дияволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет; аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели, ежели то правда, что я о тебе слышал; сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный услаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из тех книг? Вере ли несомненной, без нея же человек спасен быти

не может? Любве ли к богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде; и короче сказать, грешил, и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу: исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видимая; всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших. О ты, всеисильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего диявола, непусти ему погубити до конца творение рук твоих; послы от высоты престола твоего спутницу твою и святыя истины, премудрость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю в день раз по пяти с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов; ибо я и все домашние мои во весь год, кроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! Мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле, а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманывашься, дружок: и в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет едемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: *за взятки надлежит наказывать; надлежит исправлять слабости, чтобы не родилися из них пороки и преступления.* Ведаете ли вы, несмысленные; ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного токмо духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взятков.* Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость?* Разве думаете, что вы сотворены

не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земли, гордитесь не свойственной сложности вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюсь, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, развершися, не пожрет во свое недра, стыдяся, что таковых во свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек, и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость! Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься; оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать*. Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедывают добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божия неиспытанны: и как познавать вам небесное, когда не понимаете и земного? помни только то, что *земля еси и в землю отыдеши*. На что тебе учиться речениям иностранным; язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти; но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона; они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но, чтобы со-вратить с пути истинного и не знающих чужеземских речений, вы такие книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют К****. Безрассудные! читая такие книги, стремитесь вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вешные мучения. Из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра страха божия осталась, какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак, в последние тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда; а петербургские свои шашни все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни: итак, делай сие дело скорее и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьбою и моим по смерти достойным наследником. исполни, Иванушка, мое желание, погребви меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения; проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню,

не жалей ничего; а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба, на земли поживши по своему желанию, водворимся в место злочно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня; вить я тебе не лиходея. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь дядя твой ****.

XVI

ЛЕЧЕБНИК

1

Для его превосходительства г. Исдоума

Сей вельможка ежедневную имсет горячку величаться своею породю. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут; а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает ниже имени подлости; а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал. Не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаясь смертельного обморока, который непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможка, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою: или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился. Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен; о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были опорочены для того, что изобретатель для произведения в действо своей выдумки требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможка наш ненавидит и презирает все науки и художества и почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать ничему не учася; философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского, Гербовники и патенты, сдва, едва от пыли и моля спасшиеся, суть

одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы, на которых имена его предков росписаны в кружках, суть одни картины, коими весь дом его украшен; короче сказать, деревья, чрез которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. Недоум о себе думает противное и по крайней мере в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные дома, скипажи и ливрею, несмотря что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения г. Недоума от горячки

РЕЦЕПТ

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям; ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество: но она всегда будет обеспечена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, екипажам и ливрее.

2

Для некоторого судьы

Старайся знать потребные для твоего звания науки, без них ты никогда не будешь уметь правильных делать заключений и догадок. Человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть руководителями твоего сердца. Берегись невежества глухих господчиков и дерзости, с которою они обо всем решительно, но неправильно судят; беги праздности, лени и самолюбия, они враги суть чести, добродетели и истинного человечества. Когда ты все сие истолчешь в порошок и пересыплешь им свое сердце и мозг, тогда будет судия отец, судия истинный сын отечества, а не судия палач.

3

Для некоторого военного человека

Когда ты перестанешь гордиться чином, презирать мещан и крестьян затем только, что они бесчиновны; бесчеловечно увечить себе подчиненных; когда ты станешь исправлять их ласкою

и своим примером, а не строгостию и мучительством; когда ты возьмешь по целому фунту следующего, а именно: любви к отечеству, желания ко истинной славе, благоразумной неустрашимости, знания в военном искусстве, покорности к начальникам, снисхождения к подчиненным и терпения в нужных случаях, тогда по справедливости достоин будешь тех лавров, коими ирои украшаются.

4

Начеркал сочинил вздорную пиесу и вздумал, что он может ровняться со всеми славными комическими писателями. Сие произошло от пристрастия и самолюбия; с тех пор не терпит он сочинителя новой комедии за то только, что его пиеса хорошо написана и что она всеми разумными людьми похваляется. Наконец, от первых болезней приключилась ему новая, опаснейшая прежних: он стал злоязычник и всех тех ругает, кто не похвалит его сочинений. От той болезни

РЕЦЕПТ

Всякий день должен он читать свою пиесу по два раза, сличая с тою, которую он обокрал; продолжать оное чтение три месяца, что произведет в нем отвращение от той его пиесы; тогда увидит он свои недостатки, и самолюбие уменьшится; злоязычество же, происшедшее от самолюбия, есть болезнь неизлечимая.

5

Простосерд недомогает болезнию, именуемую *слепая доверенность*. По причине сей болезни судит он о всех по себе, всем верит и думает, что люди не могут быть злыми затем, что добрыми сотворены. Сие мнение часто ему плачено было худо: но он и тогда говаривал, что сие делалось по слабости человеческой, а не по злему намерению вредить ближним. От такой его опасной для него болезни прописан следующий

РЕЦЕПТ

На всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца с ним говорящих людей. Сие от той болезни его, конечно, излечит: но притом должен он употреблять свое добросердечие, от чего и сделается честным здоровым человеком.

6

Незрел вспыльчив, имеет бегучие мысли, но не совсем осповательные, а сердце кажется что доброе. По такому его нраву с ним случаются следующие болезни: от безделицы покраснеет, взбесится и в состоянии сделать всякое дурачество в своей запальчивости; а иногда он смеется тому самому, за что бесился, и в добрый час сносит наивеличайшие обиды. Бегучие мысли заводят его под небеса, но, дошед до своих границ, низвергают в заблуждение, и тогда он сердится сам на себя. Во гневе не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: он всех перебьет; когда же спокоен, то добросердие его всеми видимо: оказывает услуги по своей возможности не только что своим приятелям и знакомым, но в состоянии одолжить и такого человека, которого видел не более двух раз и не знает иногда, как его зовут, от чего часто претерпевал убытки. Сему болящему следующий

РЕЦЕПТ

Не полагаться на свои мысли и при начатии каждого дела подробно рассматривать свою способность и силы. В запальчивости своей пить ему холодную воду и продолжать до тех пор сие питье, доколе сам не начнет смеяться своему дурачеству. От излишнего же добросердечия потребно ему золотников 12 недоверчивости.

7

Для некоторого купца

Ваша милость имел случай с помощью подкупленных тобою бояр, судей и подьячих набогатиться от откупов и подрядов, или, лучше сказать, от разорения народного. Хотя наполнил ты мешки свои серебром и золотом, но, видно, не наполнил ты головы своей разумом; презирая науки и почитая за грех читать светские книги, ты стараешься выйти в другой свет, в коем ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворянином и иметь чины; сыновей женить на дворянках, а дочерей выдавать за дворян. Желать надобно, чтоб сие сбылося; ибо ничто не вылечит так скоро твоей алчности к чинам и дворянству, как то раскаяние, когда новые твои сродники все твое без совести нажитое имение промывают.

8

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает,

собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их накло-нения своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле расprostируются. Он тогда думает:

«Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды и день и ночь, работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка: они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора». В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снёси хлеб твой*.

Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, затем что насилию могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благословляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает.

Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком. Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения: то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки господа, господа отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобразим нужное подчинение в несносное иго рабства. Но Безрассуд всегда твердит: *я господин, они мои рабы; я человек, они крестьяне*. От сей вредной болезни

РЕЦЕПТ

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

9

Для госпожи Смех

О ты! которая, будучи пятидесяти лет, стараешься казаться осмнадцатилетнею; ты, которая всякий день пять часов просиживаешь перед зеркалом, в котором учишься косить разнообразно глаза свои, делать ужимки, бросать взоры нежные, страстные, застенчивые, горделивые, печальные и отчаянные. Ты, которая

через смешение разных красок, порошков и умываньев представляешь глазам нашим не естественное лицо свое, но маску распещренную. Не пора ли тебе, сударыня, образумиться и не делать из себя, с позволением сказать, смешной дуры. Леты прелестей твоих протекли и оставили в доказательство того на лице твоём морщины, в кои пикто уже больше не влюбится. Не изволишь ли полечиться и принять следующее лекарство: оставь неприличное тебе жеманство, брось румяны, белилы, порошки, умыванья и сурмилы, которые смеяться над тобою заставляют. Храни по крайней мере хотя в старости твоей благопристойность, которой ты в молодости хранить не умела, и утешай себя напоминанием прешедших своих приключений. Поступая таким образом, не будешь ты ни смешна, ни презрительна.

10

Для г. Скудоума

Скудоум, сынок приказного человека, грабившего целый свет, имеет следующие болезни: он презирает свою почтения достойную супругу, которая не только что его сделала счастье, но и всей Скудоумовой фамилии: а Скудоум, не чувствуя нималой к ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение паносит бесчестье. Друзей иметь не может затем, что много если месяц с кем знается, а то тотчас сыщет причину поссориться. И, следуя наставлениям одного пооглядывшегося в свете бродяги, пользующегося его малолумием, лазит по голубятням, гоняет голубей, держит петухов, кои бьются между собою, и кормит разного роду мерзких собак. Славные авторы заключены у него в шкапе красного дерева с разбитыми стеклами, от частого чтения моль половину их пересела, а остатки покрыты пылью. Вот какая участь авторам, попавшим в руки невежи! От сих болезней следующий

РЕЦЕПТ

Как все Скудоумовы болезни происходят от недостатку разума, то потребно ему принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, наросшие на его мозгу.

11

Первая моя соседка, госпожа Непоседова, больна припадком ездить из дома в дом беспрестанно; переносить вести, ссорить друзей, супругов и всех, кого случится. Сие делает от доброго сердца;

ибо она всех любит равно; итак, если где услышит о ком слово, то уже не преминет пересказать действительно из одного сожаления. Сие ее сожаление часто производит ссоры, и для того потребен ей от сей болезни

РЕЦЕПТ

Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономною. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на бесполезные ее выезды, и она не сделает столько вреда и друзьям своим и самой себе; а между тем принимать ей по три порошка в день, составленных из *благоразумия* и *истинной дружбы*, которые произведут в ней побуждение ко услуге ближним и истинное дружество, основывающееся на чести и добродетели, и нечувствительно вселит отвращение от вредных пересказываний.

12

Г. Мешков имеет болезнь для своего прибытка честных людей поносить. Он обманывает всех по своей возможности; в глаза льстит, а заочно ругает и для получения какой-нибудь вещи не щадит ни чести, ни добродетели, ни совести, ни законов. Он содержит роспись всем женщинам, с которых во Франции и Голландии собирается пошлина; знает, которая из них с кем знакома, познакомилась или поссорилась и за что. Он ежедневно рассказывает премоножество новостей, хотя оные в городе и не случались; показывает себя ученым и честным человеком; критикует поступки всех граждан. Дела всякие решит, показывая свою остроту; выдумывает новые изобретения и никогда оные не исполняет. Словом, ежели бы избирать надлежало из бездельников министра, так бы лучше его сыскать было невозможно. Ему потребен рецепт.

Примеч. Для г. Мешкова не мог я прописать рецепта по причине многочисленных его припадков. Для его выздоровления непременно надлежит собрать совет: я не могу сказать утвердительно, но кажется мне, будто у него болезнь неизлечимая.

13

Г. Злораду, думающему, что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей ничем иным принудить не возможно, как строгостию иль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самонаималейшие слабости

и оплошности наказывает зверски. Он не говорит с ними пикогда ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памятуят они свое рабство и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает и утверждает, что рабам жестокость и наказание, равно как и дневная пища необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: *и рабы человеки*. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт.

РЕЦЕПТ

Чувствоваший истинного человечества 3 лота; любви к ближнему 5 золотник. и соблезнования к несчастию рабов 3 золотн.; положи вместе, истолочь и давать больному в теплой воде; а потом всякий час давать ему нюхать спирт, делающийся из благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

14

Г-же Бранковой

Сия боярыня поминутно бранится с друзьями, детьми, слугами и своими девками. Она не может ничего приказать не побрания. Друзья ее или ветрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны; дети упрямы, слуги и девки ленивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словом: она так бранчива, что ежели не найдет хотя малейшей причины кого-нибудь побранить, то бранит она самое себя. От беспрерывного ворчанья часто бывает она больна разными припадками. Ей потребен рецепт.

РЕЦЕПТ

Всякий день по большому стакану давать пить воды, настоенной с благоразумием. Сие утишит беспрестанное волнение в ее крови и произведет то, что она кропотливостью своею сама будет гнущаться и после того увидит, что люди без погрешностей быть не могут и что иногда оные прощать весьма нужно.

Миловид думает, что все женщины должны в него влюбляться, и для того непрестанно за всеми волочится. Он и верить тому не хочет, чтобы нашлась такая женщина, которая бы в него не влюбилась. Любовь его бывает недолговременна: ибо он всем собою жертвует и мысленно всех себе приносит в жертву. От сего припад-ка надлежит ему полечиться.

РЕЦЕПТ

Болезнь г. Миловида минуется с летами, если он не старше 30 лет; буде же старее, то хотя болезнь сия и неопасная, но, одна-кож, неизлечимая.

Шестнадцатилетней девушке весьма хочется выйти замуж, ради того что матушка ее часто журит и не дает воли, от чего часто бывают у нее разные припадки.

РЕЦЕПТ

Девиге, желающей выйти замуж, надлежит принять до 30 горьких капель, именуемых *брачные узы*. По принятии сих капель, конечно, не так скоро захочет она замуж, но пожелает остаться у своей матушки.

Глупомысл хочет непременно знатым быть господином, хотя имеет чин и весьма маленький. Он почитает себя весьма обиженным: ибо, по его мнению, он может быть и фельдмаршалом, и министром, и сенатором, и всем тем, что есть на свете знатно; а в самом деле Глупомысл не что иное, как дурак, и ни к каким делам не годится.

РЕЦЕПТ

Г. Глупомысл желает невозможного и для него вредного. Сие произошло от худых мокрот, усилившихся в нем при его воспитании: для очищения его от сих мокрот надлежит ему привить *благоразумие*, так, как оно обыкновенно благородным детям прививается в сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Если ж леты его не позволят ему сей прививки сделать, то сия болезнь едва ли излечимая.

XVII

СМЕЮЩИЙСЯ ДЕМОКРИТ

Ба! это тот, в изорванном идет лахмотье, скупяга, который во весь свой век собирает деньги и расточает совесть; умирает с голоду и холоду, который подчиненных ему слуг приучает есть для жизни: то есть сколько потребно для удержания души в теле; который незаконным лихоимством везде прославился, который наложил на себя и на прочую дворовую его скотину пост во весь год, который зимою по одиножды в неделю топит печь во своей лачуге, который рад продать самого себя за гривну и который накопил сорок тысяч рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить их глупому племяннику; тому семнадцатилетнему сквернавцу, который скупостию и бессовестным лихоимством превзошел шестидесятилетнего своего дядю; который сам у себя крадет деньги и берет с самого себя за ту кражу штраф и который во весь свой век не хочет жениться для того только, чтобы на содержание жены и детей не тратить излишнего. О! они достойны, чтобы над ними посмеяться: ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно, это Мот? так, он и есть. О! этот молодец не имеет пороков своего батюшки; но вместо того заражен другими не лучше тех. Батюшка его незаконно собирал деньги, а сей безумно их расточает. Скупой его родитель съедал то в месяц, что бы надлежало в один день скушать: напротив того, Мот то в день съедает, что бы в год ему съесть надлежало; тот хаживал пешком для того только, чтоб не тратить денег на корм лошади; а сей держит шесть карет и шесть цугов лошадей, oprичь верховых и санных, для того, чтобы не наскучило в одном ездить экипаже. Тот двадцать лет таскал один кафганишка, а Моту и в один год двадцати пар кажется мало. Короче сказать, отец всякими непозволенными средствами, лихоимством, обидою ближних и разорением беспомощных собрал себе великие сокровища; а Мот, разоряя самого себя, других наделяет. Оба они дураки, и обоим им посмеюся: ха! ха! ха! ха!

Вот еще кавалер, достойный смеха. Это Надмен. Он имеет знатный чин, великий достаток и малый ум; ему велено делать людей блаженными поелику можно, но он и последнее спокойство у них отнимает. Надмен не говорит ни с кем ласково, затем что не хочет себя до того унижить. Милостей никому не делает, но иногда обещает. Он хочет, чтобы все его искали покровительства: но

под оное пикого почти не принимает; а ежели бы и вздумалось ему сию милость кому сделать, так тот ничего бы не выиграл: ибо Надмен кого больше любит, того больше и наказывает. В заключение, Надмен всех глупее; а думает, что все его глупее. Как над ним не посмеяться? ха! ха! ха!

Ба! это г. Влюбчив. Что он так скоро бежит? на лице у него написана радость; он поет и прыгает, конечно, попалась ему новая любовница; он их так переменяет часто, как верхние рубашки, и точно так с ними и поступает, как с рубашками; надснет, любит, замарает, бросит, велит вымыть, надснет еще, и еще бросит, и так далее; сколько женщин, столько у него и любовниц. Впрочем, г. Влюбчив утверждает и всех уверяет, что он самый постоянный и верный любовник нашего века. Он теперь весел, и я ему посмеюся, ха! ха! ха! — Но полно, он жалок, он скоро будет печален. Ха! ха! ха!

Вот еще дурак, но только другого рода. Это Прост. Кажется, что он очень печален, идет потупя голову и нахмурия глаза в превеликой задумчивости. Бедняк сей в нашем веке ищет Лукрецию, нигде не находит и о том сходит с ума. Он чрезвычайно влюблен в постоянство романических ириинь. Над ним часто смеются, и он иногда бывает очень забавен. Печаль его, конечно, бы Ераклита тронула, и он бы заплакал: но мне хочется смеяться. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Это кто так прытко скачет? ба! Плох. Он спешит показать свою глушость в каком ни на есть знатном доме. Плох тщеславится тем, что имеет вход к знатым господам; таскается к ним сколько возможно чаще и делает в угодность их разные дурачества, думая оказать другим свое у них могущество. Вмешивается в их разговоры и, ничего не зная, думает оказать себя разумным; он читает книги, но ничего не понимает; ходит в феатр, критикует актеров и, по наслышке затвердя, спорит: этот актер хорош, а этот худ. Знатым господам рассказывает разные небылицы и старается говорить острые слова, но всегда некстати: словом, Плох старается себя уверить, что поступки его разумны, однакож все думают, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступает смиренно из церкви, раздаст по полущечке бедным, его окружающим, и считает оныс по четкам. Идучи, читает молитвы, от женщин свой взор отвращает, оберегая свои очи: ибо он говорит, чтобы, конечно, оба их исткнул, ежели бы они его соблазнили. Ханжа грешит поминутно, но показывает себя праведником, идущим по пути, устланному тернием. Притворные молитвы, набожность и посты не мешают ему разорять и утеснять сколько возможно всех бедных. Ханжа грабил тысячами, а раздает полущками. Такою наружностью он многих обманывает. Молодым людям ежечасно толкует девять блаженств, но сам в шестьдесят лет своей жизни ни одинажды ни которого не успел сделать. Ханжа ходит всегда смиренно и не возводит никогда своих глаз на небо, затем что не надеется обмануть там живущих: но смотря в землю, обманывает ее обитателей. Ха! ха! ха!

Вот едет госпожа! она вчера вышла замуж, а сегодня спешит на свиданье с любовником. Ха! ха! ха!

Я вижу двух человек; один другого уверяет в своей дружбе и обманывает; а другой притворяется, будто он не знает, как тот его поносит. Оба обманывают и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Что это за человек бежит в таком отчаянии? А! это Ветрен. Его обманула любовница, и он хочет удавиться. Оп жалок... Но вон там идет женщина: она с ним встретилась, и он свое намерение оставляет. На что ж дурачиться? Ха! ха! ха!

Вот г. Кривотолк: он торопится сделать досаду одному бумагомарателю, перетолковав написанное им в худо без малейшего основания. По несчастию, он в силах сие исполнить, но я сему дурачеству посмеюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Наркис, влюбясь во свою красоту, не перестает сам себе нравиться и не отходит прочь от зеркала. По его мнению, все мужчины, не удивляющиеся его прелестям, смертно согрешают; а женщины, кои в него не влюбляются, суть без ума. Он недавно из перед туалета, за которым просидел целый день, завивая

волосы, притирая лице, чистя зубы, румяня губы, подмазывая брови и проч. Прелестные его волосы имеет счастье чесать новомодный французский парикмахер и за то получает по 30 рублей в месяц. Исправный сей француз ставит ему разных сортов пудру и помады; за что награждается весьма щедро; при чесании за ту же цену уверяет Наркиса, что он подобных его волосам ни во Франции, ни в России не видывал. Наркис для умножения своих прелестей не щадит ни притираньев, ни душистых вод; и теперь, одевшись, прикалывает весьма искусно сделанный пучок цветов и едет на бал. Я следую за ним же и вижу его там. Он с мужчинами разговаривает весьма гордо, поминутно смотрится в зеркало и поправляет свои цветы. Говорит только о своих над прекрасным полом победах и не может пробыть ни минуты в той комнате, где по малой мере нет трех зеркал. Наркис обыкновенно садится так, чтобы он во всех зеркалах себя мог видеть; и часто, забывшись, кидает на себя в зеркале страстные взгляды и вздыхает. Старается иногда острые говорить слова, но в 23 года его жизни не сказал еще ни одного, затем что ему всегда мешают. Наркис из всех душевных добродетелей прославляет свою щедрость: и подлинно, она чрезмерна потому, что он красоту свою всем городским жителям показывает безденежно и чрез то их не разоряет. Словом, Наркис на своей красоте сходит с ума; там ему все смеются, и я ему посмеюся. Ха! ха! ха! ха!

Посмотрите на етого негодая; его судья Забылчсть. Он, не смотря на строгость указа о лихоимстве, со всех челобитчиков не только сам под разными видами берет, но и подчиненных ему своим примером взятки брать поощряет. Он выдумал, по его мнению, безгрешный способ брать взятки, а именно: чтобы те дела вершить по прошествии двух часов пополудни; ибо-де, говорит он, жалованье государево получаю я за то, чтобы быть в присутствии только до двух часов; а когда-де пробуду я и третий час, тогда это сделаю не по указу, но по дружбе с челобитчиком; а тот по дружбе за то подарит. Какие же его взятки? Ето, говорит он, подарки. Теперь подписывает он за 200 рублей определение о выдаче одному челобитчику 2000 рублей, законно ему принадлежащих, и сам себя уверяет, что это безгрешно и против законов и против совести, *понеже* скоро будет бить три часа: какое скарденое крючкотворство! Ха! ха! ха!

Вот еще люди, достойные осмеяния; двое из них судьи, а третий секретарь. Во всех присутственных местах обыкновенно секретари делают то, что приказывают им судьи; а здесь судьи

делают то, что приказывает им секретарь. Один судья не противоречит ему для того, что ни в какие не входит дела, а подписывает все те определения, кои секретарь пометит; другой, напротив того, хотя и не подписывает дел не читавши, но за сию осторожность взятки с секретарем делит пополам и для избежания в таком случае хлопот, так же как и первый, ему никогда не противоречит. Здесь судьи худые секретари; а секретарь был бы хороший судья, если бы не расточил свою совесть. По таким обстоятельствам, если челобитчик захочет, чтобы его дело было решено, то непременно должен прежде на свою сторону склонить секретаря, в противном же случае дело его не решится. Ха! ха! ха! ха!

Я вижу в феатре двух в ложе дам. Они сидят спокойно и ожидают начатия комедии. Спокойствие их нарушается; к ним вступает изрядно одетый мужчина, и они все, увидев друг друга, приходят в замешательство. Кавалер сей один из числа тех ветреных мужчин, которые влюбляются во многих женщин и их обманывать не только почитают за ничто, но и находят еще в том удовольствии. Бедняк сей не ожидал, чтобы две его любовницы, которых он ложными клятвами и притворным постоянством обманывал порознь, случилися тут обе вместе. Он надеялся тут найти одну и с нею поговорить, а после хотел побывать и у другой: но увидя их вместе, пришел в такое замешательство, что не знал, с которою начать разговор. Смелость его и обыкновенная таким мужчинам живость, предками нашими наглостию называемая, его оставили. Бледнеет, краснеет и кажется, будто уже и раскаивается. Госпожи совместницы тотчас сие приметили, и каждая, скрывая свою досаду, принялися над господином волокитою шутить. Язвительные их насмешки усугубляют его замешательство. Сие зрелище достойно, чтобы все ветреные мужчины на оное взирали и остерегались от подобных приключений. Обезмолвленный волокита собирает свои силы и начинает перед госпожами извиняться: но что сии извинения возмогут сделать! Обиженная таким образом любовница лишь в пущую запальчивость приходит. Волокита при сем извинении одной любовнице больше оказывает почтения, и кажется, будто пред нею больше хочет оправдаться. Сугубо обиженная любовница воспаляется ревностью, видя совместницу свою, себе предпочитаемую, близ себя. Она обращает острый свой язык не на изменившего ей любовника, но на свою совместницу, торжествовать начинающую, и осыпает ее язвительными насмешками. Вдруг возгорается война. Любовницы досадою, ревностью и злобою воспаляются. Не древние на брань ополчаются амазонки, храбростию своею греков утравившие, не смертоносные из колчанов своих извлекают стрелы: две любов-

ницы, женщины нашего века, выдергивают из шиньонов своих длинные булавки и мгновенно ими друг друга поражают. Обе поединницы приходят во исступление: злоба паче возгорается, удары повторяются, а любовник от места удаляется. Храбрые наши ирони, переколов друг другу и руки и бока и истощив свои силы, не победа соперницу, удивляются своей крепости. Стыд, что все на них свои обратили взоры, заступает место злобы и на лице их показывается. Они встают со своих мест и удаляются; а я вослед им посмеюся. Ха! ха! ха!

Что за человек с таким вниз по лестнице бежит стремлением? А! это любовник, удаляющийся от места сражения его любовниц. Он приходит в партер и становится к другой стороне от той, где были его любовницы. Он раскаивается во своем поступке и подает надежду, что он исправится и будет постоянное. Он опасается, чтобы его не заметили. Наконец спокойствие к нему возвращается: но он и тогда взор свой на другую сторону обращает. С ним встречается взор девицы лет осмнадцати. Они друг друга узнают и начинают разговор. Волокита, избавясь от одной опасности, вдается в другую; он в красавицу влюбляется и помалу страсть свою ей открывает. Она не хочет слушать; он клянется и наконец доводит до того, что она его выслушала; она принимает на себя веселый вид и, улыбаясь, хочет ему ответить. Волокита восхищается мечтою; самолюбие ему льстит; он уже почитает себя счастливейшим из смертных; но девица ему отвечает: хоть три дни, сударь, посвяти памяти оставленных и обиженных тобою любовниц, а потом открывайтесь другой, а не мне: ибо я, быв очевидным свидетелем вашего постоянства, верить вам не могу. Ищите женщину меня легковвернее. Она начинает смеяться, и волокита удаляется, неся с собою образец ветреных любовников. Ха! ха! ха!

XVIII

ОТПИСКИ КРЕСТЬЯНСКИЕ И ПОМЕЩИЧИЙ УКАЗ КО КРЕСТЬЯНАМ

1. ОТПИСКА

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали; с сельских ста душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ

шестьдесят один рубль семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублей четыре гривны, на деревенских тринадцать рублей сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как позволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не саял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клетки за три рубли за десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам позволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки; без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас Нахрапцовым земле, прикажи ходить за делом: он нас здесь разорлет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу твоему господскому собрано тридцать рублей и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. Нахрапцов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору; и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублей, воз хлеба да пять возов сена. Нахрапцов попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму: секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступишь, государь, за нас, своих

сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и Нахрапцов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невмоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже невмочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все вконец разоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресение и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублей с полтиною; да на две избы, по десяти рублей за избу. И деньги, государь, все с Антошкой посланы. При сем еще послано штрафных денег: с Ипатки за то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей; с Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей, и он на сходе высечен. Он сказал: *я-де это сказал с глупости*, а напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои, староста Андриюшка со всем миром, земно кланяемся.

2. ОТПИСКА

Государю Григорию Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных, только мне взять негде: остался с четверыми ребятишками мал мала меньше; и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над ребятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность; им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги: а то бы пришлось последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал; нечем подняться. Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать ващу господскую лошадь: хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки

никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Пынече пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих ребятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут ребятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорий Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой рады служить; да как пришло невмочь, так ты над нами смилуйся: наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя? У нас в крестьянстве есть пословица, *до бога высоко, а до царя далеко*, так мы таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться не возможно; ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братии крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с ребятишками кланяется.

3. КОПНЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в **** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запуская оброк в недоимку; и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафа сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложный донос, обоих их дома опечатать и определить караул; а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевести его к нам на житье в село ***; буде же он за дальным расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталось после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять, по твоему благорассуждению: но притом, однакож, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет, на взятые выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить: ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания; а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублей; а его перевезть к нам в село *** на житье; а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, oprичь штрафных, двести рублей.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездомочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привезть с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

***.

КОНЕЦ I ЧАСТИ

О Г Л А В Л Е Н И Е I Ч А С Т И

Автор к самому себе	325
Приняв название живописца	328
Ты охотник до ведомостей	334
Моп соеар, живописец!	337
Опыт «Модного словаря»	339
Листочки ваши с великим удовольствием я читаю . . .	343
Я не могу довольно испорченному здешнего города вкусу надивиться	344
И превеликое имею желание с вами увидеться	345
Английская прогулка	346
Не знаю, как в Петербурге	348
Сыну нашему Фалалею Трифоновичу	349
Сыну моему Фалалею	352
Свет мой Фалалей Трифонович!	354
Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу . .	356
Слушай-ка, брат живописец!	357
Любезный племянничек	359
Племяннику моему Ивану	361
Лечебник	364
Смеющийся Демокрит	373
Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам.	378

ЧАСТЬ II

I

На сих днях получил я писание, скрепленное Любопытным зрителем, которое гласит тако:

О гражданае, гражданае! ищите президе денег, а потом добродетели!

Юпитер предложил некогда во всеобщем собрании богов, что он человек больше, нежели всех зверей, любит и для того намеряется сделать всех их благополучными. Сие предложение подтвердив они общим согласием поручили Аполлону о том пецися. Для произведения сего в действо послал Аполлон семь мус, а двух из них оставил при себе, дабы не вовсе остаться во одиночестве. Каждая из сих семи мус имела у себя на плечах ящик, в котором находились средства для человеческого благополучия. Первая несла *разум*; другая *добродетель*; третья *здравие*; четвертая *долгоденствие*; пятая *увеселение*; шестая *честь*, а последняя наполнила свой ящик *златом*.

Все они вместе сошли с своей горы и пошли прямо в один город, в котором тогда была ярманка. Всяк признавал их не инако, как бы за валдайских девушек, и великое множество купцов к ним набежало; а наипаче весьма великое число молодых мужчин окружило их: и для того вознамерились они провозгласить свои товары. Первая кричала:

— Государи мои, покупайте *разум*! Эй, разум! разум! Вы все кажетесь мне иметь в нем великую надобность. Купите разум, так и не будет вам нужды покупать других товаров у моих подруг. Покупайте разум — право, ето редкий товар!

Вдруг все зрители начали хохотать, говоря:

— Куда как ета утешна девка, жаль только, что она уже немолода!

Муса, видя, что у ней никто ничего не покупает, пошла по всем улицам, крича опять:

— Кто купит разум! — Но как и сие ничего не пособило, то вознамерилась пойтить по домам и, пришедши в один знатный

дом, сняла с плеч ящик и наземь поставила, ибо великое количество разума начало уже ее весьма отягощать. По несчастию, в то время ссорилась госпожа одного дома с своим мужем и колодила всю челядь. Она, увидя мусу, спросила ее с свирепым видом:

— Что за женщина?

— Сударыня, — сказала она ей, — я хочу спроситься, не соизволите ли купить разума. Купите заблаговременно, так послужит он вам в нужде. Я, может быть, не скоро в другой раз приду в ваш дом, а мой товар вашей особе весьма кстати; ибо вы столь любезный и прелестный вид имеете, что, я признаться должна, вы ни в чем не имеете недостатка, как только в разуме.

— Пошла к чорту, — закричала госпожа, — ты, конечно, хочешь меня дурачить!

— Никак, сударыня; я хочу вас избавить от дурачества: ибо я продаю разум.

Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной мусы ящик с разумом, если бы сия благим матом не убралась со двора. Лишь чуть успела она оттуду унести ноги, как бежал за нею надсмотрщик товаров и кричал:

— Бродяга, что у тебя в ящике? ты должна пошлину заплатить.

— Это разум, сударь, к вашим услугам.

— Разум, — отвечал надсмотрщик, — разум! Что это за товар? Я, кажется, и сам торговал, пока еще не сделался надсмотрщиком, и сию должность, не хвастаясь, отправляю уже тридцатый год, однако не могу припомнить, чтобы когда сии товары приходили в наш город. Итак, я запечатаю твой ящик, пока не осведомлюсь, не принадлежит ли разум к запрещенным товарам.

Надсмотрщик побежал и представил о том таможенному начальству, на что и последовало решение, чтобы немедленно торговщицу сию выгнать из города. Ибо, по мнению судей, имели они довольно уже разума; гражданам же оный был бы бесполезен и выше их состояния: притом было бы совсем противу благоразумия и политики нынешнего века, чтоб дозволить вывозить деньги из государства за таковые безделицы. Таким образом, вытолкали сию мусу из города под запрещением, чтобы впредь она никогда в оный не возвращалась.

Другая, имевшая для продажи *добродетель*, кричала равным образом по всем улицам, однако не нашла ни одного купца: ибо все единодушно про нее думали, что она не при своем разуме. Наконец один старик, муж, исполненный премудрости, вздохнув несколько крат, жалким голосом сказал ей:

— Душа моя, твой товар в отечестве нашем не в моде. Некоторые наши утверждают, что он чресчур ветх, а наши молодые госпожи почитают все те уборы смешными, которые бабу-

шек их украшали. Итак, не худо сделаешь ты, когда сей напрасный труд для тебя вовсе оставишь. Моды у нас переменяются; и то, что мы за сто лет добродетельною женою называли, именуется ныне благородною, высокородною, превосходительною или сиятельною госпожою.

По счастью, муса имела в своем ящике терпение, которым ополчась, новые получила силы для пренесения своих сокровищ обратно в свое жилище.

Третия, провозглашающая *здравие*, хотя и нашла несколько покупателей, однако все почти из них такие люди были, которые или французскими романами, или американскими припадками так сильно изнемогали, что уже никак не можно было и пособить им. По несчастю, в самое то время явился позорищу площадный лекарь, и тогда все больные, оставя мусу, говорили:

— Полно, оставим ее и пойдем к сему врачу, который всех знатных господ и госпож исцеляет. Коль многих он женщин своими живыми водами избавил от сердечной болезни, или, лучше сказать, от любовной чахотки, усиливающейся от частых и многочисленных перемен? а сия глупая женщина предписывает только нам простую пищу, брачную любовь да ключевую воду.

Тогда муса принуждена была закрыть свой ящик, и едва излечились два человека ее лекарствами: ибо никто не хотел сохранить предписанный ею порядок трезвья жизни.

Вдруг появилась четвертая муса и кричала: *долгоденствие!* Лишь только она сие один раз выговорила, то воспоследовало с площадным лекарем почти то самое, что некогда с Омиром; то есть здоровые и больные, его оставя, бросились к мусе, продающей долгоденствие. Некоторые богачи готовы были уступить за то половину своего имения; но не могли к ней сквозь народ прорваться, просили полицейского офицера послать на их счет за десятскими, чтоб чернь сию разогнать.

— Дражайшая муса! — говорил тогда осмидесятилетний старик: — благодарю небо! я приобрел себе кровавым потом до шестисот тысяч рублей, и хотя то такое иго для меня крушиться день и ночь о безопасности сего малого моего стяжания, однако мне не хочется еще умереть: ибо я в крайнюю горесть прихожу, когда вспомню, что дети мой по смерти моей расточат по́том нажитое. Итак, милостивая государыня, чего вы требовать изволите за то, чтобы жизнь моя еще на восемьдесят лет продолжилась?

— Восемьдесят тысяч рублей, — отвечала муса.

— Восемьдесят тысяч рублей! вправду ли вы говорите? восемьдесят тысяч. Не можно ли уступить за восемь тысяч; вить надобно же живучи помышлять и о жизни.

— Государь мой, — сказала муса, — вам должно знать, что деньги, выручаемые за мои товары, определены единственно на

прокормление разумных и добродетельных людей, находящихся в крайней скудости, и, следовательно, я в рассуждении сих бедных ничего уступить не могу.

— Ах! что много, то много, — сказал старик, — возьми, я придам еще сто рублей, что сделает 8100 рублей, и все чистою серебряною монетою. Прошу, милостивая государыня, подумать.

— Что тут еще много думать, — вскричал другой богач и, вынув свой кошелек, сказал: — вот вам восемьдесят тысяч рублей.

— Весьма изрядно, государь мой, — сказала ему муса, — я рада вам служить, однако я должна вам напомнить, что вы будете сожалеть о своих деньгах, если вы у моих трех больших сестер не купили разума, добродетели и здоровья. Ибо без сих вещей лекарства мои или вовсе ничего не поспособят, или будут только вам причинять беспрестанные мучения, от чего и жизнь ваша будет вам в тягость.

— Да где ж сии три сестры? — спросил богач.

— Поищите только их; они чайтельно еще в городе.

Богач приказал их по всем домам искать; вестники разосланы были, чтобы спрашивать их по деревням, однако нигде их сыскать не могли.

К пятой мусе, провозглашающей *увеселения*, бросились толпами молодые женщины и мужчины, жаждущие сих товаров, и с таким стремлением, что ее сшибли с ног и она, упав, разбила свой ящик. Тогда с превеликою жадностью хватали увеселения и оные дружка у дружки с толиким насилием из рук вырывали, что ничего целого не осталось. Имеющие же у себя маленькие оных отрывки досадовали, что им всего не досталось; а завистию истаевали, что прочие удержали у себя то, в чем первые еще недостаток имели. Муса негодовала на людей за их неистовое стремление, которое единственно причиною, что увеселения их испорчены: ибо она хотела им уступить оные добровольно и без малейшего повреждения.

Шестая из сих мус кричала: *честь!* Тогда народ с толикою наглостию бросился за сим товаром, что от чрезмерных тесноты произошла драка, а от драки и самое убийство. Вскоре подоспевшая стража привела мусу в безопасность и избавила ее от сверкающих мечей, подъемлемых над ее главою. Во время сего неистового волнения жителей отперши она неприметно свой ящик вынула оттуду истинную честь и наполнила оный пустыми только титлами. Сие учинив, вскричала:

— О люди! я вас усиленно прошу, будьте несколько скромны и ведайте, что истинная честь сама собою к вам придет.

Однако они, несмотря на ее просьбу, преодолели стражу, разломали ящик и сражались меж собою, не щадя и жизни, за пустые

только титлы, находившиеся в оном. Что до меня касается, то я весьма дивился, увидев меж ими и тех людей, кои обыкновенно проповедывали о едином только смиренномудрии; а крайне изумился, узрев превеликую толпу благородных, притом не весьма достояточных и обер-офицерских дочерей, слезно просящих себе у мусы зажиточных и случайных супругов и которые бы из высокородных или по крайней мере не меньше высокоблагородных были. Муса, посмеваяся толь глупому их поступку, размышляла в себе: «Пускай глупые бегают с одними только титлами, а я хочу истинную честь опять вручить Аполлону, да увеличит он сам ею того из смертных, который всех их достойнее будет». В сих мыслях, посмотрев несколько на меня с приятным и веселым видом, оставила она город, как нечаянно нашла меньшую свою сестру, которая деньги носила, лежащую без чувств у градских ворот. Тогда возопила она:

— Увы, любезнейшая сестрица! что сделалось с тобою? Колико соболезную я, нашед тебя в толь горестном состоянии!

Наконец умирающая муса, пришед несколько в себя, с тяжким вздохом произнесла:

— Ах! сколь я счастлива, что вижу еще с тобою; ты возвращаешь жизнь мою, которую я было почти потеряла. Никогда я себе вообразить не могла, чтобы человеки столь безумны были. Ступай, сестрица, удалимся от сих уродов: дай мне убежище, ибо я всеминутно в опасении, дабы они опять на меня не напали.

— Да что же они тебе сделали?

— Представь себе, — отвечала она, — тысячу волков, томимых чрез восемь дней голодом, и меж коих бы человек, несший на плечах агнца, попался; так имеешь ты живой образ того, что мне с моим денежным ящиком случилось. Ибо лишь чуть только я в градские ворота вошла и сказала: что я деньги несу и хочу оные давать имеющим в них надобность, то тьма людей меня покрыла. Находившиеся в жилищах из окошек стремглавы валились; придворные с лентами и ключами, остановив вдали свои кареты, пешком бежали; тысящницы вдовы и богатые девицы с прежалким воплем повергали к стопам моим просительные бумаги; стихотворцы и ученые бездыханно летели с Еликона с одами и посвящениями высоких своих творений; словом, всех чинов и состояний градские жители стекались ко мне со всех четырех сторон и, повергнув меня с моим денежным ящиком на землю, оный разбили. Тогда они все хватили, рвали, а чего в руки захватить не могли, то хватили ртом и зубами. Наконец, не нашедши уже ничего более в ящике и на земле, сорвали с меня одежду, обыскивали в карманах и пороли платье. Тогда, бросив меня почти бездыханну и мертву, те, коим ничего не досталось, начали у других насильно отнимать, а чрез то вступили в толь жестокое междоусобие, что ни единый отгуду с целою головою не ушел, и чем более кто себе денег захватил, тем больше он израненным и изувеченным остался.

Боги, получив таковое от мус известие и узнав, коль алчно человеки ищут *увеселений, чести и богатства*, твердо положили жаловать впредь сими тремя вещами тех только, кои имеют *разум и добродетель*. Но исполнен ли потом сей приговор или и поныне еще в недействии остался, о том не могу я заподлинно уверить.

Любопытный зритель.

Р. С. Сказуют, что сему любопытному зрителю одна муса подарила превеликие два штофа разума; а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть *честностию и скромностию*.

II

ПЕРЕВОД

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Я теперь *Неудобо-разумо-и-духоделятелен!* Прошу я вас, г. м., именем всея нашае дружбы, приказать хотя на мой кошт выпечатать сие слово большими, а если можно, и красными еще буквами: оно естъ новое и высокое изобретение осьмаго-надесять столетия; а я, имея счастье быть оного первым творцом и знаменателем, хочу оное предать потомкам от рода в род и на множество веков. Впрочем, дабы избавить всех строителей новороссийского языка от излишних и суетных трудов, то я верною им в том порукою, что оного слова не находится ни в славенских книгах, ни в старинных летописях, ниже и в самых едкостю древности обещалых рукописях; а собственно начертано оно неистребимыми знаками на скрыжалех моего сердца. Чрез сие предварительное уведомление желаю я освободиться навсегда от ученого прения и многообразных толков; сверх сего, предоставляя себе только одному право винословствовать об оном, могу неукоризненно и во всякое время в разговорах и сочинениях моих изображать свойство душевного и телесного моего состояния одним только выражением, то есть что я *Неудобо-разумо-и-духоделятелен!*

Да что ж оное значит, всконечно спросите вы меня? На сие ответствую, что я то ощущаю только во внутренности моеей, изобразить же оного на словах никак не могу. Также я нимало не понимаю, относится ли оное больше к разуму, или духу; принадлежит ли к числу болезней, или к другим каким сокровенным действиям душевным; а знаю только то, чего оное не означает. Например, если бы кто назвал меня, но порознь, туманным, или прискорбным, или пасмурным, всегда в сообществе молчаливым, всем недовольным и на все негодующим, или всеминутно стенающим, погруженным в глубокую задумчивость и в черную тень

дум; или бы захотел меня выхвалить самыми модными петербургскими словами, то есть назвать меня страждущим сердечною болезнию, или ипохондриею: то я бы всеми сими хотя блистательными, однако порознь мне приписываемыми титлами нимало не был доволен. Напротив того, единое слово *Неудобо-разумо-и-духобятели* всего мне на свете милее, и оно все вышереченные достоинства в превосходном степени и в одно время замыкает в себе. Притом гораздо похвальнее, ежели я представляю собою главу или испещренный вертоград всех петербургских ипохондриков, нежели когда только называться буду притворным или, что все равно, простым ипохондриком.

Но уже приступаю к решению другого вопроса; то есть, каким образом взошел я на сей степень престранных дум и чувствований. Общее и повсеместное есть правило, что каждый ищет себе подобного: ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягают, так сказать, одного ко другому. Кто не знает, что сраженные жестоким наветом всегда обращаются и беседуют с подобными только себе; несчастного любовника сердце неприступно всем веселиям и утехам мира; но когда равною судьбою гонимый уверяет его, что нет во свете для любви ничего невозможного, что наконец и самые непреклоннейшие сердца смягчаются и любовным истаевают пламенем: тогда некий приятный луч новья надежды и отрады вливается в душу его. Следовательно, и я, имев честь служить почти с полгода в чине простого ипохондрика, во всем подвластен был тому же закону. Ибо для ипохондрика нет во свете ничего увеселительнее, как видеться повседневно и быть вместе с ипохондриками. Вследствие сего закона глубокомысленное наше общество благоволило учредить *каменный берег* всегдашним нашим сборищем. Признаюсь, г. м., что я по вступлении в новый чин, то есть в ипохондрию, первые два или три месяца почти не сходил с берега; и когда я на целый свет уже равнодушным оком взирал, тогда один только берег утешал еще печальную мою душу. Представьте только себе двадцать или по крайней мере десять совершенных ипохондриков, собравшихся в единое место; вообразите себе их наружный пасмурный вид, страшные, а часто ужас наводящие телодвижения и слова, прерываемые всеминутно то въздыханиями, то глубоким отчаянием; и скажите без всякого ласкательства, есть ли какое в свете сего прелестнее позорище? — Правда, чтоб видеть сие явственное еще, потребно самому иметь и очи и чувства ипохондрические; но я, благодаря бога! будучи оными всещедро одарен, надеюсь представить вам самую живейшую картину тех лиц и особ, с коими я на берегу часто обращался. Один, например, произносит громко хулу и клевету на свое отечество; называет оное неблагодарным, что оно, забывая его достоинства, которые в его записной книжке им самим и весьма изящными красками изображены, и невзирая

на все его чины, списанные ему то ближними, то искренними, то усиленными просьбами, считает его без разбора наряду со другими. Другой проклинает свое рождение, жизнь и судьбу; возносит жалобу к пустыням, морям и дремучим лесам; уверяет их люющимися слезами, что дни его прмененны в смертельный яд и что он твердо уже вознамерился иттить искать себе дружбы и любви со зверьми, а не с человеками: ибо обожаемая им повелительница — повелительница, которая по искусству своему... преобратила его своим непостоянством в дурака; иной, севши на безмолвный камень и потупив очи в землю, беседует с нею: о ты! свидетельница моих мучений — им не будет уже конца — не будет для меня в жизни сей никакой отрады. Итак, тщетно я тебя тягчу: уготови мне здесь прохладный одр, где прискорбный мой дух, гонящийся за прелестною тению несклонных любви, навсегда успокоится. А ты, прекрасная дочь! поразившая некогда сердце мое твоею добродетелию, проходи иногда мимо сени моей, воззри хотя единожды кротким и жалостию растворенным оком на то злчное место, в котором храниться будет прах мой, посвященный твоим достоинствам в жертву и горящий к тебе вечною любовью! ¹— Вот, государь мой, какими я разительными видами почти вседневно, ходя по берегу, наслаждался. Я каждый раз, видя пред собою сих ничем не излечимых страстотерпцев и внимая толь печальному отзыву, производимому их жалобами и вздыханием, точно представлял себе, что природа, изъявляя свое сожаление о моем состоянии, сама издавала эхо сие: таковым сладким мечтанием довольно напिताвши чувства и душу мою, возвращался в дом с превеликим удовольствием.

Однако есть ли что на свете постоянное? и может ли человек вождеденно вещь долгое время наслаждаться? — Никак: полгода был я ипохондриком, а четвертый уже месяц тому назад, как я принужден сделаться *Неудобо-разумо-и-духодятельным*. Вы, может быть, г. м., от кого-нибудь слышали, в котором угле города я живу; или положим, что я, может статься, живу недалеко от Сергиевской улицы: так не должно ли мне переходить мосток, чтобы добраться до каменного берега? Но сего мостка уже нет на свете. Четвертый месяц тому, как и развалин его не вижу; но четвертый месяц и тому, как мне пресечен путь к месту моего увеселения и купно господствовавшей во мне ипохондрии. — Первые три недели жил я весьма спокойно и тихо; то есть, приказав людям единожды навсегда, чтобы всем приходящим навестить

¹ Здесь предложил я все роды модной ипохондрии, проистекающие из трех главных источников: то есть из тщеславия и самолюбия; или из несклонности, впрочем, весьма добродетельных красавицы; либо из непостоянства развратных мужчин и женщин. Прочие все ипохондрики и ипохондрицы не заслуживают ниже имени сего на себе носить и принадлежат большею частью к чайке недозрелых сумасбродов, нежели к нашему темноумствующему лику.

меня сказывали, что меня дома нет, и запершись один в моей комнате, находился от радости вне себя, что я избавился от ненавистного мне людского сообщества. Притом, углубясь в сии забавные для меня мысли и не говоря ни с кем с утра до вечера ни слова, бегал в глубокой задумчивости по комнате с обнаженной шпагой. Но и сея утечи вскоре я лишился! **Д**ебо, будучи однажды престрашными сновидениями угрожаем, пробудился я ото сна и, схватясь, вдруг бросился за шпагой, но, не найдя ее на своем месте, начал из всея силы кричать:

— Шпага! малый! люди! ах! шпага моя — повеса — где шпага моя?

Тогда слуга, как молния прилетев ко мне, сказал с притворным видом:

— Пожалуйте, сударь, успокойтесь, шпага отнесена вчеру для починки.

— Для какой починки? бездельник! вы, конечно, все согласились на жизнь мою. Но нет, плут, не удастся вам совершить умышленное вами бесчинство. Само небо отдает вас теперь в мои руки. Подавай платье — я сию ж минуту бегу исполнить над вами праведное мое мщение.

— Виноват, сударь, — упадши к ногам, говорил он мне: — вчерась ввечеру приходил сюда хозяин с какими-то людьми, весьма похожими на бородобреев, однако я их к вам не впустил; и они, объявив мне о вашем весьма опасном состоянии, приказали, чтобы я неотменно прибрал у вас шпагу.

Государь мой! не понимаете ль вы, куда дело клонится? Притом я ссылаюсь на ваше праводушие, не всяк ли имеет право быть веселым по своей воле; кто же может отнять у человека право и печалиться, сколько ему угодно? Сие-то право, врожденное всем и каждому, произвело во мне чрезмерный гнев, и я почти без памяти на малого кричал:

— Злодей, изменник! ты, конечно, подкуплен: как ты осмелился, негодный, лишить меня той вещи, которая всякий час охраняет жизнь мою? Пойдем только, друг мой, в полицию, кошки тамошние, поговоря несколько часов с твоею спиною, откроют всю правду.

— Помилуй, батюшка, кормилец, — возопил слуга: — я, право, для того сие учинил, что мне показалось, да и хозяин мне то же самое твердил, будто вы, сударь, немножко помешались.

— Как! я помешался? и в чем?

— Нет, сударь, я хотел инако сказать, что вы помутились мыслями.

— Молчи, бездельник, я ни одной кости в тебе живой не оставлю. Кто приставил тебя лазутчиком или гадателем сокровенного моего беспокойства? Нет, плут, заговор ваш скоро выйдет наружу; сейчас мне платье.

Как я несколько в кабинете замедлил и выдумывал, как бы хитро поговорить с полицейскими, то малый не преминул уведомить о том хозяина, а сей также успел созвать на свой двор несколько соседей, и лишь чуть только появился я на крыльце, как все вдруг попались мне, будто не нарочно, встречу.

— Все ли в добром здоровьи? — поклонясь, хозяин спросил меня.

— Слава богу! — выговорил я с потупленными глазами. — Да вам какая нужда слышать о здоровьи или о смерти моей?

Хозяин, притворясь, якобы не слышал моего ответа, опять спросил учтиво:

— Куда вы так рано изволите иттить?

— В полицию, — отвечал сурово, — в полицию, чтобы или *мосток* сделан был, или чтобы шпагу мою назад мне возвратили.

Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине *мостка* не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает; но для того *мостка* не делает, что какая-та , будучи также обязана содержать сей *мосток*, не соглашается еще по сие время к постройке онного, а на ее где ты будешь искать? И для того опасно докучать полиции, чтобы она, осердясь, не наложила сего бремени на нас самих.

— Что же касается до вашей шпаги, то она, — сказал хозяин, — у меня, и я вам оную в целости сам принесу.

Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все; однако спустя несколько времени узнал ко крайнему моему ущербу, что я уступил им очень много. Ибо, пришедши однажды, малый сказал:

— Не прикажете ли покупать дрова, теперь последний уже им привоз.

— Хорошо, — отвечал я, — поди и сторгуй сажень с тридцать.

Но слуга вскоре обрадовал меня ответом, что дров сажень с перевозом продается по рублю, а поелику за неимением *мостка* надобно их кругом обвозить, то извозчики от сажени еще хотят в прибавку иметь по сороку кошек. На сем-то месте, г. м., сделался я в первый раз *Неудобо-разумо-и-духобедательным*. И здесь вся ипохондрия вмиг исчезла: но великое несчастье бывает часто причиною великих дел; и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем. Я, вдруг став как будто неким новым светом озарен, велел малому выпросить у хозяина и тех соседей, коим я по их просьбе сделал немалое одолжение, две длинные и толстые доски; потом, достав оные, приказал моим людям приделать у каждой доски по обеим сторонам на пять пальцев вышиною края. Совершив благополучно таковые редкие и неслыханные махины, велел я оные на том месте, где прежде мосток был, так положить, чтобы колеса у роспусок по сим желобам катиться могли. И как лошадей по моему искусству незачем было преправлять, то вме-

сто оных перетягивал я роспуски взад и вперед посредством двух канатов. Таким образом, сторговав дрова по рублю, провозили оные прямо к моим вышеописанным желобам, а здесь, отложив лошадей, прицепляли к роспускам канат, перетягивали их чрез желобы, потом тащили на двор и, сбросив там дрова, опять переправляли роспуски на другую сторону посредством другого каната. Работа сия по моему учреждению так хорошо и безостановочно происходила, что в один день все дрова на двор перевезены были.

Вот вам, г. м., толкование на слово *Неудобо-разумо-и-духо-деятелиен*. Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету. Славным изобретателям и великим людям в искусстве свойственно сохранять некоторые тайности по жизнь свою для одних только себя. Впрочем, не могу не упомянуть о том, что при переправке дров случилось напоследок со мною. Люди, живущие около меня, услыша о толь необычайном и странном деле, мало-помалу стекались к сему месту и, увидев меня там, что я все учреждаю и повелеваю всеми, начали меж собою перешептывать:

— Ето, конечно, француз: видишь, как они умны.

Другие, напротив того, спорили:

— Нет, ето не француз, ето немец, которого недавно выписали.

А в отдаленной от меня толпе дошло было и до драки, потому что одни твердили:

— Ето не француз, не немец, а, конечно, наш какой удалой: теперь и русские, слава богу! научились.

Другие ж или от злости, либо по упрямству грубо отвечали:

— Нам и не дожить до того, чтобы русский когда такую хитрость выдумал.

Я, осердясь на сих последних бездельников, вскричал:

— Ступайте домой, невежды, я вас палкою; зачем вам драться, я точно русский. Притом уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского: но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто от того тупеет.

Я для того прошу вас, г. м., напечатать мое письмо для уверения всех, что и русские умы, так, как и иностранные, могут производить в свет важные и славные дела. Остаюсь.

III

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Недели с две тому, как приехала я сюда из Москвы и, начитав в здешних ведомостях, что в Луговой Миллионной продаются какого-то живописца листочки, по природной моей к живописи склонности тотчас послала их купить. Но в какое удивление я

пришла, нашед в них не любовные картинки, но поношения и клеветы противу прекрасного пола! Видно, что ты, друг мой, родился в какой ни есть сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи; а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, нищучи женское лице, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные, так, как теперь делаешь, не знаю, ошибкою ли, или умышленно. Нет, дружок! даром тебе это не пройдет. — Где это слыхано, чтоб живописец написал женское лице темными красками? — И бабушка твоя Всякая всячина, как говорят здешние женщины, того не запомнит; а ты, видно, на выскочку. Полно и того, что твоя братья по невежеству своему не умеют иногда и бородавки утаить; а ты вздумал еще и худыми красками нас описывать. Признайся ж сам, заслуживаешь ли ты трудами своими от нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешь, что кто не умеет женскому полу угождать, того и за человека не почитают. — Через кого наживаются портные и перукмахеры? Скажи, не через нас ли? Через кого происходят добрые люди и в чины, как не через нас? Кто выгоняет из молодых людей задумчивость, как не мы? Кто вперяет воспитанным в непросвещении дворянам понятие о моде, как не мы?.. А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь наши лица. — Пора, право пора тебе, дружок, опомниться. — Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее; ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные дома; а ты с легкой моей руки станешь богатеть да наживаться. Вот тебе прямая дорога ко счастью! Кинь, дружок, старинные темные краски: они, если по совести сказать, глаза колют; так будешь всему женскому полу во все будущие роды и роды приятен. А теперь все щеголихи и новомодные женщины, право, так тебя боятся, как робята азбуки. — Так-то, дружок. — Отпиши же, радость моя, в твоих еженедельных листочках, как тебе покажется мой совет, — тебе же лучше будет! а я изготовлю тебе между тем в подарок

Добротное сердечко.

Государыня моя, я бы хотел сделать вам угодность изображением вашего прекрасного лица самыми нежнейшими красками, но не в силах сие исполнить потому, что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имел склонности следовать ее правилам. Я соглашаюсь на ваше мнение, что ни один живописец не придет в моду у прекрасного пола, а может быть, и у нашего, который ласкать не умеет, — это неоспоримая истина; да и то также правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живопис-

цев, нашей братья, в здешнем городе много: так вы можете сыскать из них одного по своему желанию. Если вы имеете прелестное лицо и приятный стап, то загляните только ко дво. . . вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу; или познакомьтесь с каким стихотворцем. Вы уведомляете меня, что всякая щеголиха боится меня так, как робота азбуки; я тем и доволен: робота, боявшиеся азбуки, пришед в совершенный возраст, всегда раскаиваются в том; может быть — но вить я вас еще больше рассержу. Прощайте, сударыня.

IV

ГОСУДАРЬ МОИ

Сколько во Франции почитают Боало де Прея, а в Германии Рабнера, столько здесь разумные люди похваляют «Всякую всячину», «Трутня» и вашего «Живописца», их потомка. Да как и не хвалить таких сочинений, которых предмет, повидимому, есть тот, чтоб осмеивать пороки, а добродетель представлять в блистательном ее виде. Надобно бы, кажется и мне, чтоб любовь ко ближнему была самым первым основанием всех наших дел. Но мы видим иногда в свете и совсем противное тому. Когда поедем за море: то и там увидим, что в злобных сердцах попеременно действует то ненависть, то мщенье. Честолюбие повсюду требует себе жертвы. Одно в хулу по истине изреченное слово, а клеветником до целой речи расположенное лишает иногда не токмо чести, но и пропитания. В дугу согнувшаяся спина поспешно приближается к знатным чинам и богатству. За нею следует тихими стопами лукавством преисполненная голова, сплетающая себе венки из того самого терния, которым ближнего коснулася. Окинем глазами своими улицы: тут увидим разоренных вдов и сирот, оплакивающих день своего рождения; отцов, клянущих непокоривых и строптивых своих сыновей; матерей, раздраженных распутством дочерей; детей, поносящих хулами родителей своих за то, что стараются старинным поведением заградить им стези к развращению. Зайдем хотя мимоходом и в дома: в одном увидим голые стены: домашние уборы, так, как и другие пожитки, все уже к месту прибраны; а полы усыпаны карточными листами; в другом молодых дворян, разговаривающих о великолении французских мод; в третьем пожилых людей, обще между собою советующихся о исправлении нравов детей своих; в четвертом любовника, с ума сходящего и на судьбу жалующегося, что попустила оспинам так сильно лице его обезобразить; в пятом престарелого человека, который морщины лица своего белилами заглаживает, а седину пригложим перуком покрывает. Посмотрим еще и на блистающие

златом кареты: за одною идут разоренные купцы, просящие о уплате долгов; им отвечают с негодованием: *завтре*; за другою выходят со двора в ветхих рубищах крестьяне, прося об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнюю своею бедностию теперь заплатить не могут; им говорят грозным голосом: *не можно*; перед третьею рядом стоят челобитчики, просящие о решении своих дел, и получают в ответ: *теперь не время*; они кланяются в пояс и отходят.

Nec si miserum Fortuna Sinonem
Finxit, vanum etiam mendacemque improba sinet.

Счастливы бы были воистину всякий народ, если бы, выходя из тьмы неведения и жестокосердия, во-первых, перенимал добродетели, а потом науки, художества и промыслы того народа, от которого заимствует свое просвещение. Но и то надобно сказать, что ничто вначале совершенным быть не может. Главные пороки повсюду уже искореняются, а мелкие выйдут, может быть, со временем из моды. Сего, как видно из ваших листочков, желаете и вы, господин издатель «Живописца». И так я, возбуждаем будучи тем же желанием, каким и вы, не премину по сыновней любви к отечеству своему совоюкупно с вами открывать пороки сограждан моих и об оных уведомлять вас в письмах моих, которые прошу покорно вносить в листочки ваши, дабы я чувствовал хотя то утешение, что наблюдения мои в пользу общества предаются тиснению. А между тем, в ожидании вашего на то согласия, остаюсь отечеству своему всякого блага желающий

Россиянин.

Прошу сообщать ваши примечания: они мне приятны; а у читателей спросите сами, каковы они им покажутся.

V

ИЗВЕСТИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ С ЕЛИКОНА

Будучи я одиножды в то уединенное и тихое состояние приведен, в котором смертные, оставя иногда на несколько мгновений мир сей, входят в самих себя; прелетают мысленно жизнь свою, делают над собою судиями и, по долговременном исследовании наших, что они большею частию страждут от клеветы и ненависти, ищут своего утешения в одной только невинности, произносил следующую жалобу:

— Великий боже! что есть благороднее человека в его творении? но что и ужаснее быть может его обхождения с нами? Уверьяй

его, сколько хочешь, разными опытами и услугами о своем благонравии и честности; вкрадывайся в его сердце до тех пор, пока уже он собственною честью ручается за твою добродетель. Но лишь чуть только в нем маленькая искра неудовольствия воспламенилась, вдруг затмевается имя твое; ты делаешься ненавистным ему предметом, и он не видит уже в тебе ничего хорошего, как будто бы возможно было, чтобы человеческие добродетели в одном мгновении и по воле недоброхотства превращались в пороки или в самое ничтожество. О суетная жизнь! — продолжал я мою жалобу: — коль великолепно блистают алтари твои! коль бесчисленны твои обожатели! и коль тьмократны их падения!

Стремлению таковых размышлений дал я на несколько времени свободу и переходил из одной мысли в другую до тех пор, пока нашел для себя во оных некое душевное спокойствие. Тогда бросился немедленно в постель и едва только сомкнул глаза, как печально приятный и необычайный сон овладел слабыми моими членами. Но душа, которая во своем владычестве никогда не усыпает со всеми силами и, подобно не дремлющему ни день, ни ночь кормчому, всегда имеет верных стражей, или пекущихся о благосостоянии брэнного ее жилища, либо действующих всеминутно по естественному и нравственному течению, была во мне против обыкновенного столь сильно поражена неким тайным предчувствованием, что хотя я и действительно обьят был глубоким сном, однако все мне казалось, будто приготавлиюсь в дальнюю дорогу.

Сие предчувствование сбылось действительно со мною. Ибо спустя несколько минут прелетаю я земной шар и все поднебесные области; преселяюсь в жилище бессмертных, коего величество и небесный блеск восхищают дух мой. — Но оставшееся еще во мне чувство человечества вселяет в меня сердечное сожаление о бывшем моем смертном жребии. И так говорил я сам в себе:

— И так, конечно, ты уже навсегда расстался с земными жителями! Ты не будешь иметь того нежнейшего удовольствия, чтобы друзьям и врагам твоим сказать в последний раз: *прости*. — Жалостию растворенные слезы, кои из глаз моих, как будто из двух источников, лились, последовали за каждым словом. — Прости, — говорил я, — дражайшее человечество! прости навеки и прими сей плач яко чистейшую дань, приносимую тебе от меня в последний раз.

Потом, будучи некоею невидимою силою ободрен, вдруг почувствовал в себе, якобы со слезами моими купно и все слабости человечества во мне померкли. С сего времени начал было я, как казалось, с холодностию и равнодушием взирать на земное величие, чины, достоинства и на все оно ветшающие красоты; и, утушая мало-помалу привязанность к брэнности, наслаждался

новым блаженством. Но вдруг представив себе весьма несправедливый поступок моего *смерти*, немало тем огорчился.

— Как! — вскричал я вспльчиво: — мне один раз в жизни моей, и то неволю, случилось подумать только о суетности и злых наветах мира сего; причем весьма я отдален был от того, чтобы желал умереть; однако немилосердая *Парка* против воли и чаяния пресекла шить дней моих. Нет, таковой поступок сколько для меня неприятен, столько оный несправедлив и непростителен. Коликое множество в свете есть таких людей, которые чрез целую жизнь свою и не понимают, что они живут? Сколько есть и таких еще, кои хотя то и весьма явственно понимают, однако делами своими не заслуживают жить и на одну минуту? А о тех и упоминать не хочу, кои при изъявлении своей любви хотя тысячу раз угрожали себе ядом, кинжалами и другими неминуемыми смертями: однако и по сие время все еще в добром здравьи находятся. Сии-то роды людей составляют, так сказать, зрелую жатву для смертных косы: ибо они, и живы будучи, уже почти во гробе лежат. За что же меня так насильно и противу желания лишать жизни?

Как я, в сии размышления углубясь, в превеликой находилса задумчивости: то вдруг услышал приятные восклицания, производимые ликом, приближающимся ко мне. И каким сладчайшим восторгом стал я поражен, увидев грядущих ко мне духов, одетых в белое женское одеяние и стократно повторяющих:

— Это он, это он — это любопытный зритель, описатель нашего путешествия.

Я, будучи внезапно из глубокия печали в чрезмерную радость преселен, пребыл недвижим, точно воображая себе, что я, конечно, странствую во сповидениях. Вдруг все они, окружив меня, с ласковым и пленяющим видом говорили ко мне:

— Пожалуй, не беспонойся, отряси всю печаль свою и ведай, что ты видишь теперь пред собою наилучших твоих приятельниц; мы те мусы, которых ты весьма много одолжил описанием твоим несчастного нашего по земли странствования.

Сколько я сначала ни старался принять на себя веселый и свободный вид в моих разговорах, однако каждое слово изъявляло некую принужденность и доказывало им явственно о моем смятении. Они, приметя во мне внутреннее волнение духа, пресекающее слова мои, всячески меня просили, чтобы я как честный человек, не утаивая ничего, открыл им точную причину моего беспокойства.

— Государыни мои, — отвечал я тогда, — как мне не досадовать? я, живши на земле, заготовил было несколько дюжин разных проектов, и если бы все оные произведены были в действо, то, конечно, нажил бы я себе богатство, высокие чины, а может быть, и бессмертное имя. Ибо я твердо было положился написать

по крайней мере несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества моего: но едва успел сочинить три или четыре сатиры, как сверх чаяния лишился жизни. О смерть! ты не взираешь ни на что, ты разрушила все мои надежды!

По выслушании моя речи никак не могли они удержаться от смеха, потом ласково мне сказали:

— Изю всех твоих желаний видно, что ты и поныне еще смертный: поверь нам, что ты еще не умер; итак, не о чем тебе крушиться; ты жив и будешь жив надолго. А что ты теперь в наших местах находишься, то мы тебя нарочно сюда на малое время призвали. Во-первых, мы почли за долг благодарить как тебя, так и г. живописца за изрядное описание нашего земного странствования; во-вторых, зная довольно, сколь ты стараешься о знании человеческого сердца и сколь беспристрастно рассуждаешь о земных вещах, охотно желаем уведомиться чрез тебя, какой его род людей *метрессы* и каким образом они у вас заведены. Нам доводилось несколько крат читать в полном собрании сочинения некоторых просвещенных французов, в которых *метрессы* превозносятся хвалами, что они избавляют мужчин от тяжкого ига, то есть брачного союза, и возвращают человеку первобытную его вольность: но мы с крайним отвращением слушали таковые нелепые заключения.

Потом одна из тех двух мус, кои оставались при Аполлоне и которая, как я уведомился, представляет образ верных и целомудренных супругов, приступив ко мне поближе, говорила:

— Я должна признаться, что я больше всех желала увидеться с тобою и открыть тебе мое неудовольствие в рассуждении нынешних женщин. Будучи я главою и покровительницею женского пола имею долг больше всех пеиться о их целомудренности, верности и святости брака; почему все списки добродетельных женщин всех народов и веков у меня хранятся. Посмотри же на список нынешнего полустолетия, а наипаче последних годов, и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукреций*. Вот тебе моя роспись, прочти ее прилежно. Ну... сколько нашел *Лукреций*?

— Извините, сударыня, я, право, здесь

ПРОДОЛЖЕНИЯ НЕ БУДЕТ.

VI

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Как мне известно, что в ваших хвалы достойных листах не упускаете никогда являть свету все, что оного заслуживает преврушение, дабы чрез то возбудить в сердцах сограждан ваших должное отвращение к худым делам; то вы, я думаю, не пропустите

случая дать знать всем мыслящим россиянам (ибо вы для них только, я думаю, пишете) о наипохвальнейшем и наиболее полезном учреждении, о каком токмо частным людям помышлять дозволяется. Я хочу здесь говорить о недавно учрежденном *Обществе, старающемся о напечатании книг*. Статуты оногo Общества вам, как человеку, всегда в свете обращающемуся, может быть известны; но я, читая оныя, столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и должествующую из оногo учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оных дать знать всему свету. Между тем как я постараюсь вам сообщить все статьи оногo учреждения, намерен теперь вам поговорить о пользе оногo в рассуждении народного просвещения и о пользе его как Общества, до торговли касающегося.

Правило неоспоримое государственного домостроительства есть сие: стараться о процветании торговли. Сие разумеется о пространных государствах; ибо сколь торговля в таком государстве полезна, столь и более она вредна в правлении, на один или малое число городов ограниченном; что более опричь торга приводит деньги, сии измеряющие знаки народное иждивение, в обращение, и по тому, что более доставляет гражданам пропитание! Не говоря о том, что чрез оный богатые люди лишаются излишних своих денег, которые бы мертвы, так сказать, были в их сундуках, если б роскошь, соплетая им новые потребности, не побуждала их покупать работы художников, равно пышность, тщеславие и чувства услаждающих; коликое число питается посредством торгу людей, дневную работу исправляющих, доставляя художникам материалы, над коими хитрая их рука исчерпывает вымыслы искусства. Что были бы без торговли фабрики, мануфактуры и проч.? А общественный торг тем выгоднее для государства, что, будучи в состоянии большие предпринимать намерения, он большему числу людей доставляет прокормление. Но учреждение *Общества, старающегося о напечатании книг*, хотя и кажется, что не подходит под сие правило, но тем полезно, что подает пример, каким образом надлежит устанавливать торговые общества; как производить оногo дела без замешательства, как предварять неудобствам, к разрушению оныя влекущим. Я не устыжусь сказать, что сие Общество посармляет большую часть нашего купечества, не ведающегo начальных правил торговли. Да научится оно оным из сего учреждения! Дай бог, чтобы, просвещая всех разумы, пример сего Общества просветил разумы наших торгующих и явил им истинные их прибыли. Сами они были бы богаче, а государство могущественнее и счастливее.

Что касается до пользы сего Общества в рассуждении просвещения разумов, то кто оную, так сказать, не ощущает? Печатанные книги, собликая вьски и земли, доставляя всем сведение о изо-

бретенном и о происшедшем, есть наивеличайшее из всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оного определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей? Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений и предрассудков, всегда вредных; ибо я не того мнения, чтобы оные некогда полезны быть могли: польза их бывает мгновенна, но вред, от оных происходящий, отрыгается, если могу так сказать, чрез целые веки.

Вот что я вам имел сообщить о наиболее полезнейшем нашего века учреждении частных людей. Пожалуй, внесите сие письмо в ваши листы; ибо сведение о таком Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клубов, ассамблей и тому подобных сходбищ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь ваш. Вам Россия долженствовать будет . . .

Ваш покорный слуга

Любомудров.

1773 года,
февраля 28 дня.
Из Ярославля.

Г. Любомудров! я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно немало послужит к ободрению учредителей *Общества, старающегося о напечатании книг*, в их предприятии. И хотя план учреждения сего мне неизвестен, однакож я согласно с вами мышлю, что намерение сие весьма полезно для единоземцев наших. Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доньше. Но по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранилищницы и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но позвольте сказать, петербургские и московские жители много имеют увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг; а сверх того и просвещение наше или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не

позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими госпожками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга чрез трой или четверо руки дойдет, например, в малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш, для того что производит сию торговлю весьма малым числом денег: итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубли, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходуется меньше, а печатающие оные вместо награждения за свои труды часто терпят убыток. Вот, государь мой, цель, куда должно стремиться намерение сего Общества; и если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то по справедливости заслужит похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорил с вами о сем веществе поболее, но *не у прииде час*.

Всепресветлейшая императрица, наша всемиловитейшая мать и государыня все употребила, что только можно сделать государю, для просвещения своих подданных, для очищения разумов и сердец их и для искоренения из оных всяких гнусных пороков и преубеждений; осталось нам самим, верным подданным ее, споспешествовать ее намерению и исполнять ее волю для собственного же нашего блаженства. И какую иную можем мы сей великой государыне за бесчисленные ее к нам благодеяния принести жертву, достойную ее, как только действительное исполнение ее воли? Ея императорское величество учредила *Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык*, и определила ежегодно по пяти тысяч рублей для заплаты переводчикам за труды их. Сим одним действием много сделалось пользы: упражняющиеся в переводах приобрели чрез сие честное и довольно приумножение своих доходов, а тем самым поощрены они ко прилеплению к наукам гораздо более, нежели как бы определенным жалованием: где должность, тут принуждение; а науки любят свободу и там более распространяются, где свободнее мыслят. Сколько же проистекло пользы от переведенных книг под смотрением сего Собрания? Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколь большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам? Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно.

Вот, государь мой, чистосердечное мое мнение о сей материи, о которой вы в письме своем писали!

VII

ГОСУДАРЬ МОИ!

Лишь только уверился я, что примечания мои вам нравятся, то, не рассуждая о том, как покажутся они читателям, тотчас принял намерение всячески стараться исполнить ваше желание. Но между тем как стал я ввечеру прилежно рассуждать, по какой тропинке босым моим ногам, слабым зрением направляемым, способнее будет достигать сего предмета, отовсюду частым шиповником заросшего: то пришел я от того сперва в задумчивость, а напоследок почувствовал в себе от тяжелых дум такое расслабление душевных и телесных сил, что, сидя на стуле, крепко уснул. Продолжавшаяся тогда в покое моем тишина весьма много способствовала к тому, что в уме моем начертался очень явственно следующий сон.

Показалось мне, будто я стою в пространной долине, окруженной каменистыми горами, которые как будто связывала простирающаяся над ними радуга: на ней золотыми числами означено было 47 гр. 57 $\frac{1}{2}$ мин. долготы, а 59 гр. 56 $\frac{1}{4}$ минут широты. Заходящее солнце казалось тогда стоящим над хребтами оных гор и слабо согревающим склоняющийся ко сну день. Слышимые издали весьма приятные пения, благорастворенный воздух, красота устилающих долину цветов: все сие привело меня и сонного в восхищение. В превеликом от меня расстоянии виден был великолепный и самым чистым сиянием окруженный престол, от которого происходящий глас отзывался в ушах моих так: «Внемлите, о пресмыкающиеся черви! вы, жизнь которых прерывается, как паутина; вы, вместилище души которых есть вихрем носимый прах; вы, которые быстро смотрите на землю, а не можете проникнуть песка, ее покрывающего; вы, которые возводите очи свои на небо, но густое облако приходит пред самый ваш предмет и скрывает его, внемлите, вещаю вам, и не ищите напрасно долговременных веселий и удовольствий в таком свете, где все переменам подвержено, ниже благоденствия, которое в одно мгновение ока может исторгнуться из рук ваших и удалиться от вас с такою скоростью, с какою бурный ветер заносит начертанные перстом младенца на песчаном морском берегу буквы. Око, трепещущее смертных ночи, не может видеть того, что предвечным определено. И так ждите, суетою дышащие животные, пока переселитесь в поля вечного благополучия, в здания, бурными ветрами никогда не колеблемые, в жилища, всегдашнего удивления достойные: но помните притом, что долг ваш есть тот, чтоб богу повиноваться и заповеди его исполнять».

Вслушав со вниманием не очень приятные человеческому слуху слова сии, хотел я приблизиться ко престолу: но как скоро подумал я только о сем, то оный тотчас скрылся от глаз моих.

Тогда предстал, во-первых, зрению моему храм Славы, стоящий посреди великолепного сада, в котором много было лавровых, пальмовых и других иностранных деревьев: все с разными надписями; но я разобрал только две следующего содержания: *за превосходные качества паче всех возвышены*. Они начертаны были на сродных климату нашему деревьях. В нарочитом отсюда отдалении росли яблони, между лиственным которых видно было плодов много, но зрелых мало. Еще подальше видел я много всяких садовых и диких деревьев; но мне не можно было вблизи их рассмотреть, потому что старинная к ним тропинка вся усыпана была волчцами.

Вышед из сего сада, увидел я реку, по самой середине долину рассекающую и имеющую весьма чистую воду. По берегу сей реки шаталось великое множество каких-то рогатых животных, которые как будто с любопытством рассматривали в прозрачной воде собственные свои подобию и оными любовались.

Неподалеку от того места, где река сия впадает в море, усмотрел я два не очень великие, однако изрядные садика, которые и переманили меня на другой берег. Подходя к ним, увидел я, что из одного везут целую телегу бесполезных трав, на место которых пронесли туда несколько мешочков хороших семян. Я спросил у идущего за помянутою телегою человека, отчего завелись в сем саду негодные травы; а он сказал мне на то в ответ: *где нет худых растений, там не растут и хорошие*. При входе в другой садик лежало много гибких ветвей разного рода деревьев. Вошед в оный, увидел я, что муж лет семидесяти, на лице которого человеколюбие, беспристрастие и прямая к пользе отечества ревность ясными изображены были чертами, выбирает самые лучшие веточки; а окружающие его малолетные дети плетут из оных разной величины веночки. Любопытен будучи знать, на какой конец плетут они так много венков, стал я просить у одного почтенного мужа решения на мое недоумение. Глядя умильным на меня оком, сказал он:

— Все сии венки относим мы к стоящему на другом берегу храму Славы и кладем их к подножию оною: а чем лучше сплетены веночки, тем счастливее бывают на возрасте своем сии дети.

Я приметил, что все состоящие под ведомством сего мужа дети весьма благонравны, и, пришед от того в восхищение, сказал:

— Благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благосостоянию общества, ко преодолению господствующих в народе предрассуждений и к собственному своему благополучию хорошо воспитывается.

По удалении моем из оных садиков увидел я вдали огромные храмы: но лишь только стал я приближаться к одному из них, то встретили чрезвычайно ласково как меня, так и других, для богомолия идущих, людей мудрецы, которые то французскими, то русскими выражениями по физике доказывали, что солнце,

луна, звезды, земля и все вообще строение мира могло получить свое бытие и без посредства божия. Многие из тех, которые твердо знали французский язык, принимали доказательства их за справедливые и, не входя во храм, возвращались домой с сердцами гордыми, памятозлыми и равномерно как на друзей, так и на недругов своих неугасимую ненавистию пылающими. Другие, напротив того, не слушали мечтательных и богопротивных их доказательств, но проходили, оглядываясь на них с презрением, во внутренность храма. С сими последними вошел и я и, имея покорное сердце к существу, непостижимому для разума человеческого, безднами заблуждения окруженного, со слезами просил его, дабы обратил на путь истинный заблуждших моих сограждан. Отсюда пошел я вслед за неизвестным стариком, который, идучи, тихо ворчал про себя следующее:

— Неужели и во всех государствах такие произрастают от наук плоды? — Никак! Науки приносят обществу великие пользы и связывают его самыми крепкими узами здравого рассудка: они учат жить добродетельно и богу достою должное воздавать почтение; а что люди, не исследовав еще совершенно и того, что всегда у них в глазах, желают знать и сокрытое черною завесою от слабого их зрения, тому причину собственное их безумие. Так, подлинно так, — продолжал он, — и ейоты заразы ничем другим предупредить не можно, как только частым напоминанием молодым людям того, что кто бога забывает, тот, верно, навлекает на себя праведный его гнев.

Отстав от сего старика, вышел я на большую улицу, по которой едущие издали кареты блеском своим меня остановили. Но между тем как кареты сии ближе подъезжали, подошел ко мне какой-то старичок и, приметя, с каким удивлением смотрю я на оные кареты, стал мне на ухо говорить:

— Не думаешь ли, что развезжающие в сих каретах щеголи все вообще богаты? Нет! сего никогда не бывало. Многие из них берут у меня деньги в долг, но очень худо платятся. Вот как знатно ведет себя иностранное купечество! Да полно, и у нас то же самое будет! Мы, старики, денежки копим, а детушки их промотают, да и спасибо не скажут.

Так рассуждал сей старик, как я от прекрепкого сна стал пробуждаться, а потом, сев за стол, написал к вам сие письмо, которого содержание отдаю на ваше рассуждение. Простые у нас в России люди много верят снам и предузнают по них будущее свое благополучие или несчастье. Но как они часто в том и ошибаются, то я, не требуя от простолюдинов истолкования, прошу вас покорно справиться, нет ли в каких-нибудь толкующих снах по Зодиям книгах изъяснения хотя на главные предметы сего моего привидения. Или не произошло ли оно от исправно и сильно действующих в душе моей понятий о добрых и худых делах,

которые в знатных гражданских обществах всегда происходят?
В ожидании от вас сего благоприятства остаюсь
отечеству своему всякого

блага желающий

Р

VIII

Недавно получил я письмо от неизвестной особы, с приложением письма к любителям добродетели, которое во удовольствие их здесь сообщается.

Государь мой!

На сих днях, когда я был в отлучке, принес в мой дом некакий старик надписанный на мое имя конверт, который по приезде моем распечатав, нашел письмо к любителям добродетели и при оном записку следующего содержания: «Добродетельный старик! прими труд на себя сообщить сие открытое письмо всем тем, кто любит добродетель, и испроси у них на оное ответа, который я могу чрез сего же самого старика получить. Я дух: жилище мое тебе быть известно не может. Прощай».

Прочитав оную, в немалом я был изумлении и, не находя средства, каким бы образом дать об оном знать всем любителям добродетели, рассудил просить вас, чтобы вы оное сообщили в своих листочках, которые, я надеюсь, все любители добродетели читают. Я же чрез сие ваше одолжение удовольствую желание духа и останусь навсегда с покоем и с любовью моею к вам

Добромыслов.

ЛЮБИТЕЛИ ДОБРОДЕТЕЛИ

Удалась я от света, удалился от оногo сует и наслаждаюсь здесь вечным блаженством. Зависть, стремящаяся похитить спокойство ближнего, вражда, соплетающая сети для пагубы невинности, неправда, гонящая истину и грозящая низвергнуть ее навеки в места забвения, и другие сим подобные, на кои со ужасом добродетель взирает и с часа на час ожидает себе из них нового гонителя, совсем из сих мест изгнаны. Не видно здесь тех прихотей одного человека, для удовольствования коих тысяча в поте лица трудится и смерть жизни своей предпочитает; нет также и праздности, развращающей людские сердца и рождающей к гибели рода человеческого наглую отважность. Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение около небесного светила, нисылающего свои благотворные на землю лучи, а я во все то время, наскуча жизнью, лишь примечал непостоянство времени и людей,

Видел я, как пороки, вселившись в сердца человекoв, гонили добродетель; видел я, как она, воцарившись, господствовала и по некотором времени, за два года пред отшествием моим с пространного круга земли, опять была изгнана. Долгое время странствовала она по городам и, не найдя ни в одном себе пристанища, прибегнула к сельским жителям; однако и там, возненавидев, ее изгнали. Если вы все таковые устремившиеся во времена мои на добродетель гонения, и к тому зараженные ядом пороков человеческие сердца, и мою добродетельную жизнь приведете себе на мысль, то нимало не будете так скорому пред нашествием пороков нечаянному моему из света отшествию удивляться. Вы знаете, сколько злость, ненависть добродетель, старается оную притеснить и коликoму несчастью добродетельной души бывает подвержена. К обвинению меня злость употребила орудием развращенные ею нескольких человекoв сердца, и я в короткое время был невинною оной жертвою. Возможно ли, великий боже! зло за добро воздавать и терпеть поругание над добродетелью! Какой варварский век! Какое дело, человечеству неспродное! Скажите, любезные мои соучастники, еще ли сии в недре развратных сердец заченшиеся ужасные чудовища, сии страшлища добродетели на свете терпимы; еще ли не явились они мерзостны пред очами человека, которого они все совершенства затмили. Убегайте, живучи на свете, убегайте сих мнимых доброт, инако зла; будьте подражателями мне, любите всякое истинное добро, да насладитесь купно со мною блаженной жизни. Наконец прошу, уведомьте меня, что у вас делается, царствует ли добродетель и награждаются ли достойно заслуги, или порокам, как и за мою жизнь, люди порабощены. Прощайте.

IX

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Случившееся недавно со мною не последнее бы заняло место в картинах ваших, ежели бы представлено было вашею кистию; но от вас еще зависит то сделать. Я напишу, как могу, а вы, как Апеллес наших времен, можете вам только одному известным искусством оживить слабое мое изображение.

Недавно был я в одном доме, где хотя не более было шести персон (выключая тех, о которых обыкновенно мало в компаниях помнят, тут ли они или вышли, в коих числе и я, по несчастию, находился), однако вы согласитесь со мною, что оно было многочисленно, когда скажу вам, что состояло из двух модных барынь, трех нынешнего света господчиков и одного рифмотворца; особы, из коих каждая целого худого собрания стоит. Уже говорено было о модах, законах, новой :...: гостинoм дворе, и проболтаны были

целые фолианты тех отрывистых материй, о которых никак пере-сказать невозможно; уже стихотворческий педаант толковал о необходимости купцам знать новую орфографию для подавания их счетов, без чего не могут они быть действительны, и прочитал сочинения своего несколько сот стихов, хотя и никто его не слушал; уже от бессловесия, удивительное дело в таком собрании! начали дамы зевать, а кавалеры, посвистывая, кобениться в креслах, как вдруг сказанным *a propo* один из них возбудил к беседе внимание и спросил, кто читал «Живописца»? Одна из госпож отвечала с некоторою досадою:

— И, радость, какой вздор, таки ужасно; сего дня поутру читала мне его моя девушка; чего его смотрят, я таки давно бы велела перестать писать такую пустошь.

По сем изречении замолчали, и я думал, что кончится о вас речь, признаюсь, что с прискорбною, ибо хотел ведать мнения прочих; но г. рифмотворец почел за долг возобновить материю, сказав, что он рад всею клясться, что сочинение ваше никуда не годится, и что сам Аполлон, его искренний друг, засвидетельствовал, что вы пишете безо вкуса. До сего времени я и гласу не имеющие мои товарищи, коих было четверо, безмолвствовали, но один из них осмелился в похвалу вам сказать, что всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся. Слова сии, показавшиеся мне справедливыми, возымели совсем иное действие, нежели как я чаял, и вместо того, чтоб снискать вам достойную похвалу, заставили раскаиваться после вымолвившего оные; ибо он ими сделал неучтивство даме, не согласуясь с ее мнением, и вооружил против себя стихотворца и молодых господ. Как скоро он сие выговорил, то все собрание громко захохотало; дама посмотрела на него с презрением; рифмач клялся снова, а господа, как будто сговорясь, в одно время вскричали, что листки ваши негодны.

— Ах, мой бог! — сказал один из них: — осмелиться писать, не зная по-французски!

— Сакристи! — вскричал другой, — это быть не может!

Сим не кончилось, они продолжали язвить насмешками своими вас и бедного человека, осмелившегося не у места сказать слово, чего нам, беднякам, и вподлинну в таких случаях делать не надобно; но француз, торгующий парижскими безделками на наши весьма действительные деньги, входом своим избавил вас от ругательства и подал время убраться домой пристыженному и осмеянному моему товарищу. Я выпел скоро за ним и, идучи, думал о происшедшем; наконец вознамерился уведомить вас, тем паче, что сие и до вас касается.

Ваш добросеятель . . .

X

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Я начинаю скучать городскою жизнью, причины тому из следующего узнаете: мне лет под тридцать; я не богат и не беден, имею или, по меньшей мере, надеюсь иметь деревню. Учился я здесь иностранным языкам, которые отчасти я разумею. Вышел из школы, вступил я в службу, познакомился с молодыми людьми, из коих иные старались вводить меня в карточную игру, другие научали всяким разным мотовствам и в скором времени сделали меня некоторого рода мотом: но, благодарение богу, несовершенным; сверх всего того природную имел я страсть к любви, которая, может быть, и была причиною, что я к другим страстям мало имел склонности. Теперь же все то переменялось, все те упражнения, кои прежде мне казались забавны, стали мне гнусны; не с такою уже горячностью смотрю и на любовь, потому что часто бывал ею обманут, хотя и сам нередко обманывал, но то и другое уже наскучило. Прежних многих друзей совсем не знаю, испытав, что дружба их основана была на каком-либо прибытке; имею токмо двух, но прямо истинных друзей, которые теперь все мое удовольствие составляют. Великие чины меня не прельщают, а доволен малым, который я имею. В таком будучи состоянии, принял я намерение, сыскав хотя беднейшую, но добродетельнейшую девицу, жениться на ней с позволения тех, коим я должен свою жизнь, и уехать в деревню; тамо остальные дни своей жизни препровождать буду в тишине и покое. Четыре время года подавать мне будут разные упражнения и пользы. По утрам буду на поклон ходить к своим токмо полям; вечерние же собрания составлять будет малая моя семья, а переписка с друзьями приятное и полезное будет мое отдохновение. Описав теперь подробно все мои мысли, прошу вас дать мне знать, каковым вы почитаете принятое мое намерение; иные говорят, что я еще не в таких летах, чтоб жить в деревне; другие, что стыдно быть молодому человеку в отставке; вы, государь мой, что мне скажете? Нетерпеливо ожидая вашего ответа, остаюсь всегдашним вашим доброжелателем и покорным слугою.

Прежнее ваше поведение было худо, исправление полезно, а намерение похвально; по малой мере мне так это кажется. Но исполните сие не прежде, как испытав себя, будете ли вы любить свою жену и не оставите ли ее, последуя моде. В отставке молодому человеку быть не стыдно, лишь бы только был таковой человек и себе и обществу чем-нибудь полезен.

XI

САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

№ 1

В Санктпетербурге

И з М е щ а н с к о й

Есть женщина лет пятидесяти: она уже двух имела мужей, но ни одного из них не любила, следуя моде. Достоинства ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играт в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, но приданого ничего нет. Кто хочет жениться, тот может явиться у свах здешнего города.

И з Л и т е й н о й

Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надсеаяся кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле Змеян поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! колико ты страждешь от безумия Змеянова! и если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению Змеянову и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так по крайней мере не боится, чтоб он ими был проклинаем.

И з М о с к в ы

Один посредственный дворянин, но любящий свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатюрного живописца. Искусство сего живописца велико; но доходы, которые он получал за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русский человек: ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца, за его содержанием, весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как человек благоразумный и такой, который в рассуждении своих доходов арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег,

Некоторый знатный господин, достойный за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рубл. и избавил его от неволи, для того чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию художеств. Ежели сие делается, то он ему откроет путь ко снисканию счастья. Вот пример, достойный разумного, знатного и пользу общественную любящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было побольше!

И з Я р о с л а в л я

Здесь все удивляются воздержности московских писателей. Известно, что почтенная наша старушка Москва и со своими жителями во нравах весьма непостоянна: ей всегда нравились новые моды, и она всегда перенимала их у петербургских жителей; а те прямо от просветителей в оном разумов наших господ французов. В нынешнем, 1769 году лишь только показалась в свет «Всякая всячина» со своим племенем, то жители нашего города заключили, что и ето новая мода. И как Москва писателями сих мелких сочинений весьма изобильна, то надеялись, что там сии листки выходить будут не десятками, но сотнями. Ради чего фабрикант здешней бумажной фабрики велел с споспешением делать великое множество бумаги, годной к печатанию; а между тем отправил своего приказчика на почтовых лошадях в Москву для подряду. Но он и мы все обманулись: в Москве и по сие время ни одного такого из типографии не вышло листочка; да и печатанные в Петербурге журналы читают немногие. Старый, но весьма разумный наш помещанин Правдин о сем заключает, что Москва ко украшению тела служащие моды перенимает гораздо скорее украшающих разум; и что Москва, так же как и престарелая кокетка, сатир на свои нравы читать не любит.

И з К р о н ш т а т а

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; 2. Vetilles из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов; табакерки черепаховые, бумажные, сургучные; кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненые и нечиненые; булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары; а из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы,

как то пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

И з в е с т и я

Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Молодой дворянин, идучи по Материальной улице против некоторого дома, засмотрелся на окошко, в которое смотрели три прекрасные девушки, и выронил свое сердце; кто объявит о поднявшем оное, тому дастся награждение, соответствующее щедрости молодого дворянина, сына судейского и недавно приехавшего из своего поместья для поминовения своего родителя и проживать нажитое покойным судьею имение.

Старый лицемер, слушая обедню, увидел девушку лицом прелестную. Он, держа в руках молитвенник, во всю обедню не спускал глаз с помянутой девушки, примечая, с прилежанием ли она молится; и, находясь в таком положении, нечаянно с носа сронил очки и потерял: кто оные поднял и принесет в его квартиру, тому за труды из любви к ближнему даст он письменное наставление, как жить в свете; а паче всего в рассуждении женщин, сих прелестных сирен, усыпляющих наши чувства и разум.

П о д р я д ы

Для наполнения порожних мест по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек; кто пожелает в поставке оных подрядиться или и сами желающие заступить те убылые места могут явиться у помянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте.

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинения, кото-

рые он расположился писать; желающие поставить и взять ниже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству могут явиться в его квартире.

П р о д а ж а

За вексельный иск, описанное и оцененное в 14 р. 57 к. $\frac{3}{4}$ оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу: ибо наследников к оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать могут явиться у аукциониста, который продавать будет.

Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

К у р с д е н ь г а м

У Кащя по 12 рубл. в год на сто.

У Жидомора 16 рубл.

У мелких ростовщиков по 10 коп. на рубль в месяц.

№ 2

В Санктпетербурге

С Васильевского острова

Злонрава в превеликой грусти и слезах препроводила целый год, ожидая возвращения своего супруга; наконец ко утешению ее скорби он возвратился. Друзья его, обрадовавшись его возвращению, все к нему съехались. Злонрава от радости была почти без ума; но час спустя муж ей в чем-то попротивуречил; она рассердилась, проклинала день своего рождения и час ее с ним брака, и чтобы в другой переродиться раз, то послала она любезного своего супруга к чортѹ. Супруг не успел еще от прежнего в дороге оправиться беспокойства и для того в такой дальний ехать путь не осмелился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его, удивясь такой перемене, спрашивали ее: для чего она в отсутствие мужа своего всегда о нем плакала, а по приезде его так скоро с ним поссорилась? Она отвечала: о том-то я и плакала, что не с кем было мне браниться.

И з К о н н о й у л и ц ы

Старушка лет осмидесяти, одна из тех, которые питаются подаванием добросердечных граждан, шла мимо дома некоторой кокетки и, увидя ее у окна, остановилась и стала просить милостинны. Госпожа сказала ей:

— Как тебе не стыдно, старушка, так таскаться и питаться таким худым промыслом; неужли ты не сыщешь себе другого пропитания?

— Ежели бы я имела, сударыня, деньги, так бы, конечно, постыдилась промыслять моим ремеслом, но лучше бы принялась за ваше: ибо летами меня вы, конечно, не моложе, а лицу моему, так же как и вашему, помогли бы искусные доктора. Ведь, сударыня, — продолжала старушка, — деньги-та деньгами же достают.

Боярыня осердилась, хлопнула окном и старушке ничего не подала. Старушка пошла и сквозь зубы заворчала:

— Теперь-то я узнала, что когда просишь милости, тогда правды говорить не надлежит.

И з О ф и ц е р с к о й у л и ц ы

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разносчика с апельсинами и приказала его кликнуть. Разносчик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала и начала чистить; а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать:

— Женат ли ты?

— Женат, сударыня, и троих уже имею детей.

Боярыня спросила:

— Бывают ли между крестьянами мужья *рогоносцы*?

— А между господами бывают ли, сударыня?

— Как не быть, — сказала госпожа, — и у меня есть муж.

— Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа, — отвечал крестьянин. — Нас приказчик за это бы рассек, ежели бы мы что стали у господ перенимать: нам только велят работать.

— Да ведь за женою усмотреть мужу никак невозможно, — сказала боярыня, — если она что захочет делать.

— Ваше дело господское, вы его по себе больше нашего знаете, сударыня, — отвечал разносчик, почесавшись. — А где живет ваш муж?

— На своей половине, — отвечала госпожа, — а я здесь, на своей.

— Да разве вам в одной-та половине тесно, сударыня?

— Не очень бы было тесно: но это по моде.

— Чему ж дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы так от него далеко живете.

— Дурак, — перехватила, смеючись, госпожа, — ведь я его не про своего говорила мужа.

— Так виноват, сударыня, — сказал крестьянин, также усмехнувшись: — я не растолковал и думал, что вы говорите про своего мужа.

Боярыня разносчику пожаловала два рубли и отпустила.

И з К о л о м н ы

Забылчество дворянин, находясь в некотором приказе судьей, трудами своими и любовью ко ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время разорял других, подобных себе по образу, а не по делам, тварей; его следующими описывают красками: неправосуден, завистлив, пронирылив, прибиткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычник, ябедник и крючкотворец; а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав *во святой час* и не прочитав молитву *пресвятой троице*; водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях; дела подписывает перекрестясь, говоря: *честной-де крест на враги победа*; несмотря, что те его враги бывают часто законы, истина, правосудие, честь и добродетель: ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли. Доктор прописал в рецепте для г. судьи *добрую душу и честь*; а для супруги *разум*, сколько одного потребно для судейской жены; но судья говорит: на такие-де ненужные расходы не нажил я еще денег.

И з Т в е р и

Недавно пред сим чрез наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш Чистосердов спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярманок и о проч., но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин отвечивал:

— Философии.

— А что такое философия?

— Философия не что иное есть, как дурачество, — отвечивал ученик славного университета: — а совершенный философ есть совершенный дурак.

— О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, — сказал мещанин: — ибо я нахожу вас совершенным философом.

Дворянин, усмехнувшись, отвечал:

— Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак; а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ.

— Об вас это другие скажут.

— А знаете ли вы, — спросил дворянин, — какая разница между ученым дураком и неученым?

— Всеконечно знаю, — сказал мещанин: — разница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству. — И разошлись.

Дворянин поехал в путь, а мещанин нам сказал:

— Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают.

И з в е с т и я

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия: он в том не виноват; а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тягости устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов могут явиться в том приказе.

Прокурор Правдулюбов с судьёю Криводушным в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною под именем акциденции болезнию; и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаяся дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет: что ежели същется искусный в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег: ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользоваться могут явиться у прокурора Правдулюбова немедленно.

В некотором приказе был судья; он, служа в военной прежде службе, привык взятков не брать, почему и сделавшись судьёю не переменился. Он вершил дела по законам, не толкуя оные вкриво; весы правосудия в его время ни кулями с хлебом, ни мешками с деньгами покривлены не были. Все удивлялись его ополчению противу искушателей; и наконец большие судьи его правосудие почли гордостью, думая, что он не берет для того, что не дают больше. Гордость его наказали отрешением его от того места: он о том и не тужил; на место его посажен другой судья, в котором нималой нет гордости. Он берет взятки не яко взятки, но яко подарки. Весы правосудия в его руках, а указы в его устах: ибо они говорят то, что прикажет судья. И так в том месте, где сидел голубь, сидит ныне ястреб, о чем для сведения и объявляется.

Ростовщик, прозванный Жидомором, отдает из процентов деньги под ручной заклад, который бы вчетверо занимаемой суммы стоял; а сверх того зайщик, чтобы не позабыть числа, когда возьмет деньги, должен в той сумме дать вексель, проценты по полупешке только в день на рубль; кто хочет занимать деньги, тот может у него явиться.

№ 3

В Санктпетербурге

И з Б о л ь ш о й у л и ц ы

Некто, житель нашей улицы, упражняется в сочинении проекта о наложении пошлины на все сочинения худых наших стихотворцев и негодных прозаистов и хочет оный поднести на рассмотрение и утверждение самому Аполлону. Собираемую сумму определяет он на содержание бедных ученых людей. Некто уверяет, что от наложения сея пошлины двоякая для государства произойдет польза.

С П а р н а с а 1769 г о д а

Здесь все в великом замешательстве: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении. Все мусы, прославленные в России г. С., приходили ко своему отцу и со слезами жаловались на дерзновение молодых писателей; Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными. Великий Аполлон уверял их, что сие сделалось без его позволения и что он для рассмотрения сего дела повелит собрать чрезвычайный совет; а между тем показал Талии новую русскую комедию ****, сочиненную одним молодым писателем. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает законным своим сыном. Она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев.

О т т у д у ж о т 1 а в г у с т а

Смятение на Парнасе и поныне еще продолжается. Все с нетерпеливостью ожидают собрания совета и окончания сего замешательства. На сих днях великому Аполлону подал челобитную Пегас, в которой просит об отставке. Как скоро сия челобитная будет помечена, то мы ее сообщим.

И з М о с к в ы

Безрассуд, житель нашего города, помешался в уме, прочитав книгу «Разговоры о множестве миров». Сему удивляться не надлежит: ибо Безрассуд воспитан был под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила. Безрассуд, достигнув совершенных лет, не достиг, однакож, ни совершенного ума, ни истинного о вещах понятия. С летами его суеверие и невежество приходили в совершенство. В таком-то состоянии прочитал он Фонтенелля; на всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его понятия. Он вострепетал, читая, что звезды подвижные суть такие же миры, каков и наш; что солнце стоит, а земля ходит: огромность висячих над нами тел и что оные один вокруг другого, а все совокупно с землею и с нами так скоро вертятся около солнца, его поразило; куда он ни ходил и где ни сидел, везде казалось ему, что какой-нибудь мир оборвался и весь земной шар стремится расшибить в пыль; то представлялось ему, что планета, сбившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную к солнцу и что мы уже пылаем; иногда казалось ему, что он видит землю вертящуюся, и для того хватался за что попадалось, чтобы не упасть; словом, Фонтенелль и последние Безрассудова ума отнял крошки. Он не выходил из комнаты, не пил и не ел целые три дни; напоследок лишившись совсем ума, ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощаетея, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает.

О т т у д у ж е

Подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанный во «Трутневых ведомостях», многим нашим господчикам вскружил головы: они занимают деньги и, в последний раз написав: *в роде своем не последний*, с превеликим поспешением делают новые платья и прочие убранствы, умножающие пригожество глупых вертопрашных голов; а по совершении того хотят скакать на почтовых лошадях в Петербург, чтобы такого полезного для них не пропустить случая.

И з К о ш и р ы

В нашем уезде есть дворянин: он имеет за собою три тысячи душ, получает шесть тысяч рублей годового дохода и живет так, как научил его покойный родитель. В селе, где он живет, церковь деревянная построена еще прадедом его по возвращении из похода.

Дом господский дедушка его построил было на время, но опи так в нем обжились, что нового и по сие время не построили: ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно пил, ел и спал; а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей: ибо он изыскивает, может ли боец гусь победить на поединке лебедя; ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого. Имеет бойцов петухов; содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенный на него соседями за помятие их хлеба оброк платит бездоимочно. Ездит на ярманки верст за 200 весьма великолепно: а именно, сам в четвероместном дедовском берлине в 10 лошадей, и еще 12 колясок, запряженных 6 и 4 лошадьми, исключая повозок и фур с палатками, поваренною посудю и всяким его господским стяжанием. Свиту его составляют люди весьма отборные, в 4 колясках сидят по 2 шута, в 3 по 2 дурака, а в берлине он да священник его духовник; в прочих же экипажах собаки, гуси и петухи бойцы. Прошлого года ездил он в Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилетнему его сыну: но, не нашед искусного, возвратился и поручил его воспитание дьячку своего прихода, человеку весьма дородному. Со всем сим роскошным житьем он проживает не больше ежегодного своего дохода. Дворянин сей говорит, что изо всей его фамилии разумнее его не бывало. Может быть, это и правда: ибо дворянин наш лгать не охотник.

И з К р о н ш т а т а

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы во своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало: ибо по достоверным доказательствам они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однакож сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих

чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

[И з в е с т и я]

Миловида намерена разыграть любовную лотерею, в которой весь выигрыш в одном билете, а прочие все пустые. Число пустых билетов не определяется: ибо оные по числу охотников к розыгрышу сей лотереи будут прибавлены или убавлены; выигрыш составляет *цену любви*. Раздача билетов начнется с 1 числа сентября месяца по всякий день в доме госпожи Миловида, где и цена оным будет объявлена.

Некоторый стихотворец по довольном самого себя рассмотрении нашел, что он во всем с славными нашими стихотворцами равняться может; чего ради о том чрез сие для сведения и объявляет, чтобы его никто ниже тех стихотворцев не считал и неведением не отговаривался.

Себелюб, славный волокита, на сих днях пришед ко своей любовнице, нашел ее в превеликой задумчивости; она приняла его весьма холодно, ласки ее исчезли, и притворство, которое она до того дня употребляла, оставила и начала с ним говорить весьма грубо: ибо она в тот самый день вступила в новые обязательства. Себелюб поражен был неожиданною сею новостью и, как обыкновенно страстные и ревнивые делают любовники, начал упрекать ее неверностию и выговорил все, что в такие говорится минуты, очень грубо. Госпожа смеялась во время его бешенства; но как он замолчал, то она без всяких околичностей ему сказала, чтобы он к ней в дом больше не ходил. Себелюб, оказав ей все свое презрение, пошел со двора; но лишь только вышел за ворота, то начали его терзать все страсти, презрение, ревнивость, раскаяние; а любовь привела его во отчаяние. Он принял намерение заколоться; но, идучи по улице, выронил нож из кармана и потерял; кто оный поднял и принесет в его квартиру, тому дастся награждение, состоящее из писем бывшей его любовницы: ибо он непременно свое намерение хочет исполнить.

П о д р я д ы

Издателю «Трутня» для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен: ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают; а напечатанные без всякого стыда многие принимают на свой счет и его зло-

словят за то повсеместно; желающие в поставке помянутых сказок подрядиться и взять не свыше рубля 25 коп. за сто могут явиться в его доме.

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколько фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара перегоревшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна к отысканию желаемого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место, и по приезде желает он развест редкое в том городе растение, именуемое *цветущее правосудие*: хотя воевода того города до оного растения и не охотник; чего ради потребен ему, г. прокурору, искусный садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

П р о д а ж а

Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя продаются в его доме повольною ценою.

У г. Искушателева продается сочиненная им в пользу юношества книжка под заглавием «Атака сердца кокеткина, или краткий и весьма ясный способ к достижению сердец прекрасного пола», ценою по 5 рубл.

Обман, славный и искусный лекарь, сочинил книжку под заглавием «Тайные наставления, по которым безобразная женщина может совершенною сделаться красавицею»; она книжка продается в его доме по 10 рубл.

В тайном г. волокит совете апробованный «Проект о взятии сердец штурмом» сочинения г. Соблазнителява продается у переплетчика любовных книг по 2 рубл. экземпляра.

Наставление о добропорядочной жизни молодым людям, напечатанное в 1748 году, и еще другие подобные оной книге раздаются безденежно: ибо оных никто не покупает.

О т ъ е з ж а ю щ и е

Троекратно за взятки отрешенный судья добивался места с повышением чина; но, по несчастию, просил он о том такого

господина, который прежние его грабительства имел еще в свежей памяти и оные почитал истинным беззаконием: чего ради он ему в прощении отказал. Судья, огорчась сею несправедливостию, отъезжает во свое поместье ко утеснению бедных своих соседей.

Профессор карточных азартных игр поссорился с полициею и для того отъезжает в Москву.

Chicaneau, природный француз, находившийся у некоторого господина в должности управителя, отъезжает в Москву для прискания себе другого места; а управительское принужден он был оставить для того, что требовали от него исправных счетов; а француз сей арифметике не учился.

Отставной канцелярист, живший здесь для хождения за делами, отъезжает в Москву и хочет вступить там в должность поверенного, а здесь ему стряпчим быть заказано по некоторой причине; во утверждение сего запрещения он был здесь высечен плетью.

Gripou, гасконец, приехавший сюда с новою лотереєю, отъезжает в Москву; здесь ему не очень понравилось, затем что мало игроков, хотя лотерея сия и весьма расположена искусно, а именно: что кроме безделиц выиграть ничего не можно.

№ 4

В Санктпетербурге

И з г о с т и н о г о д в о р а

Купечество наше, торгующее в гостином дворе, претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных госпож и господ по гостиному двору. Сия мода недавно вошла в употребление; и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве; садятся в лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмевают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тигостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят; а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров

люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостинный двор раза по три за тем, что бы могли они искупить в десять минут. Гости гостиного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых; находят и с ними еще садятся и разговаривают до того времени, как уже будет поздно. Купечество наше обещает от себя немалое награждение тому из модных господ, который чрез искоренение сея моды доставит им свободную торговлю. Награждение сие, как сказывают, состоять будет в том, что вся Суровская линия, сложаясь с другими, сделает благодетелю своему кредит на десять тысяч рублей. Должно ожидать от сего желаемыя пользы: ибо кто найдет себя в состоянии вывести сие из моды, тот не захочет потерять сию находку. Купечество же потерю свою считать будет тогда не более как в трех тысячах рублей.

И з М и л л и о н н о й

Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Преждо жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и к украшению разума служащих книг: а печатались одни только *романы* и *сказки*; но, однакож, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском; но их и в десятую долю против *романов* не покупают. Прежнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря нашему самолюбию мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся; да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невеждам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, если бы сказали, что волшебных сказок разошлось больше сочинений Расиновых? А у нас ето сбывается: «Тысяча одной ночи» продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова. И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободрайтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

И з М о с к в ы

Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь пре-
кращена совсем премудрыми учреждениями дражайшия матери
всей России и неусыпными попечениями некоторых истинных

сынов отечества, приносивших жизнь свою в жертву смерти для нашего избавления. Да начертает истина имена их во храмах Славы и Вечности! И мы паки наслаждаемся вожделенным спокойствием. О, когда бы могла так скоро истребиться другая болезнь, в Москве и Петербурге укоренившаяся! Под сею болезнию разумеем мы слепое пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам. Ко стыду нашему, сие пристрастие весьма далеко простирается: российские ученые, художники и ремесленники ими презираются, а иностранные, хотя многие и без всяких достоинств, ими отлично принимаются, защищаются и всегда находят их покровительство. Да истребится сие вредное и ни которому народу не свойственное пристрастие; да воздастся достоинствам иностранных должная справедливость; но да ободрятся и сыны отечества, и процветут в России науки, художества и ремесла, и да будут презираемы все ненавидящие отечество!

И з Я р о с л а в л я

Ярославль известен был прежде прекрасным только местоположением и мануфактурами, а ныне славится и хорошими сочинениями. В нашем городе сочиненные комедии представляются в Санктпетербурге на придворном российском театре; принимаются с превеликою ото всех похвалою и почитаются лучшими комедиями в российском театре. И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русский театр тремя комедиями в наших нравах. Поговаривают, что и в других российских городах принимаются за сие упражнение. У нас на Руси все делается по моде: но дай боже! чтобы полезные моды почаще входили во употребление и чтобы науки и художества процветали во всех российских городах так, как в Петербурге и Москве.

И з Т в е р и

Недавно чрез наш город проехал в Петербург какой-то славный Выдумщик. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста *Выдумок*, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков ко чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими буквами. Г. Выдумщик уверяет, что сим способом можно приманить ко чтению российских книг всех щеголей и щеголих; да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что если эта его выдумка произведется в действо,

то он надеется от сего великого успеха: потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своею очистят всю грубость русского языка. Сей великий человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

И з в е с т и я

Будущего июня 10 числа в доме г. Наркиса, состоящем в Вертопрашной улице, будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. Наркисом плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости на оные, состоящие в любовных письмах и портретах. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена.

Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый француз обязуется как сему, так и другим разным к обогащению себя средствам обучать учеников своих без всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставления и более бы имели прилежания ко скорейшему обучению, то требует он только сей безделки, чтобы они играли с ним на чистые деньги. Впрочем, он клянется французскою своею совестью, что в скорое время учеников своих приведет в такое состояние, что они других обучать будут. Сей учитель живет в улице Разорение, в доме г. Бесстыднова.

№ 5

В Санктпетербурге

И з г о с т и н о г о д в о р а

В «Ведомостях живописцевых» артикул, из гостиного двора поставленный, во многих благородных особах на сего дерзкого газетьера справедливое произвел негодование. В оном артикуле упомянуто, будто многие знатные господа и госпожи без всякия нужды приезжают в гостиный двор, ходят из лавки в лавку, перебирают ненужные им товары и тем будто отгоняют купцов посредственного состояния, а чрез то, по его мнению, приключают вред в торговле напей. Кажется, никакой нет нужды уверять

наших читателей, что все газетьеры ведомости свои почасту наполняют разными выдумками и ложью: ето всякому известно; и мы не ответствовали бы на сию очевидную ложь, если бы не старались оправдать себя пред знатными господами и госпожами в том, что сей артикул поставлен без нашего согласия. Мы больше имеем попечения, нежели как думают, о сохранении господской доверенности к нашей совести; она нам столько ж нужна, как им кредит наш к их имению. Впрочем, мы не много будем иметь труда опровергнуть лжи, сим газетьером рассеваемые, и начнем с первого.

Прогуливание знатных господ и госпож по гостиному двору не только что не делает торговле нашей вреда, но еще и прибыль приносит; без сего кто бы покупал в большом количестве выписываемые и привозимые к нам многие французские безделицы, которые расходятся ныне в великом множестве? Без сего с кого бы могли мы брать четверную цену, отпущая в долг товары? Опречь сего прогуливание и ту приносит нам прибыль, что когда госпожи соберутся в лавку и с нами милостиво разговаривают и изволят шутить, тогда и мы, будто шутя, показываем какие-нибудь завалывшиеся безделицы, прося притом, чтобы их как-нибудь ввели в моду; и часто случается, что от таких безделок получаем прибыли гораздо больше, нежели как от самых лучших товаров. Когда приезжают к нам любовник и любовница, тогда мы наперехват стараемся звать их к себе в лавки; тогда, не щадя трудов своих, сами стараемся показывать всякие товары и перебиваем все куски: от сего имеем мы превеликую пользу; ибо в такое время у любовниц превеликое бывает желание покупать, или, лучше сказать, брать, всякие нужные и ненужные товары, а за сие желание учтивость любовников платит нам всегда наличные деньги. В таком случае господа любовники весьма мало с нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорят почасту: «Ах, как ето дорого! ужасно! нет, я етого не возьму; я бы хотела ето купить: но ето чересчур дорого»; но мы не пугаемся таких отговорок, потому что *я бы хотела ето купить, но ето чересчур дорого*, как сказывают, на любовном языке значит: *ежели ты не купи, так заплати за ето деньги*. И мы так применились к таким двоясмысленным словам, что из требуемой цены ни копейки никогда не уступаем, говоря притом: «Ето, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цену не уступил; а его чести уступаю для того, что он всегда соизволит покупать товары на готовые деньги; а притом, милостивая государыня, мы умеем разбирать людей и знаем, с кого какую просить цену: поверьте чести моей, что его милость копейки даром не бросит». Тут мы все трое усмехнемся; а господин тотчас станет уверять госпожу, что ето не дорого, и, заплатя деньги, скажет: «Он детина совестный, обманывать не станет». Между прочим в «Живописцевых ведомостях» упомянуто, что госпожи, сидя в лавках, пересмевают проходящих; но и ето никакого не делает нам вреда: ибо

многие дворянки, не весьма далекие в модном свете, и также мещанки, почитая такие лавки наполненными модными товарами, всегда к нам приходят и покупают оные. Но чтобы избежать насмешек от модных господ, то приезжают они на гостиный двор обыкновенно в такое время, когда не прогуливаются. Что ж касается до обещанного в «Живописцевых ведомостях» награждения тому, кто бы вывел из моды прогуливание по гостиному двору, то кажется, что сие и не заслуживает нашего опровержения. Впрочем, у нас в гостином дворе слух носится, будто купечество наше тому, который напишет на сего газетера сатиру, обещает награждение, состоящее в благосклонности тех господ и господж, которые сей артикул взяли на свой счет и на живописца прогневались.

И з М о с к в ы

Модное наречие петербургских щеголих многим нашим девицам вскружило головы. Все такие модные слова, в «Живописце» напечатанные, они вытвердили наизусть и ввели во употребление; но притом чувствуют еще в оном наречии великий недостаток: почему хотят посылать нарочного поверенного, который будет стараться все слова, в модном наречии употребляемые, собирать и сообщать к нам в Москву. Сим способом надеются наши девицы до такого же дойти совершенства в помянутом наречии, как и петербургские щеголихи. Впрочем, надлежит отдать справедливость нашим жителям, что в переимке новых мод они должны почитаться не последними.

И з в е с т и я

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы со вкусом, танцевать прелестно и петь французские песни с наилучшими манерами, третьего дня ехал в богатой своей английской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостиного двора, обронил *кредит*; кто оный поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

Некоторой даме не последнего класса во время прогуливания ее по гостиному двору от некоторого молодого дворянина сделано любовное предложение; почему для сведения его объявляется, что ежели он говорил ето не в шутку, то, справясь бы с ежегодными своими доходами, явился в собственном сея госпожи доме, о котором ему объявлено и который куплен ею на имя судьи Кривосудова.

П о д р я д ы

Некоторому молодому господину потребен секретарь, который бы умел сочинять комедии и писать стихами песни и другие мелкие стихотворения. Но притом требуется, чтобы сей человек был трудолюбив и скромен до чрезвычайности: сие особливо для того, что сей господин писанные секретарем его сочинения хочет выдавать за свои собственные. Кто пожелает вступить в сию должность, тот может явиться в собственном сего господина доме, состоящем в Тщеславной улице.

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглупых, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении; а должность их состоять будет в том, чтобы сии молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однакож, он не имеет; его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия; и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сим способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он по знатности своего рода давно имеет право требовать. Желющие вступить в сию должность могут явиться у него самого в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрапрадедом его под Чигирином.

Престарелый Селадон хочет иметь у себя в услужении прекрасную и молодую девушку: должность ее состоять будет в том, чтобы по утрам и вечерам подавала ему шоколад. Напротив того, обещает он ей ежегодное богатое содержание с тем, чтобы сия девушка весьма была исправна в своей должности, и с таким притом примечанием, чтобы она никогда и никому не давала из той чашки, из которой будет он сам пить: ибо сей дворянин в таком случае весьма завистлив и разборчив. Которая хочет вступить в сию должность, та может явиться у господина Селадона немедленно; ибо по моде нашего времени надлежит ему сие неотменно сделать.

XII

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ О ХРИСТЕ БРАТУ РАДОВАТИСЯ

Аще и не вем тя, кто еси, господине честный: обаче егда узрех во обители нашей у единого от старец твои ежеседмищные листы, абие уразумех, яко ты печешися очистити злонравие грешников: ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай, ревнителю

истины, и не премолчи, ведяще, яко все, еже начертал еси, угодно показася и всей зде сущей братии. Возрадовася же о труде твоём и пречестный отец игумен наш. Обаче нецыи окрест нас живущии повелеша написати к тебе сиде: ты кто еси, судяй чуждему рабу? им же бо судом судиши, себе осуждаеши; таяжде бо твориши судяй! Мы же ничесоже противу тебе дерзаем рещи, яко и сам ты являешися чтити священный чин духовный и весь причет церковный. Аще же что возмниши написати во обличение иноческого жития, блюди себе, да не како.... Но кое благодарение воздати можем православному праотцем нашим, иже умудришася положити жилище наше во оградех! При сем молим тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующих, от них же некоего видех аз толика бесчинна, яко вземшу ему сткляницу вина, церковным гласом дерзновенно воспети о ней сидевое блядословие: возвеселится пьяница о стклянице и уповаеет на вино. Виждь, како изменити дерзнуша сынове церкви душеспасительная словеса ея! Но больша сих узриши, аще отверзеши очи твои на дела законопреступников. Мнози бо от нечестивых юношей..... Прочее, господине честный, не престаем моляще твое благоутробие, да нечто провозвестиши и в нашу пользу: сиречь, еже умножится подаению во обитель нашу. Сего ради благоговейно целуют тя, во-первых, отец игумен с братиею: та же особо, бывшие иногда, отец келарь, отец казначей, отец иконом, отец ризничий, отец уставщик, отец гробовый, отец конюшенный, отец крепостный, отец трапезенный, отец ружьядный, отец чашиник, отец площадный, отец будильник, отец подкеларник, отец смиренный и прочии, их же не веси: вси целуют тя лобзанием святым. Аз же есмь

недостойный богомolec твой

Тарасий.

XIII

ПРЕЧЕСТНЫЙ ОТЕЦ ТАРАСИЙ! .

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойну толиккия благодати и грешнику сущу, аз получих, и егда прочтох его, абие положих ё на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим, повсегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего! поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк, аще и юн сый, дерзновенно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судяй? Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою: семо поучают: а идеже поучаются? онде исправляют: и где исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающии. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако.... Прочее не престаю, моля твое преподобие,

да устроиши вся на пользу души моя: можеши бо вся, елико же восхощещи. Исповедаю бо пред всеми, яко грешник есмь; и не имам иное что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Также со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельблюду пройти сквозь иглыны уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нещии, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей измлада не навычен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих. Аминь. Целует тя

недостойный живописец.

XIV

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ!

Что мне делать? хочется писать, да не знаю, за что приняться: кажется мне, что мог бы я написать все, но, однакож, по сие время не написал еще ничего. Не подумайте ж, что я не имею способностей к писанию: напротив, я их имею; но его происходит оттого, что я весьма разборчив и чувствителен к моей славе. Стихов я не пишу для того, что русский язык не способен ко стихотворству: я бы писал их на французском языке, но, по несчастю, Волтер, Расин и многие другие писатели родились прежде меня; а как дарования свои и способности вешу я всегда на весах беспристрастия, то и увидел, что превзойти сих писателей я не могу, а равенства я не терплю ни в чем. Что делать, когда я так поздно в свет родился! Ради сего хочу писать по-русски прозою, но только еще не решился, в каком роде сочинений мне упражняться. Писать сатиры по моему чину низко; писать любовные сочинения поздно по моим летам; к трагедии я не имею склонности; оперы мне не нравятся; пастушеских сочинений я не люблю; для поэмы я по сие время не избрал еще хорошего содержания; и так остается мне писать комедии. — Но могу ли я писать их и чего мне ожидать? Все похвалы, которые бы по справедливости принадлежали только мне одному, давно уже истощены, не знаю, какому-то сочинителю комедий «О время», «Именин», «Вестниковой». — Сносно ли это! — Я бешусь и прихожу в отчаяние! Вот, сударь, до чего мы дожили: вот какой вкус в комедиях утверждается: русский, русский. — Какая глупость! Французский феатр постарее нашего, так нам ли принятое ими переменять; и может ли русский человек, не покрасневшись, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поравняться со французом? О вы из русских чиновных дворян, обожающие французов, ежели вы, впрочем, и глупы; однакож вы достойны великого почтения за то одно, что вы удивляетесь французам!

Впрочем, я имею средства отомстить и тебе и всем хвалителям комедии «О время»: ведайте, что я напишу комедию на сего автора и на всех вас, и ежели ее здесь не представят и не напечатают, тогда переведу ее на французский язык, пошлю на парижский театр: пусть ее там представят; а ежели им угодно будет, так хоть и напечатают. Сим средством я отомщу обиженную мою честь; а ежели и сего не удастся мне сделать, так по крайней мере пропущу здесь в городе слух, что это сделано. Это немудрено: вить я умел же распустить слух, будто в Париже сочинена комедия на одного здешнего боярина, которого я не могу терпеть, и будто ее представляют на Булеваре. Берегитесь моего мщения и знайте, что ежели я за что примусь, так уже, конечно, сделаю! Прощай, ответа ко мне не пиши, я его читать не буду.

XV

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ!

Я имею у себя родственника молодого человека, который под присмотром родителей своих вырос в деревне, а теперь время приходит ему, оставя свое уединение, вступить в службу, следовательно, и во свет. Отец его после Ставучанской баталии, пошед в отставку, удалился от света и сыну своему кроме сей войны ни о чем не рассказывал. Но как все подвержено переменам, то не избежал от сего правила и смысл некоторых слов, а сии перемены обыкновенно делаются там, где большое общество обитает. Известно ж, сколь худо войти в люди, не будучи сведому о нравах того общества, в котором обращаешься. Я предприял по долгу родства предварить его истолкованиями тех слов, которых значение обычаи переменил в нынешние времена; а предприяв сие, рассудил поступить и далее, чтоб не только воспользовался оными младый мой родственник, но и другие подобные ему. Сие делаю я отчасти, чтоб видеть себе благодарность, отчасти следуя тому правилу, которое предписует, что живущие во свете праздно тягчат только землю и не пользующие себе подобных не отличаются от скотов. Мне не хочется быть во счете реченных; ибо я живу весьма праздно, служу обществу одним именем, получаю чины и жалованье, езжу в мое место лишь только для того, чтоб исполнить единый вид моея должности; и тамо, где надлежит упражняться в делах, мне порученных, я разговариваю о вчерашнем дне, о моих деревнях, о детях и лошадях, дабы скорее препроводить часы упражнения. Товарищи мои весьма согласны со мною, и так без малейших споров все дела каждый день отлагаем мѣ до завтрая. Но чтоб сделать пользу подобным моему родственнику, воспитанному в деревне, изъяснением переменного смысла некоторых слов, я за лучший способ нахожу

просить вас, г. живописец, печатать в ваших семидневных листах те письма, которые буду писать к моему родственнику и из коих первое теперь к вам прилагаю.

Покорный ваш слуга
Доброхотов.

Письмо к племяннику

Любезный племянник! я получил от отца твоего письмо, в котором уведомляет меня, что он вознамерился с тобою расстаться и отпустить тебя в службу. Прежде, нежели вступишь ты во свет, потребно тебе иметь некоторое понятие о светской жизни; хотя отец твой и много раз сказывал о Ставучанской баталии и о всех турецких походах, однакож со всем тем ты весьма мало знаешь науку света. Я некогда был в равных с тобою обстоятельствах и собственным опытом узнал, сколь худо вступить во свет, не зная оного. Вступая в оный, не воспользует тебе сведение о турецких походах: ибо во свете не одни турки будут тебе неприятели, ты найдешь неприятелей гораздо больше внутри своего отечества, и часто между ближних своих приятелей; и для того намерен сделать тебе некоторое понятие о свете. Ты, приехав из деревни, не только не будешь знать правов и сердец людских, но и значение слов некоторых тебе будет неизвестно; хотя б ты самые те слова слышал от воеводши и от подьячего с приписью. Тебе отец твой часто твердил, что у подьячих много есть крючков, но у светских людей ты найдешь их еще больше. Для сего я вознамерился истолковать тебе значение некоторых слов: но чтоб сделать порядок, я буду толковать тебе слова по алфавиту; теперь начинаю с буквы А, а потом дойду и до других.

А! Есть междометие восклицательное, изъявляющее радость. Между знающими свет и политику людьми оно произносится обыкновенно с веселым лицом, с отверстыми глазами, с небольшим возвышением головы, с некоторым наклонением тела и с движением рук, изъявляющим объятие. Узрев таковую встречу, ты, конечно, подумаешь, что тот, который его сделал, увидев тебя, весьма обрадовался и что он тебя любит; однако, подумая так, ошибешься, потому что у людей, знающих свет, его значит совсем противное твоему мнению; например:

Ежели, увидя тебя, кто ни на есть из твоих именуемых только приятелей скажет: *А! мой любезный друг, как я рад, что тебя увидел;* потом возьмет тебя за руку, немного пожмет и поцелует и в ту и в другую щеку, это будет значить, что он тебя или бранил недавно, или идет куда-нибудь бранить тебя; а если ни того, ни другого нет, так по крайней мере или выведать что-нибудь хочет, или имеет до тебя нужду: ибо когда б не было ничего сказанного,

то поклонился бы он тебе весьма холодно и молча от тебя пошел прочь.

Ежели встретит тебя игрок с оным восклицанием, то будет значить, что он хочет с тобою подружиться и, употребляя все, что только возможно, обыграть тебя.

Ежели девушка сделает тебе таковую встречу, его значить будет, что она знает о твоём богатстве и изрядной фамилии и что она хочет выйти за тебя замуж и после украсить голову твою скотским убором, дабы в фамилию твою присовокупить мирское подаяние.

Когда замужняя женщина, повстречаясь с тобою, вскричит: *А!*, его знак, что она хочет тебе понравиться, после обобрав тебя, а наконец осмеять и одурачить.

Ежели судья встретит тебя с таким же восклицанием, тогда ведай, что ему хочется, чтобы ты завел какую тяжбу и чтобы ему можно было сорвать с тебя взятки.

Когда начальники твои, встречая тебя, кричать будут: *А!*, то тут есть двоякое значение. В устах холостого человека сие восклицание значит, что он хочет на твой счет повеселиться, а женатых желание в том состоит, чтобы ты женился на их дочери.

Ежели больший господин, увидя тебя, употребит сие восклицание, то ведай, что его всего опаснее. Это *А!* имеет двоякое значение: или хочет он, чтобы ты перепоисл ему вести, или чтоб, ослепя тебя своими ласками, употребить в какие ни есть интриги и в случае неудачных следствий жертвовать тебя своему избавлению; а без сего, живучи во свете, весьма редко случится, чтобы кто с тобою ласково стал обходиться.

Вот все то, что значит между просвещенными людьми восклицание *А!* Теперь, зная подлинное сего слова значение, в поведении твоём следуй своему рассудку. Я оканчиваю это письмо истолкованием единого сего восклицания, а впредь буду сообщать изъяснение других слов.

XVI

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ!

Вы стараетесь выводить наружу пороки, осмеяния и презрения достойные, которых есть толикое неисчетное множество, что если бы вы и весь век свой листы ваши оными наполнять хотели, так, конечно, бы всех еще не описали.

Главные пороки подобны большим деревьям, имеющим несколько тысяч ветвей и сучков, кои паки от себя отрасли испускают.

Хотя сие и весьма трудно, однако намерение ваше всегда похвально и многим полезно: время уже в просвещенный век наш

снимать личину с порочных людей и представлять их свету таковыми, каковы они в самом существе суть. Не смотрите на досаду их, пренебрегайте злобу, устремляющуюся на вас, продолжайте труд ваш; истина сама будет вам всегда защитою.

Я листы ваши прилежно читаю и нахожу в них по справедливости изрядства, могущие исправлять порочных людей. Желательно, чтоб для споспешествований вашего доброго намерения помогали вам в описании вредных страстей и другие добродетельми украшенные и знаниями одаренные люди, коих мы ко славе отечества нашего довольно уже имеем. Без сомнения сим услужили бы они гораздо более и лучше публике, нежели теми пустошами, какие мы от некоторых ежедневно либо письменные, или печатные видим.

Нет сомнения в том, писатели, любящие совершенно добродетель и не устрашающиеся гнева пороками обьятых гонителей, конечно, сие делати начнут, а льстецы и трусы пускай молчат, для того что от них ничего доброго и ожидать не должно.

Сего рода животных так умножилось, что в некоторых знатных домах по целой их дюжине собирается, где они пороки ласкательством бесстыдно подкрепляют; хотя жалко и прискорбно смотрети, каким образом сии одаренные острым разумом и учением просвещенные люди к такой подлости приступают, которым за сие да будет пред всеми честными стыдно.

XVII

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Сообщите, прошу вас покорно, прилагаемую при сем записку: *следствия худого воспитания*, в своих листочках свету. Вы сим меня одолжите много; а отцы и матери, прочтя в ваших листочках таковые при воспитании детей неосторожности, большее будут иметь старание за ними и тем избегнут нареkania, учинят себя достойными того имени, которое многие ныне недостойно на себе носят. В прочем с любовью моею к вам навсегда есмь вашим покорным слугою

*Несчастный Е***.*

Смоленск.

1772 года, июня 20 дня.

С л е д с т в и я х у д о г о в о с п и т а н и я

Отец мой дворянин, живучи с малых лет в деревне, был человек простого нрава и сообразовался во всем древним обычаям; а жена его, моя мать, была сложения тому совсем противоположного, отчего нередко происходили между ими несогласия, и всегда друг друга

не только всякими бранными словами, какие вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетью не секли. Я, будучи в доме их воспитыван и имея вседневно в глазах таковые поступки моих родителей, чрезмерную возымел к оным склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было гораздо удачно; ибо я в скорое время к удивлению всех домашних уже совершенно выражал все те бранные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже в том и родителей своих превосходил; хотя и они в сем искусстве гораздо неплохи были: ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ , а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любовной ее собачке. Отец мой хотя, правда, был недалекого разума, однако разбирал понемногу «Четьи Минеи» и другие церковные книги; матушка же моя на смерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе; да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьян: во что уж батюшка мой никогда и не мешался; а только лишь, бывало, по приговору матушкину сечет крестьян. А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала родийския грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала; и не раз за то бранивала батюшку, что он меня к тому неводил. Книга, если правду сказать, мне и самому в то время гораздо неспосною казалася, и я, не приметя еще хорошо, по чему различать А от Д, столько оную вымарал, что батюшка мой и сам почасту не распознавал букв, которые знал ли, полно, он и сам твердо, я сомневался: ибо он, как я приметил, называл одну букву тремя званьями: но до того мне нужды мало. Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает; от сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мне та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моих лет ребятам за стыд и неприличное дело почитают. А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, и мне про то никто не толковал, а меньше еще того разумел о неприличности, то, устремя все мысли свои к любви, коея прелести мне матушка в самых ясных словах изобразила, влюбился в комнатную дома нашего девку, обладающую всеми теми прелестями, которые только могут пленить нежное сердце несчастного любовника, и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковой случай причинил немалое огорчение и самым

моим родителям; но в том должны они жаловаться на себя: ибо я, не видя ни от кого хороших примеров, последовал слепо их же поступкам, развратившим мое сердце. От праздности, в которой я все дорогие своей жизни часы препроводил и которая по несмысленности мне приятною казалась, произошли все мерзости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия. Я спознался с сыном одного помещика, неподалеку от нашей деревни живущего, который воспитан был не лучше моего и детина на все руки. Покрытый сединами его отец ожидал с часа на час смерти, яко убежища своего, и все предал свое сокровище в руки своего сына, которого, хотя был он еще несовершеннолетних лет, вся деревня трепетала. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие, и был уже совершенного знания во всех карточных играх к погибели своего дома. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые мои поступки, выгнал меня из дома и лишил законного наследства; а я, не имея средства, чем себя пропитать, вдался во всякие неприличные моему роду дела и тем доставлял себе бедное пропитание. Наконец песносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки, и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание.

Г. Несчастный Е***, поступки отца вашего и матери, так, как и ваша в рассуждении родителей неблагодарность, достойны справедливого порицания; но вы все уже довольно наказаны. Отцы и матери! казнитея сим примером; воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы.

XVIII

Г. ЖИВОПИСЕЦ!

Долго ли тебе устремлять гнев твой на женский пол и выдумывать нелепые лжи, обвиняя нас неспособными бесчиниями. Ведай, что мы выходим из терпения; и если ты не воздержишься от злословия, так берегись. — Сносно ли это, что в последнем твоём листе некоторую женщину попрекаешь ты ревностью! таким пороком, от которого мы давно избавились. — Заврался, мой свет: это неправда; знай, что мы не столько о мужьях своих думаем, чтобы стали к ним ревновать, и только что терпим их, а не любим:

и как можно столько любить мужа? непонятно, странно, смешно, уморил, ха! ха! ха! — Ревновать к мужу, любить его: этого я никак не понимаю; а может быть, твой только один острый разум проникает в чрезыестественные тонкости. Видеть мужа всякий час, сидеть с ним обнявшись, говорить с ним нежно, да еще и ревновать к нему — фу! как это неловко! Конечно, это какая-нибудь была сумасбродная женщина: для чего же ты ее скрываешь? такая женщина всеобщего достойна презрения. Что это за староверка, чтоб быть прицепленною к своему мужу и ревновать ко всякой; но это быть не может: нынче век просвещенный! а воспитание наше беспримерно: мы мужьям нашим даем свободу знаться с теми женщинами, с которыми хотят; и довели их до того, что и они нам то же позволяют. Понимает ли пустая твоя голова, что от этого-та и происходит благополучие наших семейств и согласная жизнь наша; оттого мы и не разводимся с мужьями, а живем в одном доме: видимся в неделю по разу, ездим в комедии, прогуливаемся с милым человеком то в городе, то за городом. Такая бесподобная вольность может ли нас когда-нибудь противу мужей приводить в огорчение: нет, в листе твоем описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка; и для того-то я сим письмом многих оправдать вознамерилась. Мы знаем, что письмо о ревнивости писал ты сам, а не посторонний. Нет ныне таких мужей, которые бы такой вздор описывать захотели и беспричинно бы стали злословить жен своих таким гнусным пороком, который давно уже истребился. Прощай.

XIX

ГОСПОДИН ЖИВОПИСЕЦ

Будучи всегдашним читателем похвалы достойных ваших листов, вижу я с удовольствием, что вы стараетесь в оных общепольные делать наставления. Множество описали вы нам пороков, за которые иные вас благодарят, а большая часть людей злословят вас; из чего видно, что большая часть сих объаты пороками и нравочениям внимать не хотят. Добродетель в ушах их слышится им неким старинным названием, в одно ухо влетающим, а в другое вылетающим, безо всякого в них действия. Но как бы то ни было, памерение ваше хорошо; не взирайте на их толки, угодить на всех не можно; да и добродетель вещь не есть модная, продолжайте только ваш труд, авось-либо придет такое время, в которое иные поправиться вздумают; а прочие пороков остерегаются будут. Ведаю, что есть дело невозможное, чтоб вам на мысль пришли вдруг всякого рода человеческие заблуждения для внесения в ваш журнал, предприял я вам для того в оном по одному случаю учинить.

вспоможение вольным переводом. Не приметил я, чтоб вы где-либо упомянули о кофегадательницах, и удивительно, как эти женщины по сю пору вашего примечания избежали, хотя они и столь много служат ко посрамлению человеческого и, следовательно, давно уже достойны надлежащего описания.

Быв недавно свидетелем предсказаний такой женщины, пахожу себя в состоянии оную точно описать. Кофегадательница есть такая тварь, которая честным образом более уже пропитания сыскать не знает или не хочет честно кормиться. Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в раздранных лоскутках, а вся таких старух шайка есть сборище побродяг, которых почитать должно извергами человеческого рода.

Такие кофегадательницы, не имея довольно смелости что-либо похищать, дабы им не быть при старости истязанными и не умереть с голоду в остроге, выдумали хитрое искусство обирать деньги у простосердечных людей, не будучи обвиняемы от градоначальства каким-либо похищением. Они обманывают людей, не умеющих мыслить, что могут предсказывать все из кофейных чашек. Когда такую Кивиллу приказывают позвать, то предлагают ей вопросы, например: Скупягина вопрошает, кто украл серебряную ложку? Бесплодова, будет ли она иметь детей? Страстолюбова, верно ли любит ее любовник? Щеголихина, скоро ли умрет ее муж картежник: и так далее. Тогда должно сварить кофеи, и сие уже само по себе разумеется, что поднесут ей большие две чарки водки, чтобы возбудить сим в ней более предсказательного духа. Потом нальет почти половину чашки густого кофею и болтает его кругом иногда с ваяшым, а иногда с пронырливым видом троекратно, чтобы кофеи внутри повсюду пристал. Между кофегадательницами есть еще и в том несогласие, надлежит ли после троекратного болтания дуть в чашку или нет; те, кои показывают себя верными угадчицами, сие делают, утверждая тем, что предсказательное дыхание, частицы кофея в чашке, определяет значущие изображения. После сего ставит чашку обернутую на стол, чтоб кофеи из нее вылился, поворачивает ее еще два раза, дабы троекратным движением ничего не значущий кофеи вон выбежал, чтоб предсказательные части кофея в чашке одни прилипшими остались. По учинении сего поднимает чашку вверх и в нее смотрит. Вопрошающие особы стоят перед сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконец открывает она рот свой и предсказует, например: вор, похитивший ложку, имеет черные волосы. Вопрошающая отвечает: так, это правда. Я знала уж давно, что Ванька вор. Чашкогадательница получает полтину, иногда рубль и более, смотря по важности отгадываемой вещи, и потом уходит домой.

По выходе гадательницы вопрошавшая призывает Ваньку, приказывает принести плети или батожье; спрашивает его, куда он девал ложку, и приказывает, чтобы он немедленно признался.

Ванька божится, клянется и уверяет ее, что он ложки не крадывал; но божбам его не верят. Боярыня его ругает; и лице его, кажется ей, изобличает его в покраже. Ваньку секут без пощады; долго он терпит напрасное мучение и говорит правду, но наконец начинает лгать. Он признается в покраже ложки, рассказывает, что ее продал и пропил.

— С кем? — спрашивает боярыня.

— С Андреем, соседским слугою.

— Так, — кричит госпожа Скупягина, — я никогда не ошибаюсь: вы оба давно казались мне ворами.

Скупягина посылает к соседке, просит ее, чтобы и она также наказала своего слугу. Андрей также говорил правду, но наконец побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказывает отнятием жалованья и кормовых денег, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательнице. Ванька из доброго человека по нужде становится вором, окрадывает свою госпожу, уходит, проматывает, попадается; его отдают в приказ: покраденное пропадает, а Ваньку, яко вора, посылают на каторгу. Скупягина, лишася ложки, лишается и Ваньки.

Здраво рассуждающие люди не иначе верят, как что сие кофейное предсказание имеет такое же основание, как и в святые вечера ставящиеся кучки соли, литье олова и воска. Впрочем, потребно на сие только половина ума человеческого, чтоб понимать, что все такие колдовки сущие обманщицы. Вопросающие особы болтливы и для того объявляют такой кощунье наперед все свои чаяния; а она располагает свои ответы всегда по сим мнениям и лишь только объявит общественный ответ, который стократным образом толковать можно, то и выводят они его по своему чаянию, удивляясь пророчествуемому дару сея ворожей. И так весьма легкий способ есть посрамить такую женщину: представь ей вопрос и ничего более с нею не говори, ни прежде, ни после, так увидишь тотчас глупую ее ложь. Одна женщина вопрошала в то время, когда она хотела выйти замуж, счастливо ли будет ее замужество? На что такой ответ последовал: ты скоро выйдешь замуж; муж твой будет своеобразный человек и проживет с тобою только двенадцать лет; у тебя будет четверо детей. Однако изо всего оно не вышло ничего. Ожидаемое замужество рушилось, и эта женщина еще долго незамужнею пребыла.

Другая вопрошала, скоро ли умрет муж? На что ей ответствовано было, что муж ее через полгода умрет: почему госпожа, восхищаясь радостью, тайно с другим сделала сговор, чтоб по прошествии полугода выйти замуж. С нетерпеливостью она ожидала того блаженного часа, в который изыдет душа из тела ненавидимого ее мужа. День предписанный наступил, и муж ее в оный был веселее прежнего; и поныне еще, к несказанной печали неверной своей жены, живет. Не знаю того, есть ли в других местах такие

гнусные ворожеи; буде их нет, так весьма досадно, что у нас в городе столько просты и глупы, что их терпят. Во многих домах есть свои особливые угадчицы. Некоторые ежедневно на кофий гадают и при каждом случае для укрощения суеверного любопытства ищут прибежища у такой ворожеи; а в некоторых домах бывает она еще и важнейшею тварию: приходит ли она в значный дом, то скрывается с нею госпожа или кто иной в особую комнату, чтоб не подвергнуться опасности или посмеянию, буде хозяин человек разумный. И тако естественный человеческий разум сказывает каждой почитательнице ворожей, что она в сем случае весьма безрассудно делает, инако бы не для чего было опасаться и стыдиться, если бы предсказания ее были на истине основаны.

Ежели бы кофейницы не делали иного вреда, кроме выманивания лжками своими денег, так можно бы подумать, что свет хочет быть обманут, и так да будет он обманут; но она есть более сего сатана, более сего несчастно заводчица в человеческом роде, нежели как думают. Сия проклятая тварь причиною, что невинные люди приходят в подозрение; она восоставляет недоверие, ссоры и несогласия. В доказательство сего намерен я только привести два примера. Некоторый муж, коего я далее описывать не хочу, был к жене своей ревнив. Он пошел к кофейнице и приказал отгадывать о честности своей жены. Кофейница уверила его, что жена ему неверна. С того времени муж сей как бешеный с женою своею поступает. Бедная жена что б ни делала, как бы она невинность свою ни доказывала, ничто ей не помогает. Она есть и пребудет в глазах его бракопреступницею, для того что кофейница так ему отвечала. В другом доме нечто было украдено; спрашивали у нее и по ответам ее заключили, что похититель есть тот человек, который в том доме имеет знакомство. С того времени почитают его вором, повсюду его таким злословят и в дом к себе не пускают; однако я знаю по особливым известиям, что совсем иной человек сие преступление учинил.

Тщетно бы было чрез основание здравого ума тех, кои верят кофегадательницам, приводить к разуму человеческому: ибо они свой собственный потеряли. Однако надлежит таким людям помыслить, что христианину весьма неприлично производить такие чародейства. Они в просвещенных обществах никогда не терпелись; и ежели бы во времена Саула, когда он еще был в здравом уме, были такие ворожеи, то с ними равная же бы судьба воспоследовала, как и с чародейницею во Ендоре.

Ежели вы сие описание напечатаете, то, может быть, сим откроете глаза некоторым господам и господам, так что они сами прежним своим заблуждениям дивиться станут. Впрочем, довольны бы мы были, когда бы сим откровением поправились они и оставили бы такое сумасбродное кофегадание.

XX

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В ***
И*** Т***

Г л а в а XIV

.....
..... По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне: ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречались со мною в образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижинки из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие *одоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтоб не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясняют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижинки, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворика, сказывая, что ето был лучший во всей деревне; и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго; но нам их

не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенный соломою: ежели оною намостить можно грязное и болотное место; а я вошел в избу растворенными настезь дверями. Заразительный дух от всякия нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуду меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самых толстых холстины, набитыя соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорыя помощи лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и етот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан: множество мух покрывали лице сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и етому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но, однакож, сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были; поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил: замолчал и етот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я:

— Жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносит ли он о том жалобы? — Нет: он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы, — произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее: призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оныя. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившийся мне обморок был непродолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды: извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой; но в ответ услышал, что во всей деревне лучше етой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою.

— Помещики, — сказал я, — вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома: извозчик отвечивал, что все крестьяне и крестьянки в поле; прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время в задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев изда- лека пыль от моей коляски, подумали они, что едет их барин, и для того от страха разбежались.

— Они скоро придут, — сказал извозчик: — я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти.

Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках; и столь были дики и застрашены именем боя- рина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая:

— Не бойтесь, он вас не убьет; он боярин добрый: он пожа- лует вам на лапти.

Робятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича:

— Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!

Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужа- лись. Мальчишка, трясучись от страха, говорил:

— Да! чего испужались... ты нас обманул... на етом барине красный кафтан... ето никак наш барин... он нас засечет.

Вот плоды жестокости и страха: о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей!

— Не бойся, друг мой, — сказал я испуженному красным кафтаном мальчику: — я не ваш барин: подойди ко мне, я тебе дам денег.

Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклон- нился в ноги и, оборотясь, кричал другим:

— Ступайте сюда, робята! Ето не наш барин; етот барин доб- рый: он дает деньги и не дерется!

Робятишки тотчас все ко мне прибежали: я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали:

— У меня деньги! у меня пироги!

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем

богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготовлялись увеселениям. Люди праздные, скужающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худой судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег¹ для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроив лице свое различными хитростями, торжествовали восхождение престарелая луны, своя благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил:

— Не прогневайся, господи добрый, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимый, были в поле: царь небесный дал нам ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожжки не захватили. По сесь день господень все-таки у нас, родимый, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились; авось-таки милосливый спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся! У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то-де, *изволят баять*, вы и после уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжки,

¹ Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

так хлеб-от наш и пропадает. Дай ему бог здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы; а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю!

— Подите, друзья мои, — сказал я им, — отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше.

— И! родимый! — сказал крестьянин, — как не работать в воскресенье! Помолясь богу, нештоже делать нам, как не за работу приниматься; кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было! Вить мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они в праздничные дни попустому шатаются.

После чего крестьяне пошли, а я остался в коляске своей и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином,¹ я отправился в путь свой, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучиыя* деревни: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

*Продолжение сего путешествия напечатано будет
при новом издании сей книги.*

Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в*** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французским народом, то не осмелился бы я читателя моего попотчевать с етого блюда; потому что оно приготовлено очень солono и для нежных вкусов благородных неведк горьковато. Но ныне премудрость, сидящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьце заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

КОНЕЦ II ЧАСТИ.

¹ Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянпом по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно, бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренныя деревни и подобных ему.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ЧАСТИ

На сих днях получил я писание.	385
Я теперь <i>Неудобо-разумо-и-духодетелен!</i>	390
Недели с две тому	395
Сколько во Франции почитают Боало де Прея	397
Известие, полученное с Еликона.	398
Как мне известно	401
Лишь только уверился я	405
На сих днях	408
Случившееся недавно со мною	409
Я начинаю скучать городской жизнью	411
Сатирические ведомости	
№ 1	412
№ 2	415
№ 3	419
№ 4	424
№ 5	427
Возлюбленному о Христе брату радоватися	430
Пречестный отец Тарасвй!	431
Что мне делать?	432
Я имею у себя родственника молодого человека.	433
Вы стараетесь выводить наружу пороки	435
Сообщите, прошу вас покорно	436
Долго ли тебе устремлять гнев твой	438
Будучи всегдашним читателем	439
Отрывок путешествия в *** И*** Т***	443

Д. И. ФОНВИЗИН

1745 - 1792

Д. И. ФОНВИЗИН

1

«Из перерусских русской» — так охарактеризовал Пушкин Фонвизина. Жизненный путь писателя, его государственная и политическая деятельность, его творчество посвящены благу горячо любимого им отечества. В этом отношении он был верным учеником Ломоносова.

Первым воспитателем и образователем Фонвизина был Московский университет. Там по программам, составленным великим русским просветителем Ломоносовым, воспитывались «национально достойные люди в науках». Здесь же в университете Фонвизин «получил вкус к словесным наукам», здесь же созрело решение стать писателем, здесь же в 1761 г. появился его первый литературный опыт — перевод басен Гольберга.

Тридцатилетняя литературная деятельность Фонвизина распадается на два периода. Рубежом является крестьянская война 1773—1775 гг.

В первый период Фонвизин — больше переводчик, последователь русского классицизма, пробующий свои силы и в прозе, и в стихах, и в драматургии. Но уже и в эти годы после переезда в Петербург Фонвизин проявляет возраставший из года в год интерес к политическим событиям той поры: преступное воцарение Екатерины на престол, ее либеральные обещания, активность дворянской оппозиции, созыв и работа Комиссии для сочинения нового Уложения. Эти-то события выводят Фонвизина на дорогу общенародных важнейших социальных проблем, помогая преодолевать сумароковские политические идеалы, его своекорыстную защиту дворянских интересов, его эстетику классицизма.

Следом за первыми опытами переводов появляются и оригинальные произведения Фонвизина. Он пишет две (дошедшие до нас) сатиры: «Лисица-кознодей» и «Послание к слугам моим. Шумилову, Ваньке и Петрушке». В «Послании» изображается мало отрадная картина русской жизни, где господствует всеобщая продажность, где все «неправдою живут». «Лисица-кознодей» — это уже остро-политическая сатира, в ней подвергается осмеянию самая запретная «материя» — достоинство монарха; басня имела целью разоблачить лживость официальных похвал монархии.

Следующим крупным выступлением Фонвизина была его комедия «Бригадир». Когда она была написана — до сих пор точно не известно. Обычно указывают две даты — 1766 и 1769. Мне кажется, последняя дата более вероятна. Сатирическая заостренность проблем комедии, изображение представителей благородного сословия как отрицательных персонажей — все это вряд ли не было подсказано Фонвизинцу Комиссией и политическими прецедентами во время

обсуждения проекта прав «благородных». Не случайно поэтому фонвизинские Бригадир и Советник так похожи на тех дворян, сатирические портреты которых появились в новиковском «Грутне» как ответ на споры, бушевавшие в Комиссии.

В «Бригадире» поставлена чрезвычайно важная и именно в это время ставшая актуальной тема отрыва дворянства от национальной почвы — по причинам социальным (паразитизм) и идеологическим (космополитизм, преклонение перед чужой культурой, перед чужой страпной, ее правами, обычаями, языком). При этом совершенно очевидно, что данная тема не имеет ничего общего с сумароковской критикой некультурного дворянства.

Оставаясь на дворянских позициях, Фонвизин в «Бригадире» не обличает, а высмеивает своих братьев по классу, очень язвительно показывая им, к каким последствиям может привести их сегодняшняя помещичья деятельность.

Русское просвещение как мощное идеологическое движение складывалось в борьбе против деспотического режима Екатерины II и политической теории французских энциклопедистов, которой воспользовалась императрица для создания реакционной легенды о просвещенном характере русского самодержавия. Крестьянская война 1773—1775 гг. была последним (после поражения в Комиссии для сочинения нового Уложения и выступлений Козельского, Новикова, Радищева в 1768—1773 гг.) и самым мощным ударом по легенде о просвещенном характере русского абсолютизма. Крестьянское восстание выявило в небывалых доколе масштабах деспотизм русского самодержавия, его реакционно-феодальный характер. Все дальнейшее (после 1775 г.) развитие русской литературы и просвещения проходит под знаком решения тех вопросов и политических проблем, которые были поставлены трагически разгромленным крестьянским движением.

Прежде всего резко изменилась внутренняя политика Екатерины. Увидев тщетность своих попыток заставить русских просветителей поверить в легенду, созданную на Западе, она перешла к мерам полицейского режима, призвав для этого Потемкина.

В литературе в эти годы правительственной реакции начинается резкое размежевание, намечившееся еще в пору расцвета сатирической журналистики. Группа писателей во главе с Петровым и Богдановичем переходит на сторону правительства, открыто выполняя волю монархии.

Крестьянская война, углубившая кризис дворянства, не только сплотила массу помещиков вокруг трона, но и породила сентиментализм как идеологию перевооружающегося дворянства. В эту пору, под влиянием борьбы русских крепостных, лучшие люди из передового дворянства стали отходить от правительства и «благородного сознания», отстаивая свою независимость и мучительно отыскивая пути и способы помощи народу вне союза со своим классом. Непонимание творческого характера революционной энергии народа было неизбежной слабостью дворянских просветителей. Эта слабость и породила непоследовательность их политической, философской и эстетической позиции в условиях жестокой и суровой классовой войны, развернувшейся в эпоху реакции. Но вместе с тем именно они испытали на себе всю силу благодетельного влияния подлинно демократи-

ческой народной идеологии. Эта идеология и определила их крупные творческие и общественно-политические успехи.

Так к моменту трагического исхода крестьянского восстания Новиков, сохраняя свою личную независимость, вторично, и на этот раз навсегда, порывает с двором, начав в новых условиях деятельность просветителя, которая попрежнему противостояла воинствующе-реакционной господствующей дворянской культуре. Так Фонвизин, не сумев подняться до понимания и оправдания восстаний, не разорвав со своим классом, все же развернет острейшую политическую борьбу с екатерининским «самодержавством». С середины 80-х годов в литературу войдет юный Крылов и, как прямой воспитанник русского просвещения, обрушится на укреплявших свою власть дворян, на перевооружившихся крепостников, воевавших против народа под знаменем сентиментализма, смело и дерзко станет обличать режим рабства и деспотизма.

Но эпоха крестьянской войны породила и революционную мысль в России. Радищев, разорвав со своим классом, политически оправдает оставший народ, начнет развивать идею народной революции как единственного пути социально-политического обновления, сурово и решительно потребует казни монарха и «избиения дворянского племени». Радищев — это вершина русского просвещения и высшее достижение русской литературы XVIII века. Радищевым открывается эпоха дворянской революционности. Произведения первого русского революционера будут мощно воздействовать на передовую дворянскую литературу, помогая ей преодолевать свои ошибки, заблуждения и слабости. Освободительное движение в России эпохи крепостничества, — говорил Ленин, — характеризуется полным преобладанием дворян. «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».¹

Произведения Фонвизина второго периода: «Письма из Франции», «Придворная грамматика», «Недоросль», «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание», наконец, совместно с Папаниным сочиненное «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления» (так называемое «Завещание Панина») — один из самых сильных дорадищевских обличительных документов XVIII века — все эти произведения резко направлены против екатерининского «самодержавства».

В эту пору складывается социально-политическая программа Фонвизина. Оставаясь дворянином, выступая с защитой дворянства, он вместе с тем давал довольно свободное и крайне субъективное толкование прав дворянства, лишенное узко сословного, своекорыстного характера. В его толковании дворяне — это просто лучшие люди отечества. Вот почему он требует не только ограничения крепостничества, но и предоставления права освобождения «от крестности», в случае если крепостной получит образование или займется деятельностью ремесленника или торговца. Вслед за Ломоносовым он ратует

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 19, стр. 294—295.

за расширение социальной базы русской культуры, считал необходимым и должным настаивать на предоставлении крепостным права получения высшего образования. Отсюда — требование отмены существующих законов, запрещающих хлебопашцам учиться в университете.

Главным же в программе Фонвизина была борьба с русским самодержавием, борьба за ограничение его деспотической власти законами, которые были бы составлены избранниками народа. Поэтому в произведениях Фонвизина этой поры ведущей темой будет политика самодержавия — двор, правление Екатерины, сама Екатерина. В то же время Фонвизин неизменно выступал в роли советчика Екатерины и мужественно брал на себя миссию спасителя отечества. В «Недоросле» он советовал Екатерине вмешаться в отношения помещиков и крепостных, вступить в борьбу с «поборниками рабства». Когда Фонвизина не послушались, он не отказался от своих намерений. Так появился проект манифеста о политических преобразованиях в России, написанный Фонвизиним вместе с Никитой Папиным; этот манифест хотели вручить Павлу, когда он займет престол. Самое большее, чем мог поступиться Фонвизин в своих воззрениях, — это отказаться от мысли, что его проект исполнит Екатерина, — вот почему это был «проект в будущем», адресованный будущему императору.

Крестьянская война испугала писателя. И это неприятие революционного пути губительно сказалось на всей литературно-политической деятельности Фонвизина. Всем содержанием своих остро сатирических, беспощадно обличительных произведений, направленных против екатерининского самодержавия, он, в сущности, подрывал его основы. Вот почему объективное содержание фонвизинских сочинений второго периода глубже и значительнее субъективного замысла их автора, который никогда не поднимался выше требования реформ. За это Радищев высоко ценил сочинения Фонвизина-сатирика, в то же время с горечью отмечая его политические заблуждения. За это он получил признание декабристов, за это Пушкин, выражая мнение декабристов, назвал его «Фонвизин — друг свободы».

Политические дворянски ограниченные воззрения определили фонвизинскую идею о роли писателя как советчика монарха, идею, приведшую его в тупик, разоружившую его в середине 80-х годов. Фонвизин писал: «Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются ныне россияне, поставляет человека с дарованиями, так сказать, стражем общего блага. В том государстве, где писатели наслаждаются дарованною нам свободой, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредных отечеству; так что человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руке, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества».

Весь ход политических событий екатерининского царствования убеждал Фонвизина в утопичности и бесплодности его воззрений на роль писателя. Но дворянский страх перед народным восстанием не позволял сделать последнего шага и высвободиться из пут своих политических заблуждений. После «Недоросля», после «Вопросов», после «Придворной грамматики» Екатерина запретила печатать Фонвизина. В расцвете своих творческих сил писатель оказался

исключенным из общественной жизни. Он многократно просил монархию разрешить ему печатать свои произведения, издавать журнал, заняться переводами и т. д. — и неизменно получал отказ. Екатерина не желала ни его сатир, ни его советов. А Фонвизин продолжал настойчиво и фанатично твердить одно и то же. Задуманный журнал «Друг честных людей или Стародум» преследовал ту же цель — советовать Екатерине. Но журнал издавать было запрещено. В 1786 г. он пишет повесть «Калисфен», где совершенно прозрачно рассказывает о себе. Калисфен — ученик Аристотеля, верный своим убеждениям, становится советчиком Александра Македонского. Александру, который слушал было вначале Калисфена, скоро наскучило исполнять бесконечные его советы. И когда тот фанатично продолжал обличать перед ним неправду, он повелел его казнить. Концовка этой мрачной, несомненно автобиографической, повести — свидетельство страшного падения Фонвизина писателя и политического деятеля, свидетельство губительности теории просвещенного абсолютизма. В бумагах Аристотеля, — сообщает Фонвизин, — было найдено предсмертное письмо Калисфена следующего содержания: «Умираю в темнице; благодарю богов, что сподобили меня постараться за истину. Александр слушал моих советов два дня, в которые я спас жизнь Дариева рода и избавил жителей целой области от кощунного истребления. Прости». Аристотель сделал приписку к этому письму: «При государе, которого склонности не все развращены, вот что честный человек в два дня сделать может».

Это была капитуляция, отказ от большой, смелой, открытой политической борьбы против «самодержавства» Екатерины. Вывести Фонвизина из тупика, из кризиса дворянского либерализма могло только одно: разрыв с дворянством, переход на сторону народа, признание революции единственным путем изменения социально-политического режима России. Этот шаг в России смог сделать только один человек — Радищев. И потому его творчество — новая ступень русской политической мысли: оно навсегда разрывало с дворянской идеологией, закладывая основы революционного мировоззрения.

2

Первым произведением второго периода, произведением, написанным после разгрома восстания Пугачева, были так называемые «Письма из Франции».

Фонвизин, занимая к этому времени большой государственный пост (секретарь коллегии Министерства иностранных дел, ближайший помощник министра Панина), отправляется в 1777 г. в путешествие по Европе. Несомненно, поводом к путешествию были политические события — в это время шла война за независимость Америки от колониального владычества англичан, и в Париже сочувствовали американцам. Вот почему Фонвизин большую часть времени проводит во Франции, и в частности в Париже. То был напряженный момент войны, когда дальнейший ход событий зависел от того, заключит ли Франция открытый военный союз с Америкой или нет. Американский посол

Франклин склонял Францию выступить против англичан. Русский посол Барятинский, выполняя указания Панина, настойчиво внушал министру иностранных дел Франции Вержену, что русское правительство с удовольствием встретит этот союз. Панин, считая войну американского народа справедливейшей, принимал меры к обузданию наглого владычества англичан, используя весь огромный авторитет России к прекращению несправедливой войны и установлению «тишины в Европе». В это время и прибыл Фонвизин, прибыл как частное лицо, как русский писатель. Эта неофициальность положения была удобна для Фонвизина, доверенного лица Панина. Франклин немедленно стал искать путей сближения с Фонвизиним — так крайне необходима была американскому правительству помощь России. Встреча наконец состоялась. Об этом важном событии Фонвизин сообщил в Петербург в письме от августа 1778 г. О встрече Фонвизина и Франклипа сообщили и парижские газеты.

О всех европейских событиях, о своих французских впечатлениях Фонвизин станет подробно извещать брата министра — Петра Панина и свою сестру. Письма эти — подлинно художественные произведения — не имели частного характера. Они были рассчитаны на тех передовых дворян, которые были близки кружку Панина и дому сестры писателя в Москве.

В письмах Фонвизин развивал важнейшие для своего творчества идеи. Они с небывалой дотоле силой защищали и отстаивали русскую культуру от вредных чужеземных влияний. В творчестве Фонвизина этой поры, как уже было сказано, преобладающее значение приобретает тема власти, двора, русского самодержавия. Ненавидя деспотизм Екатерины и сочувствуя бедствующему в рабстве народу, негодуя на политику, разоряющую страну, Фонвизин в то же время ограничен в своей протестующей сатире. Трезво оценивая политику Екатерины, он ясно понимал безрассудство своих надежд дожидаться исправления положения волей монархини. Но вместе с тем он беспрестанно развивал излюбленную мысль об идеальном монархе, власть которого ограничена законами. Оттого в его творчестве перемежаются «Слово похвальное Марку Аврелию» с сатирой «Придворная грамматика», комедия «Недоросль», в конце которой Фонвизин высказал утопическую надежду на просвещенного монарха, с резким и категорическим «Рассуждением», которое опять-таки было не чем иным, как обращением к монарху, на этот раз — к Павлу. И вместе с тем совершенно очевидно, что в этот период творчества Фонвизин главной своей задачей делает борьбу с политикой русского самодержавия.

Учитывая, что немалую роль в укреплении авторитета екатерининской власти косвенно сыграли французские просветители, Фонвизин, исходя из общих задач русского просвещения, сам воспитанный на идее философского свободомыслия, считает необходимым в этот период выступить, во-первых, против безрассудного и огульного охаяния дворянством всего русского во имя французского и, во-вторых, против тех корифеев Просвещения, которые, игнорируя русское общественное движение, укрепляли авторитет самодержавия, нанося тем прямой вред русскому народу.

Этим двум темам посвящены «Письма из Франции». Плод точных и трезвых наблюдений, эти письма, пожалуй, впервые давали русскому читателю

правдивую картину быта и нравов, политического и экономического положения, культуры и жизни французского общества накануне буржуазной революции. Белинский поразительно точно уловил это: «читая их, вы чувствуете уже начало французской революции, в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником». Письма эти, без сомнения, могли способствовать отрезвлению умов. Нарисованная писателем картина жизни Франции, слывшей в России образцом, могла освободить от «французской заразы», заставляла задуматься над многими существенными вопросами, возбуждала интерес к явлениям русской жизни, русской истории, русской культуры, а порой и национальную гордость.

Во Францию в лице Фонвизина прпехал непредубежденный человек. Много слышавший об этой стране, он хотел сам лично все осмотреть, изучить, понять, оценить. Отсюда — неустанная деятельность во время путешествия. Он не был праздным гулякою и не увлекался пышными приемами, которые устраивала ему дворянская знать в провинции, где приходилось проживать по нескольку недель. Он не последовал и примеру Дидро, пожелавшего изучать певедомую ему страну из окон императорского дворца или императорской кареты.

Фонвизин посещает фабрики и суды, церкви и больницы, библиотеки и музеи, читает книги по истории, экономике и коммерции Франции, изучает юриспруденцию, литературу, философию; не стремится в Версаль, по встречается с учеными, администраторами, писателями, дипломатами, заводит разговоры с встречными людьми, расспрашивает обо всем, и — важнейшая черта фонвизинского путешествия — он рассказывает сам о своем отечестве, о русском народе, русской литературе, русском языке, русском климате, поражаясь всякий раз тому, как обидно и беспричинно мало знает во Франции о России.

В своих суждениях Фонвизин объективен — только что въехав во Францию, он немедленно с радостью отмечает: «Дорога в сем государстве очень хороша». Посетив лионские «фабрики шелковых изделий», он приходит к выводу: «По справедливости сказать, сии мануфактуры в таком совершенстве, до которого другим землям доходить трудно». Приглядываясь к французскому дворянству, он, сам дворянин, обличавший невежество и паразитизм русского «благородного» сословия, делает заключение — французское дворянство не лучше. «При невероятном множестве способов к просвещению глубокое невежество весьма нередко. Оно сопровождается еще и ужасным суевением. Попы, имея в руках своих воспитание, вселяют в людей, содной стороны, рабскую привязанность к химерам, выгодным для духовенства; а с другой, сильное отвращение к здравому рассудку. Таково почти все дворянство».

Заметил Фонвизин и другую типичную черту социальной жизни Франции — большую политическую роль духовенства, его связь с дворянством и властью в деле выколачивания налогов с народа во имя короля. Сатирически описывает он одно официальное заседание, где местные власти — интенданты — произносили «трогающие речи», изображая «долг верноподданных платить исправно подати». На том же заседании архиешископ поощрил платить

подати, утверждая при этом, как заправский торгаш, что «господь награждает со вторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить ныне своему государю».

Все, что видел, все, что замечал Фонвизин, он всегда сравнивал с порядками у себя «дома». Вот отчего он использует любую возможность, чтобы обрушиться на «злоупотребления» и «неустройства» екатерининского правления. Обследовав суды, Фонвизин пишет: «Здесьние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают». Общий же вывод о Франции, испытывающей под тираническим режимом Людовика XVI, опутанной властью фаворитов, продажных воров-чиновников, — это уже страстное обвинение не только деспотического правления французского короля, но и русской самодержицы. «Рассматривая состояние французской нации, научился я различать вольность по праву от действительной вольности. Наш народ не имеет первой, но последнюю во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве. Король, будучи ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть именныя указы, которыми король посылает в ссылки и сажает в тюрьму, которым никто не смеет спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманом, что доказывают тысячи примеров. Каждый министр есть деспот в своем департаменте. Фавориты его делят с ним самовластие и своим фаворитам уделают». «Неправосудие во Франции тем жесточе, что происходит оно непосредственно от самого правительства и на всех простирается. Налогы, частые и тяжкие, служат к одному обогащению непасытимых начальников». «Народ в провинциях еще несчастнее, нежели в столице. Судьба его зависит главнейше от интенданта; по что есть интендант? Вор, имеющий полномочие грабить провинцию безотчетно, и т. д. Все это, как нетрудно заметить, уже предвещает нам злую сатиру Фонвизина на двор и Екатерину, известную под заглавием «Придворная грамматика».

Зоркий глаз политического писателя отметил и новый характер складывавшихся буржуазных отношений с их господством «чистогана» и властью денег. Все — и дворяне, и духовенство, и торжествующие буржуа — заражены были «корыстью» и жаждой денег. «Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуют нимало снисходить до подлейших обманов, как скоро дело идет о малейшей корысти». «Кавалеры св. Людовика» подлой лестью получают у чужестранцев займы и «на другой же день скрываются вовсе с деньгами от своего заимодавца. Сколько промышляют своими супругами, сестрами, дочерьми! Словом, деньги суть первое божество здешней земли». Вот почему чем точнее описывал Фонвизин жизнь Франции в канун революции, чем яснее проступала гнилость режима Людовика XVI, чем отчетливее видел он хищный оскал складывавшегося нового, буржуазного мира, — тем искренней и настойчивее звучало в письмах патристическое желание вернуться домой, тем чаще и проникновеннее он писал о родине. Вывод же путешественника был категорическим: «Славны бубны за горами — вот прямая истина!»

Другим важным идейным стержнем писем было знаменитое выступление Фонвизина против крупнейших философов — Дидро, Даламбера, Вольтера

и других. До сих пор, кажется мне, не оценена и не вскрыта действительная подоплека этого выступления. Дело, конечно, не в консерватизме Фонвизина, не в предании им анафеме глассаатаев свободы, как это часто изображается в нашей литературе.

Внимательное изучение писем показывает, что Фонвизин выступал не против просветительства, а против поведения отдельных философов. И действительно, он с большим уважением говорит о Руссо, об его книгах, ему симпатичен Тома, он доволен встречами с Франклиным и рядом писателей, философов, общественных деятелей. Он вступает в Париже в тесные взаимоотношения с множеством ученых людей, и его принимают там как единомышленника.

Осуждению подвергаются прежде всего Дидро и Даламбер. И это не случайно. Фонвизин резко критикует моральный облик именно тех людей, кто был в сношениях с Екатериной. Какие же обвинения предъявляет им Фонвизин? «Ложь, корыстолюбие и подлейшая лесть». Но и эти качества характера философов, может быть, не взволновали бы так Фонвизина, если бы они не подкреплялись фактами особого рода: качества эти проявлялись неизменно в стремлении «достать подарки от нашего двора». Вот в чем все дело! Фонвизин, ссылаясь на факты, отлично ему известные («Я докажу опытом справедливость моего примечания»), утверждает: Дидро и Даламбер в своих всему миру известных отношениях с Екатериной, русским двором корыстны, лживы и льстивы. Соответствуют ли действительности эти обвинения? — Лесть? В многочисленных письмах философов друг к другу часто приводились факты, характеризующие прекрасную «Като» в более чем неприглядном виде. В письмах же императрице — всегда безудержная, приторная, неприятная лесть. Деньги? Что ж, все эти люди получали от Екатерины регулярно довольно крупные суммы, множество подарков, почти состоя на постоянном пенсионе. Как раз во время пребывания Фонвизина во Франции Дидро (который уже раз!) обратился к Екатерине с новой просьбой о помощи и получил 2000 рублей.

Таким образом тема критики Дидро и Даламбера тесно связана с темой двора, русского самодержавия. Совсем не случайно именно в данном месте подчеркнуто уважение Фонвизина к Руссо, единственному философу, не пожелавшему вступить в какие-либо отношения с русской императрицей. Наоборот, Дидро и Даламбер, творцы легенды о Екатерине — просвещенной монархини, философы, покровительствуемые и опекаемые русской императрицей, особенно раздражают Фонвизина. Фонвизин обличал и развешивал их прежде всего за ту деятельность, за которую они получали от русского двора круглые суммы.

Безусловно, в этом своем резком суждении Фонвизин несправедливо и даже клеветнически называет этих людей «шарлатанами», незаслуженно и без всякого основания пытается очернить всю их замечательную деятельность. Но это объясняется как практической необходимостью для Фонвизина дискредитировать тех, кто служил ненавистной русской императрице, так и убеждениями Фонвизина, которому претил атеизм Дидро, которого пугала мораль «интереса». Пользуясь конкретным случаем — получение денег

от русского двора, Фонвизин примитивно пытается объяснить это моралью энциклопедистов, грубо и вульгарно толкуя ее главное положение об «интересе».

Крупнейшим и важнейшим сочинением этого второго периода является комедия «Недоросль». С проблематикой «Недоросля» органически связаны многочисленные фонвизинские прозаические произведения 80-х годов. Отличались же эти прозаические произведения от гениальной комедии своей политической резкостью, своей открытой направленностью против Екатерины. Первое место в ряду этих произведений принадлежит памфлету «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», замечательному явлению политической литературы XVIII века. Памфлет написан патриотом, в сердце которого кипело негодование и ярая ненависть к разорителю любимого отечества. Фонвизин писал: «Государство, объемлющее престранство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет... государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное... государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света... государство, дающее чужим землям царей». Вот почему в «Рассуждении» Фонвизин выступал с требованиями ограничить русское самодержавие законами, которые охраняли бы права граждан от произвола царской власти и царских чиновников. С простотой Фонвизин обрушивался на утвердившуюся при Екатерине практику фаворитизма, когда отечество отдавалось во власть «случайным людям» (при Екатерине фаворитов, вошедших в «случай», называли «случайными людьми»). Как истый политический деятель Фонвизин не ограничился одним обличением и развернул широкую программу социальных преобразований. Верный своим убеждениям, он эти преобразования мыслил только как реформы, совершаемые верховной властью (конкретно волей будущего императора Павла). Главный быч России — крепостное право должно было, по Фонвизину, быть уничтожено, но не сразу, а постепенно. На этом Фонвизин настаивает — освобождать сразу нельзя, это может привести к крестьянским бунтам.

«Рассуждение» — это талантливый политический памфлет, написанный языком ораторской речи. Всею своей стилистикой он связан с речами демократических депутатов Комиссии для сочинения Уложения 1767 г. Несмотря на то, что «Рассуждение» не было напечатано, так как было адресовано Павлу, оно, однако, стало известно передовым кругам дворянского общества. Знал его и Радищев. Мотивы главы «Хотилово» в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» навеяны, несомненно, этим ярким эпизодом русской общественной мысли.

Видя рост общественной активности писателей и прежде всего популярность созданной Новиковым в Москве просветительской организации, Екатерина в 1782 г. решает вновь заняться литературой. Так появляется идея создания в столице объединения литераторов, объединения, которое послушно исполняло бы ее волю. Для этого удобнее всего было создать журнал, к сотрудничеству в котором можно было привлечь нужных писателей. Так появился в 1783 г. «Собеседник любителей российского слова». Новый журнал выходил под редакцией княгини Дашковой и самой Екатерины II. В число сотрудни-

ков были приглашены крупные писатели: Херасков, Фонвизин, Богданович, Княжнин, Капнист, а также и начинающие молодые писатели и поэты — Костров, Жуков, Левшин и др. В качестве передовицы было помещено стихотворение Державина. Примеру молодого поэта, полагала Екатерина, должны были следовать и остальные. И тут-то Екатерину вновь постигла неудача. Ни Фонвизин, ни Княжнин, ни Капнист, ни даже Херасков не пожелали прославлять «матерь отечества». Да и Державиц, начавший свой путь «Фелицей», перестал писать нужные императрице стихи. Не писал даже после откровенных стихотворных посланий, напечатанных по приказанию Екатерины в «Собеседнике», в которых Державину прямо предлагалось писать в духе «Фелицы», прославлять Екатерину с прежним энтузиазмом. Не дождавшись нужных произведений от этих писателей, Екатерине приходилось открывать очередные номера журнала анонимными стихами нанятых одошников. Только эти безвестные «шинельные» поэты соглашались славить русскую императрицу. Из заметных писателей усердствовал один Богданович.

Заполнялся же журнал главным образом сочинениями самой Екатерины, — из номера в номер она печатала огромное историческое произведение «Записки касательно российской истории» и сатирический фельетон «Были и небылиц».

Фонвизин, приглашенный к участию в журнале, задумал с трибуны «Собеседника» выступить против коронованного автора. В данном случае писатель опирался на опыт русской литературы, и Новикова прежде всего, когда тот в 1769 г. умно использовал игру Екатерины в монарха-писателя для ее обличения. В 1783 г. к этому прибегнул Фонвизин.

Екатерина была редактором журнала и главным автором. Она скрывалась за псевдонимом сочинителя «Былей и небылиц». Фонвизин сделал вид, что не знает, кто этот автор, и стал обращаться к нему как к равному, как писатель к писателю. Можно предположить, что в своем намерении использовать журнал Екатерины для обличения ее самой Фонвизин был не одинок. Вокруг сатирика объединилась целая группа писателей единомышленников; судя по одному из писем, напечатанных в «Собеседнике», их было восемь человек — шесть мужчин и две женщины. Главную роль в этом замысле должны были сыграть вопросы, заданные автору «Былей и небылиц». Общественный смысл «Вопросов» — в осуществлении явочным порядком надзора за действиями монархини, в стремлении поставить на общественное обсуждение острые вопросы политической жизни России. У Екатерины, как самодержавного государя, естественно, нельзя было спрашивать отчета в ее действиях и поступках. Но монарху-писателю, кокетничающему своим демагогическим либерализмом, можно было, хотя и с опасностью, задать несколько вопросов. И вот, воспользовавшись этим, Фонвизин задал ей свои первые двадцать вопросов. Вопросы имели остро политический характер: от имени дворянской оппозиции писатель сурово и требовательно обращался к монарху, заставлял его отвечать и оправдываться перед всей Россией.

Получив вопросы Фонвизина, Екатерина поняла, что рухнет ее план подчинения русских писателей своему влиянию. Но тем не менее она напечатала их для того, чтобы проучить тех, кто дерзок, кого надо отучить от «свободозычия». Поэтому она не только ответила на вопросы, но специально

вернулась к ним в своем фельетоне «Были и небылицы», где устами одного из персонажей, «Дедушки», заявила: «Молокососы! Не знаете вы, что я знаю. В наши времена никто не любил вопросов, ибо с ними и мысленно соединены были неурядицы обстоятельства... Отчего... отчего?.. Ясно оттого, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно, без опасения».

Фонвизину пришлось после отповеди разъяренного самодержца от своего намерения отступить. Больше вопросов он не посылал — ему открыто грозили расправой. Пришлось писать извинительное письмо, которое незамедлительно было напечатано с комментариями Екатерины в наказание другим непослушным писателям, этому «вопрошающему народу». Любопытно, что вопросы Фонвизина вызвали все же широкий общественный резонанс. Так, например, особо привлек к себе общественное внимание вопрос о национальном характере русского народа.

Интерес к истории, к прошлому народа, к его судьбам и национальным чертам оказался в центре внимания литературы 80-х годов. Фонвизин первым в этой атмосфере ставит проблему исторического прошлого русского народа на всеобщее обсуждение в своем вопросе Екатерине: «В чем состоит наш национальный характер?»

Екатерина, понявшая дерзость вопроса, обрушивается на «свободолюбивого» вопрошателя, одергивает его, отвечая, что национальный характер русского народа состоит «в образцовом послушании».

Двадцатый вопрос Фонвизина, о национальных чертах русского народа, как бы открывал общественное обсуждение этой, выдвинутой политическими событиями эпохи, проблемы. Ответ Екатерины, более похожий на предписание власти, вскрывает желательное для правительства его разрешение. Князь М. Щербатов — идеолог аристократического дворянства, реакционер, требовавший ограничения самодержавия в пользу аристократии, — заготовил свои возражения на замечания Екатерины, в которых прямо говорит о лживости ответа на двадцатый вопрос: «Лестно и для нас, деревенских пентюхов, такое объяснение, желательно, чтобы оно было правильно», — но пугачевское восстание, свидетелем которого он был, не позволяло верить в объявленное царицей послушание народа.

Выступление Фонвизина в «Собеседнике» было, по сути дела, последним общественным выступлением в печати. Екатерина запретила навсегда деятельность этого «свободолюбивого» «вопрошающего» писателя. В 1788 г. Фонвизин задумал издать подготовленный им сатирический журнал «Друг честных людей или Стародум». Все те же темы — сатира на Екатерину, на двор, на Скотинных, забота о русской самобытной культуре, борьба с французоманией, желание реформ, преобразований, выражение надежд, что верховная власть послушает его, Фонвизина, советов, — таково содержание этого журнала. Но Екатерина решительно не хотела слушать советов писателя, о чем громко заявляла: «Худо мне жить приходится: уже и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать».¹ Да и сам Фонвизин понимал, что надежд на Екатерину нет никаких. Вот отчего и в новом журнале сатирическая тема двора, сатира на

¹ П. А. Вяземский. Фонвизин. СПб., 1848, стр. 285.

саму Екатерину занимает одно из первых мест. «Придворная грамматика», включенная в состав журнала, прямо обличала «философа на троне». Вот как, например, писал Фонвизин: «Что есть придворный род?» и отвечал: «Есть различие между душою мужскою и женскою. Сие различие от пола не зависит: ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы».

Говоря о разделении слов при дворе, Фонвизин заивлял, что самыми любимыми являются следующие двусложные слова: «силен, случай, упал». Эти три слова приведены не случайно — они обличали екатерининских фаворитов. Когда фаворита вводили в спальню к Екатерине, про него говорили: «попал в случай». Тот, кто был «в случае», — значит, был «силен». Когда надоевшего фаворита выпроваживали из дворца, про него сообщали, что он «упал». Естественно, такой журнал не мог быть разрешен. Но как многие сатирические произведения Фонвизина, «Придворная грамматика» стала быстро распространяться в списках. Рукописную «Придворную грамматику» знал и Радищев, о чем упоминает в своем «Путешествии».

Политическую смелость Фонвизина, его художественное новаторство высоко ценил Пушкин. Родоначальник новой русской литературы, Пушкин бережно и любовно относился к своим предшественникам, которые подготавливали те завоевания русского реализма, которые составили его самобытный характер. Интерес к большим социальным проблемам, подчिщение своего творчества гражданским, общественным задачам, неприятие политики самодержавия толкали Фонвизина в сторону и от дворянской идеологии Сумарокова и от рационалистических отвлеченных схем эстетики классицизма.

Острое политическое зрение Фонвизина определило новое, глубоко отличное от классицизма понимание человека и его связей с действительностью. Автор «Недоросля» и «Писем из Франции», «Вопросов» и «Рассуждений», «Придворной грамматики» и сатирических писем Стародума все более осознавал, что Скотинины и Екатерина, что Простакова и Потемкин — не средоточие отвлеченных пороков, а порождение крепостнического строя. Так «действительная живопись» Новикова получила новое развитие. Предметом внимания и объектом изображения Фонвизина стал реальный мир, «русский XVIII век», Россия, изнывающая под пятой неограниченного самодержца, деспотических фаворитов и озверевших в своем рабовладении Скотининых. А реальный мир Фонвизин живописал языком, которым говорили люди, жившие в этом мире. Это было и продолжением и обогащением кантемировской сатирической линии в русской литературе — писать так, как говорят, это было смелым отступлением от нормативной поэтики, определявшей строгие правила, как и что должен говорить каждый персонаж в том или ином литературном произведении.

Говоря о состоянии молодой русской прозаической литературы начала века, Пушкин писал, что она еще принуждена «создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных». На этом пути совершенно необходима была борьба с Карамзиным и его школой, оставившей в наследие «маперность, робость и бледность». В этой борьбе за «нагую простоту» русской прозы не последнюю роль играли не только драматические, но и прозаиче-

ские произведения Фонвизина, и в частности его письма, «Чистосердечное признание», «Рассуждение» и т. д.

Просто и деловито, конкретно и ярко писал Фонвизин письма о быте чужого народа, о «политических материях», об искусстве и экономике, о русских дворянах, их повадках, поступках, характерах, о европейских философях, о фабриках, о дорогах и трактирах. И писалось это всегда «русским слогом». Вот почему Белинский называл письма «дельными», вот почему заявлял беспрестанно, что Фонвизина «читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью, его сочинения живая летопись той эпохи».¹

Именно потому, что в XVIII веке на базе общественно-активной, прогрессивной литературы мощно развивалась «действительная живопись», приуготовлялся реализм, средствами искусства изображалась жизнь России с почти документальной достоверностью, — мог с такой силой явиться мощный и прекрасный гений Пушкина.

¹ В. Белинский. Сочинения, т. X, стр. 392.

Письма из Франции

ПИСЬМА П. И. ПАНИНУ

I

Монпелье, $\frac{22 \text{ ноября}}{3 \text{ декабря}}$ 1777.

За долг почитаю уведомить ваше сиятельство, как истинного моего благодетеля, о приезде моем в здешний город, в котором, по причине болезни жены моей, расположился я остаться на зиму. Прекрасный климат и искусство здешних медиков подают мне превеликую надежду об ее выздоровлении, и самая дорога, продолжавшаяся близ трех месяцев, утвердила ее силы. Первый здешний доктор г. Деламяур, которого я призвал, начал уже ей давать лекарства; приготавливает ее к принятию полной меры известного от глистов состава, коего секрет королем куплен; а по истреблении их останется привести в порядок причиненное ими расстройство в теле. Г. Деламяур имеет здесь славу, которую заслужил совершенно исцелением многих от претяжких болезней. Счастливым его успех в лечении произвел такую к нему уверенность, что все чужестранцы ищут у него помощи предпочтительно пред другими докторами, коих число в Монпелье до семидесяти простирается. Впрочем, милостивый государь, надлежит признаться, что сему славному медику способствует, конечно, много и здешний климат, которого лучше в свете быть не может. У нас весьма часто бывает самое лето хуже настоящего здесь времени. Гульбища всякий день наполнены людьми, и не только теперь до шуб, ниже до муфт дело не доходит. Господь возлюбил, видно, здешнюю землю: никогда небеса здесь мрачны не бывают. Прекрасное солнце отсюда неотлучно. Один недостаток здесь чувствителен: земля неспособна к произращению дерев, и летом мало убежища от солнечных лучей. Жары, сказывают, здесь несносны; по зима есть то время года, которого приятнее желать невозможно. Множество больных чужестранцев и из других провинций французов съехалось сюда по обыкновению на зиму, и Монпелье можно назвать больницей,

но такую, где живут уже выздоравливающие. Не могу изъяснить вашему сиятельству, сколь приятно видеть множество людей, у коих написана на лице радость, ощущаемая при возвращении здоровья! Все больные видятся ежедневно на гульбище и, сообщая взаимно перемену болезней своих, друг друга утешают и ободряют.

Позвольте, милостивый государь, продолжить уведомление о моем путешествии. Последнее письмо имел я честь писать к вашему сиятельству из Дрездена. В нем пробыл я близ трех недель. Осмотрев тут все достойное примечания, поехал я в Лейпциг, но уже не застал ярмарки. Я нашел сей город наполненным учеными людьми. Иные из них почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему, однакож, во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь мысленно на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле; иные весьма твердо знают артифициальную логику, имея крайний недостаток в натуральной; словом, — Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума. Оставя сих педантов, поехал я во Франкфурт-на-Майне. Сей город знаменит древностями и отличается тем, что римский император бывает в нем избран. Я был в палате избрания, из коей он является народу. Но все сие имеет древность одним своим достоинством, то есть: видел я по четыре пустых стен у старинных палат; а больше ничего. Показывали мне также известную так называемую la Bulle d'or (Золотую буллу) императора Карла IV, писанную в 1356 году; я был в имперской архиве. Все сие поистине не стоит труда лазить на чердаки и слезать в погреба, где хранятся знаки невежества. Из Франкфурта ехал я по немецким княжествам: что ни шаг, то государство. Я видел Ганзу, Майнц, Фульду, Саксен-Готу, Эйзенах и несколько княжеств мелких принцев. Дороги часто находил немощные, но везде платил дорого за мостовую; и когда по вытаснении меня из грязи требовали с меня денег за мостовую, то я осмеливался спрашивать: где она? На сие отвечали мне, что его светлость владеющий государь намерен приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудие с чужестранными заставило меня сделать заключение и о правосудии к поданным. Не удивился я, что из всякого их жилья куча нищих провозжала всегда мою карету. Наконец приехал я в Мангейм, резиденцию курфирста пфальцского. Известное мне положение сего двора в рассуждении нашего привлекло меня предстать курфирсту; для чего я и взял из Дрездена туда рекомендательные письма. Как от него, так и от курфирстины принят я был весьма милостиво. Оставя меня обедать, его светлость посадил меня возле себя. Разговоры, коими он и супруга его меня удостоили, доказывают просвещенное их благоразумие, усердие к нашему двору и большое уважение к особе брата вашего. Что ж касается до

города, то лучше его я не видал в Германии: строение новое и регулярное. Впрочем, ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других. Отсюда выехал я во Францию и чрез Страсбург, Безансон, Bourg-en-Bresse¹ достиг славного города Лиона. Дорога в сем государстве очень хороша; но везде по городам улицы так узки и так скверно содержатся, что удивиться надобно, как люди с пятью человеческими чувствами в такой нечистоте жить могут. Видно, что полиция в сие дело не вступает; чему в доказательство осмелюсь вашему сиятельству рассказать один пример. Шедши в Лионе по самой знатной и большой улице (которая, однакож, не годится в наши переулки), увидел я среди бела дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорук, счел я, что это, конечно, какое-нибудь знатное погребение; но, подошед из любопытства ближе, увидел, что я сильно обманулся: господа французы изволили убить себе свинью — и нашли место опалить ее на самой середине улицы! Смрад, нечистота и толпа праздных людей, смотрящих на сию операцию, принудили меня взять другую дорогу. Не видав еще Парижа, не знаю, меньше ли в нем страждет обоняние; но виденные мною во Франции города находятся в рассуждении чистоты в прежалком состоянии.

В Лионе смотрел я фабрики шелковых изделий, откуда Франция посылает во всю Европу наилучшие парчи и штофы. По справедливости сказать, сии мануфактуры в таком совершенстве, до которого другим землям доходить трудно. Сей город остановил меня на несколько времени для осмотра в нем достойного любопытства. L'hôtel Dieu² построен в половине шестого века; здание огромное и заслуживающее примечания сколько искусством древних архитекторов, столько и наблюдаемым внутри одного порядком в рассуждении великого числа больных. Меня впустили смотреть их в тот час, когда les soeurs (сестры милосердия, больным женщинам служащие) обносили им купанье. Я с душевным возмущением видел страждущих различными болезнями; но с удивлением и внутренним удовольствием смотрел, с каким рачением и усердием ходят около сих несчастных. — L'hôtel de ville³ есть здание весьма великолепное; оно, по признанию вояжеров, превосходит амстердамскую ратушу. Многие монастыри и церкви украшены картинами великих художников. Вообще Лион есть город весьма древний, большой, коммерческий, многолюдный, словом, — после Парижа первый в королевстве.

¹ Бур-ан-Бресс — главный город старинной французской провинции Бресс.

² Госпиталь.

³ Ратуша.

Из Лиона приехал я сюда в пять дней. Монпелье город небольшой, но имеющий приятное местоположение; улицы его узки и скверны, но дома есть очень хорошие. Университет здешний основан в 1180 году, и медицинский его факультет славен в Европе. Вне города есть la place du Reugou, приятнейшее и великолепнейшее из всех известных. На нем прогуливается целый город ежедневно. Место высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взор славным aqueduc (водопровод) длины превеликой и работы, достойной внимания. Отсюда вода идет во весь город. Средиземное море видно с сего места, а при восхождении солнца видна, сказывают, и Испания. Сие прекрасное место заслуживает и быть в таком климате, каков здешний, где гулянье во все времена года составляет наилучшую забаву.

В рассуждении общества теперь здесь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc¹ собрались сюда по обыкновению на два месяца. Они состоят из уполномоченных от короля правителей, духовенства и дворянства. Собрание сего земского суда имеет предметом своим распоряжение дел лангедокской провинции и сбор для короля подати, называемой don gratuit.² Знатнейшие члены суть: первый комендант сей провинции и кавалер ордена Святого духа граф Перигор, архиепископ нарбонский, комендант граф Монкан, комендант виконт де Септ-При, первый барон и кавалер ордена Святого духа маркиз де Кастр и первый президент города Кларис; все люди знатные и почтенные. Они имеют открытые дома и чужестранцев с отличною ласкою принимают. Мы, с своей стороны, весьма довольны их гостеприимством и обыкновенно званы бываем во все их общества.

Позвольте, милостивый государь, включить здесь то описание бывшей здесь на сих днях церемонии, называемой l'ouverture des Etats,³ которое имел я честь сделать в письме моем к его сиятельству братцу вашему. Сие зрелище заслуживало любопытство чужестранцев как по великолепию, с коим сей обряд отправлялся, так и по странности древних обычаев, наблюдаемых при сем случае. Собрание было весьма многочисленное, в зале старинного дома, называемого Gouvernement des Etats. Пришед в утренний час и взяв свои места, ожидали прибытия графа Перигора, как представляющего особу королевскую. Как скоро оное возведено было, то все дворянство вышло к нему навстречу, и он, в кавалерском платье и шляпе, взошел на сделанное нарочно возвышенное место, сел в кресла под балдахин; по правую сторону архиепископ нарбонский и двенадцать епископов, а по левую дворянство в древних рыцарских платьях и шляпах. Заседание началось чрез

¹ Штаты Лангедока.

² Безвозмездный дар.

³ Открытие штатов.

одного синдика чтением исторического описания древнего монпельевского королевства. Прошед времена древних королей и упомянув, как оно перешло во владение французских государей, сказано в заключение всего, что ныне благополучно владеющему монарху¹ надлежит платить деньги. Граф Перигор читал потом речь, весьма трогательную, в которой изобразил долг верноподданных платить исправно подати. Многие прослезились от сего красноречия. Интендант читал, с своей стороны, также речь, в которой, говоря весьма много о действиях природы и искусства, выхвалял здешний климат и трудолюбивый характер жителей. По его мнению, и самая ясность небес здешнего края должна способствовать к исправному платежу подати. После сего архиепископ нарбонский говорил поучительное слово. Проходя всю историю коммерции, весьма красноречиво изобразил он все ее выгоды и сокровища и заключил тем, что с помощью коммерции, к которой он слушателей сильно поощрял, господь наградит со вторницею ту сумму, которую они согласятся заплатить ныне своему государю. Каждая из сих речей сопровождается была комплиментом к значнейшим сочленам. Интендант превозносил похвалами архиепископа, архиепископ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигор выхвалял их обоих. Потом все пошло в соборную церковь, где пет был благодарный молебен всевышнему за сохранение в жителях единодушия к добровольному платежу того, что в противном случае взяли бы с них насильно. — Le don gratuit с капитациею² состоит в сборе с лангедокской провинции на наши деньги 920 000 рублей.

На сих днях получено здесь известие о умерщвлении турками князя Гики. Все газеты предвещают неизбежную нам войну с турками. Ваше сиятельство лучше ведать изволите, сколь справедливы сии предвещения; нижайше прошу сделать милость удостоить меня, хотя в самых генеральных терминах, сведением о настоящем положении с нами турков. Я почту сие новым опытом вашей ко мне милости, пребывая и пр.

II

Монпелье, 24 декабря 1777.
4 января 1778.

Я имел честь получить милостивое письмо ваше от 16 октября, за которое приношу мое нижайшее благодаренье. Надеюсь, что ваше сиятельство уже получить изволили мои из Дрездена и

¹ Людовик XVI.

² Capitation (taxe par têtes) — подушный оклад.

отсюда. Я припаял смелость сделать в них с некоторою подробностью примечания мои на земли, чрез которые проехал. Здесь живу уже другой месяц и стараюсь, по возможности, приобретать нужные по состоянию моему знания. Способов к просвещению здесь очень довольно. Я могу оными пользоваться, не расстроивая моего малого достатка; и хотя телесная пища здесь весьма дешева, но душевная еще дешевле. Учитель философии, обязываясь читать всякий день лекции, запросил с меня в первом слове на наши деньги по 2 р. 40 коп. в месяц. Юриспруденция, как наука, при настоящем развращении совестей человеческих ни к чему почти не служащая, стоит гораздо дешевле. Римское право из одной пища здесь преподается. Такой бедной учености, я думаю, нет в целом свете; ибо как гражданские звания покупаются без справки, имеет ли покупающий потребные к должности своей знания, то и нет охотников терять время свое, учась науке бесполезной. Злоупотребление продажи чинов произвело здесь то странное действие, что при невероятном множестве способов к просвещению глубокое невежество весьма нередко. Оно сопровождается еще и ужасным суеверием. Попы, имея в руках своих воспитание, вселяют в людей, с одной стороны, рабскую привязанность к химерам, выгодным для духовенства; а с другой, сильное отвращение к здравому рассудку. Таково почти все дворянство и большая часть других состояний. Я не могу сделать много об них заключения по вопросам, которые мне делаются, и по ответам на мои вопросы. Впрочем, те, кои предупели как-нибудь свергнуть с себя иго суеверия, почти все попали в другую крайность и заразились новою философиею. Редкого встречаю, в ком бы не приметна была которая-нибудь из двух крайностей: или рабство, или наглость разума.

Главное рачение мое обратил я к познанию здешних законов. Сколь много несовместны они в подробностях своих с нашими, столь, напротив того, общие правосудия правила просвещают меня в познании существа самой истины и в способах находить ее в той мрачной глубине, куда свергают ее невежество и ябеда. Система законов сего государства есть здание, можно сказать, премудрое, сооруженное многими веками и редкими умами; но вкравшиеся мало-помалу различные злоупотребления и развращение нравов дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основание сего пространныго здания, так что жить в нем бедственно, а разорить его пагубно. Первое право каждого француза есть вольность; но истинное настоящее его состояние есть рабство; ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою; а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностию, то должен будет умереть с голоду. Словом: вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов.

Вашему сиятельству, без сомнения, известны уже худые успехи англичан против американцев. Вчера пронесся слух, будто находящийся от стороны сих последних в Париже поверенный, Франклин, признан от здешнего двора послом от американской республики. Если это правда, то война, кажется, неизбежна: но должно ожидать сему верного подтверждения, а между тем все англичане поднялись вдруг отсюда и спешат выехать. Все то, что за верное сказать можно, есть сильное вооружение в здешних портах. Оно делается с такою поспешностию, что в Тулоне по воскресеньям и праздникам работают, равно как и в обыкновенные дни.

III

Монпелье, 15/26 января 1778.

Получа на сих днях радостное для всех россиян известие о разрешении от бремени ее императорского высочества, приемлю смелость принести вашему сиятельству нижайшее поздравление с благополучным происшествием, утверждающим благосостояние отчества нашего.

Я имел честь получить милостивое письмо ваше от 13 ноября, за которое приношу вашему сиятельству покорнейшее благодарение. Сообщение мне ваших, на истине основанных и проницанием извлеченных, рассуждений произвело во мне о самом себе лестное заключение. Признаюсь, милостивый государь, что я больше сам себя почитаю, видя, что особа ваших достоинств и заслуг считает меня способным вкусить толь разумную беседу.

Удовольствие, изъявляемое вашим сиятельством о примечаниях моих на представляющиеся в путешествии моем любопытные предметы, почитаю я знаком вашей ко мне милости. Будучи оным весьма много ободрен, осмеливаюсь продолжать здесь отчет мой вашему сиятельству о том, что здесь вижу и какие рассуждения рождает видимое мною. Les États, или земский суд здешней провинции уже кончился. Все разъехались из Монпелье, знатные и богатые в Париж, а мелкие и бедные по деревням своим. Первые приезжали сюда делать то, что хотят, или, справедливее сказать, делать то, чем у двора насчет последних выслужаться можно; а последние собраны были для формы, дабы соблюдена была в точности наружность земского суда: я называю наружность, для того что в самом существе она не значит ничего. Все трактуемые тут дела ограничиваются в одном, то есть: в собрании подати. Окончив сие, за прочие и не принимаются. Первый государственный чин, духовенство, препоручает провинцию в одно покровительство царя небесного, дабы самому не поссориться

с земным, если вступится за жителей и облегчит утесненное их состояние. Знатнейшие светские особы считают бытие свое на свете постольку, поскольку у двора приятно на них смотрят, и, конечно, не променяют одного милостивого взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словом, по окончании сего земского суда провинция обыкновенно остается в добычу бессогластным людям, которые тем жесточе грабят, чем дороже им самим становится привилегия разорять своих сограждан. Здешние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают. Нанлучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз — добрая вера. У нас ее немного, а здесь нет и головою. Вся честность на словах, и чем складнее у кого фразы, тем больше остерегаться должно какого-нибудь обмана. Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуют нисколько снисходить до подлейших обманов, как скоро дело идет о малейшей корысти. Сколько кавалеров св. Людовика, которые тем и живут, что, подлестясь к чужестранцу и заняв у него, сколько простосердечие его взять позволяет, на другой же день скрываются вовсе с деньгами от своего заимодавца! Сколько промышляют своими супругами, сестрами, дочерьми! Словом, деньги суть первое божество здешней земли. Развращение нравов дошло до такой степени, что подлый поступок не наказывается уже и презрением; честнейшие действительно люди не имеют нисколько твердости отличить бездельника от честного человека, считая, что таковая отличность была бы *contre la politesse française*.¹ Сия вежливость такое в умах и нравах здешних произвела действие, что за неволю заставила меня сделать некоторые примечания, которые и осмеливаюсь сообщить вашему сиятельству.

Опыт показывает, что всякий порок ищет прикрыться наружностью той добродетели, которая с ним граничит. Скупой, например, присвоит себе бережливость, мот — щедрость, а легкомысленные и трусливые люди — вежливость. И в самом деле, кто, слыша ложь или ошибку, не смеет или не смыслит противоречить, тому всего вернее и легче согласиться, тем больше, что всякая потачка приятна большей части людей. Сие правило здесь стало всеобщее; оно совершенно отвращает господ французов от всякого человеческого размышления и делает их простым эхом того человека, с коим разговаривают. Почти всякий француз, если спросить его утвердительным образом, отвечает: *да*, а если отрицательным о той же материи, отвечает: *нет*. Сколько раз, имея случай разговаривать с отличными людьми, например, о вольности, начинал я речь мою тем, что, сколько мне кажется, сие первое право чело-

¹ Нарушением французской учтивости.

Д. Н. ФОНВИЗИН

века во Франции свято сохраняется; на что с восторгом мне отвечают: *que le français est né libre*,¹ что сие право составляет их истинное счастье, что они помрут прежде, нежели стерпят малейшее оному нарушение. Выслушав сие, завожу я речь о примечаемых мною неудобствах и нечувствительно открываю им мысль мою, что желательнее б было, если б вольность была у них не пустое слово. Поверите ли, милостивый государь, что те же самые люди, кои восхищались своею вольностию, тот же час отвечают мне: *o! Monsieur, vous avez raison! Le français est écrasé, le français est esclave*.² Говоря сие, впадают в преужасный восторг негодования, и если не унять, то хотя целые сутки рады бранить правление и унижать свое состояние.

Если такое разноречие происходит от вежливости, то по крайней мере не предполагает большого разума. Можно, кажется, быть вежливу и соображать притом слова свои и мысли. Вообще надобно отдать справедливость здешней нации, что слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю. Мыслят здесь мало, да и некогда, потому что говорят много и очень скоро. Обыкновенно отворяют рот, не зная еще, что сказать: а как затворить рот, не сказав ничего, было бы стыдно, то и говорят слова, которые машинально на язык попадают, не заботясь много, есть ли в них какой-нибудь смысл. Притом каждый имеет в запасе множество выученных наизусть фраз, правду сказать, весьма общих и ничего не значащих, которыми, однакож, отделяется при всяком случае. Сии фразы состоят обыкновенно из комплиментов, часто весьма натянутых и всегда излишних для слушателя, который пустоты слушать не хочет. — Вот общий или, паче сказать, природный характер нации; но надлежит присовокупить к нему и развращение нравов, дошедшее до крайности, чтоб сделать истинное заключение о людях, коих вся Европа своимп образцами почитает. Справедливость, конечно, требует исключить некоторых честных людей, прямо умных и почтения достойных; но они столь же редки, как и в других землях.

Предоставляя себе честь продолжить при первом случае примечания мои на здешние нравы и обычаи, прекращаю оные теперь, дабы не обременить ваше сиятельство чтением вдруг весьма пространныго письма.

На прошедшей почте упомянул я о разнесшемся здесь слухе, будто бы живущий в Париже американский поверенный Франклин признан в характере посла. Сей слух оказался ложен и взят оттого, что Франклин действительно был, неизвестно зачем, призван в Версаль.

¹ Что француз рожден свободным.

² О, сударь, вы правы! Француз раздавлен, француз — раб.

Будучи весьма доволен в лечении жены моей, считаю я остаться здесь до совершенного ее исцеления, которое пользующий ее доктор предвещает в скором времени.

IV

Париж, 20/31 марта 1778.

Последнее письмо мое к вашему сиятельству имел я честь отправить из Монпелье и уведомить вас, милостивый государь, что, видя здоровье жены моей пришедшим гораздо в лучшее состояние, взял я намерение воспользоваться остающимся временем до отъезда нашего в Спа и посмотреть некоторые южные французские провинции. Сей малый вояж стал причиною, что я так долго не писал к вашему сиятельству и что на сих только днях получил я милостивое письмо ваше от 8 января, потому что оно искало меня в Монпелье и по провинциям. Принеся за него нижайшее благодарение, почитаю все лестные для меня в нем выражения новым опытом вашей ко мне милости.

Я видел Лангедок, Прованс, Дюфине, Лион, Бургонь, Шампань. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлебороднейшими и изобильнейшими. Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим. Я имел честь вашему сиятельству описывать частию причины оному в прежних моих письмах; но главную поставляю ту, что подать в казну платится неограниченная и, следовательно, собственность имения есть только в одном воображении. В сем плодоноснейшем краю на каждой почте карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто вместо денег именно спрашивали, нет ли с нами куска хлеба. Сие доказывает неоспоримо, что и посреди изобилия можно умереть с голоду.

Осмотрев все то, что заслуживало любопытство в сих провинциях, приехал я в Париж, в сей мнимый центр человеческих знаний и вкуса. Не имел я еще довольно времени в нем осмотреться; но могу уверить ваше сиятельство, что стараюсь употребить каждый час в пользу, примечая все то, что может мне подать справедливейшее понятие о национальном характере. Неприлично изъясняться об оном откровенно отсюда; ибо могут здесь почитать меня или льстецом, или осуждателем; по не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие, однакож, не ослепляет меня до того, чтоб не видеть здесь столько же или и больше совершенно дурного и такого, от чего нас боже избави. Словом, сравнивая и то и другое, осмелюсь вашему сия-

тельству чистосердечно признаться, что если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию. Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве суцая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом.

Будучи уверен, что о здешних политических делах ваше сиятельство уведомяетесь из Петербурга, не вхожу в подробность оных; но вообще имею честь донести вам, милостивый государь, что положение здешних дел с Англиею столь худо, что война, конечно, неизбежна. Франция употребила к вооружению своему все то время, в которое Англия истощала силы свои в войне междоусобной, и, приговорясь таким образом, сделала трактат с американцами, как с державою независимую. Сей трактат содержан был в тайне по тот час, в который англичане решились послать к американцам своих комиссаров с такими мирными кондициями, каких им не принять почти нельзя. Для отвращения сего примирения здешний двор повелел своему в Лондоне послу объявить английскому королю о подписании трактата. Говорят, что король,¹ выслушав от посла объявление, сказал ему точно сии слова: «Я уверен, что ваш государь предвидел все те следствия, кои от сего произойдут». Сказав сие, поворотился к нему спиною. Потом дано было знать послу, чтоб он ко двору более не ездил, и отправлен тотчас сюда курьер к послу лорду Стормонту, чтоб он немедленно без аудиенции из Парижа выехал. С здешней стороны также из Лондона посла своего воротили. Словом, война хотя формально и не объявлена, но сего объявления с часу на час ожидают. Франклин, поверенный американский у здешнего двора, сказывают, на сих днях аккредитуется полномочным министром от Соединенных Американских Штатов.

Я не примечаю, чтоб приближение войны производило здесь большое впечатление. В первый день, как английский посол получил курьера с отзывом, весь город заговорил о войне; на другой день ни о чем более не говорили, как о новой трагедии; на третий об одной женщине, которая отравилась с тоски о своем любовнике; потом о здешних кораблях, которые англичанами остановлены. Словом, одна новость заглушает другую, и новая песенка столько же занимает публику, сколько и новая война.

¹ Георг III.

Здесь ко всему совершенно равнодушны, кроме вестей. Напротив того, всякие вести рассеваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских. О войне нашей с турками говорят здесь как о деле весьма сомнительном и больше думают, что ее вовсе не будет. Рассуждают многие, что мы сами ее желаем для усугубления нашей славы. Ваше сиятельство показали мне истинный опыт милости уведомлением меня о положении наших дел с Портою. Позвольте о продолжении оногo прилести вам нижайшую просьбу.

Обращусь теперь к описанию двух происшествий, кои по приезде моем занимали публику. Первое, поединок дюка де Бурбона с королевским братом, графом..., а второе, прибытие сюда г. Вольтера.

Граф в маскарade показал неучитивость дюшессе де Бурбон, сорвав с нее маску. Дюк, муж ее, не захотел стерпеть сей обиды. А как не водится вызывать формально на дуэль королевских братьев, то дюк стал везде являться в тех местах, куда приходил граф, чем показывал ему, что ищет и требует неотменно удовольствия. Несколько дней публика любопытствовала, чем сие дело кончится. Наконец граф принужденным нашелся выйти на поединок. Сражение минут с пять продолжалось, и дюк оцарапал его руку. Сие увидя, один стоявший подле них гвардии капитан доложил дюку, что королевский брат поранен и что как драгоценную кровь шадить надобно, то не время ль окончать битву? На сие граф сказал, что обижен дюк и что от него зависит: продолжать или перестать. После сего они обнялись и поехали прямо в спектакль, где публика, сведав, что они дрались, обернулась к их ложе и аплодировала им с несказанным восхищением, крича: *bravo, bravo, достойная кровь Бурбона!* Я свидетелем был сей сцены, о которой весьма бы желал знать мнение вашего сиятельства.

Прибытие Вольтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю. Почтение, ему оказываемое, ничем не разнится от обожания. Я уверен, что если б глубокая старость и немощи его не отягчали и он захотел бы проповедывать теперь новую какую секту, то б весь народ к нему обратился. Ваше сиятельство из последующего усмотреть изволите, можно ли иное заключать из приема, который сделала ему публика.

По прибытии его сюда сколько стихотворцы, ему преданные, пишут в его славу, столько ненавидящие его посылают к нему безыменные сатиры. Первые печатаются, а последние нет; ибо правительство запретило особливим указом печатать то, что Вольтеру предосудительно быть может. Такое уважение сделано ему сколько за великие его таланты, столько и ради старости. Сей осьмидесятипятилетний старик сочинил новую трагедию: «Ирена, или Алексий Комнин», которая была и представлена.

Нельзя никак сравнить ее с прежними; но публика приняла ее с восхищением. Сам автор за болезнью не видал первой презентации. Он только вчера в первый раз выехал; был в Академии, потом в театре, где нарочно представили его новую трагедию.

При выезде со двора карета его препровождена была до Академии бесчисленным множеством народа, непрестанно рукоплескавшего. Все академики вышли навстречу. Он посажен был на директорском месте и, минуя обыкновенное баллотирование, избран единодушным восклицанием в директоры на апрельскую четверть года. Когда сходил он с лестницы и садился в карету, тогда народ закричал, чтоб все снимали шляпы. От Академии до театра препровождали его народные восклицания. При вступлении в ложу публика аплодировала многократно с неописанным восторгом, а спустя несколько минут старший актер, Бризар, вошел к нему в ложу с венком, который и надел ему на голову. Вольтер тотчас снял с себя венок и с радостными слезами вслух сказал Бризару: «Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir!»¹ Трагедия играна была гораздо с большим совершенством, нежели в прежние представления. По окончании ее новое зрелище открылось. Занавес опять был поднят. Все актеры и актрисы, окружа бюст Вольтеров, увенчивали его лавровыми венками. Сие приношение публика препроводила рукоплесканием, продолжавшимся близ четверти часа. Наконец представлявшая Ирену актриса, г-жа Вестрис, обратясь к Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показания своего удовольствия публика велела повторить что-то стихов и аплодировала с великим криком. Как же скоро Вольтер сел в свою карету, то народ, остановив кучера, закричал: «des flambeaux! des flambeaux!»² По принесении факелов велели кучеру ехать шагом, и бесчисленное множество народа с факелами проводило его до самого дома, крича непрестанно: «vive Voltaire!»³ — Сколь ни много торжеств имел г. Вольтер в течение века своего, но вчерашний день был, без сомнения, наилучший в его жизни, которая, однако, скоро пресечется, ибо сколь он теперь благодобен, ваше сиятельство увидите изволите по приложенному здесь его портрету, весьма на него похожему.

Что ж надлежит до другого чудотворца, Сент-Жермена, я расстался с ним дружески и на предложение его, коим сулил мне золотые горы, отвечал благодарностию, сказав ему, что если он имеет толь полезные для России проекты, то может отнестися с ними к находящемуся в Дрездене нашему поверенному в делах. Лекарство его жена моя принимала, но без всякого

¹ Ах, боже, вы хотите умерить меня!

² Факелов, факелов!

³ Да здравствует Вольтер!

успеха; за исцеление ее обязан я монпельевскому климату и ореховому маслу; а славному доктору г. Делапюру одолжен я тем, что он не забыл сего простого лекарства между многими премудрыми, за которые с меня брали все, что взять могли.

V

Париж, 14/25 июня 1778.

Употребляя все время моего в Париже пребывания на осмотрение сего пространного города, медлил я уведомлять вас, милостивый государь, о моих на него примечаниях для того, что хотел сделать их с большим основанием и точностию. Вот истинная причина, для которой пишу отсюда другое только письмо к вашему сиятельству. В первом описывал я, между прочим, прием здесь Вольтера и бывший поединок. Беспокоит меня, что о получении оно не имел я счастья быть уведомлен. Весьма было бы досадно, если б оно или ваше было где-нибудь удержано.

Не могу, конечно, сказать, чтоб я и теперь знал Париж совершенно: ибо надобно жить в нем долго, чтоб хорошенько с ним познакомиться. По крайней мере в то короткое время, которое здесь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смелость обременить ваше сиятельство весьма длинным описанием того, на что обращал я здесь мое внимание. К сему ободрен я и последним письмом вашим, которое имел я честь получить от 22 февраля и из которого к сердечному моему удовольствию вижу, что продолжение моих уведомлений вам угодно. Счастье сие приписываю главному достоинству всех моих к вам писем, что перо мое и сердце руководствуются искренним к вам усердием и правдою, которую во всех описаниях моих соблюсти стараюсь.

Париж может по справедливости назваться сокращением целого мира. Сие титло заслуживает он по своему пространству и по бесконечному множеству чужестранных, стекающихся в него от всех концов земли. Жители парижские почитают свой город столицею света, а свет — своею провинциею. Бургонию, например, считают близкою провинциею, а Россию дальнею. Француз, приехавший сюда из Бордо, и россиянин из Петербурга называются равномерно чужестранными. По их мнению, имеют они не только наилучшие в свете обычаи, но наилучший вид лица, осанку и ухватки, так что первый и учтивейший комплимент чужестранному состоит не в других словах, как точно в сих: *monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais bien mon compliment!* (вы совсем не походите на чужестранного; поздравляю вас!) Возмечание их о своем разуме дошло до такой глупости, что редкий француз не скажет сам о себе, что он преразумен. Видя, что разум везде редок и что в одной Франции имеет

его всякий, примечал я весьма прилежно, нет ли какой разницы между разумом французским и разумом человеческим; ибо казалось мне, что весьма унижительно б было для человеческого рода, рожденного не во Франции, если б надобно было необходимо родиться французом, чтоб быть неминусемо умным человеком. Дабы сделать сие изыскание, применяя я к здешним умникам знаменование разума в целом свете. Я нашел, что для них оно слишком длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрез слово разум по большей части понимают они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтоб она управляема была здравым смыслом. Сию остроуту имеет здесь всякий без исключения, следственно, всякий без затруднения умным здесь признается. Все сии умные люди на две части разделяются: те, которые не очень словоохотны и каких, однакож, весьма мало, называются *philosophes*; а тем, которые врут неумолчно и каковы почти все, дается титул *aimables*.¹ Судят все обо всем решительно. Мнение первого есть мненке наилучшее; ибо спорить не любят и тотчас с великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнения с тем, кто сказал уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здесь совершенным *незнанием жить*: итак, чтоб слыть умеющим жить, всякий отказался иметь о вещах свое собственное мнение. Из сего заключить можно, что за истинию не весьма здесь гоняются. Не о том дело, что сказать, а о том, как сказать. Я часто примечал, что иной говорит целый час к удовольствию своих слушателей, не будучи ими вовсе понимаем, и точно для того, что сам себя не разумеет. Со всем тем по окончании вранья называют его *aimable et plein d'esprit*.² Сколько излишне здесь говоря думать, столько нужно как наискорее перенять самые мелочи в обычаях, потому что нет вернее способа прослыть навек дураком, потерять репутацию, погибнуть невозвратно, как если, например, спросить при людях пить между обедом и ужином. Кто не согласится скорее умереть с жажды, нежели, напившись, влачить в презрении остаток своей жизни? Сии мелочи составляют целую науку, занимающую время и умы большей части путешественников. Они тем ревностнее в нее углубляются, что живут между нацією, где *ridicule* всего страшнее. Нужды нет, если говорят о человеке, что он имеет злое сердце, негодный нрав; но если скажут, что он *ridicule*, то человек действительно пропал, ибо всякий убегает его общества. Нет способнее французов усматривать смешное и нет нации, в которой бы самой было столь много смешного. Разум их никогда сам на себя не обращается, а всегда устремлен на внешние предметы, так что всякий, обращая на смех другого, никак не чувствует, сколько сам смешон. Упражняясь

¹ Любезных.

² Любезным и остроумным.

весь свой век, можно сказать, не в себе, но вне себя, никто, следовательно, не проникает в подробность, а довольствуется смотреть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не рассматривая действий своего собственного разума, чтоб видеть, не ошибаюсь ли сам в моих рассуждениях. Я думаю, что сия причина мешает здешней нации успевать в науках, требующих постоянного внимания, и что оттого считают здесь одного математика на двести стихотворцев, разумеется дурных и хороших. Европа почитает французов хитрыми. Не знаю, не предрассудок ли заставляет иметь сие о них мнение? Кажется, что вся их прославляемая хитрость отнюдь не та, которая объемлется вдруг воображением и очень скоро наружу выходит. Слушаться рассудка и во всем прибегать к его суду — скучно; а французы скуки терпеть не могут. Чего не делают они, чтоб избежать скуки, то есть чтоб ничего не делать! И действительно, всякий день здесь праздник. Видя с утра до ночи бесчисленное множество людей в непрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здесь делается. Не упоминая о садах, всякий день пять театров наполнены. Все столько любят забавы, сколько труды ненавидят; а особливо черной работы народ терпеть не может. Зато нечистота в городе такая, какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигде нельзя отворить окошко летом от зараженного воздуха. Чтоб иметь все под руками и ни за чем далеко не ходить, под всяким домом поделаны лавки. В одной блистает золото и наряды, а подле нее в другой вывешена битая скотина с текущею кровью. Есть улицы, где в сделанных по бокам стоках течет кровь, потому что не отведено для бойни особливого места. Такую же мерзость нашел я и в прочих французских городах, которые все так однообразны, что кто был в одной улице, тот был в целом городе; а кто был в одном городе, тот все города видел. Париж пред прочими имеет только то преимущество, что наружность его несказанно величественнее и внутренность сквернее. Напрасно говорят, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франции множество маленьких деревень, но ни в одну нельзя въезжать, не зажав носа. Со всем тем привычка от самого младенчества жить в грязи по уши делает, что обоняние французов нисколько от того не страждет. Вообще сказать можно, что в рассуждении чистоты перенять здесь нечего, а в рассуждении благонравия еще меньше. Удостоверясь в сей истине, искал я причины, что привлекает сюда такое множество чужестранцев?

Общества; но смело скажу, что нет ничего труднее, как чужестранцу войти в здешнее общество, следовательно, и вошло их очень мало. Внутреннее ощущение здешних господ, что они дают тон всей Европе, вселяет в них гордость, от которой защититься не могут всею доброю душ своих; ибо действительно в большей их части душевные расположения весьма похваляются. Сколько

надобно стараний, исканий, пизостей, чтоб впущену быть в знатный дом, где, однакож, ни словом гостя не удостоивают. Имея сей пример перед собою в моих любезных согражданах, расчел я, что по краткости времени моего здесь пребывания не для чего покупать так дорого знакомство, или, справедливее сказать, собственное свое унижение. Я нашел множество других интереснейших вещей к моему упражнению; а видеть здешних вельмож и их обращение довольствовался я при случаях, удачею мне представлявшихся. Впрочем, чтоб вашему сиятельству иметь ясное понятие, как здесь наши и прочие вояжеры принимаются, то падлежит себе представить в Петербурге некоторых иностранных князей: Кантакузенов, Маврокордато... Всякий, увидясь с ними, взглянет на них ласково, за визит пришлет карточку, равно как и дамы наши отдают женам их визиты; но кто имеет или имеет захочет с ними всегдашнее общество? Вот точное здесь положение между прочими и наших господ и госпож относительно знатных здешних домов! Чувствую, что бог создал нас не хуже их людьми; каково же быть волохами? Не понимаю, как можно, почитая самого себя, кланяться, добиваться и ставить за превеличайшее счастье и честь такие знакомства, в которых не может быть никакого удовольствия, потому что есть большое унижение.

Ученые люди; но из невероятного множества чужестранцев, может быть, тысячный человек приехал сюда с намерением воспользоваться своим здесь пребыванием для приращения знаний своих. А притом и о здешних ученых можно по справедливости сказать, что весьма мало из них соединили свои знания с поведением. Я почти со всеми познакомился. Томас, сочинитель переведенного мною похвального «Слова Марку Аврелию», Мармонтель и еще некоторые ходят ко мне в дом. Весьма учтивое и приятельское их со мною обхождение не ослепило глаз моих на их пороки. Исключая Томаса, которого кротость и честность мне очень понравились, нашел я почти во всех других много высокомерия, лжи, корыстолюбия и подлейшей лести. Конечно, ни один из них не поколеблется сделать презрительнейшую подлость для корысти или тщеславия. Я не нахожу, что б в свете так мало друг на друга походило, как философия на философов.

По точном рассмотрении вижу я только две вещи, кои привлекают сюда чужестранцев в таком множестве: *спектакли* и — с позволения сказать — *девки*. Если две сии приманки отнять сегодня, то завтра две трети чужестранцев разведутся из Парижа. Бесчинство дошло до такой степени, что знатнейшие люди не стыдятся сидеть с девками в ложах публично. Сии твари осыпаны бриллиантами. Великолепные дома, столы, экипажи — словом, они одни наслаждаются всеми благами мира сего. С каким искусством они умеют соединить прелести красоты с приятностию разума, чтоб уловить в сети жертву свою! Сею жертвою по большей части бывают

чужестранцы, кои привозят с собою обыкновенно денег сколько можно больше и если не всегда здравый ум, то по крайней мере часто здоровое тело; а из Парижа выезжают, потеряв и то и другое, часто невозвратно. Я думаю, что если отец не хочет погубить своего сына, то не должен посылать его сюда ранее двадцати пяти лет, и то под присмотром человека, знающего все опасности Парижа. Сей город есть истинная зараза, которая хотя молодого человека не умерщвляет физически, но делает его навек шалуном и ни к чему не способным, вопреки тому, как его сделала природа и каким бы он мог быть, не ездя во Францию.

Что ж принадлежит до *спектаклей*, то комедия возведена здесь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забывать до того, чтоб не почтеть ее истинною историею, в тот момент происходящую. Я никогда себе не воображал видеть подражание натуре столь совершенным. Словом, комедия в своем роде есть лучшее, что я в Париже видел. Напротив того, трагедию нашел я посредственною. По смерти Лекеневой она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолепнейшим зрелищем. Декорации и танцы прекрасны; но певцы прескверны. Удивился я, как можно бесстыдно так реветь, а еще более, как можно такой рев слушать с восхищением!

Обременив ваше сиятельство моим пространным описанием, чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно; но, однако, посылаю его, будучи уверен, что вы, милостивый государь, взирать будете не на слог его, но на усердие, с которым я хотел исполнить повеление ваше в доставлении вам моих примечаний на Францию. Из Парижа выеду на будущей неделе и возьму смелость писать к вашему сиятельству, о чем отсюда писать человек. Ваш и проч.

VI

Ахен, от 18/29 сентября 1778.

Из Парижа имел я честь писать к вашему сиятельству три письма. Не знаю, дошли ль верно два последние? А как вы обыкновенно удостоиваете меня уведомлением о получении моих писем, то долговременное ваше молчание весьма меня смущает. Ласкаюсь однако, что не отмена ваших ко мне милостей производит оное и что в особе вашей буду иметь навсегда моего благодетеля, который имеет все на свете права на вечную мою благодарность и усердие.

Я оставил Францию. Пребывание мое в сем государстве убавило сильно цену его в моем мнении. Я нашел доброе гораздо в меньшей мере, нежели воображал; а худое в такой большой степени, которой и вообразить не мог. Я рассматривал с всевозмож-

ным вниманием все то, что могло способствовать мне к приобретению точнейшего понятия о характере французов и о настоящем их положении относительно разных частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примечания мои на оное представить вашему сиятельству и добавьте своим проицанием то, в чем мои рассуждения недостаточны будут.

Достойные люди, какой бы нации ни были, составляют между собою одну нацию. Выключа их из французской, примечал я вообще ее свойство. Надлежит отдать справедливость, что при неизъяснимом развращении нравов есть во французах доброта сердечная. Весьма редкий из них злопамятен — добродетель, конечно, непрочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мере и пороки в них не глубоко вкоренены. Непостоянство и ветренность не допускают ни пороку, ни добродетели в сердца их поселиться. К ним совершенно приличен стих Кребиллонов:

*Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.*¹

Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни; ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний. А как на забавы потребны деньги, то для приобретения их употребляет всю остроту, которою его природа одарила. Острота, не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей, в которых и действительно французы берут верх пред целым светом. Обман почитается у них правом разума. По всеобщему их образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть, хотя в самой безделице. Божество его — деньги. Из денег нет труда, которого б не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал. К большим злодеяниям не способен. Самые убийцы становятся таковыми тогда только, когда умирают с голоду; как же скоро француз имеет пропитание, то людей не режет, а довольствуется обманывать. Корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самых философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они человеческою слабостию. Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие. Я докажу опытом справедливость моего примечания. Приехал в Париж брат г. Зорича полковник Неранчич, человек, впрочем, честный, но совсем незнакомый с науками. Служил он весь век в гусарских полках, никогда не брал книг в руки и никогда карт из рук не выпускал. Лишь

¹ Преступный без склонности, добродетельный без намерения.

только проведали д'Аламберт, Мармонтель и прочие, что он брат г. Зорича, то не почли уже за нужное осведомляться о прочих его достоинствах, а явились у него в передней засвидетельствовать свое нижайшее почтение. Мое к ним душевное почтение совсем истребилось после такого подлого поступка. Расчет их ясно виден: они сею низостью ласкались чрез Неранчича достать подарки от нашего двора. Рука, от которой бы они их получили, удовольствиевала б их тщеславие, а подарки — корыстолюбие.

Сколько я понимаю, вся система нынешних философов состоит в том, чтоб люди были добродетельны независимо от религии; но они, которые ничему не верят, доказывают ли собою возможность своей системы? Кто из мудрых века сего, победив все предрассудки, остался честным человеком? Кто из них, отрицая бытие божие, не сделал интереса единым божеством своим и не готов жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславие их простирается до того, что сами науки сделались источником непримиримой вражды между семьями. Брат гонит брата за то, что один любит Расина, а другой Корнеля; ибо острога французского разума велит одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и клясться перед светом, что Расин пред Корнелем, а брат его перед ним гроша не стоят. Вообще ни один писатель не может терпеть другого и почитает праздником всякий случай уязвить своего совместника. При всей их премудрости нет в них и столько рассудка, чтоб осмотреться, как бесчестят себя сами, ругая друг друга, и в какое посмеяние приводят себя у тех, в коих хотят вселить к себе почтение.

Вот каковы те люди, из которых Европа многих почитает великими и которые, можно сказать, всей Европе повернули голову! Правда и то, что в самой Франции число их обожателей несравненно меньше, нежели в других государствах, потому что французы сами очевидные свидетели их поведения, а чужестранцы смотрят на них издали. Истинно, нет никакой нужды входить с ними в изъяснения, почему считают они религию не достойною быть основанием моральных человеческих действий и почему признание бытия божия мешает человеку быть добродетельным? Но надлежит только взглянуть на самих господ нынешних философов, чтоб увидеть, каков человек без религии, и потом заключить, как прочно было бы без оной все человеческое общество!

Обращусь теперь к начатому описанию характера национального. Господа философы отвели меня несколько от моей главной материи; но я, остановясь на них, хотел показать, что со стороны практического нравоучения перенимать у французов, кажется, нечего. Приметил я вообще, что француз всегда молод, а из молодости переваливается вдруг в дряхлую старость: следственно, в совершенном возрасте никогда не бывает. Пока может, утопает он в презрительных забавах, и сей род жизни делает все состоя-

ния так равными, что последний повеса живет в приятельской связи с знатнейшею особою. Равенство есть благо, когда оно, как в Англии, основано на духе правления; но во Франции равенство есть зло, потому что происходит оно от развращения нравов. Нет сомнения, что все сии злоупотребления имеют свой источник в воспитании, которое у французов пренебрежено до невероятности. Первые особы в государстве не могут никогда много разниться от бессловесных, ибо воспитывают их так, чтоб они на людей не походили. Как скоро начинают понимать, то попы вселяют в них предрассудки, подавляющие смысл младенческий, и они вырастают обыкновенно с одним чувством подобострастия к духовенству. Нынешний король трудолюбив и добросердечен; но оба сии качества управляются чужими головами. Один из принцев имеет великую претензию на царство небесное и о земных вещах мало помышляет. Попы уверили его, что, не отрекшись вовсе от здравого ума, нельзя никак понравиться богу, и он делает все возможное, чтоб стать угодником Божиим. Другой — победил силу веры силою вина: мало людей перепить его могут. Сверх того почитается он первым петиметром, и все молодые люди подражают его тону, который состоит в том, чтоб говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинув рот, не смотря ни на кого; толкнуть всякого, с кем встретится; смеяться без малейшей причины, сколько сил есть громче; словом, делать все то, что дурачество и пьянство в голову вложить могут. Таковы все нынешние французские петиметры.

Воспитание во Франции ограничивается одним учением. Нет генерального плана воспитания, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное старание прилагают, чтоб один стал богословом, другой живописцем, третий столяром; но чтоб каждый из них стал человеком, того и на мысль не приходит. Итак, относительно воспитания Франция ни в чем не имеет преимуществ пред прочими государствами. В сей части столько же и у них недостатков, сколько и везде; но в тысячу раз больше шарлатанства. Редкий отец не изобретает нового плана для воспитания детей своих. Часто новый его план хуже старого; но сей поступок доказывает по крайней мере, что сами они чувствуют недостатки общего у себя воспитания, не смысла разобрать, в чем состоят они действительно.

Дворянство французское по большей части в крайней бедности, и невежество его ни с чем не сравненно. Ни звание дворянина, ни орден св. Людовика не мешают во Франции ходить по миру. Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин при всей своей глупой гордости почтет за великое себе счастье быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России; но как исполнение их просьб

было бы убийственно для невинных, доставшихся в их руки, то уклонился я от сего злодеяния и почитаю долгом совести не способствовать тому злу, которое в отечестве нашем уже довольно вкореняется.

Причина бедности дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу их духовенства, а именно: право большого сына наследовать в родительском имении. Для меньших братьев два пути отверзты: военная служба и чин духовный. В первом предстоят труды, оканчивающиеся почти всегда бедностию, а в последнем священная праздность и изобилие. Обыкновенно фамилия из сроднической горячности преклоняет меньших братьев к последнему; но часто французская живость велит им сопротивляться сему благому совету и, приняв военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всем тем нет ни одной дворянской фамилии, где б не было из меньших братьев человека благоразумного, предпочтившего состояние пастыря состоянию овцы. Все архиепископы и епископы суть братья знатнейших особ, подкрепляемые у двора своею роднею и подкрепляющие себя в народе содержанием его в крайнем суеверии. Ваше сиятельство из сего усмотреть изволите, сколь тверда во Франции сила духовенства, когда в сохранении его сам двор видит свою пользу. Суеверие народное простирается там до невероятности. Я опишу вам, милостивый государь, один из духовных обрядов, который сию истину неоспоримо докажет. Город Э (Aix) есть главный в Провансе. Парламент и все лучшие люди сей провинции имеют в нем свое пребывание; следственно, должно быть в нем и просвещения больше, нежели в других городах низшего класса. Невзирая на сие, вот каким образом ежегодно отправляется в Э праздник, называемый *Fête Dieu*. Торжество состоит в процессии, в которой святые тайны носимы бывают по городу в препровождении всего народа. Знатнейшие особы наряжены все в маскарадное платье. Один представляет Пилата, другой Каиафу и так далее. Дамы и девицы благородные наряжены мирносицами и прочими святыми, а прекраснейшая представляет богородицу. Мещанство все наряжено чертями: почтеннейший Вельзевулом, а прочие по степеням своих достоинств. Все сии черти идут пред телом Христовым с превеликим ревом и пятятся назад, будто бы сила святых таин от себя их отгоняет. За несколько дней пред церемониею разделение ролей производит многие тяжбы, особливо между мещанством. Часто приходит пред суд тот, у кого ролю отнимают, и доказывает свою претензию тем, что отец его был дьявол, дед дьявол и что он безвинно теряет звание своих предков. Во всех прочих французских городах, не исключая самого Парижа, есть множество подобных сему дурачеств, служащих несомненным доказательством, что народ их пресмыкается во мраке глубочайшего невежества.

В рассуждении злоупотребления духовной власти я уверен, что Франция несравненно несчастнее всех прочих государств. Правда, что невежество попов делает часто поношение всей нации; но из сих двух крайностей я лучше видеть хочу попов-невежд, нежели тиранов. Сила духовенства во Франции такова, что знатнейшие не боятся потерять ее никаким соблазном. Прелаты публично имеют на содержании девок, и нет позорнее той жизни, какую ведут французские аббаты.

Рассматривая состояние французской нации, научился я различать вольность по праву от действительной вольности. Наш народ не имеет первой, но последнюю во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в существе рабстве. Король, будучи ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть именны указы, которыми король посылает в ссылки и сажает в тюрьму, которым никто не смеет спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманом, что доказывают тысячи примеров. Каждый министр есть деспот в своем департаменте. Фавориты его делят с ним самовластие и своим фаворитам уделают. Что видел я в других местах, видел и во Франции. Кажется, будто все люди на то сотворены, чтоб каждый был или тиран, или жертва. Неправосудие во Франции тем жесточе, что происходит оно непосредственно от самого правительства и на всех простирается. Налоги, частые и тяжкие, служат к одному обогащению ненасытимых начальников; никто, не подвергаясь беде, не смеет слова молвить против сих утеснений. Надобно тотчас выбрать одно из двух: или платить, или быть брошену в тюрьму. *C'est l'affaire du goût*. Всякий делает, что хочет.

Народ в провинциях еще несчастнее, нежели в столице. Судьба его зависит главнейше от интенданта; но что есть интендант? Вор, имеющий полномочие грабить провинцию безотчетно. Чем дороже стала ему у двора сия привилегия, тем для народа тягостнее. Каждый из них начинает ремесло свое тем, что захватывает откуп хлеба, нужнейшего для жизни произрастения, и принуждает через то жителей покупать у него жизнь за ту цену, которую определить заблагорассуждает.

Франция вся на откупу. Невозможно выехать на несколько шагов из Парижа, чтоб, воротясь, не быть остановлену таможеню. Почти за все ввозимое в город платится столько пошлины, сколько сама вещь стоит. Из уважения к особе государя узаконено не собирать пошлины в том одном месте, где его присутствие; следственно, в тот день, в который король приехал бы в Париж, пошлина не должна собираться с народа. Сие причиною, что король, будучи нередко у решетки Парижа, в него не въезжает; он уже несколько лет не был в Париже для того, что по контракту отдал его грабить государственным ворам. Можно по всей

справедливости сказать, что Версаль есть место, куда французского короля посылают откупщики в вечную ссылку.

Другой источник казенных доходов во Франции есть продажа чинов и должностей — зло безмерное, вымышленное в несчастные времена, когда не было откуда взять денег на нужнейшие государственные расходы. Сие изобретение, доставив на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не мог, другой не хотел, третий не смел предупредить того зла, которое со временем необходимо должно было родиться от торговли сего рода. Мало-помалу доходы от продажи чинов стали присвояться не к своим назначениям. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новые должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги, и нация нашла в положении, бедственном прежнего. Множество подлых людей душою и происхождением покупали себе права и способы быть орудиями народных утеснений. Доверенность к начальникам уступила место душевному к ним презрению; ибо к приобретению начальства одни деньги потребны стали. Ныне все зловерные следствия продажи чинов терзают государство, и нет средства к избавлению. Король не в состоянии возратить денег, взятых за продажу, а не возратить денег, нельзя отнять проданного. При последнем заседании парламента сделан был план уничтожению сей торговли; но тот план, изобретенный, впрочем, коварством и злобою, не мог быть произведен в действо без потрясения всего государства, и опыт доказал, что продажа чинов во Франции есть зло нужное и ничем не отвратимое.

Не быв военным человеком, не могу о французских войсках подать вашему сиятельству идеи другим образом, как сообщив слышанные мною рассуждения от беспристрастных чужестранцев. Вообще говорят, что нет в их войске души военной. Всякий солдат умствует, следственно, плохо повинуется. При мне король смотрел свой полк. Все чужестранные, между коими были из наших генерал-майор князь Долгорукий, полковники Бибиков и Неранчич, не могли от смеха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысла ничего в сем искусстве, мог заметить, что солдаты командиров своих нимало не уважают. Несколько раз полковник *marquis de Châtelet*,¹ подъезжая к фрунту, кричал: *paix, messieurs! paix!* je vous en prie;² ибо солдаты, разговаривая один с другим о своих делах, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанию, ниже понятия о должностях своих не имеют. Осмелюсь рассказать вашему сиятельству виденное мною в Монпелье, чтоб представить вам пример их военной дисциплины, Губерна-

¹ Маркиз де Шатле.

² Тихо, господа, тихо! Я вас прошу.

тор тамошний, граф Перигор, имеет в театре свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой с ружьем, из уважения к его особе. В один раз, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучив стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул и, поставя его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию, держа в руках свое ружье. Подле него сидел майор его полка и кавалер св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчание его командира, которого взял я вольность спросить: для чего часовой так к нему присоседился? *C'est qu'il est curieux de voir la comédie*,¹ — отвечал он с таким видом, что ничего странного тут и не примечает.

Тяжбленные дела во Франции так же несчастны, как и у нас, с тою только разницею, что в нашем отечестве издержки тяжущихся не столь безмерны. Правда, что у нас и у них всего чаще обвинена бывает сторона беспомощная; но во Франции, прежде нежели у правого отнять, надлежит еще много сделать церемоний, которые обеим сторонам весьма убыточны. У нас же по крайней мере в том преимущество, что действуют гораздо проворнее, и как скоро вступился какой-нибудь полубоярин сродни фавориту, то в самый тот час дело берет уже совсем другой оборот и приближается к концу. Скажут мне, что французы превосходят нас в гражданских делах красноречием и что их стряпчие великие витии, а наши безграмотны. Правда; но все сие весьма хорошо для французского языка, а не для правого дела. При бессовестных судьях Цицерон и Вахтин равные ораторы.

Полиция парижская славна в Европе. Говорят, что полицмейстер их всеведущ; что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния, и кроме одних помышлений человеческих ничто от него не скрыто. Поздравляю его с таким преестественным проницанием; но при сем небесном даре желал бы я ему лучшего обоняния; ибо на скотном дворе у нашего доброго помещика чистоты гораздо больше, нежели пред самыми дворцами французских королей. В рассуждении дешевизны я иного сказать не могу, как что в весьма редких европейских городах жизнь так безмерно дорога, как в Париже; зато и бедность в нем несказанная; и хотя нищим шататься запрещено, однако я нигде столько их не видывал. Впрочем, парижские купцы, как и везде, стараются свой товар продать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманывают несравненно с большим искусством и не знают в обманах ни меры, ни стыда. Что же касается до безопасности в Париже, то я внутренно уверен, что всеведение полицмейстера не весьма действительно и польза от полицейских шпионов отнюдь не соответствует той

¹ Потому что ему любопытно смотреть комедию.

ужасной сумме, которую полиция на них употребляет. Грабят по улицам и режут в домах нередко. Строгость законов не останавливает злодеяний, рождающихся во Франции почти всегда от бедности; ибо, как я выше изъяснился, французы по собственному побуждению сердце своих нимало к злодеяниям не способны, и одна нищета влагает у них нож в руку убийцы. Число мошенников в Париже неисчетно. Сколько кавалеров св. Людовика, которым, если не украв ничего выходят из дому, кажется, будто нечто свое в доме том забыли! Словом, в рассуждении всех полицейских предметов парижская полиция кажется от возможного совершенства весьма еще далека. Напротив того вижу, что развращение их нравов отнимает почти всю силу у законов и самую их строгость делает недействительною.

Если что во Франции нашел я в цветущем состоянии, то, конечно, их фабрики и мануфактуры. Нет в свете нации, которая б имела такой изобретательный ум, как французы в художествах и ремеслах, до вкуса касающихся. Я хаживал к *marchandes des modes*,¹ как к артистам, и смотрел на уборы и наряды, как на прекрасные картины. Сие дарование природы послужило много к повреждению их нравов. Моды вседневно переменяются: всякая женщина хочет наряжена быть по последней моде; мужья пришли в несостояние давать довольно денег женам на уборы; жены стали промышленять деньги, не беспокоя мужей своих, и Франция сделалась в одно время моделью вкуса и соблазном нравов для всей Европы. Нынешняя королева² страстно любит наряжаться. Прошлого года послала она свой портрет к матери, в котором велела написать себя наряженною по самой последней моде. Императрица³ возвратила сей портрет при письме, в котором, между прочим, сии строчки находились: «*Vos ordres ont été mal exécutés; au lieu de la Reine de France que je m'attendais à admirer dans votre envoi, je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opéra. Il faut, qu'on se soit trompé*».⁴ Королева смутилась было сим ответом; но придворные скоро ей растолковали, что гнев ее матери происходит не от чего другого, как от ее старости, от ее набожности и от худого вкуса венского двора.

Я перешел уже пределы письма. Чувствую, что чтение столь длинное должно обременить ваше сиятельство, и для того представляю себе дополнить вам, милостивый государь, изустно все то, о чем здесь не мог упомянуть. В Петербурге считаю быть в конце будущего месяца или в начале ноября, а по первому

¹ Модисткам.

² Мария-Антуанетта.

³ Мария-Терезия — австрийская императрица, мать Марии-Антуанетты.

⁴ Ваше приказание худо исполнено: вместо французской королевы, которую я надеялась увидеть на присланном портрете, я нашла в нем сходство с оперною актрисою. Должно быть, тут вышла ошибка.

пути приеду на несколько недель в Москву. Ласкаюсь счастьем, что ваше сиятельство в совершенном здравии, и повторяю всегдашние мои уверения о глубочайшем почтении и совершенной преданности, с которыми навсегда имею честь быть ваш и проч.

ПИСЬМА СЕСТРЕ

I

Монпелье, $\frac{20 \text{ ноября}}{1 \text{ декабря}}$ 1777.

Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно приехали. Благодарю бога, жена очевидно оправляется. Я имею причины ласкаться, что привезу ее к вам здоровую. Лечить ее взялся первый здешний доктор Деламюр. Он здесь в превеликой славе, которую заслужил совершенно исцелением многих от претяжких болезней. Счастливым его успех в лечении произвел такую к нему уверенность, что все чужестранцы ищут помощи у него предпочтительно перед другими докторами, коих число в Монпелье до семидесяти простирается. Теория его соединена с практикою весьма многих лет. Он целую неделю ходил к нам по два раза в день для того только, чтоб, не давая еще никаких лекарств, примечать натуру больной и чтоб по ней расположить образ лечения. Он дает ей теперь всякий день поутру бульон, который должен отнять остроту от крови и укрепить нервы, а потом хочет ей дать всю полную дозу (прием) известного от глистов лекарства, купленного королем в Швейцарии. (Мимоходом должен я сказать, что данное Сент-Жерменом лекарство не имело никакого действия, и я теперь уверен, что он не иное что, как первый в свете шарлатан.) Не можешь себе представить, друг мой сестрица, в каком мы теперь городе. Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такою, где живут уже выздоравливающие. Как приятно видеть людей, у коих на лицах изображена радость, ощущаемая при возвращении здоровья. Множество чужестранцев всяких наций и французов из других провинций съехались сюда на зиму для здоровья. И действительно, здешнего климата нет в свете лучше. Всякий день мы ходим на гульбище, где встречаем множество людей. Время теперь такое, как среди лета. Не только до шуб, ниже до муфт дело не доходит. Видно, что господь возлюбил этот край особенно. Я поговорю с тобою после о здешнем обществе и о нашем знакомстве, а теперь напишу тебе наш журнал или лучше сделаю, коли пробегу коротко большие города, не упоминая о ночлегах наших по маленьким местечкам. Из Дрездена поехали мы в Лейпциг, город, в котором живут преученые педанты. Мы осмотрели в нем все достойное примечания. Он показался

нам столько же скучен, сколько Дрезден весел. Проехав Саксонию, въехали мы в империю. Что ни шаг, то новое государство. Саксен-Готу, Саксен-Эйзенах, Майнц, Генау и многие немецкие дворы мы проехали не представляясь; но в Мангейме я у двора курфюрста и уже писал к вам, сколь много доволен я приемом курфюрста и всей фамилии. Полмили от Мангейма въехали мы во Францию. Первый город Ландо, крепость знатная. При въезде в город ошибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, — все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окна не открывает. Наконец приехали мы в Страсбург. Город большой, дома весьма похожи на тюрьмы, а улицы так узки, что солнце никогда сих грешников не освещает. Правду сказать, что в сем городе для вояжеров много есть примечательного. Мы видели мавзолею du Maréchal de Saxe¹ — верх искусства человеческого. При нас была отправляема у них панихида по всем усопшим, то есть наша родительская. Великолешие было чрезвычайное. Я с женою от смеха насилу удержался, и мы вышли из церкви. С непривычки их церемония так смешна, что треснуть надобно. Архиерей в большом парике, попы напудрены, словом — целая комедия. Между прочими вещьми примечательна в Страсбурге колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ее престащная, она же вся сквозная и дырчатая, так что кажется всякую минуту может развалиться. Я не описываю всего, что мы видели, потому что описание мое заняло бы много места. Я делаю особый журнал нашего вояжа. Из Страсбурга поехали мы в Безансон, город большой, но также темный. Надобно, однакож, отдать справедливость французам, что дороги щегольские, мостовая как скатерть. Потом приехали мы в Бресс (Bourg-en-Bresse). Город изрядный, коего жители также по уши в нечистоте. Напоследок Лион остановил нас на целую неделю. Город превеликий, премноголюдный и стоит внимания. Я поговорю о нем побольше. В него приехали мы ночью и на первой к нему почте адресованы были от почтмейстера в hôtel garni,² куда мы въехали. Хотя почтмейстер уверял нас, что мы в этом отеле будем *divinement bien*,³ однако мы нашли в нем *diablement mal*,⁴ так, как и во всех французских обержах,⁵ которые все перед немецкими гроша не стоят. Во-первых, французы почивают на перьях, а не на пуховых тюфяках и одеваются байкою, которая очень походит на свиную щетину. Представь себе эту пытку, что с одной стороны перья колют,

¹ Маршала саксонского.

² Гостиница, меблированные комнаты.

³ Божественно хорошо.

⁴ Дьявольски скверно.

⁵ Постоялый двор.

а с другой войлок. Мы с непривычки целую ноченьку глаз с глазом не сводили. Лион лежит на реках Роне и Соне. По берегу Роны построена линия каменных домов прекрасных и сделан каменный берег, но гораздо похуже петербургского. Сия ситуация делает его очень похожим на Петербург, тем найпаче, что Рона не много уже Невы. В окружности города превысокие горы, на которых построены великолепные монастыри, загородные дома с садами и виноградниками. Как за городом, так и в городе все церкви и монастыри украшены картинами величайших мастеров. Мы везде были и часто видели то, чего, не видав глазами, нельзя постигнуть воображением. Я не знаток в живописи, но по получасу стаивал у картины, чтоб на нее наглядеться. Среди города сделано место, или площадь, называемая la place de Louis XIV,¹ потому что тут поставлена его статуя. Сие место великолепное и усаженное деревьями. Оно служит публичным гульбищем для города и всегда людьми набито. Мы были в l'hôtel de ville (ратуша), которая амстердамской в красоте не уступает. Здание огромное и украшенное картинами драгоценными. L'hôtel Dieu (госпиталь) заслуживает любопытство. Я не пустил жену, но один ходил смотреть его. Меня впустили нарочно тогда, когда les sœurs, то есть старухи служащие, подносили к каждой кровати больного обеденную пищу. С одной стороны удивил меня порядок и речение о больных, а с другой возмутилось сердце мое, видя тысячи людей страждущих. Кровать стоит подле кровати, и стон больных составляет такую музыку, которая целые сутки из ушей моих не выходила. Видели мы славные лионские шелковые фабрики, откуда привозят парчи и штофы и всякие шелковые материи. Надлежит отдать справедливость, что сии мануфактуры в своем совершенстве. Видели мы древности, ибо Лион есть один из древнейших городов. В нем были два вселенские собора. Доселе видны остатки дома, в котором жил император Нерон. Я не описываю вам всех древностей, потому что во всякой географии найти их можно; но скажу только то, что я все видел, что достойно примечания. Каждое утро с рассветом до обеда, а потом до спектакля упражнены мы были осмотрением города, а потом ходили в театр, который после парижского во всей Франции лучший. Словом сказать, Лион стоит того, чтоб его видеть. Описав его добрую сторону, надобно сказать и о худой. Во-первых, надлежит зажать нос, въезжая в Лион, точно так же как и во всякий французский город. Улицы так узки, что самая большая не годится в наши переулки, и содержатся скверно. В доказательство скажу тебе один пример, а по сему и прочее разумевай: шедши по самой лучшей улице в Лионе, я увидел вдруг посреди ее много людей и несколько блистающих факелов

¹ Площадь Людовика XIV.

среди белого дня. Я думал, что это какое-нибудь знатное погребение, и подошел посмотреть поближе. Вообрази же, что я увидел? Господа французы изволят обжигать свинью! Подумай, какое нашли место и попустила ли бы наша полиция среди Миллионной улицы опаливать свинью! Словом сказать, господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем. Спору нет, что много в ней доброго, но не знаю, не больше ли худого. По крайней мере я с женою до сих пор той веры, что в Петербурге жить несравненно лучше. Мы не видали Парижа, это правда; посмотрим и его; но ежели и в нем так же ошибемся, как в провинциях французских, то в другой раз во Францию не поеду. Коли что здесь прекрасно, то разве климат; но сию справедливость надобно отдать одному Лангедоку. В рассуждении климата здесь действительно рай; а во Franche-Comté, в Bress, в Dauphiné мы зубов не согревали. Печей нет; один камин, и тот дымен. Дров нет, и топят хворостом. Здесь также дров нет, да мало в них и нужды. Из Лиона поехали мы водою до города, называемого Pont S.-Esprit. Сей переезд верст на полтора ста. Ветр был так хорош, что меньше суток пристань в виду была; но, к несчастию, узнали мы, сколь вода есть вероломная стихия. Вдруг ветер усилился прежде всего, и нас прибило к берегу. Целую ночь мы простояли в воде у пустого берега; но поутру погода утихла, и мы в час прилетели к пристани. Проехав город Ним, древностями знаменитый, скоро приехали в Монпелье, где нашед тотчас квартиру, переехали в нее из трактира, в который пристали. Теперь опишу тебе город, а потом и общество здешнее. Монпелье есть столица нижнего Лангедока, улицы его узки и скверны; но дома есть очень хорошие. Университет заведен здесь в 1180 году, и из всех факультетов медицинский есть славнейший. В сем городе бывает ежегодно держаны les Etats de Languedoc, то есть: губернский суд, или съезд государственных чинов Лангедока. Наместник королевский, губернатор, духовенство и дворянство собираются сюда на ноябрь и декабрь, располагают и решают все земские дела; также и собирают королю подать, называемую *don gratuit*. Мы приехали сюда в самое сие время, и теперь весь город наполнен людьми; но чтоб возвратиться к географическому его описанию, то скажу, что местоположение его прекрасно. Он стоит на высоком месте. Около его множество загородных домов. Внутри города есть сад королевский; а вышед из городских ворот, есть гульбище, называемое *la place du Peyrou*. По признанию всех вояжеров нигде нет прекраснее сего места. В середине оно поставлена статуя Людовика XIV. Акедюк, через который вода проведена из гор, есть здание прекрасное. Из *la place du P...* течет вода во весь город. С сего места видно Средиземное море, а при восхождении солнца видна и Испания. Правда, что мои слепые глаза ее еще не видали. Есть еще гульбище, назы-

ваше L'Esplanade. Словом сказать, в гульбищах здесь изобилие превеликое. Теперь опишу тебе образ жизни нашей и с кем мы имеем общество. Из Страсбурга адресованы мы были сюда к маркизе Fraigeville. Приехав сюда, сделали мы тотчас с нею знакомство, а через нее познакомились со всеми les Etats. Знатнейшие члены одного собрания суть: первый комендант, или, по-нашему, наместник (приехавший на сих днях из Версаля), генерал-аншеф и Святого духа кавалер граф Перигор. Он представляет здесь королевскую особу. Архиепископ нарбонский есть вторая особа. Он администратор лангедокский и кавалер ордена Святого духа. Третья особа маркиз де Кастр, первый барон и кавалер Святого духа, а потом интендант виконт de St.-Priest; комендант comte de Montcan и первый президент m-r de Claris. Вот здешние первые люди. Я ко всем им был представлен. Все они приняли меня очень ласково и на другой же день отдали визит. Жена моя представлена была их женам, которые также отдали ей визит, а потом званы мы вседневно в их общества. Не знаю, каковы сии знатные господа в Париже; но здесь ласковее, учтивее и любезнее быть никому невозможно. Все здешние дамы жену мою приласкали чрезвычайно, и мы столько счастливы, что каждое утро все они присылают людей своих спрашивать о здоровьи. И так проводим мы время следующим образом: поутру жена моя, встав в седьмом часу, пьет свое лекарство и одевается. В девятом приходит к ней учитель французского языка, а ко мне адвокат. Здесь все чужестранные учатся по-французски и сим способом стараются показать жителям желание свое узнать их язык. Не поверишь, сколько здесь англичан, которые ни в десятую долю и против нас по-французски не знают; а я, с моей стороны, учусь юриспруденции. В 11 часу обыкновенно возят жену мою на гульбище, а я за нею хожу пешечком. С приезда моего сюда я ног не слышу. Карет нет; в портшезах носят дам да больных; и так я изволю двигаться на своих ногах с утра до вечера. Обедаем во втором часу, а после обеда тотчас приходит к жене учитель музыки, а я что-нибудь пишу или читаю. В пять часов ходим или в спектакль, или в концерт, а ужинать званы бываем к тем господам, которых я назвал. Они все две недели по себе разобрали. Сверх тех особ, о которых я сказал, жена моя вседневно видится и дружески познакомилась с графиней Дюплесси. Она здесь по причине болезни мужа своего. Дама предобрая. Madame Desplans, падчерица первого президента; madame Claris, его невестка; madame de Serre, жена президента, также с нею знакомы, а я знаком с их мужьями. В знакомствах здесь недостатка нет; но должны мы искренно признаться, что оба весьма чувствуем какой-то недостаток в сердечном удовольствии. Сравнивая вас, друзей наших, и всех знакомых наших, находим, что здесь месяца два, три прожить очень хорошо, а там дома — лучше. Я думал сперва, что Франция, по рассказам,

земной рай; но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами. Удивиться должно, друг мой сестрица, какие здесь невежды. Дворянство особливо ни уха, ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению здешняя земля полнехонька невеждами. Со мною вседневно случаются такие сцены, что мы катаемся со смеху. Можно сказать, что в России дворяне по провинциям несказанно лучше здешних, кроме того, что здешние пустомели имеют наружность лучше. Остается нам видеть Париж, и если мы и в нем так же ошибемся, как во мнении о Франции, то повторяю тебе, что из России в другой раз за семь верст киселя есть не поеду. Жена моя того же мнения. Теперь опишу тебе, с какими обрядами и великолепием было открытие *des Etats* на прошлой неделе. Сил церемония заслуживала любопытство чужестранных как по великолепию своему, так и по странности древних обычаев, наблюдаемых при сем случае. Собрание было весьма многолюдное, в зале старинного дома, называемого *Gouvernement*,¹ похожего, следовательно, на нашу губернскую именем, но, конечно, не вещь; ибо в здешнюю губернскую можно войти честному человеку по крайней мере без оскорбления своих телесных чувств. Граф Перигор в орденском платье Святого духа и в шляпе, взошел на сделанное нарочно возвышенное место, сел в креслах под балдахинном. По правую сторону архиепископ нарбонский, а по левую бароны в древних рыцарских платьях. Заседание началось через одного синдика чтением исторического описания древнего монпельевского королевства. Прошед времена древних королей и упомянув, как оно пришло во владение французских государей, сказано в заключение всего, что ныне благополучно владеющему монарху надлежит платить деньги. Граф Перигор читал потом речь весьма трогательную, в которой изобразил долг верноподданных платить исправно подати. Многие прослезились от его красноречия. Интендант читал с своей стороны также речь, в которой, говоря весьма много о действиях природы и искусства, выхвалял здешний климат и трудолюбивый характер жителей. По его мнению, и самая ясность небес здешнего края должна способствовать к исправному платежу подати; ибо она позволяет людям работать в земледели непрестанно, а земледелие есть источник изобилия. После сего архиепископ нарбонский говорил слово поучительное. Проходя всю историю коммерции, весьма красноречиво изобразил он все ее выгоды и сокровища и заключил тем, что с помощью коммерции, к которой он слушателей сильно поощрял, господь наградит со вторичною ту сумму денег, которую они согласятся

¹ Губернаторский.

заплатить ныне своему государю. Каждая из сих речей препровождена была комплиментом к знатнейшим сочленам: интендант превозносил похвалами архиепископа, архиепископ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигор выхвалял их обоих. Потом все пошли в соборную церковь, где пет был благодарный молебен всевышнему за сохранение в жителях единодушия к добровольному платежу того, что в противном случае взяли бы с них насильно. В будущее воскресенье званы мы смотреть процессию, которая пойдет по всему городу и о великолепии которой много говорят; а во вторник звал Перигор меня и жену au Gouvernement смотреть первого заседания государственных чинов и оттуда у него обедать. Я не премину описать вам, матушка, все то, что достойного примечания тут увидим; а теперь покидаю перо: кажется, написал довольно. Подумай, друг мой, как нам горестно не иметь от вас ни одной строчки с самого нашего отъезда. Надеюсь на бога, что молчание ваше не происходит от какой-нибудь несчастливой причины. Бога ради, не забывайте нас, а мы разговариваем об вас друг с другом каждую минуту. В Лионе я был очень рад, увидя в спектакле женщину, которая на тебя очень походит. Мы все на нее смотрели. Странно, что кого ни видим, редкий не походит на кого-нибудь из русских знакомых. Вообще сказать, что между двумя нациями есть превеликое сходство не только в лицах, но в обычаях и ухватках. Особливо здешний народ ужасно как на наш походит. По улицам кричат точно так, как у нас, и одежда женская одинакова. Вот уже немцы так те, кроме на самих себя, ни на кого не походят. Прости, мой друг сердечный сестрица. А гротос, забыл я сказать о здешнем концерте, то есть о французской музыке. Этаких козлов я и не слыхивал. Поют всего чаще хором. Жена всегда носит с собою хлопчатую бумагу: как скоро заблеют хором, то уши и затыкает.

II

Монпелье, 1/12 декабря 1777.

Мы изрядно поживаем, и жена моя кажется в гораздо лучшем состоянии, нежели была. Всякий день выходим со двора. Процессия, о которой я к тебе писал, происходила весьма великолепно. Все собрались сперва в церковь. Обедню служил здешний епископ; облачался публично, но не среди церкви, а в боку. Попы, в больших париках, стояли в два ряда, то есть одни спиною к алтарю, а другие к народу. Подумай же, кто облачал его преосвященство. Собственные его лакеи в ливрее! Они на него и шапку надевали, они и умываться подавали, и кресла ему ставили. Я покатился со смеху, увидя эту комедию, и, кусая губы, спрашивал своего соседа: зачем лакеи в ливрее смешались с попами? Monsieur,

отвечал он мне, c'est pour augmenter la pompe. Ce n'est que les jours de grande fête que l'évêque officie accompagné de sa livrée.¹ Подумай, какая разница в образе мыслей! Всего больше насмешил меня контраст между понами в больших париках и между enfants du chœur,² то есть ребятами лет по двадцати, у коих головы выбриты так чисто, как рука. Сии плешаки держат в руках своих по кадилу на предлинных цепях и кадят, взбрасывая вверх кадила сажени на две. Я адресовался к женщине, неподалеку от меня сидевшей, и спросил ее: за что сии бедные ребята так немилосердно выбриты. Она очень серьезно мне отвечала, что выбриты они для того, что, служа у алтаря, обязаны содержаться во всякой чистоте. Забыл, матушка, сказать тебе, что архиерейская шапка сделана из золотой мягкой материи, которая тарачится и очень походит фигуροю на наши гаерские шапки. Лакей в ливрее, снимая с благоговением шапку с архиерея, складывал ее чиннехонько вшестеро и клал в карман свой; а когда шапку надлежало надевать, то, вынув ее из кармана и расправя, надевал ее опять на архиерея с благоговением. Бог знает, что это за обедня, которую служили; я толку не нашел. Проповедь сказывал другой архиерей. На половине вдруг остановился, и весь народ начал разговаривать друг с другом. Я спросил, что это значит? и мне сказали в ответ, что архиерей устал и отдыхает, а как отдохнет, то достальное доскажет. И действительно, чрез полчетверти часа опять замолчали, и он проповедь стал сказывать. После обеда пошла процессия по всему городу. Сперва шли монахи разных орденов, по два в ряд. Перед каждым орденом несли крест, а потом певчие шли и пели. За ними архиерей, а потом под балдахинем нес тело Христо-во епископ здешний, а перед телом Христовым шли барабанщики и били в барабаны. Затем шли попы, а за попами граф Перигор, бароны, все дворянство и народ. Я с женою смотрел сию церемонию из окошка у маркизы de Fraigeville. Церемония воротилась в церковь, и потом все разошлись. Правду сказать, что для чужестранцев весьма любопытно сие торжество и подает повод делать на нацию свои примечания. В будущих письмах моих скажу тебе, что еще примечу странного или любопытного. Прости.

III

Монпелье, $\frac{31 \text{ декабря } 1777.}{11 \text{ января } 1778.}$

Я принимаюся опять за большой лист; буду писать его помаленьку, а окончив, с первою почтою его к тебе отправлю. Поставленное наверху число значит день его отправления. Мы здесь

¹ Сударь, это для возвышения торжества. Нет такого большого праздника, когда бы епископ во время службы обходился без помощи лакеев.

² Певчие, церковные служки.

живем полтора месяца. Благодаря бога, не было еще ни одного такого дня, в который бы я с женою за болезнию со двора не выходили. Я уже писал к тебе, что мы приехали в Монпелье в самое авантажное для него время, то есть когда съезжаются les Etats. Вседневно ассамблеи занимают нас обоих. Мы не участвуем в хлопотах государственных чинов, но принимаем участие в их веселостях. Поутру все они присутствуют в трибунале, а мы гуляем или читаем; около полудня ходим обыкновенно au Reugou, обедаем дома, но я не всегда, потому что зван бываю к здешним знатым господам, а жена обыкновенно обедает дома. Здесь нет обычая звать дам обедать, но зовут ужинать. В пятом часу всякий понеделник ходим в концерт, а оттуда ужинать к графу Перигору. Концерт продолжается до восьми часов, а из него все туда ходим и играем в вист до ужина. За стол садятся в полдесята и сидят больше часа. Стол кувертов на семьдесят накрывается. Граф Перигор дает такие ужины три раза в неделю, то есть в понеделник все ходят к нему из концерта, в среду из комедии, а в пятницу из концерта же. Точно такой же ужин дает комендант Сент-При по вторникам и четвергам. Сюда все ходят из комедии. В субботу из комедии ходят на такой же ужин к казначею здешней провинции Жуберту; а в воскресенье к первому президенту Кларису, также из комедии. Вот, мой друг сестрица, как здесь распоряжают дни. Поистине сказать, les Etats собираются здесь только чтоб веселиться. Хотя же съезжаются они решить все дела в два месяца, но разъезжаются окончив одно только дело, то есть собрав с провинции для короля подати. Скоро сей суд кончится, и, кроме градоначальника, все разъедутся в Париж и по деревням. Думаю, что будет здесь и пусто и скучно. Как скоро выживем глисту, то отсюда поеду. Через несколько дней доктор намеревается дать ей известное лекарство в полной мере. Он столь долго мешкал для того, что как лекарство безмерно тяжело и крепко, то надлежит укрепить ее силы к претерпению всей тоски и мучения, с которым червь выходит. И для того всякое утро дает ей бульон и ослицино молоко. Надлежит сказать еще и то, что появилась здесь некоторая корсиканская трава, выгоняющая глист. Сию траву жена пьет с неделю без большого отвращения. Она не вредит ни в коем случае; но опытами известно, что морит глисты, и особливо круглые: хотя сей род есть другой, однако доктор отвеживает и над плоскою. Скоро даст жене моей лекарство, которое должно будет глисту выгнать. Боже мой! если б это сделалось и можно было бы избежать известного крепкого лекарства, как бы мы были счастливы. Но буде корсиканская трава не поможет, то жена моя решилась принять и другое, какой бы тоски это ни стоило. Что же надлежит до круглых глистов, то нет никакого сомнения, что трава их неминуемо выгоняет. Не знаю, известна ли она у нас. Имя ее la Mithocorton. Нам всякий день сказывают

лекарств по двадцати новых, да мы уже решились держаться нашего доктора. Он имеет великую репутацию и человек весьма основательный. Перестану теперь говорить о болезни и о докторах. Опишу лучше здешние обычаи. Правду сказать, народ здешний с природы весьма скотиноват. Я думаю, что таких ротозей мало водится. По всем улицам найдешь кучу людей, а в середине шарлатана, который выкидывает какие-нибудь штуки, продает чудесные лекарства и смешит дураков шутками. Часто найдешь на площадях людей около бабы или мужика, которые, поставя на землю род шкапа с растворенными дверцами, кажут в шкапу куколок. Баба во все горло поет духовные стихи, а мужчина играет на скрипке; словом, народ праздный и зазевывается охотно, а притом и весьма грубый. Лакеи здешние такие неучи, что в самых лучших домах, быв впущены в переднюю, кто бы ни прошел мимо, дама или мужчина, ниже с места тронутся и, сидя, не снимают шляп. При мне случалось несколько раз, что сам представляющий здесь королевскую особу граф Перигор, проходя мимо этих скотов, видел их сидящих в шляпе с крайним неучтивством. В Париже, рассказывают, точнехонько то же. Правда, что и господа изрядные есть скотики. Надобно знать, что такой голи, каковы французы, нет на свете. Офицер при деньгах нанимает слугу, а без денег шатается без слуги. Но когда случится копейка в кармане, то не только сам спесив, но и слугу учит спесивиться. Словом, ты читала комедию «Glorieux»,¹ истинно, все французы таковы; а слуги их все Pasquin,² которые, надвинув на глаза шляпу, кроме своего господина не смотрят ни на кого. Чтоб тебе подробнее подать идею о здешних столах, то опишу их пространно. Белье столовое во всей Франции так мерзко, что у знатных праздничное несравненно хуже того, которое у нас в бедных домах в будни подается. Оно так толсто и так скверно вымыто, что гадко рот утереть. Я не мог не изъявить моего удивления о том, что за таким хорошим столом вижу такое скверное белье. На сие в извинение рассказывают мне: que cela ne se mange pas³ и что для того нет нужды быть белью хорошему. Подумай, какое глупое заключение: для того, что салфеток не едят, нет будто и нужды, чтоб они были белы. Ко мне ходят очень много весьма благородных людей, с которыми я познакомился. Разговаривая с ними между прочим о белье, опровергал я их заключение, представляя, что рубашек также не едят, но что на них они без сомнения тонки и чисты, а притом, видя на них прекрасные кружевные манжеты, просил я их из любопытства показать мне и рукав, чтоб увидеть тонкость полотна. Не могли они отказать в том моему любопытству. Я остолбенел,

¹ «Хвастун».

² Шуты.

³ Это не едят.

увидя, какие на них рубашки. Не утерпел я, чтоб не спросить их: для чего к такой дерюге пришивают они тонкие прекрасные кружева. На сие в извинение сказали мне: *que cela ne se voit pas.*¹ Вообще приметить надобно, что нет такого глупого дела или глупого правила, которому бы француз тотчас не сказал резона, хотя и резон также сказывает преглупый. Возвращусь теперь к описанию столов. Как скоро скажут, что кушанье на столе, то всякий мужчина возьмет даму за руку и поведет к столу. У каждого за стулом стоит свой лакей. Буде же нет лакея, то несчастный гость хоть умри с голоду и с жажды. Иначе и невозможно: по здешнему обычаю блюд кругом не обносят, а надобно окинуть глазами стол, и что полюбится, того спросить через своего лакея. Перед кувертом не ставят ни вина, ни воды, а буде захочешь пить, то всякий раз посылай слугу своего к буфету. Рассуди же: коли нет слуги, кому принести напиток, кому переменять тарелки, кого послать спросить какого-нибудь блюда? а соседа твоего лакей, как ни проси, тарелки твоей не примет: *je ne sers que mon maître.*² Подумай же, какая жалость: кавалеры святого Людовика, люди заслуженные, не имеющие слуг, не садятся за стол, а ходят с тарелкою около сидящих и просят, чтоб кушанье на тарелку им положили. Как скоро съест, то побегит в переднюю к постановленному для мытья посуды корыту, сам, бедный, тарелку свою вымоет и, вытря какую-нибудь отымалкою, побредет опять просить чего-нибудь с блюд. Я сам видел все это и вижу вседневно при столе самого графа Перигора. Часто не сажусь я ужинать и хожу около дам, а своему слуге велю служить какому-нибудь заслуженному нищему. Фишер и Петрушка одеты у меня в ливрее и за столом служат. Я предпочитаю их двум нанятым французам, которых нельзя и уговорить, чтоб, кроме меня, приняли у кого-нибудь тарелку. Французы мои служат мне для посылок и носят жену мою в портшезе; а если грязно, то и меня. Плата им по 40 копеек на день каждому, и едят свое. Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно; но, как видишь, услуга за столом очень дурна. Я когда в гостях обедаю (ибо никогда не ужинаю), принужден обыкновенно вставать голодный. Часто подле меня стоит такое кушанье, которого есть не хочу; а попросить с другого края не могу, потому что слеп и чего просить — не вижу. Наша мода обносить блюда есть неразумнейшая. В Польше и в немецкой земле тот же обычай, а здесь только перемудрили. Спрашивал я и этому резон; сказали мне, что для экономии: если-де блюда обносить, то надобно на них много кушанья накладывать. Спрашивал я, для чего вина и воды не ставят перед кувертами? Отвечали мне, что и это для

¹ Этого не видно снаружи.

² Кроме своего господина, я никому не служу.

экономии: ибо-де примечено, что коли бутылку поставить на стол, то один всю ее за столом выпьет; а коли не поставить, то бутылка на пять персон становится. Подумаи же, друг мой, из какой безделицы делается экономия: здесь самое лучшее столовое вино бутылка стоит шесть копеек, а какое мы у нас пьем, четыре копейки. Со всем тем для сей экономии не ставят вина в самых знатных домах. Клянусь тебе по чести моей, что как ты живешь своим домиком, то есть как ты пьешь и ешь, так здесь живут первые люди; а твоего достатка люди рады б к тебе в услуги пойти. Отчего же это происходит? Не понимаю. У нас все дороже; лучшее имеем отсюда втридорога, а живем в тысячу раз лучше. Если б ты здесь жила так, как в Москве живешь, то б тебя почли презнатною и пребогатою особою. Скажу тебе один trait, ¹ которому я сам был свидетель. Маркиза Fraigeville очень нас полюбила — дама предобрая и богатая, а будет еще богаче, потому что наследница после своих дядьев, первых богачей в Монпелье. Я на сих днях, шатаюсь пешком по городу и не взглянув на часы, зашел к сей госпоже, не думая, чтоб так поздно было. Идучи на лестницу в парадные покои, услышал я внизу ее голос. Я воротился с лестницы и пошел туда, откуда слышен был ее голос, отворил двери и нашел свою маркизу на поварне, сидит за столиком с сыном и своею fille de chambre ² и изволит обедать на поварне против очага. Я извинился своими часами и, откланиваясь, спрашивал ее, что за каприз к ней пришел обедать на поварне. Она без всякого стыда отвечала мне, что как нет у нее за столом людей посторонних, то для экономии, чтобы не разводиться огня в камине столовой комнаты, обедает она на поварне, где на очаге огонь уже разведен. Жаловалась мне, что дрова очень дороги и что она одною поварнею чувствительный убыток терпит. Правда, что дрова здесь в сравнении нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей в месяц; но со всем тем, в Петербурге гораздо больше печей имея, больше еще на дрова тратил и не разорялся. Смешно вздумать, каких здесь обо мне мыслей и по тому одному, что у меня в камине огонь не переводится. Il a une fortune immense! C'est un sénateur russe! Quel grand seigneur! ³ Вот отзыв, коим меня удостоивают; а особливо видя на мне собольий сюртук, на который я положил золотые петли и кисти. Всякий француз подходит ко мне и, поглядев на обшлаг, вне себя бывает от восхищения. Quelle finesse! Dieu! quelle beauté! ⁴ Перстень мой, который вы знаете и которого лучше бывают часто у нашей гвардии унтер-офицеров, здесь в превеликой славе.

¹ Случай.

² Горничной.

³ У него громадное состояние! Это русский сенатор! Большой вельможа!

⁴ Какая прелесть! Боже! Какая красота!

Здесь бриллианты только на дамах, а перстеньки носят маленькие. Мой им кажется величины безмерной и первой воды. Справедлива пословица: в чужой руке ломоть больше кажется. Правда, что в рассуждении мехов те, кои я привез с собою, здесь наилучшие, и у Перигора нет собольего шуртука. Горностаевая муфта моя прибавила мне много кон siderации.¹ Beau blanc!² все кричат единогласно. Все глядят, и глядят очень бережно, чтоб не заворотить волоска. Всякий спрашивает о цене. Я говорю 300 рубл. — Parbleu! je crois bien, всякий отвечает: il n'y a rien de si beau que ça,³ — словом, каждый день комедия. Я думаю, нет в свете нации легковвернее и безрассуднее. Мне случалось насмех рассказывать совсем несбыточные дела и физически невозможные; ни одна душа, однакож, не усомнилась; только что дивятся. Описывая сих простаков, говорю я о большей только части людей; ибо здесь хотя мало, однако есть очень умные люди, кои, чувствуя неизреченную глупость своих сограждан, сами над нею смеются и заодно со мною рассказывают небылицу. Часто шатаюсь поутру по книжным лавкам и по кофейным домам, прихожу к графу Перигору и рассказываю ему, какие мне делают вопросы; он помирает со смеху и, будучи очень веселого нрава, невзирая на свою флегму, рассказывает мне сам побасенки. Между прочим талант мой дразнить людей находит здесь универсальную апробацию; а особливо дамы полюбили меня за дразненье. Я пердразниваю здесь своего банкира не хуже Сумарокова. Словом, со мною все очень поладили и поминутно делают мне комплименты. Какие же? Что я будто не похожу на чужестранного. Надобно описать глупое заражение всех французов вообще. Они считают себя за первую в свете нацию и коли скажут: vous n'avez point l'air étranger du tout, то тотчас прибавят: je vous en fais bien mon compliment.⁴ Англичан здесь терпеть не могут и хотя в глаза очень обходятся с ними учтиво, однако за глаза бранят их и смеются над ними. Напротив того, хороши и англичане. Заехав в чужую землю, потому что в своей холодно, презирают жителей в глаза и на все их учтивости отвечают грубостью. Всего смешнее говорят они по-французски. Американские их дела доходят до самой крайности, и они в таком отчаянии, что, думать надобно, отступятся от Америки и, следовательно, объявят войну Франции: ибо издревле всякий раз, когда ни доходила Англия до крайнего несчастия, всегда имела ресурсом и обычаем объявлять войну Франции. Сие обстоятельство сделало то, что англичане отсюда вдруг поднялись и разъезжаются; а французы ожидают войны

¹ Уважения.

² Прекрасная белизна!

³ Еще бы! Ничего нет прекраснее этого.

⁴ Вы ничем не походите на иностранца; поздравляю вас.

немедленно и флот свой так вооружают, что в Тулоне работают непрерывно по воскресным дням и по праздникам. Про нашу войну с турками здесь как в трубу трубят, и всякий час новые вести. У нас, в России, любят вести, а здесь можно их назвать пищею французов. Они б дня не прожили, если б запретили им выдумывать и лгать. Поистине сказать, немцы простее французов, но несравненно почтеннее, и я тысячу раз предпочел бы жить с немцами, нежели с ними. Остается нам видеть Париж, чтоб формировать совершенное заключение наше о Франции; но кажется, что найдем то же, а разница, я думаю, состоять будет в том, что город больше да спектакли лучше; зато климат хуже. Мы заметили, что здесь женский пол гораздо умнее мужеского, а притом и очень недурны. Красавиц нет, только есть лица приятные и веселые; а мужчины, выключая очень малое число, очень глупы и невежды; имеют одну наружность, а больше ничего. Все в прах изломаны, и у кого ноги хотя и не кривы (что редко встречается), однако кривит их нарочно для того, что король имеет кривые ноги; следственно, прямые ноги не в моде. Удивления достойны головы французов: сами чувствуют, что это смешно, сами этому смеются, со всем тем ноги кривят и ходят разваливаясь, как медведи. Я хотел бы описать тебе многие traits их глупости, ветрености и невежества, но предоставляю тебе рассказать их на словах по моем возвращении. Рассказывать их лучше, нежели описывать, потому что всякое их рассуждение препровождено бывает жестами, которых описать нельзя, а передразнить очень ловко. Перестаю писать для того, что пришел к нам обедать Зиновьев и принесли уже кушанье. Какое белье! Боже! Ты видишь, чем мы принуждены утираться! Подумай, друг мой, что, кроме толстоты салфеток, дыры на них защиты голубыми нитками. Нет и столько ума, чтоб зашить их белыми. На сих днях начался карнавал. Театр открыт известным Мольеровым фарсом «Пурсоньяк». Я не описываю тебе здешнего театра; скажу только, что актера два, три хороши, а прочие скверны; но случившееся четвертого дня в партере смятение против правительства заслуживает описания. Народу столь много собралось в комедии, что не только партер, ложи, но весь театр набит был людьми, так что актеры с нуждою действовать могли. После комедии начался балет. Партер закричал, чтобы вместо балета танцовали английский танец. Крик был необычайный. Танцовщики принуждены были сойти с театра, а вышел комедиянт спросить у партера, через кого хочет он, чтоб английский танец был танцован? Партер назвал любимого своего танцовщика, и начала уже играть музыка, как вдруг граф Перигор рассердился на насильство партера и велел закрыть занавес, объявля, что партер никакого не имеет права требовать того танца, который не был афиширован. Тут-то, друг мой сестрица, надобно было видеть бешенство партера.

Этакого крику на наших кулачных боях, я чаю, не бывало. Кричали, что они не выйдут из партера, не выдав требуемого танца, и грозили все вверх дном поставить. Какой поднялся визг от дам! Благодаря бога, мы сидели в ложе самого графа Перигора, следовательно, караул, стоящий обыкновенно в ложе его, поставил нас в безопасность от наглости раздраженного народа. Чем же кончился бунт? Вдруг, по повелению графа, вбежали в партер человек с пятнадцать гренадер с обнаженными палашами и закричали, чтоб в один момент все шли из партера, или рубить будут. Тут-то сделалась давка. Вся храбрая сволочь, которая за минуту перед тем грозила театр поставить вверх ногами, бежала сломя голову вон: один давил другого, и в четверть часа все выбежали вон, чем дело и кончилось. Третьего дня после обеда случилось у нас гости, и мы, заговорясь, опоздали несколько, однако пошли в комедию. В сенях нашли мы конфузию, и встретившиеся знакомые кричали жене моей, чтоб она воротилась, потому что в партере после окончания первой пьесы сделался бунт, который теперь в самом своем жару, и что пройти в ложу опасно. Ты можешь себе представить, что она тотчас воротилась. Я ее отпустил домой, а сам не утерпел, чтоб не пойти посмотреть, как французы задорятся. Пробравшись в Перигорову ложу, увидел я сцену прекрасную. Партер шумел так, что у соседа своего не мог я ни о чем спросить: ибо по причине великого шума ни он не мог слышать моих слов, ни я его; но видел я, что гренадеры тащат многих за ворот в тюрьму. Иные бегут вон и давят друг друга; дамы все визжат по обыкновению. Через полчаса все утишилось, и в партере осталось человек десятка три; малая пьеса благополучно была начата и окончена. В сей день смятение сделалось вот отчего: директор комедии, видя накануне, что беда была от требования английского танца, хотел услужить партеру и велел уже вместо балета танцовать английский танец. Партер возгордился сею услужливостью и закричал, чтоб после дали l'allemande.¹ Танцовщики все изготовились плясать, что велят, как вдруг прислано было повеление от графа Перигора отнюдь не танцовать allemande и не потворствовать нахальству партера. Услыша сие, народ остервенился, и тут-то вбежали гренадеры, и сделалась толкотня превеликая. Самых задорных стали хватать за ворот и отсылать в городскую тюрьму. Правда, что тут и правый и виноватый одну чашу пили. Вчера был спектакль и новая была сцена, а именно: караул был устроен; но защитники смятения, не входя в спектакль, останавливали идущих и всякого уговаривали и упрашивали не ходить в спектакль. От сего произошло то, что партер был пустехонек и играли только для лож. Бедный директор, претерпевая от сего убыток превеликий, сказывают, был сегодня

¹ Немецкий танец.

у графа Перигора и со слезами просил его прекратить сие бедствие. Не знаю, что-то будет сегодня. Я с женою иду в спектакль, и как градоначальник дал нам свою ложу, то мы в самой безопасности можем смотреть на все то, что происходить будет. Ну, мой друг сестрица, я написал довольно. Если тебе наскучит читать мои вздоры, то пеняй на себя. Тебе угодно было, чтоб я писал больше. Не взыскивай на мне, что я тебе не описываю каждого дня и не веду журнала порядочного. Один день так походит на другой, что было бы педанство ставить числа. Остается мне сказать тебе, что здесь теперь время самое летнее. La place du Reugou наполнено было сегодня людьми, и уже с неделю, как за стол нам приносят апельсины. Жена и я носим живые цветы на платье; за шесть копеек букет предорогой.

IV

Париж, 11/22 марта 1778.

Ты не можешь себе представить, как время летит в той земле, где никогда не бывал и где, следовательно, любопытство все видеть, все узнать занимает каждую минуту. Теперь вы уже знаете, что в Монпелье житье наше было не тщетно. Хотя жена моя приехала сюда не так здорова, как из Монпелье выехала, но приписываю это дорожным беспокойствам и переезду из прекрасного климата в похожий на наш. Ласкаюсь, что весна и воды будут ей полезны. Я здоров, но должен признаться, что голова моя изрядно надо мною подшутила. Не болела она во все время жития нашего в Монпелье, а за день до отъезда из него пришел ко мне такой пароксизм, что был я вне себя целые сутки, и таких в России имел редко. Произошел он, однакож, от причины. Я собрался ехать в Сет, пристань Средиземного моря, и велел разбудить себя рано; без того думаю, что б я не страдал, или, по крайней мере, пароксизм не так был бы жесток.

. Что же надлежит до Сент-Жерменя, то, конечно, он весьма чудная тварь, однако тем не меньше шарлатан. Я расстался с ним изрядно; счастлив тем, что остерегся и не поддался искушению, в которое он меня привлечь старался. Он писал ко мне письмо, в котором сулил золотые горы. Сие письмо послал я к графу Петру Ивановичу (Панину), у которого можете взять прочесть, если вам хочется. Обещал он мне в нем открыть важнейшие секреты для обогащения и интересов России. Я на сие учтивым образом ему ответствовал, что как в Дрездене находится министр российский, то бы к нему со своими проектами и адресоваться изволил. Со всем тем, что я называю его шарлатаном, конечно, не ошибаюсь: нахожу в нем много пречудного. Руссо твой в Париже живет, как медведь в берлоге; никуда не ходит и к себе никого не пускает. Ласкаюсь,

однакож, его увидеть. Мне обещали показать этого уroda. Вольтер также здесь; этого чудотворца на той неделе увижу. Он болен и также никого к себе не пускает. На сих днях играли его новую трагедию, о которой поговорю после. Теперь продолжать стану журнал нашего вояжа. Вы получили письмо наше из Марселя. Вот город, в котором можно жить с превеликим удовольствием и который мне несравненно лучше и веселее Лиона показался. Спектакль прекрасный. Общество приятное и без всякой претензии. Из Марселя поехали мы в другой раз в Aix, а оттуда в папский город Avignon, в котором, кроме церквей, ничего нет любопытного. Потом ездили в города Оранж, Valence, Vienne и приехали в Лион, а из него в Макон, Шалон и в Дижон. Потом чрез города Оксерр, Сан и Фонтенебло приехали в Париж. Не описываю вам сих городов. Вы найдете исправное об них описание в «Géographie» de la Croix.¹ Нашли мы много весьма доброго и весьма худого. Справедливость велит мне признаться, что все сии провинциальные города хорошо видеть однажды, а в другой раз не стоят. Что же до Парижа, то я выключая его из всего на свете. Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром. Нельзя себе представить, как бесконечно он велик и как населен. Мы приехали в него 20 февраля (3 марта) ввечеру. На другой день послал я к секретарю нашего министра, чтоб он ко мне пришел; вместо секретаря Барятинский сам прискакал ко мне верхом и обошелся со мною как с родным братом. Он меня взял с собою и повез к Шуваловой, Строганову, Разумовскому и к другим русским. Жена не ездила для того, что устала; но после обеда графиня Шувалова сама приехала к жене моей и, посидевши до спектакля, увезла меня с собою. На другой день приехала к жене Строганова, также не дождавшись нашего первого визита. Чрез сие хотела она нам показать, что желает обходиться с нами без всяких чинов. И действительно, мы все видимся каждый день. Русских здесь множество, и все живут как одна семья; но образ жизни ни мне, ни жене моей не нравится. Никакого в распоряжении времени порядка нет: день делают ночью, а ночь днем. Игра и le beau sex² занимают каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имение и здоровье, тот называется здесь философ. Из русских здесь, смело скажу, только два философа. Прочие все живут по-французски, чего нас избави боже! Парижа описывать вам не хочу, потому что вы из книг так же его узнаете, как я; а скажу вам мое весьма справедливое примечание, что нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однакож, возле совершенно дурного и варварского. Такая несообразность должна удивить

¹ Учебнике географии Делакруа.

² Прекрасный пол.

каждого. Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней; словом, то, что мы называем убогий дом, здесь среди города. Народ, впрочем, в крайней бедности и питается, можно сказать, одною industrie. ¹ Зато здесь почти всякий день вешают и колесуют. Неустройства происходят много и от многолюдства. Нельзя, чтоб полиция, сколь бы ни была хороша, усмотрела все в таком содоме. Подумай, матушка, что в городе каждый день четыре спектакля, ярмарка и гульбище. Куда ни поди, везде полнёшенько. Нет места, где б не видать было кучи народа. Нет в целых сутках ни одной минуты, чтоб не слышен был стук каретный. Есть здесь мост, так называемый Pont-Neuf. ² Кто недавно в Париже, с тем быются здешние жители об заклад, что когда по нем ни пойдя, всякий раз встретится на нем белая лошадь, поп и непотребная женщина. Я нарочно хожу на этот мост и всякий раз их встречаю. Вообще сказать, праздность здесь неизреченная. Новые вести составляют пищу здешних жителей. Всякая новость занимает все головы. При нас случилось приключение, которое стоит того, чтоб здесь его описать: в маскарade королевский брат, граф д'Артуа, будучи хмелен, сделал неучтивость перед дюшессою де Бурбон и сорвал с нее маску. Муж ее вступился и вызвал на дуэль обидчика. Поединок был кавалерский, и брат его величества имел от него оцарапанную руку. Потом обнялись и помирились. Подравшись, дюк де Бурбон проехал прямо в оперу. Я был свидетелем сцены весьма примечательной. Весь народ оборотился к нему, и я думал, что от битья в ладони театр развалится. Кричат тысячи людей: «Bravo, bravo, достойная кровь Бурбона!» На другой день король сослал в ссылку и брата своего и дюка на восемь дней за то, что они, в нарушение закона, выходили на дуэль. А proros, друг мой сестрица, не у одних у нас война, и здесь она неминуема. Английский посол завтра выедет отсюда без аудиенции, и теперь ни о чем более здесь не говорят, как о войне. Англичане все едут домой. У цесарцев с прусским королем также война скоро последует. Вся Европа перебесилась. Перестанем говорить о такой материи, которая так досадна и скучна, а поговорим теперь о спектаклях. Могу тебя уверить, что французская комедия совершенно хороша, а трагедию нашел я гораздо хуже, нежели воображал. Место покойника Лекеня заступил Ларив, которого холоднее никто быть не может; но в комедии есть прелекие актеры. Превиль, Моле, Бризар, Оже, Долинъи, Вестрис, Сенвальша — вот мастера прямые! Когда на них смотришь, то, конечно, забудешь, что играют комедию, а кажется, что видишь прямую историю. При мне играли новую Вольтерову пьесу: «Ирена, или

¹ Ловкостью.

² Новый мост.

Алексий Комнин», которая принята была публикою с восхищением. Меня было оглушило от битья в ладоши. Зато играли другую новую пьесу, а именно «L'homme personnel»,¹ которая упала вовсе. Правду сказать, что рукоплескание и свистание ничего не репат, потому что партер, который сие право имеет, состоит из народа самого невежественного. В доказательство скажу, что здесь за все про все аплодируют, даже до того, что если казнят какого-нибудь несчастного и палач хорошо повесит, то вся публика аплодирует битьем в ладоши палачу точно так, как в комедии актеру. Не могу никак сообразить того, как нация чувствительнейшая и человеколюбивая может быть так близка к варварству. Что же надлежит до ридикулей,² то никто так охотно не шпынует над другими, как французы, и никто столь много ридикулей не имеет. Самый образ обхождения достоин посмеяния. Всего написать не можно, что здесь смешного встречается. Ни в чем на свете я так не ошибался, как в мыслях моих о Франции. Радуюсь сердечно, что я ее сам видел и что не может уже никто рассказами своими мне импозировать. Мы все, сколько ни есть нас русских, вседневно сходясь, дивимся и хохочем, соображая то, что видим, с тем, о чем мы, развеся уши, слушивали. Славны бубны за горами — вот прямая истина! Намерение наше непременно в исходе сентября или в начале октября быть в России, и поистине сказать, нет никакого резона нам в чужих краях оставаться; да и жена моя хочет поскорее до места, а то, право, уже таскаться обоим нам наскучило. А rgoros, я начал слушать курс экспериментальной физики у Бриссона, а жена взяла учителя на клавиесинах; живем веселёхонько, а подчас скучнёхонько. Право, Париж отнюдь не таков, чтоб быть от него без памяти; я буду всегда помнить, что в нем, так же как и везде, можно со скуки до смерти зазеваться. Прости, друг мой сестрица. Люби нас и пиши почаще.

V

Париж, 20/31 марта 1778.

Вчера Вольтер был во Французской академии. Собрание было многочисленное. Члены Академии вышли ему навстречу. Он посажен был на директорское место и, минуя обыкновенное баллотирование, выбран единогласно в директоры на апрельскую четверть года. От Академии до театра, куда он поехал, народ провожал его с непрестанными восклицаниями. Представлена была новая трагедия: «Ирена, или Алексий Комнин». При входе в ложу публика аплодировала ему многократно с неописанным восторгом, а спустя

¹ «Эгоист».

² Острижки, насмешники.

несколько минут Бризар, как старший актер, вошел к нему в ложу с венком, который надел ему на голову. Вольтер тотчас снял с себя венок и, заплакав от радости, сказал вслух Бризару: «Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir!». ¹ Трагедия играна была гораздо с большим совершенством, нежели в первые представления. Занавес опять был поднят; все актеры и актрисы, окружая бюст Вольтеров, увенчивали его лавровыми венками. Сие приношение публики сопровождала громким рукоплесканием, продолжавшимся близ четверти часа непрерывно. Наконец представлявшая Ирену г-жа Вестрис, оборотясь к Вольтеру, читала следующие стихи:

Aux yeux de Paris enchanté
Reçois en ce jour un hommage,
Que confirmera d'âge en âge
La sévère postérité.
Non, tu n'as pas besoin d'atteindre au noir rivage
Pour jouir de l'honneur de l'immortalité!
Voltaire, reçois la couronne
Que l'on vient de te présenter;
Il est beau de la mériter
Quand c'est la France qui la donne. ²

Для показания своего удовольствия публика велела повторить чтение сих стихов и аплодировала им с великим криком. Как же скоро Вольтер, выходя из театра, стал садиться в свою карету, то народ закричал: *des flambeaux, des flambeaux!* По принесении факелов велели кучеру ехать шагом, и бесчисленное множество народа с факелами провожало его до самого дома, крича непрерывно: *vive Voltaire!*

VI

Париж, апреля 1778.

Собрав несколько писем твоих, хочу на них ответить на целом листе. Правда, что они не требуют такого пространного ответа, да я хочу прибавить, по моему обыкновению, описание всего того, что здесь вижу. Ты пишешь, что наши приезжие из Парижа уверяют вас, что здесь множество ученых людей таскаются без пропитания. Видно, что сии господа вояжеры сами не весьма ученые люди, ибо смело вам скажу, что ни один из здешних прямо

¹ Ах, боже, вы хотите уморить меня!

² На глазах восхищенного Парижа прими сегодня дань уважения, которое из века в век будет подтверждать строгое потомство. Нет, тебе не нужно ждать предела жизни, чтобы наслаждаться славой бессмертия! Прими, Вольтер, венок, который тебе дарят; прекрасно заслужить его, когда Франция тебе его преподносит.

ученых и достойных людей не подумает ехать в Россию без великой надежды сделать фортуна свою и семьи своей. Видно, что они учеными людьми сочли каких-нибудь шарлатанов, которые за копейку обещают обучать всему на свете. Здесь нет ни одного ученого человека, который бы не имел верного пропитания; да к тому ж все они так привязаны к своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сие похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всем французском народе. Последний трубочист вне себя от радости, коли увидит короля своего; он кряхтит от подати, ропшет; однако последнюю копейку платит, во мнении, что тем пособляет своему отечеству. Коли что здесь действительно почтенно и коли что всем перенимать здесь надобно, то, конечно, любовь к отечеству и государю своему.

Вольтера я видел и был свидетелем оказанных ему почестей. Могу сказать, что, кроме Руссо, который в своей комнате зарылся, как медведь в берлоге, видел я всех здешних лучших авторов. Я в них столько же обманулся, как и во всей Франции. Все они, выключая малое число, не только не заслуживают почтения, но достойны презрения. Высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер. Сказывают, что встарину авторы вели войну между собою не иначе, как критикуя один другого сочинения; а ныне не только трогают честь язвительными ругательствами, но рады погубить друг друга вовсе, как какие-нибудь звери. И действительно, мало в них человеческого. Всякий ученый есть гонитель всех тех, кои розно с ним думают или сочинения его не находят совершенными. Здесь скверные стихи разделяют часто дом: брата с братом вечно делают врагами, и, словом сказать, литеральные войны делают многих людей погибель. Не могу вам довольно изъяснить, какими скаредами нашел я в натуре тех людей, кои сочинения вселили в меня душевное к ним почтение. Вообще тебе скажу, что я моральною жизнью парижских французоз очень недоволен. Сколько идея отечества и короля здесь твердо в сердце вкоренена, столь много изгнано из сердец всякое сострадание к своему ближнему. Всякий живет для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность — все это считается химерою. Напротив того, все сентименты обращены в один пункт, то есть ложный *point d'honneur*.¹ Наружность здесь все заменяет. Будь учтив, то есть никому ни в чем не противоречь; будь любезен, то есть ври, что на ум ни набрело, — вот два правила, чтоб быть *un homme charmant*.² Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здесь люди не живут, не вкушают истинного счастья и не имеют о нем ниже понятия. Пустой блеск, взбалмош-

¹ Вопрос чести.

² Прелестный человек.

ная наглость в мужчинах, бесстыдное непотребство в женщинах, другого, право, ничего не вижу. Ты можешь себе представить, что все сие нам очень не понравилось. И всякий день бегаю с утра до вечера по городу, чтоб видеть все примечательное; а как скоро все осмотрим и пришлють ко мне деньги, то истинно лишнего дня здесь не останусь. Между тем скажу тебе, что меня здесь более всего удивляет: это мои любезные сограждане. Из них есть такие чудаки, что вне себя от одного имени Парижа; а при всем том я сам свидетель, что они умирают со скуки: если б не спектакли и не много было здесь русских, то бы действительно Париж укоротил век многих наших русских французов. Итак, кто тебя станет уверять, что Париж центр забав и веселий, не верь: все это глупая аффектация; все лгут без милосердия. Кто сам в себе ресурсов не имеет, тот и в Париже проживет как в Угличе. Четыре стены везде равны; но чтоб дать вам идею, как живут здесь все вообще чужестранцы, то расскажу тебе все часы дня, как они его проводят. Поутру, встав очень поздно, мужчина надевает фрак с камзолом, или, справедливее сказать, с душегрейкою весьма неблагопристойною. Весь растрепан, побежит au Palais-Royal,¹ где нашед целую пропасть девок, возьмет одну или нескольких с собою домой обедать. Сие непотребное сонмище поведет с собою в спектакль на свои деньги; а из спектакля возьмет с собою свою девку и теряет свои деньги с здоровьем невозвратно. Так здесь живут не только холостые, но почти все женатые; а разница в том, что женатые нанимают особенные дома для своих шалостей. Что ж надлежит до дам, то наши русские знают между собою; но сие могли бы они делать точёхонько и в России; следственно, Париж тут не входит ни во что. Буде же знаться с французенками, то по короткому пребыванию не стоит и заводить с ними знакомства; да французские дамы притом и горды. Шувалова ездит ко многим, а к ней никто; следственно, такое знакомство не всякому приятно. По крайней мере я не хочу иного знакомства, кроме такого, где б оно совершенно было наблюдаемо. Из этого заключить можешь, что для чужестранных нет никакого здесь société.² Надобно сказать, что дам чужестранных здесь очень немного, а мужчин, особливо же молодых, пропасть. Их две вещи в Париже привлекают: спектакли да девки. Отними сии две приманки, то целые две трети чужестранцев тотчас уедут из Парижа. Спектакли здесь такие, каких совершеннее быть не может. Трагедия после Лекеня, Клеронши, Дюменильши, конечно, упала; но комедия в наилучшем цвете. Опера есть великолепнейшее зрелище в целом свете. Итальянский спектакль очень забавен. Сверх того, есть много других спектаклей. Все каждый день полнёненьки.

¹ Пале-Рояль — то есть торговые ряды при дворце.

² Общества.

Два примечания скажу тебе о здешних спектаклях, и поверь, что скажу сущую правду. Кто не видал комедии в Париже, тот не имеет прямого понятия, что есть комедия. Кто же видел здесь комедию, тот нигде в спектакль не поедет охотно, потому что после парижского смотреть другого не захочет. Не говорю я, чтоб у нас или в других местах не было актеров, достойных быть в здешней труппе, но нет нигде такого ensemble,¹ каков здесь, когда в пьесе играют все лучшие актеры. Два дня в неделю играют дубли. Тогда действительно и парижский спектакль гроша не стоит. Теперь поговорю о другой приманке, а именно: о девках. Здесь все живут не весьма целомудренно; но есть состояние особенное, называющееся les filles, то есть: непотребные девки, осыпанные с ног до головы бриллиантами. Одеты прелестно; экипажи такие, каких великолепнее быть не может. Дома, сады, стол, словом, сей род состояния изобилует всеми благами света сего. Спектакли все блистают от алмазов, украшающих сих тварей. Они сидят в ложах с своими любовниками, из коих знатнейшие особы имеют слабость срамить себя публично, садясь с ними в ложах. Богатство их неисчислимо; а потому благородные дамы взяли другой образ нарядов, то есть ни на одной благородной не увидишь бриллиантика. Дорогие камни стали вывескою непотребства. На страстной неделе последние три дня было здесь точно то, что в Москве мая первое. Весь город ездит в рошу и не выходит из карет. Тут-то видел я здешнее великолепие. Наилучшие экипажи, ливреи, лошади — все это принадлежало девкам. В прекрасной карете сидит красавица вся в бриллиантах. Кто же она? Девка. Словом сказать, прямо наслаждаются сокровищами мира одни девки. Сколько от них целых фамилий вовсе разоренных! Сколько благородных жен несчастных! Сколько молодых людей погибших! Вот город, не уступающий ни в чем Содому и Гомору. С одной стороны, видишь печестие, возносящее главу свою, а с другой — вдов и сирот, стоящих подле окон домов великолепных, откуда из седьмого этажа (ибо добрые люди живут на чердаках) кидают сим нищим куски хлеба, как собакам. В первых же этажах обитают люди богатые с окаменелыми сердцами, следственно, им до того дела нет. Надобно заметить, что нищим здесь запрещено просить милостыню, а как скоро кто попадетя, то отводят его в больницы, Инвалиды и Бисетр. Сии места стоят особенного описания; я представляю это для другого письма, а наперед скажу только то, что воображение человеческое никак представить себе не может варварства и бесчеловечия, с каким трактуются несчастные люди. Не могу выйти из удивления, как нация просвещенная и, по справедливости сказать, человеколюбивейшая может терпеть, чтоб такие лютости совершались

¹ Ансамбль.

среди столичного города. Знать, что всякое сострадание исчезло в их сердцах. Сказывают, что на страстной неделе говорил в Версалии проповедь пред королем славный здешний проповедник l'abbé Maury¹ и на чистые денюжки описал королю весь ужас, в котором живут несчастные в Бисетре и Инвалидах. Король во время проповеди топал ногами и отзывался, что он ничего этого не знал; а проповеднику сказал, что он ласкается не заслужить впредь такой проповеди, которая растерзала его сердце. Дай бог, чтоб он скорее облегчил страдание несчастных! Уверяют, что сей проповедник будет за сию проповедь епископом. Страстная и святая недели были проведены в службе божией. Я сам слышал сего славного проповедника. Красноречия много, но не понравилась мне его декламация, которую нашел я слишком театральной. В прошлый понедельник отворены были все театры. Мы с женою предпочли видеть «Альзиру» и приехали в театр очень кстати. За нашу каретой ехал Вольтер, сопровождаемый множеством народа. Вышед из кареты, жена моя остановилась со мною на крыльчке посмотреть на славного человека. Мы увидели его, почти на руках несомого двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, заметил он, что мы нарочно для него остановились, и для того имел внимание,² к ней подойдя, сказать с видом удовольствия и почтения: madame! Je suis bien votre serviteur très humble.³ При сих словах сделал он такой жест, который показывал, будто он сам дивится своей славе. Сидел он в ложе madame Lebert; но публика не прежде его усмотрела, как между четвертым и пятым актом. Лишь только заметила она, что Вольтер в ложе, то зачала аплодировать и кричать, потеряв всю благопристойность: vive Voltaire! Сей крик, от которого никто друг друга разуместь не мог, продолжался близ трех четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый акт, четыре раза принималась, но тщетно. Вольтер вставал, жестами благодарил партер за его восхищение и просил, чтоб позволил он кончить трагедию. Крик на минуту утихал, Вольтер садился на свое место, актриса начинала, и крик поднимался опять с большим стремлением. Наконец все думали, что пьесе век не кончиться. Господь ведает, как этот крик перервался, а Вестрис предупела заставить себя слушать. Трагедия играна была отменно хорошо. Замора играл Larive, заступивший место Лекеня. Сам Вольтер несколько раз кричал ему: bravo! Альвара играл Бризар, а Гусмана Монвель. Оба имеют истинные таланты. После трагедии некто заслуженный офицер и кавалер Лескюр возгорел жаром стихотворства и, вошед в ложу к Вольтеру, подал ему сочиненные им в тот же момент стихи:

¹ Аббат Мори.

² Внимание.

³ Мадам, я ваш покорнейший слуга.

Ainsi chez les Incas dans leurs jours fortunés,
Les enfants du soleil, dont nous suivons l'exemple,
Aux transports le plus doux étaient abandonnés
Lorsque de ses rayons il éclairait leur temple. ¹

Вольтер, приняв их, отвечал в ту же минуту:

Des chevaliers français tel est le caractère,
Leur noblesse en tout temps me fut utile et chère. ²

Я видел уж три раза Вольтера. Из всех ученых удивил меня д'Аламберт. Я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премерзкую фигуру и преподленькую физиономию. Сегодня открылось в Париже собрание, называемое: Le rendez-vous de la République des lettres et des arts. ³ Господа ученые почтили меня приглашением, и я после обеда туда еду. Они хотят иметь меня своим корреспондентом. Бог ведает, кто-то им сказал, будто я русский un homme des lettres. ⁴ Сам директор сего собрания у меня был, и комплинтам конца не было. Вчера было собрание в Академии наук. Вольтер присутствовал; я сидел от него очень близко и не спускал глаз с его мощей. Обещают мне здешние ученые показать Руссо, и как скоро его увижу, то могу сказать, что видел всех мудрых века сего. Если вы воображали, что мы пленимся чужими краями, то как обманулись! Со всем тем я очень рад, что видел чужие края. По крайней мере не могут мне импозировать наши Jean de France. Много приобрел я пользы от путешествия. Кроме поправления здоровья, научился я быть снисходительнее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве. Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно и, словом, что наша нация не хуже ни которой и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях.

VII

Париж, августа 1778.

Мы теперь живем в загородном доме, называемом Belair. ⁵ Место прекрасное, окруженное садом, прозванным les Champs-Élisées ⁶ и Булонскою рощею. Парижские окрестности похожи

¹ Мы следуем примеру пиков, детей солнца, которые в счастливые дни предавались сладостным восторгам, когда оно освещало их храм своими лучами.

² Таков характер французских рыцарей, их доблесть всегда была мне дорога.

³ Собрание общества писателей и художников.

⁴ Писатель.

⁵ Бель эр (прекрасный вид).

⁶ Елисейские Поля.

на московские. Ситуации такие, что везде видишь картину. Сюю справедливость я отдаю охотно, равно как и ту, что сам Париж немножко почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно я так сердит на его жителей, что теперь рад их за то бранить от всего сердца. С крыльца сойдя, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод: да без них бы, я думаю, все задохлись. Правду ты пишешь, что нас в России обманывают без милосердия Кары, Машковы и прочие, говоря о здешней земле как о земном рае. Спору нет, много есть очень хорошего; но, поверь же мне, истинно хорошего сии господа, конечно, и не примечали; оно ушло от их внимания. Можно вообще сказать, что хорошее здесь найдешь поискавши, а худое само в глаза валит. Живучи здесь близ полугода, кажется, довольно познакомился я с Парижем и узнал его столько, что в другой раз охотою, конечно, в него не поеду.

Я люблю спектакли, они меня очень забавляют; имею также знакомство с авторами — вот что примиряет меня несколько с Парижем. Мармонтель, Томас и еще некоторые ходят ко мне в дом; люди умные, но большая часть вдали. Исключая Томаса, который кажется мне кротким и честным человеком, почти все прочие таковы, что гораздо приятнее читать их сочинения, нежели слышать их разговоры. Самолюбие в них такое, что не только думают о себе как о людях, достойных алтарей, но и бесстыдно сами о себе говорят, что они умом и творениями своими приобрели бессмертную славу. Помнишь, какого мнения был о себе наш Сумароков и что он о своих достоинствах говаривал. Здесь все Сумароковы; разница только та, что здешние смешнее, потому что вид на них гораздо важнее. Я, с моей стороны, персонально их учтивостию доволен. Они, услышав от Строганова, Барятинского и прочих, что я люблю литературу и в ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что в заведенное нынешним годом собрание под именем *le rendez-vous des gens des lettres*¹ прислали ко мне инвитацію,² так же как и славному Франклину, который живет здесь министром от американских соединенных провинций. Он, славный английский физик Магеллан и я были приняты отменно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали в газетах о нашем визите. Вы увидите в газете имя мое *estropié*,³ по обычаю, и посмотрите, сколько в Париже всюднейных забав. Я имел удачу понравиться в собрании рассказыванием о свойстве нашего языка, так что директор сего собрания *la Blancherie*, один из мудрых века сего, прислал ко мне звать и в буду-

¹ Собрание писателей.

² Приглашение.

³ Искаженное.

ще собрание. Я посылаю его письмо, чтоб ты видела, в каком почтительном тоне ученый народ со мною обращается. Кроме охоты моей к литературе, имею я в их глазах другой мерит, ¹ а именно, покупаю книги, езжу в карете и живу домом, то есть можно притти ко мне обедать. Сие достоинство весьма принадлежит к литературе, ибо ученые люди любят, чтоб их почитали и кормили. Теперь приступаю к истории, которая тебя столько же огорчит, как и меня, ибо я знаю, как ты любишь Руссо. Послушай, что с ним сделалось.

Я писал к тебе, что Руссо обещал мне показать себя, и уже назначен был день для нашего свидания; но накануне дня того пришел ко мне один abbé, чрез которого я добивался познакомиться с Руссо, и сказал мне новые вести, что он был в доме у Руссо и застал его жену в слезах и отчаянии, которая спрашивала его: не видал ли он, где муж ее. Он уже две ночи дома не ночевал, и она боится, не посажен ли он в тюрьму от правительства. Дня три прошли в сем безызвестии; наконец узнали, что он поехал к одному своему приятелю, человеку знатному, в деревню от Парижа верст с пятьдесят. Причина его удаления вот какая: он сочинил *Mémoires* ² своей собственной жизни, в которых весьма свободно описывал все интриги здешних вельмож поименно. Сию книгу сочинял он с тем, чтоб после смерти жена его ее напечатала и имела б от нее верный и нарочитый доход. Он для нее сию книгу пишет и оставляет ей в наследство. Жена его такая алчная к деньгам, какой свет не производил. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь с одним книгопродавцем, продала ему манускрипт, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спал. Он не знал, не ведал этой напасти, как вдруг получил письмо из Голландии от одного книгопродавца, который пишет к нему, что он имеет в руках своих его манускрипт, купленный за сто луидоров, и спрашивает его от доброго сердца: на какой бумаге и какими литерами советует он сделать издание. Руссо жестоко испугался, увидя женино бездельство, и писал к книгопродавцу, чтоб он бога ради до смерти его не напечатал книги; а сам, бросив неблагодарную жену, поехал в деревню к своему приятелю. Теперь уже видно, что книгопродавец его не послушал, ибо книга напечатана и появившиеся здесь экземпляры конфискованы; а бедный Руссо, видно, от страха и негодования прекратил жизнь свою. Сегодня получено известие, что он умер и найдена на теле его ранка в самом сердце. Сказывают, что он булавкою проткнул сердце, а иные говорят ножичком. Как бы то ни было, но он сам себя лишил жизни; по крайней мере сей слух разнесся теперь по всему городу. Приятель мой Гудон, славный скульптор, поехал

¹ Достоинство.

² Мемуары.

теперь к нему снимать маску; ибо лицо, как слышно, точно еще такое, как было у живого.

Итак, судьба не велела мне видеть славного Руссо. Твоя, однакож, правда, что чуть ли он не всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века. По крайней мере бескорыстие его было строжайшее. Я так зол на жену его, что если б был судья, то бы велел ее повесить.

Не описываю тебе всего, что здесь внимания достойно. Я писал к батюшке превеликое письмо и устал так, что, право, едва сию страницу могу окончить. Ты получишь от меня, конечно, большое письмо. Живучи за городом, имею больше времени и способности к писанию.

Мы сегодня едем в St.-Cloud.¹ Там много людей будет. Завтра утро будет у меня ученое; проведу его с д'Аламбертом. Вот здешние мои приятности: ученые вразы, спектакли и гульбища, но и то наскучило. Мы оба нетерпеливо хотим кончить наше кочевашье. Очень будем рады, как доберемся до дома. Прости.

¹ Сен-Клу.

Всеобщая придворная грамматика

Предупреждение

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора: она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопа.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

вступление

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотря ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отчереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые души пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне двора кажутся *Католами*; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостью стерегут целостность отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступив чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестью; кого ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится нестати взглянуть, нестати подойти; страж целостности отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр. Какое разделение слов у двора примечается?

Отв. Обыкновенные слова бывают: *односложные, двусложные, тресложные и многосложные*. Односложные: *так, князь, раб*; двусложные: *силен, случай, упал*; тресложные: *милостив, жаловать, угождать*, и, наконец, многосложные: *высокопревосходительство*.

Вопр. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Отв. Гласные и безгласные.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Вопр. Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверзтие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле нахмурясь скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *а!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопр. Сколько у двора бывает гласных?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубоярин?

Отв. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные; или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но пред безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв. Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр. Что при словах примечать должно?

Отв. Род, число и падеж.

Вопр. Что есть придворный род?

Отв. Есть различие между душою мужскою и женскою. Сие различие от пола не зависит: ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда: сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр. Что есть придворный падеж?

Отв. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

Вопр. Сколько у двора глаголов?

Отв. Три: *действительный, страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

Вопр. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

Отв. *Повелительное и неопределенное*.

Вопр. У людей заслуженных, но беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

Отв. *Прошедшее*, например: *я изранен, я служил*, и тому подобное.

Вопр. В каком времени бывает их ответ?

Отв. В *будущем*, например: *посмотрю, доложу*, и так далее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ГЛАГОЛАХ

Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным* (для примера

прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительнейшего):

Н а с т о я щ е е :

Я должен.

Мы должны.

Ты должен.

Вы должны.

Он должен.

Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

Отв. Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

Вопр. А в будущем?

Отв. В будущем спряжение сего глагола употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу будет, если еще не есть.

Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание

«Собеседник любителей российского слова», под надзором почтенных наук покровительницы, есть и должен быть хранилищем тех произведений разума, кои приносить могут столько увеселения, сколько и действительной пользы. Издатели оного не боятся отверзать двери истине; почему и беру вольность представить им для напечатания «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Буде оные напечатаны, то продолжение последует впредь и немедленно. Публика заключит тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвечать чистосердечно. Ответы и решения наполнять будут «Собеседник» и составлять неиссыхаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархиней нашей.

ВОПРОСЫ:

1. Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречаются ни малейшего сомнения?
2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?
3. Отчего все в долгах?

ОТВЕТЫ: ¹

- На 1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.
- На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.
- На 3. Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.

¹ Написав ответы на вопросы Фонвизина, Екатерина II — автор «Былей и небылиц» — предпослала сочинению сатирика следующее предисловие: «Издатели «Собеседника» разделяли труд рассматривать присылаемые к ним сочинения между собою понедельно, равно как и отвечать на оные, ежели того нужда потребует. Сочинитель «Былей и небылиц», рассмотрев присланные вопросы от неизвестного, на оные сочинил ответы, кои совокупно здесь прилагаются».

4. Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства кушцы, а всегда или заводчики, или откушщики?

5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?

6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?

7. Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их не служа гвардии унтер-офицерами?

8. Отчего в наших беседах слушать нечего?

9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?

10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

11. Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?

12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

На 4. Одни, быв богаче других, смеют случай оказать какую ни есть такую заслугу, по которой получают отличие.

На 5. Оттого, что вольных типографий до 1782 года не было.

На 6. От размножившихся клобов.

На 7. Одно легче другого.

На 8. Оттого, что говорят неблицу.

На 9. Оттого, что на суде не избличены.

На 10. Оттого, что сие не есть дело всякого.

На 11. Оттого, что всяквй любит и почитает лишь себе подобного, а не общественные и особенные добродетели.

На 12. Сие неясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.

13. Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец печувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титуло дворянина было несомненным доказательством душевного благородства?

14. Имея монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом: удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?

14. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?

15. Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся там умными людьми, у нас почитаются дураками; и наоборот: отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?

16. Гордость большей части бояр где обитает: в душе или в голове?

17. Отчего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное и отчего у нас часто преострые люди пишут бестолково?

На 13. Сравнение прежних времен с нынешним покажет несомненно, koliko души ободрены либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.

На 14. Для того, что везде, во всякой земле и во всякое время, род человеческий совершенным не родится.

На 14. Предки наши не все грамоте умели. Н. В. Сей вопрос родился от *свободолюбия*, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то лачли бы на нынешнего одного десять преждебывших.

На 15. Оттого, что вкусы разные и что всякий народ имеет свой смысл.

На 16. Тамо же, где перешимость.

На 17. Оттого, что тамо, участь слогу, одинако пишут; у нас же всяк мысли свои не участь на бумагу кладет.

18. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?

19. Как истребить два противоположные и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

20. В чем состоит наш национальный характер?

На 18. По той же причине, по которой человек стареется.

На 19. Временем и знанием.

На 20. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных.

К г. сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов

По ответам вашим вижу, что я некоторые вопросы не умел написать внятно, и для того покорно вас прошу принять здесь мое объяснение.

В рассуждении вопроса о нечувственности к достоинству благородного звания позвольте мне сказать вам, государь мой, что разум одного совсем другой, нежели в каком, повидимому, вы его принимаете. Если вы мой согражданин, то, кто бы вы ни были, можете быть уверены, что я ни вам и никому из моих сограждан не уступлю в душевном чувствовании всех неисчетных благ, которые в течение с лишком двадцати лет изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтоб не признавать, какое ободрение душам подается. Мой вопрос точно от того и произошел, что я поражен был тою нечувственностью, которую к сему самому ободрению изъявляют многие злонравные и невоспитанные члены сего почтенного общества. Мне случилось по своей земле поездить. Я видел, в чем большая часть носящих имя дворянина полагает свое любочестие. Я видел множество таких, которые служат, или, паче, занимают места в службе, для того только, что ездят на паре. Я видел множество других, которые пошли тотчас в отставку, как скоро добились права впрягать четверню. Я видел от почтеннейших предков презрительных потомков. Словом, я видел дворян раболепствующих. Я дворянин, — и вот что растерзало мое сердце; вот что подвигло меня сделать сей вопрос. Легко станется, что я не умел положить его на бумагу, как думал, но я думал честно и имею сердце, пронзенное благодарностию и благоговением к великим деяниям всеобщия нашея благотворительницы. Ласкаюсь, что все те честные люди, от коих имею счастье быть знаем, отдадут мне справедливость, что перо мое никогда не было и не будет омочено ни ядом лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю вас за ответ на мой вопрос: «отчего тяжущися не печатают тяжб своих и решений правительства?» Ответ ваш подает надежду, что размножение типографий послужит не только к распространению знаний человеческих, но и к подкреплению правосудия. Да облобызаем мысленно с душевною благодарностию десницу правосуднейшия и премудрыя монархини. Она, отверзая новые врата просвещению, в то же время и тем же самым полагает новую преграду ябедѣ и коварству. Она и в сем

случае следует своему всегдашнему обычаю: ибо рассечь одним разом камень преткновения и вдруг источить из него два целебные потока есть образ чудодействия, Екатерине II весьма обычный. Способом печатания тяжко и решений глас обиженного достигнет во все концы отечества. Многие постыдятся делать то, чего делать не страшатся. Всякое дело, содержащее в себе судьбу имения, чести и жизни гражданина, купно с решением судивших может быть известно всей беспристрастной публике; воздастся достойная хвала праведным судьям; возгнушаются честные сердца неправдою судей бессовестных и алчных. О, если б я имел талант ваш, г. сочинитель «Былей и небылиц»! с радостью начертал бы я портрет судьи, который, считая все свои бездельства погребенными в архиве своего места, берет в руки печатную тетрадь и вдруг видит в ней свои скрытые плутни, объявленные во всенародное известие. Если б я имел перо ваше, с какою бы живостию изобразил я, как, пораженный сим нечаянным ударом, бессовестный судья бледнеет, как трясутся его руки, как при чтении каждой строки язык его немеет и по всем чертам его лица разливается стыд, проникнувший в мрачную его душу, может быть, в первый раз от рождения. Вот, г. сочинитель «Былей и небылиц», вот портрет, достойный забавной, но сильной вашей кисти.

Чрез вопрос: «отчего у нас не стыдно не делать ничего?» разумел я, отчего праздным людям не стыдно быть праздными?

Статьею о шпынях и балагурах хотел я показать только несообразность балагурства с большим чином. Вы, может быть, спросите меня: для чего же вопроса моего не умел я так написать, как теперь говорю? На сие буду вам отвечать вашим же ответом на мой вопрос, хотя совсем другого рода: «для того, что везде, во всякой земле и во всякое время, род человеческий совершенным не родится».

Признаюсь, что благоразумные ваши ответы убедили меня внутренне, что я самого доброго намерения исполнить не умел и что не мог я дать моим вопросам приличного оборота. Сие внутреннее мое убеждение решило меня заготовленные еще вопросы отменить, не столько для того, чтоб невинным образом не быть обвиняему в свободоязычии, ибо у меня совесть спокойна, сколько для того, чтоб не подать повода другим к дерзкому свободоязычию, которого всею душою ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, в числе издателей «Собеседника», покорно прошу поместить в него сие письмо. Напечатание оногo будет для меня весьма лестным знаком. Доброе мнение творца, вмещающего, как вы, в творения свои пользу и забаву в степени возможного совершенства, должно быть для меня неоцененно; напротив же того, всякое ваше неудовольствие, мною к совести моей ничем не заслуженное, если каким-нибудь образом буду иметь несчастье приметить, приму я с огорчением за твердое основание непреложного себе правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

*Рассуждение о истребившейся в России
совсем всякой формы государственного
правления и от того о зыблемом
состоянии как империи,
так и самих государей*

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству, поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем: но вообразя его таковым, которого ум и сердце столько были б превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию беспредельная власть его ограничивалась? Нет. Она есть одного свойства со властью существа высшего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам преступить не может. Государь, подобие бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил, или, точнее объясниться, без непременных государственных законов, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той подпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшие установления никакого основания иметь не будут. Кто оградит их проч-

ность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования устанавливаемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими пред ним истину, не разорил того сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения; ибо не нрав государя приравнивается к законам, но законы к его нраву. Какая же доверенность, какое почтение может быть к законам, не имеющим своего естественного свойства, то есть соображения с общею пользою? Кто может дела свои располагать тамо, где без всякой справедливой причины завтра вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждый, подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязанности наблюдать того с другими, чего другие с ним не наблюдают.

Тут, с одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительные, дерзкое невежество требует доказательств и без указа им не повинуются, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобострастием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет; ибо править должны были законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу*. Я назвал его недостойным потому, что название *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку, достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцовым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен. Пороки любимца не только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Если любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельможей заражает. Если дух его объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградить путь к счастью; но если провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду попускает душою государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб государство неминуемо было жертвою насильств и игрищем прихотей его; если все уродливые движения души влекут его первенствовать только богатством,

титлами и силою вредить; если взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как: «боготворите меня, я могу вас погубить»; если беспредельная его власть над душою государя препровождается в его душе бесчисленными пороками; если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются и заражают двор, город и, наконец, — государство. Вся молодость становится надменна и принимает тон буйственного презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния расторгаются к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении отечества, ни сан, приобретенный истинною службой, не ограждает почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение приемлется главным правилом поведения. Никто нейдет стезею, себе свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благоспешное недостойным людям время какого воздаяния могут ожидать истинные заслуги, или, паче, есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ли дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и не ведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? — Лестно ль быть судьбою, когда правосудным быть не позволено? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит; кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откуп, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякий спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого государя пред очами целого света в самых царских чертогах водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, насыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пред лицом законодателя божеские и человеческие законы попирает дерзает? Не вхожу я в подробности губительного состояния дел, исторгнутых им под особенное его начальство;

но вообще видим, что если, с одной стороны, заразивший его дух любоначалия кружит все головы, то с другой, дух праздности, поселивший в него весь ад скуки и нетерпения, распространяется далеко, и привычка к лениости укореняется тем сильнее, что рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого не ясно ли видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чает утвердить свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? Подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, щетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа, прославляет премудрость своего правления; новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство уничтожено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское. Нация тем не менее страждет, что не сам государь принялся ее терзать, а отдал на расхищение извергам, себе возлюбленным. Таковое положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и сам собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается.

Для отвращения таковой гибели государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властью, а именно, властью здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от бога и что достойна она благоговейного их повиновения: следственно, всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насилие, тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастья времена попустили, уступая силе, унижить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратит свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так

скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные; ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какую властью она его облакает. Возможно ль же, чтобы нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно.

Не стократно ли для нее лучше не иметь никаких законов, нежели иметь такой, который дает право государю делать всякие насильства? А потому и должен он быть всегда наполнен сею великою истиною, что он установлен для государя и что собственное его благо от счастья его подданных долженствует быть неразлучно.

Рассматривая отношения государя к подданным, первый вопрос представляется разуму, что же есть государь? Душа правимого им общества. Слабая душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, или вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на них, беспечно принимает гучу за гору, планету за точку: но буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама зажмурясь видеть и заткнув уши слышать, какой правильной разрешимости тогда ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не увлекает!

Государь, душа политического тела, равной судьбине подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое внушение, отвращает ли оный от всяких представлений, уже истина его не просвещает; но если он сам и не признает верховной ее власти над собою, тогда все отношения его к государству в источниках своих развращаются: пойдут различия между его благом и государственным; тотчас поселяется к нему ненависть; скоро сам он начинает бояться тех, которые его бояться, словом: вся власть его становится беззаконная; ибо не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех законов естественного правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение без сомнения во всей ясности, но просвещенный государь есть тем не больше человек. Он как человек рождается, как человек умирает и в течение своей жизни как человек погрешает: а потому и должно рассмотреть, какое есть свойство человеческого просвещения. Между первобытным его состоянием в естественной его дикости и между истинного просвещения расстояние толь велико, как от неизмеримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхождения на гору потребно человеку пространство целой жизни: но взошед на нее, если позволит он себе шагнуть чрез черту, разделяющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает его

падения, и он погружается опять в первобытное свое невежество. На самом пороге сей страшная пропасти стоит просвещенный государь. Стражи, не допускающие его падение, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей его, и, летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется никогда в истинном своем величестве; ибо свойство правоты таково, что самое ее никакие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание, поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят, — добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностью несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь пред глазами. Он должен знать, что государственным награждается одна заслуга государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям и что всякий налог, взыскиваемый не ради пользы государства, есть грабёж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред отечеством невинен и что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность его есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого не сделал. Всякое поущение — его вина; всякая жестокость — его вина; ибо он должен знать, что послабление пороку есть одобрение злодеяниям и что, с другой стороны, настрожайшее правосудие над слабостями людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К несчастью подданных, приходит иногда на государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худого человека, во втором бывает неминуемо худым государем. Чтобы избежать сих обеих крайностей, государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предаётся всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказывается его презрением. Кто

не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает государя почтенным; но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто бог создал миллионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым государем та ощутительная разница, что один заставляет себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждает себя боготворить, тот внутри души своей, видно, чувствует, что он человек. Напротив того, кроткий государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все его должности. Они твердят ему всечасно, что государь есть первый служитель государства; что преимущества его распространены нацию только для того, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякий другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может; ибо она дала ему все то, что он сам имсет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло и что, следовательно, желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властью. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь делать дурно. Право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присвоит. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдуманно в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинутся не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда бóльшая сила сгоняет ее с места. Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому, что я не в силах кому-нибудь сопротивляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо признано рассудком и которое, следовательно, производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Где же нет обязательства, там нет и права. Сам бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или, по крайней мере, не захотело бы никак пецись о нашем благе, когда чувствовали ли бы мы в душе обяза-

ность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между богом и нами было бы не что иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ли существу, рассудком одаренному? Нет; оно не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действовании. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железа, топоры. Совсем излишне входить в толки о разностях форм правления и разыскивать, где государь самовластнее и где ограниченнее. Тиранизм, где бы он ни был, есть тиранизм, и право народа спасать свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находится в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая политическая вольность нации. Тогда всякий волен будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно: а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей, чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имени, чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб, следовательно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим именем и преимуществами своего состояния.

Когда же свободный человек есть тот, который не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того раб деспота тот, который ни собою, ни своим именем располагать не может и который на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ее с правом собственности. Оно есть не что иное, как право пользоваться: но без вольности пользоваться что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права; ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законода-

тельств, найдем необходимо два главнейшие пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковую публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно, они и должны быть неслучайными.

Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей и состоящее, можно сказать, из двух только городов, из коих в одном живут люди большею частию по нужде, в другом большею частию по прихоти; государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потеряннем одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; государство, дающее чужим землям царей и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буйн, охраняющих безопасность царския особы; государство, где есть все политические людей состояния, но где ни которое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различается; государство, движимое вседневными и часто друг другу противоречущими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва; государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, должествующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честью, *дворянство*, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородных души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавором, поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления;

не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глупчайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустойчивости, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы. При таком соображении каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание. ¹

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именныя указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердца, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтобы наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие. Если же надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелью, сам сильно обманывается. Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким; ибо как люди порочны ни были б, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узлану есть необходимая судьбина государей, и достойный госу-

¹ Сего начертания не допустила Панина сочинить скоропостижная ему кончина. (Приписка на полях рукою П. И. Панина.)

дарь ее не устрашает. Первое его титло есть титло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узнан своею нацією, становится тотчас образцом ее. Почтение его к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устроит во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? а любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, спросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

Друг честных людей или Стародум

Периодическое сочинение, посвященное истине
1788 г.

Вот заглавие, под которым издаваться будет на сей 1788 год новое периодическое сочинение под надзором сочинителя комедии «Недоросль». Напрасно было бы предварять публику, какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны. Целый год состоять будет из двенадцати листов. Первые четыре получить будет можно в начале мая, вторые четыре в начале сентября, а последние четыре в начале будущего года.

Подписка на сие сочинение отворена у книгопродавца Клостермана на следующих кондициях:

Каждый экземпляр, то есть двенадцать листов, стоит будет один рубль пятьдесят копеек. Желающие подписаться благоволят внести сии деньги и взять билет, с которым в первых днях мая можно будет получить первые четыре листа и билет на достальные восемь листов, кои раздаваться будут в означенный срок непременно.

Сие сочинение хотя и готово, но прежде печатано не будет, как разве подпишутся на семьсот пятьдесят экземпляров до первого марта, после которого подписка продолжаться не будет. Но ежели до сего числа на помянутое количество экземпляров подписано не будет, то сие сочинение вовсе напечатано быть не может.

Переводы из сего периодического творения вовсе исключаются. Ни одно сочинение, где-нибудь напечатанное, в сей книге места иметь не может. Словом, все сочинения будут совсем новые, а разве знакомые, потому, что некоторые из них в публике ходят рукописные.

Имена подписавшихся при начале книги напечатаны будут, и все старания приложатся, чтобы удолествовать почтенную публику и со стороны типографской части.

ПИСЬМО К СТАРОДУМУ

С.-Петербург, января 1788.

Я должен признаться, что за успех комедии моей «Недоросль» одолжен я вашей особе. Из разговоров ваших с Правдиным, Милоном и Софьею составил я целые явления, кои публика и доньше

с удовольствием слушает; но как болезнь моя не позволяет мне упражняться в роде сочинений, кои требуют такого непрерывного внимания и размышления, каковыя потребны в театральных сочинениях; с другой же стороны, привычка упражняться в писании сделала сие упражнение для меня нуждою, то и решился я издавать периодическое творение, где разность материй не требует непрерывного внимания, а паче может служить мне забавою. Но чтоб быть мне вернее в успехе труда моего, я назвал его вашим именем и покорнейше вас прошу принять в нем искреннее участие, сообщая мне для помещения в сию книгу мысли ваши, кои своею важностию и нравоучением, без сомнения, российским читателям будут нравиться. Не страшусь я строгости цензуры, ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Век Екатерины Вторыя ознаменован дарованием россиянам свободы мысли и изъясняться. «Недоросль» мой, между прочим, служит тому доказательством, ибо назад тому лет за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и ныне особы, стремящиеся угнетать дарования и препятствующие выходить всему тому, что невежество и порок их обличает; но такое немощное злобы усилие, кроме смеха, ничего другого ныне произвести не может. Итак, я ласкаюсь, что вы, по ревности вашей к общему благу, не отречетесь вспомоществовать мне в моем предприятии сообщением мне всего того, что, как найдете вы, для честных людей, которых по справедливости называли вы себя другом, может быть приятно и полезно. Моя же благодарность к вам равняться будет тому душевному почтению с которым навсегда пребываю, и проч.

Сочинитель «Недоросля».

ОТВЕТ СТАРОДУМА

Москва, января 1788.

С удовольствием соглашаюсь принять участие в вашем периодическом сочинении. Я буду сообщать мысли мои по мере, как они мне в голову приходять будут. Красноречия от меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезные истины для того только, что мы, богу благодарение, живем в том веке, в котором честный человек может мысль свою сказать безбоязненно. Я сам жил большей частью тогда, когда каждый, слушав двоих так беседующих, как я говорил с Правдиным, бежал прочь от них стремглав, трепеща, чтоб не сделали его свидетелем вольных рассуждений о дворе и о дурных вельможах: но чтоб мой сей разговор приведен был в театральное сочинение, о том и помышлять было невозможно, ибо погибель сочинителя была бы награ-

дою за сочинение. Екатерина расторгла сии узы. Она, отверзая пути к просвещению, сняла с рук писателей оковы и позволила везде охотникам заводить вольные типографии, дабы умы имели повсюду способы выдавать в свет свои творения. Итак, российские писатели! Какое обширное поле предстоит вашим дарованиям! Если какая рабская душа, обитающая в теле знатного вельможи, устремится на вас от страха, чтоб не терпеть унижения от ваших обличений; если какой-нибудь бессовестный лихоимец дерзнет, подкапываясь под законы, простирать хищную руку на грабеж отечества и своих сограждан, то перо ваше может смело обличать их пред троном, пред отечеством, пред светом. Я думаю, что такая свобода писать, каковою пользуются ныне россияне, поставляет человека с дарованием, так сказать, стражем общего блага. В том государстве, где писатели наслаждаются дарованною нам свободою, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате с пером в руках быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества. Дабы обещание мое о принятии участия в вашем сочинении было не на словах, а на деле, сообщаю вам теперь же несколько писем с моими ответами. Вы можете поместить их в вашу книгу, если рассудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародум.

ПИСЬМО К СТАРОДУМУ ОТ ДЕДИЛОВСКОГО
ПОМЕЩИКА ДУРЫКИНА

Имея честь быть вашим соседом, прошу не прогневаться, что я, без всяких моих заслуг, утруждаю вас сим письмом. Я знаю, что вы в Москве много знакомцев имеете и любите людей ученых, а мои обстоятельства вот каковы:

Я имею шестерых детей: трех мужеского и столько ж женского пола. Для девочек переманили мы от соседа мадаму, которая за ними смотрит и за которою мы смотрим; она называется мадам Лудо, неизвестно какой нации. Большой мой сын, Фединька, по семнадцатому году, читать и писать умеет, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамоте. Митюшка — матушкин сыночек; с ним надобно обходиться нежно, ибо он слабого здоровья. Я хотел бы выписать из Москвы учителя, но только не немца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, если б вы сделали милость, посмотрели из университетских студентов, а кондиции мои при сем прилагаю, пребывая впрочем...

Дурыкин.

Кондиции для учителя дому Дурькина.

1. Учитель должен быть из русских, уметь по-французскому, по-немецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашнего обихода. Не худо, чтобы он знал и арифметику.

2. На год дам ему двести рублей, а он должен учить детей моих со всею кротостию.

3. Жить он будет у меня в доме; обедать с камердинером.

4. А как я, по милости божией, имею чин генеральский, будучи отставлен действительным статским советником, то я именно требую, чтоб он в разговорах со мною и с женою давал нам чаще титул превосходительства.

5. При гостях в наше присутствие он садиться не должен.

6. С мадамою Лудо отнюдь не амуриться, дабы не подать худого примера жене моей, а потом и дочерям.

7. При мне и при жене моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надевать; но из человеколюбия в зимнее время дозволяю накрываться, и то когда метель большая.

8. В сутки будет он получать по три бутылки русского пива домашнего варенья.

9. Не худо, если б он взял на себя вести мои приходные и расходные книги, а притом бы умел причесать и ребятам моим волосы, также и парик бы мой взял под свой присмотр.

10. Он должен исполнять все сие условие, под опасением, в противном случае, быть выгнату по шее из дому; ибо я признаюсь, что нрав у меня бешеный, да и будучи в генеральском чине, может быть, не могу воздержать себя противу студента, в службе моей находящегося, хотя бы он и офицерского был чина.

ОТВЕТ СТАРОДУМА ДУРЫКИНУ

Письмо ваше, государь мой, казал я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о приискании в дом ваш студента отвечал мне письменно. Вот и письмо его.

Стародум.

ПИСЬМО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОФЕССОРА
К СТАРОДУМУ

Я говорил некоторым нашим студентам о предлагаемом им месте в доме его превосходительства Дурькина. Охотники есть, но, правду сказать, большая часть ставят учительское звание

ниже себя, а хотят чинов; один, однакож, объявил мне свое желание быть учителем. Он из малороссии, называется господин Срамченко — филолог и философ, а иные уверяют, что и мартинист, но просит в год не меньше трехсот рублей, хотя живет по духу, а не по плоти. Знает по-французски, а больше по-латыни, арифметику до тройного правила; от стихов, однакож, просит увольнения; обещает воздавать его превосходительству должное почтение, но обедать с камердинером не соглашается. Предложение о чесании волос и о надзирании над его париком почитает себе обидою, ибо сие называет он рукоделием. Расходные и приходные книги вести не берется. От искушения касательно мадам Лудо всемерно остерегаться будет, почему и я подозреваю его мартинистом.

Представился мне еще молодой человек 22 лет; поучен изрядно. Я оставил его у себя обедать и нахожу, что жрет без милосердия. Он требует, кроме обеда и ужина, чтоб дан был ему добрый завтрак, а не меньше и полдник, также чтоб и предлагаемая порция пива была удвоена.

Господин Кераксин желает также быть учителем, просит 250 рублей в год. Он знает по-гречески, по-еврейски, но не знает по-русски, что, кажется, для детей его превосходительства и не нужно. Ныне, к сожалению, многие из русских дворян хотят детей своих учить по-русски; но, поистине, охота сия есть одна пустая затея; ибо сам г-н Дурыкин грамотою ли дослужился до титула превосходительства?

Цезуркин, ремеслом пиита, желает также иметь место у господина Дурыкина. Он обещает каждый раз для именин его превосходительства и каждого из чад его сводить в стихах своих всех богов с Олимпа, просит по копейке за стих, да к святкам кафтана с плеча его превосходительства, хотя довольно поношенного. Он весьма забавного нрава и шутит так умно, что в доме дурака не надо; ни на кого не сердится, разве только, кто стихи его похулит.

Красоткин, студент весьма щеголеватый, убирается как кукла, да и думает не иначе. Он с удовольствием берется причесывать волосы детям его превосходительства, умеет выводить из платья пятна и вырезать из бумаги разные фигуры. За одно только не ручаюсь, а именно, чтоб не завел он каких шашней с мадам Лудо или с ее превосходительством, ибо он и моей жене повернул голову.

ПИСЬМО ДУРЫКИНА К СТАРОДУМУ

Предлагаемые господином профессором в дом мой студенты кажутся мне все ребята достойные быть учителями у детей благородных, и для того я боюсь выбрать одного без обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтоб он всех сих

господ созвал к себе в дом и сделал род аукциона: кто возьмет дешевле, того я и беру, и с тем может он заключить контракт на шесть лет. Впрочем пребываю

Дурыкин.

ПИСЬМО К СТАРОДУМУ ОТ ПЛЕМЯННИЦЫ ЕГО СОФЬИ

С.-Петербурга, января 1788.

Я теперь нахожусь в самом лютом положении; прибегаю к вашему благо разумию; будьте, милостивый государь дядюшка, моим руководителем и подайте мне спасительный совет. Сколько по склонности, столько и следуя вашей воле, вышла я за Милона; несколько времени вела я с ним жизнь преблагополучную, но мы приехали в Петербург, где узнала я прямое несчастье: Милон мне неверен! Он влюблен, и в кого? В презрительную женщину, каковые наполняют здешние вольные маскарады и, будучи осыпаны бриллиантами, соблазняют молодых людей, не имеющих испытания, и довели здешнюю публику до того, что всякая порядочная женщина не может уже посещать сих собраний. Одна из сих нечестивых поймала в сети свои моего мужа, которого я обожаю. Сердце мое терзается день и ночь. Я ревную до безумия. Ум мой занят вымыслами об отмщении. Жизнь моя продолжиться не может, если я еще останусь в настоящем положении. Что мне делать, милостивый государь дядюшка? Не отрекитесь подать мне совет и вывести меня из бедствия. Я есмь и проч.

Софья Милонова.

ОТВЕТ СТАРОДУМА СОФЬЕ

Москва, января 1788.

С сердечным сожалением узнал я из письма твоего, в какую слабость поверг себя Милон. Он влюблен в презрительную женщину, а ты, моя Софьюшка, ревнуешь к сей твари! Я весьма знаю молодцов, подверженных такой слабости. Сии женщины, наполняющие ваши вольные маскарады, каковых число и у нас в Москве становится довольно велико, имеют особенное искусство ловить молодых людей в свои сети и вертеть им головы. Верь, однакож, Софьюшка, что и твоя голова не в лучшем состоянии. Ты сокрушаешься день и ночь, занимаешься отмщением. Остерегись, друг мой! Ты неблагоприятно поступаешь. Добродетель жены не в том состоит, чтоб быть на страже у своего мужа, а в том, чтоб быть соучастницею судьбы его, и добродетельная жена должна сносить терпеливо безумие мужа своего. Он ищет забавы в объятиях любовницы, но по

прошествии первого безумия будет он искать в жене своей прежнего друга. Паче всего не усугубляй одного зла другим, ни одного дурачества другим, сильнейшим. Огонь, которого не раздувают, сам скоро погаснет: вот подобие страстей. Сражаясь упорно с ними, пуще их раздражаешь: не примечай их, они сами укротятся.

Познай все свое неразумие. Муж твой старается скрыть от тебя обиду, которую тебе делает, а ты стараешься показать ему, что тебе она известна. Разве не чувствуешь ты, что срываешь завесу и что он не будет иметь причины воздерживаться и станет обижать тебя явно? Пожалуй, не основывай любви своей на его ласках, но на его честности. Знай, что честность есть душа супружеского согласия. Прелести забав повергают его на колени пред другою; но возвращаясь к тебе, ищет он и любит находить милого своего друга, разделяющего судьбу его; рассудок его влюблен в тебя, и только страсть одна влечет его в объятия твоей соперницы; но страсти скоротечны; насыщение следует за ними скоро; минута их воспламеняет, минута погашает.

Если мужчина не развращен вовсе, то к презрительной женщине долго привязан быть не может.

Скоро отстанет он от порочных забав, кои стоят всегда очень дорого. Муж твой не умедлит почувствовать, что он вредит сам себе, что разоряется и отваживается потерять свое доброе имя. Он имеет столько рассудка, что не пойдет упорно на свою погибель. Он познает всю опасность и почувствует необходимость возвратиться на путь добродетели; права супруги призовут его опять к ней. Тогда он познает прямую цену твою, не возможет вспомнить без стыда о прошедшем своем поведении; ты найдешь его в раскаянии и любви твоей достойным.

Паче всего, любезная Софья, оставь презрительным женщинам их уловки. Кротость, верность, старание о доме, горячность к детям, уважение к друзьям мужа своего—вот уловки честной женщины.

Стыдись показывать ревность свою к развратной. Одно благороднейшее поревнование тебя достойно. Не уступай в добродетели женам добродетельнейшим. Не питай злобы в сердце своем; будь всегда готова к примирению; благонравие одно делает неприятелей наших к нам благосклонными; благонравие одно делает женщину почтенною. Одно оно дает женам владычество над мужьями. Выбирай любое: или принудь мужа своего почитать тебя, или будь его рабою.

Ты имеешь способ упрекать его в дурном поведении; сей способ есть твоя добродетель. Ею пристыди его, ею принудь его просить у тебя прощения. Когда почувствует он всю свою несправедливость, когда увидит, что ты ее не заслуживаешь (и какая была бы для него потеря, если б ты любить его перестала!), тогда он больше

тебя любить станет. Обыкновенно цена здоровья ощущается после болезни; равномерно несогласия любящих делают примирение приятнейшим.

Но буде ты внимать мне не хочешь, то, пожалуй, продолжай безумную свою ревность. Рассудок мужа твоего болен; являй, что и твой не здоровее. Он отваживается потерять свое доброе имя, теряй и ты свое. Он разоряется, помогай ему в разорении, думая наказывать его, наказывай себя. Но нет, Софьюшка, не вдавайся ты в сии крайности. Скрывай страдания сердца твоего; терпи великодушно. Вот способ прекратить твое бедствие. Я никогда не перестану быть твоим искренним другом.

Стародум.

Р. S. Сегодня никаких советов не пишу я к Милону, дабы не подать ему подозрения, что ты мне на него жаловалась. Со временем я и к нему со всею искренностью писать буду.

ПИСЬМО ТАРАСА СКОТИНИНА К РОДНОЙ ЕГО СЕСТРЕ ГОСПОЖЕ ПРОСТАКОВОЙ

Матушка сестрица! я по отпуске сего письма жив, но в превеликом горе. Тебе не безызвестно, что в деревенской жизни свиной завод мой составляет главное мое удовольствие. На сих днях сделалось у меня несчастье; я чуть было не дошел до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую из почтения к покойной нашей родительнице (ты знаешь, что я всегда был сын почтительный) прозвал я ее именем, Аксинья, скончалась от заушницы. Сколько ни старался я об ее излечении, но вижу, что и свиные врачи не искуснее человеческих. Лечили несколько месяцев, денег перевели пропасть, а кончилось дело кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила беспорочно. Я между женщинами многих Аксиний знаю, но моя жила их целомудреннее. Как скоро мне сказали, что она трудна, с тех пор не выходил я из хлева до последнего ее издыхания. Она умирала геройски, не показывая никакого знака нетерпения. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать.

Сие несчастное приключение переменяло совсем нрав мой. Мне свет опостылел. Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться. Хочу прилепиться к нравоучению, то есть исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой. Всегдаш-

няя склонность моя влекла меня к строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости, а там пусть со мною будет, что будет. Я хочу, чтоб действие надо мною столь великой потери ощутили все те, кои от меня зависят. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, колыми паче несчастье, над людьми моими вымещаю, и если между твоими крепостными найдутся такие, коих нравы исправлять надобно моим манером, то присылай ко мне; а я на свою руку охулки не положу и всегда рад тебе доказывать, что я твой достойный брат

Тарас Скотинин.

ПИСЬМО СТАРОДУМА
К СОЧИНИТЕЛЮ «НЕДОРОСЛЯ»

Москва, февраля 1788.

На сих днях попались мне в руки ходящие здесь рукописные два сочинения: 1-е, «Всеобщая придворная грамматика»; и 2-е, «Письмо Взяткина к покойному его превосходительству, с ответом». Идея первого сочинения совсем новая, а второе обнаруживает бездельнические способы к угнетению бедных и беспомощных. Оба кажутся мне достойны быть помещены в творениях, посвященных истине. Для того я их при сем к вам сообщаю, пребывая и проч.

Стародум.

ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ ПО БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЕ
НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ВЗЯТКИНА, К ПОКОЙНОМУ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ***

Москва, 1777.

Милостивый государь и второй отец!

С крайним сердца нашего обрадованием, чему свидетель господь сердцевидец, услышал я с женою моею Улитой и с детьми нашими обоого пола, что ваше превосходительство, так сказать, из ничего, по единой божеской благодати, слепым случаем произведены в большой чин и посажены знатным судьей весьма в непродолжительное время и без всяких трудов, по единой милости создателя, из ничего всю вселенную создавшего. К стопам вашего превосходительства упавая, просим рабски не оставить нас по делам нашим, которым и реестрец маленький вкратце приложить возымел я дерзость, а при нем прилагаю вам, государю и отцу, сторублевую ассигнацию на первый случай, зная издревле благочестивую душу вашего превосходительства, пред которою *всяко даяние благо и всяк дар совершен.* Да и поистине, милостивый государь и отец, жизнь

наша краткая; не дозволяет пренебрегать такие благознаменитые случаи, в которые ваше превосходительство можете приобрести стяжания в роды родов. Теперь-то пришло время благополучия нашего: истцы и ответчики, правые и виноватые, богатые и *убозии*, все в руде вашего превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, несть греха и до нее от времени до времени прикасаться; ибо не ваше превосходительство, так другой, а казна никогда от рождения в целости не бывала, да и быть едва ли может, да и, видно, таков положен ей предел, *его же не преjde*. При толиких удобных благополучиях да не буду и я отриновен от благодати вашего превосходительства, и не возможно ли, милостивый государь и второй отец, перетащить меня из Москвы в С.-Петербург, хотя тем же чином, для прислуг вашему превосходительству; а когда соизволите усмотреть приращение интересов ваших моими усердными и беспорочными трудами в прискании известных случаев ради помянутого приращения, то и о произведении меня чином отеческое попечение возымеете. Да еще ж прошу вас, государя и отца, о сыне моем Митюшке, ежели возможно, взять его к себе хотя в копиисты, а его господь наградить благоволил, что он к приказным делам весьма сроден и уже под моим смотрением сочинил совсем нового рода сводное уложение, приискав на каждое дело по два указа, из коих по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается; так я и думаю, что из него прок будет и он удостоится отеческой вашей милости; на что и ожидаю вашего указа. Истинно, милостивый государь и отец! теперь ваше, а по вас и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжело будет, да когда в производствах своих соблаговолите ссылаться на законы, к чему и убогие Митюшкины труды могут пригодиться, то поневоле замолчат наши недоброхоты. Государь и отец! рассудите сами по чистой совести: буде челобитчик и ответчик ищут своей пользы в законах, то для чего же судье своей пользы не искать в законах? От таковой выключки обороны нас вышний; а я по конец жизни вечно и по гроб мой до последнего издыхания пребываю

вашего превосходительства, милостивого государя и отца, всепокорнейший слуга и раб, *Артемон Вязькин, к стопам повергаюсь*.

Краткий реестр для напоминания всеуниженнейшей просьбы надворного советника Вязькина, с означением цен, клятвенно обещаемых его превосходительству за милостивую протекцию и покровительство.

1. Имеется межевое дело бывшего воеводского товарища Антропа Шильникова с разными беззаступными помещиками. Вместо потребных документов, коих речешный Шильников нигде отыскать

не может, да заступит едино предстательство вашего превосходительства за 500 руб.

2. Ассессор Воров ищет места в дальних наместничествах, дабы слух о производствах его не достигал никогда до столицы. Человек он кроткий и славен во любит. Через полгода по привычки в его место не преминет он вашему превосходительству повергнуть чрез меня 500 руб.

Потом ежегодно, пока продлит бог века вашему превосходительству, по 1000 руб.

3. Вдова штаб-офицерша Беднякова, имеющая вексельное дело с купцом Плутягиным, потащилась в С.-Петербург искать правосудия. Не возможно ль, государь и отец, удостоить отеческим покровительством реченного Плутягина и, не допуская до подания челобитной, под каким ни есть предлогом выгнать из столицы реченную вдову Беднякову? За такое человеколюбивое благодеяние, которое в настоящем случайном благополучии ваше превосходительство всего удобнее показать можете, реченный купец подносит 500 руб.

4. Советник Криводушин, находящийся в известном наместничестве, просит сильного рекомендательного письмаца вашего превосходительства, дабы он употреблен был при рекрутских наборах; и если, как надеяться должно, будет он удостоен сей весьма важной для поправления дел его комиссии, то в каждый таковой благополучный и вожделенный год ваше превосходительство наверное благоволите считать от него по 1500 руб.

5. Находившийся при таможенных сборах ассессор Простофилиц, которого за весьма малое до казны прикосновение бросили от места, припадает к стопам вашего превосходительства и просит из единого человеколюбия приложить милосердное попечение об определении его к новому месту, с клятвенным обещанием, что он так мало до казны никогда не прикоснется и поставит себя в состоянии в непродолжительном времени достойно и праведно возблагодарить ваше превосходительство.

Наконец осмеливаюсь упомянуть вашему превосходительству и о моем страдальческом положении. До сих пор в здешнем правительстве не решено еще известное дело мое о бесчестии и увечьи по поводу данной мне, всенижайшему, сильной пощечины от его высокоблагородия г. майора Неспускалова. Помилуйте, государь и отец, не оставьте меня милостивою рекомендацією к здешнему начальству и испросите высокого его покровительства в скорейшем мне получении определенного по законам бесчестья и увечья как за сию, уже данную мне, пощечину, так генерально и за все могущие впредь со мной воспоследовать, дабы не при всякой новой оплеухе утруждать ваше превосходительство вновь о милостивом заступлении.

ОТВЕТ

Мой государь, Артемон Власьевич.

Много благодарствую за приятельское ваше писание с приложением известной бумажки и реестра, по которому я учинил следующее распоряжение:

На 1. Шильниково дело я давно знаю. Если б он попался к другому, то б, конечно, обвинен был; но как я крепостных документов никогда ни от кого не спрашиваю, а решу и заступаю по другим документам, каковых соперник его не представляет мне ни одного, а Шильников пятьсот, то сей последний может быть уверен, что все законы возопиют против его соперника; но не забудь, мой приятель, растолковать ему, что обещаемые пятьсот документов мне не послужат нисколько к убеждению секретаря. Для него потребна по крайней мере новая сотня документов. Он человек совести весьма деликатной и за безделицу души не покривит.

На 2. Воров мне самому был приятелем с ребячества. Прилагаю об нем рекомендательное письмо, в твердом уповании, что он свой расчет сделал и обещанное мне верно доставлять станет. А ты, мой приятель, уверь его, чтоб он никаких жалоб не опасался; пока я боярин, он, Воров, и вся его родня будет вести житие благоденственное.

На 3. О Бедняковой дал я сегодня же приказ моему канцелярису, чтоб он при въезде ее в город закричал на нее: *караул!* в Ямской! под предлогом якобы некоего тяжёбного дела; следственно, будет она проведена прямо в государеву квартиру; а как, по новости ее в городе, она порук по себе не найдет, да я и не допущу, то может она сидеть в тюрьме до тех пор, пока согласится, не заезжая никуда, отправиться во-свояси. Будь уверен, мой приятель, что пока я боярин, по тех пор для всех Бедняковых Петербург будет тюрьма, а тюрьма Петербург.

На 4. Рекомендательное письмо к NN об употреблении советника Криводушина к рекрутским наборам охотно при сем прилагаю; а притом прошу внушить ему якобы от себя, чтоб он не сильно налегал на помещичьих, а прижимал бы плотнее тех, за которых некому вступиться. Сего последнего правила держусь я и сам в знатном моем состоянии, кольми паче маленький человек наблюдать оное должен.

На 5. Ассессор Простофилин сам виноват, для чего потерял место. Я его за простоту любил, и, как теперь помню, накануне допроса, учиненного ему о казенной краже, я призывал его к себе и сколько раз, увещевая дружески, говорил ему: «Дй, отопрись, отопрись!» — Нет, сударь, таки признался, повинился; вот за то и топчи теперь площадь. Скажи ему однако, что я об нем стараюсь; но что если он еще раз украдет мало, то навсегда от него отступлюсь.

При сем же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебе, приятелю моему, пощечины. Будучи в малых чинах, я и сам пользовался безумною горячностью челобитчиков, и с таким успехом, что поистине целый годовой оклад мой выбирал иногда на одних оплеухах. Но с тех пор, как я сделался боярином, сия ветвь моих доходов совершенно истребилась. Когда я, будучи в маленьких чинах, обращался с мелким дворянством, бывало, за всякую безделицу: выдеру ль лист из дела, почищу ль да приправлю, того и смотрю, что обиженный мною, без дальних извинений, плёт меня по роже. Но в настоящем положении, что ни творю, никто не дерзает меня в очи избранить, не только заушить. Истинно, мой достойный приятель, жалко видеть, как в большом свете души мелки и робки!

Учиня тебе, мой государь и нелицемерный приятель, ответ на твое дружеское писание, прилагаю при сем вкратце тебе наставление, или краткую инструкцию, какие в настоящем моем положении потребны мне твои приятельские услуги:

1. В откровенности тебе скажу, моему государю, что здесь слово *откуп* в крайнем презрении и поношении и называется *монополия*. Мое мнение то, чтоб сего слова никогда не употреблять, а все откупать, что возможно; ибо иногда одну вещь под разными именами не распознают вовсе. Я положил откуп называть *законтрактованием* и прошу тебя прискаты в Москве из старых откупщиков к новому законтрактованию каких вещей они сами пожелают, лишь бы меня самого взяли в половину, дабы я имел причину дать им надлежащую протекцию и покровительство.

ПИСЬМО ОТ СТАРОДУМА

Москва, февраля 1733.

Мне случилось на сих днях быть в здешнем обществе, довольно многочисленном, а особливо дам было великое множество. В одной комнате был разведен камин, около которого стояли человек пять, шесть молодых людей. Они, невзирая на присутствие сидевших в той же комнате знатных и старившихся в делах государственных особ, разговаривали между собою непристойно громко и со всею невежескою дерзостью. Я поразведал, кто они таковы. Мне сказано было, что они молодые писатели. Я подошел к ним поближе послушать их беседы и нашел, что беседовали они о литературе. Мнения свои сказывали за решения, никакому пересуду не подверженные. Один из них весьма язвительно пшынял над творениями первых наших писателей и изъяснялся, что он сам упражняется в стихотворстве, но во фран-

пузском, а не в российском; «ибо, — сказал он с насмешкою, — я боюсь войти в соперничество с великими людьми». Молодой человек, с нетерпением насмешки его слушавший, отвечал ему: «Вы напрасно боитесь войти в соперничество с нашими великими людьми; французское ваше красноречие доказывает, какой бы вы писатель были и по-русски. Россия имеет ораторов, над которыми шутить не позволяется», — «Я думаю, — отвечал французский стихотворец, — что Россия красноречия вовсе не имеет; ибо если собрать все русские красноречивые творения, то книга выйдет не весьма огромная». После сих слов разговор стал у них гораздо горячее и показывал, что беседующие молодые писатели знание имели весьма малое, а воспитания никакого.

Возвратясь домой, подумал я о сей беседе, и как нельзя не признаться, что наши витийственные сочинения составили бы весьма маленькую книжку, то размышляя я, отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пусто хвалю, но претурою, архонциями и консульствами награждается. Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тириянина; а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны; по крайней мере церковное наше красноречие доказывает, что россияне при равных случаях никакой нации не уступают. Пресвященные наши митрополиты: Гавриил, Самуил, Платон, суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разные мнения и голоса Елагина, составленные по долгу звания его, довольно доказывают, какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих.

Но между неисчислимыми благами, коими Россия благодетельствована от Екатерины Вторья, должно считать и установление Российской Академии. Сие установление, конечно, много спешествовать будет к образованию и обогащению российского слова. Слышу я, что Академия упражняется в составлении российского лексикона и грамматики. Без сомнения, сей труд будет весьма полезен; но, кажется мне, как Академия сим занимается, может она, под покровительством председательствующей в ней толь знаменитой просвещенным своим разумом особы, дать упражнение и тем российским писателям, кои не суть члены Академии. Она может, по примеру подобных в Европе установлений, задавать

ежегодно материи к витийственным сочинениям, награждая победителя в красноречии и возбуждая тем соревнование между писателями. Россия имела между государями своими великих благодетелей, кои достойны благодарности. Имела она также и между сынами своими истинных отечестволюбцев, которых дела достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и материи нравоучительные, словом, упражнять писателей во всех родах сочинений и тем возвращать российского слова богатство, красоту и силу. Я есмь и проч.

Стародум.

РАЗГОВОР У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ

(Письмо от Стародума)

Москва, февраля 1788.

Сегодня был у меня один из моих приятелей, который сказывал мне, что вчера он зван был обедать к княгине Халдиной, но приехал к ней так рано, что она еще одевалась и его принять не могла; почему введен был в комнату подле уборной ее, так что мог слышать все ее разговоры. Она много шумела с своею девушкою о нарядах; потом взглянула в окошко и, увидев, что подъехали к крыльцу санки: «Это санки Сорванцова, — сказала княгиня с веселым видом. — Пусти его сюда», — говорила она девушке своей. Чрез минуту приятель мой увидел вошедшего к княгине мужчину в наместническом мундире. Княгиня, в веселом духе привстав: «А! Сорванцов, голубчик! здравствуй, — сказала ему, — садись возле меня. Откуда?»

С о р в а н ц о в. Из присутствия, княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я там так заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дело; всю эту пропашть мололи при мне; а как законом не запрещено судье спать, когда и где захочет, то я, сидя за судейским столом, предпочел лучше во сне видеть бред, нежели наяву слышать вздор.

К н я г и н я. Не понимаю, как ты мог с твоим любезным характером сделаться судьей! Знаешь ли что? Пока я за туалетом, расскажи мне всю историю. Девка! румяны.

С о р в а н ц о в. Она коротехонька. Я нарисую вам всю картину моей жизни, прежде нежели вы полщеки разрисовать успеете. Мне уже за тридцать лет. Первые восемнадцать, сидя дома, служил я отечеству гвардии унтер-офицером. Покойник батюшка и покойница матушка выхаживали мне ежегодно паспорт для продолжения наук, которых я, слава богу, никогда не начинал. Как теперь помню, что просительное письмо в Петербург о паспорте посылали они обыкновенно по ямской почте, потому что при письме следовала посылка с куском штофа, адресованного на имя не знаю какой-то

тетки полкового секретаря. Как бы то ни было, я не знал, не ведал, как вдруг очутился в отставке капитаном. С тех пор жил я в Москве благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался один господином трех тысяч душ. Недели две спустя после их кончины жестокоё несчастье лишило меня вдруг тысячи душ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастье?

Сорванцов. Несчастье, которому, я думаю, в свете примера не бывало и не будет. Полтора ста карт убили у меня в один вечер, из которых девяносто семь загнуты были *сетелёва*.

Княгиня. Ах! это слышать страшно!

Сорванцов. После этого несчастья хватился я за разум: перестал ставить большие куши, и маленькими в полгода переставил я еще пятьсот душ в Кашире.

Княгиня. Как! ты проиграл и Каширскую, где лежат твои родители?

Сорванцов. Я им тут лежать не помешал, княгиня! Сверх того, не из подлой корысти продал я деревню, где погребены мои родители. За то, что тела их тут опочивают, мне ни полушки не прибавили.

Княгиня. Так и подлинно, ты пред ними чист в своей совести.

Сорванцов. И так, с полутора тысячью душами принялся я за экономию: вошел в коммерцию; стал продавать людей на службу отечеству, стал заводить в подмосковной псовую охоту, стал покупать бегунов, чтоб сделать себе в Москве некоторую репутацию. Ямской цуг был у меня по Москве из первых; как вдруг поражен я был лютейшим ударом, какой только в жизни мог приключиться моему честолюбию.

Княгиня. Ах, боже мой! Какое это новое несчастье?

Сорванцов. Я не ведал, как вдруг из моего цуга выпрягли четверню и велели ездить на паре. Этот удар так меня сразил, что я тотчас ускакал в деревню и жил там долго как человек отчаянный. Наконец очнулся. Я дворянин, сказал я сам себе, и не создан терпеть унижения. Я решился или умереть, или попрежнему ездить шестеркой.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! вот как вам всем думать надобно!

Сорванцов. Я кинулся в Петербург, где через шесть недель преобразили меня в надворные советники. Я странный человек! Чтоб найти, чего ищю, ничего не пожалею. Следствием этого образа мыслей было то, что меньше нежели через год из надворных советников перебросили меня в коллежские. Теперь я накануне быть статским, а назавтра этого челобитную в отставку, да и в Москву, в которой, первые визиты сделав шестернею, докажу публике, что я умел удовлетворить честолюбию.

Княгиня. О, если бы все дворяне мыслили так благородно, и лошадям было бы гораздо легче! Ты сделал полезное дело и себе и ближайшим. Твой поступок, мой милый Сорванцов, содержит в себе чистое нравоучение.

Сорванцов. Я столько счастлив, что нашел себе подражателей. Я моим примером открыл ту истину, что чин заслуженный ничем не лучше чина купленного.

Княгиня. Не прогневайся, голубчик! Сия истина не весьма новая, ибо не ты первый купил себе право впрягать шесть лошадей. Я сама имела жениха обер-офицера, но не позволила ему о браке нашем и думать, пока не будет он иметь право возить меня четвернею. Покойный мой князь принужден был согласиться на мое требование.

Сорванцов. Я удивляюсь, княгиня, как могла ты ограничить свое честолюбие только четвернею! Ты бы могла предписать жениху спискание права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцов, голубчик! твое честолюбие вышло из меры. Ты хотел из капитанов быть вдруг бригадирского чина. Я недавно читала римскую историю и нахожу, что твое честолюбие есть катилининское. Берегись, Сорванцов, чтобы и тебя не постиг какой-нибудь бедственный конец!

Сорванцов. Я откроюся тебе, княгиня, что каждую почту из Петербурга с трепетом писем ожидаю. Судьи, мои товарищи, решили одно дело, или, лучше сказать, смошенничали. Обиженный нашел в Петербурге покровительство, и сказывают, что всем нам беда будет.

Княгиня. Да ты неужели заодно был с бессовестными судьями?

Сорванцов. Нет, княгиня. Я согласился с ними для того, что не понимал дела, и мне пристойнее казалось им не противоречить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имеешь разум, Сорванцов. Я не постигаю, какого бы дела ты понять не мог.

Сорванцов. Оно писано было таким темным слогом, что без проницания чрезъестественного понять его никак не возможно.

Княгиня. А прогос! (*К своей девушке.*) Ты мне анонсировала г-на Здравомысла; где ж он?

Девка (*указывая на другую комнату*). Вот здесь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда. (*Здравомысл входит.*) Извините меня, сударь, что глупость людей моих заставила вас сидеть в скуке. (*К девке.*) Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться.

Девка. Да ведь стыдно, ваше сиятельство.

Княгиня. Глупа, радость! Я столько свет знаю, что мне стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомысл. Я, вошед сюда, помешал вашему разговору, который, сколько я приметил, был довольно серьезен.

Княгиня. Если позволите, мы разговор наш продолжать станем и просим вас не скрывать от нас ваших мыслей. (*Сорванцову.*) Продолжай.

Сорванцов. Поверьте мне, княгиня, что многие дела незаконно решаются сколько от бессовестности судей, столько и от бестолковости, с которою предложено дело.

Здравомысл. Не всегда судьи не понимают дела для того, что оно предложено не ясно; весьма часто не понимают для того, что не сделали привычки к делам и не приобрели способности к вниманию. Сия способность приобретается учением и чтением; но сколько у нас людей, которые порядочно учились и имеют навык понимать читаемое? Я не требую судей ученых, но, мне кажется, судья должен быть неотменно просвещен и уметь грамоте, то есть знать по крайней мере правописание, чему, я сам видел, не многие у нас умеют; хотя и то правда, что запятая, не в своем месте поставленная, иногда переменяет существо самого дела и, следовательно, заставляет судей решить неправильно.

Сорванцов. Но разве всему этому пособить не можно? Разве нельзя завести добрых судей, которые бы имели и знание и дарование понять дело?

Здравомысл. Мы видим, что у нас об этом и помышляют. Когда в российских городах заводят университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных. Я хотел бы только, чтобы в университетах наших преподавалась особенно *политическая наука.*

Сорванцов. Что вы чрез сию науку разумеете?

Здравомысл. Разумею науку, научающую нас правилам благочиния; науку коммерческую и науку о государственных доходах. Я хотел бы, чтоб у нас по сим предметам сочинены были на каждую часть особенные книжки, по коим бы преподавалась в университетах политическая наука. Сим способом будет Россия иметь во всех частях гражданской службы людей годных и просвещенных. Я о сем размышлял довольно, но боюсь здесь распространиться, дабы не наскучить сим вам и тем, кои разговор наш читать будут.

Сорванцов. Я хотя и могу показаться вам головорезом, однако верьте мне, что я хотел бы сию минуту пойти учеником в тот университет, где мог бы сделаться годным к службе, и, откуда вышед, знал бы я, что получу место не то, где есть только вакансия, но то, для которого я учился и к которому способен.

Здравомысл. Если бы я знал, что моя идея о заведении в университетах класса политической науки найдена была полезною

и угодно, я охотно составил бы мое мнение, как к сему приступить удобнее. Находясь в чужих краях, я видел сам таковой класс; имею книжки, по коим политическая наука преподается, и говорил с теми людьми, кои преподают сию науку, но признаюсь вам, что без особенного побуждения боюсь вместо удовольствия нажить каких-нибудь неприятностей от тех людей, кои, сами пресмыкаясь в невежестве, думают, что для дел ничему учиться не надобно.

Сорванцов. Я слышал пословицу: не учась, в попы не ставят.

Здравомысл. С тех пор как стали следовать сей пословице, попы наши очевидно стали лучше и просвещеннее, и сия часть граждан управляет свою должность гораздо порядочнее. Я совершенно уверен, что если б взято было за правило: *не учась, в судьи не определять*, то бы между судьями невежество было гораздо реже.

Сорванцов. Я по себе чувствую, что без просвещения человек есть сожаления достойная тварь.

Здравомысл. Но разве нельзя унять грабителей и завести добрых адвокатов?

Сорванцов. Сие не невозможно, но трудно и требует большого времени.

Здравомысл. По крайней мере неужели нет средства пресечь взятки?

Сорванцов. Мудрено, сударь; ибо сверх того, что, кажется, сама природа одарила всякого судью взятколюбною душою, многие из них с честными правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честного человека. Он дворянин, имеет родню и знакомства, то есть живет в обществе, имеет детей, требующих воспитания; но нет у него, кроме жалованья, других доходов; а жалованья получает только 450 руб. Скажите мне ради бога: как он может содержать жену, детей и дом такую малою суммою и в такое время, когда нужнейшие для жизни вещи взошли до цены невероятной? Хотя бы и не хотел, неволею должен сделаться взяткобрателем. Ведь не все судьи таковы, как паш г-н Бескорыст. Он взятки никогда ни с кого не берет, можно сказать, умирает с голоду. Я скажу о себе: я имею достаток, и если смошенничать, то заслужу без всякой пощады виселицу, равно как и все те ее всеконечно заслужили, кои, награбя богатства, не отстают от своего промысла и продают публично правосудие.

Княгиня. Но ты, любезный Сорванцов, имеешь природный ум. Ты ужасть как в обществе ловок!

Сорванцов. К несчастью, мне не дано было воспитания. Родители мои имели о сем слове неправильное понятие. Они внутренно были уверены, что давали мне хорошее воспитание, когда

кормили меня белым хлебом, никогда не давая черного; словом, через *воспитание* разумели они одно *питание*. Учить меня ничему не помышляли, и природный мой ум не получал никакого просвещения. По-французски выучился я случайно. Г-жа Липемера, моя внучатная тетушка, вздумала детей своих учить по-французски. Тогда приехал в Москву из Петербурга француз, живший до того в Америке. Сей француз назывался, как теперь помню, шевалье Какаду. Тетушка моя получила к нему симпатию и приняла его в свой дом в наставники своим детям. Она взяла от родителей моих и меня учиться вместе с детьми своими. Я думаю, что не лишнее сделаю, если опишу вам характер моей тетушки и ее фаворита, а нашего наставника.

Тетушка моя выдавала себя в свете за чадолюбивую мать и верную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотрим, такова ли она была в самом деле.

В учреждении комнат первое внимание обращает она всегда на то, чтоб детская была гораздо далее от ее спальни; ибо крик малолетних детей ей нестерпим, хотя она нимало не скучает лаяньем трех болонских собачонок и болтаньем сороки, коих держит непременно подле себя. Вот доказательство ее чадолюбия!

Никакой слабости женщинам не прощает; но последний сын ее как две капли воды походит на шевалье Какаду. Вот ее супружеская верность!

К н я г и н я. Сорванцов! у тебя язык злоречивый. Я тебе скажу о себе. Никто из детей моих на отца не походит, а походят на тех друзей, кои к нам вседневно ходили; по крайней мере мне отдадут ту справедливость, что друзья княгини Халдиной были не иные, как друзья мужа ее.

С о р в а н ц о в. На стол тратит очень много, а есть нечего. Дети ходят оборванные и почти босые. Добрая хозяйка!

В церкви никогда шикто ее не видит, но ни одного клуба, ни спектакля не пропускает. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, француз пустоголовый, из побродяг самая негодница, учил нас по-французски, то есть дал нам выучить наизусть несколько вокабулов и начал с нами болтать по-французски. Грамматике нас не учил, считая, что она педанство.

К н я г и н я. С этой стороны он не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматике не училась, а изъясняюсь по-французски изряднёхонько. Скажи мне, какие правила и чувства вселял в вас шевалье?

С о р в а н ц о в. Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому. Сей образ наставления есть обыкновенная система большей части чужестранных учителей. Шевалье наш был надменен, хвастлив и неблагодарен. Надменность его состояла в том, что он хозяев и слуг за людей не считал. По его словам, он знал все науки, кото-

рые и нам показать обещал. Особливо в телесных экзерцициях ¹ выдавал себя за мастера. Сии телесные экзерциции, которым и нас он обучал, состояли в том, что заставлял он нас распускать золото.

Княгиня. А в чтении упражнялись ли вы когда?

Сорванцов. Никогда; да я думаю, что наш шевалье и сам не умел грамоте; ибо я его ни за книгой, ни с пером в руках никогда не видывал. Позволь, княгиня, докончить характер бывшего моего учителя. Он приехал в Москву в самой нищенской бедности. Тетка моя накупила ему белья и взяла в свой дом, обеспечила его во всем нужном. В благодарность за то, когда у нас бывали гости, не пропускал он случая дерзким своим поведением показывать всем, в какой связи находится он с хозяйкою. Вот, княгиня, как провел я первую мою молодость! Вошел в свет, имел я несчастье попасть на весьма худое общество, где меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я в Москве с одним молодым человеком, который имел просвещение и хорошее поведение. Он приучил меня к чтению книг и открыл мне, в каком невежестве я пресмыкаюсь. Рассудок, который природа мне даровала, родил во мне охоту выкарабкаться из кучи тех презрительных невежд, кои ни богу, ни людям не годятся. Я не скажу, чтоб сие мое старание имело успех совершенный. Недостатки воспитания моего часто наружу выказываются. По крайней мере не ставлю я моего невежества, подобно многим, себе в достоинство и за перемену моих мыслей почитаю себя вечно обязанным тому молодому почтенному человеку, который наставил меня на стезю правую.

Княгиня. И мое воспитание было одно питание. Лучшую мою молодость провела я в Москве и такая была пречудная, что многие матери запрещали дочерям своим иметь со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чем поведение мое было нескромнее, тем была я славнее. Я не имела никого, кто бы меня остеречь мог и чьи советы умерили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я до сего дня.

Здравомысл. То есть с вашим сиятельством сбудется пословица: *каков человек в колыбельку, таков и в могилку.*

Вот вам весь разговор, так, как я имею его от приятеля моего Здравомысла. Вы можете поместить его в ваше периодическое творение. Характеры княгини и Сорванцова, кажется, списаны с натуры, и идея Здравомысла о заведении класса политической науки достойна того, чтоб не оставить ее без внимания. Я емь и проч.

Стародум.

¹ Упражнениях.

НАСТАВЛЕНИЕ ДЯДИ СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ

«Философы и нравоучители исписали многие стопы бумаги о науке жить счастливо; но видно, что они прямого пути к счастью не знали, ибо сами жили почти в бедности, то есть несчастно. Правда, что некоторые из них нажили великие богатства, но они в жизни своей поступали совсем иначе, нежели писали. И кто знает, не с умыслу ли они преподавали людям ложные правила к счастью, дабы одним им пользоваться философским камнем.

Я почитаю за долг дяди остеречь тебя, мой любезный племянник, от сих нравоучительных вралей и преподать тебе тот способ достигь до счастья, которым я сам столь благополучен. «Будь добросердечен, благотворителен и трудолюбив», — говорил мне, умирая, мой покойный родитель. Я и был чистосердечен: говорил правду, обличал порок и невежество, хвалил угнетенное достоинство, имел твердость говорить иногда истину и большим боярам. Был я также и благотворителен: малое имение мое охотно разделял с неимущими; иногда за бедных ручался, когда сам помочь не мог. А дабы последние пункты завещания родительского исполнить, прилепился я к учению и приобрел по возможности некоторые знания, уповая, что они мне в свете пригодятся. Но, к крайнему сожалению, скоро усмотрел я, что худо разумел моего родителя или что он не знал большого света.

Чистосердечие мое произвело на меня великие гонения; им нажил я многих неприятелей. Благотворение довело меня в долги, а знания мои возбудили ко мне зависть и ненависть одного знатного невежды, который просвещение считал вредным для государства. Жестокая болезнь открыла мне, наконец, глаза, и я увидел неразумие моей системы. Все меня оставили. Неожиданная помощь одной человеколюбивой особы извлекла меня, так сказать, из челюстей смерти. Неприятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатные особы, кои увеселялись забавным моим нравом, когда я был здоров, находили, может быть, настоящее положение мое забавным, ибо они оставили меня без всякой помощи. Как скоро стало мне легче — «перемени свою систему», сказал я сам себе. И как всякий человек охотно из одной крайности в другую переходит, то решился я делать совсем противное тому, что прежде делал: что бранил, то стал хвалить; всякий знатный человек находил во мне защитника своему жестокосердию или глупости. С самого утра бегал я по передним знатных господ и не стыдился трусить даже и перед их камердинерами. Если кому дадут ленту или знатный чин, то у меня через полчаса поспевала ода, которую тем больше хвалили, чем меньше было в ней смысла. Дамы тем более мною были довольны, чем бесстыднее выхвалял я красоту их и душевное достоинство. «C'est un bon diable»,¹ —

¹ Он слапный, малый.

говорили обо мне знатные. «Он отнюдь не так опасен, как мы его считали», — говорили обо мне те, кои прежде пера моего боялись. «Il a beaucoup d'esprit»,¹ — отзывались обо мне дамы.

Как скоро слух о перемене системы моей по городу распространился, то решился я итти на поклон к тому самому знатному невежде, который прежде был моим гонителем. Он предложил мне в отдаленной стороне место, к которому не имел я ни малейшей способности. Я ему признался в том. «Привыкнешь, друг мой, — отвечал он мне, — лишь будь скромн и не пиши стихов, которых я терпеть не могу. Станем жить дружно; старайся, чтоб я был тобою доволен, а я о тебе буду иметь попечение». Скоро я был определен к месту моему, и, невзирая на мое невежество, все удивлялись моему знанию и способности, что и не чудно, ибо предместник мой, по общему признанию, был во сто раз меня глупее и неспособнее. Льстивые похвалы мои, которыми бесстыдно осыпал я моих начальников, приобрели мне скоро их доверенность. Они избрали меня к произведению в действо некоторого нового проекта *относительно до необходимой в жизни потребности*.

Я взял в свои советодатели нашего секретаря и с помощью его нажил в полгода около пяти тысяч рублей, с которыми приехал в столицу. На другой дець по прибытти моем поднес я две тысячи рублей супруге нового моего покровителя, а прежнего гонителя. Мои две тысячи рублей произвели весьма полезное для меня действие. Покровитель мой расхвалил мое в делах знание и обещал мне свою милость.

В сие самое время один любимец знатного господина хотел выдать замуж свою любовницу, которая была на его содержании. Супруга прежнего моего гонителя, моя новая покровительница, в благодарность за мои две тысячи рублей вздумала сватать меня на сей честной девушке и обещала мне в столице весьма выгодное место. Наблюдая новую мою систему, я согласился на сие предложение. Свадьба моя была великолепна. Благодетель жены моей сыграл ее на своем иждивении. А как молодая моя супруга была набитая дура, но превеликая красавица, то прежний друг ее не отменил к ней своей дружбы, и у меня исподволь народилось детей великое множество. Весьма выгодно иметь жену красавицу, ибо все знатные друзья так горячо пеклись о моем счастье, как надлежит добрым свойственникам. Все мои неприятели исчезли; достаток мой умножался так, как будто бы было над домом моим благословение божие. Я стал жить гораздо шире, давать обеды, балы и концерты; но звал только тех, от кого надеялся быть награжден щедро, так что пир, который стоил пятьсот рублей, приносил мне тысячи две. Скоро купил я каменный дом, а между тем все жало-

¹ Он очень остроумен.

вался на долги, и хотя жаловано мне было довольно награждений, но я разглашал себя в долгу неоплатном. Не довольно того, любезный племянник, что я оставил чистосердечие, но отучил себя и от добросердечия.

Сначала стоило мне труда слышать стон бедных с хладнокровием; но, поверь мне, сердце богатого человека скоро каменеет. Теперь я думаю, что мягкосердечный человек весьма богат быть не может.

Наконец я так привык к нечувствительности, что ниже помышлял о бедных людях. С книгами моими, составлявшими мое главное удовольствие, я совсем расстался.

Я потерял приятность в обхождении, вкус к хорошим вещам, и душа моя унизилась; но сие унижение души помогло к моему возвышению. Начальники мои, имевшие подлые душонки, рады были иметь меня подчиненным. Ты видишь, любезный племянник, что пути к богатству, то есть к счастью, гораздо короче и глаже, нежели как болтают о том нравоучащие врали. Но буде ты в оном сомневаешься, то рассмотри своих сограждан и ты найдешь, что большая часть из них одолжена за свое богатство и знатность своему лицемерию, жестокосердию, невежеству и женам».

Я сожалею (и каждый читатель, без сомнения, со мною сожалеть будет), что во всем сродническом наставлении нет следа доброты, в которой земле жил сей богатомыслящий дядя; надобно, однакож, думать, что не между нами: ибо где у нас люди, кои бы наживались при исполнении полезного установления относительно до первых потребностей в жизни? Богачей жестокосердных и глупых красавиц у нас также вовсе нет, как меня уверяют.

«Ты, мой любезный племянник, — продолжал дядя свое наставление, — должен видеть, как я старость мою теперь доживаю и приближаюсь к концу. Как скоро я обогатился и стал жить порядочно домом, то начал чувствовать глас совести. Видя жену мою в беспутстве, должен я, по системе моей, терпеть все ее беспорядки. Я не мог сам от себя скрыть, что все добрые люди считают меня бездельником. Богатый мой дом стал для меня адом, и я, казалось, слышу стон бедных, коих я разорил злодейски. Наконец на прошлой неделе был я на зрелище, которое вечно не выйдет из моей головы. Приятель мой Воров, умирая, призвал меня к себе. Я был свидетелем, как мерзкая душа его выходила из скаредного тела. Тут узнал я справедливость сих слов: *смерть грешников люта*. Он в постеле своей терзался душевно гораздо сильнее, нежели иной вор страждет на площади. По исходе души его на всех лицах видно было удовольствие, смешанное с презрением к покойнику.

Чувствуя, что и мне умирать будет должно так же мучительно, переменил я опять свою систему и, слушая гласа совести, сколько можно удовлетворяю тех, кои от меня терпели; а тебя, любезный племянник, прошу, будь чистосердечен, но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителен, но не расстраивай своего состояния. Будь трудолюбив и прилепляйся к учению, но не возмечтай о своей мудрости. Вот все то, чем я оканчиваю мое наставление».

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

Беззакония моя аз познах
и греха моего не покрых.

ВСТУПЛЕНИЕ

Славный французский писатель Жан-Жак Руссо издал в свет «Признания», в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества; словом, написал он исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так не будет и подражателей.

Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей его истине природы, изобразив одного себя. Вот какой подвиг имел Руссо в своих признаниях.

Но я, приближаясь к пятидесяти летам жизни моей, прешед, следственно, половнну жизненного поприща и одержим будучи трудною болезнью, нахожу, что едва ли мне остается время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззакония моя аз возвецу*. Нет намерения моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращение свое: *господи! не уклони сердца моего в словеса лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юзисе вселил еси в душу мою*.

Но как апостол глаголет: *исповедуйте збо друг другу прегрешения*, разумеется, ваши, а не чужие, то я почитаю за долг не открывать имени тех, кои были орудием греха и порока моего, ниже имен тех, кои приводили меня в развращение; напротив того, со слезами благодарности воспомяну имена тех, кои мне благодетельствовали, кои сохранили ко мне долговременное дружество, кои имели в болезнь мою обо мне сострадание и кои, наконец, наставлением и советом своим совращали меня с пути грешнича и ставили на путь праведен.

Не утаивая ничего из содеянного мною зла, скажу без прибавки и все то, что сделал я следуя гласу совести. И если между множеством согрешений случилось мне в жизни сотворить нечто благое, то признаю и исповедую, что сие не от меня происходило, но от самого бога, вся благая нам дарующего: тому единому восписую

благие дела мои, ему единому за них благодарю и его молю, да ми в сем благом утвердит до конца жизни.

Сие испытание моей совести разделяю я на четыре книги. Первая содержать будет мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возраст и четвертая приближающуюся старость.

Прежде, нежели начну я мое повествование, необходимо надобно описать свойства тех моих ближних, к коим я в течение жизни моей имел более отношения. Да не причтется мне в пристрастие, ежели я, говоря правду, скажу нечто похвальное о ближних моих: ибо я в справедливости моей ссылаюсь на тех, кои их знали.

Отец мой был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением. По крайней мере читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг. Он был человек добродетельный и истинный христианин, любил правду и так не терпел лжи, что всегда краснел, когда кто лгать при нем не устыжался. В передних тогдашних знатных вельмож никто его не видывал, но он не пропуская ни одного праздника, чтоб не быть с почтением у своих начальников. Пенавидел лихоимства и, быв в таких местах, где люди наживаются, никаких никогда подарков не принимал. «Государь мой! — говаривал он просителю: — сахарная голова не есть резон для обвинения вашего соперника: извольте ее отнести назад, а принесите законное доказательство вашего права». После сего более уже не разговаривал с просителем.

Отец мой жил с лишком восемьдесят лет. Причиною сему было воздержное христианское житие. Он горячих напитков не пил, пищу употреблял здоровую, но не объедался. Был женат дважды и во время супружества своего никакой другой женщины, кроме жен своих, не знал. За картами ни одной ночи не просиживал, и словом, никакой страсти, возмущающей человеческое спокойствие, он не чувствовал. О, если бы дети его были ему подобны в тех качествах, кои составляли главные души его свойства и кои в нынешнем обращении света едва ли сохранить можно!

Отец мой был характера весьма вспыльчивого, но не злопамятного; с людьми своими обходился с кротостию; но невзирая на сие, в доме нашем дурных людей не было. Сие доказывает, что побоев не есть средство к исправлению людей. Невзирая на свою вспыльчивость, я не слышал, чтоб он с кем-нибудь поссорился; а вызов на дуэль считал он делом противу совести. «Мы живем под законами, — говорил он, — и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы законы, разбираться самим на кулаках. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйственной молодости». Наконец должен я сказать к чести отца моего, что он, имея не более пятисот душ, живучи в обществе с хорошими дворянами, воспитывая восьмерых детей,

умел жить и умереть без долга. Сие искусство в нынешнем обращении света едва ли кому известно. По крайней мере нам, детям его, кажется непостижимо. Но ничто не доказывает так великодушного чувствования отца моего, как поступок его с родным братом его. Сей последний вошел в долги, по состоянию своему неплатные. Не было уже никакой надежды к извлечению его из погибели. Отец мой был тогда в цветущей своей юности. Одна вдова, старуха близ семидесяти лет, влюбилась в него и обещала, ежели на ней женится, искупить именем своим брата его. Отец мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухе, будучи сам осьмнадцати лет. Она жила с ним еще двенадцать лет. И отец мой старался об успокоении ее старости, как должно христианину. Надлежит признаться, что в наш век не встречаются уже такие примеры братолюбия, чтоб молодой человек пожертвовал собою, как отец мой, благосостоянию своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имела разум тонкий и душевными очами видела далеко. Сердце ее было сострадательно и никакой злобы в себе не вмещало: жена была добродетельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что дом моих родителей был тот, от которого за добродетели их благодать божия никогда не отнималась. В сем доме проведено было мое младенчество, которого подробности в следующей книге читатель найдет.

КНИГА ПЕРВАЯ

Господи! даждь ми помысл
исповедания грехов моих.

Не естественно человеку помнить первое свое младенчество. Я никак не знаю себя до шести лет возраста. Но без сомнения имел и я в себе то зло, которое у других младенцев видать случается; то есть: злобу, нетерпение, любостязание и притворство. — словом, начатки почти всех пороков, кои уже окореняются и возрастают от воспитания и от примеров. Не знаю, для чего отнимали меня от кормилицы уже поздно. На третьем году случилось со мной сие лишение, которое, как сказывал мне сам отец мой, перенес я с ужасным нетерпением и тоскою. Однажды он, подошед ко мне, спросил меня: «Грустно тебе, друг мой?» — «А так-то грустно, батюшка, — отвечал я ему, затрепетав от злобы, — что я и тебя и себя теперь же вдавил бы в землю». Сие сильное выражение скорби показывало уже, что я чувствовал сильнее обыкновенного младенца. В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного.

Теперь пришло мне на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о котором я никогда никому не сказывал

и которое здесь упомяну для того, что можно из него вывести некоторое правило, полезное для детского воспитания. Родителей моих нередко посещала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и нас, племянников своих, любила искренно. Она часто езжала в дом одного славного тогдашнего карточного игрока и всегда от него привозила к нам несколько игор карт, коими нас дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристрастился к картам с красными задками и бывал вне себя от радости, когда такие карты мне доставались; но мне случалось редко. Сколько хитростей, обманов и лукавства употреблял мой младенческий умишка, чтоб наделу доставались мне карты с красными задками! Но как хитрости мои редко удавались, то пришел я в уныние и для получения желаемого решился испытать другой способ и чистосердечно открылся самой тетушке о моей печали; но признаюсь, что и тут употребил я некоторую хитрость, а именно: нашедшись с ней наедине, составил я лицо такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: «О чем ты тужишь, друг мой?» На сей вопрос признался я в пристрастии моем и, повинясь, что я их всех обманывал, просил, чтоб вперед наделу доставались мне любимые карты. «Ты хорошо сделал, друг мой, что мне искренно открылся, — сказала она: — я для тебя привозить буду всегда особливо в игру с красными задками, кои в дележ входить не будут». Я в восторг пришел от сего отзыва и тогда ж почувствовал, что итти прямою дорогою выгоднее, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что в течение жизни я не всегда держался сего правила, ибо случались со мною такие обстоятельства, в которых должен был я или погибать, или приняться за лукавство; не скрою, однакож, и того, что во время младенчества моего, имея отца благоразумного и справедливого, удавалось мне получать желаемое чаще следуя чистосердечию, нежели прибегая к лукавству. И я почти внутренно уверен, что воспитатели, ободря младенцев избирать во всем прямой путь, предусеют тем гораздо лучше вкоренить в них привязанность к истине и приучить к чистосердечию, нежели оставляя без примечания малейшие их деяния, в коих душевные их свойства обнаруживаться могут. Поистине не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастия и самого младенчества. Я могу сказать, что на картах с красными задками голова моя повернулась. Получение их составляло некоторым образом мое блаженство. И в самом Риме едва ли делали мне такое удовольствие арабски Рафаэлевые, как тогда карты с красными задками. По крайней мере, смотря на первое, не чувствовал я того наслаждения, какое ощущал от любимых моих карт будучи младенцем.

Чувствительность моя была беспримерна. Однажды отец мой, собрав всех своих младенцев, стал рассказывать нам историю Иосифа Прекрасного. В рассказывании его не было никакого украшения; но как повесть сама собою есть весьма трогательная, то очень скоро

навернулись слезы на глазах моих; потом начал я рыдать неутешно. Иосиф, проданный своими братьями, растерзал мое сердце, и я, не могши остановить рыдания моего, оробел, думая, что слезы мои почтены будут знаком моей глупости. Отец мой спросил меня, о чем я так рыдаю. «У меня разболелся зуб», — отвечал я. И так, отвели меня в мою комнату и начали лечить здоровый мой зуб. «Батюшка, — говорил я, — я всклепал на себя зубную болезнь: а плакал я от того, что мне жаль стало бедного Иосифа». Отец мой похвалил мою чувствительность и хотел знать, для чего я тотчас не сказал ему правду. «Я постыдился, — отвечал я, — да и побоялся, чтобы вы не перестали рассказывать истории». — «Я ее, конечно, доскажу тебе», — говорил отец мой. И действительно, через несколько дней он сдержал свое слово и видел новый опыт моей чувствительности.

Странно, что сия повесть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мне самому к извлечению слез у людей чувствительных. Ибо я знаю многих, кои, читая Иосифа, мною переведенного, проливали слезы.

Не утаю и того, что присажавший из Дмитриевской нашей деревни мужик Федор Суратов сказывал нам сказки и так настрашал меня мертвецами и темнотою, что я до сих пор неохотно один остаюсь в потемках. А к мертвецам привык я уже в течение моей жизни, теряя людей, сердцу моему любезных.

Родители мои были люди набожные; но как в младенчестве нашем не будили нас к заутреням, то в каждый церковный праздник отправляемо было в доме всеобщее служение, равно как на первой и последней неделях великого поста дома же моление отправлялось. Как скоро я выучился читать, то отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «Перестань молоть, — кричал он мне, — или ты думаешь, что богу приятно твое бормотанье». Сего не довольно: отец мой, примечая из читанного те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд изъяснять мне оные; словом, попечения его о моем научении были безмерны. Он, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачей меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал.

Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш

экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, удари по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за какую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжением поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот каков был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следовательно, экзаменованы были без приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? *В Черное море*, — отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; *в Белое*, — отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне: *не знаю*, — сказал я с таким видом простодушия, что экзаминаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы ее из класса практического правоучения, но отнюдь не из географического.

Как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам.

Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что до сего дня

От юности моя мнози борют мя страсти.

А какие они были, то возвестит книга вторая.

КНИГА ВТОРАЯ

Господи! отврати лице твое
от грех моих.

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне

надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды. Книгопродавец сдержал слово и книги на условленные деньги мне отдал. Но какие книги! Он, видя меня в летах бурных страстей, отобрал для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили душу мою. И кто знает, не от сего ли времени началась скапливаться та болезнь, которую я столько лет страдаю? О вы, коих звание обязывает надзирать над поведением молодых людей, не допускайте развращаться их воображению, если не хотите их погибели! Узнав в теории все то, что мне знать было еще рано, искал я жадно случая теоретические мои знания привести в практику. К сему показалась мне годною одна девушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имела мать, которую ближние и дальние, словом, целая Москва признала и огласила набитою дураю. Я привязался к ней, и сей привязанности была причиною одна разность полов: ибо в другое влюбиться было не во что. Умом была она в матушку; я начал к ней ездить, казал ей книги мои, изъяснял эстампы, и она в теории получила равное со мною просвещение. Желал бы я преподавать ей и физические эксперименты, но не было удобства: ибо двери в доме матушки ее, будучи сделаны национальными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась. Я пользовался маленькими вольностями, но как она мне уже надоела, то часто вызывали мы к нам матушку ее от скуки для поговорки, которая, признаю грех мой, послужила мне подлинником к сочинению Бригадиршиной роли; по крайней мере из всего моего приключения родилась роль Бригадирши. Все сие повествование доказывает, что я тогда не имел истинного понятия ни о тяжести греха, ни об истинной чести, ни о добром поведении. Заводя порочную связь, не представлял я себе никаких следствий беззаконного моего начинания; но признаюсь, что и тогда совесть моя говорила мне, что делаю дурно. Остеречь меня было некому, и вступление мое в юношеский возраст было, так сказать, вступлением в пороки.

Теперь настало время сказать нечто о моем характере и познать читателя с умом моим и сердцем. Я наследовал от отца моего как вспыльчивость, так и непамятозлобие; от матери моей головную боль, которую она во всю жизнь страдала и которая, промучив меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенных лет, лишила меня многих способов к счастью; например: в университете пропускал я многие важные лекции за головную болью; в юношестве головная боль мешала мне часто показать мою исправность в отправлении службы, через что и заслужил я от одного начальника имя ленивца. Но со всем тем признаюсь, что головная боль послужила мне и к доброму, а именно не допустила меня сделаться пьяницею, к чему имел я великий случай и склонность. Природа дала мне ум острый, но не дала мне

здорового рассудка. Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным. Видя, что везде меня принимают за умного человека, заботился я мало о том, что разум мой похваляется за счет сердца, и я прежде нажил неприятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтоб острые слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вам приписываемая, есть для вас суцая отравка; а особливо если чувствуете склонность к сатире, укрощайте ее всеми силами вашими: ибо и вы без сомнения подвержены будете одинакой судьбе со мною. Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я, вместо того чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего так не боялся, как сделать кому-нибудь несправедливость, и для того ни перед кем так не трусил, как перед теми, кои от меня зависели и кои отмстить мне были не в состоянии. Я, может быть, истребил бы и склонность мою к сатире, если б один из соучеников моих, упражнявшихся в стихах, мне не воспрепятствовал. Я прослыл великим сатириком, и мой соученик весьма боялся, чтобы я не стал смеяться стихам его; а дабы вернее иметь меня на своей стороне, то стал он хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но как тогда рассудок во мне не действовал, то я со всею моею острою не мог проникнуть, для чего он так меня хвалил, и думал, что я похвалу его заслуживал. Так-то вертят головы молодым писателям!

Сей мой соученик был знаком со мною, достигши уже и в совершенный возраст. Он был честный человек, благородных качеств. Заблуждение его состояло в том, что будто не льстя не можно быть учтиву. Он умер с тем, что я родился быть великим писателем; а я с тем жить остался, что ему в этом не верил и не верю.

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой, нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонаравия, пьянства и всех подлых пороков; но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета плодов сего училища. Я не знаю, каким обра-

зом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас малолетних отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следовательно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарностью обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя мое почтительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворе на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец огромная музыка, все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего еще не видывал, все казалось мне ново и прелестно. Приехав домой, спрашивал я у дядюшки: часто ли бывают у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», — отвечал он. И я решился продлить пребывание мое в Петербурге сколько можно долее, чтобы чаще видеть двор. Но сие желание было действие любопытства и насыщения чувств. Мне хотелось чаще видеть великолепие двора и слышать приятную музыку; но скоро сие желание исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моих родителях, которых захотелось мне видеть нетерпеливо: день получения от них писем был для меня приятнейший, и я сам по несколько раз заезжал на почту за письмами.

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла». Тут видел я Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы. Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого

я жил. И действительно, через некоторое время познакомился я тут с покойным Федором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я с славным нашим актером Иваном Афанасьевичем Дмитриевским, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах, свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, бывшего тогда ректором. Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны, и мы с братом скоро потом произведены были в студенты. В самое же сие время не оставлял я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевел «Жизнь Сифа, царя египетского», но не весьма удачно. Знание мое в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Через два года я мог разуместь Вольтера и начал переводить стихами его «Альзиру». Сей перевод есть не что иное, как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нем хорошие стихи.

В 1762 году был я уже сержант гвардии; но как желание мое было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую, то уклонялся я сколько мог от действительной службы. По счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер взял меня в иностранную коллегию переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне. В тот же год послан я был с екатерининскою лентою к покойной герцогине Мекленбург-Шверинской. Мне велено было заехать в Гамбург, откуда министр наш повез меня сам в Шверин. Тогда был я еще сущий ребенок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою. И, впрочем, поведением своим приобрел я благоволение герцогини и одобрение публики. Возвратясь в Россию с рекомендацією нашего министра о моем поведении, имел я счастье быть весьма хорошо принятым моими начальниками; а между тем перевод мой «Альзиры» стал

делать много шума, и я сам начал иметь некоторое мнение о моем даровании; но признаюсь, что, будучи недоволен переводом, не отдал его ни на театр, ни в печать.

В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался не долго. Один кабинет-министр имел надобность взять кого-нибудь из коллегии; а как по «Альзире» моей замечен я был с хорошей стороны, то именным указом велено мне было быть при том кабинет-министре. Я ему представился и был принят от него тем милостивее, что сам он, прославясь своим витийством на русском языке, покровительствовал молодых писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальник обходился со мною как надобно с дворянином; но в доме его повсечасно был человек давно ему знакомый и носивший его полную доверенность. Сей человек, имеющий, впрочем, разум, был беспримерного высокомерия и нравом тяжел пренесносно. Он упражнялся в сочинениях на русском языке; физиономия ли моя или не весьма скромный мой отзыв о его пере причиною стали его ко мне ненависти. Могу сказать, что в доме самого честного и снисходительного начальника вел я жизнь самую неприятнейшую от действия ненависти его любимца. Я был бы нечувствительный человек, если б не вспоминал с благодарностью, что сей начальник, узнавая меня короче, стал более любить меня, может быть примечая доброту моего сердца или за открывающиеся во мне некоторые дарования, кои стали делать ему приятным мое общество. Покровительство его никогда от меня не отнималось. Я уверен, что сохраняю его во всю жизнь мою.

В то же самое время вступил я в тесную дружбу с одним князем, молодым писателем, и вошел в общество, о коем я донныне без ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве. В первом не принимал я никакого участия и содрогался, слыша ругательство безбожников; а в кощунстве играл я и сам не последнюю роль, ибо всего легче шутить над святыней и обращать в смех то, что должно быть почитенно. В сие время сочинил я послание к Шумилову, в коем некоторые стихи являют тогдашнее мое заблуждение, так что от сего сочинения у многих прослыл я безбожником. Но, господи! тебе известно сердце мое; ты знаешь, что оно всегда благоговейно тебя почитало и что сие сочинение было действие не безверия, но безрассудной остроты моей.

Тогда сделал я «Бригадира»; скоро потом перевел «Иосифа», и все сие окончил в Москве, в которой познакомился я с одним полковником, человеком честным, но легкомысленным, имеющим жену предпочтенную; но как она любила мужа своего смертно, а он разорялся на одну девку, то жизнь жены его была самая несчастная. Дважды я, проводя у них вечер, нашел тут сестру ее родную, женщину пленяющего разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила в него совершенное к себе почтение.

Я познакомился с нею и скоро узнал, что почтение мое превратилось в нелicenseрную к ней привязанность. Я не смел ей открыться, ибо она была замужем и не подавала мне ни малейшего повода к объяснению, напротив того, всегда меня убегала. И хотя я примечал, что шутки мои, чтение моих сочинений и вообще я ей не не нравились, однако важный ее вид держал меня в почтении к ней. Скоро потом полковник с женою и с нею поехали в подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня с ними ехать, и мы на несколько дней переселились в деревню. Тут проживши с неделю, так я в нее влюбился, что никогда оставить ее не мог, и с тех пор во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтении и не зависела от разности полов. Здесь должен я сказать, что частое мое посещение полковника возбуждало внимание публики. Клеветники приписали оное на счет жены его; но я долгом чести и совести поставляю признаться, что сей слух был суцная клевета, ибо ни я к ней, ни она ко мне, кроме нелicenseрного дружества, другого чувства никакого не имели. Из деревни возвратясь в Москву, стал я собираться в Петербург, а сестра полковницы к мужу, стоявшему с полком недалече от Москвы. Накануне моего отъезда, увидясь со мною наедине, открылся я ей в страсти моей искренно. «Ты едешь, — отвечала она мне, — и бог знает, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, как я тебя убегала и как старалась скрыть от тебя истинное состояние сердца моего; по наступающая разлука с тобою и неизвестность свидания, а паче всего сильная страсть моя к тебе не позволяют мне долее притворяться; я люблю тебя и вечно любить буду». Я так почитал сию женщину, что признанием ее не смел и помыслить воспользоваться; но, условясь с нею о нашей переписке, простился, оставя ее в прегорьких слезах.

Я приехал в Петербург и привез с собою «Бригадира» и «Иосифа». Надобно приметить, что я обе сии книги читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание покойного Александра Ильича Бибикова и графа Григория Григорьевича Орлова, который не преминул донести о том государыне. В самый петров день граф прислал ко мне спросить: еду ли я в Петергоф и если еду, то взял бы с собою мою комедию «Бригадира». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе на бале граф, пришед ко мне, сказал: «Ее величество приказала после балу вам быть к себе, и вы с комедиею извольте итти в Эрмитаж». И действительно, я нашел ее величество, готовую слушать мое чтение. Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию перед нею с необыкновенным моим искусством. Во время же чтения похвалы ее давали мне новую

смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу, вышел, имея от нее всемилостивейшее приветствие за мое чтение.

Дни через три положил я из Петергофа возвратиться в город, а между тем встретился в саду с графом Никитою Ивановичем Паниным, которому я никогда представлен не был, но он сам, оставив меня: «Слуга покорный, — сказал мне, — поздравляю вас с успехом комедии вашей; я вас уверяю, что ныне во всем Петергофе ни о чем другом не говорят, как о комедии и о чтении вашем. Долго ли вы здесь останетесь?» — спросил он меня. «Через несколько часов еду в город», — отвечал я. «А мы завтра, — сказал граф. — Я еще хочу, сударь, — продолжал он, — попросить вас: его высочество желает весьма слышать чтение ваше, и для того по приезде нашем в город не умедлите ко мне явиться с вашею комедиею, а я представлю вас великому князю, и вы можете прочесть ее нам». — «Я не премину исполнить повеление ваше, — отвечал я, — и почту за верх счастья моего иметь моими слушателями его императорское высочество и ваше сиятельство». — «Государыня похваляет сочинение ваше, и все вообще очень довольны», — говорил граф. «Но я тогда только совершенно доволен буду, когда ваше сиятельство удостоите меня своим покровительством», — отвечивал я. «Мне будет очень приятно, — сказал он, — если могу быть вам в чем полезен». Сие слово произнес он с таким видом чистосердечия и честности, что сердце мое с сей минуты к нему привержено стало и как будто предчувствовало, что он будет мне первый и истинный благодетель.

По возвращении моем в город узнал я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошел во дворец к графу Никите Ивановичу. Мне сказали, что он в антресолях; я просил, чтобы ему обо мне доложили. В ту минуту позван был я к графу; он принял меня очень милостиво. «Я тотчас оденусь, — сказал он мне, — а ты посиди со мною». Я приметил, что он в разговорах своих со мною старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила. Одевшись, повел меня к великому князю и представил ему меня как молодого человека отличных качеств и редких дарований. Его высочество изъявил мне в весьма милостивых выражениях, сколько желает он слышать мою комедию. «Да вот после обеда, — сказал граф, — ваше высочество ее услышите. — Потом, подошед ко мне: — Вы, — сказал, — извольте остаться при столе его высочества». Как скоро стол отошел, то после кофе посадили меня, и его высочество с графом и с некоторыми двора своего сели около меня. Через несколько минут тоном чтения моего произвел я во всех слушателях прегромкое хохотанье. Паче всего внимание графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу, — сказал он мне, — что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто

сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетюшку, или какую-нибудь свойственницу». По окончании чтения Никита Иванович делал свое рассуждение на мою комедию. «Это в наших нравах первая комедия, — говорил он, — и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставя говорить такую дурицу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, что сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования». — «Ваше сиятельство, — говорил я, — для меня ничего лестнее быть не может, как такое одобрение ваше». Его высочеству, с своей стороны, угодно было сказать мне за мое чтение многие весьма лестные приветствия. А граф, когда вошли мы в другую комнату, сказал: «Вы можете ходить к его высочеству и при столе оставаться, когда только хотите». Я благодарил за сию милость. «Одожи же меня, — сказал граф, — и принеси свою комедию завтра вечером ко мне. У меня будет мое общество, и мне хочется, чтобы вы ее прочли». Я с радостию обещал сие графу, и на другой день вечером чтение мое имело тот же успех, как и при его высочестве.

Я забыл сказать, что имел дар принимать на себя лицо и говорить голосом весьма многих людей. Тогда передражничал я покойного Сумарокова, могу сказать, мастерски и говорил не только его голосом, но и умом, так что он бы сам не мог сказать другого, как то, что я говорил его голосом; словом сказать, вечер провели очень весело, и граф мною был чрезмерно доволен.

Первое воскресенье пошел я к его высочеству и там должен был повторить то, что я делал у графа вечером. Дарование мое понравилось всем, и граф обошелся со мною отменно милостиво.

В сей день представлен был я графом брату его, графу Петру Ивановичу, который звал меня на другой день обедать и читать комедию. «И я у тебя обедаю, — сказал граф брату своему: — я не хочу пропустить случая слушать его чтение. Редкий талант! У него, братец, в комедии есть одна Акулина Тимофеевна: когда он роль ее читает, то я самое ее и вижу и слышу».

Чтение мое у графа Петра Ивановича имело успех обыкновенный. Покойный граф Захар Григорьевич был тут моим слушателем. «А завтра, — сказал он мне, — милости прошу откушать у меня и прочесть комедию вашу». Потом пригласил он обоих графов. Граф Иван Григорьевич Чернышов сделал мне ту же честь, и я вседневно зван был обедать и читать. Равное же внимание ко мне показали: граф Александр Сергеевич Строганов, который всю жизнь свою посвятил единой добродетели, граф Андрей Петрович Шувалов, покойные: графиня Мария Андреевна Румянцева, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объезжая звавших меня, с неделю отдыхал; а между тем приехал ко мне тот князь, с коим я имел неприятное общество.

Он рассказывал мне, что весь Петербург наполнен моею комедиею, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах. «Мне поручил, — сказал князь, — звать тебя обедать граф ***. Поедем к нему завтра». Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, но погрязший в сладострастие. Он был уже старых лет и все дозволял себе, потому что ничему не верил. Сей старый грешник отвергал даже бытие высшего существа. Я поехал к нему с князем, надеясь найти в нем по крайней мере рассуждающего человека; но поведение его иное мне показало. Ему вздумалось за обедом открыть свой образ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожие, при молодых людях, за столом бывших, и при слугах. Рассуждения его были софистические и безумие явное; но со всем тем поколебали душу мою. После обеда поехал я с князем домой. «Что, — спросил он меня, — нравится ли тебе это общество?» — «Прошу меня от него уволить, — отвечал я, — ибо не хочу слышать таких умствований, кои не просвещают, но помрачают человека». Тут казалось мне, что пришло в мою голову наитие здравого рассудка. Я в карете рассуждал о безумии неверия очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, так что князь ничего отвечать мне не мог.

Скоро двор переехал в Царское Село; а как тот кабинет-министр, при коем я находился, должен был, по званию своему, следовать за двором, то взял и меня в Царское Село. Я, терзаем будучи мыслями, поселенными в меня безбожническою беседою, хотел досужное время в Царском Селе употребить на дело мне полезнейшее, а именно: подумав хорошенько и призвав бога в помощь, хотел определить систему мою в рассуждении веры. С сего времени считаю я вступление мое в совершенный возраст, ибо начал чувствовать действие здравого рассудка. Сие время жизни моей содержит в себе

КНИГА ТРЕТЬЯ

Господи! всем сердцем моим
испытую заповеди твоя.

Итак, отправился я с начальником моим в Царское Село, в твердом намерении упражняться в богомыслии; а чтоб было мне из чего почерпнуть правила веры, то взял я с собою русскую библию; для удобнейшего же понимания взял ту же книгу на французском и немецком языках.

Приехав в Царское Село, обрадовался я, нашед отведенную для меня комнату особливую, в которой ничто упражнениям моим не могло препятствовать. Первое утро открыл я библию, и мне как нарочно встретилось место, которое весьма приличествовало моему намерению, а именно глава VI второзакония:

«И да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердце твоём и в душе твоей; и да накажеша ими сыны твои, и да глаголеши о них седей в дому, и идый путем, и лежа, и востая» (стр. 7).

Сие встретившееся мне толь кстати место из священного писания наложило на меня долг всякую досужную минуту посвятить испытанию о вышнем существе. Время было прекрасное, и я положил каждое утро ходить в сад и размышлять. Однажды в саду встретил я в уединении гуляющего Григория Николаевича Теплова, с коим я уже познакомился в доме начальника моего. Григорий Николаевич пригласил меня ходить с собою. Он достойно имел славу умного человека. Разум его был учением просвещенный; словом, я с великим удовольствием пошел гулять с ним по саду, и он говорил мне, что желает слышать комедию мою в своем доме, читанную мною. Я обещал сделать ему сию услугу. Он спрашивал меня, кому я ее читал? Я перечел ему всех поименно и не скрыл от него, сколько смущает душу мою посещение графа ***. «Итак, вы хотите определить систему в рассуждении веры вашей, — говорил Григорий Николаевич. — С чего же вы начинаете?» — «Я начинаю, — отвечал я, — с рассмотрения, какие люди отвергают бытие божие и стоят ли они какой-нибудь доверенности». — «Умное дело делаете, — говорил Григорий Николаевич, — когда стараетесь успокоить совесть свою в толь важном деле, каково есть удостоверение о бытии божеском». — «Ваше превосходительство! — говорил я ему, — я прошу вас как умного человека подать мне наставление, каким способом могу я достигнуть до сего удостоверения». — «Сядем здесь, — сказал он, подведи меня к одной лавке: — мы можем здесь о чем хотим беспрепятственно беседовать!» Я намерен свою беседу описать здесь, сколько могу вспомнить.

Я. Я вижу, что безбожники разделяются на несколько классов: одни суть невежды и глухие люди. Они никогда ничего внимательно не рассматривают, а прочитав Вольтера и не поняв его, отвергают бытие божие, для того что полагают себе славою почитаться выше всех предрассудков; ибо они считают предрассудком то, чего слабый их рассудок понять не может.

Григорий Николаевич. Сии людишки не неверуют, а желают, чтобы их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения. Я знаю, что Вольтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Вольтеровом уме, ни в его дарованиях. Граф, у которого вы обедали, сделал в России разврата не меньше Вольтерова, имел голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодого слабенького человека может развратить такой, кто еще ограниченнее графа: пример сему видел я на сих днях моими глазами.

Я. Позвольте спросить, ваше превосходительство, как это было?

Григорий Николаевич. На сих днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров. Они имели между собою большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть; а бога нет!» Я вступился и спросил его: «Да кто тебе сказал, что бога нет?» — «Петр Петрович Чебышев вчера на гостином дворе», — отвечал он. «Нашел и место!» — сказал я.

Я. Странно мне кажется, что Чебышев на старости вздумал на гостином дворе проповедывать безбожие.

Григорий Николаевич. О! так я вижу, вы его не знаете.

Тут начал он описывать голову Чебышева ругательски, или, справедливее сказать, стал его бранить, так что я должен был предполагать у него с Чебышевым личную ненависть, и для того хотелось мне переменить сию материю, а возвратиться на прежнюю.

Я. Есть и еще род безбожников, кои умствуют и думают доказывать доводами, что бог не существует. Противу сих последних желал бы я иметь оружие и доказать им их безумие. Я прошу ваше превосходительство подать мне наставление, откуда могу почерпнуть наилучшие доводы о бытии божием.

Григорий Николаевич. Известны ли вам сочинения г-на Кларка, который писал противу Гоббезия, Спинозы и их последователей? Кларк восторжествовал над ними: он, логически выводя одну истину за другой, составил, так сказать, неразрывную цепь доказательств бытия божия, и уже ни один безбожник умствованиями своими не вывернется от его убеждений.

Я. Мне неизвестны Кларковы сочинения, но я тотчас сию книгу выпишу из Петербурга.

Григорий Николаевич. А я не сомневаюсь, что вы Кларком будете довольны.

Здесь кончилась наша беседа. Я, пришед домой, тотчас написал в Петербург, чтоб прислали мне сочинения Кларка. Между тем, будучи воспитан в христианском законе и находя заповеди Христовы сходственными с моим собственным сердцем, думал я: если Кларк доказал бытие божие неоспоримыми доводами, то как бы я был доволен, нашед в его творениях доказанную истину христианского исповедания.

На другой день привезли ко мне книгу под заглавием «Самуэля Кларка доказательства бытия божия и истины христианския веры».

Того-то я и желал! С жадностию бросился я читать сию драгоценную книгу и, прочитав, недоволен был одним разом, но тотчас начал чтение в другой раз. Как скоро я мог обнять порядок и способ Кларковых доводов, то пошел благодарить Григория Николаевича. «Я знал, — говорил он мне, — что вы сею книгою будете

довольны». — «Я вашему превосходительству откроюсь в моем намерении, — сказал я, — мне хочется перевести ее на русский язык и, издав в свет, сделать некоторую услугу моим соотечичам». — «Намерение ваше похвально, но вы не знаете, с какими неприятностями сопряжено исполнение оно. Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского «Опыта о человеке»?» — спросил меня Гр. Николаевич. «Мне сей перевод очень знаком, — отвечал я, — и я его высоко почитаю». — «Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского. Ваш перевод, без сомнения, подвержен будет равной участи. А мне кажется, вместо перевода полезнее будет, если сделаете вы из сочинений Кларковых выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, как я и думаю, хорошо сделана будет, то она принесет равную пользу с переводом, и вам ловчее будет, по востребованию иногда синода, сделать перемену в выписке, нежели в самом переводе». — «Но неужели, — спросил я, — синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?» — «Да разве не знаете вы, кто в синоде обер-прокурор?» — «Не знаю», — отвечал я. «Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев», — сказал Григорий Николаевич. Как бы то ни было, я последовал совету Григория Николаевича и сделал выписку из Кларка. Недавно я ее читал и нахожу за нужное поправить нечто в слоге, а впрочем, выписка годится. В самом конце моих «Признаний» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы труд мой принес хотя некоторую пользу благомыслящим читателям...

[*Не окончено.*]

ПРИМЕЧАНИЯ

«ВЕДОМОСТИ»

Первому номеру «Ведомостей», вышедшему в Москве 2 января 1703 г. и сохранившемуся в печатном виде, предшествовали не дошедшие до нас листы от 16 и 17 декабря ст.ст. 1702 г., бывшие, таким образом, первенцем русской периодической печати. Печатается по тексту: «Ведомости времени Петра Великого», вып. первый и второй, изд. Московской синодальной типографии, М., 1903.

Стр. 12. *Орешек* — крепость, стоявшая в истоке р. Невы из Ладожского озера, ныне в расположении г. Петрокрепость (бывш. Шлиссельбург). В годы Великой Отечественной войны остров, на котором расположен крепостной замок, стойко оборонялся гарнизоном советских войск. Немецкой армии, временно занимавшей Шлиссельбург, не удалось сломить мужества защитников острова.

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ

Печатается по тексту книги В. В. Сицовского «Русские повести XVII—XVIII вв.» (СПБ., 1905), где она воспроизведена по рукописи из собрания Е. Забелина. Сюжет этой популярной повести в середине XVIII века был обработан в виде былины о женитьбе Пересмякина племянника, записанной в XIX веке от известной сказительницы М. С. Крюковой. Он перешел и в лубочную литературу. В 1894 г. в Киеве была издана «Сказка о португее-прапорщике» И. Кассирова, в которой в основном воспроизводится сюжет второй части «Повести о Василии Кориотском».

Стр. 27. *Лодвик королевич рахлинский* — герой рукописной повести о семи мудрецах, известной в русской письменности во многих списках.

Стр. 30. *Цесария* — Австрия. Географические представления автора, заставляющего Василия «поехать морем до Цесарип», как видно, весьма неточны.

М. В. Ломоносов

ИЗ «СЛОВА О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ»

Ломоносов произнес «Слово о пользе химии» в публичном собрании Академии наук 6 сентября 1751 г. В том же году оно было напечатано в брошюре «Торжество Академии наук... публично говоренными речами празднованное сентября 6 дня 1751 года». Печатается по тексту «Сочинений» М. В. Ломоносова, т. IV, 1898,

«Слово» имеет чрезвычайно важное значение для понимания научных взглядов Ломоносова. Химия до Ломоносова не имела научного обоснования, многочисленные факты, накопленные исследователями, не могли быть приведены в систему. Ломоносов впервые определил химию как науку об изменениях, происходящих в сложном теле, поскольку оно сложное (1741 г.), указал на необходимость выяснения весовых отношений, ввел математический способ изложения. Он исходил при объяснении химических явлений из атомной теории. Трудami Ломоносова была создана новая наука — физико-химия. Ему принадлежит честь открытия закона сохранения веса вещества, который он рассматривал как важнейший химический закон.

В предлагаемом вниманию читателя отрывке из «Слова о пользе химии» Ломоносов связывает объяснение химических явлений с атомной теорией и выдвигает требование изучать «первоначальные частицы» — атомы и молекулы, от свойств которых и зависят свойства вещей в природе.

Ломоносов излагает сложнейшие научные вопросы в живой, увлекательной форме, не загромождая речь специальной терминологией, чистым и точным языком, что делает «Слово о пользе химии» превосходным образцом ученой прозы Ломоносова.

ИЗ «КРАТКОГО ОПИСАНИЯ РАЗНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО СЕВЕРНЫМ МОРЯМ И ПОКАЗАНИЯ ВОЗМОЖНОГО ПРОХОДУ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ В ВОСТОЧНУЮ ИНДИЮ»

«Описание» было разработано Ломоносовым в 1763 г. При жизни не печаталось. Впервые опубликовано в 1847 г. по рукописи, отысканной в Главном Морском архиве, и воспроизводится по тексту этого издания.

Ломоносов, природный северянин и моряк, всегда интересовался мореплаванием по Северному Ледовитому океану. Благодаря дружеским связям с архангельскими поморами, которые он поддерживал в течение всей своей жизни, Ломоносов постоянно был в курсе дел северного мореходства. Особо интересовал Ломоносова вопрос о северном морском пути на восток. Он писал о нем в оде 1752 г.:

Напрасно строга я природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спит и презирает рок.

В 1763 г. Ломоносов представил в Адмиралтейств-коллегию свой отлично обоснованный и глубоко патриотический проект открытия северного морского пути и сумел добиться его принятия. Правительство отпустило 20 000 рублей на проведение экспедиции. Ломоносов принял горячее участие в подготовке личного состава экспедиции, кораблей, снаряжения, разработал программу исследований. Экспедиция на трех кораблях под командой адмирала В. Я. Чичагова в мае 1765 г., через месяц после смерти Ломоносова, из Колы вышла в море и прибыла на Шпицберген. Неблагоприятная ледовая

обстановка заставила Чичагова возвратиться в Архангельск. На следующий год экспедиция была повторена, но также неудачно.

Осуществление заветной мечты гениального Ломоносова стало возможным только в советскую эпоху. Плавание в Северном Ледовитом океане оказалось посильным лишь для моряков Советского Союза.

«Краткое описание» Ломоносова состоит из пяти глав. 1. О разных мореплаваниях, предпринятых для сыскания проходу в Ост-Индию западно-северными морями. 2. О поисках морского проходу в Ост-Индию в северо-восточной стороне Сибирским океаном. 3. О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию, признаваемые по натуральным обстоятельствам. 4. О приуготовлении к мореплаванию Сибирским океаном. 5. О самом предпрятии северного мореплавания и о утверждении и умножении российского могущества на востоке. В 1764 г. Ломоносов добавил к «Краткому описанию» два прибавления, содержавшие новые данные об успехах мореплавания по Сибирскому океану.

В этой работе Ломоносов совершил теоретическое открытие полярной земли в Северном Ледовитом океане, доказав рядом наблюдений и выводов непреложность ее существования. Впоследствии новооткрытая земля несправедливо получила название земли Франца-Иосифа. Она по праву должна носить имя великого Ломоносова.

ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ 10 МАЯ 1753 г.

Печатается по тексту «Сочинений» М. В. Ломоносова, т. VIII, 1948.

Адресат письма — И. И. Шувалов (1727—1797), вельможа елизаветинского двора, первый куратор Московского университета, с которым Ломоносову приходилось общаться по делам Академии наук и университета. Ломоносов выражает свою благодарность по поводу пожалования ему земли и деревень для постройки стеклянной фабрики и с чувством большого достоинства говорит о своем трудном пути к науке. Он не считает подарок императрицы особым ее благодеянием по отношению лично к нему. Фабрика нужна для целей науки, ученый же вовсе не должен быть бедным человеком — в таком случае ему немного удастся сделать. Ломоносов считал, что правительство обязано принять на себя заботу о процветании науки и ее работников.

Стр. 57. *Спасские школы* — Завконоспасский монастырь в Москве, где помещалась Славяно-греко-латинская академия. Ломоносов учился там с 1731 по 1735 г., причем жалованье его действительно составляли 3 копейки в день.

— *Ньютон* (Ньютон), *Бойль*, *Слоан* — английские ученые, *Христиан Вольф* — немецкий философ и ученый. Все они получали от государей денежные средства и звания.

ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВУ 26 ИЮЛЯ 1753 г.

Печатается по тексту «Сочинений» М. В. Ломоносова, т. VIII, 1948.

Ломоносов вместе с профессором Рихманом (1711—1753) работал с 1752 г. над исследованием атмосферного электричества и сделал ряд ценных наблю-

дений. Ему первому удалось установить постоянное присутствие электричества в воздухе «без грома и молнии, что бы слышать или видеть можно было».

Для производства опытов в квартире Ломоносова была сооружена «грозовая машина».

В своем письме Ломоносов с необыкновенной яркостью и простотой рассказывает о трагической смерти Рихмана, чью участь чуть не разделил он сам. Однако Ломоносова больше всего заботит мысль о том, что дальнейшие опыты могут быть прекращены, и он просит Шувалова «миловать науки» и не чинить препятствий их «приращению».

Горячее участие принял Ломоносов в судьбе семьи Рихмана, ему удалось добиться для вдовы единовременного пособия в размере 960 рублей. Детям пенсия назначена не была «за невмением таких примеров».

Пушкин, отмечая «добродушие» Ломоносова, сказал: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

А. П. Сумароков

Напечатанные в настоящем сборнике произведения Сумарокова впервые были опубликованы в журнале «Трудолюбивая пчела», издававшемся Сумароковым в 1759 г., а затем вошли в собрание его сочинений, вышедшее двумя изданиями — в 1780 и 1787 гг. Воспроизводится по журнальному тексту.

М. Д. Чулков

ИЗ СБОРНИКА «ПЕРЕСМЕШНИК ИЛИ СЛАВЕНСКИЕ СКАЗКИ»

Сборник был издан в 4 частях в 1766—1768 гг., в 1783—1789 гг. вышло второе издание с добавлением 5 части и в 1789 г. — третье. Более «Пересмешник» не перепечатывался; в настоящем сборнике воспроизводится по тексту первого издания.

Весьма сложный по составу и большой по объему сборник «Пересмешник» приводится нами в извлечениях. Совсем опущены авантюрно-рыцарская часть повествования и «Сказка о тафтяной мушке».

Г л а в а 3

Стр. 103. *Собрание приятств источник красоты!* — Чулков пародирует любовные объяснения героев романа Ф. Эвина «Письма Эрнеста и Доравры».

Г л а в а 4

Стр. 104. ...*которого называли Балабаном.* — Характеристика Балабана представляет рельефный портрет дворянского педоросля, наиболее яркий и верный тип которого представил Фонвизин в своей бессмертной комедии.

Стр. 106—107. ...*просила меня, чтобы я сказал ей сказку.* — Слушание на ночь сказок, рассказываемых крепостными людьми, было в обычае среди многих дворянских семей, как о том свидетельствуют мемуары и литературные произведения XVIII века.

Г л а в а 8

Стр. 115. *В полночь или далее наехали человек двадцать верхами...* — Разбойничество было распространенным явлением в России XVIII века. Крепостных крестьян на разбой толкали голод и притеснения помещиков. Что касается дворян, то они рассматривали разбой как промысел и дополнительный источник доходов и нередко становились во главе разбойничьих шаек. Об этом рассказывается в книгах Ивана Новикова «Похождения Ивана Гостиного сына» (1785—1786), М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел... Ваньки Каина» (1779, неоднократно переиздавалось), «Зубоскал или новый пересмешник» (1791) и др.

Н. И. Новиков

ПОЛЕМИКА НОВИКОВА С ЕКАТЕРИНОЙ II В 1769 г.

Все статьи, печатаемые нами, взяты из журналов, на страницах которых разыгралась борьба: новиковские — из журнала «Трутень», екатерининские — из журнала «Всякая всячина». Журнал Екатерины выходил с 1 января 1769 г., журнал Новикова — с 5 мая того же года.

В нашем издании статьи из «Всякой всячины» набраны петитом, ответы Новикова — корпусом.

Поводом к выступлению Новиков избрал наставляющую статью из восемнадцатого листа «Всякой всячины», где определялись характер сатиры, предмет критики и качества сатирика-писателя.

Письмо Новикова-Правдулюбова, напечатанное в пятом листе, должно было показать читателю коренное различие политической программы «Трутня» и «Всякой всячины». «Всякая всячина», утверждал Новиков-Правдулюбов, лживо прикрывающаяся фразами о человеколюбии, в действительности рьяно защищает воров и взяточников. Правдулюбов язвительно замечает о «Всякой всячине»: «таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием». Указывая на это, Правдулюбов тем самым сближает государственных расхитителей и взяточников с «госпожой прабабкой», их защитницей. «Трутень» — журнал, писанный не по правилам «прабабки». Он обличает беззакония и преступления и считать их слабостями отказывается. В связи с этим определяется и достоинство писателя. Если «Всякая всячина» любит и похваляет тех писателей, «кои только угождать всем стараются», то автор статей «Трутня» «сему правилу» не повинуется, он выносит приговоры. Одним словом, «зверок по кохтям виден».

Первое выступление «Трутня» возмутило Екатерину. Через три дня после выхода пятого листа — 29 мая — она разразилась гневной статьей, заявив,

что «ругательные» возражения журнала она отвергает. Не зная автора, Екатерина не затрудняла себя выбором ругательств по адресу его «своевольства», полагая, что он испугается и замолчит. Но Новиков не уговорился. В восьмом листе — 16 июня — в «Трутне» было помещено второе письмо Правдулюбова, ответ на гневную статью Екатерины. Если в первый раз Правдулюбов нанес удар журналу, то во втором письме мишенью была избрана сама Екатерина. Правдулюбов-Новиков задается целью разоблачить перед обществом того, кто скрывается под именем «прабабки», под именем «Всякой всячины», кто провозглашает «пороколюбие».

Блестяще написанная статья Правдулюбова, исходя из разбора слога «прабабки», указывает читателю на те признаки, которые ясно изобличают королюаванного автора. Прежде всего Новиков настойчиво и неоднократно указывает на нерусское происхождение автора, на незнание им русского языка. Продолжая как бы разбор статьи Екатерины, Новиков, издеваясь над ее слогом, с легкостью показывает, как употребляемые ею некоторые выражения разоблачают в авторе деспотического правителя, привыкшего к повиновению и ненавидящего всех критиков. Действительно, в раздражении на Правдулюбова Екатерина неосторожно написала, что «уничтожает» негодную ей «ругательную» сатиру. Новиков придрался к случаю и в восьмом листе написал ответ: «Не знаю, почему она мое письмо пазывает ругательством?» и т. д.

Из ответа Правдулюбова перед читателем вставал остроумно нарисованный сатирический образ автора «Всякой всячины».

На второе письмо Правдулюбова трудно было не ответить. Еле сдерживая ярость, Екатерина в очередном листе журнала написала: «Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потасенно поносить человека». Озлобленная, сбита с толку Екатерина решила в последний раз предупредить ненавистного ей издателя «Трутня», что «человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения. Ибо он подвергается добровольно равной заплате». Это уже было обещание Екатерины расправиться с издателем.

Такой ответ был написан, песомненно, сгоряча. Одумавшись, через номер, Екатерина под псевдонимом Тихона Добросоветова обращается к «Трутню», пробуя увещевать его, призывая смириться и действовать по новым, усиленно рекомендуемым ею правилам. Рекомендации эти так и называются: «правило, предписанное всем сочинителям», извлеченное из письма Добросоветова к господину сочинителю «Трутня».

«Высочайшая» инструкция определяла: 1) каким должен быть сочинитель и 2) что обязан изображать сочинитель. По первому пункту сочинителю вменялось в обязанность быть «добросердечным», чтобы «во всех намерениях, поступках и делах» блистала «красота души добродетельного и непорочного человека». Поэтому он лишь «изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбить человечества».

Второй пункт приказывал сочинителю «поставить пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью, описывать твердого блюстителя веры и закона, хвалить сына оте-

чества, пылающего любовью и верностью к государю и обществу, изображать миролюбивого гражданина». «Вот славный способ исправляти слабости человеческие!» Это уже была полная капитуляция перед сатирой и требование от журналов заниматься примерно тем же, чем занимались французские поклонники монархии, — «создавать ей алтари». В конце письма Новикова предупреждали, что если он не будет следовать этим правилам, то его будут считать «злонравным человеком», который «изо всего составляет ближним поношение», «бранит всех» только потому, что сам он порочный человек, «услаждение» себе находящий в «унизлении других».

Новиков и не подумал прислушаться к преподанному ему совету. Он еще решительнее повел наступление на правительственный журнал, проявивший смятение чувств. Совет был дан 3 июля, а уже 21 июля Новиков печатает злую сатиру на суд — историю о том, как у судьи украли часы. 4 августа он печатает второе письмо дяди к племяннику, в котором дядя вслед за Екатериной плутни свои цинично называет слабостью.

28 августа «Всякая всячина» выступила с защитой русского самодержца. Екатерина, укрывшись под псевдонимом Патрикья Правдомыслова, прямо объявила, что пишет эту статью с целью защиты от нападок «Трутня»: «Рассудил за нужное мне к вам написать для того, что некоторые дурные шмели на сих днях нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест». Все письмо построено как ответ на новиковские рассуждения, что в России нет «златого века», что неправосудие господствует, и потому именно, что оно находится под высочайшим покровительством. Первое, что стремится сделать Правдомыслов, — это реабилитировать Екатерину, доказать, что русская императрица лично никак не связана с имеющимися в России мошенниками, что она «сама справедлива», что обвинять ее в чем-либо лично невозможно и недопустимо. Новиков торжествовал свою первую победу — он заставил Екатерину оправдываться перед обществом.

Так на обличение «Трутня» государь-писатель ответил аргументами государя-самодержца. Отказываясь от полемики, он силою царского указа заставлял признать, что Екатерина II премуудра, просвещенна, справедлива, что ее век — «век златый», а если существуют пороки и недостатки в стране, то в этом повинны сами подданные.

Русское просвещение приняло вызов; Новиков решил драться до конца. 8 сентября в двадцатом листе он выступает с главной своей статьей, в которой уже не таясь, а открыто, следуя примеру Правдомыслова, обрушивается на Екатерину как главного автора журнала «Всякая всячина». Он обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, заявшагося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского «самодержавства».

В центре статьи Новикова — образ коронованного автора, основной чертой которого является «неограниченное самолюбие».

Неограниченный самолюбец считает своей обязанностью вмешиваться во всякую деятельность людей, всюду желая занять первое место. На днях он избрал «новенькое» — решил сделаться писателем, стал издавать «книгу,

всякий вздор» — то есть «Всякую всячину». Книга эта наполнена «странными приключспими», которые почему-то называются сатирами: «Такий-то на сей неделе был у своей родни и передал все пироги»; «такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодызъ»; «такий-то там-то приметил, что все девица кладут ногу на ногу очень высоко», и т. д. К сожалению, неограниченный самолюбец не довольствуется этим, он еще издает журнал, и для того только, чтобы «показать, якобы он единоначальный наставник молодых людей»,¹ что именно он «всемирный возглашатель добродетели»,² но при этом, не умея писать сам, «перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя», занимается плагиатом, называя чужие сочинения «пронзведением своего умоначертания», и т. д.

Трудно переоценить значение этого выступления Новикова, как и всей его отважной борьбы с Екатериной. Своими выступлениями Новиков, кроме всего, обезоруживал Екатерину, она уже не могла грозить ему со страниц журнала, ибо тем самым доказала бы всему обществу, что она «кусает лишше Кервера», что Новиков прав в своих обвинениях. Поэтому в очередном номере — 11 сентября — Екатерина поместила ответ под заголовком «Нельзя на всех угодить». Еле сдерживая себя от сильных выражений и называя издателя «Трутня» всего лишь «ругателем» и «завистником», она старается хоть как-нибудь оправдаться перед обществом. Не умея найти аргументов в свою пользу, она замечает, что не считает для себя возможным пускаться в опровержение «бредней», ибо показывает тем самым, «в каком холодная кровь выгрыше бывает над кипящею». Признается Екатерина только в том, в чем пельзя было не признаться, — в плагиате. «Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает». В самом начале статьи Екатерина не сдерживает искреннего своего изумления поведением издателя «Трутня»: «Воистину удивительная вещь! Есть люди, кои бранят наше сочинение».

Больше Екатерина не отвечала на продолжавшиеся наступления Новикова. В бумагах Екатерины академик Пекарский обнаружил ряд написанных, но непечатанных статей для «Всякой всячины». В одном из таких «писем», например, она писала, что в обществе появились «молодчики молодые», которые «становятся перед старшими и сим места не дают». «В наших краях прежде сего смертью казнили тех, кои малейшее непочтение доказывают старикам». Печатать такие письма после новиковских памфлетов и обличений — значило для Екатерины окончательно скомпрометировать себя, испортить всю затеянную игру. Не печатать, не отвечать на продолжавшуюся сатиру «Трутня» для неудачливой государыни-писательницы значило бы попустительствовать «дерзкому своевольству» бывшего держателя дневной

¹ Во «Всякой всячине» печатались многочисленные статьи с такими обращениями: «Господи наставник! По причине полевных наставлений, которые в ваших листах...»

² Письмо Патрикий Правдомылова, доказывая, что весь мир, все «главные правительства» стремятся подражать Екатерине, объявляло ее «всемирным возглашателем добродетели».

Следует напомнить, что и Вольтер многократно заявлял, что Россия благодаря Екатерине стала страной, «откуда теперь светит».

записки. Так должно было стать очевидным для Екатерины, что она проиграла свое сражение с русским просветителем, что план овладения русским общественным мнением вторично был сорван. Поэтому она сама отказалась от литературно-журнальной деятельности и прекратила издание «Всякой всячины». В апреле 1770 г. полицейскими мерами был закрыт «Трутень».

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ «ЖИВОПИСЦА»

«Третье издание «Живописца» представляет собой книгу избранных сочинений Новикова, сборник рассказов, очерков, памфлетов и статей. Вот почему здесь нет принятого в журналах деления на листы. Книга состоит из двух частей. В первой в большинстве случаев сосредоточены произведения художественные: рассказы и очерки. Вторая часть объединяет в основном публицистические статьи и политические памфлеты. Характерной особенностью обеих частей является тот факт, что завершается каждая из них произведениями на крестьянскую тему: в конце первой помещены «Отписки крестьянские», в конце второй — «Отрывок путешествия». Таким образом тема обличения крепостничества объединяет и цементирует весь материал сборника.

Трудность изучения Новикова-писателя определяется обстоятельством крайне неожиданным — отсутствием закрепленных за ним произведений. Как ни парадоксально звучит это утверждение, но дело обстоит именно так. То, что было очевидно читателям XVIII века, — Новиков крупный и талантливый писатель, — что отлично знали все современные Новикову писатели, о чем свидетельствовали Карамзин, Муравьев и другие, то бездоказательно отвергли исследователи. Особенно потрудились на этом поприще реакционеры, формалисты и космополиты, занимавшиеся Новиковым.

Воспользовавшись особенностью новиковского отношения к делу писателя (не подписывать своих сочинений), они вместо объяснений этой авторской позиции взялись за нелегкий труд росписи новиковского наследия за разными авторами, устремились в поиски за писателями, кому бы можно было приписать все самое талантливое, самобытное, значительное в этом наследии. Так возникла целая литература, вековая, длящаяся до наших дней борьба различных точек зрения на тему — за кем бы можно числить то или иное сочинение Новикова. Приписывались одни и те же произведения крупным писателям и второстепенным, радикальным и консервативным — Радищеву и Екатерине II, Фонвизину и Эмишу, Ивану Тургеневу и М. Попову и т. д. и т. п. И реже всего в этой литературе называлось имя Новикова.

Несомненно, отсутствие подписи под тем или иным произведением, совпадение мотивов этого сочинения с каким-либо подписанным произведением создавали формальное основание для сопоставлений, для доказательства сходства, для поиска утаившего свое имя автора. Казалось бы при этом естественным допущение Новикова в число тех, кому могли принадлежать эти сочинения. Ведь именно «Трутень» и «Живописец» создали имя Новикову, не только издателю, но и писателю, а произведения, приписываемые другим, составили их главное содержание, определили их облик и успех. Однако сло-

жила иная традиция — приписывая одно и то же сочинение разным писателям, исследователи свои доказательства в пользу нового имени, свои отводы старого кандидата сопровождали тщательной аргументацией, — не аргументировался лишь отвод Новикова. И это потому, что Новикова эти ученые не хотели признавать как писателя. Без фактов, без доказательств, произвольно. Первым, кто отнял у Новикова имя писателя, назвав его «бойким журналистом», был реакционер Лонгинов.

Обвинения, сформулированные им в его книге «Новиков и московские мартинологисты» (1869), — «невежда», «мистик», «бойкий журналист», — тяготеги над литературной наукой, не позволяя допустить, чтобы такие блестящие радикальные сочинения, как «Письма к Фалалею» и «Отрывок путешествия», «Письма дяди к племяннику» и др., принадлежали Новикову.

Все это привело к тому, что писатель Новиков не изучен, прежде всего по причине отсутствия закреплённых за ним художественных произведений. Вот почему снятие лонгиновского «опубликования» Новикова означает, между прочим, и восстановление его писательского имени. Оставаясь в пределах все тех же условных данных — неподписанные сочинения в «Трутне» и «Живописце», считаю своим долгом, исходя из суммы объективных фактов — анализа идейного содержания произведений, истории журнальных редакций и авторской правки текста, изучения новиковского отношения к делу писателя, автора, его печатных высказываний об анонимности как одном из важнейших моментов своего понимания общественного дела писателя, — аргументировать и доказать принадлежность важнейших сочинений «Трутня» и «Живописца» Новикову.

Целый ряд произведений, напечатанных в «Трутне» и «Живописце», бесспорно принадлежит Новикову, и никто из исследователей не опровергает этого. Так, все согласны, что Предисловия к «Трутню» и «Живописцу», полемические статьи против Екатерины, «Сатирические ведомости», «Рецепты» и т. д. принадлежат Новикову. Главные же сочинения этих двух журналов, сочинения, посвященные крестьянскому вопросу, — «Письма к Фалалею» и «Отрывок путешествия» — приписаны Фонвизину и Радищеву. Я считаю эти «приписания» неверными, методологически порочными. Но так как уже сложилась традиция приписывать, например, Радищеву «Отрывок путешествия», то поэтому мне необходимо, с одной стороны, подробно разобрать и отвести доводы и аргументы тех, кто числит эти произведения за Фонвизиним и Радищевым, а с другой — развернуть систему своих доказательств очевидной для современников «Трутня» и «Живописца» истины, что новиковские сочинения принадлежат Новикову.

Отличительной особенностью третьего издания «Живописца», печатаемого в настоящем сборнике, которое, кстати, выпало из сферы внимания ученых, является полное отсутствие в нем чужих, анонимных и подписанных, произведений. В «Трутне» сотрудничали Попов, Аблесимов, Эмиц, Майков, — им принадлежали талантливые сочинения. В «Пустомеле» печатались переводы Алексеева, стихи Фонвизина, соответствовавшие новиковским требованиям и убеждениям. В «Живописце» печаталось много стихов в честь Екатерины и ее приближенных, письмо самой Екатерины Новикову, много-

численные переводы, различные прозаические сочинения. Все это чужое, принадлежащее другим авторам, часто и очень важное хотя бы в тактическом отношении, — например, письмо Екатерины, — Новиков исключил из своей книги, названной «Третье издание «Живописца». Исключил принципиально: данная книга имела специальную задачу собрать вместе все важнейшие, проверенные временем, сочинения, с тем чтобы дать читателю, и прежде всего читателю-союзннику, образцы таких произведений, которые бы соответствовали высокому и облызавшему званию Автора-писателя. А это значило: оставаясь независимым от власти, поднимать самые коренные вопросы жизни России, находить чисто просветительский выход из создавшегося в России тягчайшего положения «рабства и бедности» в активной деятельности человека, в распространении просвещения и воспитании народа. Нет нужды доказывать, что этот мирный путь, путь просвещения, не мог изменить деспотического режима России, — но таково было исторически объясняемое заблуждение Новикова.

Подчеркивая всегда в писателе-гражданине общественную ответственность, Новиков поэтому очень взыскательно относился прежде всего к самому себе. Впервые явившись читателю в 1769 г., он именовал себя «Издателем». Затем опыт «Трутня» и общественное признание его дарований (двойной тираж журнала в год издания) позволили ему в «Пустомеле», а главным образом в «Живописце» объявить читателю, что он становится Автором, условиться с ним о своем понимании роли литературы и обязанностях писателя. Вот почему весь не принадлежащий ему материал он давал подписанным. Такое разделение для Новикова принципиально важно — он слишком дорожил общественным мнением и хотел, чтобы читатель точно знал, что анонимный материал принадлежит Живописцу, а подписанный — тому или иному автору.

Успех «Живописца» был еще большим. Расширяя свою деятельность — издание «Опыта исторического словаря о российских писателях», организация исторического журнала «Древняя российская вивлиофика», создание «Общества, старающегося о напечатании книг», — Новиков все активнее включался в общественную жизнь. Завоевав симпатии и доверие читателя, Новиков задумывает развернуть обширнейшую книгоиздательскую деятельность. На пути к осуществлению этого намерения он и пришел к мысли о необходимости издания всех тех своих сочинений, которые не утратили интереса и значения не только на сегодня, но и на ближайшее будущее, отбросив при этом все незрелое, все отвлекающее читателя в сторону от генеральных проблем, все когда-то имевшее свое значение, а теперь уже устаревшее, как, например, полемику со «Всеякой всячиной». Такими сочинениями оказывались произведения, посвященные обличению дворянства и Екатерины, крестьянскому вопросу и просветительской программе. И вот, собрав из двух своих лучших журналов, «Трутня» и «Живописца», отвечающие данной цели произведения, *исправив* их, объединив в циклы, придав им новую композицию, он издает книгу, назвав ее «Третье издание «Живописца». Книга была снабжена специальным предисловием «К читателю». Предисловие опять было написано для объяснения с читателем по глав-

ному вопросу — об авторстве. И на этот раз Новиков не называет своего имени, — на этот счет у него была своя, особая точка зрения. И до этого и после он будет большинство своих сочинений выдавать анонимно. Однажды он даже сочтет нужным объявить публике свою позицию по этому вопросу: «Тот, который других перед собой не уважает, должен непременно сделаться известным, но что до нас касается, мы никогда себя публике не объявляем». ¹ Эта позиция вытекала все из той же новиковской высокой оценки роли писателя: он обязан исполнять свой долг, не привнося в это элементы посторонние, личные, докучливые — жажду славы, признания, похвалы и т. д. Писатель, удостоверенный исполнением своего долга, не станет называть своего имени читателю. Но если для Новикова не было необходимости «хвалиться» перед читателем своим именем, то следовало читателю дать знать, что автор разных статей и разных журналов один и тот же. Поэтому он в специальном предисловии делает *публичное заявление*, что все, здесь собранное, — «*мое сочинение*».

Если раньше читатель знал, что были два автора замечательных произведений, утаивших свое имя от читателя, — один под именем «Издатель «Трутня», а другой — «Сочинитель «Живописца», то теперь, предупрежденный Новиковым, он знал: издатель «Трутня» и сочинитель «Живописца» — одно лицо, которое и сейчас, собрав свои сочинения в одной книге, не называет своего действительного имени, а укрывается за новым псевдонимом Живописец. Уверенный, что читатель отлично помнит его сочинения и потому удивится, найдя их в этом новом журнале измененными, исправленными, Новиков уведомляет его, что сделаны все эти поправки им самим на основе авторского права: «Должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавными».

Теперь перейдем к вопросу о понимании Новиковым авторства.

Начну с первой новиковской автохарактеристики — «Издатель «Трутня». Новиков был полным хозяином своего первого журнала; он делал его сам по продуманному плану, точно сформулированному в эпитафье: «Они работают, а вы их труд ядите». Насколько эпитафья реализует глубокий замысел авторского построения журнала, видно из того, что когда после десяти листов обнаружилось трудности осуществления задуманного плана, когда завязавшаяся полемика с Екатериной стала по-новому определять направление журнала, Новиков переменял эпитафью, дав тем самым сигнал читателю — читай и понимай все написанное под этим новым знаком: «Опасно наставление строго, где зверства и безумства много». Журнал, по мысли Новикова, должен стать голосом демократической части Комиссии по Уложению, обращенным к более широким кругам. Взяв на себя обязанности организатора журнала, его автора, Новиков не думал, что будет сам писать много. Об этом и было заявлено в Предисловии. Но изменившиеся обстоятельства — начавшаяся полемика — заставили Новикова изменить и лицо журнала и свою роль, — уже необходимо было выступать не только автором-организатором, но и авто-

¹ Утренний свет», ч. IX, Заключение.

ром-писателем. Всю полемику вел Новиков, — этого никто не отрицает. Таким образом в первом своем журнале, выступив перед читателем под именем «Издателя «Трутня», Новиков проявил блестящий талант автора — организатора журнала (общая идея журнала, его план, композиция, подбор подходящих статей, авторского коллектива и т. д.) и автора — полемиста, писателя, мастера эзоповского языка, блестящего стилиста.

В «Живописце» мы встречаемся прежде всего с тем же замечательным, мастерским построением журнала. Опять перед нами знакомый по «Трутню» автор — организатор журнала, тонко и остроумно осуществляющий свою тактику «осторожности», помогающей печатать радикальные сочинения. Новым является публичное заявление Новикова о том, что он становится Автором-писателем. Договорившись с читателем о своем принципиальном понимании роли писателя, Новиков ввел для точного разграничения своего и чужого материала правило: все чужие статьи подписывать. И действительно, все чужие сочинения подписывались точным именем: «Сочинитель комедии «О время», то есть Екатерина II; В. Р., то есть Василий Рубан; П. П., то есть Павел Потемкин; стихи Александра Поповского, сатира Буало, сочинение Фридриха и т. д. «Живописец» 1772 г. со всей очевидностью показывает, что Новиков являет собой новый в России тип писателя, чуждого коммерческих соображений, настойчиво и решительно осуществляющего свои планы и намерения, писателя — организатора литературных сил, писателя — просветителя с самостоятельной программой практических дел, писателя, которому было необходимо высказаться перед обществом, у которого было желание вступить за интересы отягощенного, изнывающего в рабстве народа. Создавая «Живописец», Новиков хотел досказать то, что ему не дали, закрыв «Труть» и «Пустомелю», хотел внушить своим «единоземцам» — третьему сословию и лучшим представителям дворянства — мысль о незаконности и аморальности рабовладения. Приступая к осуществлению этой задачи, он знал, что журнал не принесет ему лавров, что следует ожидать гонений и преследований, и, подготовленный полемикой с самодержавным автором в «Трутне», он в специальном предисловии в ответ на увещания отказаться от замысла коротко и решительно заявил: «цельзя!» Таким образом мы видим, что, приступая к изданию «Живописца», Новиков хотел сказать русскому читателю что-то самое для него важное, самое дорогое. Первые же листы нового журнала показали, что этим главным была крестьянская тема, именно ей был посвящен центральный эпизод предисловия (история Худовоспитанника), «Отрывок путешествия», цикл писем к Фалалею и ряд других сочинений. И вот именно эти-то сочинения, для которых собственно Новиков и издал свой новый журнал, исследователи и отняли у него, оставив за ним, и то, видимо, временно, авторство статей о щеголях и щеголихах.

Больше всего наука приписывания потрудилась над тем, чтобы доказать, что «Отрывок путешествия» принадлежит Радищеву, а цикл писем к Фалалею — Фонвизину. Не вдаваясь в столетнюю историю вопроса, остановлюсь на последних исследованиях, подводящих итоги и «почти окончательно», «доказательно» приписавших эти произведения двум авторам. Эта точка зрения получила официальное признание (см. учебник для вузов «История рус-

ской литературы XVIII века» проф. Благого, изд. в 1946 г.). «Отрывок путешествия» помещен уже в I т. академического собрания сочинений Радищева, правда в отделе «приписываемых» сочинений. В дни радищевского юбилея 1949 г. этот «Отрывок» уже печатался в составе сочинений Радищева без всяких оговорок.

«Отрывок путешествия» «окончательно» закреплен за Радищевым исследованием В. П. Семенникова.¹ Как и все предшествовавшие ученые, Семенников не занимается вопросом, почему это «Путешествие» не может принадлежать Новикову. Весь лафос обращен на приписание его Радищеву. Первым, формальным основанием приписания служит сообщение сына Радищева — Павла Александровича, указавшего в 1858 г. в своих примечаниях на опубликованную статью Пушкина о Радищеве, что «другие статьи сего «Путешествия» были напечатаны в «Живописце» Новикова в 1776 г. и в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь 1805 г., стр. 61, «Смесь») — «Отрывок из бумаг одного крестьянина». Это глава из «Путешествия» под заглавием «Клин», которую привел Пушкин в приложении к своей статье о Радищеве». ² Как видим, никакого категорического утверждения, что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, в воспоминаниях престарелого сына писателя нет. Это отлично понимал и Семенников. Вот почему он начинает строить свою систему доказательств, основанную на допусках, предположениях, вероятностях.

Нить своих доказательств Семенников начинает так: «Если между содержанием «Отрывка» и «Путешествием» будут найдены какие-либо значительные точки соприкосновения, то показания сына Радищева есть доказательство принадлежности его отцу «Отрывка путешествия» в «Живописце». Итак, появилось первое *если...* Далее следуют поиски точек соприкосновения. *Первая группа точек соприкосновения:* а) «это два наиболее ярких протеста против крепостного права»; б) оба произведения написаны в одинаковой форме — путешествия; чувствуя слабость этих доказательств, Семенников сам заявляет, что это только «внешние черты сходства» (стр. 330). После этого автор переходит к «наиболее важному вопросу» — к выяснению точек соприкосновения «в частности». *Вторая группа* — частные точки соприкосновения: а) сюжет «Отрывка путешествия» в «Живописце» близок сюжету главы «Пешки» радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». В чем эта близость? — И в том и в другом случае автор описывает свое посещение крестьянской избы и впечатления от этого посещения; б) в обоих произведениях «жестокосердые помещики» отнимают у крестьян «хлеб и воду»; в) в обоих произведениях помещик заставляет работать крестьян в воскресенье; г) в обоих произведениях имеются одинаковые слова. Последний факт для исследователя имеет особо важное значение. Сделав эти наблюдения, исследователь опять, как и в первом случае, понимает шаткость своих позиций и неуверенность доказательств, поэтому, не смея прямо утверждать,

¹ См. статью «К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву» в книге «Радищев», М.—П., 1923, стр. 319—364.

² Там же, стр. 322.

что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, делает новое сложное допущение: остается два предположения: 1) или «Отрывок» оказал явное влияние на Радищева, или 2) автор «Отрывка» сам Радищев. Так появляется второе *если*.

Далее следует *третья группа* — тождество стиля. Желая во что бы то ни стало склонить чашу весов на свою сторону, исследователь ставит новую условную задачу — если совпадут черты стиля, то значит... начинается третье *если*.

Существенным свойством радищевского стиля, устанавливает Семенников, является его необычная эмоциональность — «пропитанность чувством». Именно этот сентиментальный элемент составляет особенность радищевского «Путешествия». После этого обнаруживается «сентиментальный» элемент и в «Отрывке путешествия» «Живописца». Анализ при этом состоит в том, чтобы, вырвав в обоих произведениях слова, однотипные для данной эстетической системы, сделать псевдонаучное заключение: похожие слова — свидетельство их принадлежности одному автору. Следовательно, по всем законам формализма делался угодный исследователю вывод — оба произведения принадлежат Радищеву.

Работа Семенникова серьезная, тщательная, но бесплодная. Бесплодна она еще и потому, что бездоказательно отвергнуто авторство самого Новикова, не прослежена связь идейного содержания этого «Отрывка путешествия» с воззрениями самого Новикова, потому, что не показано, в какой связи находится этот «Отрывок путешествия» со всем остальным материалом двух журналов Новикова, потому, что это сочинение в анализе вырвано из композиционного единства журнала, потому, что приписание Радищеву основано на формальных или субъективных сопоставлениях, доказательствах и тождествах.

Прежде всего в систему доказательств Семенникова не входит главное — идейный анализ. Автор привлек и «общие внешние черты», и «форму путешествия», и «частности», и «похожие слова», но нигде не говорит об идейном содержании двух произведений. Правда, Семенников указывает, что обоим «Путешествиям» свойственен «антикрепостнический пафос». Но «пафос» этот не может сблизить данные два произведения, потому что в основание их положены две глубоко различные и враждебные друг другу идеи. Если же подойти к двум «Путешествиям» с этих позиций, то все доказательства рушатся, как картонный домик.

Как известно, главной идеей, политической задачей радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» является доказательство тезиса, что *восстание, крестьянская революция* — есть единственный способ уничтожения крепостничества, бесправия, угнетения человека человеком, бедности и нищеты. «Отрывок путешествия», помещенный в «Живописце», обличая «рабство и бедность», покоится на идее *урегулирования* отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между «отцами» и «детьми».

Глава «Пешки», обличая «жестокосердого помещика, кончается грозным предупреждением: «Не ласкайся безвозмездием». «Отрывок путешествия»

в «Живописце», устанавливая, что в крестьянской бедности виноваты сами «глухие помещики», торжествующие «над подобными себе человеками», заканчивается следующими рассуждениями и мечениями самого крепостного крестьянина: «Дай ему (помещику-тирану. — Г. М.) бог здоровье! Мы... на бога надемся: бог и государь до нас милосливы; а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю!» Как видим, здесь две различных идейных концепции. Утверждение, что автор «Отрывка путешествия» в «Живописце» — Радищев, искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера. У нас нет никаких оснований говорить, что Радищеву были свойственны эти патриархальные, наивно-идеалистические и, в конечном счете, либеральные убеждения. В то же время вся эта идейная концепция точно соответствует основам новиковского мировоззрения. Таковы идейные противоречия двух сравниваемых произведений, обойденные исследователями.

Опровержение «частных» и «общих» «точек соприкосновения» более чем неблагоприятная задача. Как я уже отмечал выше, все эти частности сами по себе ничего не доказывают, не доказывают даже Семенникову, почему он и заключил, что только совокупность одинаковых впечатлений имеет значение. Но механическая совокупность насквозь субъективных впечатлений доказать ничего не может. В самом деле, как можно всерьез говорить о таких точках соприкосновения, как единство жанра «Путешествий» и единство антикрепостнического пафоса? Подобное сопоставление, улавливающее «внешние» черты сходства, нелепо и бесплодно. Единство антикрепостнического пафоса? Как уже было только что сказано, единство это мнимое — близкие в моральной оценке поведения бесчеловечного «помещику-тирана» авторы двух «Путешествий» стоят на крайних полюсах в решении способов и путей изменения такого положения. Сходство сюжета? Сходство, состоящее в том, что описываемые две избы крепостного крестьянина (в одну и ту же эпоху, в одной и той же стране, в одних и тех же местах — европейской части России) оказываются похожими друг на друга, — это, по мнению исследователя, аргумент? Безусловно, общее между ними есть, но эта общность — положение крестьянина, живущего при екатерининском крепостническом режиме. Сходство это бросается в глаза, несомненно, потому, что только в этих двух произведениях в литературе XVIII века и описывается крестьянская изба.

Опровержение «похожих» слов — просто бессмысленная задача. Повторю, свои возражения Семенникову я делаю в общепринципиальной форме. Считаю сам метод таких сопоставлений ложным и несостоятельным, я не могу покорно следовать за каждым выдвинутым аргументом и опровергать каждое похожее слово. Более целесообразным нахожу развернуть ряд соображений, подтверждающих истину, известную читателям Новикова, что «Отрывок путешествия» принадлежал издателю «Трутня» и сочинителю «Живописца».

Русские люди семидесятых годов XVIII века отлично знали, что Новиков «чувствителен к крестьянскому состоянию». В произведениях, безусловно принадлежащих Новикову, в его «Рецептах» есть «Рецепт» помещику-тирану и мучителю Безрассуду (л. XXIV). В этом «Рецепте» описывается положение крестьян: «Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное

пропитание», «они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*». Так еще в 1769 г. Новиков описывает непосильную работу крестьян («день и ночь») и отсутствие не только собственности, но и пропитания. Как же относятся крестьяне к своему помещику Безрассуду? «Бедные крестьяне любить его *как отца* не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут», то есть Новиков утверждает: крестьяне, исповедуя патриархальную веру, убеждены, что помещик должен быть отцом, горюют, видя своего барина тираном. Далее Новиков заявляет, что данная горькая участь крестьян есть исключение, объясняемое характером Безрассуда, ибо «прочая их братия у помещиков отцов наслаждается вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того что они в своем звании *благополучны*» (курсив мой. — Г. М.). Эта же мысль высказана Новиковым и во втором листе «Трутня» за 1770 г. в статье «В новый год — новое счастье». Статья эта — поздравление с Новым годом. Написана она в духе «Рецепта» — всем сословиям, всем «должностям» издатель «Трутня» высказывает пожелания. Вот что он пожелал поселянам: «Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Все идейное содержание «Рецепта» и «Поздравления» тождественно основной идее «Отрывка путешествия», напечатанного в «Живописце». Там также изображены крестьяне, бедствующие от тиранства Григория Терентьевича. И крестьянин, разговаривающий с путешественником, также считает себя обиженным богом и своим помещиком, который не хочет ему быть отцом. Так же, как и в «Трутне», высказывается мысль, что «прочая братия» живет «благополучно». В доказательство этого крестьянин «насказывает» путешественнику «столько доброго» про помещика соседней деревни, который «отец своим крестьянам», отчего и деревня его «Благополучная». Как видим, тут и там единство моральной концепции, положенной в основание произведений, обличающих рабство и жестокосердых помещиков.

Далее. Для Новикова характерна пропаганда идеи равенства всех людей. Выражая эту свою мысль, он почти всегда употреблял очень характерное слово *подобные* (крестьяне — люди, подобные во всем дворянам). Впервые эту мысль Новиков высказал в «Трутне» в том же «Рецепте»: крестьяне Безрассуда «не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих». Обращаясь к Безрассуду, Новиков пишет: «Безрассудный! разве забыл ты, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян». В «Отрывке путешествия», напечатанном в 1772 г., мы находим ту же новиковскую концепцию, выраженную уже словом *подобные*: «О вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей!» Новиков употребляет это слово не только в «Трутне» и «Живописце», но и в частных письмах. Так, в 1773 г. в письме к Козицкому Новиков пишет: «Дворяне ничто иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же во всем им подобных». В данном случае важно не совпадение слов, а совпадение всей новиковской концепции равноправия, выраженной соответствующим характерным словом. Кстати, об этом слове: оно также присутствует у Семеникова в числе доказательств. Вырвав его из идейного контекста, он

обращает внимание на необычное употребление слова «подобный» в смысле «такой же» и, установив использование этого слова Радищевым в таком же значении, делает заключение — следовательно, никто другой, кроме Радищева, так говорить не мог. Как видим, при первой же проверке несостоятельность этого утверждения становится очевидной.

Наконец, самое главное, говоря об идейном единстве новиковских статей о крестьянстве в «Трутне» и «Живописце», следует помнить, что их проблематика, тон и стиль всеми своими корнями уходят в те споры, которые разгорелись в Комиссии по крестьянскому вопросу. Именно там, в речах демократических депутатов Новиков впервые услышал моральное осуждение рабства. Отголоском этих патетических речей демократических депутатов и являются новиковские восклицания: «О безрассудный!», «О жестокосердый тиран» и т. д. Именно Новикову принадлежит заслуга введения в литературу этого словупотребления. В этой же связи стоит указать, что сама патриархальная концепция дворянско-крестьянских отношений как отношений «отцов и детей», как и «царистские» настроения, была историческим заблуждением крепостных хлебопашцев. Не случайно поэтому в манифестах Пугачева (через год после «Отрывка путешествия») дворяне осуждались на казнь между прочим и за то, что они не хотели быть отцами своим крестьянам. Вот что читаем в одной из прокламаций восставшего народа: «Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого же? Вам самим небезизвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божием и написано, чтобы они крестьян так же содержали, как и детей, но они... хуже почитали собак своих, с которыми охотились за зайцами».

Идейная близость новиковских статей о крестьянах в «Трутне» и «Живописце» и выступлений депутатов Комиссии Коробьина, Козельского, Чупрова, Маслова и др. с защитой крепостных, находящихся под властью помещиков, очевидна. Стоит только сопоставить с этими речами депутатов такие произведения, как «Рецепт» Безрассуду и «Отрывок путешествия», «Отписки крестьянские» и т. д.

Депутат Козельский заявлял: «Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределяемой своих помещиков воли... сносят свое состояние с крайним их отягощением». «Крестьянин же чувственный человек, он понимает и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково».

Новиков пишет в «Рецепте» Безрассуду: «Они [крестьяне] работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*».

Депутат Коробьин 5 мая 1768 г. выступил с защитой помещичьих крестьян:

«Начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало. В рассуждении сей материи я бы с охотою от нее воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых

правление над своими крестьянами *умножает их благополучие* усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как *отцы своими чадами*. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться... На первых хлебопашцы взирают как на своих отцов, а на вторых как на бич». В этом выступлении обнажено изложена моральная концепция первых защитников крестьян. Используя легальные возможности, предоставленные Комиссией, памятуя, что говорить о ликвидации крепостного права было запрещено, — эти депутаты поэтому выступали лишь с требованием ограничения власти помещиков, мотивируя свое требование фактом существования в России двух родов помещиков: одни — «отцы», другие — «бичи». Отсюда следовало: там, где помещик «отец», — там крестьяне «благополучны»; там же, где помещик «бич», — там крестьяне «разорены и нищи». Об этом с особой силой говорил крестьянский депутат Маслов: «Есть такие владельцы: людей у него находится, примерно сказать, только двадцать человек, и то будет половина на пашне, а другая при нем в лакействе, и по своей роскоши приумножает псовую охоту и думает, неусынно старается и мужиков денно и ночно работою понуждает, как бы опое прокормить, а того не думает, что чрез его отягощение в крестьянских домах дети с голоду эле помирают; он же веселится, смотря на псовую охоту, а крестьяне горько плачут, взирая на своих бедных, голых и голодных малых детей». Новиков сидел в Комиссии и не только слушал эти выступления, не только читал их, но и кратко излагал существо этих речей и возражения им со стороны переполошившихся помещичьих депутатов. И он прочно усвоил тактику и концепцию демократических депутатов и в своих журналах «Трутень» и «Живописец» выступил с серией статей по крестьянскому вопросу, собранных вместе в книге «Третье издание «Живописца».

Идея «Отрывка путешествия» прямо, непосредственно связана с речами демократических депутатов. Вот пример: из бесед путешественника с крестьянами мы узнаем, что помещик Разоренной деревни — «бич» своим мужикам: «У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то-де, *изволит баять*, вы и после убьетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб-от наш и пропадает (потому что они и работают на себя только по воскресеньям. — *Г. М.*). Дай ему бог здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы; а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю!» «На другой день, поговоря с хозяином, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучных деревни*: хозяин мой столько наказывал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных».

Совершенно очевидна связь этих статей с речами депутатов, и в этом сила первых в русской литературе выступлений по крестьянскому вопросу —

они родились в атмосфере политической борьбы демократических депутатов с крепостнической политикой Екатерины. Они идейно близки воззрениям самих крестьян, которые самостоятельно сформулировали в своих наказах и в речах своих депутатов требования, надежды и чаяния. Именно эта связь крестьянских статей «Трутня» и «Живописца» с речами депутатов и есть решающее свидетельство принадлежности их Новикову-писателю, полтора года проработавшему в Комиссии.

Те, кто приписывает «Отрывок путешествия» Радищеву, базируются на формальном анализе и потому отрывают это произведение от реальной почвы, его породившей, возводят его в ранг «сентиментальных путешествий», сопоставляют с произведениями данного типа, оперируя понятиями чистого литературного ряда. Методологическая несостоятельность таких «поостроений» очевидна. Они искажают и обедняют русскую литературу, отрывают ее от реальной действительности. Повторяю, сила крестьянских статей «Третьего издания «Живописца» в их связи с политическим событием, каким была работа Комиссии, с речами демократических депутатов, а не с правилами Стерна. Могло произойти это потому, что их автор, Новиков, был в центре идейной жизни России той поры, в Комиссии; Радищева тогда в России не было, он учился в Лейпциге. И не Комиссия, а восстание Пугачева было школой Радищева.

Методология формалистических доказательств, уловление похожих слов, мотивов, сюжетов, обычно базируется на имманентном изучении данного произведения, на отрыве его от действительности, на изучении вне контекста окружающих его в журнале произведений. Уже неоднократно говорилось, что отличительной особенностью новиковских журналов является их идейное единство, достигаемое их автором-организатором; «Отрывок путешествия», как и все другие материалы, органически связан со всем духом журнала, и прежде всего с принципами Новикова, декларированными им в статье «Автор к самому себе». Статья эта, возвращаясь к проблемам, затронутым уже в «Опыте исторического словаря», дает развернутую оценку состояния современной литературы. Гневно и презрительно говоря о писателях придворных или, как их остроумно назвал Новиков, «случайных» (от выражения «войти в случай», то есть стать фаворитом), пишущих во имя материальных выгод, наживы и славы, Новиков в то же время подвергает резкой критике и господствующее направление классицизма. Априорные нормы этой эстетики, требовавшие изображения должного, а не действительного, по мнению Новикова, приводят к тому, что искусство это становится лживым, лицемерным и, хочет оно того или нет, апологетическим по отношению к существующему строю.

Вот как издевательски изображает Новиков писателя-классика и его поэтическую практику:

«Мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские песни и на нежной своей лире воспевает золотой век. Говорит, что у городских жителей нравы развращенны, пороки царствуют, все отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревьями, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаясь по мелким прозрачным камешкам, восхитительный произво-

дят шум. *Блаженство* в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тению того дуба, который с лишком три тысячи лет зеленым одевается лиственным. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь; вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохладящие. *Невинность* в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа во успокоении сему приятному внимают согласию. Сама *добродетель* в виде прелестныя пастушки, одетая в белое платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается; вдруг перед ним показывается; пастух кидает свирель, бросается во объятия своей любовницы и говорит: «Цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!» Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидных сея жизни, однакож живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снега; а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем позабыли бы блаженство пастушеския жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: «*Чужую душу в рай, а сам ни ногою*», — бедный автор, ты других и себя обманываешь».

Но критикой Новиков не удовлетворился. Показав несостоятельность искусства классицизма, Новиков противопоставил ему прежде всего свою сатирическую «живопись», произведения, воспроизводящие правду жизни, реальный факт. Вот отчего уже в «Трутне» этой пастушеской идиллии он противопоставил бытовой документ — «Отписки крестьянские», где предстал перед читателем не пастух в виде блаженства, воспевающий свою любовь, а несчастный больной Филатка «с малыми ребятами», оставшийся без коровы, без хлеба и все же преследуемый своим барином. В «Живописце» Новиков продолжил свою прежнюю работу по созданию действительной живописи. Поэтому прямым дополнением к только что изображенной писателем-классиком деревне является деревня Разоренная. Деревня «златого века» помещена во втором листе, деревня «Разоренная» — в пятом.

«Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою». «Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека». В избе «в лукошках» «лежали без всякого призрения оставленные младенцы, один лежал, обернувшись «лицем к подушечке из самых толстых холстины, набитая соломою», другой «был распеленан: множество мух покрывали лице сего робенка». Взрослые «день и ночь» в поле, даже в воскресенье, «вить мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они в праздничные дни попустому шатаются. За всю эту работу помещик отнимает у крестьян «наущный хлеб и последнее спокойство», а требуют они всего лишь «необходимо нужного только пропитания».

Так последовательно Новиков борется с далеким от действительной жизни искусством классицизма, — в предисловии как критик он обруши-

вается на сочинителей пастушеских сочинений, воспевающих «золотый век» и крестьянскую жизнь в виде блаженства, а в «Отрывке путешествия» он выступает как «действительный живописец», изображая крепостническую деревню «обиталищем плача».

Чтобы покончить с выдвинутой темой, необходимо остановиться еще на одном, также в течение ста лет дискутируемом, неясном и затемненном обстоятельстве. Как известно, «Отрывок путешествия» имеет подпись И. Т. Что значат эти инициалы? Существуют три точки зрения: И. Т. означает «Издатель «Трутня», Иван Тургенев и Александр Радищев. Так как опять Семенников последним и наиболее подробно занимался этим вопросом, буду вести дело с Семенниковым.

Кандидатура Ивана Тургенева, выдвинутая Незеленовым, справедливо отводится Семенниковым. Тургенев известен не как писатель, а как переводчик, и переводчик мистических книг, к тому же познакомившийся с Новиковым значительно позже — в период масонской деятельности. «Рассмотрение инициалов И. Т. в смысле «Издатель «Трутня», — заявляет сам Семенников, — имеет более вероятия, прежде всего потому, что Новиков писал в своем журнале, и писал хорошо». Установив это, исследователь сразу же отступился, увидев перед собой вопрос: к чему было издателю «Живописца» называть себя «Издатель «Трутня»? Тем более, заявляет он неожиданно, что «инициалы, возможно думать, и не означают имени и фамилии автора, а могут иметь какой-либо другой смысл». ¹ В подтверждение этого суждения говорится, что «у издателей и сотрудников сатирических журналов не было в обычае ни сообщать свои имена под статьями, ни ставить буквенные подписи» (там же). Последнее утверждение просто не соответствует фактам.

Не будем говорить о всех издателях, а займемся журналами Новикова. В «Трутне», «Пустомеле» и «Живописце» мы в целом ряде случаев сталкиваемся с *намеренным* желанием Новикова или указать прямо имя автора, или в высшей степени убедительно наметнуть читателю, кто этот сочинитель, укрывшийся под псевдонимом (вымышленное имя, инициалы и т. д.). В одном случае автор указывает прямо: «Стихи на смерть Беклешова», подпись В. Майков («Трутень»). Подпись в данном случае необходима, ибо погибший — близкий друг по Комиссии и Майкова и издателя «Трутня»; или: «Эпиграмма Кондратовича к издателю «Трутня» («Пустомеля»); или: В. Р. — то есть Василий Рубан («Живописец») и т. д. В других случаях ставился псевдоним, который должен был известному кругу лиц точно указать автора. Аблесимов — член новиковского кружка в Комиссии — пишет специальное письмо издателю, где прозрачно намекает на взаимоотношения между членами этого кружка, и подписывается. И несомненно — подпись эта была известна и Новикову и его друзьям: «Азасес Азасесов». Эмиц, издатель «Адской почты», друг Новикова, поддерживавший его в своей «Адской почте», подписывается «Б. К.» (то есть «Бес кривой»), подчеркивая тем самым единство литературного фронта против «Всякой всячины», и друзья отлично узнавали истинного автора. Сам Новиков, написав первую статью против Екатерины, подписался

¹ «Радищев». М.—П., 1923, стр. 327—328.

псевдонимом Правдулюбов и дал своим друзьям и единомышленникам сигнал, что автор этой статьи он сам: под письмом появляется точное указание — 9 мая — день именин Новикова. Итак, мы видим повсюду желание Новикова ту или иную подпись сделать понятной нужному ему кругу лиц.

Условился Новиков и со своей читательской массой о собственном имени — «Издатель «Трутня». Избрание этого имени было мотивировано в предисловии журнала. На это имя корреспонденты писали письма через переплетчика. Автора «Издателя «Трутня» читатель знал довольно хорошо.

После закрытия «Трутня» автор, так полюбившийся публике, пропал. Но вдруг появился журнал «Пустомеля», который напомнил читателю об исчезнувшем авторе — «Издателе «Трутня»; во втором листе напечатана была «Эпиграмма «Издателю «Трутня», свидетельствующая о связи «сочинителя» «Пустомели» с «Издателем «Трутня». Этой эпиграммой дело ограничилось, ибо журнал был закрыт. В 1772 г. начинает выходить «Живописец». Журнал быстро завоевывает симпатии читателей. Многое в манере автора, укрывшегося под именем «Сочинитель «Живописца», было знакомо, напоминало пропавшего «Издателя «Трутня».

Новикову очень важно было установить преемственность своих журналов. Назваться «Трутнем» в 1772 г. он не мог — и по обстоятельствам политическим («Трутенъ» был закрыт Екатериной) и по субъективным причинам (перед новым журналом стояли совсем новые задачи). Но читателю необходимо было напомнить: «Издатель «Трутня» не пропал. И вот в первых же номерах «Живописца» печатается радикальнейшее произведение о положении крепостных крестьян, прямо продолжающее идейные мотивы «Трутня», — «Отрывок путешествия». На этом сочинении Новиков и ставит свой первый известный читателю псевдоним — И. Т. — «Издатель «Трутня».

Эта линия поведения Новикова — установление близости между двумя авторами, «Издателем «Трутня» и «Сочинителем «Живописца», завершается в 1775 г. в так называемом «Третьем издании «Живописца». Здесь собранные в одной книге произведения «Издателя «Трутня» — «Сатирические ведомости», «Рецепты», «Отписки крестьянские», «Письма к племяннику» — и произведения «Сочинителя «Живописца» — «Автор к самому себе», «Английская прогулка», «Отрывок путешествия», «Письма к Фалалею» и т. д. — являются сочинениями одного лица.

Каждое из приведенных доказательств в отдельности, а также их совокупность убеждают нас в том, что публичное признание Новиковым «Отрывка путешествия» своим сочинением справедливо и соответствует действительности.

Указав в специальном предисловии к третьему изданию журнала, что в данную книгу включены «мои сочинения», Новиков предупреждает, что он «многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений».

Начнем с этого заявления: «многое переменял, иное исправил». В этой книге, как уже указывалось ранее, были перепечатаны из «Трутня» «Отписки крестьянские». Перепечатаны были далеко не механически, ибо это произведение включалось в цикл других его сочинений, общих по теме. Для того

чтобы это произведение, существовавшее ранее самостоятельно, могло войти в новый цикл, в нем должны были быть произведены изменения. И действительно, эти изменения были сделаны.

В «Трутне» действовал принцип: «сам я писать буду очень мало: а буду издавать все присылаемые ко мне письма». Отсюда большинство статей «Трутня» подано как присланные в редакцию письма. Вел полемику с Екатериной не издатель «Трутня», а приславший издателю письма Правдулюбов. Это была, по выражению Екатерины, «тонкость», отлично понятая при дворе. Этого не скрывал и сам Новиков. В восьмом листе помещено письмо Чистосердова, в котором передавались придворные разговоры на ту же тему: «А етоде одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные писсы. Нынче-де знают и малые робята етот счет, что дважды два будет верно четыре». В 1775 г., решившись издавать свои сочинения, Новиков отбрасывает «былые топкости», не хочет заниматься «пустыми разговорами» и выдать свои сочинения за присланные письма. Поэтому-то он и выбрасывает предшествовавшее в «Трутне» «Отпискам» письмо Правдина, в котором проводилась «тонкость», что сочинитель этих «Отписок» не «Издатель «Трутня», а Правдин. Теперь все три письма, соединенные в одно произведение, получили новое заглавие «Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам» и давались без какого-либо сопроводительного письма.

Многое «переменил» Новиков и в «Отрывке путешествия». В первом издании «Живописца» «Путешествие» печаталось в двух листах, пятом и четырнадцатом. Между ними была помещена статья «Английская прогулка», рассказывавшая о недовольстве дворянства первым отрывком «Путешествия» и объяснявшая, что обличался здесь не весь «дворянский корпус», а только жестокосердые помещики. После первого отрывка шло уведомление от издателя: «Продолжение будет впредь». И далее: «Итак, я надеюсь, что сие сочинение заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверлю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство». И действительно, в четырнадцатом листе шло обещанное продолжение «Путешествия». Заключалось все «Путешествие» восклицанием путешественника, что он отправляется в деревню Благополучную, где надеется увидеть крестьян благополучных.

Во втором издании текст «Путешествия» полностью соответствует первому. В 1775 г., делая свою книгу, Новиков вносит перемены. Прежде всего он два отрывка соединяет в один и печатает подряд, создавая единое произведение. Затем, после завершающих фраз о том, что путешественник отправляется в деревню Благополучную, появился новый текст, которого ранее не было и который по сути представлял собой новую концовку всего «Путешествия». Этим новым текстом было уведомление: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сего книги».

Ту же внимательную авторскую правку, смысловую и стилистическую, мы находим и в «Письмах к Фалалею».

Но тщательной авторской переработкой текста Новиков не ограничился. В этой своей книге он осуществил один из любимых своих приемов — циклизацию. «Письма к Фалалею», напечатанные в свое время в пер-

вой части «Живописца», он соединил с письмом Ермолая «из сельца Краденова», опубликованным во второй части журнала, и с двумя письмами дяди к своему племяннику Ивану, напечатанными в «Трутне». Основа этой циклизации — сюжет, раскрывающий семейно-бытовые отношения между родителями и дядей — провинциальными помещиками, с одной стороны, и сыном (племянником), оторвавшимся от родной почвы, родительских традиций, живущим в столице, честно исполняющим свой служебный долг, читающим книги и заводящим знакомства с опасным «Издателем «Трути» (Иван) и «Сочинителем «Живописца» (Фалалей) — с другой.

Циклизация оказалась возможной и потому, что «Письма дяди к племяннику», напечатанные в «Трутне», озаглавливали отказ Новикова от абстрактно-моральной сатиры. Его все менее удовлетворяла господствовавшая в журналах и литературе манера условно отвлеченного изображения явлений русской действительности и аллегорических образов Скупого, Тирана, Болтуна, Безрассуда, Глупомысла, Влюблена и т. д., манера, которая на первых порах захватила и его самого.

«Письма дяди к племяннику» были первым опытом конкретно бытовой сатиры. Беря конкретные персонажи, он связывает их родственными отношениями, погружает в бытовые заботы, стараясь многочисленными штрихами, полными житейской «мудрости», почерпнутой из социальной практики, нарисовать характер человека.

Таким образом собрать в одну книгу избранные свои сочинения, ранее печатавшиеся в «Трутне» и «Живописце», оказалось возможным только потому, что их все объединяла не только идейная, но и эстетическая близость.

Все собранные в «Третьем издании «Живописца» художественные произведения есть блестящий пример конкретного воплощения в слове новиковских воззрений на литературу и сатиру (подробнее об этом см. во вступительной статье).

П р и п и с а н и е

Книга открывается «Приписанием» неизвестному г. сочинителю комедии «О время, то есть Екатерине II. Это «Приписание» перепечатано из журнала «Живописец», издававшегося в 1772—1773 гг. После закрытия «Трути» и «Пустомели» Новиков вынужден был прибегать к тактике «осторожности». «Приписание» журнала Екатерине было первым шагом в этом направлении. Екатерина, жаждавшая подчинить писателей своему влиянию, не могла не приветствовать такого посвящения. Но посвящение это было особого рода — Новиков хвалил не Екатерину-самодержца, а Екатерину-писателя, укrywшегося за псевдонимом «Сочинителя комедии «О время», и хвалил за будто бы обличительный пафос ее сатирического сочинения. Объявив автора комедии «О время» беспощадным сатириком, Новиков немедленно стал поучать его, заставляя: «взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки», «истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на

лица; порочный человек во всяком звании равного достоин презрению». Поучая и советуя, Новиков открыто приписывал монарху свои убеждения, свои взгляды на сатиру, нарочно представлял Екатерину-писателя в глазах читающей публики грозным сатириком. Нужно это было для того, чтобы спокойно продолжать свою работу обличителя, объявив себя всего лишь ее скромным учеником: «Вы открыли мне дорогу, который всегда я страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев».

Что Екатерине были приписаны новиковские воззрения на сатиру, читатель отлично догадывался, ибо он помнил: не Екатерина, а Правдулюбов первый «с благородною смелостию» напал в «Трутне» на пороки, полемизировал «с выжившей из ума бабушкой», требовал изображать пороки и порочных людей, «не смотря на лица». Это она, Екатерина, скрывшаяся под псевдонимом Патрикия Правдомыслова, требовала пороки называть «слабостями» и «к слабостям относиться снисходительно». Такое навязывание автору комедии «О время» своих убеждений не могла не заметить Екатерина. Отвечая «Живописцу», она, не вступая в полемику, обходя молчанием и тем самым отводя все похвалы, поспешила дать свое определение смысла сатиры-комедии, иронически приписавшее ей Новиковым. Цель ее как писателя, — сообщила она, — отнюдь не исправление нравов, а всего лишь «приносить удовольствие», «увеселить». «Пишу я для своей забавы». «При сочинении, — возражает автор комедии Новикову, — не брал я находящихся в ней умоначертаний ниоткуда, кроме собственной моей семьи». Новиков сделал вид, что не заметил этого указания и поправки императрицы.

Это же посвящение Новиков ставит в начале своей книги, но уже без ответного письма Екатерины. Без ответа Екатерины оно должно было с еще большим успехом служить защитой перед лицом цензуры и властей.

А н г л и й с к а я п р о г у л к а

Данная публицистическая статья была впервые напечатана в журнале «Живописец» в 1772 г. Она ставила своей задачей подкрепить прямыми политическими доводами впечатление путешественника от деревни Разоренной. В книге Новиков отделил ее от «Отрывка путешествия» и напечатал отдельно. Всем своим содержанием «Английская прогулка» непосредственно связана с политическими спорами в Комиссии по крестьянскому вопросу. По своей форме, стилистике это типичное «примечание депутата», или, как тогда говорили, «голос». Данная статья представляет собой продолжение выступлений Чупрова, Маслова, Козельского (см. речи этих депутатов).

Л е ч е б н и к

Впервые напечатан в «Трутне» (лист XXIII) под заглавием «Рецепты». «Рецептам» предшествовало письмо Лечителя издателю «Трутня», которое, как ненужную «уловку», Новиков снял в книге своих сочинений, дав циклу

новое название «Лечебник». Особенностью этого жанра является то, что, как правило, каждый рецепт был памфлетом на определенного человека. Современники отлично угадывали и узнавали объект сатиры. Можно предположить, например, что в Недоуме осмеян князь Щербатов — лидер аристократического дворянства, выступавший в Комиссии с речами в защиту прав дворян, могущих доказать свое многовековое дворянство. Начеркал — сатира на драматурга Лукина. Лукин выступил с теорией «склонения на русские нравы» иностранных пьес. В ряде своих комедий он осуществил на практике это требование. Новиков и Фощвизин, сторонники оригинального сатирического творчества, ратовавшие за национально-самобытную литературу, боролись против теорий и практики Лукина. Этим и объясняется сатирическое выступление Новикова. Безрассуд — одна из первых попыток Новикова создать памфлетный образ русского помещика-крепостника по впечатлениям речей крестьянских депутатов в Комиссии.

В «Рецепте» Безрассуду, напечатанном в «Трутне», с особой силой проявилось противоречие мировоззрения Новикова эпохи Комиссии, когда обличение помещиков-крепостников сочеталось с верой, что крестьяне могут быть «благополучны» у «хороших», «добрых» дворян. Пересчитывая этот «Рецепт» в 1775 г., то есть после жестокого разгрома пугачевского восстания, Новиков перерабатывает его, и перерабатывает коренным образом. Он вносит принципиальнейшие идейные изменения. Ранее «Рецепт» строился на противопоставлении судьбы крестьян у помещика-тирана и у помещиков-отцов, где они были «благополучны». В издании 1775 г. обличение помещика Безрассуда было оставлено, а изображение жизни «благополучных» крепостных у «барина-отца» — снято. Вот выброшенная часть текста: «Они (крестьяне. — Г. М.) не смеют и мыслить, что они человеки, по считают себя осужденными за грехи отец своих, видя, что прочая их братия у помещиков отцов наслаждается возделанным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того что они в своем звании благополучны».

Пугачевское восстание наглядно и неотразимо продемонстрировало перед Новиковым, что помещиков-отцов нет и не может быть, что мечта о «благополучии» крепостных у помещика утопична, что все помещики в силу крепостного права — Безрассуды. Этот опыт и определил исключение Новиковым данного отрывка в издании 1775 г.

В свете этого факта заслуживает внимания и та приписка к «Отрывку путешествия», которая появилась в издании 1775 г. Как известно, «Отрывок путешествия» кончался сообщением, что путешественник из деревни Разоренной собрался ехать в деревню Благополучную. Сохраняя это сочинение, сильное своим обличением рабства, в новом издании, Новиков после пугачевского восстания не хочет, чтоб у читателя появилась вера в возможность существования помещиков-отцов и «благополучных» крестьян. Вот почему, выбросив эту идею из «Рецепта», он дает новое окончание «Отрывку путешествия», которое должно было иронией снять надежду на возможность в екатерининской России «благополучных» деревень. Новое окончание состояло в фразе: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сей книги». Ирония заключалась в откровенной

несбыточности этого обещания. В самом деле, в 1772 г., когда «Отрывок путешествия» печатался в журнале, — продолжения обещано не было. А напечатать его было бы легко в одном из очередных листов журнала. Обещать продолжение «при новом издании сей книги» — значило издеваться над возможностью написания такого продолжения: Новиков не мог знать, будет ли новое издание книги, раскунит ли читатель это издание. Такого рода припиской Новиков внушал читателю: никакого продолжения путешествия в деревню Благополучную не может быть по той простой причине, что «благополучных» деревень в рабской России быть не может. Характерно, что вновь переиздав в 1781 г. «Живописец», Новиков никакого продолжения к «Отрывку путешествия», конечно, не дал, оставив и там приписку 1775 г., которая уже стала подлинным окончанием этого произведения.

Снятие в 1775 г. из «Рецепта» Безрассуду той части текста, где высказывалась надежда на «благополучную» жизнь у помещиков-отцов, подчеркивает не только иронический смысл приписки Новикова к «Отрывку путешествия», но является и еще одним доказательством того, что оба произведения — «Рецепт» Безрассуду и «Отрывок путешествия» — написаны одним и тем же лицом, а именно — Новиковым.

О т п и с к и к р е с т ь я н с к и е

Одно из первых замечательных по силе реалистического изображения художественных произведений русской литературы, посвященное теме крепостного права, первая попытка дать образ русского крепостного (крестьянин Филатка и староста Андрюшка). «Отписки» тесно связаны с крестьянскими наказами своим депутатам, которые внимательно изучал Новиков по своей работе в Комиссии. Подробнее о месте «Отписок» в литературе XVIII века см. в статье «А. Н. Радищев».

«Н а с я х д н я х п о л у ч и л я п и с а н и е»

Переделка сочинения «Торг семи муз. Из Кригеровых снов», переведенного в пору пребывания в университете Фонвизиним и напечатанного в 1762 г. в журнале «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия». Смысл переделки — дать русскому читателю под видом переводного сочинения сатиру на русскую действительность.

«Я т е п е р ь Н е у д о б о - р а з у м о - и - д у х о д е я т е л е н»

Данное сочинение — один из примеров мастерского использования Новиковым эпохального языка. Автобиографическое по теме, оно ставит перед собой задачу объяснить читателю обстоятельства, определившие решение его, Новикова, заняться просветительской деятельностью, отказавшись от государственной службы, от надежд на русского монарха. Этим данная статья продолжает тему предисловия к «Труду», где впервые было объяв-

лено о нежелании служить самодержавному государю. Обстоятельством, определившим это решение, был разгон Екатериной Комиссии. Вот почему в объяснении причин роспуска Комиссии данная статья Повикова полемизирует с екатерининской «сказочкой» о том, как мужику кафтан портные (депутаты) кафтан шили, напечатанной во «Всеякой всячине». Каков же смысл новиковского толкования слов «неудобо-разумо-и-духодетелен»?

Статья эта явно двупланна; рассказанная в пей история аллегорична, она намекает на какое-то важное событие, не могущее быть названным. В журналах той поры это обычный прием. Уже «Всеякая всячина» во вступлении предупреждала, что сочинения автора будут «не все прописывать, оставляя кое-что на острую догадку читателей».¹ Отсюда появление в этом же журнале «сказочки» о том, как мужику кафтан шили — аллегорического рассказа о причинах роспуска Комиссии. Новиков в своей статье тоже предупреждает: «Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету».

Итак, история, рассказанная здесь, имеет второй, более глубокий смысл. Читатель об этом был предупрежден. Статья начиналась словами: «Я теперь *Неудобо-разумо-и-духодетелен!*» Это определение «свойства душевного и телесного моего состояния одним только выражением» — итог долгих размышлений автора над своей жизнью после многих важных событий. Какие же это события? Автор рассказывает историю, вследствие которой он «взошел на сей степень престранных дум и чувствований». Будучи ипохондриком, он чувствовал необходимость к общению с себе подобными, «ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягают, так сказать, одного ко другому». Вследствие этого «глубокомысленное наше общество» учредило «каменный берег» местом своего сбора. Попадать на камнный берег можно было, проходя через *мосток*. Все было хорошо до того дня, пока вдруг автор не обнаружил исчезновение этого мостка. Даже «развалин» не видно. Путь к «каменному берегу» оказался пресеченным. Автор заперся у себя дома. Соседям кажется, что он «помутился мыслями». Однажды, не выдержав, он выскочил из комнаты, заявляя, что пойдет в полицию и потребует, чтобы «*мосток* сделан был». «Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине *мостка* не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает; но для того *мостка* не делает, что какая-то..., будучи также обязана содержать сей *мосток*, не соглашается еще по сие время к постройке оного, а на ее где ты будешь искать?»

«Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все». Но уже через некоторое время автор понял, что «уступил им очень много». На каждом шагу ощущал, как отсутствие *мостка* приносит ущерб. Однажды его слуга сообщил, что надобно на зиму купить дров, но вместо рубля следует теперь заплатить по рубль сорок копеек, «поелику за неимением *мостка* надобно их кругом обвозить». Здесь-то и происходит духовный переворот — именно в решении этой возникшей трудности, «на сем-то месте, г. м., сделался я в первый раз *Неудобо-разумо-и-духодетельным*. И здесь вся ипохондрия

¹ «Всеякая всячина», 1769 г., «Поздравление о Новым годом».

вмиг исчезла». Что же произошло? «Великое несчастье бывает часто причиною великих дел; и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем». Автор сумел найти способ заменить *мосток*. Будучи «новым светом озарен», он взял у хозяина досок, сколотил два желоба, перекинул эти желоба («песлыханские махины») через реку вместо *мостка* и по желобам переправил с того берега телегу с дровами. «Работа сия по моему учреждению хорошо и безостановочно происходила». «Вот вам, г. м., толкование на слово *Неудобо-разумо-и-духодеятелен*».

Таково содержание этой статьи. Думается, ее аллегорический смысл ясен — человек не должен впадать в отчаяние, если «неизвестная особа» разрушит какой-либо «мосток». Человек должен найти способ быть «духодеятельным», оставаясь в этой своей деятельности разумным, не боясь быть неудобным для полиции и разных «особ».

Вот и после роспуска Комиссии, после крушения веры в то, что собрание депутатов действительно займется подготовкой новых, нужных государству и народу законов, после обнаружения лживости всей просветительской политики Екатерины II, после разрушения всех «мостков», впавший было в ипохондрию Новиков нашел путь, изобрел «неслыханную махину» — независимую общественно-литературную жизнь, стал «неудобо-разумо-и-духодеятельным».

Знаменательно и окончание этой притчи. Вокруг автора, изобретшего замену «мостка», собралось множество людей. Удивленные увиденной «махиной», они стали между собой «перешептывать»: «Это, конечно, француз: видишь, как они умны». Другие, напротив того, спорили: «Нет, это не француз, это немец, которого недавно выписали». Вскоре дошло дело до драки, потому что подошел еще третий, сказавший: «Это не француз, не немец, а, конечно, наш какой удалой: теперь и русские, слава богу! научились». Автор вмешивается в этот спор, заявив: «Я точно русский. Притом уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского: но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто от того тупеет».

Начавший выходить в 1769 г. новиковский «Трутевь», а в 1772 г. «Живописец» явно свидетельствовали, что издает их, «конечно, наш какой удалой», что теперь «и русские, слава богу! научились».

«Недели с две тому»

Обычная «уловка», «тонкость» Новикова — свое сочинение выдавать за присланное письмо. Смысл данного письма «Доброхотного сердечка» и особенно примыкающего к нему ответа сочинителя «Живописца» — защита позиций независимости писателя от правительства, двора, дворянства. Автор письма под псевдонимом «Доброхотное сердечко», действуя обычными методами, решает подкупить сочинителя «Живописца». Новикова упрекают, что он пишет «темными красками», а это, несомненно, противоречит советам «бабушки твоей Всякой всячины». Его ругают: «А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь цаше лица. — Пора, право пора тебе, дружок, опомниться».

Далее следует обещание: опомнишься — получишь заказы, «станешь богаче да наживаться». Ответ сочинителя «Живописца» — замечательная декларация писательской независимости, свидетельство высокого понимания гражданских обязанностей литературы и писателя. Новиков с презрением отвергает предложение и тут же смело делает выпад против продажных «случайных» писателей и поэтов, за перстеньки и табакерки писавших «светлыми красками», угождавших вкусам своих заказчиков. «Если, — пишет Новиков, — вы имеете прелестное лице и приятный стан, то загляните только ко дво..., вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу». «Ко дво...» — означает ко двору.

«Сколько во Франции почитают Буало де Прея»

Одно из сильнейших обличительных сочинений Новикова, являющееся в то же время своего рода манифестом писателя-сатирика. Рисуя обобщенную картину морально сгнившего, развратного паразитического дворянского общества («разоренные вдовы», матери, «раздраженные распутством дочерей», карточные игры молодых дворян, «разговаривающие о великолепии французских мод», дворяне, не платящие долгов купцам, крестьяне «в ветхих рубищах», бегущие за каретой барина и просящие «об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнюю свою бедностью теперь заплатить не могут», дворяне, отвечающие жестоко и равнодушно «не можно», и подобные этим сценки, как бы обобщающие темы «Трутиязи» и «Живописца»), Новиков декларирует обязанность писателя «по сыновней любви к отечеству своему... открывать пороки сограждан», предавать эти пороки гласности, принося тем «пользу обществу».

В этой связи упомянуты в начале письма французский сатирик Буало и немецкий сатирик Рабенер. Они противопоставлены издателю «Трутиязи» и сочинителю «Живописца». Упоминание «Всякой всячины» в этом же ряду продиктовано тактикой «осторожности» — читатель отлично знал, что именно «Трутиязи» обличал «Всякую всячицу» за покровительство порокам. Этой же тактикой «осторожности» продиктована и следующая фраза: «Главные пороки повсюду уже искореняются, а мелкие выйдут, может быть, со временем из моды», которая прямо вела читателя к официальному мнению, выраженному дворянскими депутатами в сентябре 1767 г. при поднесении Екатерине II титула «премудрой, великой и матери отечества». Напомню это заявление дворянских депутатов: «Пороки исчезают, и корень их пресекается, но с кротостью исправляются нравы, просвещаются умы, и добродетели под священной сенью престола процветают». Вести официальную формулу о процветании России Новиков счел необходимым именно сразу после нарисованной им сатирической картины нравов и порядков дворянско-крепостнического государства, которая заканчивалась любопытнейшим латинским стихом. Введение этих стихов — одна из «уловок» Новикова: вывод, вытекавший из обличения, ловко был упрятан в латинский стих. Поэтому сразу он не бросился в глаза. Необходимо было разобраться в смысле, заключенном в этих двух строчках. Перевод их следующий: «Если судьба и создавала презрен-

ных Синонов, то она, своевольная, не щадила их — суетных и лживых». И так, — дворян, косящихся в разврате, живущих паразитической жизнью, жестоко обращающихся с крепостными, Новиков сравнивает с Синоном. Синон же (действующее лицо поэмы Вергилия «Энеида») — пленный грек, своей хитрой, коварной речью, клятвопреступлением обманувший троянцев. Не победенные в открытом бою, троянцы пали жертвой гнусного обмана, в результате которого Троя была захвачена греками.

Латинские стихи взяты Новиковым из второй песни Вергилиевой «Энеиды».

И а в е с т и о , п о л у ч е н н о е с Е л и к о н а

Еликон, то есть Геликон, гора в Греции, расположенная рядом с Парпасом. В греческой мифологии — местопребывание бога поэзии Аполлона и муз. Данный «сон» — ярчайшая сатира на Екатерину, сатира, примыкающая к позднейшим фонвизинским обличениям екатерининского фаворитизма и разврата, процветавшего при дворе. Герой «сна», писатель, сочинитель «Живописца», встречается с музами. При этом ему сначала кажется, что он уже умер, и это возмущает его, так как он хочет жить, прежде всего для того, чтобы исполнить свое намерение — написать «несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества». Музы успокаивают сочинителя, уверяя его, что он лишь спит и что во сне он встречается с ними для того, чтобы ответить на один важный вопрос: «какой его род людей *метрессы* и каким образом они у вас заведены». Ответ на вопрос и составляет тему сатиры. Метресса — то есть любовница, развратная женщина. Муза, «покровительница женского пола», имеющая «долг больше всех пецися о их целомудренности, верности и святости брака», ведет «роспись» всем честным женщинам. Она дает автору прочесть эту «роспись» с целью, чтобы тот нашел в списке за последнее полу столетие, «а наипаче последних годов» современную Лукрецию. Лукреция — жена Коллатина, обесчещенная сыном последнего царя древнего Рима Тарквинием. В знак протеста целомудренная Лукреция закололась. Имя ее стало синонимом честности и добродетели. Так вот в списке женщин за «последние годы» автор не находит новой Лукреции. На вопрос музы: «Ну... сколько нашел *Лукреций*?» он отвечает: «Извините, сударыня, я, право, здесь...» Этот ответ, сопровождаемый многозначительным многогочием, следующим далее демонстративная концовка: «Продолжения не будет», заявление, что современность не знает ни одной Лукреции, — вся эта сумма намеков составляла смысл сатиры, долженствовавшей обличить «великую жену», «мудрую мать отечества» как метрессу. — Весьма вероятно, что сатира эта имела свое окончание. В издании «Живописца» 1772 г. (лист XI) она имела уведомление: «Продолжение будет в следующем листе». Ни в следующем, XII, ни в каких других листах продолжение не последовало. Возможно, продолжение было запрещено цензурой. В издании «Живописца» 1775 г. появилось демонстративное, набранное курсивом, оповещение: «Продолжения не будет».

«К а к м н е и з в е с т н о»

(письмо Любомудрова)

Данное письмо Любомудрова и ответ сочинителя «Живописца», центральные статьи второй части книги, перепечатаны из журнала «Живописец». Они излагают новиковскую просветительскую программу. В письме Любомудрова рассказывается о создании Новиковым в 1773 г. «Общества, старающегося о напечатании книг». Главная задача создаваемых частными людьми, независимых от правительства, просветительских обществ — издание и распространение по России необходимых книг, журналов и газет. Одна из первых книг новиковского «Общества» принадлежала Радищеву — перевод сочинения аббата Мабли «Размышления о греческой истории». В этой же книжке содержалась его политическая статья «О самодержавстве», написанная в виде примечания. Это новиковское «Общество» в 1775 г. закрылось из-за отсутствия денежных средств. С 1779 г. Новиков на базе арендованной им типографии Московского университета начнет осуществлять программу, сформулированную в этих статьях. Характерно противопоставление Новиковым своего «Общества, старающегося о напечатании книг», екатерининскому «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг». Новиковское «Общество» печатало и распространяло русские книги, екатерининское — иностранные, и прежде всего политические сочинения французских энциклопедистов.

САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

«Сатирические ведомости» — одно из ранних сатирических сочинений Новикова, печатавшихся в «Трутне» в 1769 г. в лл. VI, IX, XVI и XVIII, под общим заглавием «Ведомости». В 1772 г. Новиков напечатал в VI и XX листах «Живописца» продолжение «Ведомостей». По жанру — это пародия на газету, отсюда разделы сочинения: известия — «В Санктпетербурге», «Из Москвы», «Из Ярославля» (или какого другого города), «Подряды», «Продажа» и, наконец, «Курс деньгам». Как всякая газета, «Ведомости» наполнены злободневным материалом. В отличие от сатирических сочинений типа «Смеющийся Демокрит», где речь шла только об общих пороках, здесь всегда обличался точно обозначенный конкретный объект. В каждом разделе современники находили ясный им намек на реальное событие или на реальных людей. В настоящее время не все намеки удастся раскрыть. То же, что оказывается раскрытым, свидетельствует о силе и остроте новиковской сатиры.

№ 1

П о д р я д ы

«Для наполнения порожних мест» — первое дерзновенное выступление Новикова против фаворитизма Екатерины II. Впервые напечатано в «Трутне», лист VI. К этой заметке непосредственно примыкает вторая, напечатанная в «Трутне», лист XVI, которая по сути дела является окончанием единого произведения. В первой заметке говорится «о престарелой кокетке» и необходи-

мом ей питате любовников. И это можно было толковать отвлеченно как сатиру на дворянский разврат. Вторая заметка уточнила намек: во-первых, эта «престарелая кокетка», оказывается, живет в Петербурге, во-вторых, она женщина очень знатного происхождения, ибо ей свойственна власть награждения за любовные «услуги», в силу которых известные молодые люди получали такое знатное достоинство, что могли хвастливо заявлять о себе: «в роде своем не последний». Такую власть в России имела только одна женщина, и называлась она императрицей Екатериной II. Реальная судьба екатерининских фаворитов подтверждала этот намек: Стапислав Понятовский «за услуги» был возведен в 1764 г. на польский престол; бедные гвардейцы из безвестного дворянского рода — пять братьев Орловых — были возведены в графское достоинство, награждены чинами, орденами, баснословными именьями. С годами число безвестных молодых людей, щедро награждаемых «престарелой кокеткой», неслыханно росло: Васильчиков, Завадовский, Потемкин, Ланской и десятки других. Вот почему обе эти заметки были перепечатаны в «Живописце» в изданиях 1775 и 1781 гг. — со временем они приобретали все более злободневный характер. В 1782 г. Новиков не ограничился перепечаткой старых сатир и написал цикл сатирических рассказов под названием «Пословицы российские», которые опубликовал в своем периодическом издании «Городская и деревенская библиотека». Два рассказа из этого цикла — «Близ царя, близ смерти» и «Седина в бороду, а бес в ребро» — смелое обличение екатерининского фаворитизма. Эти выступления Новикова прямо перекликались с сильнейшими сатирическими сочинениями Фонвизина — «Придворной грамматикой» и «Рассуждением о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», где тема обличения екатерининского разврата приобрела особо острую форму. Появление этой сатирической темы в литературе объясняется реальными обстоятельствами. Фаворитизм Екатерины приобретал с годами особо гнусный, чудовищно бесстыдный и крайне разорительный для государства характер. В 1774 г. во дворце появился Потемкин, с которым уже воцарился ничем не прикрытый разврат: занимал официальное положение фаворита, Потемкин взял в свои руки поставку молодых «любимчиков» стареющей императрице. И вот один за другим во дворце появлялись молодые люди, фавориты на час, осыпались почестями, наградами, дорогими подарками. Подолгу они не задерживались. Некоторых милостиво отпускали на покой, некоторые трагически умирали, как, например, умер Ланской, некоторые бесследно исчезали.

Вот против этого позорного явления русского самодержавия, против бесстыдного узаконенного разврата русской императрицы, объявившей себя «матерью отечества» и просвещенной государыней, и выступил Новиков. Уже первый рассказ прямо называл эту тему «Близ царя, близ смерти». Сатирическое содержание его помогало усвоению этой народной мудрости: молодой самаркандец, не желая учиться, отправляется искать счастья ко двору, где, понравившись царице, делает карьеру, а затем отправляется на эшафот. Перед казнью несчастный избранник крикнул народу: «Теперь узнаю, но поздно, что близ царя, близ смерти». «Слова сии столь твердо вкоренились в слышателях зрелища, что вошли с тех пор в пословицу, а ежели

хотят ныне изобразить опасность придворной жизни, то говорят: близ царя, близ смерти». Нельзя сразу же не отметить, что само это утверждение — «близ царя, близ смерти» — даже вне связи с фаворитизмом имело предерзостный характер.

Следующая поговорка «седина в бороду, а бес в ребро» уже прямо и открыто обличала царский разврат. Новиков, как мы уже знаем по «Трутню», мастерски умел использовать прием намека. Так, например, он, обличая Екатерину, называл ее «пожилой дамой нерусского происхождения, упражнявшейся в сочинениях книг под названием «Всякий вздор», возомнившей себя «всемирным возглашателем истины» и т. д. Тогда Екатерине было сорок лет. В 1782 г. ей было 52 года. Как мы уже говорили, переход к старости ознаменовался у Екатерины усиленной сменой фаворитов. И вот Новиков берет поговорку, имевшую в виду именно это значение — блудливость стариков.

Новиков строит свое сатирическое сочинение как цепь коротких рассказов, автор которых как бы ищет в каждом из них случая понять, откуда пошла поговорка, поставленная в заглавие. О том, что рассказы носят сатирический, иносказательный характер, что пужно было искать за внешним видом внутренний смысл, читатель специально предупреждался: «Сие изречение может быть более иносказательно, нежели как видится оно при первом взгляде. Человек, приобыкнувши не довольствоваться наружным письмен смыслом, легко усмотреть может» иносказание.

Для усиления намека, заключенного в заглавии, Новиков подбирает серию коротеньких рассказов, развивающих одну и ту же мысль, один и тот же сюжет: старая женщина «плещется молодыми мужчинами». В первом рассказе читаем: «Была женщина, которую морщины и седые волосы довольно обезобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в восемнадцать лет, Наряды, румяна, белилы занимали всю ее голову, она не думала о должностях своих... ей беспрестанно мечталось, будто все молодые мужчины ею плещаются...»

Во втором рассказе: «Старуха, имеющая прекрасную взрослую дочь, искушением беса влюбляется в двадцатилетнего молодчика, который, увиди вместе седую старуху и прекрасную ее дочь, отдаст последней свое сердце, а с первую делает денежный договор в продаже ей своей склонности. Торг кончился, старуха щедро платит за купленные ласки, истощает старинные редкости для подарков, опустошает мешки казенные...»

Третий рассказ: «Имея седину в голове, женщина, я чаю, искушением же беса начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идилии, эклоги и другие мелкие сочинения, по успехов не видит...»

Четвертый рассказ: «Старая и беззаконно проводившая дни свои женщина... имела сына, которому хотя и за 30 лет было, но он еще ничему не учился...»

И так подряд в шести рассказах перед читателем проходила развратная старая женщина, «седая старуха», приглашавшая к себе в дом «двадцатилетних молодчиков», платившая им за ласки, опустошавшая «мешки казенные».

Эта старуха к тому же еще занимается литературой, «кропая» мелкие сочинения, не имеющие успеха. Вряд ли можно сомневаться в точно адресованном намеке — Екатерина была уже «старая седая женщина», она принимала к себе в дом «молодчиков двадцатилетних», она щедро платила им за ласки из «казенного мешка», она на старости лет вновь принялась за литературу, «марая сказочки» для своих внуков и всевозможные «мелкие сочинения», «успеха не видевшие».

Конец сатиры — это обнаженный памек. В одной из рукописей, — сообщает автор, — он нашел повесть о том, как сыну одной развратной женщины бес предстал в виде прекрасной девицы и, соблазнив его, заставил на себе жениться. Через некоторое время бес ушел от него, написав ему на лбу составом, которым если написать, «то вечно написанное останется видно: седина в бороду, а бес в ребро». Молодец бегаёт по улицам, каждый читает на лбу надпись и спрашивает, что она означает. «Он каждому рассказывает, повесть сия бегаёт из двора во двор и делается общею пословицею». Наконец следовала последняя фраза — злая ирония, — долженствовавшая направить внимание читателя от «наружного письмен смысла» к вносказанию сатиры: «Причина сия невероятна, но ежели другой сыскать не можно, то я прошу моих читателей и сей поверить».

Таким образом, в начале 80-х годов Новиков усиливает свою борьбу с фаворитизмом и к своим старым памфлетным заметкам делает дополнение в виде новых сатирических рассказов. Характерно, что в пятом издании «Живописца», появившемся уже без участия Новикова, обе сатирические заметки сняты.

№ 3

С П а р н а с а ... 1769 года

Можно считать доказанным, что сообщение о новой русской комедии касалось комедии Фонвизина «Бригадир», законченной к лету 1769 г. в Москве и привезенной в Петербург, где она читалась и в кружке Новикова, и в частных домах, и при дворе — у Екатерины и Павла. Чтение комедии сопровождалось шумным успехом. Новиков, связанный с Фонвизиним узами дружбы еще по Московскому университету, отметил это событие сообщением в своих «Ведомостях». Это сообщение — свидетельство еще и того, как складывался союз молодых литераторов, сторонников «действительной живописи». Через два с половиной года Новиков повторит высокую оценку «Бригадира» в своем сочинении «Опыт исторического словаря русских писателей».

Г. С. — поэт и драматург Сумароков.

И з М о с к в ы

«Разговоры о множестве миров» — сочинение Фоптенеля, французского писателя, одного из зачателей движения французского Просвещения. Указанная книга — замечательный образец популяризации научных знаний — была направлена против церковного учения о происхождении мира и

пропагандировала декартовское астрономическое учение. Это сочинение было переведено на русский язык писателем-сатириком Кантемиром в 1730 г. Появиться в свет этот перевод мог только в 1740 г., но по решению синода как «атеистическая богопротивная квижичица» был изъят и уничтожен. Защита Новиковым этого сочинения и пропаганда антицерковного учения в его журнале характеризуют его деистическое мировоззрение. Впервые эта заметка была напечатана в «Трутне», затем перепечатана в третьем и четвертом изданиях «Живописца». В пятом издании статья была изъята цензурой.

№ 4

Из М о с к в ы

Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь — чума; началась осенью 1771 г., кончилась в январе 1772 г. Новиков использует реальный факт для сатиры, сравнивая «пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам» с чумою.

Из Я р о с л а в л я

...ныне славится и хорошими сочинениями — речь идет о трех комедиях Екатерины II: «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семьею», «О времяя», на титуле которых было поставлено условное обозначение: «Сочинено в Ярославле».

Д. И. Фонвизин**ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ**

В течение всей жизни Фонвизин писал письма к родным, друзьям, политическим деятелям России. В частности, много писем было написано из неоднократных зарубежных поездок. К сожалению, большая часть из них до нас не дошла. Из оставшейся части письма, написанные из первого путешествия во Францию, занимают центральное место. Больше того, сохранились письма из Франции сразу двум адресатам — сестре Федосии Ивановне Фонвизиной, в замужестве Аргамаковой, и Петру Ивановичу Панину, брату министра иностранных дел Никиты Панина. Между этими двумя циклами — очевидная близость. В них Фонвизин часто развивает одни и те же проблемы и вопросы. При этом иногда в письмах встречаются одинаковые, уже сложившиеся обороты, видимо вполне удовлетворявшие писателя. В других же случаях можно видеть, как Фонвизин одну и ту же мысль формулировал различным образом, ища новых и точных слов для ее выражения. В настоящем издании печатаются письма из Франции, как наиболее идейно значительные и к тому же объединенные общностью тем. Это придает обоим циклам художественную цельность. Печатаая эти два дополняющие друг друга цикла вместе, мы даем им условное название «Письма из Франции». Все переводы с французского языка и сноски принадлежат редакции.

Стр. 466. *...ученость не родит разума.* — Замечательна эта мысль Фонвизина. Не отрицал значения школьного воспитания и наук, он неоднократно подчеркивает, что ограничиваться книжным образованием невозможно. Вот почему такую большую роль, по его мнению, имеют путешествия. С презрением относился к книжной, педантичной, схоластичной и оторванной от жизни науке, Фонвизин всеми своими письмами утверждал мысль: сила разума должна укрепляться опытным знанием. Характерно, что это убеждение Фонвизина перекликается с радищевской теорией воспитания жизнью (см. вступительную статью к Радищеву и примечания к «Житию Ф. В. Ушакова»). Радищев, с последовательностью революционера утверждая, что главным воспитателем человека является жизнь, писал: не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа. «Известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шестые наше в учении нашем». «Природа, люди и вещи — суть воспитатели человека». «Обстоятельства делают великого мужа» и т. д.

Стр. 471. *...разрешении от бремени ее императорского высочества...* — 12 декабря 1777 г. Мария Федоровна, жена наследника Павла, родила сына Александра Павловича. Друг и начальник Фонвизина Никита Панин был воспитателем Павла — отсюда обязательность этого поздравления.

Стр. 472. *Здесьние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся.* В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают. — Наблюдения Фонвизина отличаются замечательной зоркостью политического писателя и беспристрастностью. Давая точное и объективное описание Франции и порядков в ней, он беспрестанно думает о «домашних делах», сравнивает, не упуская случая обрушиться на ненавистные ему порядки деспотического правления Екатерины II. Недаром Белицкий говорил о Фонвизине, что он «был необыкновенно умный человек».

— *Словом, деньги суть первое божество здесьней земли.* — Пример исторически верного понимания процессов, происходивших во Франции накануне революции. Фонвизин, описывая экономику страны и утверждающиеся новые буржуазные отношения, замечает рост власти денег, «чистогана». Именно поэтому Белицкий указывал, что за каждым фонвизинским письмом «чувствуется начало французской революции».

Стр. 475. *...если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию.* Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здесьнем совершенстве суцзя ложь... и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу... — Это — один из важнейших принципиальных выводов Фонвизина, вытекавший из опыта его путешествия. По Фонвизину, путешествия полезны не только потому, что помогают расстаться с заблуждениями. Больше того, путешествие по чужим краям, при понимании, что в России господствуют «злоупотребления и неустройства», все же должно укрепить любовь к отечеству, должно воспитать желание отдать жизнь делу процветания своей родины. Это убеждение Фонвизина тем знаменательнее, что оно прямо противоположно воззрениям Руссо,

которые нельзя не назвать антипатриотическими. В своей книге «Эмиль или о воспитании», вышедшей в 1762 г., Руссо писал: «Путешествие как воспитание... нужно начать с изучения природы правительства вообще, различных форм правительств и наконец того именно правительства, под властью которого он родился, чтобы решить, стоит ли ему продолжать жить на родине, так как в силу неотъемлемого права каждый человек приобретает право отречения от отечества, как от отцовского наследства».

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ, МОГУЩИХ ВОЗБУДИТЬ В УМНЫХ И ЧЕСТНЫХ ЛЮДЯХ ОСОБЛИВОЕ ВНИМАНИЕ

Впервые напечатаны в 1783 г. в третьей части журнала «Собеседник любителей российского слова», выходившего под редакцией княгини Дашковой и Екатерины II. Данное произведение Фонвизина появилось в печати без заглавия. Как видно из вступительной части этого сочинения, Фонвизин назвал его «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Но именно это заглавие не устраивало Екатерину. Она сняла его и с целью нейтрализации сатиры к самому тексту вопросов дала предисловие собственного сочинения. В оглавлении же оно было названо «Вопросы и ответы с приобщением предисловия». Совершенно очевидно, что это заглавие принадлежит не Фонвизину, а Екатерине, отвечавшей на присланные вопросы. Но именно это фальсифицированное название укрепилось в научной литературе и печатается во всех сочинениях Фонвизина, получив следующую форму: «Вопросы Фонвизина и ответы сочинителя «Былей и небылиц». Действительное фонвизинское название, вскрывавшее идейный смысл его замечательной сатиры, было предано забвению. Более того, произведение, направленное против Екатерины, стало выдаваться за сочинение двух авторов — Фонвизина и Екатерины (сочинителя «Былей и небылиц»). Между тем еще Пушкин в своем «Современнике» (№ 2 за 1836 г.) сделал попытку восстановить подлинное заглавие. Он напечатал статью «Российская Академия», автор которой, ссылаясь на авторитетное свидетельство, приводит подлинное название фонвизинской сатиры — «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Авторитетность этого сообщения несомненна. Об этом же говорят дух и стиль данного названия. Совершенно фонвизинское словоупотребление — «умные и честные люди» — прямо ведет нас к названию фонвизинского журнала «Друг честных людей». В настоящем издании именно поэтому «Вопросы» впервые печатаются под действительным фонвизинским заглавием.

Существо фонвизинских вопросов — в постановке на общественное обсуждение коренных проблем политической жизни России. Писатель затрагивал темы, волновавшие умы. Читатель-современник отлично понимал те многочисленные и острейшие политические намеки, которые заключались в каждом вопросе. Для нас, отдаленных от Фонвизина полутора веками, не всегда точен фонвизинский смысл «Вопросов», вот почему совершенно необ-

ходим к ним реальный комментарий. Несмотря на отсутствие точных документальных свидетельств, содержание некоторых вопросов, как мне представляется, можно расшифровать.

Второй вопрос — «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» — заключал в себе намек на реальные факты. К этому времени демонстративно ушел в отставку министр иностранных дел Панин, 10 марта 1782 г. подал в отставку сам Фонвизин. Отставки эти носили политический характер. Русское общество уже до этого знало случаи демонстративной отставки: в 1769 г. 24-летний писатель Новиков отказался служить екатерининскому государству, о чем публично объявил в предисловии к своему журналу «Трутень». В журнале «Живописец», четвертое издание которого вышло в 1781 г., печатались письма и советы Новикова некоторым людям об их праве пойти в отставку с государственной службы, но при условии продолжения общественной деятельности на благо отечества. Несомненно, тема эта была одной из острейших в политической жизни той поры, чем и объясняется вопрос Фонвизина.

Пятый вопрос формулировал требование гласности суда как единственного средства борьбы с произволом и взяточничеством судейских чиновников, неоднократно бравшихся Екатериной под защиту в своих литературных выступлениях.

Седьмой вопрос содержит резкий выпад против паразитизма дворянства. Многие дворяне, опираясь на поддержку Екатерины, не служа добывались чинов и выгодных местечек. Паразитизм дворян, не желавших служить отечеству, — одна из центральных тем сатиры Новикова и Фонвизина. Ту же проблему поднимает и вопрос двенадцатый.

Вопрос восьмой содержит выпад против екатерининского журнала «Собеседник» и «пустых», «болтливых» фельетонов «Былей и небылиц», написанных самой императрицей. Екатерина в ответе указала, что повела дерзкий намек писателя.

Десятый вопрос содержит в себе намек и обвинение Екатерины в разгоне Комиссии для сочинения нового Уложения. Тринадцать лет назад под предлогом войны с Турцией Екатерина распустила Комиссию. Фонвизин первый в русском обществе поставил вопрос перед монархиней — почему не собирается Комиссия, почему прекратилась работа по обновлению законодательства, почему исключены из этой работы представители всех сословий России. Распустив Комиссию, Екатерина в то же время развернула, особенно после подавления восстания Пугачева, лихорадочную деятельность по законодательству, направленную на укрепление полицейского государства. В письмах к своим французским друзьям-просветителям Екатерина писала, что она «больна легисломанией», что она одна составляет сотни законов, долженствовавших обновить Россию. Фонвизинский вопрос выражал общественное недовольство этой «легисломанией». Разъяренная Екатерина ответила резко на этот вопрос, в назидание другим: «Оттого, что сие не есть дело всякого». Тем самым Екатерина открыто признавала: кончилась ее игра в либерального политика. Составление законов, объявлялось ею, есть прерогатива самодержавного государя, и она не собирается ничего уступать из своей власти.

Тринадцатый вопрос не столько спрашивал, сколько констатировал, с типичным для Фонвизина гневом, факт вырождения дворянства, основой чему служило рабовладение. Вопрос формулировал центральную идею «Недоросля», где Фонвизин изображал «упавшие души» дворян Скотининых и Простаковых.

Под номером четырнадцать Фонвизин поместил два вопроса. Сделал он это сознательно, ибо второй четырнадцатый вопрос, «ошпынях и балагурах», как прямой выпад против Екатерины, мог быть выброшен. И тогда счет оставшихся вопросов не изменился бы.

Вопросы пятнадцатый и шестнадцатый связаны с «Письмами из Франции». Там Фонвизин показал русских «умниц», оказавшихся в Париже «дураками», и критически отнесся к тем иностранцам, кои у себя в отечестве «почитались умными людьми».

РАССУЖДЕНИЕ О ИСТРЕБИВШЕЙСЯ В РОССИИ СОВСЕМ ВСЯКОЙ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

Политический памфлет, написанный Фонвизиним, но выражавший в какой-то мере общие с Никитой Паниным воззрения на екатерининское «самодержавство». Отсюда и второе заглавие памфлета, встречающееся в научной литературе, «Завещание Панина». Написан он в 1783 г., незадолго до смерти Н. Панина. Предназначалось это сочинение для Павла, который по восшествии на престол должен был, по мысли его авторов, осуществить программу преобразований своего воспитателя Н. Панина. После смерти Панина Фонвизин передал «Рассуждение» брату своего единомышленника, Петру Панину. Переданное Павлу, оно не произвело никакого впечатления на наследника. Сразу же по написании «Рассуждение» разошлось в списках. Несомненно, знал его и Радищев, использовавший этот факт из истории русской общественной мысли в своем «Путешествии» (глава «Хотилово», содержащая в себе «Проект в будущем»). Впоследствии «Рассуждение» пользовалось широкой популярностью у декабристов, распространялось в списках и использовалось как агитационное произведение. Впервые напечатано за границей, в Лондоне, в 1861 г. («Исторический сборник», вып. 2). В России «Рассуждение» оказалось возможным напечатать лишь после революции 1905 г. Появилось оно в качестве приложения к книге Е. Шумигорского «Император Павел I. Жизнь и царствование». СПб., 1907.

ДРУГ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ИЛИ СТАРОДУМ

Журнал задуман Фонвизиним в середине 80-х годов, когда с особой силой проявилась общественная роль независимой от правительства литературы. Новиков в течение десятилетия издавал один журнал за другим, обращаясь к широкому кругу разночинного читателя (Новикову в 80-е годы принадлежали следующие периодические издания: «Московское издание», «Прибавление к «Московским ведомостям», «Городская и деревенская библиотека» и газета,

редактировался им с 1779 по 1789 г., «Московские ведомости». Новиков издавал под редакцией Петрова и Карамзина журнал «Детское чтение». Журналы «Вечерняя заря» и «Покойщийся трудолюбец» издавались в университетской типографии Новикова, но не принадлежали ему, так как находились в руках Шварца и его учеников, идейных противников Новикова). В 1786 г. вышел журнал общества, руководимого радикальным публицистом Кречетовым, — «Не всю и не ничего». В 1789 г. молодой Крылов стал издавать свой журнал «Почта духов». Созданное в Петербурге из бывших воспитанников Московского университета «Общество друзей словесных наук» в том же 1789 г. стало издавать журнал «Беседующий гражданин», привлечший внимание Радищева настолько, что он вошел в «Общество» с целью подчинить своим революционным задачам это издание. Именно в этом ряду стоит и попытка Фонвизина издавать свой журнал. Несмотря на гонения Екатерины, писатель не намерен был отказываться от активной общественной деятельности. Главная цель журнала — «смело обличать пред отечеством и пред светом» злоупотребления и неурядица русского государства. Автор подчеркивал независимость журнала от правительства между прочим и названием «Стародум». Читатель отлично помнил, как Стародум из «Недоросля» гордо заявлял о своем нежелании быть у двора, быть советчиком у трона, «быть у большого неясцельно». Близость журнала к «Недорослю» проявилась не только в содержании напечатанных в нем статей, но и в композиционном строении его, — он был дан как переписка Стародума с автором «Недоросля» и другими героями комедии. Журнал должен был выйти в 1788 г., о чем появилось объявление, но правительство запретило это издание.

Стр. 542. *Вольные типографии.* — Указом 1783 г. Екатерина разрешила частным лицам заводить типографии.

Стр. 553. *Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют...* — резкий выпад Фонвизина против запрещения Комиссии, где депутаты, вырабатывая новое законодательство, великоленно «дар красноречия показывали».

— *Но между неисчислимыми благами... и установление Российской Академии.* — Рассуждение Фонвизина о благодарности Екатерине за открытие в 1783 г. Российской Академии (учреждения, специально предназначавшегося для разработки вопросов русского языка и составления словаря) носит издательский характер. Строкой выше Фонвизин записал, что русских лишили права иметь народное собрание, в котором могли бы они «рассуждать о законе и податях», «судить поведения министров». Лишленным этого важнейшего политического права русским взамен высочайше разрешено было заседать в Российской Академии, обсуждая всего лишь проблемы составления словаря.

Стр. 555. *...продавать людей на службу отечеству...* — обличение незаконной помещичьей практики продавать крепостных в рекруты. Одна из важнейших тем русской сатирической литературы. Об этом писал в «Грутне» Новиков и с особой силой Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Городня»).

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ДЕЛАХ МОИХ И ПОМЫШЛЕНИЯХ

Неоконченное сочинение Фонвизина, писавшееся в последние годы жизни (1789—1792). Впервые с сокращениями было опубликовано в «Санкт-Петербургском журнале» за 1793 г. Полная публикация была осуществлена в 1830 г. в собрании сочинений Фонвизина. Повествование свое Фонвизин начинает с полемики, направленной против книги Руссо «Исповедь», вышедшей во Франции в 1781—1782 гг. Это сочинение писателя-демократа, подводившее итог его литературной деятельности, было в то же время боевым манифестом нового течения в искусстве — сентиментализма. В основе этого передового антифеодального искусства лежала идея защиты личности, протест против феодальной сословности. Из центральной философской формулы Руссо — «человек велик своим чувством» — и выросла «Исповедь». Руссо писал о себе, о своей душе, о своей частной жизни, утверждая, что его духовные богатства дают ему право на всеобщее внимание. Фонвизин, не разделяя эстетики сентиментализма и не соглашаясь с его философией «частного человека», равнодушного к объективному миру и занятого только собой, задумывая свое автобиографическое произведение, строит его полемически по отношению к Руссо. Поэтому не жизнь сердца, не чувство неповторимой индивидуальности предмет изображения Фонвизина, а объективный мир, реальная русская действительность, частью которой является жизнь мальчика и юноши Фонвизина. При этом объективный мир изображается писателем сатирически. Это сочинение в какой-то мере эстетически соотносится с работой Радищева «Житие Ф. В. Ушакова», писавшейся одновременно (см. об этом во вступительной статье и в примечаниях к Радищеву).

Стр. 566. *...любил отменно древнюю и римскую историю.* — Речь идет о книгах: «Древняя история» (10 томов) и «Римская история» (16 томов) Ролена в переводе В. Тредиаковского, «Цицероновы мнения» в переводе Шишкина.

Стр. 569. *...мне жаль стало бедного Иосифа* — герой одного из рассказов Библии, Иосиф Прекрасный. В 1769 г. Фонвизин переводит прозой стихотворную поэму Битобе «Иосиф».

— *...в университет, как скоро он учрежден стал.* — Первый русский университет был открыт в Москве в 1755 г. Фонвизин вместе с братом Павлом поступил в гимназию в немецкий класс, который готовил для поступления в университет.

Стр. 570. *В университете был тогда книгопродавец...* — Университетского книгопродавца звали Людвиг Вевер. Как свидетельствуют архивные документы, с ним имел деловые отношения не только Фонвизин, но и Николай Новиков, соученик Фонвизина.

Стр. 573. *...директор представил нас куратору.* — Директором в годы 1757—1763 был И. И. Мелессино; куратором — основатель университета И. И. Шувалов, фаворит Елизаветы Петровны.

— *Генрих и Пернилла* — комедия Гольберга, впервые поставленная в Петербурге в 1760 г.

Стр. 574. «Жизнь Сифа» — полное название сочинения Ж. Терассона таково: «Геройская добродетель или жизнь Сифа, царя египетского». В 1762 г. Фонвизин издал первую часть, в 1763 — вторую, в 1764 — третью и, наконец, в 1768 г. — четвертую.

— ...тогдашний вице-канцлер... — помощник начальника коллегии иностранных дел князь А. И. Голицын; канцлер — начальник коллегии иностранных дел граф М. Л. Воронцов; кабинет-министр — начальник «кабинета при собственных ее императорского величества делах у принятия челобитен» — И. П. Елагин, придворный, руководитель театра, драматург. Фонвизин служил у Елагина в 1763 г. секретарем.

Стр. 575. ...человек давно ему знакомый... — секретарь Елагина, драматург В. Лукин.

— ...вступил я в тесную дружбу с одним князем... — князем Федором Козловским, поэтом, бывшим воспитанником гимназии при Московском университете. В кружке Козловского в это время были Новиков, Майков и другие писатели.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. П. Макогоненко. Русская проза XVIII века	III
---	-----

ПРОЗА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Проза петровской эпохи. <i>Статья А. В. Западова</i>	3
«Ведомости»	11
ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ. Из «Слова похвального о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими июля 27 дня [1720 года] полученной».	17
История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии флоренской земли	22

М. В. ЛОМОНОСОВ (1711 — 1765)

М. В. Ломоносов. <i>Статья А. В. Западова</i>	41
Из «Слова о пользе химии»	43
Из «Краткого описания разных путешествий по Северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию»	46
Письмо И. И. Шувалову 10 мая 1753 г.	57
Письмо И. И. Шувалову 26 июля 1753 г.	59

А. П. СУМАРОКОВ (1718 — 1777)

А. П. Сумароков. <i>Статья А. В. Западова</i>	63
Письмо о некоторой заразительной болезни	65
О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей.	67
Сон «Счастливое общество»	70
О домостроительстве	74

М. Д. ЧУЛКОВ (1734 — 1792)

М. Д. Чулков. <i>Статья А. В. Западова</i>	79
Из сборника «Пересмешник или славенские сказки»	89
Пригожая повариха или похождение развратной женщины	157

**РЕЧИ ДЕПУТАТОВ КОМИССИИ
МАНИФЕСТЫ ПУГАЧЕВА**

Народная публицистика XVIII века. <i>Статья Г. П. Макогоненко</i>	495
Мнение депутата Коробьина	209
Мнение депутата Жеребцова	215
Мнение депутата Коробьина	218
Мнение депутата Козельского	228
Мнение депутата Чушрова	237
Мнение депутата Маслова	241
Именные указы и манифесты Пугачева	245
Именные повеления Пугачева	255
Указы Военной Коллегии Пугачева	258
Воззвания и увещевания пугачевских полковников	264
Приказы и наставления уральским заводам	268

Н. И. НОВИКОВ (1744 — 1818)

Н. И. Новиков. <i>Статья Г. П. Макогоненко</i>	275
Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г.	291
Живописец. Третье издание. 1775 г.	
Часть I	322
Часть II	385

Д. И. ФОНВИЗИН (1745 — 1792)

Д. И. Фонвизин. <i>Статья Г. П. Макогоненко</i>	451
Письма из Франции	465
Всеобщая придворная грамматика	519
Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание	523
К г. сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов	527
Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления и от того о зыблом состоянии как империи, так и самих государей	529
Друг честных людей или Стародум	540
Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях	565
Примечания	585

*Редакторы И. П. Лапицкий
и Р. С. Софронова
Художник С. В. Андриевич
Технический редактор
Л. А. Чалова
Корректор М. А. Михайлова*

Подписано к печати 14/IX 1950 г.
М-22554. Тираж 30.000 экз.
Бумага $60 \times 92^{1/16}$ = 20,25 бумажных листов — 40 печатных листов + 5 вклеек. Учетно-издат. листов 39,1. Заказ № 546.

2-я типография „Печатный Двор“ им. А. М. Горького
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.

